

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXXII.

1902.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4. (25-го марта 1902 года). *Объ утвержденіи штатовъ низшихъ ремесленныхъ школъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по проекту новыхъ штатовъ низшихъ ремесленныхъ школъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *графъ Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія по проекту новыхъ штатовъ низшихъ ремесленныхъ школъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ измѣненіе и дополненіе дѣйствующихъ о низшихъ ремесленныхъ школахъ узаконеній постановить:

1) завѣдующіе школами избираются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ училищахъ техническихъ, либо ремесленныхъ съ пятилѣтнимъ курсомъ (ст. 1823 уст. уч. зав., изд. 1893 г.), или же имѣющихъ званіе учителя уѣзднаго или городскаго училища.

2) Мастера-техники избираются изъ лицъ, окончившихъ курсъ ре-

месленнаго училища (Выс. утв., 26 іюня 1889 г., мн. гос. сов.; собр. узак., ст. 848) съ званіемъ мастера и практически занимавшихся спеціальностью, которую они должны преподавать въ школѣ не менѣе пяти лѣтъ.

3) Завѣдующіе школами и мастера-техники утверждаются въ должностяхъ попечителемъ учебнаго округа.

4) Пенсія назначается: завѣдующему школою—изъ оклада въ 540 р., а мастеру-технику—изъ оклада въ 420 р.

5) Мастера и мастера-техники, за отлично-усердную службу въ своихъ должностяхъ въ теченіе десяти лѣтъ, удостоиваются причисленія лично къ почетному гражданству (если по происхожденію своему не имѣютъ высшихъ правъ), безъ взиманія установленной за свидѣтельство на это званіе пошлины.

II. Проектъ штатовъ низшихъ ремесленныхъ школъ представить къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію и, по воспослѣдованіи онаго, ввести въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1902 года.

III. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на содержаніе низшихъ ремесленныхъ школъ, въ дополненіе къ отпускаемымъ на этотъ предметъ суммамъ: въ 1902 г.—*пятьдесятъ пять тысячъ двѣсти тридцать пять* рублей, въ 1903 г.—*сто двѣнадцать тысячъ шестьсотъ десять* рублей и, начиная съ 1904 г., по *сто четырнадцать тысячъ семьсотъ пятьдесятъ* рублей ежегодно.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано „**Быть по сему**“.

Въ С.-Петербургѣ.
25-го марта 1902 года.

ШТАТЫ

НИЗШИХЪ РЕМЕСЛЕННЫХЪ ШКОЛЪ.

I. Школа съ однимъ отдѣленіемъ на 40—60 учащихся.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Рубли.	Классы и разряды. По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
Завѣдующій школою (онъ же руководитель работъ)	1	600	IX	IX	По учебной службѣ.
Ему добавочныхъ за уроки	—	420			
За преподаваніе Закона Божія	—	150			
— — русскаго языка и ариѳметики	—	150			
Мастеръ	1	600			
На хозяйственные расходы	—	500			
— учебныя пособія и библіотеку	—	150			
— пріобрѣтеніе и ремонтъ орудій, станковъ и инструментовъ и на пріобрѣтеніе матеріаловъ для обученія	—	600			
На врачебную помощь ученикамъ	—	80			
Итого	—	3.250			

II. Школа съ двумя отдѣленіями на 60—80 учащихся.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.	Классы и разряды.		
		Рубли.	По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
Завѣдующій школою (онъ же руководитель работъ одного отдѣленія). . . .	1	700	IX	IX	По учебной службѣ.
Ему добавочныхъ за уроки.	—	420			
Мастеръ-техникъ, руководитель работъ другого отдѣленія (онъ же помощникъ завѣдующаго школою)	1	500			
Ему добавочныхъ за уроки.	—	310			
За преподаваніе Закона Божія. . . .	—	150			
" " русскаго языка и ариѳметики	—	300			
Подмастерья.	—	600			
На хозяйственные расходы.	—	600			
" учебныя пособія и библіотеку . . .	—	200			
" пріобрѣтеніе и ремонтъ орудій, станковъ и инструментовъ и на пріобрѣтеніе матеріаловъ для обученія . . .	—	800			
На врачебную помощь ученикамъ. . .	—	90			
Итого.	—	4.670			

III. Школа съ тремя отдѣленіями на 80—100 учащихся.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Рубли.	Классы и разряды. По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
Завѣдующій школою (онъ же руководитель работъ одного отдѣленія) . . .	1	760	IX	IX	По учебной службѣ.
Ему добавочныхъ за уроки	—	420			
Мастеръ-техникъ, руководитель работъ втораго отдѣленія (онъ же помощникъ завѣдующаго школою)	1	500			
Ему добавочныхъ за уроки	—	310			
Мастеръ-техникъ, руководитель работъ третьяго отдѣленія	1	500			
Ему добавочныхъ за уроки	—	260			
За преподаваніе Закона Божія	—	200			
„ „ русскаго языка и ариѳметики	—	300			
Подмастерья	—	960			
На хозяйственные расходы	—	650			
„ учебныя пособія и библіотеку . . .	—	200			
„ пріобрѣтеніе и ремонтъ орудій, станковъ и инструментовъ и на пріобрѣтеніе матеріаловъ для обученія	—	900			
На врачебную помощь ученикамъ . . .	—	90			
Итого	—	6.050			

IV. Школа съ однимъ, двумя или тремя отдѣленіями, состоящая при среднемъ или низшемъ техническомъ училищѣ.

	Низшія ремесленныя школы.			Классы и разряды.		
	съ 1 отдѣленіемъ.	съ 2 отдѣленіями.	съ 3 отдѣленіями.	По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
	Рубли.					
Директору училища—добавочныхъ за завѣдываніе школою. . . .	200	250	300	По учебной службѣ.		
Руководителю работъ училища—добавочныхъ за общее руководство практическими занятіями въ школѣ	200	250	300			
За преподаваніе Закона Божія. .	100	150	200			
„ „ русскаго языка и ариѳметики	150	150	150			
Мастеръ-техникъ основнаго отдѣленія.	600	600	600			
Ему за преподаваніе спеціальныхъ предметовъ и графическихъ искусствъ.	420	420	420			
Мастеръ-техникъ втораго отдѣленія.	—	500	500			
Ему за преподаваніе техники ремесла и графическихъ искусствъ.	—	310	310			
Мастеръ-техникъ третьяго отдѣленія.	—	—	500			
Ему за преподаваніе техники ремесла и графическихъ искусствъ.	—	—	260			
На учебныя пособія и хозяйственные расходы.	100	150	200			
На матеріалы и инструменты . .	200	400	500			
Итого. . .	1.970	3.180	4.240			

Примѣчанія:

1) Завѣдующіе школами, мастера-техники, мастера и подмастерья пользуются квартирами въ натурѣ.

2) Для школы по кожевенному дѣлу съ однимъ отдѣленіемъ, сверхъ указанныхъ въ штатѣ I ассигнованій, назначается: 600 р. на вознагражденіе втораго мастера (при квартирѣ въ натурѣ) и 100 р. дополнительно на пріобрѣтеніе орудій и матеріаловъ для обученія.

3) Низшія ремесленныя школы, состоящія при ремесленныхъ училищахъ, учреждаются на основаніи соотвѣтственныхъ штатовъ для школъ, открываемыхъ самостоятельно (I—III).

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *графъ Сольскій.*

(Собр. узак. и расп. прав., 1902 г., № 50, ст. 547).

5. (29-го апрѣля 1902 года). *Объ учрежденіи должностей завѣдывающихъ общежитіями для студентовъ Императорскихъ университетовъ и института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи должностей завѣдывающихъ общежитіями для студентовъ Императорскихъ университетовъ и института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *графъ Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи должностей завѣдывающихъ общежитіями для студентовъ Императорскихъ университетовъ и института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, *мнѣніемъ положилъ:*

1. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

I. При общежитіяхъ студентовъ при Императорскихъ Россійскихъ университетахъ, коллегіи Императора Александра II (при С.-Петербургскомъ университетѣ) и общежитіи при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи учреждаются должности завѣ-

дывающихъ общежитіями, съ присвоеніемъ имъ VI класса по должности, VI разряда по шитью на мундирѣ, правъ на пенсію по учебной службѣ и оклада содержанія въ 1.500 рублей въ годъ каждому (въ томъ числѣ 750 руб. жалованья и 750 руб. столовыхъ), при квартирѣ въ натурѣ.

2. Завѣдывающіе общежитіями назначаются преимущественно изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе.

II. Вызываемый учрежденіемъ должностей завѣдывающихъ общежитіями при Императорскихъ Россійскихъ университетахъ (въ томъ числѣ и коллегіею Императора Александра II) расходъ отнести на общій кредитъ, назначаемый на содержаніе инспекціи въ университетахъ по Высочайше утвержденному, 23 августа 1884 года, временному штату университетовъ (собр. узак. ст. 713).

III. Отпускать съ 1903 года изъ государственнаго казначейства на содержаніе должности завѣдывающаго общежитіемъ студентовъ при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи по *одной тысячѣ пятисотъ* рублей въ годъ, въ текущемъ же году расходъ этотъ покрыть на счетъ предвидимыхъ по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія остатковъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ председателями и членами.

(*Тамъ же*, № 55, ст. 573).

6. (29-го апрѣля 1902 года). *О попечительствахъ при низшихъ ремесленныхъ школахъ Варшавскаго учебнаго округа.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о попечительствахъ при низшихъ ремесленныхъ школахъ Варшавскаго учебнаго округа, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *графъ Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о попечительствахъ при низшихъ ремесленныхъ школахъ Варшавскаго учебнаго округа, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить нижеслѣдующія правила объ учрежденіи попечительствъ при низшихъ ремесленныхъ школахъ Варшавскаго учебнаго округа:

1) При каждой ремесленной школѣ можетъ быть учреждаема должность почетнаго смотрителя.

2) Почетные смотрители низшихъ ремесленныхъ школъ, пока состоятъ въ сей должности, считаются заурядъ въ IX классѣ, если не имѣютъ высшаго чина. Тѣмъ изъ сихъ лицъ, которыя не имѣютъ права на поступленіе въ государственную службу, присвоивается лишь мундиръ соотвѣтствующаго класса. Относительно порядка опредѣленія на эти должности, а также правъ и обязанностей занимающихъ оныя лицъ, соблюдаются правила, изложенныя въ ст. 1848 уст. уч. зав. (св. зак. т. XI, ч. I, 1893 г).

3) Для обсужденія вопросовъ, относящихся до лучшей постановки каждой низшей ремесленной школы, и для совокупнаго наблюденія за сохранностью матеріальной части учебнаго заведенія, если оно содержится на совмѣстныя средства казны, обществъ и частныхъ лицъ, или безъ пособія отъ казны, при ней можетъ быть учрежденъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, попечительный совѣтъ.

4) Попечительные совѣты состоятъ подъ предсѣдательствомъ почетнаго смотрителя, изъ завѣдывающаго школою, законоучителя и трехъ членовъ: одного, назначаемаго отъ правительства, и двухъ преимущественно изъ представителей мѣстныхъ обществъ, воспособляющихъ казнѣ по содержанію школы.

5) Съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, по ходатайству учредителей отдѣльныхъ школъ, членами попечительныхъ совѣтовъ, вмѣсто выборныхъ, могутъ быть назначаемы лица, занимающія опредѣленныя сословныя или общественныя должности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда школа содержится сполна или большею частью на средства частнаго лица, послѣднему предоставляется право представлять кандидатовъ въ члены попечительнаго совѣта.

6) Члены попечительныхъ совѣтовъ утверждаются въ семъ званіи попечителемъ учебнаго округа по представленію начальника учебной дирекціи.

7) Служба членовъ попечительныхъ совѣтовъ отъ правительства, а также избираемыхъ обществами и сословіями, ограничивается трехлѣтнимъ срокомъ.

8) Засѣданія попечительнаго совѣта назначаются по мѣрѣ надобности, по усмотрѣнію предсѣдателя. Заключенія попечительнаго совѣта составляются по большинству голосовъ всѣхъ участвующихъ въ засѣданіи членовъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Въ случаѣ разногласія, послѣдовавшія по возбудившему оное вопросу разныя мнѣнія, если оставшіеся въ меньшинствѣ члены того пожелаютъ, представляются начальнику учебной дирекціи, который постановляетъ по такому вопросу окончательное рѣшеніе.

9) Къ обязанностямъ попечительныхъ совѣтовъ относятся: а) составленіе, въ видахъ содѣйствія успѣшному пріобрѣтенію учениками познаній по предметамъ ремесленнаго образованія, учебныхъ коллекцій по спеціальнымъ предметамъ преподаванія и, въ особенности, мѣстныхъ матеріаловъ и произведеній, а также пополненіе библіотекъ и учебныхъ пособій; б) попеченіе объ изысканіи способовъ къ увеличенію денежныхъ и матеріальныхъ средствъ школы; в) попеченіе о доставленіи учащимся возможности посѣщать окрестные фабрики и заводы; г) изысканіе средствъ къ устройству общихъ ученическихъ квартиръ и къ вспоможенію бѣднѣйшимъ ученикамъ; д) содѣйствіе опредѣленію окончившихъ курсъ къ занятіямъ, соотвѣтствующимъ ихъ подготовкѣ; е) наблюденіе за исправностью и сохранностью матеріальной части учебнаго заведенія и ежегодная повѣрка его имущества по инвентарямъ и матеріальнымъ книгамъ; ж) предварительное разсмотрѣніе годовыхъ смѣтъ и отчетовъ о доходахъ и расходахъ училища и представленіе по онымъ заключенія учебному начальству, и з) составленіе по хозяйственной части правилъ и инструкцій.

10) Члены попечительныхъ совѣтовъ могутъ посѣщать школу во всякое время. Не дѣлая собственною властью никакихъ распоряженій, они доводятъ о всемъ замѣченномъ до свѣдѣнія училищнаго начальства.

11) Общее наблюденіе за ходомъ дѣлъ въ попечительныхъ совѣтахъ лежитъ на начальникахъ учебныхъ дирекцій. Они имѣютъ право присутствовать въ засѣданіяхъ попечительныхъ совѣтовъ всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ школъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Тамъ же*, ст. 574).

7. (29-го апрѣля 1902 года). *Объ отнесеніи расходовъ по содержанію при учительскихъ семинаріяхъ и школахъ двухклассныхъ училищъ на счетъ кредитовъ, ассигнуемыхъ на общія потребности начальнаго народнаго образованія.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли государственнаго совѣта, объ отнесеніи расходовъ по содержанію при учительскихъ семинаріяхъ и школахъ двухклассныхъ училищъ на счетъ кредитовъ, ассигнуемыхъ на общія потребности начальнаго народнаго образованія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *графъ Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ отнесеніи расходовъ по содержанію при учительскихъ семинаріяхъ и школахъ двухклассныхъ училищъ на счетъ кредитовъ, ассигнуемыхъ на общія потребности начальнаго народнаго образованія, *мнѣніемъ положилъ:*

Расходы, вызываемые учрежденіемъ при учительскихъ семинаріяхъ и школахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія двухклассныхъ начальныхъ училищъ, взамѣнъ одноклассныхъ, относить на кредиты, ассигнуемые по смѣтамъ названнаго вѣдомства на общія потребности начальнаго народнаго образованія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

(Тамъ же, № 68, ст. 652).

8. (27-го мая 1902 года). *Объ учрежденіи при Бакинскомъ техническомъ училищѣ должности инспектора.*

Его Императорскаго Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Бакинскомъ техническомъ училищѣ должности инспектора, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Бакинскомъ техническомъ училищѣ должности инспектора, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1903 года, при Бакинскомъ низшемъ механико-и строительно-техническомъ училищѣ должность инспектора, съ присвоеніемъ ей VII класса по чинопроизводству, VII разряда по шитью на мундирѣ, права на пенсію по учебной службѣ и оклада содержанія въ 1.200 рублей въ годъ (въ томъ числѣ 720 руб. жалованья и 480 руб. столовыхъ).

II. Освободить съ того же срока (отд. I) преподавателя, исполняющаго въ названномъ училищѣ обязанности инспектора, а также завѣдывающаго учебною частью строительнаго въ немъ отдѣленія, отъ исполненія этихъ обязанностей.

III. На покрытіе вызываемаго учрежденіемъ указанной въ отдѣлѣ I должности расхода: а) обратить добавочное вознагражденіе, производимое, согласно штату низшихъ техническихъ училищъ (собр. указ. 1889 г., ст. 848, штатъ № XIV), упомянутымъ въ отдѣлѣ II лицамъ, и б) ассигновать изъ государственнаго казначейства въ 1903 г.— *триста* рублей, а начиная съ 1904 года—по *шестисотъ* рублей въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членамя.

(*Тамъ же*, № 69, ст. 695).

9. (27-го мая 1902 года). *Объ измѣненіи ст. 12 положенія объ Императорскомъ лицеѣ въ память Цесаревича Николая.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи ст. 12 положенія объ Императорскомъ лицеѣ въ память Цесаревича Николая, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнато совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе мини-

стерства народнаго просвѣщенія объ измѣненіи ст. 12 положенія объ Императорскомъ лицеѣ въ память Цесаревича Николая, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Въ почетные члены Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая могутъ быть избираемы совѣтомъ онаго пожизненно лица, оказавшія сему учрежденію услуги, или сдѣлавшія въ его пользу значительныя пожертвованія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Тамъ же*, ст. 698).

10. (27-го мая 1902 года). *О преподаваніи ручнаго труда въ Александровскомъ Тифлисскомъ учительскомъ институтѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преподаваніи ручнаго труда въ Александровскомъ Тифлисскомъ учительскомъ институтѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преподаваніи ручнаго труда въ Александровскомъ Тифлисскомъ учительскомъ институтѣ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Должности преподавателя ручнаго труда при Александровскомъ Тифлисскомъ учительскомъ институтѣ присвоить, съ 1 января 1903 года, всѣ права и преимущества, предоставленныя другимъ преподавателямъ того же института.

II. Учредить съ того же срока (отд. I) при названномъ институтѣ новую должность помощника преподавателя ручнаго труда, съ присвоеніемъ ей IX класса по чинопроизводству, IX разряда по шитью на мундирѣ, оклада содержанія въ 1.050 р. въ годъ и пенсіи по учебной службѣ, наравнѣ съ преподавателями спеціальныхъ предметовъ въ ремесленныхъ училищахъ (ст. 373 уст. пенс., свод. зак., т. III, изд. 1896 г.).

III. Отпускать изъ государственнаго казначейства съ 1 января 1903 года: а) на покрытіе вызываемаго означенными въ отдѣлахъ I и II мѣрами новаго расхода по *одной тысячѣ двѣсти* рублей въ годъ, и б) на пріобрѣтеніе матеріаловъ и инструментовъ для занятій ручнымъ трудомъ при упомянутомъ въ отдѣлѣ I институтѣ, въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ на эту надобность 400 рублямъ, по *восьмисотъ* рублей въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Тамъ же*, ст. 699).

11. (27-го мая 1902 года). *О предоставленіи ученикамъ Варшавской низшей школы садоводства, при казенномъ помологическомъ садѣ, льготы втораго разряда по отбыванію воинской повинности.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи ученикамъ Варшавской низшей школы садоводства, при казенномъ помологическомъ садѣ, льготы втораго разряда по отбыванію воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о предоставленіи ученикамъ Варшавской низшей школы садоводства, при казенномъ помологическомъ садѣ, льготы втораго разряда по отбыванію воинской повинности, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Лица, окончившія курсъ въ Варшавской низшей школѣ садоводства, при казенномъ помологическомъ садѣ, равно какъ и не окончившія въ ней курса, но выдержавшія вступительное въ школу испытаніе изъ курса двухклассныхъ сельскихъ училищъ, пользуются по отбыванію воинской повинности правомъ на льготу втораго разряда.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Тамъ же*, ст. 700).

12. (27-го мая 1902 года). *Объ утвержденіи штата клиникъ Императорскаго Томскаго университета.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ утвержденіи штата клиникъ Императорскаго Томскаго университета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ утвержденіи штата клиникъ Императорскаго Томскаго университета, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Проектъ штата клиникъ Императорскаго Томскаго университета представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе, и по воспослѣдованіи онаго,—ввести въ дѣйствіе съ 1-го января 1903 года.

II. Съ того же срока (отд. I) упразднить положенныя по Высочайше утвержденному, 25-го мая 1888 г., временному штату Императорскаго Томскаго университета (собр. узак., ст. 495) должности: двухъ ассистентовъ, шести ординаторовъ факультетскихъ клиникъ, провизора, двухъ аптекарскихъ учениковъ, смотрителя клиникъ, восьми фельдшеровъ, фельдшерицы и повивальной бабки, а также исключить изъ означеннаго штата кредитъ въ 12.000 рублей на содержаніе факультетскихъ клиникъ и уменьшить на 2.650 руб. сумму, назначенную на содержаніе кабинетовъ, лабораторій и другихъ вспомогательныхъ учрежденій.

III. На содержаніе клиникъ Императорскаго Томскаго университета отпускать, съ 1903 г., изъ государственнаго казначейства по *восемьдесятъ двѣ тысячи семисотъ тринадцати* рублей ежегодно, въ дополненіе къ 23.850 руб., освобождающимся изъ кредита, ассигнуемаго на содержаніе названнаго университета, вслѣдствіе указанныхъ въ отдѣлѣ II измѣненій въ его штатѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: **„Быть по сему“.**

Въ Петергофѣ
27-го мая 1902 года.

ШТАТЪ

клиникъ Императорскаго Томскаго университета.

	Число чиновъ.	Содержаніе въ годъ. ОДНОМУ. Рубли. Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.	Классы и разряды. По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
I. Личный составъ.								
1) По учебной части.								
Ассистенты	5	800	200	200	6.000	VII	VII	По медиц. полож.
Ординаторы	7	480	120	нат.	4.200	VIII	VIII	По медиц. полож.
	7	480	120	200	5.600			
Лаборанты.	7	650	150	—	5.600	VIII	VIII	По учеб. службѣ.
2) По хозяйственной части, управленію и дѣлопроизводству.								
а) по общему управленію:								
Смотритель клиникъ . .	1	600	200	нат.	800	X	X	VIII
Помощникъ экзекутора .	1	400	200	нат.	600	XII	X	VIII
Помощникъ бухгалтера .	1	300	200	100	600	X	X	VIII
Письмоводитель. . . .	1	360	—	—	360			
Кастелянша	1	500	—	нат.	500			
Помощница кастелянши (она же буфетчица) .	1	240	—	нат.	240			
б) При клиническихъ учрежденіяхъ:								
Провизоръ.	1	650	150	—	800	X	X	По медиц. полож.
Помощникъ провизора .	1	500	—	нат.	500	XII	X	По медиц. полож.

Аптекарскіе ученики или ученицы.	3	250	—	нат.	750		
Фельдшера и фельдшерицы	13	240	—	120	4.680		
Повивальныя бабки въ акушерской клиникѣ:							
Старшая	1	600	—		600		
Младшая	1	240	—		240		
Надзирательницы (старшія сидѣлки клиникъ).	7	300	—	натурою.	2.100		
Сидѣлки	40	150	—		6.000		
II. Учебно-вспомогательныя установленія и хозяйственные расходы.							
Содержаніе кабинетовъ (учебныя пособія) . .	—	—	—	—	5.000		
Медикаменты, перевязочныя и дезинфекціонныя средства для приходящихъ больныхъ	—	—	—	—	2.800		
Содержаніе клинической церкви	—	—	—	—	850		
Канцелярскіе расходы .	—	—	—	—	600		
Наемъ служителей. . .	—	—	—	—	11.410		
Содержаніе больныхъ .	—	—	—	—	21.000		
Отопленіе, освѣщеніе и водоснабженіе	—	—	—	—	8.322		
Ремонтъ и содержаніе въ чистотѣ зданій, удаленіе нечистотъ и проч.	—	—	—	—	16.411		
Итого	—	—	—	—	106.563		

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

(*Тамъ же*, ст. 704).

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(8-го іюня 1902 г., № 48). *Опредѣляется* на службу изъ отставныхъ, отставной ротмистръ князь *Мурузи*—помощникомъ управляющаго дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, съ переименованіемъ его въ коллежскіе ассесоры.

Назначается приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ ботаники, коллежскій секретарь *Арнольди*—адъюнктъ-профессоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, по ботаникѣ, съ 1-го марта.

(15-го іюня 1902 г., № 50). *Назначается* приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета магистръ славянской филологіи, надворный совѣтникъ *Погодинъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета, по каѳедрѣ славянской филологіи, съ 1-го іюня.

Утверждается дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кондратьевъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Ахтырской гимназіи, согласно избранію, на три года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія старшій лѣсной ревизоръ казанской и симбирской губерній, надворный совѣтникъ *Дмитріевъ* — адъюнктъ-профессоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, по лѣсоустройству, лѣсной таксаціи и лѣсоуправленію, съ 1-го іюня.

Перемѣщается исправляющій должность экстраординарнаго профессора демидовскаго юридическаго лицея, магистръ уголовнаго права, коллежскій секретарь *Чубинскій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства, съ 1-го іюня.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ химіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вагнеръ*, съ 1-го іюня, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе исключаются изъ списковъ: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихомировъ*, съ 16-го мая; директоръ Рижской Императора Николая I гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сыроѣчков-*

скій и инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Оренбургскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Катаринскій*, оба съ 20-го мая.

По Московскому Публичному и Румянцевскому музеямъ. *Производятся* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники* хранитель отдѣленія рукописей и славянскихъ старинныхъ старопечатныхъ книгъ *Долговъ*—съ 11-го октября 1901 г; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники* младшій помощникъ библіотекаря музеевъ *Соколовъ*—съ 1-го марта 1902 года.

По Императорскому Россійскому историческому музею въ Москвѣ Имени Императора Александра III-го. *Производится* за выслугу лѣтъ изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, со старшинствомъ, смотритель и казначей музея *Піотровскій*—съ 1-го января 1902 года.

По Московскому учебному округу. *Производятся* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Рубановскій* — съ 27-го января 1902 года; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Сергіево-посадской мужской гимназіи *Грунау*—съ 1-го августа 1901 года; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Костромской, *Кустовъ* — съ 1-го ноября 1901 года и Московской, *Веригинъ*—съ 26-го октября 1901 г.; учители: гимназій: Смоленской, *Немыцкій*—съ 20-го августа 1901 г.; Ярославской, *Зауэръ*—съ 16-го января 1901 г., Московскаго Петропавловскаго училища *Зюссенгутъ*—съ 21-го октября 1901 г., реальныхъ училищъ: Александровскаго Смоленскаго, *Кнесъ*—съ 25-го ноября 1901 г., при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ: *Бергъ*—съ 1-го августа 1901 г. и *Швырковъ*—съ 4-го октября 1901 г.; надзиратель средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ *Нечаевъ*—съ 23-го декабря 1901 г.; учители женскихъ гимназій: Орловской Николаевской, *Маклашинъ* — съ 17-го октября 1901 г. и частной М. Б. Пуссель, *Грунеръ*—съ 8-го ноября 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учитель реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ, *Бажановъ*—съ 7-го января 1901 г.; воспитатель пансіона Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, *Костроминъ*—съ 4-го октября 1901 г.; учитель Вяземской Императора Александра III гимназіи Смоленскаго земства, *Яновскій*—съ 7 января 1902 г.; воспитатель пансіона при Орловской гимназіи, *Крюковъ*—съ 29-го сентября 1901 г.; учители: Рязанской

гимназіи, *Тереховъ* — съ 6-го іюля 1901 г.; Московскаго Петропавловскаго училища, *Зейцъ*—съ 23-го ноября 1901 г.; реальныхъ училищъ: Орловскаго Александровскаго, *Зейтцъ*—съ 4-го ноября 1901 г.; Смоленскаго Александровскаго, *Петрунинъ*—съ 5-го октября 1901 г., Тульскаго, *Эльмановичъ*—съ 1-го января 1902 г.; при реформатской церкви въ Москвѣ, *Сакулинъ*—съ 13-го августа 1901 г.; при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ, *Лебертъ*—съ 26-го октября 1901 г., Кологривскаго низшаго сельско-хозяйственно-техническаго училища, Костромской губерніи, имени Ѳ. В. Чижова, *Гусаровъ*—съ 31-го декабря 1900 г.; врачъ реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ, *Зандбергъ*—съ 25-го октября 1901 г.; старшій надзиратель Комисаровскаго техническаго училища, *Наумовъ*—съ 12-го ноября 1901 г.; учитель Петропавловской женской гимназіи въ Москвѣ *Миллеръ*—съ 16-го ноября 1901 г. и воспитатель Калужскаго дворянскаго пансіонъ-пріюта имени Императора Александра II *Знаменскій*—съ 13-го октября 1901 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники:* попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища: почетный членъ *Губонинъ*—съ 17-го января 1900 г. и членъ-соревнователь *Живаго* — съ 2-го января 1902 г.; лаборантъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, *Бочваръ*—съ 30-го октября 1901 г.; учители: гимназій: Калужской, *Глинскій*—съ 20-го марта 1901 г., Ярославской, *Климко*—съ 10-го ноября 1899 г.; Карачевской прогимназіи, *Грузиновъ*—съ 23-го октября 1900 г.; Скопинскаго реальнаго училища, *Россовъ*—съ 1-го августа 1901 г.; учительскихъ семинарій: Алферовской, *Поляниновъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; Новинской, *Корепановъ*—съ 1-го ноября 1901 г.; Рязанской Александровской, *Шумовъ*—съ 11-го декабря 1899 г.; Московской частной женской гимназіи В. П. Гельбигъ, *Моравскій*—съ 10-го февраля 1900 г., Ростовской Маріинской женской прогимназіи, *Космачевъ*—съ 19-го сентября 1901 г., Макарьевскаго ремесленнаго, Костромской губерніи, училища имени Ѳ. В. Чижова, *Реформатскій*—съ 13-го сентября 1900 г., Нижегородскаго Кулибинскаго ремесленнаго училища, *Макрушинъ*—съ 1-го января 1902 г., Тульскаго ремесленнаго училища, *Галкинъ*—съ 8-го декабря 1901 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Ливенскаго реальнаго училища *Лыковъ*—съ 1-го января 1902 г.; учителя городскихъ училищъ въ Москвѣ: Арбатскаго, *Горбуновъ*—съ 1-го іюля 1901 г., Солодовниковскаго, *Кадушновъ*—съ 1-го іюля 1901 г., Басманнаго, *Фекличевъ*—съ 1-го августа 1901 г.; учитель

Александровскаго въ г. Княгининѣ, Нижегородской губерніи, городского училища *Вознесенскій*—съ 5-го сентября 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры:* письмоводитель и бухгалтеръ общаго управленія промышленныхъ училищъ имени Ѳ. В. Чижова *Суворовъ*—съ 21-го марта 1902 г., младшій надзиратель Комисаровскаго техническаго училища *Макушинъ*—съ 1-го января 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Калужской гимназіи, *Покровскій*—съ 7-го декабря 1901 г., Московской 7-й гимназіи въ память Императора Александра III, *Іевлевъ-Ильинскій* (бывшій)—съ 1-го сентября 1899 г., Костромскаго реальнаго училища, *Полянскій-Жирковичъ*—съ 1-го ноября 1901 г.; учители: Макарьевскаго, Костромской губерніи, ремесленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова, *Лебедевъ*—съ 11-го марта 1902 г., Рогожскаго, въ Москвѣ, городского училища, *Купчеровъ*—съ 1-го августа 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* учитель-инспекторъ Макарьевскаго, Костромской губерніи, городского училища, *Герасимовъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Лотоцкій*—съ 3-го іюня 1901 г.; учители городскихъ училищъ: Рузскаго, *Крыловъ*—съ 1-го іюля 1899 г., Вышневолоцкаго, *Абросимовъ*—съ 29-го октября 1899 г., Ярославскаго, *Хрѣновъ*—съ 1-го сентября 1899 г.; помощники учителя городскихъ училищъ: Бронницкаго, *Стрежневъ*—съ 18-го декабря 1901 г. и Тверскаго, *Лебедевъ*—съ 6-го ноября 1901 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* письмоводитель Орловской прогимназіи, *Михайловскій*—съ 8-го декабря 1901 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Московскаго промышленнаго училища *Маликовъ*—съ 12-го сентября 1897 г.; помощникъ учителя Солодовниковскаго въ Москвѣ городского училища *Рыкуновъ*—съ 19-го декабря 1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* Императорскаго Московскаго техническаго училища: помощникъ дѣлопроизводителя *Любимовъ*—съ 1-го января 1902 г. и помощникъ бухгалтера *Кречетовъ*—съ 1-го января 1902 г.; учители: Пучежскаго приходскаго училища (завѣдывающій), *Магницкій*—съ 1-го января 1901 г., городскихъ училищъ: Басманнаго въ Москвѣ, *Ачуевъ*—съ 30-го ноября 1899 г., Рогожскаго въ Москвѣ, *Гороховъ*—съ 15-го октября 1899 г.; Солодовниковскаго въ Москвѣ, *Захаровъ*—съ 15-го августа 1899 г., начальнаго Низковскаго, Нижегородской губерніи, училища, *Миньковъ*—съ 5-го января 1899 г.; помощникъ учителя Осташковскаго городского училища *Поляковъ*—съ 3-го декабря 1896 г. и учитель Кашинскаго

городского приходскаго училища *Соколовъ*—съ 2-го января 1892 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* почетный смотритель Бронницкаго, Московской губерніи, городского училища *Зиминъ*—съ 16-го іюня 1901 г.; учители приходскихъ училищъ: Кромскаго, *Парнасскій*—съ 10-го іюня 1900 г., 1-го Болховскаго, *Ивановъ*—съ 15-го августа 1901 г. и Ростовскаго, *Пыряевъ*—съ 12-го ноября 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, инспекторъ народныхъ училищъ Калужской губерніи, надворный совѣтникъ *Павлиновъ*—съ 1-го января 1898 г.; *коллежскаго ассесора*: лаборантъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, *Киришъ*—съ 9-го ноября 1901 г.; учители: гимназій: Коломенской, *Бритманъ*—съ 10-го декабря 1897 г., Орловской, *Колесниковъ*—съ 16-го октября 1897 г., Александровской Серпуховской, *Всеволодовъ*—съ 16-го сентября 1897 г., реальныхъ училищъ: Тульскаго, *Покровскій*—съ 4-го октября 1897 г., частнаго Воскресенскаго въ Москвѣ, *Сливицкій*—съ 31-го декабря 1897 г., Костромскаго средняго механико-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова, *Брюхановъ*—съ 28-го августа 1897 г. и Смоленской Маріинской женской гимназіи, губернскій секретарь *Николаевъ*—съ 15-го августа 1897 г.; *титулярнаго совѣтника* врачъ Костромской гимназіи, *Бискупскій*—съ 15-го ноября 1897 г., по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Серпуховской Александровской, *Бѣляевъ*—съ 1-го сентября 1891 г., Орловской, *Соколовъ*—съ 24-го сентября 1897 г., Шуйской, губернскій секретарь *Папарукинъ*—съ 7-го сентября 1897 г., частнаго реальнаго училища Воскресенскаго въ Москвѣ, *Ивановъ*—съ 3-го февраля 1898 г., Ржевской прогимназіи, *Абрамовъ*—съ 30-го октября 1897 г.; учители городскихъ училищъ: при Московскомъ учительскомъ институтѣ, *Домбровскій*—съ 19-го августа 1897 г., Жиздринскаго Михайловскаго, *Ефимовъ*—съ 19-го августа 1897 г., Галичскаго, *Корженевскій*—съ 19-го августа 1897 г., Буйскаго, *Москачевъ*—съ 19-го августа 1897 г., 3-го Московскаго, *Тимофеевичевъ*—съ 21-го августа 1897 г., Елецкаго, *Борисовъ*—(сверхштатный) съ 1-го февраля 1897 г., Сапожковскаго, *Макаровъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Гжатскаго, *Токаревъ*—съ 1-го января 1893 г., Зубцовскаго, *Никольскій*—съ 1-го января 1898 г. и Епифанскаго, *Юдинскій*—съ 19-го августа 1897 г.; *коллежскаго регистратора*: домашніе учители: *Красильниковъ* — съ 13-го января 1902 г. и *Яковлевъ* — съ 1-го декабря 1891 г.

По Одесскому учебному округу. *Производятся* за выслугу лѣтъ,

со старшинствомъ изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учители: Бахмутской гимназіи, *Шведеръ*—съ 9-го марта 1900 г., Николаевскаго реальнаго училища, *Денисчукъ*—съ 1-го октября 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учители: Кишиневской 2-й гимназіи *Инглези*—съ 23-го іюля 1901 г., Одесской женской гимназіи Пашковской, *Ровняковъ*—съ 2-го февраля 1901 г., Бахмутской гимназіи, *Саличко*—съ 30-го марта 1902 г. и врачъ Байрамчской учительской семинаріи *Бондаровскій*—съ 7 марта 1902 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники*: учители гимназій: Болградской, *Иванченко*—съ 27-го октября 1900 г., Керченской, *Марти*—съ 10-го іюня 1901 г., Кишиневской 1-й, *Маланецкій*—съ 3-го января 1902 г., Болградской женской, *Лунинъ*—съ 28-го іюня 1901 г.; учители-инспекторы: Одесской школы ремесленныхъ учениковъ, *Бибиковъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Верхнеднѣпровскаго городскаго трехкласснаго училища, *Романовскій*—съ 1-го августа 1901 г.; врачи: приходскихъ училищъ Одесскаго градоначальства, *Шполянскій*—съ 7-го ноября 1889 г., Одесскаго 2-го еврейскаго начальнаго училища, *Моргуліесъ*—съ 25-го іюля 1901 г.; учители: Одесской 1-й женской гимназіи, *Гориковъ*—съ 7-го марта 1902 г., Измаильскаго городскаго четырехкласснаго училища, *Поляковъ* (онъ же Борисовъ)—съ 1-го августа 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Симферопольской гимназіи *Шаповаленко*—съ 1-го февраля 1902 г.; наставникъ Ѳеодосійскаго учительскаго института *Бѣлый*—съ 18-го ноября 1900 г.; учитель-инспекторъ Ялтинскаго городскаго трехкласснаго училища *Неклюковъ*—съ 20-го августа 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: учители-инспекторы городскихъ училищъ: Александровскаго трехкласснаго, *Петровскій*—съ 13-го апрѣля 1902 г., Килійскаго трехкласснаго, *Свѣтенко*—съ 1-го августа 1901 г.; врачи городскихъ училищъ: Екатеринославскаго шестикласснаго, *Витлинъ*—съ 1-го августа 1900 г.; Херсонскаго пятикласснаго, *Аршавскій*—съ 14-го февраля 1900 г., Екатеринославскаго 1-го трехкласснаго, *Збандутовъ*—съ 21 апрѣля 1898 г.; учители: Бахмутскаго ремесленнаго училища, *Мазуринъ*—съ 7-го октября 1899 г., Екатеринославскаго городскаго шестикласснаго, *Титаренко*—съ 1-го августа 1901 г.; домашній учитель *Замъ*—съ 30-го іюля 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощники классныхъ наставниковъ: Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища, *Саликовскій*—съ 14-го декабря 1900 г., Одесской Ришильевской гимназіи, *Краузе*—съ 20-го сентября 1900 г.; письмоводитель Павло-

градской гимназіи *Абаза*—съ 23-го марта 1902 г.; сверхштатные учители городскихъ училищъ: Ѳеодосійскаго шестикласснаго, *Гершилевичъ*—съ 15-го августа 1900 г., Симферопольскаго пятикласснаго, *Молодцовъ*—съ 1-го августа 1899 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: почетный смотритель Бобринецкаго городскаго трехкласснаго училища *Деревянкинъ*—съ 22-го декабря 1899 г.; учители: Кишиневскаго 1-го городскаго трехклассного училища, *Крамаренко*—съ 1-го іюля 1900 г., приготовительнаго класса Евпаторійской прогимназіи, *Скульскій*—съ 4-го іюля 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учитель Бобринецкаго Рущинскаго городскаго приходскаго училища *Ганчо*—съ 15-го іюля 1899 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: почетный смотритель Николаевскаго городскаго шестикласснаго училища *Властелица*—съ 13-го октября 1899 г.; письмоводитель Севастопольскаго реальнаго училища *Ивановскій*—съ 1-го сентября 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: учители: Кишиневской 1-й гимназіи, *Пизоли*—съ 1-го октября 1895 г., Аккерманской прогимназіи, *Малюга*—съ 15-го апрѣля 1898 г., Симферопольскаго реальнаго училища, *Форнэ*—съ 26-го марта 1890 г., Евпаторійской женской гимназіи, *Ламбровъ*—съ 11-го марта 1898 г.; *титулярнаго совѣтника*: врачи: Бобринецкаго городскаго трехкласснаго училища, *Константиновскій*—съ 23-го октября 1897 г., приходскихъ училищъ Одесскаго градоначальства, *Станкевичъ*—съ 2-го апрѣля 1897 г., оба по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: учитель Алешковскаго городскаго четырехкласснаго училища *Крыжановскій*—съ 20-го сентября 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Комратскаго реальнаго училища, *Кольцовъ*—съ 4-го марта 1902 г. и Бахмутской мужской гимназіи, *Маяцкій*—съ 4-го октября 1897 г.; *губернскаго секретаря*: бывшій учитель уѣзднаго училища, нынѣ учитель Кишиневскаго городскаго трехкласснаго училища *Шульга*—съ 1-го сентября 1896 г.

(18-го іюня 1902 года, № 51). *Назначается* помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, въ званіи камергера Высочайшаго двора, коллежскій совѣтникъ *Извольскій*—попечителемъ Рижскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи.

Утверждается исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, по каѳедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Оршанскій*—въ исправляемой имъ должности.

(22-го іюня 1902 года, № 52). *Назначаются:* экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, доктора медицины: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ротъ* и статскій совѣтникъ *Спижарный* и С.-Петербургскаго, докторъ армянской словесности *Марръ*—ординарными профессорами тѣхъ же университетовъ, по каѳедрамъ: первый—систематическаго и клиническаго ученія о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, второй—хирургической патологіи и послѣдній—армяно-грузинской словесности; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ фармаціи, статскій совѣтникъ *Давыдовъ*—исправляющимъ должность ординарнаго профессора того же университета, по каѳедрѣ фармаціи и фармакогнозіи; окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сыровчковскій*—директоромъ Московской третьей гимназіи; причисленный къ министерству дѣйствительный статскій совѣтникъ *Державинъ* — окружнымъ инспекторомъ Московскаго учебнаго округа; инспекторъ Луганской Екатерининско-Александровской четырехклассной прогимназіи, преобразованной въ шестиклассную, статскій совѣтникъ *Зельницкій*—директоромъ означенной прогимназіи; учитель Читинской женской гимназіи, статскій совѣтникъ *Рябининъ*—директоромъ народныхъ училищъ Забайкальской области, съ 19-го апрѣля; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Черняховскій*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ теоретической хирургіи, съ 1-го апрѣля.

Утверждаются: въ должности егермейстера Высочайшаго двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Голицынъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Новгородскаго реальнаго училища и отставной капитанъ-лейтенантъ *Румянцевъ*—почетнымъ попечителемъ Череповецкой учительской семинаріи, оба согласно избранію, на текущее трехлѣтіе, съ оставленіемъ перваго изъ нихъ въ придворной должности.

Перемѣщается директоръ Московской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровскій* — директоромъ Московской шестой гимназіи.

Умершій исключается изъ списковъ исправлявшій должность директора народныхъ училищъ Забайкальской области, коллежскій совѣтникъ *Михайловскій*, съ 19-го апрѣля.

По Харьковскому учебному округу. *Производятся* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники* учитель Елатомской гимназіи *Бергъ*—съ 7-го января 1902 г.; изъ надворныхъ

въ *коллежскіе совѣтники*: учители: Харьковской 1-й гимназіи, *Великановъ*—съ 7-го марта 1902 г. и Ростовскаго на Дону реальнаго училища, *Иваницкій*—съ 5-го ноября 1901 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники*: учители: гимназій: Старобѣльской Александровской, *Пчелинъ*—съ 24-го августа 1895 г., Сумской женской, *Безсоновъ*—съ 19-го августа 1898 г., Пензенскаго реальнаго училища, *Поповъ*—съ 10-го іюня 1901 г.; наставникъ Екатерининскаго учительскаго института въ г. Тамбовѣ *Комлевъ*—съ 14-го ноября 1900 г. и врачъ Суджанскаго уѣзднаго училища, Курской губерніи, *Романовъ*—съ 7-го апрѣля 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: секретарь по студенческимъ дѣламъ Императорскаго Харьковскаго университета *Сабо*—съ 14-го іюля 1901 г.; наставникъ Пензенской учительской семинаріи *Гладилинъ*—съ 28-го января 1900 г.; Ростовскаго на Дону соединеннаго среднетехническаго и ремесленнаго училища: преподаватель техническихъ предметовъ *Стефановъ*—съ 9-го іюля 1898 г., руководитель работъ въ учебныхъ мастерскихъ *Федоровъ* — съ 1-го января 1900 г. и врачъ *Ладыженскій*—съ 1-го сентября 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Борисоглѣбской Александровской гимназіи *Веселовскій*—съ 3-го декабря 1901 г.; учители: городскихъ училищъ: Рыльскаго, Курской губерніи, *Шпаковъ*—съ 8-го декабря 1901 г., Ростовскаго на Дону, *Майборода*—съ 22-го февраля 1901 г., приготовительнаго класса Елатомской гимназіи, *Дмитріевскій*—съ 5-го декабря 1901 г., учитель-завѣдывающій Курскимъ Александровскимъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ *Чеботаревъ*—съ 16-го октября 1901 г.; учители: Томскаго уѣзднаго училища, Курской губерніи, *Копыловъ*—съ 7-го ноября 1901 г. и Сальскаго окружнаго училища, Донской области, *Чупатиновъ* (онъ же Бодушовъ)—съ 17-го сентября 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощники классныхъ наставниковъ: Острогожской гимназіи, *Дьяковъ*—съ 1-го августа 1899 г., Азовской прогимназіи, *Мѣшковъ*—съ 19-го февраля 1894 г.; письмоводитель Острогожской гимназіи *Самецкій*—съ 6-го марта 1902 г.; учители: Толмачевскаго городскаго двухкласснаго мужскаго въ г. Тамбовѣ училища, *Воротынцевъ*—съ 10-го августа 1901 г., приготовительнаго класса Острогожской гимназіи, *Макеевъ*—съ 1-го сентября 1901 г. и Новооскольскаго уѣзднаго училища, Курской губерніи, *Лихачевъ*—съ 24-го марта 1901 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: наблюдатель Новочеркасскаго атаманскаго техническаго училища *Абуховъ*—съ 1-го ноября 1901 г.; письмоводитель Корочанской

Александровской гимназіи *Бакѣевъ*—съ 19-го февраля 1902 г.; учители: (сверхштатный) Старооскольскаго городскаго училища, Курской губерніи, *Куценко*—съ 9-го сентября 1900 г., Воронежской женской гимназіи, содержимой Нечаевой, *Магалифъ*—съ 2-го сентября 1897 г., приготовительнаго класса Рыльской прогимназіи, *Стеценко*—съ 16-го марта 1900 г. и Курскаго уѣзднаго училища, *Курдяевъ*—съ 27-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* письмоводитель Ростовской на Дону гимназіи *Тимофеевъ*—съ 9-го февраля 1900 г.; учители: Сальскаго окружнаго училища, Донской области, *Траилинъ*—съ 1-го сентября 1899 г., приходскихъ училищъ: Курскаго 4-го, *Пьявченко*—съ 20-го января 1902 г., Суджанскаго 1-го, Курской губерніи, *Вязьминъ*—съ 7-го января 1901 г., Обоянскаго 1-го, Курской же губерніи, *Куракинъ*—съ 16-го августа 1893 г., Донской области: Баклановскаго, *Брызгалинъ*—съ 1-го ноября 1901 г. и Синявскаго, *Дувакинъ*—съ 1-го августа 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: почетный смотритель Дмитріевскаго уѣзднаго училища, Курской губерніи, *Мейеръ*—съ 11-го октября 1900 г.; учители приходскихъ училищъ: Дмитріевскаго, Курской губерніи, *Брызгаловъ*—съ 4-го апрѣля 1900 г., Липецкаго, Тамбовской губерніи, *Акаевскій*—съ 15-го августа 1901 г., Донской области: Ольгинскаго, *Миненковъ*—съ 3-го ноября 1900 г., Усть-Медвѣдицкаго, *Макаровъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Рогоженскаго, *Климентовъ*—съ 15-го сентября 1901 г., Семикаракорскаго, *Пахомовъ*—съ 1-го сентября 1900 г., Таганрогскаго 1-го, *Гриньковскій*—съ 1-го іюня 1895 г., Кременскаго, *Гребенниковъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Богдановскаго, *Ивановъ*—съ 18-го октября 1900 г., Роговскаго, *Ренсковъ*—съ 20-го октября 1901 г. и Елисаветовскаго двухкласснаго, *Ушаковъ*—съ 1-го сентября 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора:* учители: женскихъ гимназій: Харьковской Драшковской, *Уваровъ*—съ 15-го ноября 1897 г., Изюмской, *Чеботаревъ*—съ 9-го февраля 1898 г., реальныхъ училищъ: Харьковскаго, *Пономаревъ*—съ 23-го августа 1897 г., Пензенскаго, *Магницкій*—съ 23-го октября 1897 г.; врачъ Курскаго уѣзднаго училища *Цвингманъ*—съ 19-го сентября 1897 г., по степени доктора медицины; *титулярнаго совѣтника:* преподаватель ручнаго труда при Волчанской учительской семинаріи *Адаменко*—съ 15-го сентября 1897 г.; *губернскаго секретаря:* учители: приготовительнаго класса Ахтырской гимназіи, *Приходьковъ*—съ 23-го февраля 1898 г., уѣздныхъ училищъ: Тамбовскаго,

Павловъ—съ 8-го ноября 1897 г., Елатомскаго, Тамбовской губерніи, *Кочетовъ*—съ 27-го августа 1897 г. и Усть-Медвѣдицкаго окружнаго училища, Донской области, *Игиковъ*—съ 9-го сентября 1897 г.; *коллежскаго регистратора*, домашній учитель *Киселевъ*—съ 20-го іюля 1901 г.

(26-го іюня 1902 года, № 54). *Производится* за отличіе, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры* письмоводитель и бухгалтеръ Кронштадтской мужской гимназіи Леонидъ *Михайловъ*.

III. ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

5. (20-го іюня 1902 г., № 16593). *По поводу Высочайшаго Рескрипта 10-го іюня на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.*

Всемилостивѣйшій Рескриптъ, данный 10-го іюня сего года на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, служитъ прямымъ выраженіемъ Монаршей Воли о томъ, чтобы при выполненіи своихъ образовательныхъ задачъ государственная школа непрерывно стремилась и къ достиженію воспитательныхъ цѣлей. Слова Государя Императора, напоминая всему русскому педагогическому міру, что истинное призваніе учителя существенно связано съ обязанностью содѣйствовать нравственному развитію ученика, подтверждаютъ тѣмъ самымъ высокое общественное назначеніе педагогической службы. Я не сомнѣваюсь, что учебный персоналъ министерства народнаго просвѣщенія, въ глубокомъ сознаніи своего долга передъ Царемъ и Отечествомъ, употребитъ всѣ старанія, дабы оказаться достойнымъ проводить въ жизнь тѣ требованія, съ которыми къ нему обращается Его Императорское Величество. Я убѣжденъ также, что указаніе Высочайшаго Рескрипта 10-го іюня на необходимость разработать вопросъ о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ, призванныхъ нести учебную и воспитательную службу, преисполнитъ ихъ сердца горячею благодарностью. Заботливое попеченіе Государя Императора о преуспѣяніи русской школы подниметъ ихъ энергію и укрѣпитъ ихъ вѣру въ постепенное устраненіе тѣхъ разнообразныхъ условій, которыя затрудняютъ ихъ дѣятельность.

Объ изложенномъ ваше превосходительство не преминете сообщить педагогическимъ совѣтамъ подвѣдомственныхъ вамъ учебныхъ заведеній.

IV. ПОЛОЖЕНІЯ О СТИПЕНДІЯХЪ И ПРЕМІЯХЪ ПРИ ЗАВЕДЕНІЯХЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

20. (22-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени Любови Александровны Собакиной, при Московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 г., утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года при Московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ учреждается стипендія имени Любови Александровны Собакиной, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго ею съ этою цѣлью капитала въ *шестьсотъ семьдесятъ семь* руб. девяносто семь коп.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственномъ непрерывно-доходномъ билетѣ въ 455 руб., двухъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты по 100 руб. каждое и наличныхъ деньгахъ на сумму 22 руб. 97 коп., хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ учебнаго округа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются попечительному совѣту означенныхъ курсовъ, по его требованію, для выдачи избранной стипендіаткѣ.

§ 4. Стипендіатка избирается попечительнымъ совѣтомъ курсовъ изъ числа недостаточныхъ слушательницъ, по представленію директора курсовъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Въ случаѣ закрытія Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, стипендіальный капиталъ, по постановленію попечительнаго совѣта курсовъ, передается на тѣхъ же основаніяхъ въ другое высшее женское учебное заведеніе Московскаго учебнаго округа, при отсутствіи же такого учебнаго заведенія въ Московскомъ учебномъ округѣ,

капиталъ, съ наростающими на него процентами хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ Московскаго учебнаго округа, впредь до открытія въ названномъ округѣ какого-либо высшаго женскаго учебнаго заведенія, въ которое капиталъ съ наросшими процентами и передается для употребленія по назначенію.

21. (27-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей дочери Маріупольскаго купца Софіи Спиридоновны Гофъ при Маріупольской Маріинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Маріупольской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени умершей дочери Маріупольскаго купца Софіи Спиридоновны Гофъ, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго съ этою цѣлью С. И. Гофомъ капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты на сумму въ 1500 рублей, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Маріупольской женской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендія выдается бѣднѣйшей ученицѣ гимназіи изъ дѣтей грековъ города Маріуполя, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки принадлежитъ пожизненно жертвователю С. И. Гофу, а затѣмъ право это переходитъ къ попечительному совѣту гимназіи.

§ 6. Право пользованія стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

22. (28-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени механика Ивана Васильевича Тюрина.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала, собраннаго по подпискѣ, въ размѣрѣ *пятисотъ тридцати* рублей, учреждаются при Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ двѣ стипендіи имени механика Ивана Васильевича Тюрина.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ процентныхъ бумагахъ, составляетъ собственность училища и, оставаясь неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ другихъ капиталовъ училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются для взноса платы за обученіе стипендіатовъ.

§ 4. На стипендіи назначаются бѣднѣйшіе изъ приходящихъ воспитанниковъ христіанскаго вѣроисповѣданія, отличающихся безукоризненнымъ поведеніемъ и оказывающихъ удовлетворительные успѣхи въ наукахъ и ремеслѣ,—но при этомъ преимущественное право на зачисленіе предоставляется дѣтямъ лицъ, служащихъ на пароходахъ или заводахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется Ивану Васильевичу Тюрину, а по смерти его это право переходитъ къ попечительному совѣту училища.

§ 6. При повышеніи платы за обученіе, число стипендіатовъ должно быть такое, чтобы проценты со стипендіальнаго капитала покрывали установленную плату, а при пониженіи платы остатокъ процентовъ можетъ быть употребляемъ на выдачу учебныхъ пособій стипендіатамъ, или увеличеніе числа ихъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

23. (28-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Сергѣя Александровича Брызгалова.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала, собраннаго по подпискѣ, въ размѣрѣ *двухсотъ семидесяти пяти* рублей, учреждается при Нижего-

родскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ одна стипендія имени статскаго совѣтника Сергѣя Александровича Брызгалова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ процентныхъ бумагахъ, составляетъ собственность училища и, оставаясь неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ другихъ капиталовъ училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются для взноса платы за обученіе стипендіата.

§ 4. На стипендію назначаются бѣднѣйшіе изъ приходящихъ воспитанниковъ православнаго вѣроисповѣданія, отличающихся безукоризненнымъ поведеніемъ и оказывающихъ удовлетворительные успѣхи въ наукахъ и ремеслѣ,—но, при этомъ, преимущественное право на зачисленіе предоставляется дѣтямъ учителей начальныхъ училищъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется статскому совѣтнику Сергѣю Александровичу Брызгалову, а по смерти его это право переходитъ къ педагогическому совѣту училища.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

24. (28-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіи Петропавловской городской думы при Томскомъ технологическомъ институтѣ Императора Николая II.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. Въ память открытія Томскаго технологическаго института Императора Николая II учреждается при семъ институтѣ одна стипендія въ размѣрѣ *360* руб. въ годъ, изъ коихъ 310 руб. выдаются студенту на руки помѣсячно, а 50 руб. зачисляются въ спеціальныя средства института въ уплату за право слушанія лекцій. Деньги эти отчисляются ежегодно изъ городскихъ средствъ г. Петропавловска.

§ 2. Стипендія эта предоставляется студенту института изъ дѣтей г. Петропавловска, успѣшно окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 3. Избраніе стипендіата, отвѣчающаго условіямъ, изложеннымъ въ § 2 сего положенія, предоставляется Петропавловской городской думѣ, съ доведеніемъ объ избранномъ кандидатѣ до свѣдѣнія комитета по студенческимъ дѣламъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II.

§ 4. Для полученія этой стипендіи, равно какъ и для сохраненія ея, нужно имѣть не менѣе 4 балловъ въ среднемъ выводѣ при отличномъ поведеніи, при чемъ, въ особо уважительныхъ случаяхъ, дума можетъ предоставлять стипендію и лицамъ, не вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ этого §.

§ 5. Ежегодно отчисляемый на стипендію капиталъ въ размѣрѣ 360 руб. въ началѣ каждаго учебнаго года передается городскою управою въ распоряженіе комитета по студенческимъ дѣламъ института для выдачи стипендіату на основаніяхъ, изложенныхъ въ § 1 настоящаго положенія.

§ 6. Въ случаѣ незамѣщенія стипендіи отъ несоотвѣтствія кандидатовъ требованіямъ, изложеннымъ въ §§ 2 и 4 сего положенія, образующіеся остатки обращаются на образованіе новой стипендіи, на тѣхъ же условіяхъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей налагаетъ на стипендіата обязанность по окончаніи курса института произвести по мѣрѣ средствъ возвратъ полученной имъ стипендіи.

25. (30-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Владиміровича Вышеславцева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. Изъ процентовъ съ пожертвованнаго коллежскимъ ассессоромъ Владиміромъ Михайловичемъ Андреевскимъ капитала въ *10.000* руб. учреждаются двѣ стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Владиміровича Вышеславцева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

§ 2. Стипендіи эти назначаются студентамъ медицинскаго факультета православнаго вѣроисповѣданія, на основаніи существующихъ на этотъ предметъ правилъ.

§ 3. Стипендіями пользуются, по преимуществу, студенты-уроженцы Тамбовской губерніи.

§ 4. Представленіе кандидатовъ на стипендіи можетъ быть предоставлено жертвователю капитала Владиміру Михайловичу Андреевскому, если они удовлетворяютъ условіямъ назначенія студентамъ стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ, присоединяются къ капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

26. (31-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіи генералъ-лейтенанта Якова Өедоровича Барабаша при одномъ изъ Императорскихъ университетовъ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На пожертвованный киргизами Актюбинскаго уѣзда, Тургайской области, основной капиталъ въ *восемь тысячъ* рублей, учреждается при одномъ изъ Императорскихъ университетовъ стипендія для бѣдныхъ студентовъ изъ киргизскихъ дѣтей Тургайской области въ память 25-лѣтняго существованія Тургайской области, съ присвоеніемъ ей имени генералъ-лейтенанта Якова Өедоровича Барабаша.

§ 2. Пожертвованный капиталъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ и храниться въ гарантированныхъ правительствомъ % % бумагахъ въ Оренбургскомъ отдѣленіи государственнаго банка.

§ 3. На стипендію эту должны идти ежегодные проценты съ основного капитала въ *8,000* р., которые высылаются въ тотъ университетъ, гдѣ находится стипендіатъ; изъ высланной суммы удерживается плата за право слушанія стипендіатомъ лекцій.

§ 4. Право пользованія стипендіею въ университетѣ предоставляется только студентамъ изъ киргизскихъ дѣтей Тургайской области, которые, при предъявленіи права на стипендію, должны представить надлежащее удостовѣреніе отъ общества Тургайской области въ томъ, что они дѣйствительно уроженцы этой области.

§ 5. Пользующійся этой стипендіей студентъ именуется стипендіатомъ генералъ-лейтенанта Якова Өедоровича Барабаша.

§ 6. Назначеніе стипендіата предоставляется Тургайскому военному губернатору по соглашенію съ правленіемъ подлежащаго университета.

§ 7. Названный студентъ пользуется стипендіей въ продолженіе всего университетскаго курса ученія, если будетъ достойнымъ по успѣхамъ и поведенію.

§ 8. По окончаніи курса стипендіатъ не обязывается никакою службою.

§ 9. Оставшіеся отъ учрежденной стипендіи не выданными %

присовокупляются къ капиталу и, по усмотрѣнію правленія университета, впослѣдствіи могутъ быть выдаваемы окончившему курсъ стипендіату изъ киргизскихъ дѣтей въ пособіе или на прогоны, въ какомъ размѣрѣ это окажется нужнымъ или возможнымъ.

§ 10. Правленіе университета въ случаѣ лишенія стипендіата стипендіи, а равно и о назначеніи окончившимъ курсъ пособій на основаніи § 9 увѣдомляетъ своевременно Тургайскаго военнаго губернатора.

§ 11. Если стипендіата изъ киргизскихъ дѣтей Тургайской области не будетъ вовсе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, то остающіеся на лицо % % пріобщаются къ основному капиталу впредь до увеличенія его до суммы, достаточной на учрежденіе второй стипендіи имени того же генералъ-лейтенанта Якова Ѳедоровича Барабаша для бѣдныхъ студентовъ изъ киргизскихъ дѣтей Тургайской области на тѣхъ же условіяхъ, какъ и первая стипендія.

27. (31-го мая 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшихъ учениковъ при Череповецкомъ городскомъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Череповецкомъ городскомъ училищѣ учреждаются стипендіи имени бывшихъ учениковъ означеннаго училища, на счетъ процентовъ съ собраннаго по подпискѣ съ этой цѣлью капитала въ *пятьсотъ* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя неотъемлемую собственность означеннаго училища и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, при чемъ мелкія суммы, не обращенныя въ процентныя бумаги, хранятся въ государственной сберегательной кассѣ при томъ же казначействѣ по книжкѣ на имя училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ, а въ случаѣ уничтоженія ея на пріобрѣтеніе имъ учебныхъ пособій.

§ 4. Число стипендій опредѣляется педагогическимъ совѣтомъ училища въ зависимости отъ годового дохода со стипендіальнаго капи-

тала и размѣра платы за ученіе или размѣра суммы, потребной на пріобрѣтеніе всѣхъ необходимыхъ учебныхъ пособій.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту Череповецкаго городского училища.

§ 6. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, при чемъ предпочтеніе отдается дѣтямъ бывшихъ учениковъ его.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки, а также всѣ новыя пожертвованія на тотъ же предметъ причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія числа стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ закрытія или преобразованія Череповецкаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается тому училищу, которое будетъ наиболѣе соотвѣтствовать по курсу городскому училищу.

28. (7-го іюня 1902 года). *Положеніе о процентахъ съ капитала, пожертвованнаго гласными депутатами Архангельскаго ремесленнаго общества Архангельскому ремесленному училищу.*

(Утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. Пожертвованный гласными депутатами Архангельскаго ремесленнаго общества Архангельскому ремесленному училищу капиталъ въ *300* рублей, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 2. Въ случаѣ выхода въ тиражъ означенныхъ процентныхъ бумагъ училище пріобрѣтаетъ новыя соотвѣтственной цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ % бумаги.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ казну 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на пособіе одному изъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ Архангельскомъ ремесленномъ училищѣ, присоединенномъ къ Архангельскому императора Петра I низшему механико-техническому училищу.

§ 4. Пособія выдаются лучшему изъ учениковъ по своему поведенію и успѣхамъ по работамъ въ мастерскихъ.

§ 5. Выборъ ученика предоставляется директору Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища, какъ начальнику Архангельскаго ремесленнаго училища.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Архангельскаго ремесленнаго училища въ другое учебное заведеніе капиталъ переходитъ въ оное на тѣхъ же основаніяхъ.

29. (13-го іюня 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени директора Таганрогскаго металлургическаго завода Юлія Бендавича Герпеньи при Таганрогскомъ среднемъ 8-ми классномъ техническомъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала, собраннаго служащими Таганрогскаго завода, учреждается при Таганрогскомъ среднемъ восьмиклассномъ техническомъ училищѣ стипендія имени директора сего завода Ю. Б. Герпеньи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 6 свидѣтельствахъ государственной 4% ренты сторублеваго достоинства и одномъ билетѣ государственнаго казначейства въ *50* руб., хранится въ Таганрогскомъ окружномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., выдаются бѣднѣйшему ученику Таганрогскаго средняго техническаго училища или состоящей при немъ ремесленной школы, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Выборъ стипендіата по преимуществу изъ числа дѣтей служащихъ на заводѣ, а равно и лишеніе его стипендіи въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ, предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Таганрогскаго техническаго училища.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Таганрогскаго средняго восьмиклассннаго техническаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго, для употребленія по назначенію.

§ 8. Въ случаѣ закрытія названнаго училища, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое учебное заведеніе по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Барановъ, А.*, и *Н. Горѣловъ*. Географія Россійской Имперіи. 13-е испр. изданіе, Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1901. Стр. 173. Цѣна 80 коп.“

— „*Ивановъ, Г. И.* Начальный курсъ географіи. С.-Пб. 1902. Стр. 86+14+2 карты. Цѣна 60 к.“

— „*Лыткинъ, Г. С.* Учебникъ общей географіи. Курсъ I-го класса. 3-е изданіе, испр. С.-Пб. 1899. Стр. VI+63. Цѣна 45 коп.“

— „*Сіязовъ, М.* Краткій курсъ ботаники. 3-е испр. изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1902. Стр. IV+114. Цѣна 50 коп.“

— „*Триллингъ, Ф.* Практическій учебникъ французскаго языка. 1) Приготовительный годъ. М. 1902. Стр. XVI+80. Цѣна 40 коп.— 2) 1-й годъ: „Въ школѣ и дома“. 2-е изданіе. М. 1902. Стр. XXIII+152. Цѣна 60 коп.“ (допущеніе распространяется и на 1-е изданіе, 1901 года, книги „Въ школѣ и дома“).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Гёте въ Страсбургѣ. Избранныя мѣста изъ автобіографіи Гёте: „Изъ моей жизни. Поэзія и правда". Съ введеніемъ, примѣчаніями и словарями. Составилъ *Артуръ Эккъ*. М. 1902. Стр. 92. Цѣна 50 коп." (для старшихъ классовъ).

— „*East, B. E.* Poetical Readings. An aid to the study of literature for the use of schools. С.Пб. Изданіе Р. Яссе. Стр. 186+II. Цѣна въ перепл. 1 р. 25 к." (также и въ ученическія библіотеки гимназій и реальныхъ училищъ).

— „*Максимовъ, И.* Карта древней Италіи. Изданіе 2-е."

— „*Feuillye, L.*, et *L. Martin*. Morceaux choisis tirés des meilleurs auteurs français avec notices littéraires et vocabulaire. Nouvelle édition revue et augmentée. St. Pbg. 1902. VIII+304 pages. Prix 1 rouble."

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Быкова, А.* Вильгельмъ Оранскій. Борьба Нидерландовъ за независимость и свободу вѣроисповѣданія. Изданіе 2-е, А. М. Муриновой. М. 1898. Стр. 108. Цѣна 20 коп." (для старшаго возраста).

— „*Бѣлоруссовъ, И.* Синтаксисъ русскаго языка въ изслѣдованіяхъ Потебни. Орелъ. 1901. Стр. 258+XIV. Цѣна 1 р. 50 коп." (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Weyert, I.* Deutsches Lesebuch für die obersten Klassen der russischen Mittelschulen. St. Petersburg. 1902. Verlag von M. Piroshkow, Abtheilung I. Aufsätze geschichtlichen Inhalts. VII+137 S. Preis 35 Kop. Abtheilung II. Aufsätze naturwissenschaftlichen Inhalts. III+134 S. Preis 35 Kop."

— „*фонъ-Винклеръ, П. П.* Гербы городовъ, губерній, областей и посадовъ Россійской Имперіи. Изданіе Ив. Ив. Иванова. С.-Пб. 1899. Стр. VIII+46+XXIX+222+II. Цѣна 10 р." (для старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Виноградовъ, П. Г.* Наканунѣ новаго столѣтія. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1902. Стр. 28. Цѣна 20 коп." (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Воронецкій, А.* Иллюстрированная учебная географическая хрестоматія. Изданіе Д. Д. Полубояринова. Часть 1-я. Общій обзоръ земного шара. 7-е изданіе. С.-Пб. 1901. Стр. 138. Цѣна 1 р. 35 коп.— Часть 2-я. Внѣ-европейскія страны. 7-е изданіе. С.-Пб. 1900. Стр. 239. Цѣна 2 р.—Часть 3-я. Европа. 5-е изданіе. С.-Пб. 1901. Стр. 190. Цѣна 1 р. 65 коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.*, и *В. Лукьянская.* Другъ животныхъ. Книга о вниманіи, состраданіи и любви къ животнымъ. Часть I. Для младшаго возраста. (Библіотека для дѣтей и для юношества подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1902. Стр. VI+255+III. Цѣна 85 коп., въ папкѣ 1 р. 10 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Гротъ, Н. Я.* Очеркъ философіи Платона. Изданіе „Посредника“. М. 1896. Стр. 189. Цѣна 60 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Живописная Россія. Иллюстрированный вѣстникъ отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи. Томъ 1-й (1901 г.). Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. Цѣна 4 р. 50 к., въ пер. 5 р. 25 к.“ (за исключеніемъ отдѣла „Временникъ Живописной Россіи“).

— „*Зимницкій, В.* Обученіе выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изданіе К. Тихомирова. М. 1901. Стр. 93. Цѣна 30 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Іерузалемъ, В.* Введеніе въ философію. Перев. *П. Ѳ. Некрасовъ.* С.-Пб. 1902. Стр. 243. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ).

— „*Капцевичъ, Н.* Праздники древонасажденія. Вильна. 1902. Стр. 29. Цѣна 30 коп.“ (также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія и ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Карскій, Е. Ѳ.* Образцы славянскаго Кирилловскаго письма съ X по XVIII в. Изданіе 2-е. Варшава. 1902. Стр. VI+82. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Комаровскій, Л. А.* Гаагская мирная конференція 1899 года. М. 1902. Стр. 104. Цѣна 1 р.“ (въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ).

— „*Кроуфордъ*. Донъ-Жуанъ. Переводъ съ англійскаго. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣчаніями *А. Трачевскаго*. Изданіе А. Ильина. (Рядъ историческихъ романовъ). С.-Пб. 1902. Стр. LXII+312. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Круберъ, А., С. Григорьевъ, А. Барковъ* и *С. Чефрановъ*. Африка. Иллюстрированный географическій сборникъ. Изданіе Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. М. 1902. Стр. VI+512. Цѣна 2 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Круковская, С. К.* Китай. Очерки жизни и нравовъ. Изданіе журн. «Товарищъ». С.-Пб. 1900. Стр. IV+119. Цѣна 50 коп.“ (для средняго возраста, а также и въ библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Лялина, М. А.* Путешествіе братьевъ Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло въ западный Китай. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1901. Стр. XII+166+86. Цѣна не обозначена.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Миролюбовъ, Н.* Педагогическія воззрѣнія святыхъ отцовъ и учителей церкви. Харьковъ. 1900. Стр. 190. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій).

— „*Моравскій, С. П.* Средневѣковой идеалистъ. (Людовикъ IX Святой). Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1902. Стр. 56. Цѣна 20 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „Нравственное ученіе Святаго отца нашего Исаака Сирина. Изданіе 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1902. Стр. 170. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Павлова, С. К.* Сборникъ подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ и въ школѣ. Съ предисловіемъ *Ф. Ф. Эрисманъ*. Изданіе 3-е, испр. М. 1902. Стр. IX+120. Цѣна 1 р.“ (также и въ учительскія и ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Позняковъ, Н. И.* Святочные разсказы. С.-Пб. 1902. Стр. 337. Цѣна 2 р.“ (для младшаго и средняго возраста, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Романовъ, Н.* Донателло. (Изъ исторіи итальянскаго искусства XV в.) Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1901. Стр. 40. Цѣна 20 коп." (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Смирновскій, П.* Исторія русской литературы XIX вѣка. Выпускъ IV. Изданіе „Петербургскаго учебнаго магазина". С.-Пб. 1901. Стр. 210+IV. Цѣна 1 р." (для старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Соболевъ, М. Н.* Очерки изъ исторіи всемірной торговли въ связи съ развитіемъ экономической жизни. Изданіе 2-е, магазина „Книжное дѣло". М. 1902. Стр. II+204+II. Цѣна 1 р". (для старшаго возраста).

— „*Стороженко, Н. И.* Апостолъ гуманности и свободы Теодоръ Паркеръ. Изданіе „Посредника". (Замѣчательные мыслители древняго и новаго міра). М. 1900. Стр. 44. Цѣна 20 коп." (также и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Шиллеръ.* Два Пикколомини. Смерть Валленштейна. Покрытый идолъ въ Саисѣ. Переводъ *П. А. Каленова* съ приложеніемъ его статьи „Ученіе Шиллера о красотѣ и эстетическомъ наслажденіи" и предисловіемъ *П. Н. Милюкова.* Посмертное изданіе. М. 1902. Стр. XXIV+327+1. Цѣна 1 р. 75 коп." (для старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Энсвортъ, Уильямъ.* Уатъ Тайлеръ. Переводъ *К. П. Русановой.* Подъ ред. и съ примѣчаніями *А. Трачевскаго.* Изданіе А. Ильина. (Рядъ историческихъ романовъ). С.-Пб. 1902. Стр. 368. Цѣна 1 р. 25 коп." (для старшаго возраста).

— „*Юнгъ, Ч. А.* Уроки астрономіи съ включеніемъ въ текстъ описанія созвѣздій (уранографія). Переводъ *П. Я. Морозова.* Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1902. Стр. XIII + 365 + 4 карты. Цѣна 1 р. 50 коп." (для старшаго возраста).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Васильевъ, В. И.* 1) Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Изданіе 4-е. М. 1901. Стр. 80. Цѣна 25 коп.—То же. Изданіе 5-е. М. 1902. Стр. 80. Цѣна 25 коп.—2) Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Изданіе

4-е. М. 1902. Стр. 78. Цѣна 25 коп.—3) Ариѳметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила тройное, процентовъ, учета векселей и проч. Изданіе 4-е. М. 1901. Стр. 76. Цѣна 25 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ книги эти были тщательно исправлены, при чемъ должны быть приняты во вниманіе и замѣчанія ученаго комитета).

— „*Воронецкій*, *А.* 1) Учебникъ всеобщей географіи. Изданіе Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1901. Курсъ 1-й. Общій обзоръ земного шара и карты Россійской Имперіи. 17-е изданіе. Стр. 72. Цѣна 45 коп.—Курсъ 2-й. Географія Азіи, Африки, Америки и Австраліи. 15-е изданіе. Стр. 78. Цѣна 45 коп.—Курсъ 3-й. Европа, 13-е изданіе. Стр. 76. Цѣна 45 коп. — 2) Учебникъ географіи Россійской имперіи. 5-е испр. изданіе, Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1901. Стр. 166. Цѣна 85 коп. (съ тѣмъ, чтобы слѣдующія изданія этихъ книгъ были исправлены на основаніи рецензій ученаго комитета).

— „*Чихановъ*, *Б.* Учебникъ ариѳметики. Изданіе 4-е. Люблинъ. 1902. Стр. 102. Цѣна 50 коп.“.

— „*Щербаковъ*, *С.* Курсъ космографіи. Нижній-Новгородъ. 1902. Стр. VII+184. Цѣна 1 р.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бычковъ*, *Ѳ.* Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Изданіе 16-е. С.-Пб. 1902. Стр. VI+574. Цѣна 1 р. 35 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были сдѣланы измѣненія, указанныя ученымъ комитетомъ при разсмотрѣніи 15-го изданія).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Программы и наставленія для наблюденія и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣдѣнію, метеорологіи, гидрологіи, нивеллировкѣ, ботаникѣ, зоологіи, сельскому хозяйству и фотографіи. Составлены особой коммиссіей по порученію Императорскаго общества естествоиспытателей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. 5-е изданіе, знач. исправл. и дополн., Импер. С.-Пб.

общества естествоиспытателей. С.-Пб. 1902. Стр. XI+595. Цѣна не обозначена."—признать заслуживающею особой рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго распоряженія министерства, для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки гимназій и реальныхъ училищъ и въ библіотеки учительскихъ инститyтовъ и семинарій, а также и допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Издаваемые А. Н. Прокопе журналы: 1) „Дѣтскія моды" и 2) „Иллюстрированный журналъ бѣлья и рукодѣлій". Цѣна каждаго изданія за годъ 2 р. безъ доставки и 2 р. 50 коп. съ доставкой и пересылкой — допустить къ выпискѣ въ женскія гимназіи и прогимназіи.

— Изданія Т-ва „Общественная польза": 1) „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе *Сергѣя Михайловича Соловьева*. Изданіе 2-е. С.-Пб. Годъ не обозначенъ. Книга 1-я. Томъ I—V. Стр. XIV+1726.—Книга 2-я. Томъ VI—X. Стр. XII+1726. — Книга 3-я. Томъ XI—XV. Стр. XII+1580.—Книга 4-я. Томъ XVI—XX. Стр. XII+1656. Книга 5-я. Томъ XXI—XXV. Стр. XVI+1544.—Книга 6-я. Томъ XXVI—XXIX. Стр. XII+1178.—Указатель къ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ С. М. Соловьева. Составилъ *М. С. Соловьевъ*. Стр. 616. Цѣна за 7 книгъ 24 руб."—2) „Собраніе сочиненій *Сергѣя Михайловича Соловьева*. С.-Пб. Годъ не обозначенъ. Стр. II+1616. Цѣна 4 руб."—допустить въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, и сверхъ того признать заслуживающими особой рекомендаціи со стороны министерства народнаго просвѣщенія, посредствомъ циркулярныхъ предложеній начальствамъ учебныхъ округовъ, для пріобрѣтенія въ ученическія, старшаго возраста, и фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. врем. исп. обязанности товарища министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Геде, Ѳ. В.* Систематическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. С.-Пб. 1901. Часть I. Числа до 10.000. Стр. IV+175. Цѣна 40 коп.—Часть II. Цѣлыя и составныя именованныя числа. 3-е испр. и дополн. изданіе. Стр. VII+133. Цѣна 40 коп.“ (для городскихъ и начальныхъ училищъ, а также и для приготовительнаго и перваго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Гречушкины, С.* и *В.* Практическій курсъ русской грамматики. Изданіе 3-е, В. В. Думнова. М. 1902. Стр. IV+156. Цѣна 30 коп.“

— „*Григорьевъ, Л.* Русское слово. Руководство къ обученію русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски. Вып. 1-й. Букварь. 9-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1901. Стр. 90. Цѣна 20 коп.“ (для тѣхъ начальныхъ училищъ, для которыхъ она предназначена).

— „*Григорьевъ, Л.,* и *Б. Оленинъ.* Русское слово. Книга для класснаго чтенія, руководство къ обученію русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить порусски. Вып. II. 2-ой годъ обученія. 6-ое изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1901. Стр. 102+II. Цѣна 30 коп.—Вып. III. 3-ій годъ обученія. 5-ое изданіе. Рига. 1901. Стр. 166+II. Цѣна 40 коп.“ (для тѣхъ начальныхъ училищъ, для которыхъ онѣ предназначены).

— „*Грушевскій, С. Ѳ.* Первая учебная книга церковно-славянскаго языка. 29-ое изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. г҃а+III. Цѣна 35 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Дависъ, И.* Родной міръ. Книга для обученія русскому языку въ инородческихъ училищахъ. Часть I. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. 2-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1902. Стр. 93. Цѣна 20 коп.“ (для тѣхъ начальныхъ училищъ, для которыхъ она предназначена).

— „*Ивановъ, Г. И.* Начальный курсъ географіи. Изданіе С. Метальникова и Г. Иванова. С.-Пб. 1902. Стр. 86+14. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Концевичъ, Г. М.* Школьное пѣніе на 2 и на 3 однородныхъ голоса. 1902. Стр. 47. Цѣна 25 коп.“

— „*Кузьминъ, И.* Пензенская губернія. Учебное пособіе по родиновѣдѣнію. 2-е перераб. изданіе. Пенза. 1902. Стр. 73 + II. Цѣна не обозначена.“ (для двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а также и въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Павловъ, Н.* Опытъ систематическаго сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Часть 2-ая. I. Числа до 1.000. II. Числа любой величины. Изданіе 8-е, А. А. Дубровина. Казань. 1902. Стр. 102. Цѣна 20 коп.“

— „*Поливановъ, Левъ.* Начальная книжка по русскому языку. Хрестоматія. Начатки грамматики. Письменныя задачи. Изданіе 10-е. М. 1900. Стр. XII+222. Цѣна 50 коп.“ (для городскихъ и сельскихъ училищъ, а также и для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Преображенскій, А.* Начальная русская грамматика. Изданіе 3-е, дополн., В. В. Думнова. М. 1902. Стр. IV+106. Цѣна 20 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гусевъ, Н.* Объ устройствѣ народныхъ чтеній съ туманными картинами и безъ нихъ. Вятка. 1901. Стр. 29. Цѣна 5 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Карасевъ, А.* Нотная грамота. Часть 2-я. М. 1899. Стр. 99. Цѣна 1 р.“

— „Маленькіе артисты. Сборникъ сценокъ, игръ и пѣсенъ для живыхъ картинъ. Вып. I-й. Музыка *Л. Ф. Энгель.* С.-Пб. 1902. Стр. 82. Цѣна 1 р.“ (также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „О дурной болѣзни или сифилисѣ. Изданіе Общества борьбы съ заразными болѣзнями. С.-Пб. 1902. Стр. 35. Цѣна 5 коп.“ (также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, признавъ ее, вмѣстѣ съ тѣмъ, заслуживающей рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго предложенія, для пріобрѣтенія въ названныя библіотеки учебныхъ заведеній).

— „*Покровскій, С.* Очерки методики народной школы. 4-ое изда-

ніе, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1900. Стр. IV+129+II. Цѣна 50 коп.“ (также и въ библіотеки учительскихъ семинарій).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гоголь, Николай Васильевичъ.* Сборникъ избранныхъ произведеній. Для школъ со статьей о Гоголѣ и примѣчаніями *Н. Ѳ. Бунакова.* Изд. ред. журн. „Русскій начальный учитель“. С.-Пб. 1902. Стр. 258. Цѣна 35 коп.“

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Альмединіенъ, Александръ.* Свѣтильный газъ. (Общедоступныя чтенія по техническимъ знаніямъ. Чтеніе 2-е). Изданіе ред. журн. „Техническое образованіе“. С.-Пб. 1901. Стр. 47. Цѣна 20 коп.“ (также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*де-Амичисъ, Э.* Отъ Апеннинъ до Андъ. (Въ поискахъ за матерью). Переводъ *Н. И. Перелыгина.* Изданіе М. В. Клюкина. („Добрыя души“). М. 1899. Стр. 63. Цѣна 15 коп.“

— „*Архангельская, А. В.* 1) Тиффъ и его друзья, составлено по роману Бичеръ-Стоу „Жизнь южныхъ штатовъ“. М. 1899. Стр. 126. Цѣна 50 коп.—2) Первая ферма на рѣкѣ Клейдѣ (съ англійскаго). Изданіе 2-е. М. 1899. Стр. 144. Цѣна 40 коп.—3) Дѣтство и приключенія Давида Копперфильда младшаго. Составлено по Диккенсу. Изданіе 2-е. М. 1897. Стр. 197. Цѣна 65 коп.“ (для городскихъ, по Положенію 1872 года, училищъ, а также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Бажина, С.* Какъ Миша попалъ на фабрику. М. 1894.“

— „Бесѣды о внутренности земли. Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 70. Харьковъ. 1901. Стр. 80. Цѣна 10 коп.“ (также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Бжезинскій, М.* Воздухъ и явленія, въ немъ происходящія. Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 69. Харьковъ. 1901. Стр. 160. Цѣна не

обозначена" (также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „Біографія Василія Андреевича Жуковскаго. Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 92. Харьковъ. 1902. Стр. 32. Цѣна 3 коп.".

— „*Вернъ, Жюль.* Завѣщаніе чудака. Изданіе ред. журн. „Всходы". Части I и II въ одной книгѣ. С.-Пб. 1900. Стр. 232 + 252. Цѣна 1 р." (для городскихъ училищъ, а также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Галкинъ.* Измаилъ и его военно-историческіе памятники. Одесса. 1902. Стр. 93+4 плана. Цѣна 1 р." (для городскихъ училищъ, а также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Гоголь, Николай Васильевичъ.* Сочиненія. Школьное изданіе, подъ ред. *Д. И. Тихомирова.* (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія"). М. 1902. 1-й сборникъ. Стр. 112. Цѣна 15 коп.—2-й сборникъ. Стр. 112. Цѣна 15 коп.—3-й сборникъ. Стр. 133. Цѣна 10 коп." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Гонигендлеръ, К. М.* Другъ человѣчества, Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. (По книгѣ сенатора Кони). Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 79. Харьковъ. 1901. Стр. 47. Цѣна 3 коп.".

— „*Догановичъ, Анна.* 1) Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ. Изданіе 2-е, В. С. Спиридонова. М. 1902. Стр. 80. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп.—2) Старые и малые. Сборникъ разсказовъ. Изданіе 2-е, В. С. Спиридонова. М. 1902. Стр. 93. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *Елпатьевскій, К.* Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+397. Цѣна 1 р. 30 коп.".

— „*Жуковскій, Василій Андреевичъ.* 1) Біографія и избранныя стихотворенія. Харьковъ. 1902. Стр. 156 + II. Цѣна 8 коп.— 2) Сказки. Харьковъ. 1902. Стр. 112. Цѣна 6 коп. (Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. №№ 90 и 91)".

— „*Засодимскій, П.* Первый русскій печатникъ Иванъ Ѳедоровъ. М. 1901. Стр. 24. Цѣна 15 коп." (также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Засодимскій, П.* Пѣсенка о соловьяхъ. (Разсказъ). М. 1901. Стр. 32. Цѣна 25 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Короткій, В. А.* Отъ людей скроешь, отъ Бога—никогда. С.-Пб. 1902. Стр. 59. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „*Лункевичъ, В.* Научно-популярная библіотека для народа. Изданіе Ф. Павленкова. № 1. Земля. 2-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 52. Цѣна 14 коп.—№ 3. Громъ и молнія. 2-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 48. Цѣна 12 коп.—№ 4. Жизнь въ каплѣ воды. 2-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 32. Цѣна 8 коп. — № 5. Невидимые друзья и враги людей. 2-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 64. Цѣна 16 коп.— № 11. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? 2-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 64. Цѣна 16 коп.“ (также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Максимовъ, С.* 1) О русской землѣ. Разсказъ первый. 6-е изданіе. С.-Пб. 1894. Стр. 48. Цѣна 8 коп. — 2) О русскихъ людяхъ. Разсказъ второй. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1899. Стр. 36. Цѣна 6 коп.— 3—6) Край крещенаго свѣта. I. Мерзлая пустыня, или Повѣсть о дикихъ народахъ, кочующихъ съ полуночной стороны Россіи. 8-е изданіе. С.-Пб. 1897. Стр. 56. Цѣна 11 коп. — II. Дремучіе лѣса или Разсказы о народахъ, населяющихъ русскіе лѣса. 9-ое изданіе. С.-Пб. 1898. Стр. 48. Цѣна 9 коп.—III. Степи или Разсказъ о народахъ, кочующихъ по степямъ съ полуденной стороны Россіи. 7-ое изданіе. С.-Пб. 1899. Стр. 63. Цѣна 9 коп.—IV. Русскія горы и Кавказскіе горцы. 6-ое изданіе. С.-Пб. 1898. Стр. 48. Цѣна 8 коп. (Всѣ 6—изданія Т-ва «Общественная польза»)“ (также и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Нащокина.* Призваніе. Разсказъ изъ дѣтской жизни. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. № 753. М. 1898. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Бѣлый витязь. (Черты изъ жизни народнаго героя). Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1901. Стр. 259. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 коп.“.

— „*Немировичъ-Данченко, Вас.* Чудныя страны и простые люди. Очерки, стихи и разсказы. Изданіе Д. П. Ефимова. М. Годъ не обозначенъ. Стр. 288+VIII. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 коп.“ (для городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ).

— „*Никитинъ, Иванъ Савичъ.* Стихотворенія. Съ портретомъ и

краткой біографіей. Составилъ *К. Говоровъ.* Изданіе 2-е, Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1900. Стр. 64. Цѣна 10 коп.".

— „*Пушкинъ, А. С.* 1) Скупой рыцарь. Драматическій очеркъ. М. 1900. Стр. 22. Цѣна 2 коп.—2) Борисъ Годуновъ. Драма въ стихахъ. М. 1900. Стр. 98. Цѣна 10 коп. (Иллюстрированная Пушкинская библіотека. Изданіе А. Я. Панафидина. №№ 18 и 23)".

— „Русскіе писатели. Маленькая хрестоматія. Изданіе Н. С. Аскарханова. I. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1902. Стр. 64. Цѣна 10 коп.—V. С.-Пб. 1900. Стр. 64. Цѣна 10 коп.—XII. С.-Пб. 1902. Стр. 64. Цѣна 10 коп."

— „*Смирновъ, А. П.* Осада Казани. Серебряный рубль. Темные люди. Три историческихъ разсказа. Съ предислов. *К. С. Баранцевича.* Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+293. Цѣна 1 р. 50 коп." (также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Тургеневъ, И. С.*, гр. *Л. Н. Толстой* и др. Разсказы для дѣтей и народа русскихъ писателей. Иллюстрированная хрестоматія. Составилъ *Д. Истоминъ.* Изданіе 3-е, Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1902. Стр. 222+I. Цѣна 40 коп."

— „*Херодиновъ, А.* Неожиданное счастье. Изданіе 2-е, Общества распространенія полезныхъ книгъ. № 822. М. 1899. Стр. 32. Цѣна 5 коп." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „ *Яковлева, Е.* О серебряномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ. Сказка въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. (Сказочный театръ. Библіотека нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1900. Стр. 21. Цѣна 15 коп." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній,—съ условіемъ пониженія, въ слѣдующемъ изданіи, продажной цѣны книги).

— „*Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Зимнія сумерки. Разсказы, сказки и стихотворенія. Изданіе 3-е, ред. журн. «Дѣтское Чтеніе». М. 1901. Стр. 111. Цѣна 35 коп." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

д) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Бунинъ, Ив. А.* Велга. Сѣверная легенда. М. 1901. Стр. 27. Цѣна 20 коп."

— „*Веселовская, Е. Д.* Амурскій край и наши переселенцы.

(Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ ред. *А. А. Ивановскаго*). Изданіе торг. дома С. Курнинъ и К°. М. 1901. Стр. 45. Цѣна 10 коп.“

— „*Веселовская, Н. Б.* Буряты. Под. ред. *А. А. Ивановскаго*. М. 1901. Стр. 34. Цѣна 10 коп.“

— „*Вульфсонъ, Э. С.* Киргизы. (Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ ред. *А. А. Ивановскаго)*. Изданіе торг. дома С. Курнинъ и К°. М. 1901. Стр. 79. Цѣна 10 коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Русскимъ матерямъ. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. М. 1892. Стр. IV+259. Цѣна 1 р.“

— „Добромъ все пересилишь. Переводъ съ малорусскаго. Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 76. Харьковъ. 1901. Стр. 46. Цѣна 3 коп.“

— „*Добрякова, А. Ф.* Остяки. (Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ ред. *А. А. Ивановскаго)*. Изданіе торг. дома С. Курнинъ и К°. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Засодимскій, П.* Въ Зырянскомъ краю. (Путевые очерки). М. 1901. Стр. 52. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп.“ (также и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Катаевъ, И. М.* Вотяки. (Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ ред. *А. А. Ивановскаго*). Изданіе торг. дома С. Курнинъ и К°. М. 1901. Стр. 46. Цѣна 10 коп.“

— „*Кругловъ, А. В.* Кронштадтскій пастырь. Изданіе И. М. Ѳадѣева. М. 1902. Стр. 38. Цѣна 25 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Музыка въ XIX вѣкѣ, инструментальная и вокальная. Изданіе ред. «Новаго журнала иностранной литературы». С.-Пб. 1902. Стр. 200. Цѣна 2 р. 50 коп.“ (также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Острогорскій, В. П.* Николай Васильевичъ Гоголь. Литературно-біографическій очеркъ. Изданіе Вятскаго Губернскаго Земства. Вятка. 1902. Стр. XXXVII. Цѣна 8 коп.“

— „*Пахомовъ, Иванъ.* Черная прорубь. Разсказъ. (Чтеніе для школъ, народа и войскъ). Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „*Пирамидова, В. Н.* Прибалтійскій край. (Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ ред. *А. А. Ивановскаго)*. Изданіе торг. дома С. Курнинъ и К°. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Позняковъ, Н. И.* Народные разсказы. 1) Заломъ. С.-Пб. 1901. Стр. 15.—2) На бѣдность. С.-Пб. 1901. Стр. 15.—3) Переполохъ. С.-Пб. 1901. Стр. 16. Цѣна каждой брошюрки 5 коп.“

— „*Позняковъ, Н. И.* Святочные разсказы. 1) Незнакомецъ. С.-Пб. 1901. Стр. 16.—2) Первый визитъ. С.-Пб. 1901. Стр. 16.—3) Двѣ милостыни. С.-Пб. 1901. Стр. 14.—4) Вѣсть. Суета. С.-Пб. 1901. Стр. 16.—5) Револьверъ. С.-Пб. 1901. Стр. 16. Цѣна каждой брошюрки 5 коп.“

— „*Полевой, П. Н.* Какъ мы поселились въ деревнѣ. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1901. Стр. XII+298. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія, старшаго и средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Пушкинъ, А. С.* 1) Исторія Пугачевскаго бунта. (№ 1). М. 1900. Стр. 188. Цѣна 20 коп.—2) Пѣсни западныхъ славянъ (№ 4). М. 1900. Стр. 40. Цѣна 4 коп. — 3) Русланъ и Людмила. Поэма. (№ 7). М. 1900. Стр. 108. Цѣна 10 коп.—4) Бахчисарайскій фонтанъ. (№ 10). М. 1900. Стр. 25. Цѣна 3 коп.—5) Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. (№ 11). М. 1900. Стр. 236. Цѣна 20 коп.—6) Анджело. Поэма. (№ 17). М. 1900. Стр. 34. Цѣна 3 коп.—7) Каменный гость. Драматическій очеркъ. (№ 20). М. 1900. Стр. 33. Цѣна 3 коп.—8) Дубровскій. Повѣсть. (№ 26). М. 1900. Стр. 144. Цѣна 10 коп.—9) Пиковая дама. Повѣсть. (№ 34). М. 1900. Стр. 55. Цѣна 5 коп. (Иллюстрированная Пушкинская библіотека. Изданіе А. Я. Панафидина).“

— „*Ромодановская, Е. С.* Якуты и ихъ страна. Подъ ред. *А. А. Ивановскаго.* М. 1901. Стр. 56. Цѣна 10 коп.“

— „Русскіе писатели. Маленькая хрестоматія. Изданіе П. С. Аскарханова. IX. С.-Пб. 1902. Стр. 64. Цѣна 10 коп.—XI. С.-Пб. 1902. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“

— „*Солодовниковъ, А. Д.* Жители Кавказа аварцы. (Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ ред. *А. А. Ивановскаго*). Изданіе торг. дома С. Куриинъ и К°. М. 1901. Стр. 30. Цѣна 10 коп.“

— „*Станюковичъ, К. М.* Нянька. Разсказъ. М. 1901. Стр. 96. Цѣна 40 коп.“

— „*Черскій, Л.* Приключенія Джами. Разсказъ изъ жизни одного феллаха. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1902. Стр. 64. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 40 коп.“

— „*Яньшинова, Н. И.* Чукчи. (Природа и люди Россіи. Общедо-

ступныя книжки подъ ред. *А. А. Ивановскаго*). Изданіе торг. дома С. Курнинъ и К°. М. 1901. Стр. 34. Цѣна 10 коп."

— „*Ящерицына, М. А.* Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи до Константина Великаго. Саратовъ. 1898. Стр. 15. Цѣна 5 коп."

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Барышников, П.* Краткія свѣдѣнія изъ русской грамматики и важнѣйшія правила ороографіи. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Кругъ 1-й. Изданіе 4-е испр. Стр. 62+II. Цѣна 10 коп. — Кругъ 2-й. Изданіе 3-е испр. Стр. 86+II. Цѣна 15 коп." (для городскихъ и сельскихъ училищъ, а также и для приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжки были исправлены, согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Ступель, А.*, и *Е. Гловъ.* Краткій курсъ географіи Россіи. Изданіе 9-е, К. Г. Зихмана. Рига. 1901. Стр. 103. Цѣна 30 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена, согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

б) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Лимановъ, И.* Въ помощь сельскимъ жителямъ. Казань. 1900. № 1. Какъ лѣчить вздутіе живота у коровы. Стр. 12.—№ 2. Какъ лѣчить лошадь, которая плохо ѣстъ. Стр. 20.—№ 3. Что такое заразная болѣзнь. Стр. 14.—№ 4. Лѣченіе поноса у телятъ. Стр. 13.—№ 5. Какъ помочь лошади, когда она валяется. Стр. 17.—№ 6. Какъ лѣчить кашель и насморкъ у животныхъ. Стр. 24.—№ 7. О лѣченіи чесотки у домашнихъ животныхъ. Стр. 23.—№ 8. Какъ лѣчить нарывы и опухоли. Стр. 29. Цѣна каждой брошюры 5 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи брошюръ были приняты къ руководству указанія ученаго комитета).

в) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Анисимовъ, С. С.* Вѣчный снѣгъ и ледъ. Подъ ред. *А. А. Ивановскаго.* М. 1901. Стр. 38. Цѣна 10 коп." (также и для чтенія

въ народныхъ аудиторіяхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи брошюра была исправлена, согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Баракшинъ, Александръ.* Держись малаго да вѣрнаго, не гонись за большимъ невѣрнымъ. М. 1902. Стр. 50. Цѣна не обозначена" (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Засодимскій, П.* Шемарданъ. Повѣсть о честномъ человѣкѣ. Изданіе торговаго дома «С. Курнинъ и К°». М. 1901. Стр. 19. Цѣна 25 коп." (съ тѣмъ, чтобы продажная цѣна книги была понижена до 10 коп.).

— „*Пушкинъ, А. С.* Сочиненія. Редакція Ч. Вѣтринскаго. Изданіе книжнаго маг. «Знаніе». С.-Пб. 1899. Стр. IV+XXIV+272+XII. Цѣна 50 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты къ руководству замѣчанія ученаго комитета).

— „*Сакмина, О. А.* Солнце. (Земля и ея жизнь. Общедоступныя книжки подъ ред. *А. А. Ивановскаго*). Изданіе торг. дома С. Курнинъ и К°. М. 1901. Стр. 25. Цѣна 10 коп." (также и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи брошюра была исправлена, согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

О ПРЕЖНЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ РАСПРОСТРАНЕНІИ БОБРА ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ РОССІИ [1]).

ГЛАВА V.

Прежнее и нынѣшнее распространеніе бобра въ Азіатской Россіи.

Что касается Туркестана въ обширномъ смыслѣ, со включеніемъ Закаспійской области, то онъ представляетъ, въ наибольшей своей части, лишенную древесной растительности степь, не соотвѣтствующую необходимымъ для бобра условіямъ жизни, а потому можно было уже a priori ожидать, что онъ здѣсь отсутствуетъ. И дѣйствительно, бобръ, повидимому, водился прежде только въ нѣкоторыхъ пограничныхъ областяхъ Туркестана. Такъ, древнее его существованіе въ окрестностяхъ Мугоджарскихъ горъ доказывается присутствіемъ урочищъ, названныхъ по бобру, какъ, напримѣръ, рѣчки *Кундузды* (отъ татарскаго *кундузъ*), притока Эмбы, берущаго свое начало въ означенныхъ горахъ. Въ томъ, что бобры на самомъ дѣлѣ водились въ этой мѣстности, свидѣтельствуетъ недавняя находка въ аллювіи р. Эмбы. Въ 1894 году *П. П. Сушкину* удалось найти, при устьѣ Темира (праваго притока Эмбы), въ урочищѣ Кокъ-джида, челюсть бобра, совершенно тожественную съ таковою нынѣ живущаго вида. Въ настоящее время мѣстность, гдѣ была сдѣлана эта находка, является полынною степью, и только въ рѣчной долинѣ ростутъ кусты *Elaeagnus, Tamarix* и *Salix*. Можно предположить, что когда то эти кустарники встрѣчались тамъ въ большемъ количествѣ, въ особенности же лохъ,— судя по приведенному названію урочища Кокъ-*джида* (по киргизски=

[1]) *Окончаніе.* См. іюльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

иній лохъ, *Elaeagnus).* Мѣстность этой находки довольно близко примыкаетъ къ разсмотрѣнному выше нахожденію бобра въ долинѣ р. Урала.

Палласъ замѣчаетъ о бобрахъ: „in aquosis etiam Tatariae magnae capiuntur frequentes", а *В. Блазіусъ* повторяетъ это еще въ новѣйшее время, присовокупляя, что бобръ, повидимому, былъ распространенъ, къ югу, до *Большой* и *Свободной Татаріи.* Однако же понятіе о Татаріи (или Тартаріи) чрезвычайно неопредѣленно, на что уже давно мною было указано при другомъ случаѣ [1]), и было бы очень желательно, что бы это шаткое названіе пропало разъ навсегда изъ научныхъ учебниковъ и статей. Я не въ состояніи точнѣе опредѣлить, какую собственно область *Палласъ* подразумѣвалъ подъ своею *Tataria magna*, и тѣмъ болѣе слѣдуетъ сожалѣть о томъ, что имъ не были точнѣе указаны мѣста нахожденія бобровъ въ этой области, такъ какъ для Закаспійской области и Туркестана,—которые еще всего скорѣе могли бы быть поняты подъ означеннымъ названіемъ,—вовсе нѣтъ свѣдѣній о присутствіи бобра. Такъ, онъ не значится въ спискахъ животныхъ Туркменіи, сообщенныхъ *Гр. Карелинымъ* [2]); точно также не говорится о бобрѣ въ сочиненіи гг. *Радде* и *Вальтера* [3]) о млекопитающихъ Закаспійской области. Затѣмъ нѣтъ рѣчи о бобрѣ также во всѣхъ отчетахъ о путешествіяхъ въ Киргизскія степи и въ окрестности озера Арала; такъ, напримѣръ, у *Ал. Шренка, Ал. Лемана,* барона *Г. Мейендорфа, Эд. Эверсмана, Ѳ. Базинери, А. Нёшеля, А. П. Федченко* и др. И для Туркестана бобръ вовсе не упоминается [4]). Точно также и для окрестностей озера Балхаша [5]). Въ

---

[1]) *Ѳ. Кеппенъ.* О саранчѣ, и пр. (Спб., 1870), стр. 166—167.

[2]) См. „Путешествія *Г. С. Карелина* по Каспійскому морю". Они составляютъ 10-й томъ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., по общей географіи (Спб., 1883) и изданы подъ редакціею *М. Н. Богданова.* На стр. 116—118: „Млекопитающія сѣверо-восточныхъ береговъ Каспійскаго моря". Путешествія были совершены въ 1832—1836 годахъ.—Гораздо раньше былъ напечатанъ нѣмецкій переводъ съ части рукописи автора: „Turkmenien oder das Land im Osten des Kaspischen Meeres. (Nach *Karelin's* Notizen)"; въ *Erman's* Archiv f. wiss. Kunde von Russland; Bd. 3, 1843; S. 203—245.

[3]) *G. Radde, A. Walter* und *W. Blasius.* „Die Säugethiere Transkaspiens"; въ „Научные результаты экспедиціи, совершенной въ 1886 году въ Закаспійскій край по Высочайшему повелѣнію". Томъ I. Зоологія. (Тифлисъ, 1890). Первоначально въ Zoologische Jahrbücher, Abth. für Systematik. Bd. 4, 1889, S. 993—1094.

[4]) *Н. А. Сѣверцовъ.* „Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе Туркестанскихъ животныхъ". (Извѣстія Имп. Общ. любит. естествозн., т. VIII, вып. 2, 1873 г.).

[5]) *А. М. Никольскій.* „О фаунѣ позвоночныхъ животныхъ дна Балхашской кот-

неоднократно упомянутыхъ мною „Naturhistorische Analekten“ г. *Штукенберга* хотя и значится, что русскіе рыбаки нашли бобровъ на берегахъ Арала, однако же въ источникѣ [1]), на который ссылается этотъ авторъ, ничего объ этомъ не говорится, и показаніе это я считаю несомнѣнно ошибочнымъ.

Перехожу затѣмъ къ нахожденію и распространенію бобра въ предѣлахъ Сибири. Объ этомъ, хотя имѣются изъ прежняго и новѣйшаго времени довольно многочисленныя свѣдѣнія, сообщенныя частію весьма выдающимися учеными, напримѣръ, *Палласомъ, Бэромъ* и *Миддендорфомъ*, — но все-таки остается относительно этого довольно много невыясненнаго; сюда слѣдуетъ причислить, напримѣръ, вопросъ о томъ, какъ далеко на востокъ шло прежде распространеніе бобра, и идетъ оно въ настоящее время. Передъ тѣмъ, чтобы установить, по возможности точно, предѣлы этого распространенія, я хочу предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній, сдѣланныхъ нѣкоторыми учеными.

Гмелинъ старшій [2]), путешествовавшій по Сибири съ 1733 по 1743 г., говоритъ по поводу *бобровыхъ* острововъ, лежащихъ въ рѣкѣ Манѣ (правомъ притокѣ Енисея, впадающемъ въ него повыше Красноярска), что эти острова, благодаря ихъ названію, сохранили память о бобрахъ, которые прежде существовали въ этой мѣстности и замѣчаетъ, что 80-лѣтніе старики, проводившіе весь вѣкъ свой въ этихъ дебряхъ, едва только припоминаютъ о разсказахъ татаръ, что тамъ поселились когда то три бобровыя семьи. Слѣдовательно, бобры исчезли изъ этой мѣстности уже въ концѣ XVII столѣтія! Къ этому *Гмелинъ* прибавляетъ еще слѣдующее: „*Итакъ, почти вездѣ, по всей Сибири, значится только, что бобры прежде тамъ были* [3]). Почти въ каждомъ мѣстѣ знали, изъ старыхъ разсказовъ, о прежнемъ существованіи бобровъ; но, такъ какъ легко можно было открыть ихъ

ловины“; въ Трудахъ Спб. Общ. естествоиспыт., т. XIX, отдѣл. зоологіи, 1888, стр 59—188.

[1]) „Das Ausland“, 1848, № (а не стр.) 106.—Здѣсь рѣчь идетъ о бобрѣ на берегахъ р. *Аракса*, и я увѣренъ, что это послѣднее слово искажено въ *Аралъ*.

[2]) *J. G. Gmelin.* Reise durch Sibirien; Bd. 3, S. 486 ff.

[3]) „Und so ist es mit diesen Thieren fast durch ganz Sibirien, dass es heisst, sie seyn da gewesen“.—Можно очень сожалѣть о томъ, что *Гмелинъ*, во время своего десятилѣтняго путешествія, отмѣтилъ лишь столь немногое о прежнемъ нахожденіи бобра въ Сибири. Нѣкоторыя показанія, касающіяся Восточной Сибири, будутъ сообщены ниже.

искусственныя жилья, то вскорѣ ихъ и истребили".—При всемъ томъ является весьма достопримѣчательнымъ то обстоятельство, что искорененіе это послѣдовало въ столь раннюю пору, когда страна эта, понятно, была населена еще въ гораздо меньшей степени, чѣмъ нынѣ.

Г. Ф. Миллеръ, путешествовавшій по Сибири вмѣстѣ съ *Гмелиномъ,* въ своей знаменитой статьѣ „о сибирскихъ торгахъ" [1]), посвятилъ, къ сожалѣнію, лишь нѣсколько строкъ тамошнему распространенію бобра. Онъ замѣчаетъ слѣдующее: „Бобры ловятся токмо по сю сторону рѣки Енисея, а притомъ еще въ маломъ числѣ, потому что въ прежніе годы не употреблена та осторожность, которой требуетъ бобровая ловля. По ту сторону Енисея земля вездѣ камениста, и за тѣмъ для сего звѣря неспособна".—Мы увидимъ однако же, что бобръ попадался несомнѣнно и къ востоку отъ Енисея.

Палласъ, путешествіе котораго по Сибири было совершено въ 1771 и 1772 годахъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего описанія путешествія [2]), упоминаетъ о нахожденіи бобра. Впослѣдствіи [3]), онъ замѣтилъ объ этомъ слѣдующее: „По рѣкамъ Сибири, въ особенности по Оби и ея притокамъ Кондѣ, Сосьвѣ и Казыму, а также по другимъ меньшимъ рѣкамъ, бобръ ловится до сихъ поръ въ большомъ количествѣ и доставляетъ превосходную струю... По ту сторону Енисея бобры попадаются рѣдко; однако же они ловятся по Алдану и по мелкимъ лѣсистымъ притокамъ Маны".—Р. Алданъ впадаетъ справа въ Лену, пониже Якутска; а р. Мана, какъ уже замѣчено,—правый притокъ Енисея. Откуда *Палласъ* почерпнулъ свѣдѣніе о нахожденіи бобра на берегахъ Алдана, установить мнѣ не удалось; показаніе о р. Манѣ онъ нашелъ, вѣроятно, у *Гмелина,* а можетъ быть, какъ мы увидимъ, онъ самъ наблюдалъ бобра на притокахъ Маны.

Бэръ [4]) говоритъ, между прочимъ, слѣдующее о распространеніи бобра въ Сибири: „Какъ легко можно ошибиться, если, безъ обращенія вниманія на историческія свидѣтельства, заключать, по рѣдкому или ограниченному нахожденію какого-либо животнаго, тотчасъ же о

---

[1]) *G. F. Müller.* „Nachrichten von der Handlung in Sibirien", въ его: Sammlung Russischer Geschichte, Bd. 3 (1758), S. 527.—Въ русскомъ переводѣ, въ Ежемѣс. Сочиненіяхъ, 1756 г., 1-е полугодіе, стр. 211.

[2]) *P. S. Pallas.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs.

[3]) *Pallas.* Zoographia rosso-asiatica; T. 1, p. 143.

[4]) *K. E. v. Baer.* „Vorkommen der Biber in Sibirien und im Europäischen Antheile des Russischen Reiches", въ его: „Übersicht des Jagderwerbes in Sibirien", въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. 7, 1845, S. 240—246.

его истребленіи, и,—какъ то обыкновенно дѣлается, объ истребленіи, послѣдовавшемъ въ недавнее время,—это можетъ намъ показать примѣръ бобра.—Вообще Сибирь и сѣверная часть Сѣверной Америки настолько сходны между собою, что можно ожидать найти, въ приблизительно одинаковомъ количествѣ, тѣхъ же самыхъ звѣрей, или, по крайней мѣрѣ, настолько близкіе виды, что можно предположить возможность одного общаго ихъ происхожденія. Между тѣмъ, бобръ въ Сѣверной Америкѣ очень далеко распространенъ... Въ Сибири же распространеніе его ограничено и, гдѣ бобръ встрѣчается, тамъ онъ вообще не многочисленъ. Въ большей половинѣ этой страны бобръ совершенно отсутствуетъ, такъ какъ его не находятъ къ востоку отъ Енисея. *Палласъ*, хотя и говоритъ, что онъ встрѣчается на Алданѣ и на Маѣ, притокѣ Алдана [1]), но въ правильности этого показанія можно сомнѣваться, такъ какъ другія свидѣтельства это отрицаютъ. Бобромъ не торгуютъ на Якутской ярмаркѣ, гдѣ онъ долженъ быть, если бы ловился на Алданѣ и на Маѣ". *Бэръ* положительно неправъ, высказывая такое сомнѣніе въ показаніи отличающагося своею точностью *Палласа*. Мы ниже увидимъ, что *Гмелинъ* старшій сообщилъ еще о другихъ мѣстахъ нахожденія бобра по правымъ притокамъ Лены, на что не обратили вниманія *Г. Ф. Миллеръ*, *Палласъ*, *Бэръ* и *Миддендорфъ*.

Въ описаніи своего путешествія *Миддендорфъ* [2]) не отличается твердостью убѣжденія при установленіи восточной границы распространенія бобра. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ: „Къ первоначальному показанію *Палласа* о томъ, что бобръ встрѣчался и на правомъ берегу Лены, нынѣ присоединилось еще показаніе *Брандта* [3]), основанное на сообщеніи многолѣтняго путешественника *Вознесенскаго*, согласно которому бобръ попадается и на берегу Охотскаго моря (у Гижигинска), а также по рѣкамъ Колымѣ и Анадыру. А потому непрерывность области распространенія этого животнаго, до сосѣднихъ береговъ сѣверной Америки, является обезпеченною. Однако же, требуются гораздо болѣе положительныя свѣдѣнія для того,

---

[1]) Это невѣрно: *Палласъ* говоритъ о *Манѣ*, а не о *Маѣ*.—*Миддендорфъ* (Sibirische Reise, Bd. 4, S. 856, въ 7-й выноскѣ) страннымъ образомъ повторяетъ эту ошибку, а ссылается вѣрно на: *Pallas*. Zoographia rosso-asiatica, I, p. 143.

[2]) *Middendorff*. Sibirische Reise, Bd. 4, S. 855—857.

[3]) *J. F. Brandt*. „Bemerkungen über die Wirbelthiere des nördlichen europäischen Russlands", въ: *E. Hofmann*. Der nördliche Ural, etc., Bd. 2 (1856), S. 41.—Здѣсь та же самая ошибка, какъ у *Бэра*: значится рѣка *Мая*, вмѣсто *Маны*.

чтобы отстранить всякія сомнѣнія въ этомъ отношеніи". Указавъ затѣмъ на отсутствіе бобра на Амурѣ и высказавъ догадку, что показаніе *Вознесенскаго*, можетъ быть, относится къ бобровымъ мѣхамъ, полученнымъ Чукчами посредствомъ мѣновой торговли съ ихъ американскими соплеменниками,—*Миддендорфъ* продолжаетъ: „Немыслимо, чтобы бобры, если они водились по нижнему Енисею, въ области Лены, Колымы и проч., могли быть совершенно истреблены уже теперь, когда мѣстности эти еще пустынны и крайне рѣдко заселены. Поэтому такой пробѣлъ въ распространеніи бобровъ остается нерѣшенною загадкою, изслѣдованіе которой слѣдуетъ рекомендовать особой внимательности всѣхъ будущихъ путешественниковъ въ означенныхъ мѣстностяхъ"... Высказывая здѣсь, слѣдовательно, сильное сомнѣніе въ нахожденіи бобра на крайнемъ востокѣ Сибири (даже и въ прежнія времена), *Миддендорфъ* замѣчаетъ нѣсколько позже (тамъ же, на стр. 1006), что „бобръ все-таки, вѣроятно, встрѣчается на берегахъ Охотскаго моря". Такое колебаніе во взглядѣ *Миддендорфа*, очевидно, можетъ быть объяснено только недостаточностью данныхъ изъ означенныхъ далекихъ странъ. Къ концу разсмотрѣнія распространенія бобра въ Сибири, я возвращусь къ этому вопросу; теперь-же могу только указать на то, что совершенное истребленіе этого животнаго является все-таки возможнымъ и въ пустынныхъ и крайне малонаселенныхъ областяхъ, доказательствомъ чему служитъ сообщенный выше, по *Гмелину* старшему, примѣръ изъ XVII-го столѣтія.

Въ новѣйшее время эти наиболѣе сѣверныя области Восточной Сибири были изслѣдованы экспедиціею, въ которой принимали участіе д-ръ *Ал. Бунге* и баронъ *Эд. Толль*. Въ числѣ привезенныхъ ими послѣтретичныхъ остатковъ звѣрей отсутствуетъ бобръ. Этому отрицательному результату слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что въ прекрасномъ описаніи этихъ остатковъ, составленномъ *Черскимъ* [1]), нѣтъ сопоставленія и освѣщенія найденныхъ въ Сибири остатковъ бобра, о чемъ слѣдуетъ искренно сожалѣть. Онъ только въ немногихъ мѣстахъ и лишь мимоходомъ говоритъ о такихъ остаткахъ, но и это немногое представляетъ значительный интересъ. Помимо нѣкоторыхъ находокъ по сю сторону Енисея, напримѣръ, въ торфяни-

---

[1]) *И. Д. Черскій.* Описаніе коллекціи послѣтретичныхъ млекопитающихъ животныхъ, собранныхъ Ново-сибирскою экспедиціею 1885—86 гг. С.-Пб., 1891. (Приложеніе къ LXV-му тому Записокъ Имп. акад. наукъ, № 1).

кахъ Тюменскаго округа (стр. 22—23;—находка *И. Я. Словцова*), въ Алтайскихъ пещерахъ (стр. 11, по *Брандту*) [1]), также въ неолитической стоянкѣ около Красноярска (стр. 21—22),—у *Черскаго* показаны еще два мѣста нахожденія, лежащія къ востоку отъ Енисея. Въ одномъ изъ нихъ, въ Иркутской губерніи [2]), были найдены *Н. И. Витковскимъ* кости бобра, вмѣстѣ съ остатками неолитическаго человѣка (см. стр. 19). Другое мѣсто, гдѣ была найдена самимъ *Черскимъ* кость бобра чернобураго цвѣта, совмѣстно съ остатками носорога (*Rhinoceros tichorhinus*), находится на р. Нижней Тунгускѣ (подъ 60° сѣв. широты), въ Енисейской губерніи. *Черскій* по этому поводу замѣтилъ (на стр. 20-й) слѣдующее: „Весь интересъ этой находки состоитъ въ томъ, что, въ противоположность упомянутымъ выше бобрамъ, найденнымъ вмѣстѣ съ неолитическими издѣліями человѣка или въ торфяникахъ, это единственный остатокъ *постпліоценоваго* бобра въ Сибири".

Переходя затѣмъ къ точному обзору распространенія бобра въ Сибири, я группирую оное по главнымъ рѣчнымъ системамъ и, подвигаясь съ запада къ востоку, разсмотрю, такимъ образомъ, системы Оби, Енисея, Лены и остальныхъ рѣкъ Восточной Сибири. Такъ какъ время исчезновенія бобра изъ той или другой мѣстности является особенно интереснымъ, то я сообщу показанія о его нахожденіи, большею частію, въ хронологической очереди. Конечно, было бы желательно дать эти показанія въ связи съ постепенно увеличивающеюся колонизаціею Сибири, такъ какъ человѣкъ, какъ злѣйшій врагъ бобра, является, какъ уже замѣчено, главнѣйшимъ виновникомъ его искорененія. Однако же, я отказываюсь отъ этого, такъ какъ, съ одной стороны, общій ходъ колонизаціи Сибири довольно хорошо извѣстенъ, съ другой же стороны, преслѣдованіе этой цѣли, во всѣхъ спеціальныхъ случаяхъ, потребовало бы такой суммы времени и детальныхъ изслѣдованій, которая была бы совершенно несоразмѣрна съ тою пользою, которую можно бы ожидать отъ этого собственно по отношенію къ исчезновенію бобра.

---

[1]) *J. F. Brandt.* „Neue Untersuchungen über die in den altaischen Höhlen aufgefundenen Säugethierreste; ein Beitrag zur quaternären Fauna des Russischen Reiches; въ Bulletin de l'Acad. Imp. d. sc. de St.-Pétersbourg, T. 15, 1871; столб. 162.

[2]) И именно, на Ангарѣ. См. замѣтку *Черскаго*, въ Извѣст. Вост.-Сибирск. отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. 16, № 1—3, за 1885 г., стр. 282. Тутъ же значится, по *Чекановскому*, что на Нижней Тунгускѣ сохранилось преданіе о прежнемъ существованіи бобра.

I. Система Оби.

Какъ выяснится изъ нижеслѣдующихъ показаній о мѣстахъ нахожденія бобра, повидимому, все огромное пространство, оводняемое системою Оби, съ ея величайшимъ притокомъ—Иртышомъ и съ рѣками, берущими свое начало на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ и впадающими слѣва въ Иртышъ,—было нѣкогда населено бобрами. Что касается этихъ послѣднихъ рѣкъ, то о нихъ было уже говорено, въ связи съ разсмотрѣніемъ распространенія бобра въ Уральскихъ горахъ. Я хочу только напомнить, что бобры водились на нѣкоторыхъ притокахъ Туры (впадающей, съ лѣвой стороны, въ Тоболъ), а также на ихъ притокахъ, какъ то на рѣкахъ Ивделѣ, Вагранѣ, южной Сосьвѣ, Лозьвѣ, Ницѣ, Нейвѣ, Рѣжѣ, Міясѣ и Увелкѣ. Точно также тамъ рѣчь шла о болѣе сѣверныхъ притокахъ Иртыша и Оби: о рѣкахъ Кондѣ и сѣверной Сосьвѣ, съ ея притоками малою Сосьвою и Леплею.

Чуть ли не древнѣйшимъ свѣдѣніемъ о бобрѣ въ Сибири мы обязаны *Исбрантсу Идесу* [1]), который, въ 1692 году, въ качествѣ русскаго посла, посѣтилъ Китай. Онъ сообщаетъ, что по близости Сургута (на Оби, подъ $61^{1}/_{4}^{0}$ с. ш.) бобры были наблюдаемы „стадами". Въ показаніи его, вообще не безынтересномъ, находятся, впрочемъ, нѣкоторыя невѣрныя и баснословныя свѣдѣнія (напримѣръ, о томъ, что бобры питаются рыбою и о содержаніи ими рабовъ).

Въ извѣстной книгѣ *Штраленберга* [2]), изъ первой половины XVIII-го столѣтія, значится, что бобры водятся въ большомъ числѣ на Оби, Иртышѣ, Чулымѣ [3]), Кіи [4]) и нѣсколькихъ другихъ рѣкахъ. И здѣсь встрѣчаются тѣ же самыя ошибки и басни при описаніи образа жизни бобровъ, какъ у *Исбранта Идеса*. Относящіяся сюда показанія *Гмелина* ст., бо̀льшей частію, приведены мною выше. Онъ

---

[1]) *E. Ysbrants Ides.* Driejaarige Reize naar China, van Moskou af, over Groot Ustiga, Siriania, Permia, Sibirien, Daour, Groot Tartaryen tot in China. Amsterdam, 1704. 4°.

[2]) *Phil. Ioh. v. Strahlenberg.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. (Stockholm, 1730); S. 332—333.

[3]) Подъ Чулымомъ здѣсь, безъ сомнѣнія, понимается значительный правый притокъ Оби. Другая рѣка Чулымъ (или Чулумъ) впадаетъ въ озеро Чаны.

[4]) Кія, притокъ Чулыма, беретъ свое начало въ Абаканскихъ горахъ. См. *Stuckenberg,* Hydrographie des Russischen Reiches, Bd. 6, S. 195.

сообщилъ [1]) также о нахожденіи бобровъ на р. Царъ-Гурбанѣ [2]), западномъ притокѣ Иртыша [3]).

Делиль (*Nic. Jos. de l' Isle*) [4]), посѣтившій Березовъ (на сѣв. Сосьвѣ, подъ 63° 56′ с. шир.) въ 1740 году, замѣчаетъ, что въ то время водилось множество бобровъ въ окрестностяхъ этого города; его спутникъ *Кенигсфельдъ* осмотрѣлъ бобровое жилище, къ которому вели четыре дороги.—Въ описаніи путешествія *Палласа* по Сибири (въ 1771 и 1772 годахъ) встрѣчается нѣсколько показаній о нахожденіи бобра въ предѣлахъ системы Оби. Нѣкоторыя изъ нихъ уже сообщены мною выше. По отчету спутника его, г. *Зуева*, *Палласъ* [5]) замѣчаетъ, что изъ Березова поступаетъ въ торговлю довольно большое количество бобровъ (и выдръ). Бобры на нѣкоторыхъ необитаемыхъ рѣкахъ держались тогда еще обществами, но большею частію они вели одинокую жизнь по лѣсистымъ берегамъ рѣкъ. Говоря о мѣстностяхъ по р. Тарѣ (правому притоку Иртыша), *Палласъ* (тамъ же, т. 3, стр. 466) замѣчаетъ, что и тамъ нѣтъ недостатка въ бобрахъ. Кромѣ указанныхъ выше рѣкъ, *Палласъ* [6]) называетъ еще берега Ишима, какъ мѣстопребываніе бобровъ; здѣсь однажды была наблюдаема бѣлая, на спинѣ желтоватая, разновидность.

По свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ 1786 году [7]), значится про бобровъ: „оныхъ великое множество по Оби, Енисею и Томѣ".—По преданію, сохранившемуся у татаръ, около 1760 года бобры водились еще въ Тарскомъ округѣ [8]). (Сл. вышеприведенную замѣтку

---

[1]) *J. G. Gmelin.* Reise durch Sibirien.; Bd. 1, S. 227.

[2]) Zaar-Gurban, у *Гмелина*; Tschar-Gurban (Tschar-Kurban), у *К. Риттера* (Die Erdkunde, Th. 2, S. 730); Zar-Gurban и Tschor-Gurban, у *Штукенберга* (Hydrographie, Bd. 6, S. 200—201).

[3]) По *Миддендорфу* (Sibir. Reise, Bd. 4, S. 856)—неподалеку отъ Семипалатинска.

[4]) Я цитирую по *П. Пекарскому*: „Путешествіе академика Николая Іосифа *Делиля* въ Березовъ въ 1740 году". (Приложеніе къ VI-му тому Записокъ Импер. Академіи Наукъ, № 3, 1865 г.); стр. 22.

[5]) *P. S. Pallas.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs; Bd. 3, S. 18 u. 88—89.

[6]) Въ своей Zoographia rosso-asiatica.

[7]) „Краткое описаніе Тобольскаго намѣстничества"; въ Мѣсяцесловѣ истор. и географ. на 1786 г., стр. 74.

[8]) *Мих. Смоленскій.* „Очеркъ ловли звѣрей и птицъ въ Тобольской губерніи"; въ Тобольск. губ. вѣдом., 1858 г., № 30.—Почти дословно повторено, безъ указанія источника, въ статьѣ: „Звѣропромышленность въ Тобольской губерніи". (Сибирскій Вѣстникъ, 1886 г., № 103).

Палласа). Показаніе [1]), будто тамъ попадались бобры еще въ 1856 году, хотя и весьма рѣдко, кажется мнѣ нѣсколько сомнительнымъ. *Словцовъ* [2]) замѣчаетъ, что въ началѣ XIX столѣтія бобры водились еще въ Васюганской тундрѣ. „Въ 1820 году графу *Сперанскому* Остяки поднесли живого бобра, пойманнаго на р. Узунъ-Айры, впадающей въ Агильяхъ, притокъ Васюгана". Водятся ли тамъ бобры еще въ настоящее время, объ этомъ нѣтъ никакихъ надежныхъ свѣдѣній; въ той части этого огромнаго болотнаго пространства, которая находится между Тарою и Сургутомъ, ихъ болѣе не было въ исходѣ 1850-хъ годовъ [3]). Около 1825 года *Эрдманъ* [4]) называетъ бобра въ числѣ животныхъ, водящихся въ Тобольской губерніи,—не обозначая точнѣе мѣстъ нахожденія. А въ 1828 году *Эрманъ* [5]) говоритъ о ловлѣ бобровъ, какъ о прибыльномъ занятіи жителей Сургута; онъ же сообщаетъ, что бобры попадаются еще очень часто на нѣкоторыхъ притокахъ Оби, составляя добычу остяцкихъ и русскихъ охотниковъ, которые продаютъ ихъ березовскимъ купцамъ.

Къ югу отъ Васюганской тундры, въ Барабѣ, бобры существовали также въ прежнее время. Изъ древняго извѣстія [6]), относящагося къ 1660 году, явствуетъ, что барабинскіе татары, ловившіе ранѣе бобровъ въ рѣкахъ, окружающихъ озеро Чаны, въ то время были оттѣснены калмыками. Впрочемъ, бобры продержались здѣсь довольно долго; по крайней мѣрѣ, проф. *Эверсманъ*, въ 1850 году, сообщилъ словесно академику *Брандту* [7]), что бобры еще въ то время водились въ Барабѣ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что они вымерли тамъ

---

[1]) *Гр. Колмогоровъ*. „Городъ Тара и его округъ, Тобольской губерніи" (въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1856, ч. 20, отд. III, стр. 16).—*Гуляевъ* (въ Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1851, ч. 3, геогр. и статист. Россіи, стр. 1—88) не упоминаетъ о бобрѣ съ береговъ Иртыша.

[2]) *И. Я. Словцовъ*. „Позвоночныя Тюменскаго округа и ихъ распространеніе въ Тобольской губ."; въ Матеріалахъ къ познанію фауны и флоры Россійской Имперіи, Отд. зоолог., вып. 1, 1892 г., на стр. 207.

[3]) См. „Очеркъ Васюганской тундры"; въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1859, ч. 37, смѣсь, стр. 8.

[4]) *J. Fr. Erdmann*. Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland; Th. II, Hälfte 2, S. 96.

[5]) *Ad. Erman*. Reise um die Erde durch Nord-Asien, etc., Bd. 1 (1833), S. 443.

[6]) См. *Müller's* Sammlung russischer Geschichte; Bd. 8 (1763), S. 455.

[7]) См. *J. F. Brandt*. „Bemerkungen über die Wirbelthiere des nördlichen europäischen Russlands"; въ: *E. Hofmann*. Der nördliche Ural, etc., Bd. 2 (1856), S. 41—42.

уже нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. *Миддендорфъ*, изслѣдовавшій Барабу въ 1868 году и затѣмъ ее описавшій [1]), не упоминаетъ вовсе о бобрѣ; и также въ 4-омъ томѣ своего сибирскаго путешествія, появившемся нѣсколькими годами позже (въ 1875 г.), онъ ограничивается лишь передачею вышесообщеннаго стариннаго свѣдѣнія о нахожденіи бобровъ въ окрестностяхъ озера Чаны.—Далѣе къ востоку, въ Нарымскомъ краѣ (по р. Оби, подъ 58°55′ сѣв. шир.), бобры, еще въ 1830-хъ годахъ, были довольно многочисленны, но уже въ 1840-хъ годахъ они были совершенно уничтожены [2]). Съ этимъ согласуется и показаніе *Кастрена* [3]), что въ 1846 году бобръ почти совершенно исчезъ изъ Нарымскаго края. По сообщенію проф. *Кащенко* [4]), „при раскопкахъ на Обь-Енисейскомъ каналѣ найдены черепа и другія кости бобра“. О недавнемъ нахожденіи его въ Нарымскомъ краѣ говоритъ и *А. Ѳ. Плотниковъ* [5]), по словамъ котораго, бобръ водился, въ XVIII столѣтіи, въ особенности въ Кетской области.—На рѣкѣ Чулымѣ, о которой уже выше была рѣчь, бобры, какъ кажется, продержались особенно долго; по крайней мѣрѣ, *Гагемейстеръ* [6]) замѣчаетъ еще въ 1854 году, что бобры, въ нѣсколько значительномъ количествѣ, ловились въ то время только еще на Оби и Чулымѣ.

По словамъ *К. Риттера* [7]), бобры въ прежнее время водились по рѣкамъ Тарбагатая. Къ сѣверовостоку отъ этого горнаго кряжа, въ большой впадинѣ между нимъ и Алтаемъ, бобры сохранились до настоящаго времени,—а именно на нѣкоторыхъ притокахъ верхняго или Чернаго Иртыша, впадающаго въ озеро Зайсанъ-Норъ, — частію уже за предѣлами Сибири, т.-е., въ Монголіи. Мы обязаны *Гр. С.*

---

[1]) *A. v. Middendorff.* Die Baraba. 1870. (Mém. de l'Acad. d. sc. de St. Pétersbourg, VII sér., T. XIV, № 9).

[2]) См. 1) „Царство животныхъ въ Нарымскомъ краѣ“; въ Томск. губ. вѣдом., 1864 г., №№ 32 и 33.—2) *Костровъ,* кн. Н. „Нарымскій край“. (Тамъ же, 1872 г., № 51).

[3]) *M. Al. Castrén's.* Reiseberichte und Briefe, aus den Jahren 1845 bis 1849; S. 192, Anm.

[4]) *Н. Ѳ. Кащенко.* Опредѣлитель млекопитающихъ животныхъ Томскаго края. (Томскъ, 1900); на табл. 28-ой.

[5]) Въ статьѣ: „Нарымскій край“; въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., по отд. статистики, т. 10, вып. 1, 1901 г., на стр. 337.

[6]) *Гагемейстеръ.* Статистическое обозрѣніе Сибири; ч. 2 (1854 г.), стр. 253—254.

[7]) *C. Ritter,* Die Erdkunde; Th. 2 (1832), S. 418.—Можетъ быть, что это показаніе относится къ существованію бобра на Черномъ Иртышѣ.

Карелину [1]) едва ли не первыми свѣдѣніями объ этомъ интересномъ мѣстонахожденіи. По его показанію, бобры въ 1840 году встрѣчались въ большомъ количествѣ по Калджиру [2]), вытекающему изъ озера Марка-Куль и впадающему справа въ Черный Иртышъ. Въ другомъ мѣстѣ [3]), *Карелинъ* говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Бобровъ очень много въ берегахъ безчисленныхъ лѣсистыхъ рѣкъ и рѣчекъ, стремящихся съ правой стороны въ Черный Иртышъ. Въ прежніе годы, сибирскіе казаки и ясачные крестьяне почасту отправлялись туда на звѣриные промыслы, но буйныя выходки послѣднихъ вынудили начальство воспретить эти наѣзды... Бобровъ было, да и теперь, вѣроятно, есть, такъ много, что струя ихъ продавалась по одному рублю ассигнаціями, и даже менѣе, за золотникъ".

Потанинъ [4]), посѣтившій окрестности Зайсанъ-Нора зимою 1863—1864 гг., разсказываетъ объ одномъ крестьянинѣ, *Александрѣ Ляпуновѣ*, который ходилъ однажды на Кабу [5]) промышлять бобровъ и убилъ тамъ 12 штукъ; изъ каждаго бобра онъ вынулъ по 40 золотниковъ струи (по киргизки *кундузъ-каиръ*), которую продалъ по 1 р. сер. за золотникъ и, слѣдовательно, имѣлъ выручку въ 480 р. сер. Въ зиму 1862—1863 гг. киргизы убили на Кабѣ 15 бобровъ, но не умѣли достать струю и обратились за этимъ къ *Ляпунову*.—О бобровой ловлѣ, производившейся на Черномъ Иртышѣ въ XVIII столѣтіи со стороны русскихъ поселенцевъ изъ Бійскаго уѣзда Томской губерніи, сообщено нѣсколько словъ въ статьѣ г. *Принтца* [6]). „Бобровую струю, по снятіи шкуры, они солили для предохраненія отъ порчи, а потомъ продавали ташкентскимъ и китайскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ къ нимъ для покупки". — Въ позднѣйшемъ сообщеніи

---

[1]) „Lettres de *Mr. Karéline*",—въ Bulletin de Moscou, 1840, p. 500.

[2]) *Влангали* пишетъ: *Кульджуръ*. См. „*Wlangali's* Reise nach der östlichen Kirgisen-Steppe"; въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches; Bd. 20, 1856, S. 19.—Здѣсь (на стр. 18—20) описывается Черный Иртышъ съ его притоками, но о бобрѣ вовсе не упоминается.

[3]) „Письмо *Г. С. Карелина* на имя ученаго секретаря"; въ журналѣ „Акклиматизація", т. 2, 1861 г., стр. 192—204. (О бобрѣ—на стр. 202).

[4]) *Григ. Потанинъ*. „Зимняя поѣздка на озеро Зайсанъ (зимой 1863—1864 гг.)"; въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., по общей географіи; т. 1, 1867, на стр. 457.

[5]) Каба—также правый притокъ Чернаго Иртыша.

[6]) *А. Принтцъ*. „Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губерніи"; въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., по общей географіи, т. 1, 1867, стр. 550.

о Черномъ Иртышѣ г. *Абрамова* [1]) помѣщено о тамошнемъ бобрѣ лишь нѣсколько словъ, которыя, очевидно, позаимствованы изъ статьи *Потанина*.

Удивительно, что *Финшъ*, который, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ *А. Бремомъ* и графомъ *Вальдбургъ-Цейль* въ 1876 году объѣхалъ Западную Сибирь съ зоологическою цѣлью, въ описаніи своего путешествія [2]), говоря о плаваніи по Черному Иртышу, не заикнулся о тамошнемъ бобрѣ. Интересно же данное имъ описаніе береговъ этой рѣки, которые вездѣ густо засажены осинами и ивами (въ особенности, *Salix alba*), образующими мѣстами непролазныя чащи. Здѣсь, слѣдовательно, существуютъ превосходныя условія жизни для бобра. Едва ли можно предположить, что бобръ тогда уже исчезъ изъ сказанной мѣстности, — тѣмъ болѣе, что г. *Никольскій* [3]), посѣтившій эти мѣста *позже Финша*, сообщаетъ, со словъ бывалаго охотника, что бобры попадались на Черномъ Иртышѣ еще въ началѣ 1880-хъ годовъ.

Повидимому, въ непосредственной связи съ мѣстонахожденіемъ бобра на Черномъ Иртышѣ, являясь лишь продолженіемъ его къ востоку, состоитъ существованіе бобра на озерѣ Улюнгурѣ и на впадающей въ него рѣкѣ Урунгу, въ сѣверозападной Монголіи. *Е. А. Бихнеръ*, со словъ г. *Клеменца*, одного изъ лучшихъ знатоковъ этой страны, сообщилъ мнѣ въ началѣ 1898 года, что по нижнему теченію р. Булугуна [4]) бобры очевидно еще существуютъ. *Г. Клеменцъ* хотя самъ не имѣлъ въ рукахъ экземпляровъ изъ этой мѣстности, но слышалъ отъ весьма надежнаго купца, *П. М. Захарова*, что бобры живутъ тамъ въ особыхъ постройкахъ и возводятъ плотины. Г. *Захаровъ* покупаетъ тамъ ежегодно отъ 5-и до 10-и бобровыхъ шкуръ. Можно удивляться тому, что въ описаніяхъ путешествій

---

[1]) *Н. Абрамовъ.* „Нѣсколько свѣдѣній о Черномъ Иртышѣ“; въ Тобольск. губ. вѣдом., 1870, № 21.

[2]) *O. Finsch.* Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. (Berlin, 1879). На стр. 231—232 описанъ Черный Иртышъ. — Въ описаніи научныхъ результатовъ своего путешествія (въ Verhandl. d. zoolog.-botan. Ges. in Wien, 1879, на стр. 123), *Финшъ* упоминаетъ о томъ, что онъ видѣлъ въ Барнаульскомъ музеѣ бобра, убитаго на Черномъ Иртышѣ.

[3]) *А. М. Никольскій.* „Путешествіе въ Алтайскія горы лѣтомъ 1882 года. (Часть зоологическая)“; въ Труд. С.-Пб. Общ. естествоиспыт., т. 14, 1883 г., на стр. 177.

[4]) Рѣка Булугунъ, сколько мнѣ извѣстно, составляетъ верхнее теченіе рѣки Урунгу, которая принимаетъ это послѣднее названіе послѣ впаденія въ нее правыхъ притоковъ Цаганъ-гола и Чингиля.

Пржевальскаго, который неоднократно проходилъ вдоль р. Урунгу не говорится о столь замѣчательномъ мѣстонахожденіи бобра.—Въ новѣйшее время *В. Ф. Ладыгинъ* [1]), участвовавшій въ экспедиціи *П. К. Козлова* въ Монголію и Тибетъ, до извѣстной степени разъяснилъ вопросъ о существованіи бобра въ означенной мѣстности. Онъ отрицаетъ присутствіе бобра собственно на Булугунѣ, замѣчая, что самый характеръ этой рѣки не далъ-бы возможности ужиться этому животному. Живущіе по этой рѣкѣ Урянхайцы и Торгоуты единогласно показали, что бобра въ рѣкѣ Булугунѣ никогда не было, а что онъ живетъ по рѣкѣ Урунгу, которая глубока и течетъ среди густыхъ зарослей ивы, сквозь которыя трудно пробраться къ рѣкѣ и пѣшему. Одинъ старый охотникъ разсказывалъ г. *Ладыгину*, что „бобръ живетъ не только по р. Урунгу, но водится и на озерѣ Улюнгурѣ, гдѣ его больше, но гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, берега менѣе доступны".—Показанію г. *Ладыгина* относительно отсутствія бобра на р. Булугунѣ можно противупоставить: 1) вышеприведенное показаніе купца *Захарова*, и 2) то обстоятельство, что въ зоологическій музей И. Академіи Наукъ, въ 1900 году, были доставлены экспедиціею *П. К. Козлова* двѣ шкуры и одинъ черепъ бобра, именно съ р. Булугуна [2]). А потому, вопросъ этотъ требуетъ еще разъясненія.

Переходя затѣмъ отъ Китайскаго Алтая къ Русскому, припомню, что въ тамошнихъ пещерахъ (какъ уже было сообщено выше) были найдены остатки бобра. *Палласъ* (Reise, Bd. 2, p. 570) замѣчаетъ, что въ окрестностяхъ Тигерецкаго караула, по горнымъ рѣчкамъ, бобръ водился довольно часто еще въ 1771—72 годахъ. *К. А. Мейеръ* [3]) говоритъ, что на р. Курчумѣ [4]), ближе къ его верховьямъ, находятъ

---

[1]) „Поѣздка на верховья рѣки Урунгу (Булугунъ). Изъ письма *В. Ф. Ладыгина*"; въ статьѣ: „Вѣсти изъ экспедиціи *П. К. Козлова*"; въ Извѣстіяхъ И. Русск. Геогр. Общ., т. 36, 1900, вып. 1, на стр. 78—79.

[2]) Въ отчетѣ по Зоологическому музею за 1899—1900 годъ, вмѣсто *Булугунъ*, рѣка эта ошибочно названа *Булушумъ*. См. Ежегодникъ Зоолог. Музея И. Академіи Наукъ, 1901, т. 6, № 2—3, стр. 6.

[3]) *C. A. Meyer*, въ *C. Fr. Ledebour's* Reise durch das Altai-Gebirge und die soongorische Kirgisen-Steppe; Th. 2 (Berlin, 1830), S. 241; во II-омъ отдѣлѣ: „Von Buchtarminsk zum Noor-Saisan". — Прибавлю еще, что г. *Принтцъ* (въ привед. мѣстѣ, на стр. 558) упоминаетъ о рѣчкѣ *Бобровкѣ* въ Бухтарминской волости.

[4]) Рѣка Курчумъ—первый правый притокъ Иртыша по выходѣ его изъ оз. Норъ-Зайсана. По *Штукенбергу* (Hydrographie des Russischen Reiches, Bd. 2, p. 391), на берегахъ Курчума находятся густыя заросли осокорей, осинъ и березъ. О бобрахъ имъ не упоминается.

иногда бобровъ. *Карелинъ* подтверждаетъ это показаніе, присовокупляя, что бобры попадаются тамъ въ небольшомъ количествѣ. *Никольскій* приводя эти показанія, замѣчаетъ что, въ посѣщенной имъ части Алтайскихъ горъ бобры, очевидно, совершенно истреблены, такъ какъ тамошніе жители, большею частію, не имѣютъ о нихъ никакого представленія. То же самое предположеніе, по отношенію вообще къ южной Сибири, высказалъ г. *Щукинъ* [1]) еще въ 1847 году, замѣчая, что уже тогда бобры сохранились только на сѣверѣ Сибири, и тамъ держатся по пустыннымъ рѣчкамъ по одиночкѣ, а не обществами.

Объ этихъ сѣверныхъ мѣстахъ нахожденія бобра, въ предѣлахъ Обской системы, я хочу сопоставить еще нѣсколько болѣе новыхъ извѣстій.

Въ описаніи Березовскаго края г. *Абрамовъ* [2]) говоритъ въ 1857 году, что бобры встрѣчаются уже только на немногихъ притокахъ Оби и притомъ—черные, каріе и рыжіе. Они попадаются на Кондѣ и ея притокахъ, на Казымѣ [3]) и впадающихъ въ него ручьяхъ, въ Аганской волости Сургутскаго округа, а также въ Пимской волости. Мѣха живущихъ тамъ бобровъ малоцѣнны. По показанію г. *Завалишина* [4]), въ 1862 году бобры существовали въ Западной Сибири „только въ немногихъ рѣкахъ глубокаго сѣвера, въ большой и малой Кондѣ (въ Пелымскомъ краѣ), въ Березовѣ по Сосьвѣ и въ Приобской тайгѣ, отъ Обдорска до Нарыма“ [5]). Тамъ же (на стр. 226) значится: „Въ Туринскомъ округѣ бобръ водится теперь изрѣдка лишь въ дремучихъ тайгахъ р. Конды“ [6]). *Миддендорфъ* (въ привед. мѣстѣ, стр. 855) сообщаетъ, что, согласно показанію *Бэра* [7]), г. *Бѣляевъ* засталъ въ Березовѣ, въ 1830 году, еще складъ изъ 50-и бобровыхъ шкуръ; и что еще до недавняго вре-

---

[1]) Въ Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1847, ч. 19, на стр. 426.—*Г. Щукинъ* добавилъ еще, что въ то время обращалось бобровъ не болѣе 700 штукъ въ годъ, около 10-ти р. с. за шкуру.

[2]) *Н. А. Абрамовъ.* „Описаніе Березовскаго края“; въ Зап. И. Русск. Геогр. Общ., кн. XII, 1857 г., стр. 327—448. Показанія о бобрѣ—на стр. 391, 396, 400, 401, 408 и 434.

[3]) Мы видѣли, что обѣ эти рѣки приводятся уже *Палласомъ*.

[4]) *Иппол. Завалишинъ.* Описаніе Западной Сибири; т. 1 (1862), стр. 42.

[5]) О Нарымѣ, см. выше.

[6]) О нахожденіи бобра на берегахъ Конды подробно было говорено выше при разсмотрѣніи восточнаго склона Уральскаго хребта.

[7]) Въ Beiträge z. Kenntiss des Russischen Reiches, Bd. 7, S. 252.

мени (1875 г.), изъ окрестностей Обдорска, привозились мало-добротные мѣха на Березовскій рынокъ.

Показаніе *И. С. Полякова* о бобрахъ на р. Кондѣ и Малой Сосьвѣ было сообщено выше. *И. А. Словцовъ* (въ привед. мѣстѣ) говоритъ, что, судя по костямъ, найденнымъ при раскопкахъ въ Кошъагальской волости, бобры обитали въ отдаленныя времена въ Тюменскомъ округѣ [1]). Кстати онъ замѣчаетъ, что, „при работахъ на Кетскомъ каналѣ, *Н. С. Гуляевымъ* найдены были также черепа и кости бобровъ въ довольно большомъ количествѣ". — Въ другой статьѣ г. *Словцова* [2]), посвященной Тавдинско-Пелымскому краю, о бобрѣ не упоминается.

Въ географическомъ отношеніи, къ системѣ Оби принадлежитъ и теченіе р. Таза, такъ какъ Тазовская губа составляетъ часть Обскаго залива. По показанію *Г. Фр. Миллера* [3]), около средины XVIII-го столѣтія лучшіе, наиболѣе черные бобры привозились съ береговъ Таза, черезъ Мангазею. Въ новѣйшее время академикъ *Шмидтъ* [4]) сообщилъ, согласно показанію г. *Сотникова*, что бобры ловятся Остяками недалеко отъ истоковъ Таза, по берегамъ рѣчки Кульн-іоганъ, впадающей въ р. Вахъ, правый притокъ Оби. *Шмидтъ* видѣлъ также шубы Юраковъ, богато обшитыя бобровымъ мѣхомъ. *Поляковъ* [5]), повидимому, не совсѣмъ точно понялъ это сообщеніе, говоря, что, по *Шмидту*, бобры водились (около 1870 г.) по нѣкоторымъ притокамъ Таза. Существуетъ ли бобръ теперь еще на Тазѣ и его притокахъ,—объ этомъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Послѣ вышеизложенныхъ детальныхъ показаній о мѣстахъ нахожденія бобра, окидывая еще разъ взоромъ всю огромную область, зани-

---

[1]) Сл. выше-приведенное сообщеніе *Черскаго*.—Добавлю тутъ еще относящееся къ 1628 году показаніе, согласно которому Тюменскіе татары занимались бобровою ловлею. (См. *Müller's* Sammlung Russischer Geschichte, Bd. 8, S. 304).

[2]) *И. Словцовъ*. „Въ странѣ кедра и соболя. (Очеркъ Тавдинско-Пелымскаго края)"; въ Записк. Западно-Сибирск. Отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. 13, вып. 1, 1892, стр. 1—41.

[3]) *G. Fr. Müller's* Sammlung Russischer Geschichte, Bd. 3, 1758, S. 528.

[4]) *Friedr. Schmidt*. „Wissenschaftliche Resultate der zur Aufsuchung eines angekündigten Mammuthcadavers von der K. Akademie der Wissenschaften an den unteren Jenissei ausgesandten Expedition". (Mém. de l'Acad. Imp. d. sc. de St.-Pétersb., VII-e série, T. XVIII, № 1, 1872), S. 39.

[5]) Въ. Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по отдѣл. этногр., т. 3, 1873 г., на стр. 384, въ выноскѣ 4-ой.

маемую рѣчною системою Оби, я прихожу къ заключенію, что во всей этой области, за исключеніемъ юго-западной ея части (занятой безлѣсною степью) и наиболѣе сѣвернаго участка (занятаго тундрою), водились когда-то бобры, которые въ теченіе XIX-го столѣтія были почти совершенно истреблены; очень немногіе остатки ихъ, повидимому, сохранились до настоящаго времени: на сѣверо-западѣ (по рѣкамъ Кондѣ и сѣв. Сосьвѣ) и на крайнемъ юго-востокѣ (по Черному Иртышу).

II. Система Енисея.

Такъ какъ р. Ангара (или Верхняя Тунгуска), значительнѣйшій притокъ Енисея, вытекаетъ изъ озера Байкала, то это послѣднее (вмѣстѣ съ рѣками, въ него впадающими) принадлежитъ, въ географическомъ отношеніи, къ системѣ Енисея и будетъ разсмотрѣно въ настоящемъ отдѣлѣ.

Свѣдѣнія о бобрѣ въ предѣлахъ Енисейской рѣчной системы являются гораздо болѣе скудными, чѣмъ тѣ, которыя касаются Оби, съ ея притоками. Три причины, очевидно, обусловливаютъ такое различіе: 1) то обстоятельство, что Енисейская система, по крайней мѣрѣ, вдвое меньше Обской; 2) распространеніе бобра, очевидно, было здѣсь искони болѣе ограничено, и 3) Енисейская рѣчная система, сравнительно съ Обскою системою, менѣе точно изслѣдована. Главнѣйше вслѣдствіе этой послѣдней причины, свѣдѣнія о нахожденіи здѣсь бобровъ и менѣе надежны и точны.

Въ XVIII-омъ столѣтіи и даже въ началѣ XIX-го довольно обыкновенно значилось, что на Енисеѣ водится много бобровъ, при чемъ однако же рѣдко сообщались болѣе опредѣленныя мѣста ихъ нахожденія [1]). Одно изъ древнѣйшихъ показаній находится въ (оставшемся, къ сожалѣнію, не напечатаннымъ) описаніи путешествія по Сибири *Мессершмидта* [2]); здѣсь говорится о томъ, что по притокамъ р. Сима, впадающаго слѣва въ Енисей (приблизительно подъ 60° сѣв. шир.),

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ вышеупомянутомъ „Описаніи Тобольскаго намѣстничества“ (1786 г.). Точно такъ же и у *Гмелина* ст. (Reise durch Sibirien. Bd. 3., S. 486—487): „по верхнему Енисею и по Оби находятъ еще наиболѣе бобровъ, которыхъ однако нынѣ (т. е. около 1740 г.), какъ говорятъ, осталось не очень много“.

[2]) Путешествіе это было совершено съ 1720—1725 г. См. о немъ: „Nachricht von D. Daniel Gottlieb *Messerschmidts* siebenjähriger Reise in Sibirien“; въ *Pallas*, Neue Nordische Beyträge, Bd. 3, 1782, S. 97—158.

водились бобры въ большомъ количествѣ [1]). *Гмелинъ* ст., путешествовавшій по Сибири съ 1733 по 1743 г., говоритъ [2]) о прежнемъ нахожденіи бобровъ на р. Манѣ, правомъ притокѣ Енисея, впадающемъ въ него повыше Красноярска [3]). Онъ же упоминаетъ (Reise, Bd. 1, S. 360) о деревнѣ *Бобровской*, лежащей между Енисейскомъ и Красноярскомъ. Какъ уже сказано, бобръ, по показанію *Палласа*, попадался лишь рѣдко по ту сторону Енисея. *Палласъ* также называетъ р. Ману, какъ мѣсто нахожденія бобровъ. Въ описаніи своего путешествія [4]), говоря о Красноярскѣ, онъ замѣчаетъ, что бобры и выдры водятся еще въ довольно большомъ количествѣ въ горныхъ рѣкахъ *по ту сторону* Енисея. И далѣе онъ говоритъ [5]) о томъ, что въ лѣсистыхъ горныхъ ручьяхъ *(Оя, Туба и др.)*, въ сѣверныхъ отрогахъ Саянскаго хребта, производилась въ то время (т. е. около 1770 г.) еще хорошая ловля бобровъ, которую, вмѣстѣ съ промысломъ на соболя, предоставляли себѣ главнѣйше тамошніе Койбалы. Большинство этихъ ручьевъ, посредствомъ р. Тубы, стоятъ въ связи съ Енисеемъ; нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, впадаютъ въ Ману [6]). Далѣе *Палласъ* (тамъ же, стр. 383) упоминаетъ о нахожденіи бобра повыше Абаканска (вѣроятно, по лѣвой сторонѣ Енисея). Послѣдненазванная мѣстность принадлежитъ къ нынѣшнему Минусинскому округу, о которомъ замѣчаетъ *Щукинъ* [7]), что было время, когда попадались въ немъ рѣчные бобры, но въ 1850-ыхъ годахъ о нихъ разсказывали только старики.

Внизъ по Енисею, и именно ниже устья р. Сима, свѣдѣнія о бобрѣ становятся все болѣе скудными. По показанію г. *Степанова* [8]), около 1835 года бобры изрѣдка поподались по рѣчкамъ, текущимъ въ южной части Енисейской губерніи; въ западной же части этой послѣдней они встрѣчались въ такомъ маломъ количествѣ, что иногда,

---

[1]) См. *J. Ch. Stuckenberg*. Hydrographie des Russischen Reiches; Bd. 2, S. 562.

[2]) *J. G. Gmelin*, Reise durch Sibirien, Bd. 3, S. 486—489.

[3]) См. объ этомъ выше.

[4]) *Pallas*, Reise, Bd. 3, S. 11.

[5]) *Pallas*, Reise, Bd. 3, S. 337.

[6]) Вѣроятно, на этомъ сообщеніи основывается показаніе *К. Риттера* (Erdkunde, Bd. 2, 1832, S. 1024), согласно которому на притокахъ Амуля, Уса и Оя водится много бобровъ и выдръ. Амуль—притокъ Тубы.

[7]) *Н. Щукинъ*. „Минусинскій округъ", въ Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1856 г., ч. 18, стр. 27.

[8]) *Степановъ*. Енисейская губернія; ч. 1. (1835), стр. 107 и 208.

въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не ловился ни одинъ бобръ. Мы уже видѣли, что по нижней Тунгускѣ [1]) до недавняго времени, сохранилось преданіе о прежнемъ существованіи бобровъ. Нынѣ о нихъ ничего не извѣстно; по крайней мѣрѣ, г. *Третьяковъ* [2]) не называетъ бобра среди млекопитающихъ, водящихся дико въ окрестностяхъ Туруханска, лежащаго на Енисеѣ, напротивъ устья Нижней Тунгуски. *Миддендорфъ* [3]) замѣчаетъ въ 1848 году, что бобры уже въ то время были почти совершенно искоренены по нижнему теченію Енисея. Тщетно онъ справлялся о нихъ въ селеніяхъ Назимовѣ, Бахтинскомъ и Хатангскомъ Погостѣ; но въ Сумароковѣ (подъ 62° сѣв. шир.) ему разсказывали, что бобры въ то время, повидимому, еще попадались кое-гдѣ по близости, но до того рѣдко, что лишь немногимъ остякамъ удавалось, въ теченіе всей своей жизни, добыть по одному экземпляру. Точно также академикъ *Шмидтъ*, въ 1872 году, замѣчаетъ (въ привед. мѣстѣ), что по нижнему Енисею уже ничего не знали о бобрѣ. Въ началѣ XIX-го столѣтія, бобровые мѣха попадались еще на ярмаркѣ въ г. Енисейскѣ [4]).

Подымаясь по Верхней Тунгускѣ (Ангарѣ) вверхъ къ озеру Байкалу, мы встрѣчаемъ, какъ уже было сказано выше, неолитическое мѣсто нахожденія бобра по берегу этой рѣки. Къ 1623-му году относится извѣстіе изъ этой мѣстности, въ которомъ говорится о подошвахъ лыжъ, изготовленныхъ изъ боброваго мѣха [5]), добытаго, вѣроятно, на мѣстѣ.—По поводу перечисленія животныхъ въ окружности Байкала, *Георги* [6])въ 1772 году, замѣчаетъ, что бобры въ прежнее время водились по многимъ рѣкамъ, которыя имъ однако же не обозначены поименно. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ, вѣроятно, впадали въ Байкалъ; другія же, какъ мы увидимъ, принадлежатъ къ

---

[1]) Не совсѣмъ точно значится у *Миддендорфа* (Reise, Bd. 4, S. 856), что далѣе къ востоку бобръ попадался еще по правому берегу Енисея, внизъ, начиная отъ Саянскаго хребта до Тунгуски. Спрашивается, которую изъ трехъ рѣкъ этого имени онъ имѣлъ въ виду.

[2]) *П. Третьяковъ*. „Туруханскій край"; въ Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по общей географіи, т. 2, 1869 г., стр. 215—530. (Вышло также отдѣльною книгою).

[3]) *Middendorff*. Reise, Bd. 2, Säugethiere; S. 114—115.

[4]) *Миддендорфъ* цитируетъ, но, очевидно, невѣрно: Сибирскій Вѣстникъ, т. 2, стр. 327. Мнѣ не удалось отыскать эту замѣтку.

[5]) *G. Fr. Müller's* Sammlung Russischer Geschichte; Bd. 8 (1763), S. 120.

[6]) *J. G. Georgi*. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772 Bd. 1, S. 161.

системѣ Лены, которая сама, какъ извѣстно, беретъ свое начало по близости озера Байкала. *Риттеръ* [1]) замѣчаетъ, что болѣе нѣтъ рѣчи о бобрѣ на Байкалѣ.

При разсмотрѣніи Обской системы мною было говорено о присутствіи бобра на Черномъ Иртышѣ, — частію уже въ предѣлахъ Монголіи. Къ этому я примкнулъ сообщеніе о присутствіи бобра, еще въ настоящее время, на р. Урунгу, — также въ сѣверной Монголіи. Третьимъ мѣстомъ нахожденія бобра въ этой странѣ являются два притока рѣки Бей-Кема, впадающей въ Улу-Кемъ (главный истокъ Енисея) [2]). Эти два притока суть Хамсара (Камсара) и Систикемъ. Шкуру бобра, убитаго на р. Хамсарѣ, видѣлъ г. *Черскій* въ 1885 году въ Минусинскомъ музеѣ; эту же самую шкуру (безъ оконечностей и хвоста) нѣсколько позже видѣлъ и г. *Клеменцъ,* по словамъ котораго, директору означеннаго музея, г. *Мартьянову,* несмотря на всѣ его старанія, не удалось добыть другую, цѣльную шкуру изъ означенной мѣстности. Въ каталогѣ Минусинскаго музея [3]), появившемся нѣсколько ранѣе (въ 1881 году), не говорится объ упомянутой шкурѣ, изъ чего можно заключить, что она пріобрѣтена музеемъ между 1881 и 1885 гг. Въ этомъ каталогѣ (на стр. 29) значится, что въ музеѣ хранится хвостъ бобра, убитаго по берегамъ р. Систикема. Эти мѣста нахожденія по правымъ притокамъ Бей-Кема, стекающимъ съ Саянскихъ горъ (точнѣе—съ Эргикъ-Таргака), вѣроятно, стояли когда-то въ связи съ нахожденіемъ бобра по притокамъ Енисея (Туба и др.), берущимъ начало на сѣверѣ того же Саянскаго хребта.

Окидывая еще разъ взоромъ Енисейскую рѣчную систему, мнѣ кажется, несмотря на недостаточность свѣдѣній, что бобръ когда-то былъ распространенъ чуть ли не во всей области, занимаемой этою системою. Нынѣ же онъ въ принадлежащемъ Россіи наибольшемъ участкѣ ея, вѣроятно, вездѣ окончательно истребленъ; по крайней мѣрѣ, изъ новѣйшаго времени мнѣ не извѣстны свѣдѣнія, указывающія на нахожденіе бобра въ предѣлахъ Сибири по Енисею и его притокамъ. Сохранился же онъ въ Монгольскомъ участкѣ этой системы, въ верховьяхъ Енисея, по выше-названнымъ двумъ притокамъ Бей-Кема.

---

[1]) *C. Ritter.* Die Erdkunde, Th. 3, S. 112.

[2]) Я обязанъ *Е. А. Бихнеру* указаніемъ на это любопытное мѣсто нахожденія бобра.

[3]) *Н. М. Мартьяновъ.* Минусинскій публичный мѣстный музей. Каталогъ и краткое описаніе. (Томскъ, 1881 г.).

III. Система Лены и остальная Восточная Сибирь.

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся къ востоку, тѣмъ болѣе скудными, неточными и запутанными становятся свѣдѣнія о присутствіи бобра; мы не находимъ въ нихъ, бо̀льшею частію, тѣхъ фактическихъ и опредѣленныхъ данныхъ, на которыхъ мы могли основываться при разсмотрѣніи распространенія бобра въ рѣчной системѣ Оби; а нерѣдко мы имѣемъ тутъ дѣло лишь съ болѣе или менѣе искусными и правдоподобными предположеніями. Мы уже видѣли, что такой ученый, какъ *К. М. Бэръ,* отрицалъ существованіе бобра къ востоку отъ Енисея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявилъ невѣрнымъ показаніе *Палласа* о присутствіи бобра на Алданѣ, правомъ притокѣ Лены. *Бэръ* въ этомъ отношеніи положительно неправъ. Какъ замѣчено при разсмотрѣніи Енисейской системы, бобры водились въ разныхъ мѣстахъ къ востоку отъ Енисея. По отношенію къ нѣкоторымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Лену, а также къ ихъ притокамъ, я въ состояніи, съ достаточною опредѣленностью, доказать, что бобры были нѣкогда по нимъ далеко распространены [1]). Я начну съ истоковъ Лены и Витима (одного изъ наибольшихъ правыхъ ея притоковъ), такъ какъ этимъ дается возможность непосредственно примкнуть къ вышеразсмотрѣнному нахожденію бобра въ окрестностяхъ Байкала.

Замѣтивъ, что бобръ прежде водился во многихъ рѣкахъ по близости Байкала, *Георги* (въ привед. мѣстѣ) присовокупилъ, что „нынѣ (т.-е. около 1770 г.) онъ попадается только въ окрестности озера Баунтъ“. Это озеро принадлежитъ не къ Байкальской (т.-е. Енисейской) системѣ (какъ можно бы предположить по приведенной замѣткѣ, и какъ то полагалъ *К. Риттеръ* [2])), а къ системѣ Лены. А именно, озеро Баунтъ, по *П. П. Семенову* [3]), находится въ Баргузинскомъ округѣ Забайкальской области, въ 476 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ окружнаго города; черезъ него протекаетъ р. Цыпа,

---

[1]) Нижеслѣдующія свѣдѣнія, какъ я уже замѣтилъ, большею частію, не были приняты во вниманіе *Палласомъ, Бэромъ* и *Миддендорфомъ;* — между тѣмъ, какъ именно эти свѣдѣнія способны, до нѣкоторой степени, выяснить мало-извѣстное прежнее распространеніе бобра въ Восточной Сибири.

[2]) *C. Ritter.* Die Erdkunde, Th. 3, S. 112—113: *„Nur an der Oberen Angara gegen den Baunt-See* ist der Biber noch häufig“.

[3]) Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи; т. 1 (1862 г.), стр. 220. Здѣсь о бобрѣ не упоминается.

значительный лѣвый притокъ Витима. Отсюда бобръ въ прежнее время былъ, повидимому, распространенъ внизъ по Витиму, до впаденія его въ Лену; такая догадка основывается на томъ обстоятельствѣ, что, повыше его устья, впадаетъ въ Лену рѣчка *Бобровка,* по которой, очевидно, когда то водились бобры. *Гмелинъ,* ст., который сообщилъ объ этомъ [1]), говоритъ, въ другомъ мѣстѣ [2]), еще о двухъ правыхъ притокахъ Лены, по которымъ *до* его времени также встрѣчались бобры; а именно, о Киренгѣ и Олекмѣ. Онъ замѣчаетъ слѣдующее: „Жители по Олекмѣ утверждаютъ, что тому сорокъ лѣтъ, какъ не было видать ни одного бобра въ ихъ мѣстностяхъ; а на Киренгѣ — уже 50 лѣтъ" [3]). Принимая въ соображеніе, что бобры нѣкогда водились по тремъ правымъ притокамъ Лены, а также то обстоятельство, что рѣки Олекма и Алданъ въ верховьяхъ своихъ почти соприкасаются, показаніе *Палласа* о прежнемъ присутствіи бобра по берегамъ Алдана (впадающаго также справа въ Лену) является весьма правдоподобнымъ. Эта вѣроятность подкрѣпляется въ высшей степени интереснымъ свѣдѣніемъ, полученнымъ мною только-что отъ г. *О. Герца (Otto Herz),* по словамъ котораго, основывающимся на показаніи *Ст. Ф. Михалевича,* бобръ *еще нынѣ* встрѣчается по рѣчкѣ Нельканъ, впадающей въ Маю, притокъ Алдана, берущій свое начало въ Становомъ хребтѣ.

Что касается *лѣвыхъ* притоковъ Лены, то ничего не извѣстно о томъ, водились ли по нимъ бобры въ прежнее время. Наибольшій изъ нихъ, Вилюй (занимающій со своими многочисленными притоками огромную область), въ верховьяхъ своихъ очень приближается къ (текущей къ Енисею) Нижней Тунгускѣ, на которой, какъ мы видѣли, нѣкогда существовали бобры. Нельзя потому отрицать возможности, что бобры когда то жили и на Вилюѣ. Однако же въ новѣйшее время они не были тамъ наблюдаемы. *Маакъ* [4]) не упоминаетъ о нихъ при разсмотрѣніи животныхъ Вилюйскаго округа.

---

[1]) *J. G. Gmelin.* Reise, Bd. 2, S. 580. Припомню, что путешествіе г. *Гмелина* было совершено съ 1733 по 1743 г.

[2]) Тамъ же, т. 3, стр. 486—487.

[3]) Т.-е., примѣрно, съ 1700 и 1690 г. Въ небольшой замѣткѣ о Киренскомъ округѣ (въ Иркутск. губ. вѣдом., 1861 г., № 6) значится, что бобровъ тамъ нѣтъ съ начала XIX вѣка. Однако же, какъ мы только-что видѣли, они исчезли оттуда цѣлымъ столѣтіемъ ранѣе.

[4]) *Р. К. Маакъ.* Вилюйскій округъ Якутской области. Во 2-мъ томѣ (1886 г.) говорится о фаунѣ этого округа.

Какъ кажется, бобръ искони отсутствовалъ въ высокихъ широтахъ Восточной Сибири. Я уже выше замѣтилъ, что нѣтъ бобра въ числѣ многочисленныхъ остатковъ млекопитающихъ, привезенныхъ Новосибирскою экспедиціею доктора *Бунге* и барона *Толля*, съ низовьевъ Лены и сосѣднихъ мѣстностей, и обработанныхъ г. *Черскимъ*. Академикъ *Брандтъ* [1]) замѣчаетъ слѣдующее о предполагаемомъ нахожденіи бобра еще далѣе къ востоку: „*Вознесенскій*, объѣхавшій, по порученію зоологическаго музея Академіи, восточный берегъ Сибири и Камчатку, слышалъ (въ 1844 г.) въ Гижигинскѣ [2]), что чукчи ѣздятъ на Колыму, чтобы охотиться за бобрами. Точно также ему говорилъ штурманъ *Гардеръ*, что бобры попадаются еще на Анадырѣ, по которому, по *Палласу* [3]), растетъ еще, во множествѣ, высокоствольный лѣсъ; а въ Аянѣ онъ видѣлъ бобровые мѣха, привезенные туда изъ Гижигинска. Область распространенія бобра, слѣдовательно, раздвинулась бы далѣе къ востоку, чѣмъ до рѣки Алдана и приблизилась бы болѣе къ Америкѣ". Упомяну еще объ одномъ, сюда относящемся показаніи: окружной врачъ *Богородскій* [4]) называетъ бобра въ числѣ животныхъ, водящихся въ Гижигинскомъ округѣ.

Трудно разобраться по отношенію къ этимъ послѣднимъ показаніямъ. Не выражая никакого сомнѣнія въ свидѣтельствѣ г. *Вознесенскаго* и будучи убѣжденъ, что сообщаемое имъ онъ дѣйствительно слышалъ, — я считаю однако же нерѣшеннымъ, насколько заслуживаютъ довѣрія лица, на которыхъ онъ ссылается. Не имѣется никакихъ доказательствъ тому, что бобры были дѣйствительно наблюдаемы или добыты на Колымѣ и Анадырѣ. А что касается мѣховъ, которые г. *Вознесенскій* видѣлъ въ Аянѣ, то можетъ быть, что они на самомъ дѣлѣ были привезены туда изъ Гижигинска, но не происходили изъ окрестностей этого портоваго города. Извѣстно же съ давнихъ поръ, что чукчи получаютъ отъ своихъ американскихъ соплеменниковъ разные мѣха, въ томъ числѣ бобровые. Мы видѣли, что г. *Мидцендорфъ* высказалъ подобную догадку. Видѣнные г. *Вознесенскимъ* мѣха могли быть привезены чукчами въ Гижигинскъ, а оттуда попасть въ

---

[1]) *Brandt-Woldřich.* Diluviale europäisch-nordasiatische Säugethierfauna (l. c.), S. 81—82.

[2]) По ошибкѣ: „Ижигинскъ".

[3]) *Pallas*, Nordische Beyträge, Th. 1, S. 243.

[4]) Въ статьѣ: „Медико-топографическое описаніе Гижигинскаго округа" въ Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1853 г., ч. 2, отд. III, на стр. 66. — *Миддендорфъ* (Reise, Bd. 4, S. 1006), приводя эту статью, цитируетъ ошибочно тотъ же журналъ за 1848 годъ.

Аянъ. Точно также и д-ръ *Богородскій* могъ застать въ Гижигинскѣ бобровые мѣха, относительно которыхъ онъ могъ думать, что они добыты въ окрестностяхъ этого города. Какъ бы то ни было, но нахожденіе бобра на Колымѣ и на Анадырѣ я считаю отнюдь не доказаннымъ. Если же такой знатокъ Восточной Сибири, каковымъ былъ *Миддендорфъ*, колебался въ своемъ убѣжденіи относительно такого нахожденія, и даже (въ позднѣйшей припискѣ) [1]) замѣтилъ, что бобръ все-таки, можетъ быть, встрѣчается на берегу Охотскаго моря, то *мнѣ* не подобаетъ высказать здѣсь рѣшительное мнѣніе по этому вопросу. Но что распространеніе бобра, по крайней мѣрѣ, около Гижигинска, невѣроятно, подтверждается замѣчаніемъ *Миддендорфа* [2]), что во всемъ Становомъ хребтѣ тамошнія кочующія племена ничего не знали объ этомъ животномъ. Однако же, относительно Гижигинска я на-дняхъ получилъ отъ г. *О. Герца* свѣдѣніе, что онъ въ 1890 г. самъ видѣлъ, нѣсколько сотъ верстъ южнѣе этого города, по Охотскому морю, напяленную на доску, совершенно свѣжую шкуру бобра, пойманнаго, очевидно, тутъ же по близости. Притомъ, по объясненію г. *Герца*, у видѣнной имъ шкуры длинныя ости были удалены, для придачи мѣху лучшаго вида, что не замѣчается на привозимыхъ изъ Америки шкурахъ.

Въ новѣйшее время мы обязаны г. *Іохельсону* [3]) нѣкоторыми свѣдѣніями относительно Колымскаго округа, которыя не мало способствуютъ разъясненію этого вопроса. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, бобры въ означенномъ округѣ не водятся. Отсутствіе ихъ нельзя объяснить ихъ исчезновеніемъ, а скорѣе надо полагать, что ихъ тамъ никогда и не было [4]). Ихъ также нѣтъ въ Анадырскомъ, Гижигинскомъ (см., однако же, только что приведенное показаніе г. *Герца*), Охотскомъ округахъ и на Амурѣ [5]). У мѣстныхъ инородцевъ, кромѣ чукчей, нѣтъ своего слова для названія бобра [6]). Точно также нѣтъ

---

[1]) *Middendorff*, Reise, Bd. 4, S. 1006.

[2]) *Middendorff*, Reise, Bd. 2 (1848), S. 114—115.

[3]) *В. И. Іохельсонъ*. „Очеркъ звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ округѣ“ (Труды Якутской экспедиціи, отд. III, т. X, ч. 3; Спб., 1898 г.); стр. 102—103.

[4]) Очень жаль, что авторъ не высказался точнѣе объ этомъ обстоятельствѣ.

[5]) Объ Амурѣ—рѣчь впереди.

[6]) Отъ себя замѣчу, что чукчи, вмѣстѣ съ самимъ бобромъ, могли позаимствовать отъ ихъ американскихъ родичей и названіе бобра — *пэлётэнъ*. Но, конечно, догадка эта требуетъ подтвержденія.

никакихъ преданій о немъ или другихъ слѣдовъ его прежняго пребыванія на Колымѣ. Древніе обитатели края, Юкагиры, знаютъ про бобра только по слухамъ. Г. *Іохельсонъ* удостовѣряетъ, что не только прежде, но и въ настоящее время, бобровыя шкуры привозятся на Анюйскую ярмарку носовыми чукчами, которые пріобрѣтаютъ ихъ путемъ обмѣна на черкасскій табакъ, оленьи шкуры и россомахи, у инородцевъ острововъ Берингова моря и противоположнаго берега американскаго материка.

Въ Камчаткѣ бобръ, очевидно, искони отсутствовалъ. *Крашенинниковъ* [1]) и *Стеллеръ* [2]), въ своихъ описаніяхъ Камчатки, при перечисленіи тамошнихъ млекопитающихъ животныхъ, о немъ вовсе не упоминаютъ. *Вознесенскій*, точно также, въ Камчаткѣ ничего о немъ не слышалъ. *Брандтъ*, безъ сомнѣнія, правъ, называя ошибкою показаніе *Фр. Кювье (Cuvier)* о существованіи на этомъ полуостровѣ, бобра, который, вѣроятно, былъ смѣшанъ имъ съ такъ называемымъ камчатскимъ или морскимъ бобромъ *(Enhydris)*. *Г. Герцъ* подтвердилъ мнѣ словесно, что рѣчной бобръ въ Камчаткѣ положительно не водится. *Дыбовскій* [3]) также не упоминаетъ о немъ при описаніи млекопитающихъ Камчатки.

Остается еще разсмотрѣть бассейнъ Амура. Какъ извѣстно, въ Забайкальской области близко соприкасаются между собою истоки Ингоды (притока Шилки, которая образуетъ, вмѣстѣ съ Аргунемъ,— р. Амуръ), р. Уды (идущей, черезъ Селенгу, въ Байкалъ) и Витима, впадающаго въ Лену. Мы видѣли, что бобры существовали когда-то въ окрестностяхъ Байкала, а также на озерѣ Баунтъ, стекающемъ къ Витиму. Если не принять во вниманіе разобщающія горы (напримѣръ, Яблонный хребетъ), въ которыхъ бобры могли подыматься до значительныхъ высотъ (напримѣръ, на озерѣ Баунтъ),—то уже a priori нельзя отрицать возможности перекочеванія бобра изъ одной рѣчной системы въ другую. Къ сожалѣнію, имѣются лишь очень скудныя свѣдѣнія о фактическомъ нахожденіи бобра въ области истоковъ Ингоды. *Георги* [4]) замѣтилъ, что по нѣкоторымъ необитаемымъ рѣч-

---

[1]) *Степанъ Крашенинниковъ.* Описаніе земли Камчатки. (С.-Пб., 1755; 2-е изд., 1786; 3-е изд., 1818).

[2]) *G. W. Steller.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. (Frankfurt und Leipzig, 1774).

[3]) *Dybowski.* „Les Mammifères du Kamtchatka"; въ La Nature, 1882.

[4]) *Georgi.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich, im J. 1772; Bd. 1, S. 356.

камъ по близости Нерчинска водятся въ маломъ числѣ выдры и бобры; это свѣдѣніе относится къ 1772 году. Изъ сибирскихъ писемъ *Сиверса* [1]) мы узнаемъ, что бобры въ 1791 году были уже совершенно истреблены въ Яблонномъ хребтѣ (къ которому *Риттеръ* относитъ его показаніе). Какъ кажется, эти два свѣдѣнія оказались для *К. Риттера* [2]) достаточными, чтобы, основываясь на нихъ, утверждать, будто „бобры все-таки водятся, хотя и въ маломъ числѣ, по малонаселеннымъ притокамъ Амура, какъ-то, по Ингодѣ, Шилкѣ и Аргуню, хотя бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Яблонномъ хребтѣ, они уже окончательно искоренены". Я долженъ обратить вниманіе на то, что означенныя три рѣки не названы въ приведенныхъ показаніяхъ, и нахожденіе на нихъ бобровъ, какъ кажется, основывается на свободной фантазіи *Риттера* [3]). Удивительно, что академикъ *Брандтъ* [4]) повторилъ эти ненадежныя свѣдѣнія, не подвергши ихъ ни малѣйшей критикѣ. Южную границу (частію прежняго) распространенія бобра въ восточной Азіи онъ проводитъ такъ: „Яблонный хребетъ, нѣкоторые притоки Амура (Ингода, Шилка, Аргунь, а также впадающая въ Сунгари р. Яло)".

Считая это послѣднее толкованіе вполнѣ проблематическимъ и лишеннымъ всякаго фактическаго основанія, я хочу сказать еще нѣсколько словъ по поводу упомянутой *Брандтомъ* рѣки Яло, которая вовсе не составляетъ притока р. Сунгари, а является самостоятельною рѣкою, образующею границу между Китаемъ и Кореею. Какъ видно изъ хранящихся у меня рукописныхъ матеріаловъ *Брандта*, онъ почерпнулъ приведенное свѣдѣніе (о нахожденіи бобра на р. Яло) изъ русскаго перевода описанія путешествія *Исбрантсъ-Идеса* [5]),

---

[1]) *Sievers.* Briefe aus Sibirien. Brief 5, vom Tschikokanfluss; въ Neue Nord. Beyträge, Bd. 7, 1796, S. 213.

[2]) *C. Ritter,* Die Erdkunde, Th. 3, S. 112—113.—*Риттеръ* ссылается только на приведенныя два показанія.

[3]) Въ другомъ мѣстѣ, какъ мы видѣли, *Риттеръ* говоритъ о нахожденіи бобра на притокахъ *Амуля,* впадающаго въ Тубу. Невольно напрашивается догадка, не смѣшалъ ли *Риттеръ* впослѣдствіи, по недосмотру, близко созвучащія слова *Амуль* и *Амуръ*?

[4]) *Brandt-Woldřich,* l. c., p. 81.—Относительно моихъ возраженій глубокоуважаемому *Брандту,* я считаю долгомъ оговориться, что показанія, противъ которыхъ мнѣ приходится возражать, напечатаны послѣ смерти его. Очень можетъ быть, что самъ *Брандтъ,* передъ отдачею въ печать, измѣнилъ бы нѣкоторыя изъ приводимыхъ сообщеній. Но, разъ сообщенія эти напечатаны, является необходимымъ указать на ихъ ошибочность.

[5]) „Путешествіе и Журналъ по указу Великихъ Государей... Іоанна Алексѣе-

въ которомъ значится слѣдующее: „Мы... слѣдовали всегда по рѣкѣ Ялѣ, которая къ полудни течетъ; ... множество дикихъ звѣрей, ... олени, кабаны и *бобры* подъ тѣнью деревъ играютъ"; и пр. Свѣдѣніе это заставило *Брандта* усомниться въ точности факта; но, основываясь на замѣчаніи *Новикова*, что русскій переводъ составленъ по подлинному отчету, полученному имъ отъ *Г. Фр. Миллера*, *Брандтъ* догадывался, что въ означенномъ отчетѣ рѣчь идетъ дѣйствительно о бобрѣ. Но онъ не напалъ на мысль, что русскій переводъ, можетъ быть, ошибоченъ, и что рѣчь идетъ не о бобрѣ, а о какомъ-либо другомъ звѣрѣ. И дѣйствительно, мы имѣемъ здѣсь дѣло лишь съ опечаткою, какъ явствуетъ изъ простаго сличенія русскаго перевода съ голландскимъ подлинникомъ. Въ этомъ послѣднемъ [1]) говорится о тиграхъ, а не о бобрахъ. Очевидно, слѣдовало въ переводѣ сказать: *бабры* (сибирское названіе тигра), а не *бобры*.

Въ старинномъ описаніи Сибири [2]) говорится о томъ, что къ югу отъ нижняго теченія Амура, въ лѣсахъ по рѣкамъ Шингалъ (Сунгари) и Ушуръ (Уссури), держатся бобры, выдры, лисицы, рыси и пр. Свѣдѣніе это, относящееся къ концу XVII столѣтія, мнѣ кажется не настолько надежнымъ, чтобы основываться на немъ безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.—Наконецъ, есть еще показаніе, изъ XVIII вѣка, о нахожденіи бобра по Амуру. А именно, *Штукенбергъ* [3]) сообщаетъ, что, по запискѣ лица, служившаго, съ 1761 по 1764 г., при Амурской комиссіи, въ то время водились по берегамъ Амура слѣдующіе звѣри: „рыси, лисицы, россомахи, волки, медвѣди, олени, зубры, лоси, кабарги, кабаны, дикія козы, бѣлки, зайцы и рѣчные бобры; въ лѣсныхъ горахъ по притокамъ Амура имѣлись и соболи". Нельзя судить о томъ, насколько свѣдѣнія эти заслуживаютъ довѣрія; но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что тутъ говорится о *зубрѣ* (отсутствующемъ на Амурѣ), между тѣмъ, какъ о тигрѣ не упоми-

вича и Петра Алексѣевича отправленнаго въ Китай, Г. Эбергарда *Избраннедеса* посланникомъ въ 1692 году". (Древняя Россійская Вивліоѳика, *Н. Новикова*, изд. 2-е, т. 8, 1789); стр. 438.

[1]) *E. Ysbrants Ides.* Drie-jarige Reize naar China etc. (Amsterdam, 1704); p. 67.—Здѣсь названы: „veele wilde zwynen, herten, en zeer veel groote tygers of panterdieren".

[2]) См. *А. Титовъ*. Сибирь въ XVII вѣкѣ. (Москва, 1890); стр. 91—92; въ статьѣ: „Описаніе новыя земли, сирѣчь Сибирскаго царства".—На стр. 92-й сказано, что „въ горахъ бываютъ бобры великіе". Я предполагаю, что и тутъ, вмѣсто „бобры", слѣдуетъ читать: „бабры".

[3]) *Stuckenberg.* Hydrographie des Russischen Reiches; Bd. 2 (1844), S. 779.

нается,—свѣдѣнія эти, очевидно, лишены достовѣрности, и пользоваться ими можно лишь съ большою осторожностью.

Въ противоположность къ такимъ ненадежнымъ и частію фактически невѣрнымъ свѣдѣніямъ, являются весьма важными показанія нашихъ изслѣдователей Восточной Сибири: *А. Миддендорфа*, *Л. Шренка* и *Г. Радде*. Къ вышесообщенному замѣчанію о томъ, что кочующія племена на Становомъ хребтѣ ничего не знали о бобрѣ, *Миддендорфъ* [1]) присовокупилъ, что то же самое слѣдуетъ сказать о южномъ склонѣ этого хребта и о Манджуріи. *Л. Шренкъ* [2]) тщетно искалъ бобра по берегамъ Амура и его притоковъ. „Нельзя однако же предположить, чтобы онъ могъ быть настолько истребленъ въ этихъ малонаселенныхъ пустыняхъ, по которымъ частію бродятъ одни лишь кочевники,—что даже пропала всякая о немъ вѣсть“. Принявъ въ соображеніе, что путь *Шренка* въ области Амура пролегалъ почти исключительно вдоль береговъ рѣкъ, нельзя не согласиться съ нимъ, что бобръ совершенно отсутствуетъ на Амурѣ. Къ этому *Шренкъ* еще прибавилъ: „То же самое можно, по всей вѣроятности, сказать и объ островѣ *Сахалинѣ* [3]). Точно также *Зибольду* ничего не извѣстно о существованіи бобра въ Японіи“. Приводя это свидѣтельство, *Миддендорфъ* замѣчаетъ: „*Витсена* (1692, II, стр. 7) мимоходное сообщеніе о присутствіи бобра въ Нюхе, слѣдовательно, не можетъ имѣть никакого вѣса“.—*Радде* [4]) также согласенъ съ мнѣніями *Миддендорфа* и *Шренка*, замѣчая слѣдующее: „И мои справки о нахожденіи бобра на югѣ Восточной Сибири клонятся всѣ къ тому, что онъ совершенно отсутствуетъ какъ въ южныхъ отрогахъ восточнаго Саянскаго хребта, такъ точно и въ Яблонномъ и Становомъ хребтахъ, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, и прежде не встрѣчался,—иначе туземныя охотничьи племена знали бы, по крайней мѣрѣ, по имени бобра, въ случаѣ, что онъ былъ искорененъ“.

Что касается китайскихъ областей, лежащихъ къ югу отъ Амура,

---

[1]) *Middendorff*. Sibir. Reise, Bd. 2, 1848, S. 114—115.

[2]) *L. v. Schrenck*. Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854—1856; Bd. 1 (1858), S. 145.

[3]) Г. *Никольскій* замѣчаетъ также, что, „по всей вѣроятности, рѣчныхъ бобровъ на Сахалинѣ нѣтъ“. См. *А. М. Никольскій*. „Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ“. (Приложеніе къ LX тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, № 5, 1889 г.); стр. 127.

[4]) *G. Radde*. Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855—1859 incl.; Bd. 1: Die Säugethierfauna. (1862); S. 206.

то изъ Манджуріи, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о присутствіи бобра. Въ сѣверной Монголіи, какъ мы видѣли, бобръ встрѣчается, повидимому, еще въ настоящее время по тремъ рѣкамъ: по Черному Иртышу, Булугуну и Бей-Кему. Такъ какъ эти мѣстности сыздавна находятся во владѣніи Поднебесной имперіи, то, вѣроятно, въ старинныхъ китайскихъ книгахъ упоминается о бобрахъ, которые, конечно, должны были обратить на себя вниманіе древнихъ писателей; но, несмотря на мои старанія, мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось добыть какія-либо объ этомъ свѣдѣнія. Просмотрѣнная мною литература о млекопитающихъ Китая [1]) не содержитъ объ этомъ никакихъ указаній. Въ старинномъ описаніи Китая *Грозіе* [2]) хотя и говоритъ о существованіи бобра въ Китаѣ, но онъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду вышеупомянутыя мѣстности въ Монголіи.—По сдѣланному мною запросу, покойный докторъ *Бретшнейдеръ* сообщилъ мнѣ, что для названій нѣсколько замѣчательныхъ растеній и животныхъ, водящихся въ Китаѣ, съ давнихъ поръ имѣются особые письменные знаки; но для бобра не существуетъ такого знака. По русско-китайскому словарю *П. Попова* (Пекинъ, 1896), рѣчные бобры называются въ торговлѣ, *чанъ-мао-шуй-пи* (т. е. длинноволосые водяные мѣха). Изъ отсутствія особаго знака для обозначенія бобра можно, повидимому, заключить, что животное это никогда не водилось въ собственномъ Китаѣ.

Резюмируя сказанное выше о рѣчной системѣ Лены, а также о части Сибири, лежащей къ востоку отъ этой рѣки, я прихожу къ заключенію, что въ XVII столѣтіи бобры водились по многимъ правымъ притокамъ Лены, но что они были здѣсь искоренены еще ранѣе 1700 года,—за исключеніемъ окрестностей озера Баунтъ (принадлежащаго къ системѣ р. Витима), гдѣ они, какъ кажется, продержались еще около 60-ти лѣтъ. Къ востоку отъ прежняго теченія Лены, въ рѣчныхъ системахъ Яны, Индигирки и Колымы, а также далѣе къ востоку, до береговъ Берингова моря, бобры, повидимому, искони отсутствовали: относящіяся до этого показанія *г. Вознесенскаго* можно считать опровергнутыми свидѣтельствомъ *г. Іохельсона*. Точно также бобры, очевидно, никогда не водились въ Камчаткѣ. Новѣйшія показанія *г. Герца* о нахожденіи ихъ въ верховьяхъ р. Маи,

---

[1]) Указаніемъ на литературу о Китаѣ я обязанъ берлинскому профессору *В. И. Грубе*.

[2]) *L'abbé Grosier,* Description générale de la Chine. T. I. (Paris, 1787); p. 621: „Les provinces septentrionales renferment quelques castors“.

а также къ югу отъ Гижигинска, требуютъ подтвержденія. Наконецъ, что касается системы Амура, то бобры здѣсь, повидимому, встрѣчались только въ верховьяхъ р. Ингоды, гдѣ они, какъ кажется, продержались до второй половины XVIII столѣтія.

ГЛАВА VI.

Общій обзоръ прежняго и нынѣшняго распространенія бобра въ предѣлахъ Россіи и постепенное его исчезновеніе. Распространеніе бобра вообще на земномъ шарѣ и вѣроятная исходная область его.

Въ предшествовавшихъ главахъ (I—V) я старался сопоставить, по возможности полно, все то, что стало извѣстнымъ о прежнемъ и нынѣшнемъ распространеніи бобра въ различныхъ частяхъ Россійской имперіи. Мы видѣли, что онъ, въ предѣлахъ ея, былъ распространенъ въ непрерывной связи отъ береговъ Вислы вплоть до правыхъ притоковъ Лены, а, можетъ быть, даже до Охотскаго моря, и что онъ водился вездѣ, гдѣ существуетъ (или когда-то существовала) древесная растительность, по преимуществу же чернолѣсье. Едва ли изъ одной области, внутри этого огромнаго пространства, отсутствуютъ свѣдѣнія о прежнемъ существованіи бобра; такое отсутствіе свѣдѣній, несомнѣнно, является лишь случайнымъ обстоятельствомъ. Изъ Псковской губерніи, напримѣръ, мнѣ не извѣстны показанія о существованіи бобровъ; но что они прежде тамъ водились, можно безошибочно заключить изъ того обстоятельства, что они имѣлись во всѣхъ сосѣднихъ губерніяхъ (Лифляндской, Витебской, Тверской, Новгородской и С.-Петербургской). Если бобры искони не водились въ настоящихъ степяхъ, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ подобныя степи лишены совершенно древесной растительности,—эта послѣдняя-же рѣшительно необходима для бобровъ. Вмѣстѣ съ плавнями, врѣзывающимися далеко вглубь степей, бобры были въ прежнее время распространены по нимъ далѣе къ югу.

Точно также, какъ на высокой степи, бобръ не въ состояніи жить на безлѣсной тундрѣ, южный край которой преграждаетъ ему дальнѣйшее движеніе къ сѣверу [1]). Своеобразному распространенію тун-

---

[1]) Совершенно подобно тому, какъ среди степей, древесная растительность проникаетъ также глубоко въ тундру, вдоль рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ къ сѣверу. При-

дры, отдѣляющей лѣсистую область Камчатки отъ сибирскаго материка, очевидно, слѣдуетъ приписать отсутствіе въ Камчаткѣ разныхъ млекопитающихъ, какъ-то лося, рыси и бѣлки; [1]) къ нимъ же слѣдуетъ причислить и бобра, который, какъ мы видѣли, очевидно, никогда тамъ не водился. Даже если свѣдѣнія о его нахожденіи на берегахъ Охотскаго моря оказались бы справедливыми, то и въ такомъ случаѣ тундра непремѣнно воспрепятствовала бы его перекочеванію въ Камчатку.

Свои соображенія о распространеніи бобра въ Сибири *Миддендорфъ* [2]) заканчиваетъ интереснымъ указаніемъ на то, что обширная область сѣверо-восточной Сибири, въ которой нѣтъ и, вѣроятно, искони не было бобра, совпадаетъ довольно точно съ распространеніемъ вѣчно-мерзлой почвы. И еще въ новѣйшее время г. *Іохельсонъ* (въ привед. мѣстѣ), говоря объ отсутствіи бобровъ на Колымѣ, Анадырѣ и проч., указываетъ на то, что подпочвенный ледъ въ этихъ мѣстностяхъ могъ служить препятствіемъ устройству ихъ жилищъ.—Упомянутое замѣчаніе *Миддендорфа*, изслѣдовавшаго, въ точности, распространеніе вѣчно-мерзлой почвы въ Сибири [3]), является тѣмъ болѣе важнымъ, что этотъ отличный знатокъ Сибири спеціально изучилъ экономію тамошнихъ высшихъ животныхъ, а также зависимость ихъ существованія отъ среды (почвы, климата и пр.). Я здѣсь, конечно, не могу ближе разсмотрѣть распространеніе вѣчно-мерзлой почвы, и отсылаю читателя, кромѣ *Миддендорфа*, еще къ новѣйшему разсмотрѣнію этихъ отношеній со стороны г. *Ячевскаго* [4]). На основаніи сообщенныхъ имъ данныхъ, почти все теченіе Лены (за исключеніемъ ея верхней четверти, а также Киренги и нижняго теченія Витима) находится въ области вѣчно-мерзлой почвы. Мы однако же видѣли, что еще въ XVII-омъ, а мѣстами (по верхнему теченію Витима) даже

мѣръ тому, что и бобръ слѣдовалъ этой растительности, представляетъ прежнее нахожденіе его на сѣверѣ Кольскаго полуострова.

[1]) См. объ этомъ: *L. Schrenk.* Uber die Luchsarten des Nordens und ihre geographische Verbreitung. (1849), S. 44—45; а также *Middendorff,* Sibirische Reise, Bd. 4, S. 1057—1058.—Любопытно, что уже *Стеллеръ* (Beschreibung von dem Lande Kamtschatka; 1774, S. 127) замѣчаетъ, что бѣлка по причинѣ тундры, лежащей между Камчаткою и сибирскимъ материкомъ, не могла туда проникнуть.

[2]) Sibir. Reise, Bd. 4, S. 857.

[3]) Sibir. Reise, Bd. 1, S. 179; Bd. 4, S. 494—500: „Die geographische Erstrekkung des Eisbodens".

[4]) *Л. Ячевскій.* „О вѣчно мерзлой почвѣ въ Сибири". (Извѣстія И. Русск. Геогр. Общ., т. 25, 1889; стр. 341—355); съ картою.

въ XVIII-омъ столѣтіи бобръ жилъ по правымъ притокамъ Лены (Витиму, Олекмѣ и Алдану), т.-е. какъ разъ *посреди области вѣчно-мерзлой почвы*. Какъ выше указано, *Миддендорфъ*, очевидно, упустилъ изъ виду эти послѣднія мѣста нахожденія бобра, такъ какъ онъ вовсе не упоминаетъ объ относящихся сюда показаніяхъ *Гмелина* ст.; это онъ, во всякомъ случаѣ, обязанъ былъ сдѣлать и долженъ былъ, если онъ имъ не вѣрилъ, опровергнуть эти показанія. Нахожденіе бобра по правымъ притокамъ Лены вполнѣ опровергаетъ предположеніе *Миддендорфа*, что области распространенія бобра и вѣчно-мерзлой почвы другъ друга исключаютъ.

Впрочемъ, самъ *Миддендорфъ* [1]) указалъ на то замѣчательное обстоятельство, что — несмотря на предположеніе о недоступности всей области вѣчно-мерзлой почвы для роющихъ млекопитающихъ— песецъ все-таки роетъ свои норы на крайнемъ сѣверѣ, водяная крыса далеко вдается въ область вѣчно-мерзлой почвы, сусликъ попадается еще около Якутска, а сурокъ даже въ окрестностяхъ Нижне-Колымска. Подобно этимъ примѣрамъ, и бобръ, очевидно, могъ жить среди вѣчно-мерзлой почвы. Такъ какъ нѣтъ никакого основанія для предположенія, что климатическія условія жизни на берегахъ Лены въ XVII-омъ столѣтіи разнились отъ условій настоящаго времени, то можно предполагать, что бобръ жилъ бы еще и нынѣ въ упомянутыхъ мѣстахъ, если бы онъ не былъ истребленъ человѣкомъ.—Этимъ я ограничиваюсь по отношенію къ высказанному *Миддендорфомъ* предположенію, а также вообще относительно препятствующихъ распространенію бобра условій климата, почвы и растительности.

Тамъ же, гдѣ отсутствуютъ эти препятствующія условія, т. е. на всемъ огромномъ пространствѣ—съ одной стороны между Вислою и Леною, съ другой—между южнымъ краемъ тундры и сѣвернымъ безлѣсной степи, т.-е. во всей лѣсной области европейской и азіатской Россіи (за исключеніемъ крайняго сѣверо-востока),—бобръ, какъ выше доказано, существовалъ повсюду. Къ западу распространеніе его простиралось далеко за предѣлы Россіи черезъ Скандинавію, Германію, Австрію, Швейцарію, Бельгію и Голландію до Шотландіи, Англіи, Франціи, Италіи и Испаніи. Здѣсь не мѣсто входить въ ближайшее разсмотрѣніе прежняго распространенія бобра въ западной Европѣ; я хочу только припомнить, что и здѣсь распространеніе это было непрерывное — отъ Вислы, къ западу, до Пиренейскихъ горъ, о чемъ

[1]) Sibirische Reise, Bd. 4, S. 1109.

имѣются многочисленныя свѣдѣнія, въ особенности изъ Германіи, за прежнее время.

А что мы видимъ въ настоящее время? О непрерывности въ распространеніи бобра въ предѣлахъ Евразіи уже давно нѣтъ рѣчи. Остатки бобровъ, большею частію, весьма жалкіе, находятся нынѣ лишь на немногихъ мѣстахъ, небольшими островами, разъединенными между собою обширными пространствами, лишенными бобровъ. Съ положительностью можно назвать лишь слѣдующія мѣстности, въ которыхъ бобры сохранились до настоящаго времени: 1) нижняя Рона въ юго-восточной Франціи [1]); 2) среднее теченіе Эльбы между Магдебургомъ и Виттенбергомъ, гдѣ бобръ охраняется [2]); 3) въ Норвегіи [3]); 4) въ Полѣсьѣ, въ области Пинскихъ болотъ, и, именно, въ губерніяхъ: Минской, Могилевской (въ южныхъ), Волынской и Кіевской (въ сѣверныхъ частяхъ); 5) на Кондѣ, притокѣ Иртыша (повыше впаденія его въ Обь); 6) на Кавказѣ (въ самомъ небольшомъ числѣ) [4]), и 7) на Черномъ Иртышѣ и еще въ двухъ мѣстностяхъ въ сѣверной Монголіи [5]).—Вотъ и все. Во всѣхъ странахъ, лежащихъ между указанными мѣстностями, бобръ исчезъ, и эта же самая участь постигнетъ его, въ скоромъ времени, на Кондѣ и на Кавказѣ, гдѣ, повидимому, лишь немногія особи противостояли преслѣдованіямъ человѣка. Въ Полѣсьѣ же (его единственномъ мѣстѣ нахожденія въ настоящее время внутри европейской Россіи), бобръ, будучи охраняемъ закономъ и оберегаемъ интеллигентными помѣщиками, къ счастію, можетъ еще долго противиться своей гибели.

Какими же причинами обусловливается это болѣе или менѣе быстрое исчезновеніе бобра? Климатическія условія тутъ, повидимому, не играютъ роли: во-первыхъ, въ наукѣ ничего не извѣстно о какихъ-либо значительныхъ измѣненіяхъ климата, [6]) въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, которыя для нашего вопроса имѣютъ особенное

---

[1]) Сл.: „Le Castor du Rhône"; въ Revue scientifique, 4-e série, T. 10, 1898, p. 504. — Авторъ этой замѣтки, повидимому, *Valéry Mayet.*

[2]) См. *H. Friedrich.* Die Biber an der mittleren Elbe. (Dessau, 1894).

[3]) О бобрѣ въ Норвегіи было говорено выше.

[4]) Можетъ быть, что бобръ, также въ незначительномъ числѣ, сохранился еще въ Малой Азіи.

[5]) Сюда же слѣдуетъ прибавить указанныя г. *Герцомъ* два мѣста на крайнемъ востокѣ Сибири.

[6]) Колебанія климата, доказанныя *Эд. Брикнеромъ,* здѣсь не имѣютъ значенія, такъ какъ они были бы въ состояніи вызвать развѣ только незначительныя періодическія передвиженія въ распространеніи бобра.

значеніе; во-вторыхъ же, прежнее одновременное нахожденіе бобра отъ Колы до береговъ Аракса [1]), и отъ Пиренейскихъ горъ до береговъ Лены, доказываетъ, что условія жизни этого грызуна очень мало зависятъ отъ климатическихъ, въ особенности же отъ температурныхъ разницъ. Текучая вода и чернолѣсье составляютъ важнѣйшія условія существованія бобра, къ чему третьимъ факторомъ присоединяется потребность въ извѣстномъ покоѣ, дающемъ животному возможность безпрепятственно возводить свои удивительныя постройки. Гдѣ эти условія нарушены, или не имѣются на-лицо въ достаточной мѣрѣ, тамъ существованіе бобра является подверженнымъ опасности.

Понятно, что измѣненіе этихъ важнѣйшихъ жизненныхъ условій бобра причиняется главнѣйше непосредственнымъ или косвеннымъ вмѣшательствомъ человѣка. Вслѣдствіе произведеннаго имъ, въ огромныхъ размѣрахъ, обезлѣсенія и все болѣе распространяющейся обработки бывшей подъ лѣсомъ почвы, бобръ покинулъ свои древнія обиталища и, будучи все болѣе тѣснимъ, исчезъ изъ наибольшей части своей первоначальной области распространенія. Къ этому присоединилось еще прямое преслѣдованіе бобра со стороны многочисленныхъ охотниковъ, домогавшихся его дорогого мѣха и когда-то еще болѣе цѣнной струи.—Повторяю, что не климатическія, или какія-либо другія, независимыя отъ человѣка, условія вызвали уничтоженіе бобра, а что виноватъ въ этомъ одинъ человѣкъ, который, побужденный своею корыстью, преслѣдовалъ драгоцѣннаго грызуна до его послѣднихъ убѣжищъ, изъ которыхъ выгонялъ его; или же, вырубаніемъ лѣса, уничтожилъ условія, необходимыя для жизни бобра.

Внѣ Евразіи бобръ, какъ извѣстно, встрѣчается въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ онъ до недавняго времени былъ далеко распространенъ [2]). Много спорили о томъ, принадлежитъ ли американскій бобръ къ тому же виду, какъ и евразійскій. Академикъ *Брандтъ*, хотя указалъ на нѣкоторыя различія въ образованіи черепа, а также чешуй хвоста, однако же

---

[1]) Конечно, не въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ бобръ искони отсутствовалъ въ промежуточныхъ южно-русскихъ степяхъ.

[2]) Прекрасная монографія объ американскомъ бобрѣ составлена *Морганомъ* (*L. H Morgan*): The American Beaver and his works (Philadelphia, 1868). Подробное извлеченіе, на нѣмецкомъ языкѣ, сообщилъ г. *Гиртаннеръ* (*A. Girtanner*), въ своей книгѣ: Geschichtliches und Naturgeschichtliches über den Biber. (St. Gallen, 1885), на стр. 82—143; съ 9 табл. рис.—Недавно появилась популярная монографія о Канадскомъ бобрѣ: *Hor. T. Martin.* Castorologia or the history and traditions of the Canadian Beaver. (London & Montreal, 1892).

впослѣдствіи не рѣшался установить *видовое* различіе между обѣими формами. Въ своемъ посмертномъ трудѣ, обработанномъ *Вольджичемъ (Woldřich*, l. c., p. 84), *Брандтъ* замѣчаетъ, что американскій бобръ можетъ быть различаемъ отъ европейскаго развѣ только какъ раса. Въ новѣйшее время, *В. Блазіусъ* [1]) старался поддержать *видовое* различіе обѣихъ формъ. Изъ сообщенной имъ таблицы усматривается, что несомнѣнно существуютъ извѣстныя морфологическія различія въ строеніи, напримѣръ, сошника и лобной кости [2]), но, спрашивается, достаточны ли, на самомъ дѣлѣ, эти различія, чтобы признать обѣ формы бобра двумя особыми видами? И не осторожнѣе ли считать американскаго бобра, слѣдуя *Брандту*, лишь расою или, еще точнѣе, *мѣстною разновидностью* евразійскаго.

Наиболѣе подходящимъ къ истинѣ казалось бы мнѣ предположеніе, что не американскій, а евразійскій бобръ является мѣстною разновидностою, такъ какъ американская форма у бобра, какъ и у многихъ другихъ звѣрей (медвѣдя, благороднаго оленя и др.), представляется древнѣйшею, жившею когда-то (въ плейстоценовомъ періодѣ) въ Европѣ,—такъ что слѣдуетъ предположить, что европейскія формы этихъ животныхъ развились въ позднѣйшее время. Въ этомъ отношеніи слѣдующееe поясненіе *Миддендорфа* [3]) представляетъ большой интересъ: „Мы указали на вѣроятность, что бобръ Сѣверной Америки тожественъ съ европейскимъ. Въ особенности же, повидимому, хорошо согласуются между собою черепа́ и кости субфоссильнаго, такъ называемаго торфянаго бобра (Torfbiber), населявшаго въ прежнія времена сѣверную и среднюю Европу, съ тѣми же частями сѣверо-американскаго бобра [4]). Дѣло въ томъ, что въ тѣ отдаленныя времена бобры находились въ Европѣ въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ,

---

[1]) Въ привед. мѣстѣ, стр. 5—8.—См. также: *Wilh. Blasius.* „Ist *Castor canadensis* Kuhl, der amerikanische Biber, eine gute Art?" (Verein f. Naturwiss. zu Braunschweig, IV, Jahresber. f. 1883—1884, 1885—1886; S. 73—83).

[2]) Слѣдуетъ однако же замѣтить, что приведенные въ таблицѣ размѣры относятся лишь къ двумъ черепамъ, по одному европейскаго и американскаго бобра, при чемъ еще одинъ принадлежалъ самцу, а другой—самкѣ.—Мнѣ кажется, что такой скудный матеріалъ, при которомъ не исключена еще возможность индивидуальныхъ особенностей, слишкомъ недостаточенъ, чтобы на немъ основывать два различныхъ между собою вида.

[3]) Sibirische Reise, Bd. IV, S. 851.

[4]) „Между ископаемыми костями въ Овернѣи найдены и кости *бобра, приближающагося къ Канадскому*". См. Горный Журналъ, 1829, ч. 3, стр. 473.

какъ и нынѣ еще [1]) въ Сѣверной Америкѣ: они достигали, не будучи безпокоены, болѣе глубокой старости, жили обществами, сооружали сообща искусственныя постройки и т. д. Съ одинаковыми условіями жизни было связано и однообразіе ихъ стана". А потому можно предположить, что бобры Евразіи въ прежнее время согласовались съ американскими гораздо ближе, чѣмъ нынѣ; у бобровъ стараго свѣта, при измѣнившихся условіяхъ жизни, постепенно образовались тѣ морфологическія измѣненія, которыя отличаютъ ихъ въ настоящее время отъ ихъ американскихъ родичей: морда у нихъ стала нѣсколько длиннѣе и тоньше, цвѣтъ шкуры поблѣднѣлъ, и пр.—Общность происхожденія обѣихъ формъ подтверждается также тожествомъ замѣчательнаго художественнаго инстинкта у тѣхъ и другихъ: этотъ инстинктъ, очевидно, развился уже въ то время, когда обѣ формы составляли еще одинъ нераздѣльный видъ.

Наконецъ, я хочу обратить вниманіе на то, что нахожденіе какъ на американскомъ, такъ и на европейскомъ бобрѣ такой, въ высшей степени своеобразной, паразитной формы жуковъ, каковою является *Platypsyllus castoris* Rits. [2]), ясно указываетъ на прежнюю связь и общность родины обѣихъ разновидностей бобра. Замѣчаніе это сдѣлано уже г. *Фридрихомъ* [3]), который говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Подтвержденіе существованія этого паразита бобра на средней Эльбѣ способно освѣтить родственныя отношенія, существующія между бобрами стараго и новаго свѣта. Едва ли можно предположить, что *Platypsyllus* занесенъ съ привозными канадскими бобрами и перенесенъ на европейскаго; тѣмъ менѣе можно себѣ представить, что это случилось обратнымъ путемъ. Нахожденіе его въ Америкѣ, а также на Ронѣ и Эльбѣ, слѣдуетъ признать первобытнымъ. Этимъ самымъ доставлено доказательство, что область распространенія бобра когда-то простиралась не только черезъ всю Европу, но и непрерывно *черезъ все сѣверное полушаріе* [4]), такъ какъ безкрылое насѣкомое это могло распространяться только черезъ непосредственное перенесеніе съ одного

[1]) Т. е. около 30-ти лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ и въ Сѣверной Америкѣ произошло страшное истребленіе бобровъ.

[2]) Насѣкомое это настолько удаляется отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ формъ, что первоначально недоумѣвали, къ которому отряду насѣкомыхъ его отнести.

[3]) *H. Friedrich.* Die Biber an der mittleren Elbe. Nebst einem Anhange über *Platypsyllus castoris* Ritsema. (Dessau, 1894), S. 45.

[4]) Мы увидимъ ниже, что это послѣднее заключеніе не можетъ считаться неопровержимымъ.

хозяина на другого. Нынѣ разобщенные между собою материки стараго и новаго свѣта въ то время, слѣдовательно, должны были состоять въ связи другъ съ другомъ; насколько хорошо бобръ ни приспособленъ къ пребыванію въ водѣ, онъ все-таки не въ состояніи переплывать моря. Соприкасались ли области бобра въ старомъ и новомъ свѣтѣ когда-либо между собою, въ мѣстности нынѣшняго мелководнаго Берингова пролива или въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ,—это повело бы насъ здѣсь слишкомъ далеко [1]. Но, во всякомъ случаѣ, было бы интересно, если присутствіе *Platypsyllus castoris* было бы доказано и для сибирскихъ бобровъ; я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ и на нихъ находится".—Вполнѣ присоединяясь къ этой догадкѣ и относительно бобровъ, живущихъ въ нашемъ Полѣсьѣ, я не могу не высказать настоятельнаго желанія, дабы одно изъ нашихъ научныхъ учрежденій (будь это И. Академія Наукъ или зоологическій музей Кіевскаго университета, такъ близко лежащаго отъ Полѣсской области бобра), добыло свѣжія шкуры его, на которыхъ, какъ я ничуть не сомнѣваюсь, найдется этотъ замѣчательный паразитъ.

Было бы интересно прослѣдить, попутно, нахожденіе на бобрѣ и другихъ [паразитовъ, напримѣръ, мелкихъ клещиковъ, изъ которыхъ въ новѣйшее время описаны два вида, живущихъ на бобрѣ [2]. Изъ прежняго времени имѣются наблюденія, произведенныя въ предѣлахъ Россіи. *Боянусъ* [3] описалъ сосальщика *Distoma amphistomoides* (изъ отряда *Trematoda*), найденнаго во внутренностяхъ бобра; а проф. *Асмусъ* нашелъ въ одномъ лифляндскомъ бобрѣ по одному *Ascaris* и *Trichocephalus*, а также *Amphistoma subtriquetrum* [4].

Примыкая къ вышесообщеннымъ соображеніямъ г. *Фридриха*, было бы крайне интересно разсмотрѣть вопросъ о томъ, въ какой связи состояло нахожденіе бобра въ Европѣ и Азіи съ таковымъ въ Сѣверной Америкѣ? Такъ какъ бобръ, какъ мы видѣли, по всей вѣроятности, искони отсутствовалъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири, то нельзя предположить, что когда-то существовала здѣсь связь въ

---

[1]) Я ниже возвращусь къ этому вопросу.

[2]) См.: 1) *H. Friedrich.* „Eine neue Schmarotzermilbe unseres Bibers *(Histiophorus Castoris* n. gen. et sp.); въ Zeitschr. f. Naturwiss., 1896, T. 68; и 2) *P. Kramer.* „Über eine neue Pelzmilbe des Bibers *(Haplosoma truncatum,* nov. gen. nov. sp.); въ Zoologischer Anzeiger, 1896, Bd. 19, S. 134—136.

[3]) *Bojanus,* въ Mém. Soc. d. Natural. Moscou, T. 5, 1817, p. 270—277, съ 1 табл. рис.

[4]) См. объ этомъ: *O. v. Löwis,* въ Baltische Monatsschrift, Bd. 32, 1885, S. 287—291.

его распространеніи съ Сѣверною Америкою — черезъ прежнюю „Берингову землю" („Behringis"), обломками которой являются Алеутскіе острова [1]). Извѣстно, что, вѣроятно, когда-то существовала такая непрерывность въ распространеніи многихъ растеній и животныхъ. Изъ числа послѣднихъ я приведу, напримѣръ, горнаго барана (*Ovis nivicola)* и *Spermophilus Parryi* [2]). По поводу нахожденія *Platypsyllus* какъ на сѣверо-американскомъ такъ и на европейскомъ бобрѣ проф. *Нерингъ* [3]) высказалъ догадку, что когда-то между сѣверо-западною Европою и противолежащею областью Сѣверной Америки существовала сухопутная связь, посредствомъ которой могъ происходить обмѣнъ разныхъ видовъ млекопитающихъ. Какъ извѣстно, бобръ нѣкогда водился въ Шотландіи [4]); оттуда было возможно дальнѣйшее распространеніе къ сѣверо-западу, если предполагаемая *Нерингомъ* сухопутная связь когда-то, дѣйствительно, существовала. Такая догадка получила бы сильную поддержку, если были бы найдены остатки бобра на Фарээрскихъ островахъ и въ Исландіи; но объ этомъ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Спрашивается, однако же, слѣдуетъ ли признать непремѣнно необходимою такую непрерывную связь между Евразіею и Сѣверною Америкою для объясненія факта существованія бобра и его паразита какъ на томъ, такъ и другомъ материкѣ,—все равно, станемъ ли мы искать эту связь на сѣверо-западѣ Европы или на сѣверо-востокѣ Азіи. Конечно, какая-либо связь между обѣими областями распространенія бобра должна была когда-то существовать; иначе пришлось бы вернуться къ давно покинутому предположенію о происхожденіи одного и того же вида (въ настоящемъ случаѣ—бобра), независимо другъ отъ друга, какъ въ Евразіи, такъ и въ Сѣверной Америкѣ.

---

[1]) Показаніе *Георги* о присутствіи рѣчнаго бобра на нѣкоторыхъ Алеутскихъ островахъ, вѣроятно, ошибочно.

[2]) Сл. замѣтку академика *Брандта* въ *Tchihatcheff*. Voyage scientifique dan l'Altaï occidental (Paris, 1845); p. 456.

[3]) *Alfr. Nehring*; въ Deutsche Jäger-Zeitung, Bd. 23, 1894. № 10, S. 142.

[4]) См. объ этомъ: *Edw. R. Alston*. „The Beaver in Scotland", въ Zoologist, 1870 p. 2017; а также въ Journal of the Linnean Society, Zoology, vol. 10, 1870, p. 371.— Въ Англіи бобры жили еще въ 1188 г. (см. *Pennant*, British Zoology, Vol. 1, 1812, p. 122); а если вѣрить *Боэтіусу*, то они продержались, по берегамъ озера Loch Ness (въ Горной Шотландіи), даже до 15-го столѣтія. См. объ этомъ: *Boyd Dawkins* and *Sandford*. „The British Pleistocene Mammalia"; in The Palaeontographical Society, vol 18, 1866, p. XV.

Мнѣ кажется, что такую связь можно возстановить другимъ путемъ. Дѣло въ томъ, что бобръ могъ, совокупно съ весьма многими животными и растеніями, зародиться первоначально на существовавшемъ нѣкогда полярномъ континентѣ, изъ котораго онъ, вмѣстѣ съ другими животными, могъ распространиться лучеобразно какъ въ Европу и Сибирь, также точно и въ Сѣверную Америку.—Большой интересъ и важное значеніе этого вопроса заставляетъ меня нѣсколько на немъ остановиться.

Какъ извѣстно, уже *Бюффонъ* въ своихъ знаменитыхъ „Époques de la nature“ высказалъ догадку, что первое зарожденіе животныхъ на землѣ должно было послѣдовать на полюсахъ, которые ранѣе остальныхъ частей ея поверхности охладились настолько, чтобы дать возможность существованію органической жизни. Отсюда животныя, по мѣрѣ постепеннаго охлажденія странъ, лежащихъ далѣе отъ сѣвернаго полюса, имѣющаго для нашего вопроса важнѣйшее значеніе, подвигались все болѣе и болѣе къ югу. Между тѣмъ, на значительно охлажденномъ полярномъ материкѣ зарождались новыя фауны, приспособленныя къ умѣренному, а затѣмъ и къ холодному климату. Вотъ эта послѣдняя фауна, двинувшаяся къ югу, въ исходѣ міоценоваго или въ теченіе пліоценоваго періода, имѣетъ для насъ особое значеніе, такъ какъ къ ней, въ числѣ многихъ другихъ млекопитающихъ, принадлежалъ и интересующій насъ бобръ.

Циммерманъ [1]), въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о географическомъ распространеніи человѣка и млекопитающихъ животныхъ, говоря о гипотезѣ *Бюффона*, сдѣлалъ нѣсколько возраженій, касающихся однако же не сущности, а лишь нѣкоторыхъ частностей ея. Вообще же къ догадкѣ *Бюффона* большинство естествоиспытателей отнеслось сочувственно. *Гюо* [2]), желая объяснить присутствіе въ Сибири остатковъ слоновъ (т.-е. мамонтовъ) и носороговъ, прибѣгнулъ къ подобной же гипотезѣ древняго полярнаго материка, обломками котораго являются Шпицбергенъ и Ново-Сибирскіе острова.

Но гипотеза *Бюффона*, повидимому, была вскорѣ забыта или, по крайней мѣрѣ, не успѣла пустить въ наукѣ глубокіе корни. Къ

---

[1]) *E. A. W. Zimmermann.* Geographische Geschichte des Menschen und der allgemein verbreiteten, vierfüssigen Thiere. Bd. 3 (Leipzig, 1783), S. 196 ff.

[2]) *Huot*, „Quelques considérations géologiques sur la présence des débris d'animaux vertébrés dans les différentes couches de notre globe“. (Annales des sciences naturelles, T. 10, 1827, p. 274—275).

тому же, ею не объяснялись нѣкоторыя особенности въ распространеніи какъ животныхъ, такъ и растеній,—такъ, напримѣръ, весьма любопытный фактъ о близости между собою флоръ восточно-азіатской (японской и приамурской) и восточныхъ (приатлантическихъ) Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. При несомнѣнномъ существованіи нѣкогда „Беринговой земли“, соединявшей сѣверо-восточную Азію съ сѣверо-западною Америкою, скорѣе слѣдовало ожидать такого родства приамурской флоры не съ атлантическою, а съ флорою американскихъ прибрежій Тихаго океана. Сверхъ того, означенныя двѣ флоры во многомъ сходствуютъ съ третичною флорою Швейцаріи. Съ легкой руки *Азы Грея* [1], задавшагося спеціально изученіемъ этихъ сложныхъ отношеній, вопросъ этотъ былъ сразу освѣщенъ и разрѣшенъ. Ему мы обязаны въ высшей степени вѣроятнымъ предположеніемъ, что означенныя три флоры—одного и того же происхожденія, и что онѣ покрывали первоначально материкъ, окружавшій сѣверный полюсъ. Вслѣдствіе охлажденія тамошняго климата, онѣ были вынуждены откочевать къ югу по имѣвшимся въ то время сухимъ путямъ и, такимъ образомъ, тѣ же самые виды растеній появились какъ въ Европѣ (гдѣ они вымерли), такъ и въ восточныхъ частяхъ Азіи и Сѣверной Америки.

Совмѣстно съ растеніями, и животныя, гонимыя холодомъ, воспользовались тѣми же путями, для переселенія въ болѣе теплыя страны. Для насъ, какъ сказано, представляетъ наибольшій интересъ послѣднее таковое переселеніе, въ которомъ участвовали многія млекопитающія, частію уже вымершія, но частію живущія еще въ настоящее время, и притомъ какъ въ Евразіи, такъ и въ Сѣверной Америкѣ. Къ вымершимъ животнымъ, встрѣчавшимся въ старомъ и новомъ свѣтѣ, принадлежатъ, напримѣръ, мастодонты и мамонты. Немногіе виды, существовавшіе когда-то на обоихъ материкахъ, вымерли на одномъ изъ нихъ, а сохранились на другомъ. Примѣромъ служитъ овцебыкъ (*Ovibos moschatus*), который нѣкогда попадался въ разныхъ частяхъ Евразіи (напримѣръ, въ западной Европѣ и въ арктической Сибири—на берегахъ р. Яны), а нынѣ живетъ только въ Гренландіи. Однако же нѣкоторыя характерныя млекопитающія, зародившіяся, вѣроятно, на томъ же самомъ полярномъ конти-

[1]) *Asa Gray.* „Observations upon the relations of the Japanese Flora to that of North America“; въ Memoirs of the American Academy of arts and sciences; New Series, Vol. 6. (1858).

нентѣ, вовсе отсутствуютъ на томъ или на другомъ материкѣ; такъ, наприм., въ Сѣверной Америкѣ нѣтъ (и не было) тура, кабана, исполинскаго оленя (*Cervus megaceros*) и др. Можно догадываться, что эти виды и на полярномъ континентѣ имѣли лишь мѣстное распространеніе, вслѣдствіе чего они могли воспользоваться только однимъ путемъ, ведущимъ, въ настоящемъ случаѣ, черезъ Шпицбергенъ и Скандинавію, въ Англію и остальную Европу. На это указываетъ и то обстоятельство, что упомянутыя животныя обитали, по преимуществу, въ западной части стараго свѣта. Не исключена однако же возможность, что названные виды развились позже, въ одной Евразіи.

Особенно любопытными являются для насъ тѣ млекопитающія, которыя обитаютъ еще въ настоящее время какъ въ Евразіи, такъ и въ Сѣверной Америкѣ. Не претендуя на полноту нижесообщаемаго списка [1]), я хочу только обратить вниманіе на то, что встрѣчающіеся на обоихъ полушаріяхъ тожественные (или же весьма близкіе) виды принадлежатъ, большею частію, къ весьма обыкновеннымъ млекопитающимъ. А именно:

I. *Изъ отряда хищныхъ.*

1) Рысь (*Felis lynx*) и очень близкая американская форма (*Felis canadensis*).

2) Волкъ (*Canis lupus*).

3) Лисица (*Canis vulpes*).

4) Песецъ (*Canis lagopus*).

5) Бурый медвѣдь (*Ursus arctos*) [2]).

6) Бѣлый медвѣдь (*Ursus maritimus*).

7) Лѣсная куница (*Mustela martes*) и родственный американскій видъ (*M. americana*).

8) Горностай (*Mustela erminea*).

9) Ласка (*Mustela vulgaris*).

10) Россомаха (*Gulo luscus*).

---

[1]) Списокъ составленъ по: *R. Lydekker.* Die geographische Verbreitung und geologische Entwickelung der Säugetiere. (Переводъ съ англійскаго; Jena, 1897)) S. 422—432.—См. также: *W. Kobelt.* Die Verbreitung der Tierwelt. (1901); S. 313—314.

[2]) Сѣрый медвѣдь (grizzly-bear, *Ursus horribilis),* кромѣ Сѣверной Америки, встрѣчается также въ Восточной Сибири.

II. Изъ отряда грызуновъ.

11) Бурундукъ (*Tamias asiaticus*) и родственныя американскія формы.

12) Пеструшка (*Myodes obensis*).

13) *Myodes* (*Cuniculus*) *torquatus*.

14) Бобръ (*Castor fiber*) и родственная американская форма (*Castor canadensis*).

15) Заяцъ-бѣлякъ (*Lepus timidus*).

III. Изъ отряда двукопытныхъ.

16) Зубръ (*Bos bison*) и американскій бизонъ (*Bos americanus*).

17) Камчатскій баранъ (*Ovis nivicola*) и весьма близкій американскій видъ (*Ovis canadensis*).

18) Благородный олень (*Cervus eustephanus*) и американскій вапити (*C. canadensis*).

19) Лось (*Alces machlis*).

20) Сѣверный олень (*Rangifer tarandus*).

Часть этихъ млекопитающихъ, населявшая упомянутый полярный континентъ уже въ міоценовый періодъ, перекочевала лучеобразно къ югу, повидимому, въ теченіе пліоценоваго періода; другая часть (мамонты, лоси, пеструшки и друг.) послѣдовала, вѣроятно, позже, гонимая наступавшимъ на означенномъ полярномъ материкѣ ледниковымъ періодомъ, при чемъ она, будучи тѣснима все болѣе надвигавшимися ледниками, отступала все далѣе къ югу. Изъ ранѣе населившей Европу фауны міоценоваго полярнаго континента иныя млекопитающія (наприм., мастодонты) вымерли, другія же (какъ то, носороги и слоны) перекочевали въ Африку, которая, въ то время состояла еще въ связи съ Испаніею.

Г. Егеръ [1]), усвоившій также гипотезу существованія когда-то полярнаго материка, являющагося зоогеографическимъ центромъ, попытался, совокупно съ *Бессельсомъ* [2]), развить эту мысль и провѣ-

---

[1]) *G. Jäger.* „Der Nordpol, ein thiergeographisches Centrum"; въ газетѣ: „Das Ausland", 1865, № 37.

[2]) *Gust. Jäger* und *Emil Bessels.* „Die geographische Verbreitung der Hirsche, mit Bezug auf die Geschichte der Polar-Länder"; въ *Petermann's* geogr. Mittheilungen, Bd. 16, 1870, S. 82—92.

рить ее на богатомъ видами семействѣ оленей, изъ котораго, какъ мы видѣли, три формы (благородный олень, лось и сѣверный олень) обитаютъ какъ въ Евразіи, такъ и въ Сѣверной Америкѣ. *Егеръ* придалъ этому материку названіе *Арктисъ (Arctis).* — Впослѣдствіи геологъ *А. Пенкъ* [1]) посвятилъ этому вопросу интересную статью.

Что касается собственно бобра, то онъ принадлежитъ, повидимому, къ той группѣ млекопитающихъ животныхъ, которая населяла упомянутый полярный материкъ уже въ концѣ міоценоваго періода. По крайней мѣрѣ, извѣстны виды бобра изъ пліоцена Тосканы и окрестностей Перпиньяна. Однако же, трудно сказать утвердительно, въ какихъ отношеніяхъ находится нашъ бобръ къ этимъ послѣднимъ видамъ, а также къ ископаемому бобру, найденному на берегу Азовскаго моря и отнесенному *Фишеромъ-фонъ-Вальдгеймъ* [2]) къ особому роду, названному имъ *Trogontherium (Tr. Cuvieri). Кювье* [3]) же признаетъ это животное за настоящаго бобра *(Castor trogontherium).* Впослѣдствіи этотъ видъ былъ найденъ также въ Англіи, Франціи и Германіи. Къ этому-же новому роду *Фишеръ* причислилъ еще другой видъ, *Tr. Werneri,* ископаемые остатки котораго найдены первоначально на берегу Ростовскаго озера, въ Ярославской губерніи. *Кювье* и *Эйхвальдъ* [4]) относятъ этотъ видъ къ роду *Castor,* и послѣдній замѣчаетъ, что онъ ничѣмъ инымъ не отличается отъ нынѣшняго бобра, какъ только нѣсколько большею величиною. Съ этимъ совершенно согласенъ и г. *Эйгенбротъ* [5]), посвятившій этому виду особую статейку. Форма эта была также найдена въ юго-западной Германіи. Въ дилювіальный періодъ бобръ былъ очень широко распространенъ какъ въ Евразіи, такъ и въ Сѣверной Америкѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные остатки, найденные въ костяныхъ пещерахъ и торфяныхъ болотахъ.

Заканчивая этимъ настоящій трудъ, я надѣюсь въ скоромъ времени разработать нѣсколько картъ распространенія бобра въ Россіи

---

[1]) Albrecht *Penck.* „Die Pole als Entwicklungscentren" въ „Beilage zur Allgemeinen Zeitung" (München), 1885, № 135 и 136.

[2]) *G. Fischer.* Lettre à S. E. Mr. le Comte Alexandre de Strogonof sur le Trogonthérium animal fossile et inconnu, de son cabinet. (Moscou, 1809).

[3]) *G. Cuvier.* Recherches sur les osssemens fossiles. Nouv. édition, T. V, P. 1 (1823), p. 59—60.

[4]) *Эд. Эйхвальдъ.* Палеонтологія Россіи. Новый періодъ. (С.-Пб., 1850), стр. 203.

[5]) *Carl Eigenbrodt.* „Über den Torfbiber"; въ Bulletin de Moscou, 1848, P. 2, p. 541—547.

въ разныя времена, а именно: въ XVII и XVIII-мъ столѣтіяхъ, къ концу первой половины XIX-го вѣка и въ настоящее время. При огромномъ пространствѣ, занимаемомъ Россіею (вмѣстѣ съ Сибирью), а также въ виду недостаточности свѣдѣній, такія карты не могутъ быть изготовлены съ желаемою точностью. Нельзя пока и думать у насъ о составленіи такой карты распространенія бобра, каковая приложена къ вышеупомянутому труду *Фридриха* о бобрѣ по теченію средней Эльбы; на этой картѣ обозначены всѣ нынѣ существующія отдѣльныя мѣста жительства бобровъ по этой рѣкѣ и ея притокамъ.

Дополненіе.

При разсмотрѣніи распространенія бобра въ Финляндіи, я высказалъ сожалѣніе о неимѣніи подъ рукою достаточныхъ свѣдѣній, чтобы составить себѣ понятіе о прежнемъ существованіи этого животнаго въ означенной странѣ и о постепенномъ его исчезновеніи изъ ея предѣловъ. Уже по отпечатаніи подлежащей главы, г. *Э. Рейтеръ* (Enzio *Reuter*, въ Гельсингфорсѣ) обязательно сообщилъ мнѣ статью *А. В. Гранита* [1]) о бобрахъ въ Финляндіи. Большая часть заключающихся въ ней свѣдѣній относится къ финской Лапландіи и была мною принята во вниманіе при разсмотрѣніи нахожденія бобра въ Лапландіи. Въ слѣдующемъ я передаю нѣкоторыя свѣдѣнія, не вошедшія въ означенное разсмотрѣніе.

Г. *Гранитъ* мѣтко обозначилъ свою статью „некрологомъ", указывая на то, что бобръ вымеръ въ Финляндіи. Въ сѣверной части этой страны исчезновеніе бобровъ ускорилось вслѣдствіе того, что, съ конца XVI столѣтія начали проникать туда финны, которые все болѣе вытѣсняли жившихъ тамъ ранѣе лопарей. Эти послѣдніе занимавшіеся почти исключительно охотою, обходились бережливо съ бобрами, между тѣмъ, какъ финны вели настоящую истребительную войну противъ этихъ беззащитныхъ животныхъ. Вслѣдствіе такого нарушенія финнами правъ лопарей на исключительное пользованіе лѣсами, съ обитающими въ нихъ звѣрями, въ предѣлахъ Лапмаркена,—завя-

---

[1]) *A. W. Granit.* „Bäfvern i Finland. En nekrolog"; въ Tidskrift f. Jägare och Fiskare, Bd. VIII, 1900, p. 45—55.

зались многочисленныя и продолжительныя тяжбы, кончившіяся вытѣсненіемъ лопарей изъ ихъ древнихъ обиталищъ.

Изъ Соданкюлэ имѣется свѣдѣніе, что въ 1756 году былъ большой недостатокъ въ птицахъ и пушныхъ звѣряхъ, за исключеніемъ бобровъ; а въ 1764 году ловля бобровъ была очень неудачна. Въ этихъ мѣстахъ послѣдніе бобры были убиты въ началѣ 1840-ыхъ годовъ [1]), о чемъ г. *Гранитъ* приводитъ нѣсколько согласныхъ между собою показаній. При посѣщеніи имъ, въ 1897 году, лѣсовъ, ростущихъ по берегамъ Паз-рѣки (Patsjoki), онъ побывалъ на двухъ озерахъ, названныхъ *Maijjäyri* (отъ лопск. *maiju*=бобръ), гдѣ по показанію тамошняго лопаря, еще не такъ давно жили бобры. Тутъ же по близости находится рѣчка *Maijujok* (=бобровая рѣка), которая протекаетъ чрезъ цѣлый рядъ небольшихъ озеръ и впадаетъ въ озеро Энаре. По нѣкоторымъ соображеніямъ г. *Гранитъ* полагаетъ, что бобры водились здѣсь еще около 1860 года.

Въ настоящее время въ Лапландіи попадается только мало слѣдовъ бобровыхъ хатъ и плотинъ. Наиболѣе хорошо сохраненные слѣды авторъ засталъ, въ 1895 году, въ Соданкюлэ, около *Majavakoski* (=бобровый водопадъ), на рѣкѣ Kaivijoki, притокѣ рѣки Кеми. Повидимому, мѣстность эта, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, составляла мѣстопребываніе многихъ бобровыхъ семей. Хаты ихъ были построены на отмели, которая бобрами была раздѣлена на нѣсколько островковъ. „Каналы или, вѣрнѣе, развѣтвленія рѣчныхъ рукавовъ ясно свидѣтельствовали о томъ, что все это было создано животнымъ, одареннымъ высокимъ инстинктомъ“.

Всѣ вышесообщенныя свѣдѣнія о прежнемъ нахожденіи бобровъ относятся къ сѣверной Финляндіи и финской Лапландіи. Что же касается средней и южной Финляндіи, то и въ статьѣ г. *Гранита* я тщетно искалъ таковыя свѣдѣнія. Этимъ подтверждается высказанное мною предположеніе, что бобръ, если и водился въ этихъ послѣднихъ частяхъ Финляндіи, то, во всякомъ случаѣ онъ давно уже вымеръ. Г. *Гранитъ* заканчиваетъ свою интересную статейку пожеланіемъ, дабы бобръ былъ вновь поселенъ въ Финляндіи и надѣется, что это случится, когда въ этой странѣ будетъ устроенъ національный паркъ, по образцу знаменитаго парка Yellowstone въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

---

[1]) Замѣчательно, что около того самаго времени бобры исчезли изъ многихъ мѣстъ въ предѣлахъ Россіи, какъ то изъ Нижегородской губерніи.

На бывшемъ, въ іюнѣ текущаго года, конгрессѣ естествоиспытателей въ Гельсингфорсѣ, вниманіе мое было обращено на чрезвычайно любопытное обстоятельство, доказывающее уже весьма давнее исчезновеніе бобровъ изъ средней и южной Финляндіи. А именно, въ названія урочищъ, поименованныхъ по бобру, входитъ не шведское (*bäfver*), а древне-скандинавское его названіе (*bjur*); напримѣръ, *Bjursäng*, *Bjurböle* и др. Слѣдовательно, бобръ жилъ тамъ въ той глубокой древности, когда тамошнее населеніе говорило еще по древне-скандинавски. Когда-же языкъ этотъ былъ замѣненъ шведскимъ, бобровъ, повидимому, тамъ уже не было, такъ какъ отсутствуютъ урочища, названныя по шведскому *bäfver*.

Ѳ. Кеппенъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ іюньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, на стр. 359 въ строкѣ 19-й слѣдуетъ вычеркнуть слово „губ.“; въ выноскѣ 1-й должно быть: По ошибкѣ, во второмъ изданіи напечатано: 1784 г.

КЪ ИСТОРІИ ПОЭТИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ ОБЪ ОЛЕГѢ ВѢЩЕМЪ.

Πάντα χωρεῖ καὶ οὐδὲν μένει
(Ἡράκλειτος.—Πλάτων).
(Виндельбандъ, Исторія древней философіи, переводъ слуш. в. ж. к. подъ ред. Введенскаго, 45).

(Посвящается академику Александру Николаевичу Веселовскому).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Древне-русскія сказанія объ Олегѣ Вѣщемъ.

Имя князя Олега Вѣщаго, подобно имени великаго князя Владиміра I-го, было весьма популярно въ древне-русскомъ эпосѣ, какъ онъ открывается въ различныхъ произведеніяхъ русской повѣствовательной литературы XI—XVII вв.

Какъ и Владиміръ, Олегъ—въ той или иной формѣ своего имени—является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ не только въ героическихъ сказаніяхъ, но и въ церковной легендѣ, хотя количество церковно-легендарныхъ сюжетовъ, связанныхъ съ его именемъ, и невелико.

Большой интересъ для исторіи русскаго эпоса представляютъ мало извѣстныя, болѣе позднія сказанія объ Олегѣ Вѣщемъ, сказанія, заключающіяся въ памятникахъ XV—XVII вв., такъ какъ они проливаютъ яркій свѣтъ на тотъ историческій процессъ, которому въ древне-русскомъ устномъ поэтическомъ творчествѣ подчинялись сказанія объ этомъ „великанѣ русскаго историческаго сумрака".

Для обозрѣнія этихъ сказаній объ Олегѣ мы пользуемся слѣдующими источниками:

1) Особой редакціей древне-русской лѣтописи — хронографа со значительной примѣсью эпическихъ элементовъ, представляющихъ частью болѣе поздніе варіанты сказаній о князьяхъ-варягахъ, частью новые мотивы по сравненію съ тѣми, которые включены какъ въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, такъ и въ „Начальный кіевскій лѣтописный сводъ“ [1]). Эта редакція древне-русской лѣтописи примыкаетъ къ тому типу древне-русскаго лѣтописанія, который представляетъ такъ называемая Іоакимовская лѣтопись [2]). Мы пользовались двумя списками этого „особаго“ типа нашей древней лѣтописи, исполненной въ первой своей части эпическихъ, героическихъ преданій, очевидно, направленныхъ къ идеализаціи стараго Новгорода эпохи основанія Русскаго государства. Оба составлены, однако, вѣроятно въ Москвѣ, несомнѣнно въ XVII в.; оба принадлежатъ Императорской Публичной Библіотекѣ [3]). Первый списокъ представляетъ, повидимому, одно изъ видоизмѣненій „второй редакціи хронографа“ (Андр. Поповъ, Обзоръ хроногр. рус. ред. III, 122 слѣд.); онъ составляетъ третью часть (отъ 240 л.) рукописнаго сборн. Императорской Публичной Библіотеки, обозначеннаго слѣдующей общей помѣткой: „Лѣтописецъ XVII в. Q. XVII. 72. Отд. II № 282. Изъ библіотеки гр. Ѳ. А. Толстова“. Въ подлинникѣ занимающая насъ часть Сборника носитъ такое заглавіе: Лѣтаписецъ написанъ ѿ рожества хр҃итова ѡ цр҃х жыдов҃скихъ и грече҃ки҃ и рꙋски҃. Съ 32-й тетради Сборника или съ 264-го л. начинается собственно русская лѣтопись: Начало рꙋскихъ кн҃зей ѿчево зачалось рꙋское княжение. Законченъ этотъ „Лѣтописецъ“ 1654-мъ годомъ, замѣткой о рожденіи у царя Алексѣя Михайловича сына, царевича Алексѣя (на 307 л.). Второй списокъ представляетъ варіантъ (сокращенный) русской части предыдущаго; онъ названъ Строевымъ „Лѣтописные отрывки отъ начала Руси до Междуцарствія“; въ числѣ рукоп. И. П. Б. значится

---

[1]) Держимся терминологіи академика Шахматова. Ср. его соч. „О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ“. М. 1897.

[2]) О подлинности ея см. Шахматовъ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1900 г., ноябрь, стр. 183—288.

[3]) Приносимъ нашу глубокую благодарность г. директору и администраціи Императорской Публичной Библіотеки и правленію Императорскаго Харьковскаго университета за предоставленіе намъ возможности изучать эти очень интересные памятники въ Харьковѣ.

подъ № 1578 (П. М. Строева № 43); экземпляръ дефектный; начинается со второй тетради, продолженіемъ исторіи Оскольда и Дира: к нем҄ꙋ два м҄ꙋжа ч҃тны; единомꙋ имѧ Ѻскоⷣлъ, а второмꙋ имѧ Ид҃и. Ѻни҃ мꙋжие, полѧнии ѿ гобы, приидоша до горъ тѣхъ Днепрⷪ҇ и дивиша҃.

Со 2-го л: Ѡ великои мꙋдрости кнѧзѧ Ѻлга взѧⷭ҇ црь гра҃. (красн. черниломъ). Лѣтопись эта оканчивается разсказомъ о смерти Разстриги и статьей ѿ ꙋкинени лⷮвы и нѣмецъ и римлѧ҃, лѧховъ и ꙋгрѧ҃ к црⷭтке московскоⷨ (красн. черниломъ) (лл. 117—118).

2. Въ дополненіе къ сказаніямъ объ Олегѣ, заключающимся въ этихъ хронографахъ, мы приводимъ свѣдѣнія объ этомъ князѣ, содержащіяся въ Іоакимовской лѣтописи, по изложенію ея Татищевымъ, и въ напечатанныхъ А. Поповымъ выдержкахъ изъ хронографовъ русской редакціи. (Обзоръ хроногр. рус. р. М. 1866 и 1869 г. и Изборникъ славянскихъ и рус. сочин. и статей, внесенныхъ въ хроногр. рус. ред. М. 1869).

3. Одно любопытное сказаніе, связанное съ именемъ Олега, содержитъ Паралипоменъ Зонаринъ (изд. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ въ Императорск. общ. исторіи древностей рос. при Моск. университетѣ 1847 г., № 1, стр. 102—103).

4. Такъ называемое распространенное проложное житіе св. Владиміра содержитъ эпическій мотивъ, связанный съ именемъ Олега (издано А. И. Соболевскимъ въ Чтеніяхъ въ Обществѣ лѣт. Нестора, Кіевъ 1888 г., кн. II).

Древне-русскихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ, внесенныхъ въ начальные лѣтописные своды, какъ болѣе-менѣе извѣстныхъ и опредѣленныхъ, мы касаемся въ I главѣ настоящаго изслѣдованія лишь настолько, насколько того требуютъ интересы сравнительнаго изученія тѣхъ древне-русскихъ сказаній Ольгова цикла, которыя или представляютъ интересъ новизны по своему содержанію, или даютъ поводъ для новыхъ историко-литературныхъ комбинацій. Во II главѣ они приводятся большею частью in extenso.

Всѣ вообще древне-русскія сказанія объ Олегѣ распадаются на двѣ категоріи: въ однихъ онъ представляется самостоятельнымъ и могущественнымъ властителемъ, „новымъ Александромъ Македонскимъ“; великимъ княземъ сначала Новгородскимъ, а потомъ Кіевскимъ, въ другихъ онъ же является только храбрымъ и мудрымъ „мужемъ“, *воеводой* сначала Игоря, а позднѣе князя Владиміра I. Переходимъ къ разсмотрѣнію и посильному выясненію этихъ сказаній.

I. Олегъ, великій князь русскій.

1. *Происхожденіе Олега и прибытіе его на Русь.*

„Іоакимовская“ лѣтопись называетъ Олега княземъ Урманскимъ, т. е. Норманскимъ, варягомъ, шуриномъ в. кн. Рюрика (Татищевъ В. Н. Исторія Россійская кн. I. М. 1768 г., стр. 34; ср. Императрицы Екатерины II Записки кас. рос. истор. Соч. Импер. Екат. II, ред. акад. Пыпина, т. VIII, 27, 31, Соловьевъ, Истор. Россіи, т. I, примѣч. 187). „Лѣтописецъ XVII в.“ связываетъ появленіе Олега на Руси, въ Новгородѣ Великомъ, съ призваніемъ варяговъ, братьевъ Рюрика, Синеуса и Трувора, при чемъ Олега называетъ *племянникомъ* Рюрика, а весь родъ его ведетъ отъ Августа кесаря (л 264): Лѣта ҂ЅТОЕ (6375) год [1]) придоша словяне изновагорада великаго торговати за море к варягом в немецкую землю (обор. 264 л.) в област короля Прусы и рекоша словяне княземъ варяжским [2]): земля гдне наша рекомая Словенская Русь добра и обилна всѣм да нет у нас нарядников, да не владеет нами нихто. „По избранію варяговъ, пришли на Русь три брата съ роды своими, князья Рюрик, Трувар, Синеус да племянник их княз Олег (обор. 264 л.).

2. „*Времена и лѣта Ольговы*“ *въ Великомъ Новѣгородѣ.*

Въ представленіи составителя „Лѣтописца XVII вѣка“ княженіе Олега въ Великомъ Новгородѣ является славной эпохой въ исторіи русской гражданственности и государственнаго устроенія Руси. Политическимъ центромъ славяно-русской земли является Великій Новгородъ; княженіе Олега, совпадающее съ царствованіемъ въ Византіи императора Михаила, обозначается эпическимъ терминомъ „тѣ времена и лѣта Ольговы“; Олегъ изъ Новгорода ставитъ по русской землѣ города и устанавливаетъ дани; изъ Новгорода же онъ пытается завести дипломатическія сношенія съ Византіей, а когда это послѣднее ему не удается, вслѣдствіе измѣны его дружинниковъ Оскольда и Дира, которымъ была поручена эта важная миссія, самъ предпринимаетъ походъ по великому варяжскому пути для наказанія ослушниковъ и завоева-

---

[1]) На поляхъ помѣтка: сон (Кіевъ); послѣднее другой рукой и чернилом иным.

[2]) Въ дальнѣйшихъ извлеченіяхъ изъ Лѣтописца XVII вѣка мы вносимъ только свою пунктуацію.

нія Кіева, гдѣ Оскольдъ и Диръ основались, какъ самостоятельные властители, независимые отъ Олега.

И кнѧ҃ Рюрїи сѧде в велико҃м Новѣгородѣ... Послѣ 17-лѣтняго княженія (съ братьями и единоличнаго) ѹмре и остасѧ ѹ Рюрика с҃нъ кнѧзь Игорь мл҃а, и преда҃ кнѧ҃ Рюрїи всю власть въ рѹко҃ земли племѧннику свое҃му кн҃зю Олгѹ, да с҃на своего Игорѧ е҃му же преда҃ в рѹце. И нача кнѧ҃ Олгъ грады ставити по всеи рѹскои зе҃мли и дани ѹставливати и оброки в рѹкои зе҃мли давати. А сеи же ѹбо есть рѹскїи кнѧ҃ и ве҃ ро҃ его о҃ колѣна аѵгѹста кесарѧ тивириѧ҃цкаго. И о҃блада кнѧ҃ Олгъ многими странами в рѹкои зе҃млѣ.

Архангельская лѣтопись относитъ эту земскую дѣятельность Олега къ кіевскому періоду его княженія (Лѣтописецъ, М. 1819 г. стр. 8). Въ начальной же Кіевской лѣтописи эта гражданская и устроительно-земская дѣятельность, какъ извѣстно, приписывается великой княгинѣ *Ольгѣ*—обстоятельство, указывающее на давнее смѣшеніе собственныхъ именъ и лицъ великаго князя *Ольга* и великой княгини *Ольги*. На томъ же смѣшеніи этихъ собственныхъ именъ основано пріуроченіе къ личности великой княгини Ольги поэтическаго преданія о взятіи Царьграда хитростію-мудростію князя Ольга: мѹдростию великою кнѧгинѧ Олга прелсти Црьградъ и много множе҃ства вз҃ѧ злата и сребра (рук. Имп. публ. библ. № 1578 л.). Въ Лаврент. сп. лѣт. подъ 946 г. читаемъ: И иде Вольга (послѣ мщенія древлянамъ) по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; (и) суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывше лѣто едино, въ лѣто 6455 (947), иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; (и) ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днепру перевѣсища и по Деснѣ и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши, възратися къ сыну своему Киеву, и пребываше съ нимъ въ любъви (Лавр. лѣт. изд. археогр. ком. Спб. 1872 г., стр. 58—59). Это послѣднее извѣстіе повторено съ небольшими измѣненіями въ Никоновской лѣт., безъ упоминанія „о земскомъ устроеніи" Ольгой Древлянской области.

Степенная книга оговариваетъ такимъ образомъ это противорѣчіе, объясняемое различіемъ варіантовъ древнихъ сказаній объ Олегѣ и Ольгѣ и ихъ мѣстныхъ пріуроченій: иде Ольга съ сыномъ своимъ и воинствомъ по Деревской земли, уставляющи уставъ и уроки и ловища. Нѣцыи же глаголютъ, яко Деревская земля бѣ иже во области Великаго Новаграда, нынѣ же пятина Деревская именуема. Иніи же гла-

голютъ, яко сѣверская страна бѣ [1]), идѣ же Черниговъ градъ. И пріиде Ольга въ Кіевъ градъ съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Святославомъ (Степенная книга, ч. I, М. 1775, стр. 13).

Ко времени пребыванія Олега въ Великомъ Новгородѣ „Лѣтописецъ XVII вѣка" относитъ слѣдующія событія, разсказы о которыхъ, какъ можно судить по оборотамъ рѣчи, напоминающимъ многими чертами поэтическій стиль былинъ, отражаютъ старинный новгородскій циклъ героическихъ сказаній про Ольга Вѣщаго: a) прекращеніе разбоевъ въ Новгородѣ вслѣдствіе поимки цѣлаго разбойничьяго рода—Кія, Щека, Хорива и ихъ сестры Лыбеди; b) освобожденіе этихъ разбойниковъ по милосердію Олега; c) уходъ Кія, Щека, Хорива и Лыбеди изъ Новгорода въ Кіевъ и основаніе ими на Днѣпрѣ поселеній—Кіева, Щековицы и Хоривицы; d) посылка Ольгомъ Оскольда и Дира въ Царьградъ; e) убіеніе Кія, братьевъ и сестры его Оскольдомъ и Диромъ; f) княженіе Оскольда и Дира въ Кіевѣ и g) походъ Олега противъ нихъ. Всѣ эти мотивы большею частію извѣстны изъ начальной лѣтописи; но здѣсь они являются въ новыхъ комбинаціяхъ, пріуроченіяхъ и любопытномъ съ точки зрѣнія исторіи русскаго героическаго эпоса—изложеніи.

(Л. 265). И в тѣ времяна и лѣта Олговы бысть в великомъ Новѣградѣ и нѣцыи мужы воини си ре разбоиницы лютиі, три брата: первый бра Киі, вторый бра Щекъ, третиі бра Хори, да у них сесътра Лыбедь также была храбра и велми храбра. И много тѣ мужы и сестра ихъ творяша [2]) новгороцкомъ, разбои чиняше во граде и по селам. Новгородцы же гражане мужи (обор. 265 л.) Кия и брата его и сесътру их Лыбеду поимавъ и посадиша их в поруб и жены и дѣти ихъ и весь родъ ихъ и всѣхъ их числомъ до тридесят душъ, всѣ были храбры и сильны добрѣ. И седяше тѣ мужые много лѣтъ в темницы, и новгородцы же повелѣша их обесити. Кии же и братя его нача плакати и бити челом князю Олгу: господине княже Олгъ! яви милость рабом своим, вели их темницы выпустити, и мы отойдем из града сего и от твоея благости, иде же, господине, держава твоя ни есть. И умилосердися Олгъ князь и отпусти Кия и братию его и весь род его.

Они же идяше дебрием до дву месяцъ и доиде до реки великие, рекомаго до Днепра, иже течеть из Руси на полдень въ море Телое, по нем живуть (л. 266)

[1]) Въ селѣ Подгородняя Слобода у гор. Льгова Курск. губ. существуетъ преданіе объ основаніи гор. Льгова княгинею Ольгой, сестрой Аскольда и Дира, скрытой здѣсь этими ея братьями отъ чьихъ-то преслѣдованій. На другомъ, противоположномъ берегу р. Семи въ Кудинцевѣ находился ея дворъ, жили ея бояре, приближенные и слуги.

[2]) Переправлено въ подлинникѣ изъ *творяше*.

варяги. И пріідоша на горы высокия и обрете на тѣхъ гора крстъ, его же поставы при страсти гдни невозваныи апостл Андреи бра Петров, и рече сице святы Андреи: в поселение лета и на сиѣ [1]) гора возсияет благодать Бжыя и будет гра, нарече имя ему Киев, то гра будет всемъ градом рускимъ мати и утверьдица о немъ хрестиянская вѣра и прославица то гра во всеи стране еллеские власти и поклоняца цри и князи и колѣна вавархскаго господа града того. И полюби Киі мѣсто сие і вселися на горѣ иже есть и до ныне Кивица, а бра его Щек вселися вблизи его на второи горѣ иже есть Щековица, а Хоривъ вселися на третьеи горѣ, иже есть Хоривица, а Лыбед сестра их таже веселися со всеми роды своими.

И по семъ Киі и весь род его нача делати землю руками (обор. 266 л.) своима, и нача славно жыти и прихожаху къ ним многие люди со всѣхъ стран и веселяхуся ту с Кием, и распространися мѣсто сие, и людей мно множество в нем.

И тогда начевше Кыя и друживу его намовати Древляне. И в то время Кии з дружиною своею сотвори себѣ [2]) градецъ мал Киевецъ и нача слыти перво Киев по семъ странам и вдоши того множеството множаше людей к месту тому прихожаху.

Эпическій мотивъ объ умноженіи разбоевъ въ русской землѣ, о казни разбойниковъ, о поимкѣ разбойника Могута и о дарованіи милосердымъ въ христіанствѣ великимъ княземъ Владиміромъ жизни послѣднему излагается въ Никоновской лѣтописи, гдѣ онъ пріуроченъ къ городу Кіеву и князю Владиміру. Въ „Лѣтописцѣ XVII вѣка“ этотъ мотивъ ассоціированъ съ преданіями о *новгородскомъ князѣ* Олегѣ и о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и Лыбеди, которые связываются съ Великимъ Новгородомъ. Связь послѣдняго сказанія съ старинной устной поэзіей русской доказывается сравненіемъ содержанія его съ былевыми мотивами, а особенностей изложенія съ чертами поэтическаго стиля и языка в.-русскихъ былинъ.

Мотивъ освобожденія русской земли отъ цѣлаго разбойничьяго рода до сихъ поръ сохраняется въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ. И мы увидимъ далѣе, что имя Ильи Муромца въ этихъ былинахъ не результатъ позднѣйшаго случайнаго пріуроченія стараго эпическаго мотива къ излюбленному герою, а основная, историческая черта эпоса объ Ильѣ Муромцѣ, связующая его съ ста-

---

[1]) Было написано по сй.

[2]) Переправлено изъ себе.

рымъ эпосомъ объ Олегѣ князѣ Урманскомъ, т. е. Мурманскомъ или Норманскомъ.

Кій, Щекъ и Хоривъ представлены богатырями или, по-старому, *хоробрами* [1]): *вси были храбры и сильны добрѣ.* Сестра ихъ Лыбедь характеризуется какъ удалая поленица былинъ: *тако же была храбра и вельми красна.* Богатырскій родъ Кія направляется изъ Великаго Новгорода на югъ по великому пути изъ варягъ въ греки и идетъ, между прочимъ, *дебріемъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.* Въ былинахъ до сихъ поръ сохраняется память *о лѣсахъ брынскихъ и грязяхъ смоленскихъ,* черезъ которыя нужно было съ извѣстными усиліями проѣзжать богатырю въ его стремленіи съ сѣвера на югъ, къ стольному городу Кіеву. Историческій „прямой" путь изъ Новгорода черезъ *Черниговъ* на Кіевъ шелъ по Деснѣ мимо города Брянска (изъ Дебрянскъ), съ которымъ отожествляютъ старинный городъ *Брынъ* (Экземплярскій, Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, сл. Брынь). Кій основываетъ городъ, со славой княжитъ въ немъ, къ нему приходятъ многіе люди со всѣхъ странъ и поселяются съ нимъ въ Кіевѣ-городѣ—основной мотивъ кіевскаго цикла богатырскихъ сказаній, въ которомъ богатыри изо всѣхъ странъ пріѣзжаютъ въ Кіевъ къ славному князю Владимиру; только въ излагаемомъ сказаніи взята эпоха, предшествующая историческому в. к. Владимиру І-му, быть можетъ та эпоха, которая уже указана нашими учеными въ старо-сѣверныхъ поэтическихъ образахъ Кіева, какъ „града Днѣпра"—Stadi Danpar, и „Брынскихъ лѣсовъ темныхъ" какъ „славнаго лѣса, что люди зовутъ Дремучимъ" (акад. Веселовскій, Кіевъ—градъ Днѣпра. „Записки романо-герм. отд.", в. I, стр. 62—69. Дашкевичъ, Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ др.-сѣв. литер. „Кіев. Унив. изв." 1866, № 1).

Лѣтописецъ XVII в. говоритъ объ основаніи Кіемъ города Кіева и еще „градца малаго Кіевца": память о маломъ Кіевцѣ сохраняется до сихъ поръ въ былинахъ про Чурилу Пленковича:

Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже Малаго Кіевца.

Апостолъ Андрей предсказываетъ Кіеву городу славу „во всей странѣ еллинской области": это напоминаетъ названіе русской земли

---

[1]) Ср. наши „Великорус. был. кіевскаго цикла", глава I. Потебня, „Объясненія мрус. и сродн. нар. пѣсенъ", II, 652.

греческою въ сѣверныхъ сагахъ: Grikkland, Grikia, Girkia (сравн. ниже о названіи Ilias'а русскаго въ Тидрекъ-сагѣ „ярломъ греческимъ“ jarl af Greca). Замѣчаніе лѣтописца, что Днѣпръ течетъ „изъ Руси на полдень въ море Теплое, по немуже живутъ варяги“, передаетъ извѣстное мѣсто русскихъ лѣтописей о пребываніи народа Русовъ въ Евксинопонтѣ, вошедшее въ нихъ изъ греческихъ источниковъ (ср. Паралипоменъ Зонары въ Чтеніяхъ М. 1847 г., стр. 101 и Никон. л., стр. 13 П. С. Р. Л., т. IX), при чемъ повидимому греческое имя Εὔξεινος πόντος переведено поэтическимъ стилемъ—*Теплое море* (сл. *теплый* въ рус. языкѣ значитъ и *издающій тепло* и *благодушный, любовный* (Словарь Даля) и слѣд. гостепріимный), но собственное имя народа „Русь“ передаетъ синонимичнымъ названіемъ Варяги. Съ этимъ соотвѣтствіемъ именъ *Русь* и *Варяги* или *Норманны*, *русинъ* и *норманъ или варягъ* соотвѣтствіемъ, уже отмѣченнымъ Бертинскими анналами въ IX вѣкѣ (839 г.) [1]), а Ліутпрандомъ во второй половинѣ X вѣка [2]), мы еще будемъ имѣть случай не разъ встрѣтиться въ обозрѣніи исторіи *русскихъ* сказаній про Олега Вѣщаго.

Собственныя имена Кія, Щека и Хорива русскій былинный эпосъ утерялъ, равно какъ и многія другія названія героевъ стараго дружинно-историческаго эпоса; но имя героини-красавицы, сестры ихъ, Лыбеди, несомнѣнно, сохранилось въ названіи и поэтическомъ образѣ бѣлой *Лебеди* (Маріи или Авдотьи), дочери короля Черниговскаго (Кирѣевск. III, стр. 13 и слѣд.), или Кіевской обывательницы (IV, 53 слѣд.), рисующейся въ былинахъ существомъ коварнымъ (Онежск. б. Гильферд., № 6 и друг.). Относительно соотвѣтствія собств. именъ *Лебедь* и *Лыбедь* замѣтимъ, что покойный Потебня считалъ эти слова фонетическими варіантами и видѣлъ въ этомъ соотвѣтствіи „случай діалектическаго различія болѣе древняго, чѣмъ признаки, раздѣляющіе нынѣ русскія нарѣчія“ (Къ истор. звук., II, стр. 1).

Для исторіи поэтическаго образа Олега въ русскомъ устномъ творчествѣ достойно особаго замѣчанія то, что князь Олегъ въ представленіи „Лѣтописца XVII-го вѣка“ является такимъ же милосердымъ, какъ и Владиміръ Святой, у котораго, по словамъ Никоновской лѣтоп., „ко всѣмъ человѣкомъ кротость и тихость велія“ (П. С. Р. Л. IX, 67) была.

---

[1]) Kruse Fr. Chronicon nortmannorum, russorum-varjagorum nec noc danorum, sveonum et norwegorum. Dorpati 1850 г., стр. 132.

[2]) Гедеоновъ, Варяги и Русь, стр. 517, 498.

3. Посольство Олега къ императору Михаилу и походъ его противъ Оскольда и Дира.

И по се͞м кн͞а Ѡлгъ посла и͞з Нова города по͞слы своѧ ко Ц͞рю гра͞д к гре͞чекому ц͞рю Михаи͞лу с великою че͞стию и со м͞ножество͞м ц͞ркими драгими дары. І послаша к нему два м8жа че͞ные едини͞мъ имѧ Ѻско͞дъ, а второ͞му имѧ Иди͞р. Ѻни же посланнии мужы Ѻ͞говы приидоша до Киѧ, до горъ тѣхъ и диви͞сѧ наченѧше (л. 267) зрѧще красоты мѣста того и п8стиша посланьнии м8жы на Киѧ и побиша они Киѧ и всю братию его и ве͞с ро͞д его, а сами и не поидоша ко Ц͞рю град8 посольствомъ и веселишасѧ т8 и создаша градецъ боле пе͞каго и жывѧше во славе велицеи многи д͞ни.

Это преданіе, какъ видимъ, отвергаетъ походъ Оскольда и Дира на грековъ, о которомъ говорятъ всѣ извѣстные списки русскихъ лѣтописей.

Слыша͞в же то к͞нзь Ѡлгъ Нов8городцкиі ѧко ти м8жы е͞мү со͞гаша, ко Ц͞рю͞града не поидоша и на Непрѣ реце жывѧше ј воѧр͞и кн͞а Ѻлгъ и нача мы͞слити, коею въ виною моглъ 8ловити Ѻсколъда ј Идира; ј собра во͞ска многа к ло͞дѧхъ и на конехъ, а самъ кн͞а Ѡлгъ по͞де в ло͞дѧхъ в мале др8жыне, а Игорѧ кнѧжича о͞п8сти на коне͞хъ со мно͞ги͞м во͞ско͞м. И приѣха͞в Ѻлгъ кн͞а по͞д Киевецъ и при͞зва к себѣ м8жей тѣхъ Ѻ͞ко͞да ј Идира. Ѻни же виде͞в сѡ кнѧзе͞м Ѡлго͞м мало др8жыны и в͞ыдоша (обор. 267 л.) к не͞мъ на берегъ с великою честию и нача веселитисѧ, ажъ в то времѧ приде Игорь [1]) кнѧжычь Аюрикови͞ч со м͞ожество͞м во͞скомъ. І повелѣ к͞нзь Ѡлгъ изымати м8жей Ѻсколда и Идира. И рече имъ: ни вы есте к͞нзи, ни кнѧжецкова ро͞д, не8до͞бно есть ва͞м на семъ мѣстѣ власть дежати; а се есте мнѣ солгали. И повеле и͞х кн͞а Ѡлгъ ѡ͞бѣсити, а самъ т8 нача и͞ со Игоре͞м кнѧжыти. И повеле заложыти велико͞ гра͞д Киевъ.

Іоакимовская лѣтопись мотивируетъ походъ Олега на Оскольда желаніемъ его освободить кіевлянъ отъ насилія Оскольда и завистью къ области, занятой его дружинниками: Олегъ бѣ мужъ мудрый и воинъ храбрый; слыша отъ кіевлянъ жалобы на Оскольда и позавидовавъ области его... иде къ Кіеву. Блаженный же Оскольдъ преданъ кіевляны и убіенъ бысть (Татищевъ, Рос. истор. I, 35). О Дирѣ Іоакимовская лѣтопись не упоминаетъ вовсе.

4. Взятіе Олегомъ Смоленска.

„Лѣтописецъ XVII вѣка“, очевидно, пропустилъ существовавшее сказаніе о взятіи Олегомъ Смоленска, который лежалъ на прямомъ

[1]) Написано Игоры.

пути его изъ Новгорода въ Черниговъ и Кіевъ (Историческое свидѣтельство о направленіи пути изъ Новгорода на Черниговъ и Кіевъ по Деснѣ чрезъ Смоленскъ см. въ 1-ой Новг. л. подъ 1228 г.). Это сказаніе съ явственными чертами народно-поэтическаго стиля читается въ Арханг. лѣт., изданной въ М. въ 1819 г.: Въ л. 6389. Ольгово княженіе. Слыша, яко Аскольдъ и Диръ княжита въ Полянѣхъ, и поиде изъ Новагорода воевати и палѣзоста Днѣпръ рѣку, и пріидоста подъ Смоленскъ, и *сташа выше города и шатры изоставиша многи разноличны цвѣты*. Увѣдавше же Смольняне и изыдоша старѣйшины ихъ къ шатромъ и *спросиша единаго человѣка: кто сей пріиде? Царь ли или князь въ велицѣй силѣ?* И изыде изъ шатра Ольгъ, имый на рукахъ у себя Игоря и рѣче смольняномъ: сей есть Игорь, *князь* рюриковичъ *русскій*. И нарекоша его смольняне государемъ, и вдася весь градъ за Игоря. И посади въ немъ намѣстники своя, а самъ поиде по Днепру внизъ и пріиде къ горамъ Кіевскимъ и узрѣста городъ Кіевъ (ст. 6—7). Слѣдующій за Смоленскомъ городъ, взятый Олегомъ, былъ Любечь (Шлецеръ „Несторъ“, II, стр. 209—210) въ Черниговской области.

Былины до сихъ поръ сохраняютъ мотивъ освобожденія Ильей Муромцемъ города Смолягина (Рыбниковъ, II № 63) или Чернигова (Марковъ, Бѣломорск. был., № 68) и предложенія освободителю со стороны освобожденныхъ званія воеводы, отклоняемое Ильей. И здѣсь совпаденіе именъ Олега Урманскаго и Ильи Муромскаго такъ же существенно, какъ и выше.

5. Взятіе Олегомъ древлянскаго города Кольца, т. е. Корьца.

Разсказавъ о взятіи Кіева Олегомъ, „Лѣтописецъ XVII вѣка“ продолжаетъ: По семъ Ѿлгъ кн҃зь совокꙋпи рꙋ҃ словенскꙋю и собра воиска многа и повоева землю древлꙗнскꙋю и гра҃ ихъ Колецъ взꙗша и возложыша на древлꙗ҃ да҃ тꙗшкꙋ: повеле с нихъ имā ѿ всꙗкаго человѣка по чер҃не кꙋ. И древлꙗне же о семъ тꙋжахꙋ много.

Въ нач. лѣтописи о древлянскомъ походѣ Олега сообщается слѣдующее: Поча Олегъ воевати Деревляны и примучивъ я, имаше на нихъ дань по чернѣ купѣ (Лавр. л., стр. 23).

Въ сказаніи того же „Лѣтописца XVII-го вѣка“ о мщеніи Ольги снова упоминается Колецъ, главный городъ Древлянъ, вмѣсто Искоростеня начальной лѣтописи. Повидимому, слово—*Колецъ* нужно читать *Корецъ*, такъ какъ въ этой рукописи есть еще случаи употребл. *л* вм.

р: Люриковичъ (Игорь) выше, ап*л*ѣля—ниже, при разсказѣ о смерти Бориса Годунова. *Колецъ—Корецъ*, городъ въ Кіевской области, на границѣ земли Полянъ и Древлянъ (см. Атласъ Замысловскаго). Такъ какъ гор. Корецъ начинаетъ упоминаться въ лѣтописи лишь съXII-го вѣка (1150 г.). то, повидимому, введеніе его въ циклъ сказаній объ Олегѣ, равно какъ и объ Ольгѣ, принадлежитъ болѣе позднему періоду жизни этихъ сказаній, характеризуемому ассоцированіемъ ихъ съ историческими пѣснями о поздней порѣ, о событіяхъ, случившихся въ южной Руси въ XI—XIII вѣкахъ, между прочимъ, и о тѣхъ, героемъ которыхъ сталъ князь Олегъ Святославичъ — Гориславичъ.

6. *Походъ Олега подъ Царьградъ.*

Вслѣдъ за разсказомъ о взятіи Олегомъ города Кольца, „Лѣтописецъ XVII вѣка" переходитъ непосредственно, вовсе не упоминая о походахъ Олега на Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей, Уличей, Тѣверцевъ и Хозаръ (Шлецеръ, „Несторъ", II, 270—271, Арханг. лѣт. [1]) стр. 8), къ изложенію обстоятельствъ славнаго похода Олега на Грековъ.

И по семъ кнѧ Ѡлгъ помышли (л. 268) поити ко Црю гра и прише плени землю греческую и стоѧше около Црѧ града и многѡ творѧше зла и стоѧше три лѣта ѡколо Црѧ града и не допѣ гра ничто же. Людие рекоша Олгу кнзю: „гдне княже Олгъ! и трꙋжаемсѧ много, а не можемъ взяти града нашего...

Въ варіантѣ Строева (Рук. И. П. Б. № 1578) это мѣсто изложено нѣсколько иначе; при чемъ, любопытно, что вся глава, излагающая взятіе Олегомъ Царьграда, носитъ импонирующее заглавіе, написанное красными чернилами и несомнѣнно имѣющее отношеніе къ былинамъ про *хитрости - мудрости* Вольга Святославовича или Всеславьича: И по семъ кнѧ Олгъ помысли ити ко Црю граду и собра множественнаѧ воѧ русскаго и тако поиде ко Црюграду и пришедъ плени землю греческую и пришедъ ста около Црѧграда а не успе ему нитоже зла Онже крѣпко стоѧше около града и безъ опочиваниѧ биѧшесѧ. ѡ великои мудрости кнзѧ Олга взѧ Црьгра (красн. чернил.) Црегрстии же мужие ко Ѡлгу рекоша: гдне кнже, и и тружаесѧ многѡ, а не можеши града нашего взѧти (л. 2). Продолжаемъ выписку изъ „Лѣтописца XVII вѣка": но Бгъ нам небеныи помогает: надеемсѧ на милость Бга жыва. Тогда, гдне, Бгъ на предасть в руце тво кода подут ко граду нашемт карали по полю аки по воде. И нача Олгъ кнѧ ѡ семъ

[1]) Лѣтописецъ, содержащ. въ себѣ рос. истор. отъ 6360 до 7106 г. М. 1819 г.

мыслити, како бы ѥ͡мг мочно Црьгра҃ ѡдолѣти. И повеле сооборити мѹростию вї караблеи на колеса҃. И воста вѣтръ на Црграⷣ. Ѡни же взаша парѹсы, и поидоша корабли по полю ко Црьградꙋ, аки по воде. Граⷩе жъ видевъ сие, нача тѹжыти: грѣхъ раⷣ (обор. 268 л.) нши҃ предаеⷮ Бгъ граⷣ словане҃. И тогда ѿверзоша ѹ Црѧграда врата и Олгъ кнѧ҃ вниде ко Црьграⷣ са всемъ воскомъ свои҃. I встретили егѡ црь греческии Михало с патриархомъ и со всеⷨ (к)лиросо҃ црькоⷩны҃ и зъ жывоноⷭныⷨ кртты и со многѡю честию и молѧ кнза Олга и державѹ его дабы не повелѣ чинити пакоⷮти граⷣ нш҃мъ, да бы взѧ҃ поребнаѧ и ѿше҃ во своѧси. Олгъ же кнѧ҃ не дотⷪѣ кнѧ҃ зла граⷣ ничто же (въ вар. Строева: Олгъ же не успѣ граду зла), тоⷦко возложи даⷩ на греки и прииде в Кие҃ с великою хвалою и нача кнѧжыти славно (въ вар. Строева: тоⷦко возложи на ни҃ дань великую и прииде в Кие҃ с великою побѣдою и нача кнѧжити славно.

Къ этому варіанту древняго поэтическаго сказанія о взятіи Олегомъ Царьграда нужно присоединить сообщеніе Карамзина, что „въ нѣкоторыхъ русскихъ историческихъ повѣстяхъ прибавлено слѣдующее *забавное обстоятельство:* сотвори (Олегъ) кони и люди бумажны, вооружены и позлащены, и пусти на воздухъ на градъ; видѣвъ же Греци и убояшася“ (Др. Рос. Вивліоѳ. XVI, 54. Истор. Рос. т. I, примѣч. 309). Съ бумажными конями и людьми, сотворенными мудростію Олега подъ Царьградомъ, сравните Тугарина Зміевича, летавшаго на бумажныхъ крыльяхъ надъ Кіевомъ:

Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ по-подъ небесью летать...
(По молитвѣ Алеши Поповича)
Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ дождя,
Замочило Тугарина крылья бумажныя.
Падаетъ Тугаринъ, какъ собака, на сыру землю.
(*Кирѣевск.* II, 77—78).

Замѣчательнѣйшей особенностью внесеннаго въ „Лѣтописецъ XVII вѣка“ сказанія о взятіи Олегомъ Царьграда является то, что въ немъ походъ Олега является первымъ походомъ русскаго князя на Царьградъ, такъ какъ Оскольдъ и Диръ не дошли до Царьграда; что этотъ русскій князь есть Олегъ Новгородскій, и что самый походъ произошелъ при греческомъ императорѣ Михаилѣ.

7. *Принятіе Русью христіанства при Олегѣ.*

Въ несомнѣнной связи съ этимъ послѣднимъ преданіемъ стоитъ то, что въ русско-славянскомъ изложеніи Паралипомена Зонары къ эпохѣ Олега относится первое принятіе Русью христіанства,—извѣстіе, оста-

вленное безъ вниманія русскими историками, кажется, только потому, что слово *при Ользѣ* Паралипомена понималось: *при Ольгѣ,* т.-е. при великой княгинѣ Ольгѣ, вмѣсто очевиднаго и несомнѣннаго: *Ользѣ — Олегѣ*. Разсказывая о царствованіи императора Михаила, Паралипоменъ сообщаетъ:

И пріꙗ црьство Михаи... ю сын, и Феѡдора мати его, и устроиша поклоненіе иконамъ; затѣмъ Паралипоменъ говоритъ о томъ, како же быша бльгаре христіане, говоритъ о войнахъ манихеевъ, павликіянъ и измаильтянъ съ Греками, о легкомысленномъ обзорѣ жизни Михаила, какъ Михаи же въскорѣ расточи то все богатьство внеполезным чином и на играніа безчисленнаа; (р)ѡже нарицаеміи руси, иже и куманіе живѣху въ Еуѯинопонтѣ, и начеше плѣновати страну римленьскую, поучающе пріити и въ констатинь град, нь не исполниша волю свою возбрани бо сим вышнее промышленіе, паче же и приключи имъ гнѣвъ божіи, тогда и възвратише тьщіи Асколдъ и Диръ.

Затѣмъ разсказывается о Василіи Македонѣ, о происхожденіи его, приходѣ его въ Царьградъ, возвышеніи при дворѣ царя Михаила и убійствѣ имъ послѣдняго піꙗна спꙗща и воцареніи самого Василія. Василіе же бысть црь, при Ользѣ, и многа воиньствова, съ агарꙗны показа и съ манихеи, сътворивже мирное устроеніе, съ русы и приложи сих на хрстіанство, и ѡбѣщавше крстити просише архіереа, и посла книж црь архіереꙗ, и внегда хотѣху крститисѧ, паки унише, и ѡбѣниша и рѣша кь архіреу, аще не видим знамение кое любо чюдно ѿ тебе не хощем быти христіане, архіерей же ѿвѣща, рече, просите, еже хощете, ѡниж рѣша: хощемъ, да въвержеши стое еуаліе въ ѡгнь, и уч хва словеса, да аще съхранисе, и невредимо буде ѿ огнꙗ, утвердимсѧ и мы въ христіаньство, и елика научиши нас ты архіерѣй съхраним сіа, и небудем прѣступници заповѣдем твоим, и рече архіереи: елика просите исполнитсе вам; и повелѣ, и сътвориша ѡгнь велии, потом въздѣвъ руцѣ свои на нбо и рече: Хе Бже, прослави име свое, и абіе постави стое еуліе на ѡгнь и много време пребывъ в немъ, не прикоснусе ему ѡгнь ни мала. Сіе видѣвши руси удивишесѧ, чюдеще силѣ хвѣ, и начеше иудитисѧ на крщение. (Чтенія въ Император. общ. исторіи и др. рос. 1847 г., № 1, стр. 99—103).

Какъ показываетъ сличеніе всего приведеннаго мѣста съ сербской редакціей Паралипомена Зонары, сдѣланной при царѣ Стефанѣ Душанѣ въ 1344 г., упоминаніе о неудачѣ, постигшей Аскольда и Дира, о мирѣ, заключенномъ царемъ Василіемъ съ Руссами при Олегѣ и о началѣ христіанства въ средѣ Руссовъ при томъ же Олегѣ — представляетъ позднѣйшую Русскую вставку (полов. XV вѣка): въ сербскомъ переводѣ Зонары читаемъ: И сіа оубо сице быше, рѡдь же

нарицаемы р8си, к8манѣ соущи, живях8 въ Евѯинѣ, и начеше плѣновати стран8 рымск8ю, поучающе се пріити въ коньстаньтина града, но нь испльнише волю свою, възбрани бо симь вышнѥе промышленіе; паче же прил8чи се гнѥвъ божіи сіимь, тогда и възвратишесе тьщетніи агаранѣ, иже бѣх8 въ островѣ крытьскомь плѣновах8 и оны (о мирѣ царя Василія съ руссами здѣсь не упоминается) (Kačanovskij jz srbsko-slovjenskoga prievoda bizant. ljetop. I. Zonare Starine, кн. XIV стр. 138—139.

Вставка въ Паралипоменъ Зонары сообщенія о мирномъ устроеніи царя Василія съ Руссами при Олегѣ и о чудѣ съ евангеліемъ представляетъ переводъ или пересказъ—или XCVI главы біографіи Василія Македонянина, составленной внукомъ его, императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ, съ той лишь разницей, что въ греческомъ подлинникѣ собственное имя русскаго князя τοῦ ἄρχοντος (gentis enim principis) не названо, тогда какъ въ русскомъ изложеніи онъ названъ Олегомъ (Ἱστορικὴ διήγησις τοῦ βίου καὶ τῶν πράξεων Βασιλείου τοῦ αἰοιδίμου βασιλέως въ Historiae byzantinae scriptores post Theophanem. Paris. 1685 г., стр. 211, русскій переводъ этого мѣста Basilii Maced. данъ проф. Голубинскимъ въ „Истор. русск. церкви", т. I, стр. 51—52 и еще ранѣе Шлецеромъ, „Несторъ", II, стр. 81—83) или 27—34 пунктовъ XVI главы Исторіи Зонары, впрочемъ, редакціи отличной отъ той, которую излагаетъ славянскій переводъ. Сравн. Ioan. Zonarae Epitomae historiarum vol. III въ Corpus scriptorum historiae byzantinae Bonnae 1897 г., стр. 435; русскій переводъ у Шлецера, Несторъ II, 83—84.

Составителю Никоновской лѣтописи извѣстіе о крещеніи Руссовъ при императорѣ Василіи Македонянинѣ было, повидимому, извѣстно въ той версіи, которая не содержала или не знала упоминанія объ Олегѣ, и принятіе Руссами христіанства относила ко времени княженія въ Кіевѣ Оскольда и Дира: *О князи рустемъ Оскольдѣ*. Роди же нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху въ Ексинопонтѣ, и начаша плѣновати страну римляньскую, и хотяху поити и въ Констянтинъ градъ; но възбрани имъ вышній промыселъ, паче же и приключися имъ гнѣвъ Божій, и тогда възвратишася тщіи князи ихъ Аскольдъ и Диръ. Василіе же много воинствова на агаряны и манихеи. Сътвори же и мирнье устроеніе *съ прежереченными Русы*, и преложи сихъ на христіанство, и обѣщавшеся креститися, и просиша архіерея, и посла къ нимъ царь. И внегда хотяху креститися и пакы уныша... пожелали чуда, видѣли чудо съ евангеліемъ, были убѣждены видѣніемъ,

„Руси удивишася, чюдящеся силѣ христовѣ, и вси крестишася“ П. С. Р. Л. IX, 13).

Татищевъ, ссылаясь на Баронія, относитъ извѣстіе о чудѣ съ евангеліемъ и крещеніи Руссовъ ко времени императора Романа и къ 886 г. и замѣчаетъ: „сіе по лѣтамъ было бы во время Олгово“ (Истор. рос. I, 28).

Въ Хронографѣ XV вѣка, составленномъ во Псковѣ при Геннадіи архіепископѣ (Востоковъ, „Описаніе рукоп. румянц. музея“ № CCCCLIII), походъ Аскольда и Дира приписанъ Владиміру, съ отнесеніемъ его ко времени императора Михаила и къ 866 г. „И пре сем црствіи (Михаила).... лѣт ѕ҃т҃од. иде володимеръ въ грекі к г лой: пре те лѣт словени и крівіці хоша к варягом и реша.... (Востоковъ, Опис., стр. 730).

Хронографъ Кубасова пріурочиваетъ ко времени императора Михаила походъ Руссовъ на Царьградъ и всю Сурожскую легенду о русскомъ князѣ Бравалинѣ: И при семъ царѣ Михаилѣ, въ лѣто 6360, ходили Русь войною изъ Новаграда князь имянемъ Бравалинъ воевати на греки на Царьградъ, и повоеваша греческую землю отъ Херсона и до Скуруева и до Сурова, и около Царяграда, и грады многія и имѣнія безчисленна взяша (Андр. Поповъ, Обзор. хроногр. II, 234). Въ Новгор. хроногр. XVII вѣка послѣдняя часть читается такъ: отъ Херсона и до Корчева и до Сурожа и около Царяграда (Востоковъ, Опис. рук. Румянц. музея, 351).

Спеціальныя историческія изслѣдованія должны рѣшить вопросъ о подлинномъ имени русскаго князя, ходившаго на Царьградъ лѣтомъ 860 г. при царѣ Михаилѣ (Byz. Zeitschr. IV, 444—466, Визант. Времен. II, 617. А. А. Шахматовъ, О Нач. кіев. лѣт. сводѣ, 43), (Основательныя сомнѣнія въ томъ, чтобы это были Оскольдъ и Диръ, см. у проф. Голубинскаго, Исторія рус. цер. [2] I, стр. 45). Изслѣдователь русскихъ героическихъ сказаній можетъ лишь констатировать тотъ фактъ, что древне-русскіе книжники-лѣтописцы, пытаясь согласовать народныя русскія героическія преданія о первыхъ князьяхъ русскихъ и походахъ ихъ на Царьградъ съ извѣстіями греческихъ хронистовъ о нападеніи Руссовъ на Византію, пріурочивали къ хронологическимъ датамъ греческихъ авторовъ, относящихся къ этому первому походу (860 г.) Руссовъ, имена—то Аскольда и Дира, то Олега Вѣщаго, то Владиміра, то, наконецъ, Бравлина, при чемъ, какъ увидимъ далѣе, послѣднее имя первоначально представляло эпитетъ, которымъ могли опредѣляться всѣ три или даже четыре (о Дирѣ не упоминаютъ нѣкоторыя лѣтописи) указанныхъ собственныхъ имени варяго-русскихъ

князей,—эпитетъ, принятый позднѣе за собственное имя, независимое отъ своего опредѣляемаго.

8. *Женитьба Игоря; свадебный пиръ; предсказаніе волхвовъ; смерть Олега.*

Возвращаемся къ прерванному изложенію свѣдѣній объ Олегѣ, заключающихся въ „Лѣтописцѣ XVII вѣка“. Послѣ разсказа „О великой мудрости“ князя Олега, благодаря которой былъ взятъ Царьградъ, и краткаго сообщенія о славномъ княженіи Олега въ Кіевѣ, „Лѣтописецъ“ даетъ изложеніе народной *былины* о смерти Олега, удерживая во многихъ случаяхъ самыя формы народно-поэтическаго стиля. (Обор. 268 Л.):

І по се͡м женися кн͡я Игорь Рюрикович к Плескове поня собѣ кн҃жнꙋ имене͡м Ѡг͡ꙋ дще͡р Тарокана кн҃зя Половецкова (въ Строевскомъ вар. поя за себѣ кн҃жну О͡гу, дщерь Тмутараханa кн҃зя половецкаго). И нача Ѿлгъ кн҃зь со Игоре͡м веселитися, творяше веселіе многѡе и е͡да Олгъ кн͡я бы͡л на веселе и рече боляро͡м (л. 269) свои͡м: Новыи есми Ал͡ѯандръ цр҃ь Макидо͡нскій наде͡ях ѡбладати свѣто͡м, да аще кто бы мнѣ моглъ ꙋгада͡т (въ вар. Строевскомъ угонулъ), ѿчегѡ мнѣ бꙋде͡т смерть, то да͡л бы е͡му много имѣния. И тогда прилучи͡с ꙋ О͡га князя во͡лхвы два мꙋжа (въ вар. Строева: два кꙋдесника) и рекоша к не͡му: мы г͡дне тобѣ вѣдае͡м смерть, ѿчево тебѣ ꙋмере͡т (вар. Строева: то вѣдаемъ гораздо о͡т чего тебѣ хощетъ смерть быти). Есть г͡дне ꙋ тебя тво͡й любимо͡й ко͡нь, ѿ тогѡ коня тебѣ бꙋде͡т смерть. Кн͡я же Олгъ не полюби тѣхъ во͡лхво͡в, что ꙋрькли смерть, и рече к ни͡м: мнѣ есте ꙋкли смерть, что мнѣ о͡т коня ꙋмере͡т; ѿчево в͡ам бꙋде͡т ꙋмере͡т? Ѡни же к не͡му рече: тебѣ, княже, смерть ѿ коня, а на͡м бꙋде͡т смерть ѿ тебя. И рече к ни͡м кн͡я Ѡлгъ: то на моеи волѣ; азъ в͡ас погꙋбити не велю, а на коне свое͡м ѣзди͡ти не хочю и не велю коня пре͡д себя (обор. 269 Л.) приводи͡ти. И егда пото͡м бысть ͡з лѣ͡т и на ͡осмое ж лѣто на пирꙋ во͡спомяну кн͡я Ѡлгъ своево коня и во͡спроша (вар. Строева: вопроси) конюшева своево: „гдѣ то͡т конь ѿ коего мнѣ во͡лхвы ꙋркли сме͡рть (вар. Строева: кꙋдесники рекли умрети)“? И рече конюше͡й: „ꙋже г͡дне трете͡е го͡д, какъ то͡т конь ꙋмеръ“. И кн҃зь же Ѡлгь ѡ се͡м по͡смеяся не малѡ и рече во͡лхво͡м: то с͡уть неправы рѣчи и главы ваши [въ вар. Строева: кꙋдесникамъ то с͡у неправы рѣчи и г͡лы ваша, т. е. *глаголы* (Обор. 3 Л.)] и повелѣ и͡х обѣсити на ͡рекѣ а самъ кн͡я сяде на и͡н ко͡нь и поѣха͡л з бояры своими окрестъ града (въ вар. Строева: ок͡ртъ града своего в славе велицей, затѣмъ краснымъ черниломъ новое заглавіе Ѿ ч͡юнои смерти кн҃зя Олгл) и виде (въ вар. Строева: Ѡгъ кн͡я кость лежащу, г͡лва конева, и рече конюшей) ко͡те͡й много лежащихъ и

глава конева тꙋ лежи҃ и рече конюше҃ ко Ѡг҃ꙋ кнѧзю: то глава любимова твоево конѧ. Кн҃ѧ Ѡльгъ нача смѣѧтисѧ и рече: брате мо҃ дрꙋзе и тѣ осꙋждени смерьти, кто мне реклъ ꙋмере҃ отъ конѧ сегѡ, а самъ кн҃ѧ Ѡлгъ сниде с конѧ и стꙋпи на лобъ (Л. 270) на сꙋхꙋю главꙋ конѧ своего: ꙋркли мнѣ волъхвы, что мнѣ ѿ тебѧ бꙋде҃ смерть (въ вар. Строева: на сухую главу коневу и рече глꙋмѧ҃: се о҃ тебѣ рекли кудесники ꙋ҃рети) и и҃ той конебые главы выкинула҃ змиѧ велика и тако ꙋкꙋси (у Строева: ꙋ҃клюну) Ѻл҃га князѧ за ногꙋ и о҃ тогѡ князь Ѻлгъ ро҃болесѧ и ꙋ҃ре и тꙋжы много ѡ тѣхъ во҃хва (у Строева: кудесникахъ), что и҃ вебины на смерть осꙋди҃ (у Строева: и многое по ни҃ воспоминаѧ), затѣмъ красн. черн.: нача княжити въ Руси Игорь Рюриковичъ и посе҃ к Киевѣ и ко се҃и рꙋсте҃ зе҃ли нача княжыти Игорь Рюрикови.

Упоминаніе о половецкомъ ханѣ Тароканѣ или Тмутараханѣ, очевидно, взято изъ старинныхъ дружинныхъ пѣсенъ-преданій объ историческихъ событіяхъ, случившихся къ Кіевской Руси въ концѣ XI вѣка, ассоціировавшихся съ болѣе древними сказаніями объ Олегѣ Вѣщемъ. Событія эти характеризуются въ Сл. о полку Игоревѣ извѣстными словами: были пълци Олговы, Олга Святославича; той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по землѣ сѣяше; ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тмутараканѣ—тъ же звонъ слыша давный великый Ярославъ, сынъ Всеволожъ, а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Что эта эпоха междоусобій и войнъ съ половцами глубоко запала въ память народную, доказывается сохраненіемъ въ малорус. сказкахъ имени половецкаго хана Буняка—изъ той же эпохи. Въ нач. лѣт. подъ 1094 г. находится слѣд. извѣстіе: створи миръ с половцѣ Святополкъ и поя жену, дщерь Тугортоканю (Тугорканю) князя половецкаго. Того же лѣта Олегъ приде с Половцѣ ис Тмуторокания и приидє к Чернигову... (Ип. л., Спб. 1871 г., стр. 157). Воспоминанія объ этихъ событіяхъ эпохи Ольга Святославича, повидимому, и были присоединены къ старымъ пѣснямъ про женитьбу Игоря—обстоятельство крайне любопытное для пониманія того процесса, въ силу котораго въ былинахъ Олегъ Вѣщій получилъ отчество—*Святославичъ* (Вольга Святославовичъ): ассимиляція и ассоціація этихъ историческихъ образовъ Олега Вѣщаго и Олега Святославича-Гориславича и ранѣе предполагались. (Мои „Южн.-слав. сказ. о крал. Маркѣ", стр. 55. В. Ѳ. Миллеръ. Очерки рус. нар. словесности, стр. 166 и слѣд.). Теперь это предположеніе можно считать доказаннымъ. Въ разсказѣ „Лѣтописца" о расправѣ Олега съ волхвами видно сходство со сказкой, занесенной въ Нач. лѣт. подъ 1081 о князѣ Глѣбѣ *Новгородскомъ*: Какой-то „волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣго-

родѣ", который хулилъ вѣру и собирался перейти черезъ Волховъ „передъ всѣми". И былъ мятежъ въ городѣ. „Глѣбъ возма топоръ подъ скутомъ, приде къ волхву и рече ему: „то вѣси ли, что утро хощеть быти и что ли до вечера? Онъ же рече: провѣде вся (вар. все вѣдаю). И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что (ти) хощеть быти днесь?" — Чюдеса велика створю, рече. Глѣбъ же вынемь топоръ, ростя̑ и̑, и паде мертвъ, и людіе разидошася (Лавр. л. 175—176). Горделивое сравненіе Олегомъ самаго себя съ Александромъ Македонскимъ—Новый есми Алеѯандръ царь Макидонскій—открываетъ въ перспективѣ вліяніе образовъ Александріи на героическій типъ Олега-Вольги, фактъ для эпоса о Вольгѣ доказанный произведенными сравненіями былинъ про Вольгу съ книжными сказаніями про Александра Македонскаго (В. Ѳ. Миллеръ. Очерки рус. нар. словесности, стр. 166 слѣд. Мои Южно-слав. сказ. о кралевичѣ Маркѣ, 53—55).

За этими болѣе поздними наслоеніями, въ изложеніи „Лѣтописцемъ" обстоятельствъ смерти Олега Вѣщаго сохраняется извѣстный въ Начальн. лѣт. сюжетъ о смерти Олега, передающій странствующій сказочный мотивъ (Ждановъ, Рус. был. эпосъ, 423). Очевидно, старая былина о смерти популярнаго князя-героя продолжала жить въ устномъ изложеніи, варьироваться въ передачахъ и перепѣвахъ и украшаться цвѣтами народно-поэтическаго стиля. Къ послѣднимъ принадлежатъ особенно: пированье великое Игоря и Олега, похвальба „на̀ веселѣ", появленіе на вызовъ волхвовъ „двухъ мужей" изъ среды пирующихъ, „товарищеская любовь стараго князя къ своему коню" (Пушкинъ) и трогательное сожалѣніе по немъ же мертвомъ, „сухая глава коня" и друг.

Повидимому, Пушкинъ въ созданіи своей пѣсни о Вѣщемъ Олегѣ руководился подобнымъ приведенному нами сказаніемъ объ Олегѣ, а не тѣмъ суховатымъ варіантомъ его, который даетъ Начальная лѣтопись: новое доказательство къ общему положенію, какъ строгъ и добросовѣстенъ былъ Пушкинъ въ своей художественной работѣ, даже въ самыхъ своихъ художественныхъ „вымыслахъ". Отмѣтимъ еще желаніе „Лѣтописца" загладить тяжелое впечатлѣніе жестокости Олега, выразившейся въ казни волхвовъ, изложеніемъ его глубокаго, искренняго предсмертнаго раскаянія въ опрометчивости его поступка: черта очень цѣнная для уясненія продолжительнаго процесса просвѣтлѣнія, очищенія и возвышенія личности Олега, въ конечномъ результатѣ котораго явился, какъ мы увидимъ ниже, героическій образъ гуманнѣйшаго русскаго богатыря, Ильи Муромца, избрав-

шаго девизомъ своей подвижнически-героической жизни завѣтъ родного отца:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина.
(*Кирѣевскій,* Пѣсни, I, 34).

II. Олегъ воевода Владимира.

Для исторіи русскихъ героическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ представляетъ выдающійся интересъ такъ называемое распространенное проложное житіе св. кн. Владимира, имѣющееся до сихъ поръ лишь въ одномъ спискѣ XV вѣка и входящее въ составъ Торжественника, принадлежащаго Румянцевскому музею, № 435, съ л. 393. Приведемъ изъ этого памятника, по изданію А. И. Соболевскаго (Чтенія въ Общ. лѣтоп. Нестора, т. II, Кіевъ 1880 г.), тѣ мѣста, которыя имѣютъ эпическій характеръ и относятся къ Владимірову и Ольгову цикламъ древне-русскаго эпоса.

Съи Владимеръ князь бѣ сынъ Святославль, отъ племени варяжска, первѣе во идолы вѣроваше по отчьскому преданию; егда же въсхотѣ Богъ себѣ люди ізбрати, и въдохну вонь благодать Святаго Духа, онъ же възбудився яко ото сна отъ лютаго идолослуженія, и посла въ вся языки испытаті законы и вѣру ихъ, како вѣрують. И увѣдавъ святую вѣру греческую яко свѣщю на свѣтилѣ, и рече: сице сътворю: иду въ землю ихъ и поплѣню грады ихъ и обрящю тамо учителя. И еже умысли, тако и створи. И шедъ взя Корсунь градъ, князя и княгиню уби, а дщерь ихъ за Ждьберномъ. Не роспустивъ полковъ, и посла Олга воеводу своего съ Ждьберномъ въ Царьградъ къ царемъ просити за себе сестры ихъ. Они же рекоша: аще хрестішися, то не се едино получиши, но и вящьши сего царство небесное. Онъ же рече: аще дасте за мя сестру свою, то крещуся; аще ли не дасте, то створю граду вашему, яко же и сему створихъ. Они же убояшеся страхомъ, поемше патріарха и сестру свою, и шедъ въ церковь святыя Богородица, и молишася сице глаголюще: Госпоже святая Богородице!.... не дажь... осквернити поганому сему рабы своея, но приведи его ко крещенію, да и тоі познаеть Сына твоего, Бога нашего. И се рекъ, отпустиша ю съ кресты и патріархомъ и священницы с кліросомъ. И приідоша въ Корсунь. В то же время Владимеръ боляше очима, и посла царица глаголющи: царю Владимере, аще не крестишися, то не избудеши болѣзни тоя. Онъ же рече: крести мя, ибо на то есмь

васъ призвалъ. И егда же начаша крестіти и створися чудо велие. И шедъ въ святую купель, и отверзостася ему очи, и бысть, яко николи же болѣлъ, и похвали всѣхъ Бога. Просвѣщенный же радовашеся душею и тѣломъ, и пришедъ в Киевъ и ізби вся идолы.... и заповѣда всѣмъ людемъ креститися... (Чтенія въ Общ. лѣт. Нестора, кн. 2, II, 30—31).

До сихъ поръ никто изъ изслѣдователей не указалъ источника или даже параллели къ эпической части этого проложнаго сказанія. Даже покойный акад. Ждановъ, пользовавшійся утилизируемымъ нами теперь „Лѣтописцемъ XVII вѣка“ и привлекавшій къ сравненію съ проложнымъ сказаніемъ разсказъ сего послѣдняго о взятіи Владиміромъ Корсуня (Русскій былевой эпосъ. Спб. 1895, стр. 147 слѣд.), не принялъ во вниманіе сходства между этими двумя сказаніями, не оставляющаго сомнѣнія въ единствѣ основного источника для нихъ обоихъ. Разница между ними состоитъ, главнымъ образомъ, лишь въ томъ, что авторъ распространеннаго проложнаго житія Владиміра, излагая старинное сказаніе о взятіи Владиміромъ Корсуня и женитьбѣ его на царевнѣ Аннѣ въ сокращеніи, сохранилъ имя Олега-воеводы, посылавшагося Владиміромъ въ Царьградъ, тогда какъ „Лѣтописецъ XVII вѣка“, знавшій Олега въ роли *князя* Новгородскаго и Кіевскаго, опустилъ имя посла Владимирова въ Царьградъ, *воеводы Ольга*. Л. 278. (На поляхъ помѣтка статьи год):

Лѣто ѕуч҃ѕ го благовѣрный великии князь Владимеръ киевскій взя Херсонъ град. Тогда стоя Владимеръ подъ градомъ Херсунемъ многое время и не стомиша его гладомъ Херсуна. Бысть же в томъ граде мужъ варежениих именемъ Иверих. Сеи же написалъ ялыкъ и вложыв стрелу и стрели к полкъ ко Владимеру, сице написалъ: великій княже Владимере! рабъ твой варяженинъ Ижъберинъ велику слугу имѣетъ к тебѣ, но о семъ вѣвещу тебѣ, аще стоиши года два или три, не имаши гладомъ истомити, а сего не веси, яко каралли во град приходятъ с пиемъ и скордомъ. Княз же Владимеръ вскоре веле путь перекопати и по трехъ мѣсяцахъ взя град, а князя и княиню поимавъ, привязалъ к сохе шатеной, а дщерь взя и пред нихъ (обор. 278 Л.) очима сотвори с нею беззаконие. І по трехъ днехъ князя и княгиню повелѣ смерти предати, а дщерь ихъ дасть за предреченнаго Ижвена и постави его властодержемъ Херсуню граду. И собра воя своя и поиде ко оному Херсуню иде же греческии цари Василиа и Костянътинъ. Княз же Владимеръ посла к нимъ посла своего и рече имъ: Цари Василие и Костятинъ, аще ли не дадите за мя сестры своея, то азъ сотворю вамъ, якы князю херсунскому, град возму и землю вашу приимъ, и васъ нечестныхъ сотворю. Тогда цари Василии и Костятинъ собраша власти и вельможи и множества народа и думаша и послаша посла своего кω князю

Владимерꙋ и рекоша (Л. 279): великїи княже Владимере, аще крестишисѧ во имѧ оц҃а и сн҃а и ст҃аго дх҃а, т ты не единꙋ сестрꙋ нш҃ꙋ примешь, но цр҃тво небесное обрѧщеш и жизнь вѣчнꙋю наследишь. Кнѧ же Владимер испыта вѣры многие и избра вѣрꙋ греческꙋю свѣтꙋ и правовѣрнꙋ и пол҃а пол҃а своего и рече имъ: велми жадает дш҃а моѧ ст҃аго крщ҃ениѧ. Црижъ Василие и Костѧнтинъ начаша радоватисѧ и веселитисѧ о премногої милости Бж҃и, ѧко неверного к вере приводѧ, а и великимъ приѧтелемъ сотворѧть, и повелеша ꙋстроити ст҃ꙋю кꙋпель. Кнѧ же Владимер приде ко свѧтої кꙋпели и еще вмале нечтѡ хотѧ беззаконие сотворити, и в томъ часе нападе на него стрꙋпие и велии (обор. 279 Л.) страх обѧтъ его. Тогда кнѧ Владимер вскоре покаѧсѧ и погрꙋзисѧ во свѧтои кꙋпели г҃ и нарече́но бысть имѧ емꙋ во ст҃омъ крещенїи Василїи I в томъ часе опꙋде стрꙋпие ѿ тела его аки рыбьѧ чешꙋѧ и просветисѧ лице егѡ аки солнце и осени его сила и благодать свѧтаго дх҃а и бысть велиї здравъ и веселие велие явисѧ во граде томъ о непреченомъ чл҃вколюбии Бж҃ии, ѧко не преда в разорение цр҃тва иного и паче соблюде и ꙋведе иже неверныѧ въ верꙋ свою млд҃нцемъ привел и множество своего созданиѧ ѿ горькиѧ и пагꙋбныѧ тмы велии свѣтъ преставил. Тогда црь Василеи и црь Костѧнтинъ с великою радостию даша сестрꙋ свою великꙋю кнѧгиню Аннꙋ за благовѣрнаго I великогѡ кнѧзѧ Владимера и великими дарами одариша его. Тогда блговѣрный кнѧзь (Л. 280) Владимер взѧ мощи свѧтаго Климента т Фива ꙋчнка егѡ и сосꙋды црквныѧ и чесные иконы т взѧша пе́ваго митрополита с свѣщенницы и с клиросы и поиде ис херсꙋнѧ ко градꙋ своемꙋ Киевꙋ и пришедъ пожже огнемъ всѧ капища идолскаѧ и всѧ кꙋмирницы сокрꙋши и пола по всемъ градомъ попомъ херсꙋнскимъ и повеле всѣхъ крстити во имѧ оц҃а и сн҃а и свѧтаго дх҃а, а Добрыню посла въ Новградъ и повеле всѣхъ крестити прежеродившиѧ сн҃ы своѧ и потомъ всю землю.

То обстоятельство, что житіе св. Владимира въ редакціи Торжественника XV вѣка предполагаетъ существованіе подобнаго же стараго сказанія о крещеніи Владимира, конечно, указывая на его относительную древность, доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что и другія сказанія, внесенныя въ нашъ „Лѣтописецъ XVII вѣка“, основаны на довольно старыхъ источникахъ.

Въ историко-литературномъ и сравнительно-эпическомъ значеніи какъ распространенное проложное житіе Владимира, такъ и приведенное здѣсь лѣтописное сказаніе о взятіи Владиміромъ Корсуня и женитьбы его на Аннѣ-царевнѣ представляетъ книжно-церковную легенду о крещеніи св. Владимира, распространенную двумя устно-поэтическими мотивами, отмѣченными уже покойнымъ Ждановымъ (Рус. был. эпосъ, стр. 147): а) мотивомъ завоеванія города для овладѣнія

невѣстой, живущей въ немъ, и b) сказаніемъ о женитьбѣ героя на заморской царевнѣ, за которою посылался нарочитый сватъ.

Сдѣланныя И. Н. Ждановымъ сравненія нуждаются въ значительныхъ дополненіяхъ. a) Первый мотивъ, извѣстной версіей котораго является внесенное въ Лавр. л. сказаніе о женитьбѣ Владимира на Рогнѣдѣ, съ пріуроченіемъ къ городу Полоцку и къ имени князя Рогволода (Ю.-слав. сказ. о кр. Маркѣ, 398 слѣд.) представляетъ, очевидно, лишь позднюю эпическую ассоціацію стариннаго народнаго сказанія съ кіевскимъ цикломъ былинъ, постепенно складывавшимся въ русскомъ эпосѣ. Отдѣльные эпическіе элементы древняго сказанія до сихъ поръ живутъ въ былинномъ эпосѣ: о насильственномъ взятіи невѣсты для Владимира говорятъ былины Гильф. № 34 и Рыбникова I, 30, 31 (ср. Ю.-слав. сказ. о кр. Маркѣ, 402); мотивъ обезчещенія женщины на глазахъ близкаго ей человѣка съ цѣлью мести этому послѣднему въ нѣсколько смягченномъ видѣ живетъ до сихъ поръ въ славянскихъ пѣсняхъ объ отнятіи жены у мужа и борьбѣ сего послѣдняго съ насильникомъ. Кощегъ Трипетовичъ, соблазнившій и уведшій жену Ивана Годиновича, Марью Митріевну, вмѣстѣ съ этой послѣдней связываетъ Ивана Годиновича, бросаетъ его подъ сырой дубъ,

Да тутъ царь-то Кощегъ да сынъ Трипетовичъ
А началъ онъ съ Марьей забавлятися

(Гильф., 257).

Въ сербской пѣснѣ про измѣну жены Груи, турки, уведшіе Максимію и связавшіе Грую, пируютъ на глазахъ послѣдняго и ихъ малолѣтняго сына Стевана, а

Максимиjа медовину служи;
Како коме чашу додаваше,
Онако jе сваки и полуби,
Сваки joj се под гр'оце маша

А когда турки легли спать, Максимія

Сави скуте и биjеле руке
Своj тронци леже чело главе.

b) Второй мотивъ сохранился въ рус. эпосѣ въ большей цѣльности въ сказаніяхъ про женитьбу Владимира.

α) Въ варіантѣ Кирши Данилова отцомъ невѣсты названъ король Этмануилъ Этмануйловичъ. Хотя былина и называетъ его грознымъ

королемъ Золотой Орды, но это лишь болѣе позднее географическое пріуроченіе, а имя Этмануила, несомнѣнно, есть эпическое имя *греческаго* императора Мануила Комнена (1143—1180), героя цѣлаго цикла народныхъ сказаній византійскихъ, южно-славянскихъ и русскихъ (Лопаревъ, Слово о погибели земли русской, 13—16; Ждановъ Рус. был. эпосъ, 97—98). Мы видѣли, что уже въ проложномъ сказаніи о женитьбѣ Владимира не сохранилось именъ историческихъ императоровъ Василія и Константина, сестрой которыхъ была царевна Анна, жена Владимира; ихъ имена замѣнились общимъ прозаическимъ неопредѣленнымъ указаніемъ „цари", — подготовившимъ новую поэтическую индивидуализацію—введеніе эпическаго имени Мануила.

β) Въ проложномъ сказаніи Владимиръ посылаетъ сватами своихъ воеводъ Олега и „варяженина Ждьберна". Въ „ЛѣтописцѣXVII в." идетъ рѣчь объ одномъ послѣ. Въ былинахъ Владимиръ посылаетъ по невѣсту богатыря Дуная, къ которому присоединяется, по его желанію, кто-либо изъ прочихъ богатырей Владимира: Добрыня, Екимъ Ивановичъ, Василій Казимировичъ. Гораздо существеннѣе для исторіи эпоса объ Ильѣ Муромцѣ то, что сказка „Князь Кіевскій Владимиръ и Илюшка сынъ матросовъ" (Записки рус. геогр. общ. по отд. этнографіи I, 659—661), представляющая разложившуюся былину о женитьбѣ Владиміра, называетъ главнымъ помощникомъ его въ свадебномъ походѣ Илюшку пьянюшку, т. е., очевидно, первоначально Илью Муромца.

γ) Греческіе „цари" презрительно относятся къ жениху своей сестры: не дай, госпоже, осквернити поганому сему рабы своея. Литовскій король такъ отзывается о Владимирѣ.

Ай же ты Дунаюшко Ивановичъ!
А ты взялся за безумье за великое.
Да какъ вашъ тотъ князь не великъ собою,
А ще ваши царица уродливыи:
Не отдамъ своей дочери
Да й за вашего князя за Владимира.
(*Гильф.*, стр. 588),

δ) Олегъ и Ждьбернъ, прибывъ въ Царьградъ, сначала „просятъ" царей выдать ихъ сестру за Владимира, а когда послѣдніе отказываютъ ему въ рукѣ царевны, то передаютъ угрозу: аще ли не дасте, то створю граду вашему, яко же сему сотворихъ. Въ вар. Рыбн. III, № 3 Владимиръ даетъ такой наказъ своимъ посламъ:

Буде честью отдастъ (литовскій король свою дочь), возьмите честью,
Буде честью не отдастъ—возьмите безъ чести.

Въ вар. Гильф. № 34 Дунай, оскорбленный ляховинскимъ королемъ, валитъ его на кирпиченъ полъ, потомъ беретъ его за ноги и бьетъ имъ пановъ и улановъ. Къ нему присоединяется Олеша, вооружившійся осью желѣзной вмѣсто палицы боевой.

Имя „вяряженина" Ижьберна или Щьберна есть измѣненное норманское соб. им. Skibiörn, (Kunik, Die Berufung II, 188—189), которое вѣроятно первоначально перешло въ Щьбернъ или Штьбернъ (V. Wondrak. Die altkirchenslav. Gram., 53). Сравн. въ договорѣ Игоря съ Греками въ числѣ *пословъ* отъ русскаго князя названъ Шихъбернъ (Лавр. л.) или Шигобернъ (Ип. л.), можетъ быть Sigbjorn (Kunik. Ibid., Браунъ, „Фріандъ и Шимонъ"... Изв. отд. р. яз. и слов. т. VII, кн. I, стр. 362). Въ Ольгѣ, воеводѣ Владимира, нужно видѣть никого иного, какъ Олега Вѣщаго, пріуроченнаго къ Владимиру, въ силу извѣстныхъ свойствъ устно-поэтическаго творчества, группирующаго эпическіе мотивы и героическія лица въ циклы. Мы знаемъ, что уже древнія лѣтописи представляли Олега то самостоятельнымъ княземъ, то воеводой Игоря. Развитіе русскаго эпоса не остановилось на этомъ. Когда Владимиръ Св. выдвинулся въ былевомъ эпосѣ въ центральную фигуру стольнокіевскаго князя, къ циклу его богатырей примкнулъ и Олегъ: воевода Игоря сталъ воеводой Владимира.

Пріуроченіе Олега къ Херсонскому походу Владиміра сопровождалось, повидимому, и ассоціацией соотвѣтствующихъ эпическихъ мотивовъ изъ поэтической біографіи перваго, относящихся къ болѣе раннему времени русской исторіи. Повидимому, съ преданіями о завоеваніи Владимиромъ Корсуня соединились и болѣе раннія преданія о походѣ Русовъ въ Тавриду и припонтійскія страны. Преданія эти относятся то къ 6408, то къ 6428, то, наконецъ, къ 6449 годамъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ походахъ является Игорь, но вѣдь Олегъ, по сказаніямъ извѣстной части лѣтописей, былъ его воеводой и совѣтникомъ, стало быть, его участіе необходимо нужно подозрѣвать въ извѣстныхъ событіяхъ житіи Игоря, а въ Арх. лѣтоп. походъ 6408 года прямо приписанъ всецѣло Олегу: въ лѣто 6408 иде Олгъ на греки, а Игоря остави въ Кіевѣ, поимъ съ собою варягъ и словенъ, Чюдь Кривичъ и Поляны и Сѣверы и Древляны, и со всѣми сими поиде Олгъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ... И пріидоша къ Царюграду, и греки замкоша Судъ ежъ слименъ, (а) и градъ за-

твориша. Русь же многа зла сотвориша грекомъ... Дальше разсказывается о пожженіи кораблей Руссовъ „огненнымъ строеніемъ" (Лѣтописецъ содержащ. росс. истор. съ 951 г. до 1598. М., 1819, стр. 8—9). Въ Ипат. лѣт. опредѣляется районъ дѣйствій русскаго войска въ этотъ походъ такъ: Вифинскія страны, по Понту до Ираклія и до Фофлагонскія земли, страна Никомидійская и окрестности Царьграда (Ип. л. 29, срав. А. А. Шахматовъ, О нач. кіевск. л. сводѣ, 54).

Кромѣ этихъ извѣстій нашихъ лѣтописей, мы имѣемъ еще одно указаніе на существованіе въ древнемъ русскомъ эпосѣ сказаній о походѣ Олега въ Тавриду: мы разумѣемъ извѣстное сказаніе о князѣ Бравлининѣ-Бравлинѣ въ Сурожѣ, представляющее затемненное старое преданіе о походѣ въ Сурожь изъ Новгорода Олега, князя Мурманскаго.

III. Князь Бравленинъ-Бравлинъ.

Въ Торжественникѣ по сп. XV в. читается между прочимъ слѣдующее сообщеніе о чудѣ у гроба св. Стефана Сурожскаго:

По смр҃ти ст҃го (Стефана Сурожскаго) мало лѣ҃ минꙋвшю приде рать велика из новагорода роуска, кн҃зь бравлинъ силенъ, поплени ѿ корсꙋнѧ и до корчева, и съ многою силою приде къ сꙋрожꙋ за ї дниі, приде бравлининъ с силою, изломивъ желѣзнаа вра҃ и внидѣ въ гра҃ и взе҃ мечь свой и вніде въ ст҃ую Софию, избивъ двери і вніде иде же гробъ ст҃го Стефана и на гробѣ его црк҃ое одѣꙗло, женчюгъ и злато и камение драгое и канділа златыи іно много и пограби все и вто҃ ч҃ѣ обратисѧ лице его наза҃. Па҃ тоу кн҃зь пѣны точаше и вспи гл҃ѧ: великъ ч҃лкъ есть сдѣ и оудари мѧ по лицю и обратисѧ лице мое наза҃. И рече к болѧро҃ свои҃: възвратите все назадъ, что есте поимали; и возвратиша и хотѣша кн҃зѧ по҃ѧти ѿ землѧ и взопи гл҃ѧ: не дѣйте мене, да лежꙋ: ізламати мѧ хощеть единъ старъ мꙋ҃; притисноу мѧ к земли і дави҃; дш҃а ми і҃зыти хощеть. И ре҃ нимъ: борзо выжените рать и҃ града да не возмꙋть ниче҃, и рать ѿстꙋпи ѿ гра҃, а онъ еще не вста, а что взѧша сс҃уды црк҃выѧ в Корсоуни и въ Керчи, принесѣте сѣмо и положіте на гробѣ, и положиша. И ре҃ ст҃ый: аще не кр҃тишисѧ въ ц҃кви моеи, то не ізыдеши ѿсюдоу. И взопи кн҃зь, гл҃ѧ: да приідꙋть попове и кр҃тѧт мѧ; аще въстаноу и лице мое обратимисѧ и кр҃щꙋ. Пріиде архіеп҃пъ Ѳіларе҃ и ереи сии҃ мл҃твоу створше и кр҃тишѧ и во імѧ оц҃а и с҃на и ст҃го дх҃а и обратисѧ лице его опѧть и кр҃тиша вси болшии его и попове рекоша кн҃зю: обѣщаисѧ г҃ꙋ ѻ҃ Корсꙋни и до Керча что еси взѧлъ моужа и жены и дѣти, и повели възвратити все. тог҃а повелѣ кнѧ҃ всѣ҃ свои҃ всѧ ѿпоустити и идоша кожо въ

своаси. За недѣлю неизыде не церкви дондеже неше дарх давх велик сТмоу и град его чтивх поповх и людии иде. Се слышахоу инии не смѣахоу поити нань, аще кто наидаше и посрамленх отхожаше. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ исцѣленіи корсунской царицы Анны [1]) отъ смертнаго недуга на Черной водѣ. (Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. музея, стр. 688—690).

Историческое и эпическое значеніе этой легенды опредѣлится послѣ правильнаго объясненія собственнаго имени сильнаго русскаго князя изъ Новгорода, воевавшаго на южномъ берегу Крыма и полонившаго Судакъ. Востоковъ считалъ слово *Бравлинъ* опиской вм. *Бранливъ*, а *Бравленинъ* „ошибочнымъ повтореніемъ“ первой формы (Опис. рукоп. Румянц. музея, стр. 689 примѣч.). Толкованіе Востокова усвоилъ себѣ проф. Голубинскій (Исторія рус. церкви, стр. 59—60). Но это толкованіе не можетъ быть принято, во 1-хъ, потому, что древне-русскіе памятники не знаютъ слова—*бранливъ*: его нѣтъ въ словаряхъ Востокова, Миклошича и Срезневскаго; во 2-хъ, замѣна древней формы *Бравленинъ*—*Бравлинъ* посредствомъ *бранливый* встрѣчается, какъ это отмѣтилъ Васильевскій, въ менѣе исправныхъ спискахъ житія св. Стефана Сурожскаго и есть очевидный результатъ личнаго домысла грамотника, пытавшагося осмыслить старое, ставшее непонятнымъ, имя *Бравленинъ*, *Бравлинъ* (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, т. 263, стр. 451).

Въ своемъ объясненіи имени Бравлинъ Васильевскій указывалъ на созвучныя готскія имена въ средне-вѣковыхъ памятникахъ—вестготскаго епископа Брауліона, русскаго князя Варнлава въ Еймундовой сагѣ, епископа Берновина (ibid., 451); но эти имена или принадлежатъ лицамъ, не имѣющимъ отношенія къ событіямъ древней русской исторіи, а сурожская легенда опредѣленно говоритъ о русскомъ князѣ изъ Новгорода, или по звуковой формѣ своей далеки отъ словъ *Бравленинъ, Бравлинъ*. Самое удачное, по нашему мнѣнію, звуковое сближеніе слова Бравленинъ-Бравлинъ предложено акад. А. Н. Веселовскимъ: *Бравлинъ есть искаженіе слова Мравлинъ* (Мелкія замѣтки къ былинамъ, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890 г. мартъ, 22). Предположеніе о переходѣ нач. *м* въ *б* въ этомъ словѣ можно оправдать рядомъ примѣровъ изъ русскаго языка: бохмитъ или бохъмитъ при Μουχουμετ (Словарь Срезнев-

---

[1]) *Корсунская* царица Анна, очевидно, лицо отличное отъ греческой царевны Анны, супруги Владиміра, и смѣшивать ихъ нѣтъ основаній. Въ этомъ разсказѣ, равно какъ въ приведенномъ выше о взятіи Владиміромъ Корсуня и въ изданномъ недавно г. Франко (Записки товар. им. Шевченка въ Львовѣ) о чудѣ въ Корсунѣ открываются мотивы корсунскаго цикла древне-кіевскихъ героическихъ сказаній.

скаго); бахрома при турецк. mahrama (Miklos. Etymolog. Wörterbuch), мурзы—бурзы (Рыбниковъ, Былины II, 326, копье мурзамецкое и бурзуменское (Былины Тихонравова-Миллера), можетъ быть, *бурнатный калпакъ* (Словарь Срезневскаго) и *шапка мурманка, мурмолка* (у прот. Аввакума) (ср. лисицы заморскія у Тихонр.-Миллера и лисицы бурнатныя у Кирши Данилова). Но въ дальнѣйшемъ толкованіи слова *Мравлинъ* я исхожу изъ другихъ сопоставленій, нежели глубокоуважаемый А. Н. Веселовскій. Онъ полагаетъ, что Мравлинъ могло передавать греческое Μυρμιδών, каковымъ именемъ греки-византійцы называли племена, поочередно являвшіяся на югѣ Россіи. Слово Μυρμιδών,—эпонимъ народности, получило въ русской передачѣ, опредѣленной традиціонной этимологіей—μύρμηξ—муравей—форму Мравлинъ; Бравлинъ было бы искаженіемъ (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 1890 г. мартъ, 22). Находя это предположеніе до извѣстной степени вѣроятнымъ (ср. Муръмидонесъ, нынѣ болгаре въ Повѣсти о троянской войнѣ. Чтенія, 1, 68, 84. Дриновъ, Заселеніе Балк. полуостр., 36), мы однако предпочитаемъ слѣдующее объясненіе словъ *Бравленинъ—Бравлинъ—Мравленинъ, Мравлинъ*, какъ болѣе оправдываемое русской древней исторіей и исторіей русскаго языка. Такъ какъ житіе св. Стефана Сурожскаго вышло изъ-подъ пера книжника школы митрополита Кипріана (*Жур. Мин. Нар. Просв.*, т. 263, стр. 430), характеризуемой, какъ извѣстно, искусственнымъ введеніемъ въ литературный русскій языкъ XV—XVI вѣковъ церковно-славянскихъ словъ, формъ и оборотовъ рѣчи, то и въ предположенныхъ **Мравленинъ*, **Мравлинъ* нужно видѣть формы искусственныя, образованныя на книжный, церковно-славянскій ладъ отъ народно-русскихъ **моровленинъ*, **моровлинъ*. Эти же послѣднія формы могли возникнуть въ поэтическомъ и разговорномъ русскомъ языкѣ параллельно словамъ *Мурманинъ* (*Урманинъ*, *Нурманинъ*), ед. ч., *Мурмане* (*Урмане, Нурмане*) (Новгор. л.)—множ. ч. отъ заимствованнаго изъ др. нѣмецкаго Normannen, Nordmannen мн. ч., Norman, Nordman ед. ч. въ значеніи a) der Bewohner des Nordens и в) der Norweger (Grimm. Deutsch. Wörterbuch). Исторія предположенныхъ здѣсь измѣненій мнѣ представляется въ такомъ видѣ: слово *Normannen* въ древне-русскомъ языкѣ могло дать не только сохраненную лѣтописями ф. Мурмане, Нурмане (начальн. *н* измѣнялось въ *м*, какъ въ сл. Микифоръ, Микола, Ип. л. (Никольскій, О яз. Ип. л. Р. Ф. В. т. XLI, 47), какъ въ *мравъ, мара, мырять* (Колосовъ, Обзоръ, 168), но и не сохраненныя лѣтописями, а тѣмъ не менѣе, повидимому, существовавшія въ народной рѣчи—формы, **мо́ромоне* и **мо́ромляне, моромо-*

я
нинъ и мóромленинъ съ полногласіемъ и съ подчиненіемъ аналогіи именъ, выражавшихъ единичность, народность и происхожденіе отъ извѣстной народности, мѣстности, города, означаемыхъ корнемъ слова: какъ *римлянинъ, островлянинъ* (Шахматовъ, Изв. отд. рус. языка 1901 г. № 4, стр. 285), *витеблянинъ* (Грам. 1284 г.), *варяженинъ* (ср. выше Ижбернъ), *обьженинъ, греченинъ, москвитянинъ, тверитянинъ, курянинъ* и *курченинъ, кіянинъ* и *кіевлянинъ* и другія. **Моромонинъ* потеряло неударяемое *о* въ срединѣ (*моромнинъ*) и измѣнило *мн* въ *вн*: (*моровнинъ), какъ *вного* (Колосовъ, Обзоръ, 170), а затѣмъ *н* въ л (ср. комлата, помли—Колосовъ, 167): возникло такимъ образомъ *моро-*
я я
влинъ. Отъ *мурамленинъ* при моромленинъ возникла ф. *Муромлянъ*, сохраненная былиной:

Говоритъ Муромлянъ богатырь;
Выходитъ Муромлянъ богатырь
(*Гильф.*, № 185).

Указанные фонетическіе процессы могли поддерживаться и усиливаться народной этимологіей, сближавшей иностранное слово *мурманинъ, **мурманинъ*, **моромленинъ* съ рядомъ другихъ созвучныхъ именъ: Муромъ, Моровийскъ, Муравскій—Bohemicus, мравий—муравей, муровать, мурава и друг. Ср. народн. этимологію сл. *Муромъ* отъ сл. *муръ*, *Mauer* въ Повѣсти о водвореніи христіанства въ Муромѣ: Сей градъ прославленъ бысть въ россійстѣй землѣ..., имѣя стѣны каменныя и мраморныя, и оттого нарицается Муромъ (Пам. Кушел.-Безб. I, 229).

Такимъ образомъ, разсказъ житія св. Стефана Сурожскаго о нападеніи новгородской рати князя Бравленина-Бравлина на Сурожъ по прямому смыслу слова *Бравленинъ*, *Мравленинъ* есть изложеніе сказанія о походѣ на Сурожъ мурманскаго, т. е. варяжскаго или русскаго князя изъ Новгорода Великаго. Такъ какъ слова *мурмане*, *варяги* и *русь*—синонимы, то вѣроятно, въ греческомъ оригиналѣ сказанія о чудѣ у гроба св. Стефана нападавшіе на Сурожъ язычники назывались οἱ Ῥῶς, а князь ихъ или начальникъ назывался ὁ ἄρχων τῶν Ῥῶς. Русскій переводчикъ эту послѣднюю фразу передалъ словами *князь варяженинъ* или *мурманинъ*, *моровленинъ*, *муравленинъ*; книжникъ школы Кипріана или Пахомія передѣлалъ на ц.-слав. ладъ послѣднее слово въ *мравленинъ-мравлинъ;* откуда затѣмъ возникли еще болѣе измѣненныя формы *бравленинъ-бравлинъ* Ср. болгарск. бробиняк-

мравунек. (Лавровъ, Обзоръ, 92). Такъ измѣнилась въ русской книжной средѣ греческая легенда о нападеніи варяговъ-руссовъ на Сурожъ. Въ виду того, что житіе св. Стефана Сурожскаго—памятникъ сравнительно поздній (XV вѣкъ: Голубинскій, „Истор. рус. церкви", ², 60), въ виду того, что тожественная легенда о руссахъ и князѣ руссовъ находится въ болѣе древнемъ памятникѣ—въ житіи Георгія Амастридскаго—съ пріуроченіемъ къ гор. Амастридѣ (ibid., 57), мы имѣемъ право полагать, что сурожская легенда о князѣ *Бравленинѣ* есть пересказъ амастридской о князѣ руссовъ, пересказъ, въ которомъ видно *пріуроченіе* ея съ одной стороны къ Новгороду, а съ другой къ Сурожу [1]); другими словами, это—старая (XV вѣкъ) новгородская былина о походѣ новгородскаго князя изъ варяговъ v. мурманъ v. руссовъ на Сурожъ и вообще въ Тавриду. Такъ и понимали эту легенду въ XVII вѣкѣ., и Сергѣй Кубасовъ внесъ ее въ свой хронографъ, отнесши самое событіе къ 860 году, и изложивъ ее такъ: Изъ нихъ же (Славянъ) всѣхъ превзыдоша ратью и силою Словяне новоградцы, и многіе грады къ себѣ примириша и дани на нихъ возложиша; при гречестѣмъ царѣ Михаилѣ, сотворшемъ православіе, начаша прозыватися Россійская земля. И при семъ царѣ Михаилѣ въ лѣто 6360 ходили Русь войною изъ Новаграда князь именемъ Бравалинъ воевати на Греки на Царьградъ, и повоеваша греческую землю отъ Херсона и до Скуруева и до Сурова, и около Царяграда, и грады многія и имѣнія безчисленно взяша. О томъ же писано въ чудесѣхъ св. Стефана Сурожскаго (Андрей Поповъ, Обзоръ хронографовъ рус. ред. II, 233—234).

Изъ сравненія сообщенія Хронографа Кубасова о князѣ Бравалинѣ со сказаніемъ „Лѣтописца XVII вѣка" о походѣ словенской Руси на Царьградъ подъ предводительствомъ Олега выходитъ, что оба сказанія—варіанты одного и того же основного мотива: изъ одного и того же города (Новгорода), во время одного и того же греческаго импе-

---

[1]) Возможны, конечно, и иныя пріуроченія того же мотива о наказаніи дерзкаго варяга v. русса, v. норманна, оскорблявшаго христіанскую святыню. Ср. въ Прологѣ XIII или нач. XIV вѣка южно-слав. происхожденія, но основанномъ несомнѣнно на русскихъ источникахъ въ статьяхъ, касавшихся русскихъ святыхъ, разсказъ о чудѣ съ *варугомъ*, т. е. варжгомь по средне-болгарски вм. *варжгомъ*: „по нѣкоемъ же врѣмени ста иноплеменникъ варогъ. на гробѣ ею (св. Бориса и Хлѣба, т. е. Глѣба) абие изыде пламень и пожеже и и ѿтолѣ прославистасе (Опис. рук. Румянц. музея Востокова, стр. 453). Востоковъ здѣсь же сообщаетъ о подобномъ разсказѣ въ Четьихъ Минеяхъ подъ 2 мая о варягѣ, опалившемъ себѣ ногу, въ то время какъ онъ сталъ надъ гробомъ св. мучениковъ (ibid., 454).

ратора (Михаила) войной идетъ русскій князь на Царьградъ (Кубасовъ упоминаетъ и о греческихъ колоніяхъ Тавриды): этого князя Кубасовъ называетъ Бравалиномъ, т. е., по вышесказанному, Бравлиномъ, Бравлениномъ, Мравлениномъ, Мурманскимъ княземъ, а „Лѣтописецъ XVII вѣка"—Олегомъ Новгородскимъ, варяжскимъ княземъ; его же Іоакимовская лѣтопись называетъ княземъ Мурманскимъ. Совпаденіе замѣчательное, свидѣтельствующее о томъ, что эпизодъ греческой легенды Житія св. Георгія Амастридскаго въ русскихъ передѣлкахъ (при посредствѣ греческаго житія св. Стефана или безъ него) уже къ XV вѣку вошелъ въ Ольговъ циклъ сказаній, былъ пріуроченъ къ имени князя Олега Вѣщаго.

Объ участіи новгородцевъ въ принесеніи на Русь житія св. Стефана говоритъ Голубинскій (Истор. р. ц. ², 58—59). Культурныя связи Руси съ Сурожемъ,—фактъ извѣстный, ярко отразившійся между прочимъ и въ былинахъ о Суровцѣ богатырѣ. О нихъ см. акад. А. Н. Веселовскій, Вел.-рус. был. V. Въ виду факта пріуроченія Олега къ эпохѣ св. Владиміра, возможно, что эпизодъ объ Олегѣ въ Сурожѣ входилъ также и въ циклъ преданій о Корсунскомъ походѣ Владиміра: вѣдь Олегъ былъ тогда его воеводой, и Владиміръ въ распространенномъ проложномъ житіи замышляетъ походъ на грековъ въ широкихъ размѣрахъ и приводитъ свой замыселъ въ исполненіе: „иду въ землю ихъ и поплѣню грады ихъ... И еже умысли, тако и сотвори". Объ участіи новгородцевъ въ Корсунскомъ походѣ Владиміра говорили и мѣстныя новгородскія преданія, слышанныя или читанныя Герберштейномъ въ XVI вѣкѣ: о корсунскихъ вратахъ, холопьемъ городѣ. Для пріуроченія сурожской легенды къ самому князю Владиміру св., даже и при болѣе общемъ толкованіи слова Бравлинъ, (какъ *норманнъ, варягъ* вообще) основаній нѣтъ въ нашей старинной письменности. Точно также трудно привести какія-либо соображенія въ пользу возможности пріуроченія ея къ имени Оскольда, котораго Іоакимовская лѣтопись именуетъ блаженнымъ (Татищевъ, Ист. рос., кн. I, стр. 35).

IV. Das Begrebniss des Eliae Morowlin при Кіево-Софійскомъ храмѣ.

Эрихъ Ляссота, посѣтившій Кіевъ въ 1594-мъ году, сохранилъ драгоцѣнныя для исторіи русскаго эпоса свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ и сюжетахъ древне-русскаго героическаго эпоса Владимірова цикла, еще

жившаго въ Кіевѣ въ XVI вѣкѣ въ устномъ изложеніи. Особенный интересъ имѣютъ для насъ сообщенія его о матери Владимира *Юльзѣ* и богатырѣ его *Ельѣ Моровлинѣ*. „Кіевъ былъ нѣкогда замѣчательною столицею и особымъ княжествомъ, имѣлъ собственныхъ повелителей (называемыхъ царями или князьями) изъ того рода, отъ котораго происходятъ теперешніе великіе князья Руси и Московіи..... Особенно замѣчателенъ бывшій тамъ прекрасный и великолѣпный соборъ во имя св. Софіи..... Въ настоящее время церковь эта хотя и уцѣлѣла, но находится въ большомъ запустѣніи..... Въ одной изъ плитъ [1]), находящейся противъ главнаго алтаря, есть круглое отверстіе, около полъ-локтя въ діаметрѣ, теперь наполненное известью; говорятъ, что въ давнія времена помѣщалось въ немъ зеркало, въ которомъ посредствомъ колдовства можно было видѣть все, что задумаешь, даже на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль. Но случилось, что одинъ изъ кіевскихъ князей отправился на войну съ язычниками и долгое время пребывалъ въ отсутствіи; жена его обыкновенно ежедневно смотрѣла въ это зеркало, желая знать, что онъ дѣлаетъ и какъ поживаетъ ея господинъ. Но однажды, увидѣвши между прочимъ, что онъ находится въ любовныхъ отношеніяхъ къ плѣнной язычницѣ, она въ гнѣвѣ разбила зеркало; пусть впрочемъ достовѣрность этого разсказа лежитъ на отвѣтственности преданія. Кромѣ того, на верху можно видѣть темную камеру, гдѣ князь Владимиръ замуровалъ свою жену. Затѣмъ съ хоровъ подымаются по винтообразной лѣстницѣ въ башеньку, въ которой Владимиръ, по преданію, имѣлъ обыкновеніе созывать совѣтъ; это легкая свѣтлая комнатка, которая носитъ названіе столицы Володимира (wirdt genandt *Stolicza Volodimiroiv)*. Можно еще видѣть въ церкви гробницу княгини Юльзы, матери Владимира (In den Kirchen sihet man noch das begrebniss der *Kniazin Juulza,* so des Wolodimirs Mutter gewesen)... Въ . . . внѣшнемъ притворѣ была нѣкогда гробница *Еліи* (г. Мельникъ и Брунъ переводятъ *Иліи*) *Моровлина,* извѣстнаго героя или богатыря, какъ здѣсь называютъ, о которомъ разсказываютъ много баснословнаго; въ настоящее время эта гробница разрушена, но другая гробница его товарища сохранилась въ цѣлости въ томъ же притворѣ“ (In einer andern Capellen an der Kirchen auserhalb ist gewesen das Begrebniss des Eliae Morowlin, so ein führnehmer Heldt oder Bohater, wie sie es nennen, gewesen, von dem man viel Fabeln sagt, daselbe

[1]) Перила хоръ церкви св. Софіи или верхней галлереи состояли, по словамъ Ляссоты, изъ плитъ синеватаго камня.

ist heuttiges Tags zerstört. Aber seines esellen ist noch ganz, auch in derselben Capellen). (Мельникъ-Антоновичъ, Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси, I, 156—157; ср. Tagebuch des Erich Lassota von Steblau . . v. R. Schottin. Halle 1866, стр. 203—204).

Хотя сказаніе о зеркалѣ въ храмѣ св. Софіи и напоминаетъ соотвѣтствующіе народно-русскіе сказочные мотивы, однако, нельзя не сравнить его съ преданіемъ, занесеннымъ въ наши лѣтописи о чудесномъ зерцалѣ во дворцѣ византійскихъ императоровъ: О разбіеніи зерцала. Царь же Михаилъ вся сокровища истощи со игрецемъ своимъ, не токмо грипсоси дасть на разореніе златыя, но и доброкованную златую тополю, сирѣчь древо, на немъ же сѣдяху многоразличныя птицы златыя, и пѣсни възглашаху, яко отъ жива языка, и слышащимъ имъ удивленіе творяху, чудящимся новой хитрости оной. И еже плачю достойное и рыданію и слезамъ повѣдати слово приходитъ, и тяжцѣ въздыхая глаголю: прехитрый бо въ философехъ Левъ добролюбивому Василію Македонскому родителю и царю страненъ содѣла съсудъ, зерцало, имъ же подобаше видѣти цареви на вся часы, посреди живущу ему царскыхъ домовъ, аще нѣчто начинашеся ново во Аравехъ или Сирехъ. Творящу же нѣкогда Михаилу колесничное уристаніе, сирьскихъ вой пашествіе отъ нѣкоего възвѣщено бысть ему съ тяжкимъ и многимъ и крѣпкимъ стремленіемъ, еже услышавъ Михаилъ царь, и убоявся да не народъ отъ слышанія възмущенъ бывъ и позорище разорится, абіе зерцало онъ повелѣ съкрушити. О горе прелести его! О горе умовредію! увы! увы! каково сокровище грекомъ погуби человѣкъ скверножителенъ, піаница и обидникъ! (Ник. л. П. С. Р. Л. IX, 10).

Такъ какъ Ляссота почерпалъ свои свѣдѣнія о старо-кіевскихъ герояхъ изъ устныхъ источниковъ, то естественно попытаться опредѣлить въ собственныхъ именахъ, имъ сообщенныхъ, соотвѣтствующія народныя русскія формы:

1. Kniazin Juulza, des Wolodimirs Mutter. Въ княгинѣ Юльзѣ комментаторы и переводчики мемуаровъ Ляссоты (Брунъ, проф. Антоновичъ, г-жа Мельникъ) узнаютъ имя *Ольги* великой княгини, бабки Владиміра; но въ филологическомъ отношеніи едва ли сл. *Juulza* можно возвести къ *Ольга*, такъ какъ „переходъ *о* въ *е* въ русскомъ языкѣ существовалъ только въ собственныхъ именахъ въ родѣ Єсипъ (изъ Іосипъ). Соболевскій, Очерки изъ исторіи рус. яз., 95; сравн. однако: єставити т. е. јоставы (тамъ же) и еще: въ житіи Владиміра по сп. 1494 г. вн8к8 же *Иѡлжин8* (Срезневскій, Память и похвала князю

Владимиру. Спб. 1847 г. въ Зап. Импер. Академіи Наукъ по историко-филолог. отд. 1897 г., т. I). Наиболѣе ясными становятся фонетическія отношенія словъ *Ольга* и *Juulza*, равно какъ ниже приводимыхъ варіантовъ имени княгини *Ольга*, при свѣтѣ нѣкоторыхъ выводовъ изъ замѣчательныхъ фонетическихъ изслѣдованій акад. Фортунатова и Шахматова. По наблюденіямъ акад. Фортунатова, слова съ начальнымъ основнымъ *he* въ русскомъ языкѣ обыкновенно измѣняли *h* въ j, но діалектически могли и не измѣнять его, а только опускать, такъ что въ живыхъ говорахъ русскаго языка получались формы съ нач. *е* и съ нач. ѥ на мѣстѣ основного *he*. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ *е* обычно измѣнялось въ *о*, если въ слѣдующемъ за нимъ слогѣ стояли звуки *е* и *i*. Однако, діалектически, особенно, въ именахъ собственныхъ, возможно было сохраненіе *е*, измѣнявшагося въ *je* и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е., при наличности *е* и *i* въ слѣдующемъ слогѣ: еще, ѥще и още, едный, одный — одинъ, Евпатій — Олпатій, Елиферій — Олухвїръ, Есипъ — Осипъ и др. Начальное ѥ, бывшее склоннымъ къ i (e[i]), могло затѣмъ подъ вліяніемъ мягкости слѣдующаго слога измѣняться въ *и* (ище, *Илине*, Ἕλληνες въ Изборн. Святосл. 1073 г.). (Фортунатовъ, Лекціи по фонет. старо-слав. яз. М. 1888 г., стр. 217 и слѣд. Шахматовъ, Изслѣдованія въ области русской фонетики, 12 и друг.; его же Разборъ соч. проф. Е. Будде „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ" въ Отчетѣ о присужденіи Ломоносовской преміи за 1897 г., стр. 43—44. Потебня, Къ истор. звук. рус. яз. I, 9. Акад. А. И. Соболевскій, Очерки изъ исторіи рус. яз. Кіевъ 1884. Его же, Лекціи по исторіи рус. языка, 2 стр. Wondrak, Altkirchenslaw. Gram. стр. 44). Ѳ. Е. Коршъ, о рус. правоп. Изв. отд. рус. яз. и слов. т. VII, кн. I, стр. 81—82. Въ виду сказаннаго, древне-нѣмецкое собственное имя *Helga* (Kunik, Die Berufung der Schwedisch. Rodsen II, 142 слѣд.), представляющее женскій родъ слабой формы прилагат. helge (hoelgi) heilage, der heilige (A. Noreen, Altislandische und Altnordische Grammatik. Halle 1892 г., стр. 193—194) могло дать въ русскомъ языкѣ (ср. Helga, filia Frothonis IV въ Historia Danica Sax. Gram. изд. Müller'a 1839) *Елга* и *Ѥлга*, откуда затѣмъ *Ѥльга* со вставочнымъ ь какъ въ *вельбѫдъ* при готск. *ulbandus* и *Ольга*. (Ср. Ольха при Ѥлха, Евсей—Овсій и др.). Но послѣдняя форма не вытѣснила первую изъ живого русскаго языка. Въ пользу этого говоритъ обозначеніе имени великой княгини Ольги у византійскихъ писателей—Константина Багрянороднаго, Кедрена и друг.—Ἔλγα ἡ ἀρχόντισσα Ῥωσίας (Kunik, Die Berufung II, 144) при

явственномъ Οὔλγα на миніатюрѣ І. Куропалата, изображающей пріемъ русской княгини во дворцѣ византійскаго императора (Рус. клады Кондакова, I, стр. 1), хотя акад. Кондаковъ и читаетъ Ἔλγα, ibid., 212—213). Вотъ къ этой-то формѣ имени *Ольги Ельга*, оправдываемой теоретически и фактически для древняго русскаго языка, и восходитъ сохраненная Ляссотой народная южно-русская форма имени великой княгини *Ольги* Juulza. Посредствомъ начальнаго сочетанія *Juu*— Ляссота довольно точно обозначилъ тотъ дифтонгъ изъ начальнаго долгаго *е*, который правильно долженъ былъ возникнуть въ малорусскихъ говорахъ на основаніи общаго правила объ измѣненіяхъ звуковъ *е* и о въ закрытыхъ слогахъ. Какъ извѣстно, этотъ дифтонгъ въ старой письменности нерѣдко, начиная съ XIV вѣка (Ogonowskij, Studien, стр. 33), изображался посредствомъ *ю: по нюй*, Василювь, Чюлчичъ, Нестюръ, грошювъ, чтюнъ (А. И. Соболевскій, Очерки, 63, А. А. Шахматовъ X гл. Изслѣдованій въ обл. рус. фон., Житецкій, Очеркъ звуковой исторіи малор. нар., стр. 113 и слѣд., Потебня, Замѣтки о малор. нар.). Конечное z въ словѣ *Juulza* есть результатъ ошибочной этимологіи Ляссоты, образовавшаго именит. пад. *Юльза* отъ основы тѣхъ падежей, въ которыхъ гортанный звукъ долженъ былъ измѣняться въ *з* въ народномъ говорѣ: *Юльзѣ*; равнымъ образомъ, именит. п. *kniazin* онъ образовалъ отъ основы *князь*. Нѣтъ основаній думать, что Ляссота имя Ольги передалъ черезъ сл. *Ельза*,—такъ какъ Елизаветой Ольгу не называли у насъ. Скорѣе можно было бы допустить, что онъ христіанское имя *Ольги*—Елена передалъ черезъ сл. *Елица*, но и этому предположенію противится то, что звукъ *ц* Ляссота скорѣе передалъ бы черезъ *cz* (ср. Stolicza Wolodimirow).

2. Столь же точно Ляссота передалъ соотвѣтствующую народную южно-русскую форму *Елья* черезъ *Elia* (*Morowlin*). Въ фонетическомъ отношеніи сл. *Елья* (Elia) должно считать варіантомъ сл. *Волья* (Гильф., Онеж был'. № 32) и какъ при *Волья́* имѣется варіантъ *Вольга́*, такъ и при *Елья́* мы должны á priori предположить существованіе въ древн. русск. яз. формы **Ельга́*. Эти теоретическія сопоставленія приводятъ къ небходимости прослѣдить исторію измѣненій сл. *Ольгъ* въ русск. языкѣ. Въ древне-нѣмецкомъ яз. были очень распространены собственныя имена, восходящія къ формѣ Heilagr-sanctus (Kluge, Etymolog. Wörterbuch) и принимавшія въ діалектахъ древне-нѣмецкаго языка слѣд. видоизмѣненія: др.-сѣверн. Helgr, Helge и Hoelge (Noreen § 362); въ свидѣтельствахъ памятниковъ отъ VIII вѣка: Halicho, Halucho, *Helicho* (Förstermann, Namenbuch, стр. 588), франкск.

Heiliga (Raszmann, Die Deutsche Heldensage I, 73), позднѣйшія фамильныя имена Heilig, *Hillig* (ibid.), въ латинск. передачѣ Саксона Грамматика—*Helgo* и *Helgus* (Saxo Gram. изд. Müller'a I, 116, 310). Древне-русскимъ собственнымъ именемъ, соотвѣтствующимъ этимъ древне-нѣмецкимъ формамъ, является слово *Ольгъ*, вошедшее въ русскій языкъ изъ древне-сѣверно-нѣмецкаго (Kunik, Die Berufung, стр. 142, Срезневскій, Чтенія о др.-русск. лѣтоп., 46, Соболевскій, Археолог. замѣтки (Р. Ф. В. 1892 г., т. XXVII, 330), Б. М. Ляпуновъ, О языкѣ 1 Новг. л. 77, Платоновъ, Лекціи по рус. исторіи. изд. 1901 г. и другія).

На основаніи вышеуказанныхъ положеній фонетической теоріи Фортунатова и Шахматова мы должны при др.-нѣмецкихъ формахъ Helge, Helicho, латинск. Helgo, Helgus ожидать въ др.-рус. языкѣ не только Ольге, *Ольгъ* или *Ольга* (муж. р.), но и *Елге, **Елгъ*—**Елга*, или *Елго*, откуда *Ельге, **Ельгъ*, **Ельга*, **Ельго* съ *ь* или „развившимся неорганически внутри вслѣдствіе неудобства произношенія сочетанія двухъ рядомъ стоящихъ согласныхъ" (Б. М. Ляпуновъ: О языкѣ 1 новг. л., стр. 78) или, можетъ быть, передававшимъ основное *i* древне-нѣмецкихъ формъ (ср. Helicho, Heilig, Hillig).

Разные древне-русскіе памятники сохранили слѣдующія видоизмѣненія имени Олега:

1) *Ольгъ*, *Олегъ*, *Олгъ* (Лавр. Ип.); въ Тверск. л. Олегъ имен. п., но въ косвен.: Олгомь, Олгови и др.

2) *Ольга* (имен. п.): Хроногр. XVII вѣка сп. Московск. Синод. библ. № 135: (Рюрикъ) приказа его (Игоря) воеводѣ своему Олгѣ (какъ Александра въ Лѣт. XVII вѣка); но вслѣдъ за симъ: сей же Олегъ воевода (Андрей Поповъ, Изборникъ, стр. 137).

3) Олгѣ, т. е. Олге или Ольге—им. п.: въ арх. сп. новгородск. лѣт. объ Олегѣ рязанскомъ подъ 1381 г. сказано: пріиде князь резанскій Олгѣ Ивановичъ (въ изд. 2-ой и 3-ей новг. лѣт. напечатано Олегъ съ *оговоркой* въ примѣчаніи, стр. 35).

4) Съ приставочнымъ эвфоническимъ *в* въ началѣ: по Волзѣ (П. С. Р. Л. IX, 18, примѣч. г) отъ именит. п. *Волгъ, *Вольгъ, какъ Вольга при Ольга.

и 5) Съ опущеніемъ начальнаго *о*: *Легъ*, *Лга* (П. С. Р. Л. IX, 25 примѣч. н и 15, примѣч. 5); сравн. *Лжичи* при Олжичи, Ольжичи (Ип. л. 315), новое названіе города *Льговъ* (въ Курск. губ.) при старинномъ Ольговъ.

Древне-русскихъ варіантовъ имени *Ольга* съ нач. *е* наши лѣтописи

не сохранили, но они необходимо предполагаются нѣкоторыми памятниками, дающими варіанты этого имени, соотвѣтствующіе фонетически тѣмъ формамъ, которыя возникли въ русскомъ языкѣ отъ типовъ Ольгъ—Ольга. Въ слѣдующей главѣ, разбирая отношенія древне-нѣмецкой поэмы „Ортнитъ“ къ сказаніямъ рус. лѣт. объ Олегѣ, мы увидимъ, что въ ней имени Олегъ на самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ имя Elîgas или Elîgâs—фонетически возводимое къ предполагаемымъ теоретически древне-русскимъ варіантамъ сл. *Ольгъ* и *Ольга*:—*Ельгъ*—*Ельгá*. А теперь прослѣдимъ по памятникамъ послѣдовательныя измѣненія типа Ольгъ въ русскомъ языкѣ. Рѣшительное вліяніе на судьбу сл. *Ольгъ* въ русскомъ языкѣ, повидимому, оказало употребленіе этого имени въ формѣ—именит.-зват. падежа на *е*: *Ольге*. Извѣстно, насколько широко распространено въ славянскихъ языкахъ употребленіе зват. пад. въ значеніи именительнаго. Потебня на основаніи обилія случаевъ этого рода назвалъ звательный падежъ вторымъ прямымъ, т. е. падежемъ субъекта и словъ, согласуемыхъ съ нимъ (Изъ зап. по рус. гр.[2] 94—97, А. И. Соболевскій, Лекціи[2], 175—176). Звукъ *г* = g и затѣмъ = γ придувному въ формѣ *Ольге* могъ не подвергаться переходному смягченію, какъ это часто наблюдается въ южно-русскихъ памятникахъ уже съ первой половины XII вѣка (Соболевскій, Лекціи[2], 114) или даже ранѣе (Ягичъ, Критич. зам., 78, Шахматовъ, О языкѣ новгор. грам., 167—168).

А priori вѣроятно также употребленіе формы *Льге* для имен.-зват. п.

Звукъ *г* = придувному γ въ этихъ формахъ подъ вліяніемъ мягкости слога, по законамъ древняго русскаго языка, долженъ былъ измѣниться въ j: какъ въ *анькль*, *Еюпетъ*, *Георгій-Юрій*, *Дрьгутьскъ-Дрютескъ-Дрюцкъ* и друг. (Соболевскій, Очерки, 106, Шахматовъ, О яз. новгор. грам., 166—168, Изслѣд., 48, Къ вопросу объ образ. рус. нарѣчій, 11; Ѳ. Е. Коршъ, О рус. правописаніи. Изв. отд. рус. яз. и словесности т. VII, вып. I, стр. 80). Замѣтимъ, что основанія для измѣненія *g* въ *j* въ семьѣ словъ Helge—Helgi уже при переходѣ ихъ въ русскій языкъ могли быть даны въ сѣверно-нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, измѣнявшихъ передъ *е* и *і* звукъ *g* въ *j* (ср. Ѳ. Е. Коршъ, ibid., стр. 79). Такимъ образомъ могли возникнуть формы **Ольк*-**Вольк* и **Льк*—для именит.-зват. падежа. Конечное *к* въ этихъ формахъ должно было перейти въ силу звукового закона, дѣйствовавшаго въ юго-западныхъ и западныхъ говорахъ рус. яз. уже съ XII—XIII вв., закона, выясненнаго А. И. Соболевскимъ въ его Очеркахъ по исторіи рус. яз.

гл. II и А. А. Шахматовымъ въ его замѣчательныхъ Изслѣдованіяхъ въ области рус. фонетики, гл. 17-ая. Къ приведеннымъ названными изслѣдователями обильнымъ примѣрамъ такого перехода мы присоединимъ слѣд. собств. имена съ окончаніемъ ije, переходившимъ въ *ья*: Григорья чалъ въ Новгор. минеѣ 1036 г., но рукой писца XIII—XIV вѣка (Ягичъ, Служебн. минеи, Предисловіе X), князь Юрія Холмъскии (Грам. 1378), Ортемья (Новгор. куп. XIV—XV вѣка. Акты Юрид. I, 110), Осѣя, коломенскый протопопъ (П. С. Р. Л. VI, 197) игуменъ Саватѣя, митрополитъ Галасѣя (1591 г. Сборн. госуд. грам. и догов. II, 110, 121). При Юрьѥ въ Кормчей ок. 1282 г. (Соболевскій, Лекціи[2], 175), Юрье въ Купчей 1562 г. (Калачовъ, Акты II, 431—432) мы имѣемъ *Юрья* въ „Лѣтописцѣ XVII в." и другихъ памятникахъ книжныхъ и народныхъ. Ср.: Служило Юрья в пильского краля (Головацк., II, № 3).

Въ силу указаннаго фонетическаго закона должны были возникнуть формы *Волья* и *Лья*. Форма Волья сохранена былиной Гильф.[1] № 32: молодой Волья-то Всеславьевичъ, молода́ Волью́ Всеславьевича (Онеж был. 157—160).

Форма *Волья* могла, помимо того, возникнуть и изъ основной *Вольга́* при *Helicho* или *Helgo* вслѣдствіе измѣненія г = γ въ j (Шахматовъ. Къ вопросу объ образ. рус. нарѣчій, 11).

Предположенныя формы **льге*, **льѥ* и **лья* могли довольно рано получить въ началѣ эвфоническое *и* (Потебня, Замѣтки о мр. нар. 19—23) Сравн.: Илвовскій въ Грам. 1371 г. (Соболевскій, Очерки, 62, 101), *Ильтиця* при *Льтица* (Потебня, ibid., 23); и-льле, и-мла въ малор. говорахъ (Головацкій, Грамматика рус. яз., 25, Ogonowskij, Studien 54—55), ильгота, илгунъ, Ильвовичъ (Изв. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. III Матеріалы 2, 44), ильну, ильду, иржи (Никольскій, Р. Ф. В. 1901 г., № 3—4, стр. 247) и друг. Аналогичнымъ измѣненіямъ должны были подвергнуться и предположенные выше, какъ основные древне-русскіе варіанты имени *Ольгъ*—*Ольга*: **Ельгъ*—**Ельга*.

При *Ельгъ могла употребляться форма зват.-имен. пад. на *е*: **Ельге*, которая должна была измѣниться въ *Ельѥ* и *Елья*.

Къ тому же результату должна была прійти и форма **Ельга́*—*Елья*.

Елья должно было или могло измѣниться въ *Илья* или по указанному Шахматовымъ закону вліянія мягкости слѣдующаго слога (Изслѣдованія, стр. 24 и гл. 19-ая)—это въ восточныхъ говорахъ

русскаго языка—или—въ говорахъ южно-русскихъ—въ силу измѣненія долгихъ *о* и *е* въ закрытыхъ слогахъ въ *и* черезъ посредствующую ступень дифтонговъ, о чемъ уже выше говорено было. Въ вар. имени Ильи Муромца *Юльюша, Юльюшенка* (Тихонр.-Миллеръ, Былины; Гильф. Онеж. был.) начальное *Ю* можетъ выходить къ Ѥ (ср. *Вольвушенька*. Онеж. был. Гильфердинга).

Такимъ образомъ, возникли русскіе варіанты одного и того же основного иностраннаго имени: *Волья, Елья,* **Юлья,* откуда *Юльюша* и *Илья*; сравн. още, еще и ище, Ольшанка, (Барсовъ. Очерки историч. геогр.[1], 116), Елшанка притокъ Хопра (ibid., 335) и Ильшанка при Льшанка (ibid.), Волпиновская, Льпиновская и Илпиновская пустынь въ Курск. губ. (сообщ. А. С. Лебедева, на основаніи подлинныхъ актовъ архива курск. консистор. и Изв. отд. рус. яз. и сл. VI, кн. 2, стр. 205) вольгота, льгота и ильгота (ibid. III Матер. 2, 44).

Форма *И-лья* или *Илья* внѣшнимъ видомъ совпадала съ христіанскимъ именемъ св. Иліи, Ἡλίας, и могла затѣмъ въ западно-русскихъ говорахъ измѣнять свое лj въ лл: *Илля* (Шахматовъ, Изслѣд. 85, Ляпуновъ, О яз. 1 новг. лѣт., 202).

Изложенная исторія измѣненій слова Helgr—Helge или Helicho, Helgus въ *Волья, Елья, Юлья* и *Илья* напоминаетъ нѣсколько исторію превращенія др.-слав. имени божества Велеса (при санскр. *варшас*—дождь, *вршан*—дождящій, оплодотворяющій—Потебня, Сл. о п. Иг., 22) въ Волоса скотьяго бога (ср. св. Власій покровитель скота у грековъ Южно-слав. сказ. о Кр. Маркѣ, стр. 213—214).

Естественное недоумѣніе, почему лѣтопись не отмѣтила всѣхъ предположенныхъ здѣсь древнихъ *народныхъ* южно-и западно-русскихъ формъ имени Олега съ начальными *е, уо, юо* и *и* разрѣшается слѣдующими словами почтеннаго изслѣдователя „звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“: „фонетика народной рѣчи въ южно-русской письменности, говворитъ П. Житецкій, является въ замаскированномъ видѣ. Но если *у, ю, і* вм. *о* и *е* встрѣчаются въ ней рѣдко, то *уо, юо* положительно не встрѣчаются ни въ одномъ памятникѣ, ни въ древнѣйшемъ, когда можно предполагать болѣе широкое распространеніе этихъ дифтонговъ, ни въ позднѣйшемъ, когда они локализировались въ сѣверныхъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ, и то не во всѣхъ, когда вслѣдъ за тѣмъ, вмѣсто дифтонговъ, выступили позднѣйшіе ихъ преемники: *у, ю, і*. Для объясненія этого обстоятельства нужно принять въ соображеніе, что не такъ было легко выбиться древне-русскому писателю, и въ особенности переписчику, изъ-подъ вліянія древне-

славянскихъ образцовъ рѣчи и письма, образцовъ, которые освящены были самымъ высокимъ въ древне-русской жизни интересомъ, интересомъ вѣры и церкви. Дифтонги *уо*, *юо* казались грамотнымъ людямъ древней Руси провинціализмами, недостойными книжной рѣчи, и ихъ можно было избѣжать въ среднихъ слогахъ тѣмъ легче, что основные *о* и *е* сами собою возстановлялись въ слогахъ прямыхъ. И грамотная южная Русь усердно возстановляла эти звуки въ ущербъ народной фонетикѣ"…. (Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, Кіевъ 1876 г., стр. 122—123). Еще въ большей степени эти замѣчанія примѣнимы къ нашимъ лѣтописцамъ, излагавшимъ до XVI в. событія древней исторіи больш. частію по двумъ типамъ (Шахматовъ, О нач. кіевск. л. сводѣ) и неимѣвшимъ побужденій вникать въ происходившій въ устной поэзіи процессъ измѣненія древнихъ героическихъ сказаній и превращенія прежнихъ хоробровъ—князей, дружинниковъ въ богатырей: Олега Мурманскаго въ Волью—Елью—Илью Муромскаго, Святослава—въ Дуная—Переславьева (А. Марковъ, Бѣломорск. был., стр. 523) и др. [1]). Лишь кое-что изъ этого эпоса отмѣчено, какъ мы видимъ, русскими хронистами XV—XVII вѣковъ. Послѣдними удается хотя отчасти заполнить ту пропасть, которая представлялась изслѣдователямъ русскаго героическаго эпоса между современными былинными его изложеніями и древнѣйшими лѣтописными сказаніями, пропасть, казавшаяся столь непереходимою, что нѣкоторые наши ученые русскій героическій эпосъ находили болѣе родственнымъ эпосамъ восточныхъ

---

[1]) Въ прозваніи Дуная „Переславьевымъ", которое даетъ ему Бѣломорская былина, изданная Марковымъ (Бѣломорск. был. № 104), мы видимъ подтвержденіе нашего мнѣнія, что въ былевомъ образѣ Дуная богатыря сохранились поэтическія воспоминанія о Святославѣ Игоревичѣ, о походахъ его за Дунай и связяхъ его съ Переяславцемъ на Дунаѣ, т. е. Малой Прѣславой на южномъ рукавѣ Дунайской дельты, теперь село Прѣславъ (Дриновъ, Южн. слав. и Виз. въ X вѣкѣ 95). Въ тѣхъ обозначеніяхъ главныхъ событій жизни Святослава, которыми снабдилъ свою повѣсть объ этомъ князѣ составитель строевскихъ лѣтоп. отрывковъ, нельзя не видѣть указанія на то, что и князя Святослава онъ представлялъ себѣ въ богатырскихъ очертаніяхъ: Взятие многи цртвъ ѿ Стослава и о разорении Цржграда и по Дунаю многи црствъ (красн. чернилами), О многѡ пленении болгар (л. 11); И много пленение сѡкори кнзь Свтосла по Дунаю и по сё в греки поиде и прииде пѡ Црьград (л. 13 красн. черн.); ѿ црея греческй приланне многи дарѡ ко кнзю Свтославѹ (красн. черн. л. 15); наконецъ на л. 16 красн. черн.: храбраго и силнаго кнзя Свтослава ѹбиение. Дунай въ былинахъ всегда характеризуется какъ богатырь, ходившій по многимъ землямъ и царствамъ и много видѣвшій. Введеніе его, т. е. Святослава, во Владимировъ циклъ есть результатъ той же эпической централизаціи, благодаря которой и Олегъ сталъ воеводой князя Владиміра.

сосѣдей русскихъ славянъ, разрушавшихъ старую культуру русскую, созидавшуюся Русью въ дружномъ общеніи съ западно-европейскими ея сосѣдями и родными народами.

Возвращаясь теперь къ запискамъ Ляссоты, мы видимъ, что какъ слово *Morowlin* есть народное измѣненіе имени *Мурманинъ*, такъ и имя героя или богатыря Владиміра *Elia* есть старый народный южнорусскій варіантъ имени Олега (Вѣщаго), восходящій къ основной формѣ **Ельгъ* или **Ельга*.

Въ этомъ героѣ Ельѣ Моровлинѣ т. е. Олегѣ Мурманскомъ, гробница котораго находилась въ придѣлѣ св. Софіи въ Кіевѣ, очевидно, нужно видѣть ни кого иного, какъ Олега воеводу, участника Владиміра въ Корсунскомъ походѣ, и посла—свата его въ Царьградѣ, т. е. Олега Мурманскаго, Новгородскаго, Русскаго и „Вѣщаго".

Ляссота говоритъ о гробницѣ товарища Ельи Моровлина, не называя перваго по имени, гробницѣ, сохранившейся въ цѣлости въ томъ же притворѣ св. Софіи. Покойный Ор. Ѳ. Миллеръ въ этомъ товарищѣ усматривалъ Добрыню (Илья Муромецъ, стр. 800); но гораздо вѣроятнѣе, основываясь на сравненіи свидѣтельства Ляссоты со сказаніемъ „Лѣтописца XVII вѣка" о корсунскомъ походѣ Владиміра, видѣть въ этомъ товарищѣ Ельи „вареженина Ижберна", ѣздившаго вмѣстѣ съ нимъ въ Царьградъ за царевной Анной и бывшаго властодержцемъ Херсона, по завоеваніи его Владиміромъ. Того же самаго Елью Моровлина Кальнофойскій называетъ (1638 г.) *Ильей*, инокомъ (zakonnik), помѣщаетъ въ пещерѣ Антонія и отмѣчаетъ происходившее смѣшеніе преданій объ Ильѣ съ преданіями о Чоботкѣ, т. е. Янѣ Усмошвецѣ, еще различавшихся при Эрихѣ Ляссотѣ: Zakonnik Ilija, tego darmo lud pospolity Czobotkiem zovie (Ор. Миллеръ, Илья Муромецъ, 799). У Эриха Ляссоты при описаніи печерскаго монастыря и его достопримѣчательностей говорится: „Здѣсь съ давняго времени имѣли обыкновеніе хоронить покойниковъ и тѣла, лежащія здѣсь, по большей части сохранились нетлѣнными. Въ числѣ ихъ я видѣлъ между прочими мощи... одного великана и богатыря, называемаго Чоботка, о которомъ разсказываютъ, будто онъ однажды, застигнутый врасплохъ многочисленными врагами въ то время, когда онъ надѣлъ одинъ сапогъ, тотчасъ вооружился, за неимѣніемъ другого оружія, другимъ, котораго еще не успѣлъ обуть, желая дать отпоръ, и положилъ на мѣстѣ всѣхъ нападавшихъ,—отчего и получивъ прозвище" (Мельникъ-Антоновичъ, Мемуары, 159). Въ спискѣ русской лѣтописи, предшествующемъ „Лѣтописцу XVII вѣка" и нахо-

дящемся въ Сборн. И. П. Б. № 282 отд. II, Q. XVII, 72 прозваніе *Усмошвецъ* толкуется: *Чеботарь*: и се нѣкиі ѹ҆мошвецъ рекше чеботарь приступи рече е҄м.

Въ лицевомъ кіево-печерскомъ патерикѣ конца XVII и начала XVIII вѣковъ этотъ *Елья-Илья* называется преподобнымъ *Ильей Муромскимъ*: іже вселися в пещеру пр҃ Антоніа в Кіевѣ, идеже донынѣ нетлененъ пребываетъ (Ровинскій, Рус. нар. карт. III, 632, IV, 59).

Измѣненіе эпитета героя *мурманскій* въ *муромскій* произошло въ силу дѣйствія народной этимологіи. Подобное же явленіе мы имѣемъ на противоположной Кіеву части русской территоріи—въ области Великаго Новгорода: св. Лазарь, римлянинъ, основатель обители Мурманской, въ Пудожскомъ у. Олонецкой губ., вблизи Онежскаго озера, называется Мурманскимъ и Муромскимъ, его обитель—Мурманскимъ и Муромскимъ монастыремъ (Амвросій, Исторія рос. іерархіи V, 115 слѣд., Барсуковъ, Источники рус. агіографіи, стр. 322, Святая Русь, стр. 92, Семеновъ-Ламанскій, Россія, т. III, 404). Въ Завѣщаніи св. Лазаря (XVI в.) Муромскаго-Мурманскаго встрѣчается параллельное употребленіе названій „езеро Мурмо“ и „езеро Муромское“, островъ Мучь и онъ же островъ Мурманскій и Муромскій (Истор. рос. іерархіи, V, стр. 115 слѣд.; ср. рукоп. Завѣщанія, принадлеж. Румянц. Музею, № 146, изъ собранія Ундольскаго, неполный экземпляръ; въ немъ нѣтъ слова *муромскій*, *—ое*, вмѣсто *мурмо* и *мучь*).

Московскій священникъ-старообрядецъ Лукьяновъ, бывшій въ Кіевѣ въ самомъ началѣ XVIII вѣка внесъ въ свой дневникъ слѣдующее извѣстіе объ Ильѣ Муромцѣ: „Тутъ же (въ Печерскомъ монастырѣ) видѣхомъ *храбраго воина* Илію Муромца въ нетлѣніи подъ покровомъ златымъ, ростомъ яко нынѣшнихъ крупныхъ людей; рука у него лѣвая пробита копіемъ; язва вся знать на рукѣ, а правая его рука изображена крестное знаменіе“ (Путешествіе въ св. Землю ... I. Лукьянова, М. 1864, 14). Предыдущія разсужденія даютъ основаніе сопоставлять это извѣстіе Лукьянова со сказаніемъ торжественника XV в. о князѣ Бравленинѣ въ Сурожѣ: сообщеніе о язвѣ отъ копья на рукѣ Ильи Муромца напоминаетъ старое сказаніе о наказаніи князя Бравленина за оскорбленіе святыни. Старообрядца интересовало и крестное перстосложеніе храбраго воина Ильи потому, что послѣдній, согласно съ преданіями объ Олегѣ, принималъ непосредственное участіе въ принятіи русскими греческой вѣры и, можетъ быть, считался однимъ изъ первыхъ русскихъ варяговъ, принявшихъ крещеніе. Въ связи съ этимъ должно понять и вселеніе его въ Антоніеву пещеру на склонѣ дней

и отправленіе раскольниками „довѣренныхъ людей разузнать, какъ сложены персты въ мощахъ Ильи Муромца“ (Ровинскій, Р. нар. карт., IV, 61).

Въ свидѣтельствахъ объ Ильѣ Муромцѣ изъ XVIII в. онъ носитъ названіе Муровца и Муравца: Ilia Muravitz у Луиса де Кастильо (Веселовскій, *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1883, апр., 220), Ilia Muurowitza въ финской сказкѣ (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1890 г., мартъ), Муровецъ (рукоп. сб. Панкѣева, Каллашъ, Этногр. обозр. 1891 г. Pro domo sua), Муровецъ и Муравецъ въ Записи былинъ XVIII в., изд. Тихонр.-Миллера и въ Бѣломорскихъ былинахъ, записанныхъ А. Марковымъ (№ 4). Въ этой формѣ прозвища Ильи нужно видѣть результатъ народно-этимологическаго сближенія прозванія Олега-Ильи *мурманскій* съ им. прилаг. *муравскій* —Bohemicus (ср. муравское сукно, муравскій князь Буривой) и сущ. *мурава.*

Тому же народно-этимологическому процессу могли быть обязаны своимъ происхожденіемъ и еще названія—*муравской дороги* или *шляха,* теперь *муравка,* быть можетъ, для стараго сухопутнаго пути *варяжскаго* (Аристовъ, Промышленность въ др. Руси, стр. 187); (въ Рус. лѣт. изд. Н. Л. въ Спб. въ 1792 г. ч. V, стр. 87 напечатано *муривской*) [1]) и *Муравскаго острова* или Муровца на Днѣпрѣ (Сборникъ матер. для топогр. Кіева и его окрестностей, Кіевъ 1874 г., стр. 137. Сравн. Ор. Миллеръ, Истор. рус. слов. Галахова I, 28, Каллашъ, Этногр. Обозр. 1889 г., кн. III и 1890 г. Pro domo sua): сравн. Варяжскій островъ въ лѣтописи Лавр. и Ипат.

Совершившееся признаніе „храбраго воина Ильи Муромца“, т. е. Олега, воеводы Владиміра, и Олега, князя мурманскаго, преподобнымъ

---

[1]) Третій торговый путь, говоритъ Аристовъ, по которому сбывали товары изъ юго-западной Руси, назывался солонымъ; онъ лежалъ *рядомъ съ греческимъ* путемъ сухопутнымъ до Дона, а по Дону велъ въ Крымъ и къ Азовскому морю. Впослѣдствіи этотъ путь былъ извѣстенъ подъ именемъ Муравскаго шляха. Въ XVI и XVII вв. этотъ путь былъ сухопутный и въ южной Россіи шелъ не по Дону, а по водораздѣлу Дона и Днѣпра черезъ Перекопъ къ Бахчисараю, Кафѣ, Корсуни и Евпаторіи. Въ сѣверо-западномъ направленіи отъ границъ стараго Московскаго княжества Муравскій путь расходился на нѣсколько дорогъ: было три пути горныхъ, а четвертый рѣчной: на Нарву, Колывань, Ригу и Новгородъ (Аристовъ, Промышленность др. Руси, 187—201). Стало быть эта торговая дорога вела изъ мурманскихъ странъ въ Крымъ. Сравн. впрочемъ Великій Моравскій путь или Большой Бѣлградскій въ средніе вѣка, ведшій изъ Моравіи на Балканскій полуостровъ. *Сырку,* Описаніе турецкой имперіи, стр. XVII.

вызвало попытки изобразить его въ иконографіи. Въ иллюстраціяхъ къ кіево-печерскимъ святымъ, сдѣланныхъ въ 1702 г. русскими граверами Ильей и Прокопіемъ, находится и образъ препод. Иліи Муромскаго. По описанію Ровинскаго, „преподобный Илья Муромскій представленъ въ ростъ, въ старческомъ возрастѣ, съ воздѣтыми къ небу руками; на плечи его накинутъ плащъ, которымъ онъ и прикрытъ сзади; спереди же прикрыта плащемъ одна нижняя часть живота преподобнаго. Волосы на головѣ короткіе; борода средняя, клиномъ; тѣло изнуренное; вокругъ головы вѣнецъ". (Рус. нар. картинки, т. IV, 60). Въ подлинникѣ XVIII в. Буслаева Илья Муромецъ „надсѣдъ, брада Ѳеодосіева, разсохата. Власы съ ушей на плечахъ. Клобукъ чернъ (Буслаевъ, Историч. очерки I, 356). Замѣтимъ, что Іоакимовская л. называетъ Оскольда „блаженнымъ".

Разсмотрѣнныя сказанія объ Олегѣ XV—XVIII вв. открываютъ существованіе тѣсной непрерывной связи пока въ собственныхъ именахъ и прозваніяхъ между преданіями объ этомъ великанѣ русскаго историческаго сумрака съ одной стороны и былинами о Вольѣ—Вольгѣ Святославичѣ и Ельѣ—Ильѣ Муромцѣ—Муровцѣ съ другой. Перейдемъ къ разсмотрѣнію эпическихъ сюжетовъ, связанныхъ съ этими именами, съ цѣлію выясненія того, насколько самое содержаніе былинъ объ этихъ герояхъ отражаетъ элементы и мотивы старыхъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ, князѣ Русскомъ и Мурманскомъ [1].

Но прежде намъ нужно разсмотрѣть рефлексы старыхъ русскихъ преданій объ Олегѣ въ памятникахъ нѣмецкой поэзіи XIII — XIV вѣковъ.

---

[1]) Въ дополненіе къ предыдущему нужно упомянуть объ извѣстномъ преданіи, внесенномъ въ Хронографъ 3-ей ред. о Новгор. князѣ Волховѣ сынѣ Словена, „бѣсоугодникѣ и чародѣ лютѣ въ людехъ, творившемъ мечты многи бѣсовскими ухищреніи, преобразовывавшагося въ лютаго звѣря крокодила и залегавшаго на Волховѣ водный путь (Андр. Поповъ, Изборникъ, стр. 443). Мы совершенно согласны съ тѣми изслѣдователями, которые видятъ въ этомъ сообщеніи намеки, почерпнутые изъ былины о Вольгѣ Святославичѣ, перепутанные съ домыслами книжника, относившагося къ Олегу такъ же, какъ и тотъ, кто писалъ о Дедрикѣ Бернскомъ, что это „злой и поганый". Въ отличіе отъ своего прежняго мнѣнія (Юж.-слав. пѣсни о кр. Маркѣ, стр. 53—55), я теперь разсматриваю слово *Волхъ* (варіантъ имени Вольги, откуда Волховъ, имя князя въ Хроногр.), какъ *Волгъ*, т. е. *Вольгъ*, съ произношеніемъ конечн. *г* какъ *х* (ср. выше Хлѣбъ вм. Глѣбъ). Волхвъ Хронографа вмѣсто *Волгъ*—Волхъ результатъ личной этимологіи книжника.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отраженія древне-русскихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ въ нѣмецкой поэзіи XIII—XIV вѣковъ.

„Eindringende Forschung, wird vielleicht noch tiefere Bezüge zwischen dem deutschen und russischen Volksepos entdecken“ (Müllenhoff, Zeugnisse und Excurse z. deutsche Heldensage XXIV. Zeitschrift f. Deutsch. Alterth. XII, 354).

Упоминанія въ поэмѣ „Ortnit“ о русскомъ князѣ *Елигѣ, Ельѣ, Ильѣ, Иллѣ* и въ Thidrekssaga объ *Ильѣ греческомъ ярлѣ* давно уже обратили на себя вниманіе ученыхъ и вызвали попытки объяснить источникъ и происхожденіе этихъ явственныхъ намековъ на старинныя русско-нѣмецкія устно-поэтическія отношенія.

Мюлленгофъ, Майковъ, Ягичъ и Веселовскій согласны въ признаніи факта отраженія въ указанныхъ древне-нѣмецкихъ поэмахъ героическихъ сказаній именно русскихъ. Въ болѣе точномъ опредѣленіи этихъ послѣднихъ названные изслѣдователи расходятся.

Мюлленгофъ въ ст. Zeugnisse und Excurse zur deutschen Heldensage, XXIV (Zeitschrift f. d. Alterth. v. M. Haupt, XII) [1]) первый высказалъ мнѣніе, что Ilias künig von Reussen поэмы объ Ортнитѣ, равно какъ и Ilias jarl âf Greca Тидрекъ-саги, есть Илья Муромецъ русскихъ былинъ: „Ilias âf Greca oder von Reussen ist nemlich unzweifelschaft der Ilija von Murom der russischen Saga, der Hauptheld unter den wunderhelden Wladimirs des Grossen“ (стр. 353).

Со взглядомъ Мюлленгофа соглашались Л. Н. Майковъ (О былинахъ Владимир. ц. М. 1863, стр. 30—31) и И. В. Ягичъ (Gradja za histor. slav. nar. poezije; русскій переводъ Задерацкаго въ Славянскомъ Ежегодникѣ за 1878 г., стр. 216—221). Послѣдній, кромѣ того, основательно возражалъ проф. А. И. Кирпичникову, оспаривавшему мнѣніе Мюлленгофа и отрицавшему русскую народность „Иліаса“ (Поэмы Ломб. ц. М. 1873 г., стр. 109—111).

А. Н. Веселовскій усматриваетъ въ разсказѣ „Ортнита“ о походѣ Ильи Русскаго подъ Судерсъ варіантъ русской былины про хожденіе Вольги въ индѣйскую или турецкую землю, но признаетъ соотвѣтствующимъ нашему Вольгѣ образомъ нѣмецкаго сказанія не Ilias'а, а цверга Аль-

---

[1]) За любезное доставленіе мнѣ журнала Haupt'а приношу свою глубокую благодарность проф. А. И. Кирпичникову.

бериха, помогающаго Ортниту и Ильѣ въ ихъ свадебномъ походѣ къ Судерсу. Оставляя „открытымъ" вопросъ о древности имени Вольги въ русской пѣснѣ о его „хитростяхъ-мудростяхъ", акад. Веселовскій въ разсказѣ поэмы объ Ортнитѣ про походъ Ильи Русскаго въ Судерсъ видитъ отголоски древнѣйшихъ южныхъ русско-готскихъ пѣсенъ-сагъ „о хожденіи Иліи Русскаго на Сурожъ" (Мелкія замѣтки къ былинамъ XIV, *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1890, мартъ 26).

Въ своемъ изслѣдованіи южно-славянскихъ пѣсенъ про Марка кралевича въ связи съ русскими героическими сказаніями я удѣлилъ мѣсто и разсмотрѣнію упоминаній древне-нѣмецкихъ поэмъ про Ilias'a. Обративъ вниманіе на варіанты имени русскаго князя Ильи, встрѣчающіеся въ разныхъ изводахъ Ортнита и основываясь на данныхъ исторіи нѣмецкаго языка, я допустилъ возможность образованія всѣхъ бывшихъ тогда мнѣ извѣстными варіантовъ имени Ilias'a отъ формы Eligas черезъ посредствующую, нѣмецкую же, форму Elias. Слово Eligas я почелъ за основную форму для нѣмецкаго языка, которая была заимствована изъ русскаго въ кіевскій періодъ русской исторіи и передавала русско-славянское собственное имя „Ольга, князя русскаго", т. е. Олега Вѣщаго. Въ сообщеніяхъ Ортнита объ Eligas'ѣ, Elias'ѣ, Ilias'ѣ künig von Riuzen я отмѣтилъ черты близкаго сходства со сказаніями русскихъ лѣтописей про Олега Вѣщаго. Эту послѣднюю часть моихъ сближеній сочувственно привѣтствовалъ глубокоуважаемый И. В. Ягичъ въ 1893 г. (а равно проф. Л. Ю. Шепелевичъ въ журналѣ Wisla, И. Н. Стефановскій въ Филологич. Зап. за 1895 г. и недавно г. Цвѣтковъ въ Период. Спис. 1900 г., декабрь): Ich begrüsse die Combinationen Chalanskij's sehr sympatisch, говоритъ И. В. Ягичъ: sie bringen den wie es mir immer schien recht bedeutungsvollen Anklang des Ilias v. Reussen an Ilija von Murom von neuen zur Geltung, wenn auch in einer anderen Weise (Arch. f. Slav. Phil. XVI, 233). Не выясненнымъ лишь казался И. В. Ягичу предположенный мной процессъ превращенія Ольга въ Eligas'a, Elias'a, Ilias'a съ одной стороны и обратно Ilias'a künig v. Riuzen въ Илью Муромца съ другой. Ожиданія И. В. Ягича, что критика будетъ реагировать на этотъ именно слабый пунктъ моихъ сближеній до извѣстной степени оправдались (смотр. проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, Разборъ моего сочин. „Южно-слав. сказ. о Кр. Маркѣ, Харьковъ, 1896, Лобода, Русскій богатырскій эпосъ, Machal, O bohatyrsk. epose slav. и друг.).

Въ настоящее время я нахожу своевременнымъ подвергнуть коренному пересмотру вопросъ объ отношеніяхъ древне-русскихъ лѣтописныхъ сказаній про Олега Вѣщаго къ поэмѣ объ Ортнитѣ и къ

Тидрекъ-сагѣ. Во 1-хъ, теперь я получилъ возможность ознакомиться съ тѣми изданіями поэмы объ Ортнитѣ, которыхъ я не имѣлъ подъ руками раньше; во 2-хъ, я исхожу теперь изъ основаній норманской теоріи происхожденій Руси, которую считаю единственно доказательной и научной (Ср. Ѳ. А. Браунъ, Разысканія въ области гото-славянск. отношеній, стр. 3); въ 3-хъ, привлекаю результаты новѣйшихъ работъ по исторіи русскаго эпоса—А. Н. Веселовскаго и В. Ѳ. Миллера, но особенно по исторіи русскаго языка—Ф. Ѳ. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. И. Соболевскаго, Б. М. Ляпунова и друг.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи этого предмета я пользуюсь слѣдующими источниками и пособіями: A. Amelung und O. Iänicke. Heldenbuch т. III. Ortnit und die Wolfdietriche nach Müllenhoffs vorarbeiten. B. I. Berl. 1871 (по спискамъ XIV—XVI вв.: см. Введеніе ibid., стр. V—VIII).

A. Keller. Das deutsche Heldenbuch,—Biblioth. des litter. Vereins in Stuttgardt LXXXVII. Stuttg. 1867 (по списку 1477 г.). Переводъ и изложеніе содержанія Ортнита: Simrock, Das Heldenbuch т. III, 1857. А. Н. Веселовскій, Исторія эпоса, Курсъ читанный въ Спб. унив. въ 1884—1885 г. и редактиров. П. Кудряшевымъ [1]).

Содержаніе старо-нѣмецкой поэмы объ Ортнитѣ или Отнитѣ, списки которой относятся къ XIV—XVI вв., а происхожденіе какъ полагаютъ,—къ первой четверти XIII в. (Веселовскій, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890, мартъ, 21) въ существенныхъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Могущественный король Ломбардіи Ортнитъ или Отнитъ (Ortnit, Otnit) задумываетъ жениться и проситъ своихъ дружинниковъ указать ему подходящую невѣсту. Одинъ изъ нихъ, русскій „князь“ (der Künig) Елигъ—Ельга́ (Eligás) или Елья (Elias) или Илья (Ilias или Илля (Ilas), дядя Ортнита по матери, пользовавшійся у него наибольшимъ почетомъ (nâch Ortnîdem der tiweriste), называетъ ему дочь іерусалимскаго или сирійскаго короля Махореля (Нахореля, Захереля, Махаола, Нахаола, Рахаола), извѣстнаго своей жестокостью. Ортнитъ рѣшается ѣхать въ Судерсъ, резиденцію Махореля, — добывать невѣсту и назначаетъ походъ на весну слѣдующаго года. Къ маю мѣ-

[1]) За предоставленіе мнѣ возможности пользоваться первыми двумя изданіями приношу свою глубокую благодарность А. И. Кирпичникову; за помощь въ переводахъ трудныхъ мѣстъ Ортнита усердно благодарю лектора нѣм. яз. Харьк. унив. Г. Ю. Ирмера.

сяцу войска вассаловъ Ортнита собрались въ городѣ Гардѣ, резиденціи Ортнита, и затѣмъ черезъ Мессину отплыли къ берегамъ Сиріи по направленію къ Судерсу, т. е. Тиру. На ряду съ русскимъ королемъ или княземъ (künic, künec, chuning = кънязь) Елигомъ — Ельгой, Ельей или Ильей выдающаяся роль въ этомъ походѣ принадлежитъ отцу Ортнита, лѣсному цвергу Альбериху, чародѣю, обладающему искусствомъ ходить невидимкой, всюду проникать и понимать всякій языкъ. Невдалекѣ отъ Судерса корабли Ортнита были встрѣчены флотомъ Махореля. Ортнитъ, по совѣту Альбериха, скрылъ свои настоящіе замыслы и планы и назвался купцомъ, везущимъ товары изъ Франціи въ Судерсъ. Обманутые язычники впустили корабли Ортнита въ гавань Судерса. Ночью Альберихъ проникъ во дворецъ Махореля и объявилъ ему о цѣли прибытія Ортнита, но получилъ рѣзкій отказъ. Отплативъ Махорелю пощечиной за оскорбленіе, Альберихъ возвратился къ Ортниту. Рѣшено было взять городъ Судерсъ приступомъ и силой добыть невѣсту. Альберихъ ночью переправилъ воиновъ Ортнита на баркахъ Махореля къ самому Судерсу. На разсвѣтѣ Ортнитъ, Елѝгъ—Ельга́ и Альберихъ съ войскомъ вступили въ Судерсъ. Началась битва, въ которой обнаружилъ свое чрезвычайное мужество, но также и жестокость, русскій князь Елѝгъ—Ельга́ (Елья, Илья). Къ вечеру Судерсъ былъ во власти Ортнита. На слѣдующій день Ортнитъ выступилъ къ Монтабуру, замку Махореля. Предводительство войскомъ взялъ на себя Альберихъ, невидимый для людей и принимаемый послѣдними за ангела Божія. Во время сраженія подъ Монтабуромъ Альберихъ идетъ невидимкой въ лагерь язычниковъ, ломаетъ луки у воиновъ Махореля, проникаетъ во дворецъ короля, принимаетъ насмѣшливое участіе въ переговорахъ Махореля съ его совѣтниками, видится съ дочерью Махореля, склоняетъ ее на предложеніе Ортнита, уводитъ ее отъ отца и передаетъ жениху. Между тѣмъ въ самомъ Монтабурѣ войска Ортнита и Елига—Ельгѝ (Ельи, Ильи) сражаются съ язычниками и обращаютъ ихъ въ бѣгство. Махорель побѣждаетъ. Ортнитъ съ невѣстой возвращается къ Судерсу и оттуда отплываетъ обратно на родину, въ г. Гарду. Махорель однако не хочетъ примириться съ ролью побѣжденнаго короля и обманутаго отца, лишившагося дочери, которую онъ готовилъ себѣ въ жены. Онъ замышляетъ месть Ортниту. Притворившись примиреннымъ съ дочерью и зятемъ, онъ посылаетъ имъ какъ бы въ подарокъ яйца дракона, изъ которыхъ вывелись змѣи и стали причинять бѣды жителямъ Ломбардіи, подданнымъ Ортнита. Ортнитъ вы-

ходитъ на борьбу съ драконами и вслѣдствіе собственной оплошности погибаетъ отъ нихъ.

Въ содержаніи Ортнита можно отмѣтить, по крайней мѣрѣ, пять основныхъ эпическихъ мотивовъ, искусно сплетенныхъ неизвѣстнымъ авторомъ въ одно цѣльное произведеніе.

A. Мотивъ заморскаго хожденья по невѣсту, которую нужно добывать силой или хитростью: ср. Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ королѣ (Тихонр. Лѣтоп. рус. литер. т. I, стр. 6 сл.); южнославянскія пѣсни типа Душановой женитьбы (Южно-славянскія сказанія о кр. Маркѣ, 389—400), русскую сказку о женитьбѣ кіевскаго князя Владимира на царевнѣ Марфѣ, дочери премудраго царя Философа. Въ послѣдней помогаетъ Владимиру добыть невѣсту *Илюшка*, сынъ матроса *пьянюшка* (Записки Имп. русскаго географическаго общества, т. I, стр. 659—661), т. е., очевидно, Илья Муромецъ болѣе позднихъ былинъ

B. Мотивъ добровольнаго ухода невѣсты съ любимымъ женихомъ отъ коварнаго и злого отца и преслѣдованія бѣглецовъ этимъ послѣднимъ: мотивъ поэмы о Вальтаріи (Южно-слав. сказанія о кр. Маркѣ, стр., 342 слѣд.).

C. Мотивъ борьбы героя со змѣемъ или дракономъ, развитый въ цѣломъ рядѣ книжно-и устно-поэтическихъ произведеній (ср. Южнослав. сказ. о кр. М., стр. 38—43).

Первый мотивъ осложнился двумя другими: а) сказаніемъ о походѣ короля или князя русскаго Елига-Ельгй, Ельи или Ильи и б) разсказомъ о хитростяхъ-мудростяхъ волшебника Альбериха. Послѣдніе два мотива имѣютъ особенно близкое отношеніе къ русскому героическому эпосу и заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія.

Мы уже имѣли случай высказать, что тѣ части поэмы объ Ортнитѣ, въ которыхъ содержится разсказъ объ участіи русскаго князя Елига-Ильи въ походѣ Ортнита, представляютъ сходство не только въ мотивѣ, но и въ собственныхъ именахъ съ русскими лѣтописными сказаніями о походѣ Олега, предпринятомъ этимъ княземъ совмѣстно съ Игоремъ изъ Новгорода для завоеванія Кіева и затѣмъ далѣе подъ Царьградъ. Свои прежнія сравнительныя наблюденія надъ этой группой сходныхъ поэтическихъ сказаній я теперь имѣю возможность дополнить нѣсколькими новыми сближеніями и сопоставленіями, а частью исправить (Ср. Южно-слав сказ. о кр. Маркѣ, стр. 116—117).

1) Стольный городъ Ортнита въ поэмѣ называется Garten или Garte. Мюлленгофъ видѣлъ въ этомъ названіи средне-верхне-нѣмецк.

Nôgarten, нижне-нѣмецк. Nôgarden, Nougarden средне-вѣков.-латинск. Nogardia, старо-сѣверное Nôgardr, Νεμογαρδα Константина Багрянороднаго, т. е. русскій Новгородъ (Müllenhoff, Zeitschrift f. d. Alferth. XII, 345, Веселовскій, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890, мартъ, 21), пріуроченный къ Ломбардіи въ нѣмецкомъ поэтическомъ творчествѣ на основаніи сближенія имени русскаго города съ именемъ замка или крѣпости Гарда (Garda), находившейся въ средніе вѣка у устья р. Тессино въ бухтѣ Гардскаго озера (Lago di Gardia, lacus Bonacus) и давшей имя этому послѣднему. „Въ исторіи эпоса, говоритъ А. И. Кирпичниковъ, Гарда играетъ роль, какъ мѣсто, близкое къ Веронѣ; вмѣстѣ съ Берномъ онъ достался по наслѣдству Дитриху; въ поэмѣ о Лауринѣ тамъ живетъ Гильдебрандъ" (Поэмы Ломбард. ц. 112). Предположеніе академика А. Н. Веселовскаго, будто Garten Ортнита хотя и есть Nôgarten, но только не сѣверно-русскій Новгородъ, а „какой-нибудь южный Новгородъ = = Νεάπολις" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890 г. мартъ, 21—22) трудно согласить съ прочими подробностями поэмы объ Ортнитѣ.

2) Положеніе, занимаемое Елигомъ-Ельгой (Ельей, Ильей) при Ортнитѣ, совершенно точно соотвѣтствуетъ положенію Олега при Игорѣ. Прозаическое введеніе къ Heldenbuch сообщаетъ слѣдующее объ Елигѣ и отношеніяхъ его къ Ортниту: Keiser Otnits mûter was küng Eligas Schwester von russen... Dises waren keiser Otnits diener und ratgeben. Der künig Elegast von rüssen der was keiser otnittes müter brüder. Послѣднее замѣчаніе стоитъ въ связи со слѣдующимъ: Da nam er (Otnits vatter, ein mechtiger künig) ein weib die was des kûnigs von rüssen schwester (Keller, 4—5). Въ текстѣ Ортнита Илья называется oheim Ортнита, что значитъ—дядя и племянникъ (Schade, Altdeutsch. Wörterbuch). По свидѣтельству Якимовской лѣтописи, Олегъ былъ дядей Игоря по матери, „вуемъ" (Татищевъ, Истор. Рос., I, 35) а въ „Лѣтописцѣ" XVII в." онъ называется племянникомъ Рюрика.

Варіантъ Ортнита, изданный Амелунгомъ и Енике, называетъ русскаго князя Илью самымъ близкимъ человѣкомъ къ Ортниту; его Ортнитъ ставитъ себѣ „въ отца мѣсто" и поручаетъ ему командованіе надъ войскомъ:

Dô sprach von den Riuzen der künig Yljas,
wan er dâ nâch Ortnîden der tiweriste was
(Строфа 11).

Ортнитъ въ своемъ обращеніи къ Ильѣ называетъ его Ijas lieber oheim (строфа 12). Илья съ своей стороны является почтительнымъ и вѣрнымъ совѣтникомъ и помощникомъ Ортнита:

Ocheim unde herre, sprach der künec Ŷljas,
Sint du von starkem guote die grôzen kraft hâs
und ouch sô rîche wirde, *nu kius dir einen man,*
der dir geraten kunne: an wen wilt du dich lân?
Dô sprach der Lamparte: *ich bin dîner swester kint.*
Sît daz die fürsten alle in unserm gwalte sint,
ich will dich ze vater kiesen: du bist der vater mîn.
die liute und ouch mich selben enphile ich ûf die friuwe dîn.
(Строфы 54—56).

Эти показанія поэмы, относящіяся къ Ильѣ—Ельгѣ—Елигу, сотвѣтствуютъ русскимъ лѣтописнымъ сказаніямъ о порученіи княземъ Рюрикомъ малолѣтняго Игоря Олегу, и о томъ, что при Игорѣ Олегъ былъ воеводой и пѣстуномъ: „Рюрикъ же по отпускѣ Осколда бѣ вельми боля, и начатъ изнемогати: видѣвъ же сына Ингоря вельми юна, предаде княженіе и сына своего шурину своему Олгу, варягу сущу, князю Урманскому“ (Татищ. Россійск. истор. I, 35). И возрастьшю же ему Игорю, и бысть храборъ и мудръ. И бысть у него воевода, именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храборъ. И начаста воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку и Смолнескъ градъ (Новг. лѣт. изд. Арх. ком., стр. 5).

3. *Eligas, Elias, Ilias,* Illas и **Ельгъ, *Ельга, Елья, Илья* и *Илля.* Русскій король или князь, помощникъ и дядя Ортнита, въ редакціи поэмы, входящей въ печатное изданіе Heldenbuoch 1477 г., воспроизведенное A. Keller'омъ въ 1867 г., называется Eligas или Elygas (стр. 78) съ удареніемъ на *i* и на *a*, смотря по размѣру стиха. Два раза встрѣтились въ той же редакціи видоизмѣненія этой формы—Elias и Elyas (Keller, стр. 62—63). Въ прозаическомъ введеніи къ Heldenbuoch тотъ же самый герой названъ Elegast (стр. 5). Въ тѣхъ спискахъ Ортнита, которыми пользовались Амелунгъ и Енике, формы имени князя Руссовъ такія: Ylias въ сп. 1358 и 1517 г., Ilias въ сп. 1358, Illias и Illas въ сп. 1516 г. и Elias, Elyas въ сп. 1450 и 1476 гг. Такимъ образомъ, формы съ начальной *Y* или *I* и безъ внутренняго *g* встрѣчаются въ редакціяхъ Ортнита раньше формъ съ начальнымъ *e* и съ внутреннимъ *g*. Случайно это или нѣтъ, но тѣмъ не менѣе мое прежнее предположеніе о томъ, что въ основѣ *нѣмецкихъ* варіантовъ русскаго имени *Ольгъ* лежитъ *нѣмецкая* форма *Eligas*, такъ передававшая

слово *Ольгъ*, нельзя подтвердить памятниками. Написаніе Ilias черезъ *y* указываетъ на то, что переписчики и передѣлыватели Ортнита видѣли въ имени Ilias слово заимствованное, такъ какъ, по наблюденіямъ Мюллера и Царнке, y въ m-h-d. съ XIV вѣка употреблялся въ началѣ словъ, заимствованныхъ изъ греческаго, латинскаго и романскихъ языковъ: ystorje=historia, ymne=hymnos (Mittelhochdeutsches Wörterbuch III, 831—832).

Удвоеніе *l* въ формѣ *Illas* также объясняется удовлетворительно только изъ русскихъ источниковъ, а не изъ предположенія объ органическомъ происхожденіи указанныхъ нѣмецкихъ варіантовъ сл. Eligas на нѣмецкой почвѣ.

Въ виду этого, а главнымъ образомъ исходя изъ новыхъ важныхъ принциповъ и блестящихъ открытій, относящихся къ древне-русской діалектологіи, которые внесены въ исторію русскаго языка трудами академиковъ Фортунатова и Шахматова и А. И. Соболевскаго, я рѣшаюсь высказать теперь, что не только форма Eligas, сходство которой съ *Ольгъ* бросается въ глаза, хотя и требуетъ, конечно, своего объясненія, но и формы *Elias, Ilias* и *Illas* представляютъ нѣмецкія передачи соотвѣтствующихъ древне-русскихъ народныхъ варіантовъ имени *Ольга* (Вѣщаго), восходящихъ къ основной старо-русской формѣ этого имени съ начальнымъ *е*. Такимъ образомъ: а) Eligas соотвѣтствуетъ теоретически возможной древне-русской формѣ **Ельгъ* изъ **Елгъ*:

Eligas sprach behende
der tegen unferczeit.
(*A. Keller*, 20).

Предположеніе о существованіи въ древне-русскомъ языкѣ формы *Елгъ* какъ варіанта слова *Ольгъ* изъ русскихъ историковъ уже высказано Д. И. Иловайскимъ (Разысканія о началѣ Руси, стр. 113).

b) Eligás соотвѣтствуетъ столь же возможной и правильной для древне-русскаго языка формѣ *Ельгá* (ср. Ольгъ и Вольга):

Ehen vnd lieber here
sprach künig Eligas
nu folge freindes lere
es frumt dich dester bas
(*A. Keller*, 26),

Der edel lampartere
vnd auch künig Eligas

die sprungen one schwere
hin in das grien grass
(Ibid., 75).

c) Elias или Elyas точно соотвѣтствуетъ русской формѣ *Елья*, сохраненной Эрихомъ Ляссотой: Elia Morowlin.

d) Ilias, Ylias и Yljas=формѣ Илья, возникшей или изъ *лья, *лык, *льге отъ формы Ольге или изъ *Елья* путемъ измѣненія начальной *е* въ юго-западно-русскихъ говорахъ. Въ связи съ этимъ послѣднимъ предположеніемъ можно понимать долготу начальнаго y въ древне-нѣмецкомъ написаніи такимъ же отраженіемъ русской долготы, какъ и въ словѣ *Jiuilza* у Ляссоты.

e) Варіанты JIlias и JIlas передаютъ западно-русскую форму *Илля*, возникшую изъ *Илья*.

Насколько позволяютъ судить данныя исторіи древне-русскаго языка, всѣ указанныя здѣсь вѣроятныя древне-русскія формы имени Олега Вѣщаго могли существовать уже къ XIII вѣку въ юго-западныхъ и западно-русскихъ говорахъ.

Для объясненія конечнаго *s* въ нѣмецкихъ формахъ имени русскаго князя нужно принять въ соображеніе слѣдующее:

a) Такое *s* встрѣчается въ иностранныхъ собственныхъ именахъ въ m-h-d: сравн.: Ackers—Akka, Tarîas, Zacharîs, Treferîs въ Большомъ Вольфдитрихѣ, Milias, гуннскій князь въ Тидрекъ-сагѣ и друг.

b) Русскія преданія объ Олегѣ могли перейти въ нѣмецкое творчество или черезъ готское посредство (что предположено уже акад. Веселовскимъ для выясненія отношеній *Ильи русскаго* въ Ортнитѣ къ Вольгѣ русс. былинъ: Кто такой Бравлинъ въ житіи св. Стефана Суротскаго, *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1890 г., мартъ, стр. 18—26) или черезъ литовское (ср. латышскую сказку объ Илинѣ=Ильѣ Муромцѣ). Въ литовской передаточной средѣ русскія формы имени *Олега—Ельга* могли получить и конечное *s*, и *as*. Сравн. заимствованія въ литовскомъ языкѣ изъ русскаго: sûdas, tivunas, slugas, vaivodas и друг. (Brückner, Die Slaw. Fremdenwörter in litauisch, Weimar, 1877, стр. 31—36, 44, 62). Тѣсныя связи между западно-русскими племенами и княжествами и литовцами существовали и въ древнее время (Костомаровъ, Историч. моногр., VII, 27—28. Голубовскій, Исторія Смоленской земли. Кіевъ 1895, 253—254. Пѣтуховъ, О нѣкоторыхъ историческихъ фактахъ, связанныхъ съ именемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря XVI—XVII вѣковъ, 5) и особенно въ періодъ непосредственно предше-

ствующій эпохѣ образованія литовско-русскаго государства и, конечно, слѣдовавшій за нею (Иловайскій, Исторія Россіи II, 118).

Наконецъ, с) случайное совпаденіе именъ *И-лья* или *Илья*, какъ одного изъ измѣненій словъ семьи Helgi—на русской почвѣ, съ христіанскимъ именемъ св. пророка Иліи—Ἥλιος давало естественный поводъ къ смѣшенію этихъ именъ не только въ русскомъ языкѣ, но и въ сознаніи и обиходѣ тѣхъ нѣмецкихъ странствующихъ пѣвцовъ—wandernde lît, которые занесли дружиныя русскія преданія объ *Ольгѣ—Ельгѣ, Ельѣ—Ильѣ* въ Германію; это могло повести къ соотвѣтствующимъ обозначеніямъ этихъ словъ на письмѣ. Я бы въ такомъ смыслѣ допустилъ то „греческое посредство", которымъ Б. М. Ляпуновъ склоненъ объяснять *as* въ формѣ *Eligas* (О яз. 1 новг. л., 77, примѣч. 1).

4. Эпитетъ Елига—Ильи „der Künic von Riuzen", „der Künig von Rüssen" вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ эпиту Олега—„князь Русскій" въ начальной лѣтописи „или варягъ, князь Мурманскій" въ Іоаким. лѣтоп., такъ и прозванію Ельи—Ильи—поздняго вида сказаній объ Олегѣ—Моровлинъ, Мравленинъ-Бравленинъ, Муромецъ, Муравецъ и друг., представляющихъ, какъ выше сказано, русскія народно-этимологическія измѣненія слова Normann—Мурманъ, Мурманинъ и т. п. Синонимичность словъ *русскій, мурманскій* и *варяжскій* сознавалась на Руси еще въ XVI вѣкѣ; поэтому, напримѣръ, сынъ царя Іоанна IV Грознаго, Иванъ Ивановичъ, называлъ себя „Ивапомъ Русиномъ, родомъ отъ племене варяжска колѣна Августова кесаря римскаго" (Карамзинъ, Исторія, IX, примѣч. 612. Арх. Леонидъ, Опис. рукоп. гр. Уварова, II, 425; сравни Шлецеръ, Несторъ I, 280 слѣд.).

5. Ортнитъ и Елигъ—Илья съ вассалами отправляются изъ Гарды сначала въ Мессину, а оттуда моремъ на корабляхъ въ Сирію (Sürie, Surgenlant), гдѣ владычествуетъ злой король Махаолъ (Махорель и другіе варіанты), отецъ красавицы Сидратъ или Либгартъ, намѣченной невѣсты Ортнита. Главными городами Махореля-Махаола названы: приморскій Судерсъ и отстоящій отъ него въ извѣстномъ разстояніи на материкѣ Мунтабуръ (Muntabûr). Разсказъ поэмы о взятіи Ортнитомъ, Елигомъ—Ильей и Альберихомъ Судерса очень близко сходенъ съ сообщеніями русскихъ лѣтописей о взятіи Ольгомъ и Игоремъ Кіева. Сопоставимъ эти сказанія.

Быстро бѣжали корабли Ортнита по морю. Паруса бѣлѣли на нихъ словно снѣгъ. Въ виду Судерса они встрѣтили флотъ Махореля. Впереди всѣхъ на своемъ кораблѣ стоялъ король Ортнитъ. Къ нему

обратился съ рѣчью начальникъ флота Махореля (Barkenaere): „Ей, скажите, кто вы такіе“. (Keller, 65—66). Отвѣчалъ ломбардецъ (т. е. Ортнитъ): „я купецъ; привезъ къ вамъ много сокровищъ я“. Межъ тѣмъ Ортнитъ далъ знакъ своимъ воинамъ, чтобы всѣ вооруженные скрылись и чтобы никого не было видно въ шлемѣ и съ мечемъ:

Dô sprach der Lamparte: „ich binz ein koufman,
grôzen koufschatz rîchen ich her gefüeret hân.
dô wincte er daz sich burgen die liute ander daz dach
mit helmen und mit schilten, daz man ir nicht ensach“
(Строфа 251, изд. Amelung-Jänicke).

„Какъ смѣли вы подъѣхать такъ близко къ этой крѣпости!“ сказалъ корабельщикъ.—Я хочу еще ближе подъѣхать и подвезти свой товаръ; думаю, что вы дурного ничего не сдѣлаете тому, кто привозитъ товары. Изъ Франціи везу я лучшія одежды, какія только я нашелъ въ волошскихъ странахъ. Ими я наполнилъ свои корабли. Дайте мнѣ провожатаго и помогите пристать къ берегу. Въ этомъ польза для вашей земли. Помогите мнѣ добраться до стѣны; у меня нѣтъ злыхъ намѣреній.—„Мы рады тому, кто приноситъ такое сокровище“, сказали корабельники и отплыли назадъ.

„Wer heizet iuch sô nâhen ze dirre veste varn?“
sprach der barkenaere, „daz soldet iz bewarn“.
„ich wil noch naeher füeren mîn lîp und ouch mîn guot.
ich waen, swer koufschaz, daz ir dem iht entuot.
Ich füere von Kerlingen daz aller beste gewant,
daz ich ze Walhen inder in den steten vant.
des hân ich mîne kiele wol gefüllet und geladen.
un bringet mir geleite und helft mir zuo den staden.
Ez mac immer mêre daz lant dester baz.
helft mir zuo der mûre, ich wil dar âne haz“.
„Swer alzô grôze bringet, der sol willekomen sîn“,
sprachen die galînaere und fluzzen wîder în.
(Строфы 252—254).

Констабль Судерса встрѣтилъ корабельниковъ и спросилъ, съ какими вѣстями явились они. Они сообщили ему о прибытіи купцовъ съ товарами и о желаніи ихъ войти въ гавань. Констабль принимаетъ гостей подъ свою отвѣтственность: „я самъ берусь ихъ охранять; чтобы никто ихъ не обидѣлъ, я самъ ихъ провожу“. Приказалъ снарядить для себя корабль, посадивъ въ него 40 трубачей, къ мачтѣ прикрѣпивъ знамя и крестъ, дабы знали гости, что онъ идетъ къ нимъ съ миромъ. Приблизившись къ кораблямъ Ортнита, онъ привѣт-

ствовалъ гостей и проводилъ ихъ въ гавань. Оставляя ихъ, констабль сказалъ, что еще ближе къ городу они могутъ подъѣхать на баркахъ:

er sprach: „swenne ir wellet, sô vart in barken abe“
(Строфа 258).

Когда наступила ночь, Ортнитъ хотѣлъ было воспользоваться оплошностью язычниковъ, оставившихъ открытыми ворота Судерса, проникнуть въ городъ и овладѣть имъ, избивъ жителей, не щадя женщинъ и дѣтей. Но составитель поэмы не пожелалъ перейти къ изложенію этого мотива прямо, непосредственно за разсказомъ о входѣ флота Ортнита въ гавань Судерса. Онъ прерываетъ свое повѣствованіе вставнымъ эпизодомъ, содержащимъ международный эпическій мотивъ (ср. Нидерландск. ром. Karel ende Elegast, Южно-слав. сказ. о кр. М. XIX гл.) о таинственномъ проникновеніи Альбериха въ Судерсъ и о переговорахъ его съ Махорелемъ, изъ которыхъ обнаруживается, что послѣдній не отдастъ добровольно своей дочери за Ортнита. Давъ Махорелю пощечину, Альберихъ возвращается къ Ортниту, и затѣмъ поэтъ напускаетъ своихъ героевъ, въ особенности Елига—Илью, на Судерсъ.

На баркахъ судерсянъ, взятыхъ ночью Альберихомъ, воины Ортнита переправляются на берегъ

Sie sprungen an den stunden
auss dem schiflein do
das sie waren embunden
des wurden sie alle fro
der edel lampartere
und auch künig Eligas
die sprungen one schwere
hin in das griene grass.
(*Keller*, стр. 74—75).

Съ наступленіемъ утра удивленная стража Судерса увидѣла появленіе подъ стѣнами города цѣлаго вражескаго войска вмѣсто ожидаемыхъ купцовъ съ товарами (Amelung, 303). Язычники въ количествѣ 60 тыс. подъ предводительствомъ военачальника изъ Константинополя (A. Keller, стр. 76, строфы 32—33) сосредоточились въ Судерсѣ около царскаго дворца, полные рѣшимости дать отпоръ врагамъ. Началась битва. Воины Ортнита оттѣснили язычниковъ и храбрый (der küne) Елигъ водрузилъ на царскомъ дворцѣ свое знамя:

Da hůb sich ein gebrechte
und auch ein grosser hass

da wüst anch nieman rechte
wer cristen oder heiden was
in dem grossen gestrüsse
man nieman fürbas liess
bis das der küne rüse
sien fan den palast stiess.

(*A. Keller,* стр. 77).

Припомнимъ теперь разсказъ русскихъ лѣтописей о взятіи Кіева Ольгомъ и Игоремъ, представивъ сводку разныхъ варіантовъ его: Поиде Олегъ, поимъ воя многи (Лавр. и Ипат. л.), изъ Новаграда (Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Рос. ист. отъ 852 г. до 1598. М. 1819, стр. 6)... и придоста къ горамъ къ Киевьскимъ, и увѣда Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, (и) *похорони вои въ лодьяхъ,* а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, *похоронивъ вои своя,* и посла ко Асколду и Дирови, глаголя: „*яко гость есмь,* (и) идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича: да придѣта к намъ къ родомъ своимъ". Асколдъ же и Диръ придоста (и) выскакаша всѣ прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: „вы нѣста князя, ни рода княжа, по азъ есмь роду княжа", (и) вынесоста Игоря: „а се есть сынъ Рюриковъ". И убиша Асколда и Дира, (и) несоша на гору, и погребоша ѝ на горѣ, еже ся нынѣ зоветъ Угорьское, кде нынѣ Олъминъ дворъ.... (И) сѣде Олегъ княжа въ Кыевѣ... (Лавр. л. изд. 1872 г., стр. 22—23).

1-ая новгородская лѣтопись нѣсколько иначе передаетъ тѣ черты этого преданія, которыя сходны съ поэмой объ Ортнитѣ: Игорь и *его воевода* Олегъ „начаста воевати.... и пріидоша къ горамъ Кыевьскимъ, узрѣста городъ Кыевъ, и испыташа, кто в немъ княжить; и рѣша: „два брата, Асколдъ и Диръ". *Игорь же и Олегъ творящася мимоидуща, и потаистася въ лодьяхъ, и* с малою дружиною *излѣзоста на брегъ, творящася подугорьскыми гостьми,* и съзваста Асколда и Дира (Новг. лѣт. по синод. сп. Спб. 1888, стр. 5). Еще любопытнѣе отмѣны, внесенныя въ это преданіе въ томъ варіантѣ, который изложилъ составитель Никоновской лѣтописи: *Поиде Олегъ изъ Новагорода,* поимъ съ собою Игоря.... внизъ по Днѣпру, и пріиде къ горамъ Кіевскымъ; и увѣдѣ Олегъ, яко Асколдъ и Диръ княжита въ Кіевѣ. Игорь же и Олегъ творящася мимоидуща, потаистася въ лодіяхъ, и нѣкимъ дружинѣ своей повелѣ изыти на брегъ, сказавъ имъ дѣла тайная, а самъ творящеся болѣзнуя, и ляже въ лодїи. И посла ко Асколду и Диру, глаголя: „гость есмь подугорьскій, и иду въ

греки отъ Олга князя и отъ Игоря княжича, и нынѣ въ болѣзни есмь, *и имамъ много великаго и драгаго бисера и всякаго узорочія; еще же имамъ и усты ко устомъ рѣчи глаголати ваша къ вамъ*, да безъ коснѣнія пріидите къ намъ" (П. С. Р. Л. т. IX, 35). По сказанію Іоакимовской лѣтописи, въ Кіевѣ княжилъ одинъ Оскольдъ, ненавидимый кіевлянами и преданный ими Олегу (Татищевъ, Россійская исторія I, 35).

Какъ видимъ, сходство между разсказомъ поэмы объ Ортнитѣ о взятіи Елигомъ Судерса и русскихъ лѣтописей о взятіи Олегомъ Кіева состоитъ въ слѣдующемъ:

a) какъ Олегъ и Игорь, такъ и Ортнитъ и *Елигъ*—Ельга, (Елья—Илья) (и Альберихъ) называются купцами;

b) въ разсказѣ поэмы и лѣтописей воины скрываются внутри кораблей;

c) предводитель войска обманываетъ горожанъ ложнымъ сообщеніемъ о большихъ сокровищахъ, привезенныхъ имъ;

d) пользуясь такой хитростью, Ортнитъ и Елигъ, равно какъ Игорь и Олегъ, получаютъ доступъ въ городъ (Кіевъ, Судерсъ) и

e) одинъ изъ героевъ этого разсказа носитъ въ сущности тожественное названіе въ нѣмецкой поэмѣ и русскихъ лѣтописяхъ: Eligas—Ельгъ (Ольгъ)—Ельга (Вольга).

Названіе героемъ самого себя и спутниковъ своихъ купцами съ цѣлью овладѣнья дѣвицей-невѣстой—эпическій мотивъ, очень распространенный въ народной поэзіи и рано проникшій въ книгу (ср. сказанія объ увозѣ Соломоновой жены, о Василіи Златовласомъ и др., см. Южно-слав. сказ. о кр. Маркѣ, стр. 326 слѣд.); но весьма знаменательнымъ для установленія ближайшаго родства между разсматриваемыми эпизодами поэмы объ Ортнитѣ и саги про Олега является пріуроченіе этого мотива, во 1-хъ, къ героямъ, носящимъ, въ сущности, тожественныя имена, и, во 2-хъ, къ *завладѣнью городомъ*, хотя послѣднее соотвѣтствіе можетъ и не быть столь существеннымъ, какъ первое, въ виду обычнаго въ нашей народной поэзіи, сохраняющей многіе очень древніе символы, параллелизма образовъ—взятія города и овладѣнья невѣстой (Потебня, Объясненія малорус. и сходн. пѣсенъ, II, LX).

6. *Suders* — *Sunders* — *Sunder* и *Судъ* — *Сѫдъ*. Послѣ первой побѣды надъ язычниками въ Судерсѣ, ознаменованной водруженіемъ Елигомъ (Ельей, Ильей) своего (A. Keller, 77) или Ортнита (Amelung, 305) знамени на дворцѣ короля Махореля, нашихъ героевъ и,

главнымъ образомъ, Елига — Илью чуть не постигла катастрофа. Ортнитъ изъ опасенія, какъ бы язычники не сожгли его кораблей, отступилъ со своимъ войскомъ къ гавани, оставивъ Елига — Илью въ Судерсѣ. Этотъ военный маневръ Ортнита чуть не сдѣлался роковымъ для Елига—Ильи. Язычники напали на него въ огромномъ числѣ, побили 5.000 его воиновъ, самого храбраго короля русскаго свергли съ коня на землю, и только своевременное прибытіе Ортнита, извѣщеннаго Альберихомъ о критическомъ положеніи Ильи, спасло Елига—Илью отъ гибели. Спасенный Ортнитомъ Елигъ—Илья, мстя за своихъ убитыхъ воиновъ, начинаетъ свирѣпствовать въ возобновившемся сраженіи, убиваетъ не только мущинъ, но и женщинъ, не отличая христіанъ отъ язычниковъ (Keller, стр. 77—85, Amelung, IV). Этой части поэмы объ Ортнитѣ, заключающей мотивъ пораженія Елига—Ильи въ Судерсѣ, соотвѣтствуетъ сообщеніе одной части русскихъ лѣтописей, именно тѣхъ, которыя воспроизводятъ такъ называемый „начальный кіевскій лѣтописный сводъ“ (Шахматовъ, О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. М., 1897 г., стр. 52—55), сообщеніе о пораженіи, нанесенномъ Олегу греками въ *Судѣ* подъ Царьградомъ, относимомъ то къ 6408 (Арх. л.), то къ 6428 году (Новгор. л.): Въ л. 6408 иде Олгъ на греки, а Игоря остави въ Кіевѣ, поимъ же съ собою Варягъ и Словенъ, Чюдь, Кривичь и Поляны и Сѣверы и Древляны, и со всѣми сими пойде Олгъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ 2.000 кораблей, а въ корабли по 200 мужъ. И пріидоша ко Царюграду, и Греки замкоша Судъ ежъ слименъ (т. е. Судъ еже есть лименъ: чтеніе академика А. А. Шахматова, О нач. кіевск. лѣт. сводѣ 54—55) и градъ затвориша. Русь же многа зла сотвориша Грекомъ, и побиша и пожгоша и много церквей разбиша и полатъ. Бысть же тогда царь Романъ, и посла патрекѣя Ѳеофана съ воины на Русь, огненнымъ строеніемъ пожже корабля русскія, и возвратишася Русь во свояси безъ успѣха. По томъ же лѣтѣ перепустя и на третье лѣто пріидоша въ Кіевъ (Лѣтописецъ, содерж. Рос. истор. отъ 852 до 1598 г. М. 1819, стр. 8—9).

Въ Новгородской лѣтописи то же извѣстіе читается подъ 920-мъ годомъ въ нѣсколько измѣненной формѣ: В лѣто 6428 (920) посла князь Игорь на Грѣки Русь (въ Толстовск. сп. этой лѣт.: посла вои на Грѣкы Игорь русьскій) скыдей (σχεδία — плотъ, лодка (примѣч. издат., стр. 6) 10 тыс. И приплыша ко Царьграду, и много зла сотвориша Русь: Судъ бо весь пожгоша огнемъ; а ихъ же имше плѣнники овѣхъ растинаху, иныя же къ землѣ посѣкаху, другыя же по-

ставляюще стрѣлами стрѣляху, елико же ратніи творятъ, изломяще опакы руцѣ и связающе, гвозды желѣзны посредѣ главъ вбивающе, и многы церкви огневи предаша и т. д. (Новгор. л. по синод. т. 6). Хотя спис. Археогр. ком. и не называетъ здѣсь Олега, но изъ сличенія этого мѣста съ Арханг. лѣт. ясно, что предводительствовалъ этой Русью Олегъ, воевода Игоря (Шахмат. О нач. лѣт. св., стр. 54). Это предположеніе оправдывается и дальнѣйшимъ содержаніемъ той же лѣтописи (Новг.): и възвратишася Русь въ своя; томже лѣтѣ препочиша и другое, на третье идоша. Въ л. 6429 (921), Игорь и *Олегъ* пристроиста вои многи .... В лѣто 6430 (922) иде Олегъ на греки и пріиде къ Царьграду, и греци замкоша Съсудъ (т. е. Судъ), а градъ затвориша (Лѣтоп. по синод. сп., стр. 6).

Въ Ипат. и Лавр. л. (въ Повѣсти времен. лѣтъ: терминологія акад. Шахматова. О нач. лѣт. св., стр. 54) аналогичное извѣстіе мы находимъ повтореннымъ два раза: подъ 866 годомъ, гдѣ оно пріурочено къ временамъ Аскольда и Дира и ко времени царя Михаила, и подъ 941, гдѣ главнымъ героемъ съ русской стороны является князь Игорь, занявшій кіевскій княжескій столъ послѣ Олега, а съ греческой—императоръ Романъ (Лакапинъ, управлявшій имперіей за малолѣтствомъ Константина Багрянороднаго). Отъ отношеніяхъ Олега къ Царьграду эти лѣтописи сообщаютъ только одинъ фактъ, именно,— о побѣдоносномъ походѣ Олега подъ Царьградъ, закончившемся повѣшеніемъ щита Олега на вратахъ Царьграда (въ 922 г.). Въ виду того, что походы русскихъ подъ Царьградъ 860-го и 941-го годовъ удостовѣрены несомнѣнными историческими свидѣтельствами (Иловайскій, Исторія Россіи, I, 286), походы же Олега 900 или 920 и 922 годовъ не подтверждаются свидѣтельствами греческихъ источниковъ, несмотря на ихъ помпёзность по русскимъ лѣтописнымъ преданіямъ; въ виду также того, что лѣтописныя извѣстія объ одномъ изъ этихъ походовъ, о походѣ 922-го года, носятъ несомнѣнный поэтическій характеръ (Потебня, Объясненія мр. и ср. нар. пѣс. II, 559. Костомаровъ, Преданія нач. лѣт. рус. Историч. моногр. т. XIII), есть основаніе разсматривать и извѣстіе о пораженіи Олега въ Судѣ въ 900-мъ или 920-мъ году, какъ отраженіе древне-русскихъ эпическихъ сказаній объ этомъ князѣ или воеводѣ (Иловайскій, Исторія Россіи I стр. 289, примѣч. 6), ассимилированныхъ авторомъ кіевскаго начальнаго лѣтописнаго свода съ извѣстіями Амартола объ иныхъ набѣгахъ Руссовъ на Царьградъ (Шахматовъ, О нач. кіев. лѣт. св., 55). Поэма объ Ортнитѣ своимъ разсказомъ о пораженіи Елита (Ильи) въ

Судерсѣ, сходнымъ съ разсказомъ русскихъ лѣтописей о пораженіи Олега въ Судѣ, подтверждаетъ эту точку зрѣнія на эпическій характеръ древне-русскихъ лѣтописныхъ сказаній про Олега вѣщаго.

Замѣтимъ, что, подобно русскимъ лѣтописямъ, говорящимъ о сожженіи кораблей Олега „огненнымъ строеніемъ", и поэма объ Ортнитѣ въ 236 строфѣ говоритъ о wilde fiur, что Зимрокъ переводитъ Griechische Feuer:

Si komen mit wildem fiure, der strît ist iu niht guot.
Si brennet uns die kiele, sô müeze wir enfluot".
(*Amel-Jänicke,* стр. 32).

Къ сходству мотивовъ и собственнаго имени одного изъ героевъ нѣмецкаго и русскаго сказаній присоединяется сходство названія мѣста, въ которомъ совершается дѣйствіе—въ русской лѣтописи и въ Ортнитѣ: *Суду* русскихъ сказаній про Олега соотвѣтствуетъ *Судерсъ* поэмы про Ортнита.

Мюлленгофъ видѣлъ въ Судерсѣ Ортнита итальянскій Sutrium, ассимилированный съ именемъ города Тира подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ событій эпохи 3-го крестоваго похода. А. Н. Веселовскій, оспаривая Мюлленгофа, высказалъ мнѣніе, что съ именемъ Судерса, т. е. Тира (Tyrum id est Suders Адмонт. анналовъ, *Жур. Мин. Н. Пр.* 1890 г., мартъ), авторъ Ортнита могъ ассимилировать „созвучное имя", которое находилось въ русскихъ или точнѣе въ „русско-готскихъ" источникахъ той части поэмы, которая упоминаетъ объ Ильѣ русскомъ. Такимъ именемъ, по предположенію А. Н. Веселовскаго, могло быть названіе Сурожа—Sugda (Судакъ), на который, по русскимъ сказаніямъ (житійнымъ) ходилъ войной русскій князь Бравлинъ изъ Новгорода: Suders отъ Sugda, какъ верхн.-нѣм. Ackers отъ Акка (ibid., 22).

Фонетическое и этимологическое сходство словъ *Suders, Sauders, Sunders, Sunder* и *Судъ,* т. е. *Сѫдъ,* слишкомъ бросается въ глаза, чтобы предпочесть это сближеніе другимъ. Голубинскій предполагаетъ, что нашъ лѣтописецъ не имѣлъ надлежащаго представленія о Судѣ и что для него это имя означало вообще воды константинопольскія („то онъ называетъ Судомъ Константинопольскій или Босфорскій проливъ, подъ 866 и 941 гг., то Константинопольскій заливъ или Золотой рогъ, подъ 907, то пристань въ Константинополѣ. Проливъ назывался у насъ Судомъ и послѣ—Антоній Новгородск. по изд. Савваитова, стр. 173": Истор. рус. церкви, I², стр. 99). Представленія русскаго лѣтописца о *Судѣ* можно совершенно согласить со значе-

ніемъ древне-сѣвернаго слова *Sund*, которое онъ и передаетъ черезъ ф. *Судъ*, предполагающую, конечно, *Сѫдъ*. Др.-сѣвер. *Sund* при Suima—Schwimmen значитъ первоначально das schwimmen (Noreen, Altnordische Gram[2]. Halle 1892 г., § 145 и § 253, 3) или das Ort, wo geschwommen werden kann (Kluge, Etymolog. Wörterbuch d. deutsch. Sprach.); это значеніе и будетъ соотвѣтствовать тому значенію слова Судъ, которое Голубинскій опредѣляетъ, какъ „вообще воды константинопольскія". Вторымъ значеніемъ др.-сѣвернаго (англосакс. и древ.-сѣв.) *Sund* является—*Meer*, *Meerenge*, т. е. проливъ и заливъ, что соотвѣтствуетъ Суду русскихъ лѣтописей въ значеніи Босфорскаго пролива и Золотого рога, Κέρας или Sinus Ceraticus. Но послѣдній служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пристанью или гаванью Царьграда; отсюда значеніе слова *Судъ*, опредѣляемое глоссой, возстановленной акад. Шахматовымъ—*Судъ еже есть Лименъ* (греч. Λιμήν гавань, бухта). Въ силу метонимiи *Судомъ* называлась у насъ и часть Царьграда, примыкавшая къ пристани и чаще другихъ терпѣвшая отъ набѣговъ руссовъ. По аналогіи съ именами, означающими мѣсто (Потебня, О знач. множ. числа, 34 слѣд.), это слово получало еще и форму множ. числа—*Суды*.

Судъ отъ *Sund*, по всей вѣроятности, только случайно созвучно съ слов. Σȣδα, Σȣδατον, Σȣδα πλατεῖα—обнесенный палисадомъ ровъ около Константинополя, сдѣланный импер. Львомъ Армяниномъ (Шлецеръ, II, 612. Du-Cange, Glossarium).

Хотя и отъ Σοῦδα могло возникнуть названіе Suders, какъ Ackers отъ Акка; но формы имени съ *n* внутри—*Sunder*, Sunders и Sünders (Amelung-Jänicke, Deutsch. Heldenb., III, I, стр. 3) прямо указываютъ на основную—*Sund*.

Въ пріуроченіи имени берегового, *гаваннаго* предмѣстья Царьграда, Sunder, Sunders, нѣмецкихъ, Суда русскихъ сказаній, къ Сиріи (Suders in Surie Amelung-Jänicke, строф. 14) сказались опять, какъ и въ замѣнѣ Гарды сѣверной, т. е. Holmgard'a, Новгорода, Гардой Ломбардской, пріемы ассимиляціи и пріуроченія географическихъ названій, такъ свойственные устно-поэтическимъ произведеніямъ. Въ Ортнитѣ, такимъ образомъ, мы находимъ соединенными въ одно послѣдовательное изложеніе и пріуроченными къ одной мѣстности—Судерсу—тѣ два эпизода сказаній о русскомъ князѣ Елигѣ-Ильѣ, которые русскій составитель такъ называемаго (акад. Шахматовымъ) Кіевскаго начальнаго лѣтописн. свода, излагавшій исторію Олега, „мужа мудра и храбра", „воеводы" Игоря, очевидно, по устно-поэтическимъ источ-

никамъ (Шахматовъ, О нач. Кіев. лѣт. сводѣ, 44), въ отличіе отъ автора Повѣсти времен. лѣтъ, пользовавшагося для изображенія героической эпохи Олега и еще „какимъ-то сборникомъ, заключавшимъ въ себѣ договоры русскихъ съ греками“ (Шахматовъ, О нач. кіевск. лѣт. сводѣ, 50), изъ котораго онъ заимствовалъ договоръ, отнесенный имъ къ 912 году, распредѣлилъ между двумя городами: Кіевомъ (овладѣнье городомъ при помощи обмана горожанъ пришельцами, назвавшимися купцами) и Судомъ (пораженіе Олега).

7. За взятіемъ Судерса Ортниту и Елигу — Ильѣ предстояло овладѣть крѣпостью Махореля и резиденціей его — Монтабуромъ (Мунтабуромъ, Монтамуромъ) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добыть невѣсту. Разсказъ поэмы о взятіи Монтабура содержитъ сходные эпизоды съ повѣствованьемъ русскихъ лѣтописей о взятіи Олегомъ Царьграда. Существенное отличіе поэмы отъ лѣтописныхъ сказаній состоитъ въ томъ, что главнымъ дѣятелемъ въ этомъ предпріятіи въ Ортнитѣ является не столько Елигъ-Илья, сколько Альберихъ, которому приписываются разныя сверхъестественныя дѣянія, напоминающія только частію Олега Вѣщаго, а, главнымъ образомъ, Вольгу былинъ.

Еще взятію Судерса предшествовалъ въ поэмѣ объ Ортнитѣ эпизодъ, который можно сравнить съ лѣтописнымъ разсказомъ о чудесномъ движеніи войска Олега къ Царьграду на корабляхъ по сухопутью, именно—ночной переѣздъ войска Ортнита и Елига къ Судерсу на баркахъ, которыя были тайно угнаны вѣщимъ Альберихомъ отъ пристани, а потомъ обратно доставлены съ воинами къ берегу имъ же. Вотъ какъ объ этомъ разсказывается въ Ортнитѣ: Узнавъ о намѣреніи Ортнита овладѣть Судерсомъ, Альберихъ говоритъ ему: „я на баркахъ перевезу васъ на берегъ. Ночь темна; на стѣнахъ Судерса нѣтъ сторожей, и мы незамѣтно подъѣдемъ къ берегу на баркахъ, которыя я отъ нихъ же потихоньку отведу. Вслѣдъ за тѣмъ Альберихъ беретъ 500 барокъ, находившихся у городской стѣны и направляетъ ихъ къ кораблямъ Ортнита и Елига-Ильи. Ортнитъ и его дружина пересѣли съ кораблей на барки и на нихъ переѣхали на берегъ (Amelung-Jänicke, строфы 284—244).

Весело соскочили съ кораблей на берегъ всѣ тѣ, которые были спрятаны въ корабляхъ. Легко спрыгнули на берегъ благородный Ломбардецъ и король Елигъ:

Die held komen verborgen
heimlich auff dem lant.
Sie sprungen an den stunden

Auss dem schiflein do
das sie waren embunden
des wurden sie alle fro
der edel lampartere
und auch künig Eligas
die sprungen one schwere
hin in das griene grass
(*A. Keller*, стр. 74—76).

Но бо́льшее сходство—между русскимъ лѣтописнымъ сказаніемъ о чудесномъ движеніи Олега къ Царьграду на корабляхъ по сушѣ, при чемъ царьградскіе жители принимаютъ его за св. Димитрія, посланнаго на нихъ, и разсказомъ поэмы о движеніи Ортнита къ Монтабуру, которое наводитъ ужасъ на жителей и заставляетъ ихъ думать, что ангелъ Божій ведетъ войско противъ Мунтабура.

Послѣ взятія Судерса Ортниту предстояла необходимость итти походомъ на Монтабуръ. Елигъ-Илья отказывается отъ предводительства вслѣдствіе незнанія пути. Тогда беретъ въ руки знамя Альберихъ, садится на коня и невидимый для всѣхъ, кромѣ Ортнита и Елига-Ильи, ѣдетъ впереди войска, держа знамя. Люди, видя движеніе войска, видя самодвижущееся знамя, изумляются чародѣйству. Ортнитъ и Елигъ объявляютъ всѣмъ, что это ангелъ Божій ведетъ ихъ войско противъ Махореля. Жители Мунтабура, устрашенные извѣстіемъ о взятіи Судерса и появленіемъ войска Ортнита передъ городомъ (и еще чарами Альбериха, проникшаго тайкомъ въ городъ), просятъ Махореля выдать его дочь Ортниту:

Jm gap der Lamparte daz ros in sîn gevalt
und satzte in drûf gereite. Sîn brogen vart manicvalt.
den vanen habte er vaste: dô riet er für daz her.
dô wîste er die helde die strâze âne wer.[1])
Die Walhe sprâchen alle und gesegenten sêre sich,
„rîcher künic hêre, wenne wil du segen dich?
sihstu niht daz wunder daz dir ist beschert?
wer ist daz ûf dîm rosse mit dem vanen vert?"
Des lachten si vil suoze, die zwêne künege hêr.
si sâhenz alters eine und ander niemen mêr.

---

[1]) Аналогичное чудо было въ Полоцкѣ въ 1092 г. Найде рана на полочаны, яко нѣкако бяше ходити (по) уличамъ, яко мнѣти (вой мно)жество, а копемъ (копы)та видѣти; да аще кто изыстьбы вылѣзеть, напрасно убьенъ бываше невидимо. (Новг., 1 лѣт., стр. 118).

„ez est der gotes engel“ sprach der künec Ortnît,
„der uns sîn geleite fur Muntabûr git.
(Строфы 356—358).

Или въ вар., изданномъ A. Keller'омъ:

Er ist ein gottes botte
sprach der künig Otenit
der uns geleit von gotte
gen Muntebure git (стр. 86).

. . . .

Die heiden riefen lûte „der tievel der ist komen.
des wir ze wer bedurfen, daz hât man uns benomen.
du solt disem künege dîn tohter gerne geben:
und virt er unser gwaltic, er nimt uns allen daz leben“.
Dô sprach des küneges frouwe, diu guote heidenîn,
„du möhtest wol dem künege geben die tohter dîn.
du maht sîn wol engelten, wil du im din kint versagen,
der Suders hât zerbrochen und die liute drinne erslagen
(Строфы 370—371).

Ср. разсказъ лѣтописей: Іде Олегъ на грѣкы, Игоря остави въ Кыевѣ... Поиде Олегъ на конѣхъ и в кораблѣхъ и бѣ числомъ кораблии 2000. И приде къ Царюграду, и Греци Замкоша Судъ (т. е. (Sund—Sinus Keraticus), а городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ изъволочити корабля на берегъ, и повоева около города и много убійство створи грѣкомъ, и полаты многы разбиша, а црькви пожьгоша; а ихъ же имяху полоняникы, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же растрѣляху, а другыя въ море вметаша, и ина много зла творяху Русь Грѣкомъ, елико те ратніи творять. Ср. съ этимъ разсказъ поэмы объ Ортнитѣ о томъ, какъ würfft der künig von rüssen die abgötter von iren altaren въ Судерсѣ (A. Keller, стр. 83) и слова жены Махореля, что Ортнитомъ и Елигомъ-Ильей

Der Suders hat zerbrochen und die liute drinne erslagen.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса изъдѣлати и въставити корабля на колеса; и бывшю покосну вѣтру, успяша прѣ съ поля, и идяше къ городу. Русскій лѣтописецъ ассоціировалъ здѣсь съ образомъ чудеснаго движенія Олега (=Елига-Ильи) къ вражескому городу особый сказочный мотивъ о движеніи кораблей по суху, извѣстный и на Руси въ устномъ изложеніи, и въ турецкихъ преданіяхъ. Любопытно, что въ послѣднихъ онъ пріурочивается къ событію взятія Магометомъ Константинополя: Магометъ велѣлъ тащить отъ деревни Бе-

шикташа до Галаты 80 галеръ по сосновымъ, насаленнымъ доскамъ, въ то мѣсто гавани, которое называется нынѣ Кассимъ-паша. Паруса этихъ галеръ развѣвались на сухомъ пути (Карамз., Истор. Рос., I, примѣч. 309). Костомаровъ привелъ малорусскую несенитницу, почти буквально сходную съ лѣтоп. разсказомъ; „послали меня и велѣли ѣхать по водѣ и плыть по сушѣ; я на лодку поставилъ телѣгу и поплылъ, а потомъ присталъ къ берегу, поставилъ лодку въ телѣгу и привязалъ парусъ; вѣтеръ и погналъ мою телѣгу" (Историч. моногр. XIII, 73).

Видѣвше же Грѣцѣ, убояшася и ркоша, выславше ко Ольгови: „не погубляй городъ, имемься по дань, яко же хощеши". И стави Олегъ вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не прия его: бѣ бо устроено съ отравою. Образъ подношенія даровъ герою, отвергаемыхъ имъ, сохраняется до сихъ поръ въ малорус. колядкахъ на тему о добываніи молодцемъ города и дѣвицы (Потебня, Объясн. малор. и ср. нар. п., т. II, гл. LX) и въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, символизирующихъ сватовство и женитьбу взятіемъ города (ibid., 657—658). И убояшася Грѣцѣ и ркоша: нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрій, посланъ на ны отъ Бога (Ип. л. 17). Въ Тверской л. это мѣсто варьируется такъ: нѣсть се Олегъ, но Богомъ послана на ны казнь грѣхъ ради нашихъ. А иніи глаголаху: нѣсть се Олегъ, но св. Дмитрій (въ арх. сп. Селунскій) посланъ на ны отъ Бога (П. С. Р. Л., XV, 38).

Съ принятіемъ Альбериха за ангела Божія, ведущаго войско ср. поэтич. образъ въ нашихъ былинахъ:

Говорять-то мужики черногорци (= черниговцы),
Они говорять да таковы слова:
Ужъ какъ съ нёба намъ послалъ Господь-отъ ангела;
А други-ти: нѣтъ, не ангела Господь послалъ,
А послалъ Богъ-то руського могучего богатыря.
(*А. Марковъ*, Бѣломорск. был., 346).

То, что въ лѣтописи Греки въ страхѣ принимаютъ Олега за св. Димитрія, ополчившагося противъ нихъ, заставляетъ предположить извѣстность лѣтописцу поэтическаго образа о появленіи въ средѣ враговъ небесной силы, христіанскихъ святыхъ, прогнѣвавшихся на христіанъ, развитого въ болѣе позднемъ циклѣ славянскихъ сказаній о паденьи разныхъ центровъ политической жизни болгаръ и сербовъ, удаленіи героевъ, гибели богатырей, сказаній, примыкающихъ къ греко-славянскимъ пѣснямъ и преданіямъ о гибели Царьграда въ 1453 г.

8. Щитъ Олега на вратахъ Царьграда и знамя Елига въ Су-

дерсѣ. И повѣси (Олегъ) щитъ свой въ вратехъ (Царьграда), показуа побѣду, и поиде отъ Царьграда (Лавр. л. 31). Въ Ип. лѣт.: „и повѣсиша щиты своя въ вратѣхъ, показающе побѣду, и поиде отъ Царьграда (19). Преданіе о щитѣ Олега въ воротахъ Царьграда жило въ памяти народа на Руси еще въ концѣ XVI вѣка, будучи пріурочено, повидимому, къ гербу св. Георгія на Галатскихъ воротахъ въ Царьградѣ. Стрыйковскій „своими власными очами" видѣлъ его въ 1575 г. вмѣстѣ съ остатками крючьевъ отъ висѣлицы Вишневецкаго (Stryjkowskij, Kronika Warsz. 1846, 116).

Повѣшенію Олегомъ щита въ Царьградѣ, въ смыслѣ символа побѣды, въ Ортнитѣ соотвѣтствуетъ укрѣпленіе Елигомъ знамени на царскомъ дворцѣ въ Судерсѣ. Въ русскихъ лѣтописныхъ варіантахъ повѣшенный щитъ Олегомъ былъ въ однихъ *Олеговъ*, въ другихъ Игоревъ (Шлецеръ II, 670). Такая же двойственность принадлежности знамени, водруженнаго Елигомъ въ Судерсѣ, замѣчается и въ варіантахъ Ортнита:

des küneges vanen enmitten er ûf den palas stier
(*Amelung*, 305).

in dem grossen gestrüsse
man nieman fürbas liess
bis das der küne rüse
sien fan für den palast stiess.
(*Keller*, 77).

9. Поэма объ Ортнитѣ въ ея цѣломъ развиваетъ эпическій мотивъ хожденія по невѣсту и добыванія ея. Такъ какъ лѣтописный разсказъ о взятіи Олегомъ Царьграда есть тоже несомнѣнно поэтическое произведеніе (Костомаровъ, Историч. моногр. XIII, 71; Потебня, Объясненія мр. и ср. нар. п. II, 647 — 659; Иловайскій, Истор. Россіи I, 289, примѣч. 6. Его же, Розыск. о нач. Руси 412—414. Шахматовъ, О нач. кіевск. лѣт., св., стр. 44), хотя, что столь же несомнѣнно, и имѣющее въ своемъ основаніи историческій фактъ, то мы имѣемъ извѣстное право въ соотвѣтствіи лѣтописнаго разсказа о взятіи Суда и Царьграда Олегомъ и поэмы объ Ортнитѣ о взятіи Судерса и Монтабура Елигомъ-Ильей усматривать столь обычное въ устной поэзіи соотвѣтствіе поэтическихъ образовъ, символовъ—взятія города и добыванія невѣсты (Потебня, Объясн. мр. п. II, 655). Въ малорусскихъ колядкахъ извѣстенъ мотивъ завоеванія Царьграда, какъ символъ добыванія невѣсты. (Истор. мр. п., Антоновича-Драгом. I, 14—21, 42). Нѣкоторые варіанты былинъ о Вольгѣ, близкое

родственное отношеніе которыхъ къ Ортниту стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, оканчиваются женитьбой героевъ на женщинахъ завоеваннаго города. Въ старинныхъ сказаніяхъ извѣстенъ мотивъ приведенія Олегомъ жены или для Игоря (П. С. Р. Л. XV, стр. 37; Арх. Леонидъ, Описаніе рук. гр. Уварова, т. IV, стр. 25. См. Рус. Стар. 1888 г., іюль), или для князя Владимира (Проложное житіе Владимира). Наконецъ, въ русской сказкѣ о Кіевскомъ князѣ Владимирѣ и Илюшкѣ, сынѣ матросовѣ (Зап. рус. геогр. общ. по этнограф., т. I, стр. 659 слѣд.), представляющей, очевидно, разложенную старую былину о женитьбѣ Владимира, „Илюшка-пьянюшка, матросовъ сынъ", т. е. *Илья Муромецъ*, опошленный народной сказкой, ѣдетъ съ Владимиромъ „за далекія земли, за широкія моря, къ премудрому царю Философу" и помогаетъ ему своимъ вѣщимъ искусствомъ жениться на дочери царской Марфѣ.—Въ виду признаннаго уже ранѣе (Майковымъ, Ягичемъ и друг.) и выше подтвержденнаго новыми соображеніями тожества Ильи Муровца v. Муромца и Ilias v. Reussen нѣмецкихъ сказаній, эта послѣдняя параллель къ Ортниту получаетъ извѣстное значеніе, какъ отголосокъ поэтической старины русской.

10. *Король Machahol—Nachael* и *царь Михаилъ*. Сирійскій король въ варіантахъ Ортнита носитъ такія имена: Machorel, Nachorel, Zacherel, Achachel, Nachael, Nachaol (Amelung-Iänicke, 4) и Machahol (A. Keller). Варіанты Machahol, Nachael и Nachaol близко подходятъ къ имени царя Михаила, ко времени котораго „Лѣтописецъ XVII вѣка" относитъ походъ Олега на грековъ, а Хронографъ Сергѣя Кубасова—походъ князя Бравалина изъ Новгорода. Поэма Ортнитъ изображаетъ Nachael'а-Machorel'а жестокимъ и развратнымъ: онъ готовитъ себѣ въ жены свою родную дочь:

Swenn im die muoter stirbet, sô wiler die tohter nemen
(*Amelung-Jänicke*, строфа 21).

Никоновская лѣтопись характеризуетъ Михаила царя словами: „человѣкъ скверножителенъ, піяница и обидникъ, скоросовратный во Афродитская дѣла, сирѣчь блудныя, пребывающій въ блудѣ и піаньствѣ" (П. С. Р. Л. IX, 10).

Такимъ образомъ, сказанія объ Елгѣ-Ильѣ въ Ортнитѣ предполагаютъ ту степень развитія русскихъ былинъ про Олега, когда онъ еще не былъ пріуроченъ къ Владимиру. Эта послѣдняя ступень предполагается сообщеніями Тидрекъ-саги объ Ilias âf Greca, очевидно, тожественномъ съ Ilias'омъ—Eligas'омъ—Elias'омъ поэмы объ Ортнитѣ.

Входящая въ составъ Тидрекъ-саги сага о *Вильцинахъ* содержитъ, между прочимъ, слѣдующія извѣстія относительно русскихъ князей. „Въ русской землѣ властвовалъ король Hertnid (вар. Hernit, Herdink, Herdveth и друг.), которому подчинялась большая часть Греціи, Венгрія и почти вся Austrikki (=Austrvegr=восточная земля. Куникъ. Котляревскій, О погреб. обыч. яз. слав. Соч. II, 109, 90); у него происходили постоянныя войны съ западнымъ сосѣдомъ, королемъ Вильциномъ, владѣвшимъ Швеціей, Готландіей, Шоненомъ, Зееландіей, Ютландіей и Вендской землей (стр. 152 — 153). Главнымъ городомъ Гертнита былъ Holmgard, т.-е. Новгородъ. У этого Гертнита было три сына: отъ законной жены — Озантриксъ и Вальдимаръ и отъ наложницы *Илья* (стр. 159). Озантриксъ получилъ отъ отца въ удѣлъ Wilcinenland, область Вильциновъ, подъ которыми, согласно съ Шафарикомъ, нужно разумѣть Вильцевъ, Лютичей или Велетовъ, Полабскихъ славянъ (Шафарикъ, Слав.-древн., т. II, кн. 3, стр. 81 слѣд.); Ильѣ (Ilias) онъ отдѣлилъ управленіе надъ Греціей и далъ званіе ярла. Илія былъ великій воевода и могучій боецъ (стр. 160). Вальдимаръ, послѣ смерти Гертнита, унаслѣдовалъ всю Русь, Польшу и восточныя области его царства (ibid).

1) Выше мы привели рядъ соображеній, изъ которыхъ вытекаетъ вѣроятность старо-русской народной формы *И-лья, Илья,* какъ варіанта имени *Ольга, *Ельга.*

2) Характеристика Ильи—Ilias'a, даваемая Тидрекъ-сагой: er war ein grosser Häuptling und mächtiger Kempe соотвѣтствуетъ словамъ лѣтописи объ Олегѣ: и бысть у него воевода, именемъ Олегъ, мужь мудръ и храборъ.

3) Ярльство Ильи въ Греціи отражаетъ и русскія преданія о подвигахъ Олега въ Греціи подъ Царьградомъ, и религіозныя связи Руси съ Греціей. Замѣтимъ, что королемъ или княземъ греческимъ Тидрекъ-сага называетъ и Владиміра: jarl könig Waldemar von Greca. Rassman II, 315, № 30.

4) Пріуроченіе Ильи ко времени Владиміра отражаетъ ту стадію развитія эпоса объ Олегѣ, которая обнаруживается въ распространенномъ проложномъ сказаніи, называющемъ Олега воеводой князя Владиміра.

5) Отраженіе мотива подчиненности Олега князю Владиміру можно видѣть въ томъ, что Илья названъ въ Тидрекѣ-сагѣ младшимъ братомъ Вальдемара и не единоутробнымъ, а рожденнымъ отъ наложницы (einen dritten Sohn hatte er mit seiner Beischläferin, der heisz Ilias 159).

Изъ сравненія нѣмецкихъ сказаній объ Елигѣ—Ельѣ—Ильѣ, содержащихся въ Ортнитѣ и Тидрекѣ-сагѣ, съ русскими сказаніями объ Олегѣ, находящимися въ лѣтописяхъ и въ проложномъ сказаніи, выходитъ, что

1) Русскіе мотивы Ортнита и Тидрекъ-саги представляютъ заимствованія изъ южно- и западно-русскихъ устно-поэтическихъ источниковъ, отражающихъ разныя стадіи развитія сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ.

2) Версія Ортнита отвѣчаетъ болѣе древнимъ русскимъ эпическимъ представленіямъ Олега, мотивъ Тидрекъ-саги болѣе новымъ.

Послѣдній выводъ почти согласуется съ предположеніемъ А. Н. Веселовскаго: „Если поэма (Ортнитъ) относится къ 1225 — 1226 годамъ, то соотвѣтствующая (пѣсня-сага о хожденіи Ильи русскаго на Сурожъ) была древнѣе, древнѣе пѣсенныхъ источниковъ Тидрекъ-саги, знающихъ Илью уже въ (родственной) связи съ Владиміромъ, о чемъ въ поэмѣ нѣтъ рѣчи“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890 г. мартъ, 26). Мы лишь не видимъ указаній на то, чтобы въ старыхъ сказаніяхъ объ Олегѣ мотивъ хожденія его на Сурожъ соединялся съ мотивомъ хожденія по невѣсту: это послѣднее имѣется лишь въ сказаніяхъ о цареградскомъ походѣ его.

Высказанныя здѣсь предположенія объ отраженіяхъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ въ памятникахъ нѣмецкаго поэтическаго творчества XIII—XIV вѣковъ только подтверждаютъ замѣчательные взгляды проницательнаго Мюлленгофа, высказанные имъ еще въ 1862 г.: Ich kann hier den Wunsch nicht unterdrücken, dass man sich bald in Russland mit gleicher Liebe der heimischen nationalen Sage und Dichtung annehme, wie der finnischen, estischen und tatarischen, und vor allem den Bestand der Überlieferung den Anforderungen der heutigen Wissenschafft gemäss darlege und allgemein zugänglich mache. *Dem Vernehmen nach sollen schon andere auf die Dietrichs oder überhaupt die deutsche Heldensage bezügliche Stellen in russischen Chroniken oder in andern Quellen aufgefunden sein* und das Zeugniss nicht mehr allein stehen das zu diesem Excurs anlass gab. (Zeugnisse und Excurse z. deutschen Heldensage XXIV въ Zeitschr. f. deutsche Alterth. v. Haupt, т. XII стр. 353).... Eindringende Forschung wird vielleicht noch tiefere Bezüge zwischen dem deutschen und russischen Volksepos entdecken (ibid., 354).

М. Халанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СУДЬБЫ КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ ВЪ АНГЛІИ ДО 1830 ГОДА.

До сихъ поръ еще не было попытокъ написать обстоятельную исторію критической философіи, если не считать нѣкоторыхъ краткихъ очерковъ, дающихъ послѣдовательное изложеніе системъ, а не *исторію* распространенія этого ученія въ собственномъ смыслѣ слова. Особенно мало сдѣлано въ этомъ отношеніи для Англіи, Франціи и Италіи. Можно, пожалуй, безъ преувеличенія сказать, что все сдѣланное исчерпывается статьями: Магаффи по англійской философіи [1]), Ульриха [2]) и Пикаве [3])—по французской и Луиджи Кредаро—по итальянской [4]). Между тѣмъ, такое историческое изслѣдованіе представляло бы несомнѣнный интересъ: оно содѣйствовало бы уясненію взаимной связи въ воззрѣніяхъ отдѣльныхъ мыслителей и раскрывало бы передъ нами тѣ психологическія и соціальныя причины, которыя препятствовали распространенію и усвоенію критицизма. Настоящая статья имѣетъ въ виду пополнить отчасти тотъ пробѣлъ, который существуетъ въ исторіи англійской философіи по этому вопросу. Первые значительные философскіе труды, въ которыхъ сказывается вліяніе Канта, принадлежатъ такъ называемымъ „полукантіанцамъ" Уэвелю, Гамильтону и Манселю. Но еще до появленія ихъ на аренѣ философской дѣятельности въ теченіе первой четверти XIX-го вѣка въ Англію успѣло проникнуть ученіе Канта, хотя и въ очень несовер-

---

[1]) „Kant and his fortunes in England". См. Princeton Review. 1878, p. 204—238.

[2]) Ulrich: „Charles de Villers". 1901.

[3]) Вводная статья къ переводу „Критики практическаго разума" Канта 1888 г.

[4]) „Il Kantismo in G. D. Romagnosi" (contributo alla storia del Kantismo in Italia), 1887. Luglio, Agosto: „Rivista Italiana di filosofia", а также: „Alfonso Testa o i primordi del Kantismo in Italia".

шенной формѣ, и вызвать опредѣленное отношеніе къ себѣ образованной публики. Чтобы понять, каково было это отношеніе, какія представленія связывались у интеллигентнаго англичанина конца 20-хъ годовъ съ именемъ Канта, я послѣдовательно постараюсь отвѣтить на слѣдующіе вопросы: I. Каковы были *первыя лица*, пытавшіяся распространить эту философію въ Англіи? II. Какъ отнеслись къ нимъ представители *университетской философіи*? III. Какъ на нихъ смотрѣла *печать*, какъ выразительница общественнаго мнѣнія? IV. Какихъ взглядовъ на критическую философію держалось *духовенство*? V. Благопріятствовали ли *политическія условія* ея распространенію?

Отвѣтивъ на эти вопросы, мы уяснимъ себѣ нѣкоторыя любопытныя особенности той духовной атмосферы, въ которой приходилось вырабатывать свои воззрѣнія первымъ крупнымъ англійскимъ мыслителямъ XIX вѣка.

I.

Появленіе „Критики чистаго разума“ не привлекло на себя въ Англіи никакого вниманія. Только въ 90-хъ годахъ о Кантѣ начинаютъ появляться замѣтки въ журналахъ и газетахъ. О немъ начинаютъ писать статьи лишь съ 1795 г., когда въ Лондонъ пріѣхалъ и прочелъ нѣсколько лекцій о Кантѣ нѣмецкій учитель математики и латинскаго языка въ Collegium Fridericianum (въ Кёнигсбергѣ), слушавшій Канта, Нитшъ. Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось найти какихъ-либо журнальныхъ отзывовъ объ этихъ лекціяхъ. Несомнѣнно только, что онѣ не имѣли никакого успѣха. Да этого и слѣдовало ожидать, если принять во вниманіе два обстоятельства, которыя выясняются изъ чтенія книги Нитша о Кантѣ, представляющей, очевидно, переработку его лекцій. Во-первыхъ, Нитшъ, повидимому, усвоилъ себѣ критическую философію, не имѣя надлежащей спеціальной подготовки. Это обнаруживается изъ его способа изложенія этого ученія. По примѣру составителей математическихъ учебниковъ, онъ разбиваетъ систему Канта на 101 параграфъ, какъ-бы рядъ аксіомъ и теоремъ, но я бы сказалъ, скорѣе только какъ рядъ аксіомъ, такъ какъ доказательства, развитіе философской мысли совершенно отсутствуютъ. Кромѣ того, нѣтъ никакихъ замѣчаній, которыя могли бы ввести читателя въ кругъ мыслей Канта. Во-вторыхъ, Нитшъ несомнѣнно не только не имѣлъ достаточныхъ знаній, чтобы справиться съ своей задачей, но и не

былъ достаточно талантливъ, чтобы дать сколько-нибудь сносную характеристику хотя-бы основныхъ положеній критицизма. Совершенно не понимая духа этой философіи, онъ крѣпко держится за ея букву. Существеннѣйшія положенія „Критики чистаго разума" остаются у него почти не затронутыми, между тѣмъ какъ третьестепенныя мелочи не упущены изъ виду. Такъ, напримѣръ, въ его книгѣ отсутствуетъ „трансцендентальная эстетика"—„драгоцѣннѣйшій алмазъ въ философскомъ вѣнцѣ Канта", по выраженію Шопенгауэра, и столь важные отдѣлы, какъ критика раціональной психологіи и доказательствъ бытія Божія, и, наоборотъ, такая ничтожная мелочь—„одно изъ фальшивыхъ оконъ"—въ таблицѣ категорій, какъ *категорія ограниченія*, воспроизведена механически безъ малѣйшихъ разъясненій, чтó это такое. Могутъ замѣтить, что Нитшъ умолчалъ о нѣкоторыхъ пунктахъ изъ осторожности, но въ такомъ случаѣ это только служитъ лишнимъ доказательствомъ того, что онъ не стоялъ на высотѣ той задачи, за которую взялся. Его книга, носящая заглавіе: „A general and introductory view of prof. Kant's principles concerning man, the world and the deity", появилась въ 1796 году. Въ томъ же году онъ написалъ письмо въ „Monthly Magazine", гдѣ сообщаетъ что есть лица, желающія перевода сочиненій Канта, но большинство видятъ въ его терминологіи зловѣщее предзнаменованіе (ill omen) безплодности его системы. „Кантъ, говоритъ онъ, не ковалъ новыхъ словъ, онъ ввелъ въ новомъ значеніи не болѣе 30 терминовъ; эти термины наиболѣе подходящи, и спеціалистамъ по философіи въ Германіи не удалось замѣнить ихъ другими". Если и нуженъ кантовскій словарь, то всего въ одну страницу octavo. Неуспѣхъ своихъ лекцій и своей книги и жалобы ея читателей на непонятность кантовой терминологіи онъ объясняетъ тѣмъ, что публика, распадающаяся на метафизическія секты, неправильно пользуется философской терминологіей. На замѣчанія о непрактичности кантовой философіи онъ говоритъ: „Самыя цѣнныя открытія были бы потеряны для человѣчества, если бы тѣ, кто совершали ихъ, всегда руководствовались въ своей дѣятельности только тѣмъ, что заранѣе представлялось имъ полезнымъ (of positive use) для ихъ цѣли". Свое письмо онъ заканчиваетъ выраженіемъ сожалѣнія, что въ Англіи невозможно найти издателя и книгопродавца для перевода сочиненій Канта, и прибавляетъ: „я встрѣтилъ мало сочувствія". Это не мѣшаетъ ему надѣяться снова приняться за чтеніе лекцій и печатную пропаганду критической философіи.

Надеждѣ этой, впрочемъ, повидимому, не суждено было осуществиться. По крайней мѣрѣ, я не имѣлъ случая встрѣтить какія-либо указанія на его дальнѣйшую дѣятельность въ этомъ направленіи. Умеръ онъ въ 1812-мъ году. Но недостатокъ знаній и дарованія не помѣшали Нитшу пробудить въ нѣкоторыхъ слушателяхъ его лекцій живой интересъ къ философіи Канта, въ томъ числѣ въ Уиргманнѣ, о которомъ я буду говорить ниже.

Въ томъ же году, когда Нитшъ читалъ лекціи о Кантѣ, появилась брошюра одного ирландскаго студента O'Keeffee, въ которой авторъ привѣтствуетъ появленіе критической философіи въ Англіи. Онъ, повидимому, былъ молодымъ человѣкомъ, оканчивавшимъ свое образованіе въ Германіи. Врачъ по спеціальности, онъ слушалъ лекціи по физіологіи и философіи въ Лейпцигѣ и въ 1795 году выпустилъ въ свѣтъ брошюру, составленную имъ изъ писемъ къ другу въ Лондонъ. Составлена эта брошюра крайне безпорядочно, затрогиваетъ она самые разнообразные вопросы и всѣ очень поверхностно, но она представляетъ любопытное явленіе для своего времени, когда поѣздки въ Германію съ научной цѣлью были рѣдки, и правительство смотрѣло на изученіе философіи въ чужихъ странахъ не особенно благосклонно. Послѣднее сквозитъ въ ироническомъ замѣчаніи, которымъ заканчивается предисловіе брошюры. „Нѣкоторые изъ моихъ пріятелей намекали мнѣ, что настоящее министерство сочтетъ, пожалуй, для себя обиднымъ опубликованіе моего сочиненія, какъ произведенія, предназначеннаго къ просвѣщенію и поученію человѣчества, но, полагая, что мнѣніе моихъ друзей—отголосокъ какихъ-нибудь смутныхъ слуховъ или клеветы, я не колеблюсь подписаться подъ этимъ памфлетомъ". Въ брошюрѣ О'Киффи, носящей заглавіе: „An Essay on the progress of human understanding", на ряду съ бѣглыми замѣчаніями по моральнымъ вопросамъ и нѣсколькими политическими намеками, касающимися Ирландіи, авторъ затрогиваетъ вопросъ о необходимости для англичанъ заняться систематическимъ изученіемъ классическихъ философскихъ сочиненій и предлагаетъ довольно дѣльную для своего времени *программу домашняго чтенія по философіи*, куда вошли: Вивесъ, Гассенди, Томазіусъ, Чирнгаузенъ, Хр. Вольфъ, Клаубергъ, Баумгартенъ, Локкъ, Гэртли, Юмъ, Ридъ, Малебраншъ, Лейбницъ, Кондильякъ, Бонне, Гельвецій, Регіусъ, Поръ-Рояльская логика, Ларошфуко, Тетенсъ, Платтнеръ, Рейнгольдъ, Реймарусъ, Кизеветтеръ и Кантъ. О'Киффи высоко цѣнитъ нѣмецкую

философію, особенно Канта. Онъ указываетъ на сильное распространеніе кантовой философіи въ Германіи за послѣднія 6 лѣтъ (1789—1795) и прибавляетъ: „Право, очень жаль, что въ нашемъ отечествѣ утратился вкусъ къ философіи, и общество не оказываетъ никакого поощренія переводу на англійскій языкъ произведеній этихъ писателей и распространенію въ Англіи философіи Канта". Онъ совѣтуетъ на первыхъ порахъ перевести не самого Канта, а изложенія его системы и критику ея въ сочиненіяхъ Рейнгольда, Шульца и Шульце. При этомъ онъ полагаетъ, что на англійскій языкъ Канта легче перевести, чѣмъ на какой-либо другой. „Повидимому, иронически замѣчаетъ онъ далѣе, юные джентри на нашихъ Островахъ заботамъ о тѣлѣ отдаютъ предпочтеніе передъ заботами о духѣ и ежедневно погружаютъ свой разумъ въ безпробудный сонъ до 12 часовъ пополудни охотнѣе, чѣмъ упражняютъ его въ усвоеніи начатковъ критической философіи". Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ, по его мнѣнію, неуспѣхъ лекцій Нитша. „Увы! Я боюсь, что ему будетъ такъ же трудно сѣять сѣмена его философскаго ученія въ Лондонѣ, какъ апостоламъ церкви было трудно сѣять сѣмена ихъ религіознаго ученія въ Іерусалимѣ". Брошюра заканчивается заявленіемъ о предполагаемомъ изданіи въ Лондонѣ: „Transactions of the Kantean Society of Moral, Practical und Speculative Philosophy" [1]).

Черезъ годъ по выходѣ книги Нитша другой слушатель Канта—преподаватель нѣмецкаго языка Willich, напечаталъ книгу подъ заглавіемъ: „Elements of the Critical philosophy, a concise account of its origin and tendency, a view of all the works published by its founder p. I. Kant and a glossary for the explanation of terms and phrases". Изложеніе въ этой книгѣ столь же скомкано и безжизненно, какъ и у Нитша. Въ концѣ книги приложенъ глоссарій, въ которомъ даны разъясненія философскихъ терминовъ. Очевидно, Уиллихъ осуществлялъ то намѣреніе, которое имѣлъ въ виду Нитшъ. Книга эта представляетъ простую компиляцію нѣмецкихъ изложеній Канта, напримѣръ, Шульце, и притомъ компиляцію, выполненную неталантливо. Филологъ по спеціальности, авторъ естественно не могъ справиться съ философскою задачей, не имѣя, какъ и Нитшъ, надлежащей подготовки.

Гораздо большій интересъ, чѣмъ упомянутыя мною три личности,

---

[1]) Повидимому, этому изданію не суждено было выйти въ свѣтъ.

представляетъ Томасъ Уиргманнъ, одинъ изъ слушателей лекцій Нитша. Къ сожалѣнію, объ этой оригинальной личности имѣется очень немного свѣдѣній, между тѣмъ какъ она несомнѣнно заслуживаетъ вниманія [1]). „Современные люди, пишетъ Крумъ Робертсонъ, изучающіе Канта, повидимому, ничего не знаютъ о героическихъ усиліяхъ, тщетно потраченныхъ для этой цѣли полвѣка тому назадъ" („Mind", 1879, p. 422). Томасъ Уиргманнъ и его братъ Джорджъ были простые ремесленники. „Самыя запутанныя метафизическія изысканія, пишетъ одинъ журналистъ того времени, въ теченіе многихъ лѣтъ производились нѣкіимъ рабочимъ, серебряныхъ дѣлъ мастеромъ". Онъ обдумывалъ свои сочиненія, „обходя своихъ заказчиковъ съ серебряной тарелкой и ножницами" (while he went about with silver plate and scissors to his customers). Большинство сначала смотрѣло на него, какъ на сумасшедшаго, а когда изъ его статей стало очевидно, что онъ вовсе не сумасшедшій, а человѣкъ, способный къ изученію философіи и преданный ей всей душой, на него стали многіе смотрѣть, какъ на вольнодумца. Вотъ что писалъ о немъ въ 1830 году авторъ статьи „Rationalism" въ Fraser's Magazine (v. IV, p. 62): „Оба Уиргманна—необразованные ремесленники, и одинъ изъ нихъ производитъ довольно двусмысленное впечатлѣніе. Джорджъ—христіанинъ, безвредный, безобидный человѣкъ, но вслѣдствіе полнаго отсутствія литературнаго образованія и незнакомства съ нѣмецкимъ языкомъ онъ невѣжественъ рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ за исключеніемъ системы Канта въ томъ видѣ, въ какомъ ее излагалъ его братъ. Самъ Томасъ — ученикъ проф. Нитша, не интересуется ничѣмъ, кромѣ сочиненій Канта, да и тѣ онъ истолковываетъ по буквѣ, а не по духу: и по природѣ, и по воспитанію онъ совершенно неспособенъ къ высшимъ усиліямъ духовной дѣятельности". Нечестіе Уиргманна простирается до того, что онъ „упорствуетъ въ томъ мнѣніи, будто сказанія о чудесахъ—плодъ восточной метафорической манеры выражаться". Въ печати имя Уиргманна появляется впервые въ 1812 году: ему принадлежитъ обширная статья *Kant* (602 стр.) въ „Encyclopedia Londinensis". Издатель въ примѣчаніи въ концѣ ея какъ-бы слагаетъ съ себя отвѣтственность за ея содержаніе, заявляя, что она напечатана „по желанію многихъ подписчиковъ". Въ послѣдующихъ томахъ той же энциклопедіи Уиргманну принадлежатъ статьи: *Логика, Метафизика,*

---

[1]) Въ біографическомъ словарѣ, изданномъ Lee, она не упоминается.

Моральная философія и *Философія* [1]). Въ этихъ статьяхъ онъ съ энтузіазмомъ излагаетъ критическую философію и горько упрекаетъ Д. Стьюарта за его пренебреженіе къ Канту и ошибочныя сужденія объ его философіи, но объ этой полемикѣ я буду говорить ниже. Въ первой своей статьи Уиргманнъ съ гордостью заявляетъ, что толчекъ къ возникновенію философіи Канта былъ данъ Юмомъ, именно, его ученіемъ о причинности. Трансцендентальная философія обладаетъ, по его словамъ, такою же степенью внутренней очевидности, какъ „Начала“ Эвклида. „Ничто, кромѣ прямого откровенія, не было отъ сотворенія міра столь благотворно для цивилизаціи, какъ философія Канта“. Въ изложеніи философіи Канта въ статьяхъ своихъ Уиргманнъ далеко оставляетъ за собою своихъ предшественниковъ: изложеніе его живѣе, обстоятельнѣе, онъ иллюстрируетъ развитіе мыслей наглядными діаграммами, и если далеко не все понятно для него въ критицизмѣ, то все же онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сдѣлалъ для англичанъ болѣе ясной и привлекательной эту систему. Въ 1824 г. онъ выпустилъ изложеніе системы Канта отдѣльной книгой, которая во многомъ уступаетъ его статьямъ въ „Encyclopedia Londinensis“. Недостатокъ философскаго образованія, разумѣется, даетъ себя чувствовать во всѣхъ его сочиненіяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о ноуменѣ, какъ *причинѣ нашихъ ощущеній*, проводитъ аналогіи между Троицей и тремя душевными способностями, но не то же ли можно найти и у современныхъ ему нѣмецкихъ толкователей Канта? Книга его „The principles of Kantesian philosophy“ была издана на средства его брата, которому онъ и посвящаетъ свой трудъ съ признательностью. Къ статьямъ Уиргманна приложены переводы нѣсколькихъ сочиненій Канта: его „Логики“ и „Пролегоменъ“, 1/3 „Критики чистаго разума“ и часть „Критики практическаго разума“. Переводы эти неточны: это скорѣе пересказы и съ произвольными сокращеніями. Но Уиргманнъ имѣлъ въ виду сдѣлать тщательный и полный переводъ „Критики чистаго разума“, для котораго переводъ, помѣщенный въ „Encyclopedia Londinensis“, долженъ былъ служить лишь черновымъ наброскомъ. Однако этого намѣ-

---

[1]) Въ статьѣ „Philosophy“ У. съ гордостью приводитъ письмо M-me de Stael во время пребыванія въ Лондонѣ къ нему:

2 Janvier 1814.

Je désire vous connaître, Monsieur, puisque vous vous occupez de Kant, et que vous cherchez à le faire admirer. Voulez-vous passer chez moi jeudi matin entre deux et trois heures? nous causerons quelques instants. J'ai l'honneur d'être, Monsieur, Votre très humble et très obeissante servante Necker de Stael Holstein.

ренія ему не удалось осуществить. Брошюра, появившаяся въ 1838 г., показываетъ, какимъ фантазеромъ былъ этотъ жаждавшій просвѣщенія самоучка. Брошюра эта, которую онъ посвятилъ королевѣ [1]), представляетъ собою *учебникъ критической философіи для дѣтей*. Уиргманнъ мечталъ о *повсемѣстномъ преподаваніи въ школахъ критицизма*, такъ какъ, по его мнѣнію, общество, основанное на принципахъ критической философіи, „would render this world a Paradise“ [2]). Въ предисловіи этой брошюры: „Mental philosophy for Children“, онъ, обращаясь „to the Members and Councils of the London University“, пишетъ: „Милостивые государи, вотъ уже три года, какъ я заявилъ о моей кандидатурѣ на первую вакансію, какая откроется для почетнаго поста профессора философіи въ King's College или University College“. Уиргманнъ далѣе приглашаетъ всѣхъ профессоровъ и преподавателей королевства посмотрѣть, какъ идетъ преподаваніе критической философіи въ основанномъ имъ приходскомъ рабочемъ домѣ для бѣдныхъ дѣтей. Умеръ онъ, повидимому, въ началѣ 40-хъ годовъ. Хотя дѣятельность его и пробуждала нѣкоторый интересъ въ обществѣ, но вліяніе его было ничтожно, статьи и переводы его прошли совершенно незамѣченными, такъ что даже наилучшій знатокъ судебъ критицизма въ Англіи, Магаффи не подозрѣваетъ, что *треть критики чистаго разума была уже переведена въ 1825 г.*, правда, весьма неудовлетворительно.

Говоря о Уиргманнѣ, нельзя умолчать и о его другѣ, живописцѣ Henry Richter. Рихтеръ, будучи довольно извѣстнымъ художникомъ, въ то же время живо интересовался философіей и въ частности философіей Канта. Онъ помогалъ Уиргманну въ составленіи статьи „Metaphysics“ въ „Encyclopedia Londinensis“. Умеръ онъ (1772—1857), работая надъ переводомъ сочиненія Бека. Онъ напечаталъ въ 1814 г. (12-го марта) въ газетѣ „Morning Chronicle“ статью подъ заглавіемъ: „On german metaphysics or Kant's philosophy of the human mind“. „Многія лица, говоритъ онъ, писали объ этой новой философіи, но, несмотря на самыя лучшія намѣренія, имъ не удалось уловить даже проблескъ истиннаго ея смысла. Кантъ—идеалистъ, но онъ совершенно чуждъ старой нелѣпости, будто духъ творитъ матерію, онъ только доказываетъ, что въ процессѣ познанія есть активная и пассивная стороны“. Рихтеръ указы-

---

[1]) На заглавномъ листѣ Уиргманнъ заявляетъ, что королева отклонила посвященіе.

[2]) „Превратило бы этотъ міръ въ Царствіе Небесное“.

ваетъ, что на него сильно повліялъ Уиргманнъ. Въ 1817 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ книгу, посвященную вопросамъ живописи („Daylight“), но въ нее довольно страннымъ образомъ вплетены разсужденія о критической философіи. Здѣсь онъ упрекаетъ англійскихъ философовъ, и въ частности Д. Стьюарта, въ приверженности точкѣ зрѣнія здраваго смысла („здравый смыслъ превосходная, но низменная способность“) и замѣчаетъ, что въ статьѣ своей онъ пытался нарушить философское оцепенѣніе современной ему эпохи, дерзнувъ высказать опасное утвержденіе, будто пространство и время суть простые модусы нашей чувственной воспріимчивости: „*alarming assertion*, that time and space are merely the modes of our sensitive faculty“. Любопытно, что онъ не ограничивается провозглашеніемъ субъективности нашихъ познаній о внѣшнемъ мірѣ, но дѣлаетъ изъ этого положенія выводы примѣнительно къ живописи. Именно, онъ указываетъ, что реализмъ въ живописи, заключающійся въ стремленіи воспроизвести внѣшніе предметы такими, каковы они суть на самомъ дѣлѣ, несостоятеленъ, потому что мы не знаемъ и не можемъ знать ихъ природы независимо отъ нашей чувственной воспріимчивости. Это соображеніе заставляетъ его осуждать мелочный реализмъ въ картинахъ Деннера. „Деннеръ думалъ (и я боюсь, что и г. Дугальтъ Стьюартъ того же мнѣнія, но объ этомъ я не рѣшаюсь говорить категорически), что носъ всякаго человѣка имѣетъ строго опредѣленную ему присущую форму, абсолютно не зависящую отъ зрителя, который глядитъ на него; и чтобы надлежащимъ образомъ воспроизвести носъ, мы должны придать съ абсолютной точностью нашей копіи именно эту, а не какую иную форму... Бѣдный Деннеръ! что такое его увеличительныя стекла въ сравненіи съ микроскопами, къ которымъ можетъ прибѣгнуть нашъ элегантный историкъ философіи!.. И все-же я сомнѣваюсь, чтобы всѣ обладатели оптическихъ магазиновъ въ Лондонѣ могли помочь г. Дугальту Стьюарту установить абсолютную и конечную форму любого носа на землѣ, и въ концѣ-концовъ можетъ оказаться, что оба—и философъ, и живописецъ—провели цѣлую жизнь въ преслѣдованіи фантома; что объекты природы сами въ себѣ вовсе не обладаютъ тою формою, какую мы имъ приписываемъ; и что въ дѣйствительности чувственные объекты извѣстны намъ, лишь какъ они существуютъ въ сознаніи и для сознанія, за границы котораго тщетно пытался бы проникнуть самый могущественный микроскопъ“. Рихтеръ напечаталъ сочиненіе по нѣмецкой философіи, но я не нашелъ его въ Британскомъ Музеѣ.

Подведемъ итоги всему сказанному о первыхъ распространителяхъ

кантовой философіи. *Кто они такіе были? Учитель математики, лингвистъ, докторъ медицины, серебряныхъ дѣлъ мастеръ и живописецъ.* Изъ нихъ первые два были совершенно неталантливые педанты („такихъ, говоритъ о нихъ Де-Куинси, зовутъ у насъ въ Кэмбриджѣ Bergen-op-zoom"), третій и послѣдній писали о Кантѣ лишь случайно и всего нѣсколько строкъ, и только Уиргманнъ поработалъ много для распространенія кантовой философіи. Но его сочиненія были встрѣчены съ полнѣйшимъ равнодушіемъ не только публикой и присяжными философами вродѣ Д. Стьюарта, но и лицами, интересовавшимися философіей Канта, какъ, напримѣръ, авторомъ извѣстныхъ „Записокъ опіумоѣда", который сознается, что не собрался еще познакомиться съ сочиненіями Уиргманна, и критикуетъ Канта, не подозрѣвая, что „Пролегомена" и „Логика" переведены на англійскій языкъ. Такимъ образомъ, можно въ общемъ сказать, что опытъ перваго распространенія критической философіи въ Англіи былъ неудаченъ, и неудача эта, повидимому, зависѣла отчасти оттого, что пропаганда этого ученія дѣлалась людьми неподготовленными къ выполненію такой сложной задачи.

II.

Нельзя сказать, чтобы конецъ прошлаго столѣтія и первыя десятилѣтія нынѣшняго дали въ Англіи сколько-нибудь выдающихся представителей философской мысли среди профессоровъ университетовъ. Объ этомъ единодушно свидѣтельствуютъ лица, написавшія въ „Mind" очерки университетской философіи въ важнѣйшихъ колледжахъ Англіи. (См. „Mind" за 1876 годъ). Мало того, самая постановка университетскаго преподаванія этого предмета отличалась безжизненностью и узостью, при которой свободное развитіе философской мысли было невозможно. Такой порядокъ вещей продолжался очень долго—до шестидесятыхъ годовъ и даже позднѣе. Вотъ яркая характеристика этихъ особенностей преподаванія философіи, даваемая Джэмсомъ въ его статьѣ: „Преподаваніе философіи въ нашихъ колледжахъ" („Nation", 1876, v. 23, p. 178): „Преподаваніе философіи въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обыкновенно находится въ рукахъ ректора, который большею частью бываетъ духовнымъ лицомъ и весьма часто обязанъ своимъ положеніемъ своимъ нравственнымъ качествамъ и административнымъ способностямъ въ бо́льшей степени, чѣмъ философскому складу ума и дарованію; вслѣдствіе этого „благонадежность" (safeness) становится характеристической чертой его вліянія на уче-

никовъ; его лекціи скорѣе укрѣпляютъ въ ученикахъ добронравіе, чѣмъ пробуждаютъ ихъ мысль, и они покидаютъ школьную скамью (въ періодъ юношескихъ благородныхъ порывовъ къ рефлексіи надъ міромъ и нашимъ положеніемъ въ немъ) скорѣе нѣсколько разочарованными и охлажденными, чѣмъ заинтересованными тѣми безжизненными разсужденіями и полинялыми формулами, которыя имъ приходилось зазубривать". „Въ Англіи и Америкѣ всякое обсужденіе политическихъ и вообще практическихъ вопросовъ было свободно, какъ воздухъ; метафизическое же мышленіе всегда стѣснялось требованіями церковной ортодоксіи, и его или приноравливали къ этимъ требованіямъ, или же, когда оно принимало скептическую окраску, подвергали преслѣдованію, парализовали и дѣлали безсильнымъ вслѣдствіе одіознаго полемическаго отношенія къ нему. Короче сказать, у насъ характеръ разработки философскихъ проблемъ и ихъ обсужденіе слишкомъ приноровленъ къ церковнымъ требованіямъ (is too apt to be set for us by the existence of the Church). Англія только теперь начинаетъ выходить изъ этого состоянія". Джэмсъ указываетъ далѣе на необходимость совершенно эмансипироваться отъ этого „college régime": „Сколько бы мы ни проявляли скептицизма въ стремленіяхъ познать всеобщую истину, не надо никогда забывать, что изучать философію значитъ развивать въ себѣ привычку всегда видѣть другую возможную альтернативу для мысли, не принимать общепринятаго на вѣру, снова подвергать сомнѣнію то, что было принято ранѣе условно, обладать способностью становиться на чужія точки зрѣнія, словомъ—это значитъ обладать духовными горизонтами". Въ этой характеристикѣ университетскаго преподаванія философіи Джэмсъ съ большою мѣткостью отмѣчаетъ довольно часто встрѣчающійся у англійскихъ мыслителей недостатокъ—это *неспособность становиться на чужія точки зрѣнія*, недостатокъ, замѣчаемый не только среди профессоровъ, но и вообще у англичанъ. Имѣя его въ виду, мы поймемъ, почему философія Канта не только не вызвала въ англійскихъ университетахъ ни малѣйшей симпатіи, но даже ея „удѣльный вѣсъ", ея крупное значеніе въ исторіи человѣческой мысли было долгое время совершенно не оцѣнено въ Англіи.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Англіи, какъ извѣстно, процвѣтала шотландская школа здраваго смысла. Ея основатель Ридъ пережилъ на 15 лѣтъ появленіе „Критики чистаго разума" († въ 1796 г.); это сочиненіе осталось ему совершенно неизвѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе можно сказать, не рискуя ошибиться, что критическій идеализмъ

былъ бы для него такою же чуждою и несимпатичною точкой зрѣнія, какъ и идеализмъ Беркли. Преемникомъ Рида былъ Дугальтъ Стьюартъ, излагавшій его ученіе. Стьюартъ пользовался огромной популярностью въ Англіи. По смерти Рида, говоритъ авторъ статьи о Стьюартѣ въ Біографическомъ Словарѣ Lee: „онъ былъ единственнымъ философскимъ писателемъ съ авторитетнымъ именемъ въ Англіи, и за время войны, когда британскіе подданные были разобщены съ континентомъ, родители юныхъ аристократовъ посылали своихъ дѣтей въ Эдинбургъ вмѣсто обычнаго „grand tour“ по Европѣ“. Наиболѣе талантливымъ ученикомъ Стьюарта былъ Браунъ, котораго его учитель пережилъ на 7 лѣтъ († въ 1827 г.). Развитіе философской мысли отъ Рида черезъ Стьюарта къ Брауну можно охарактеризовать, какъ постепенное *„таяніе принциповъ здраваго смысла“*, выражающееся, во-первыхъ, въ постепенномъ уменьшеніи самоочевидныхъ для здраваго смысла принциповъ, которые Ридъ называетъ *natural suggestions*, Стьюартъ—*fundamental laws of belief*, а Браунъ—*irresistible beliefs*, и во-вторыхъ, въ постепенномъ возвращеніи къ идеализму Беркли и Юма. Ридъ былъ склоненъ думать, что мы *непосредственно чувствуемъ* реальность протяженной, непроницаемой субстанціи и духовной субстанціи, хотя и признавалъ, что намъ доступны лишь ея аттрибуты, а не она сама. Стьюартъ придалъ систематичность этому взгляду. „Мы, говоритъ онъ, не сознаемъ собственно нашего „Я“ или существованія „Я“: мы только сознаемъ ощущеніе или какое-нибудь другое качество, которое въ силу *слѣдующаго за нимъ внушенія разсудка* приводитъ насъ къ вѣрѣ въ то, что обладаетъ этимъ свойствомъ“ (Ph. Essay, p. 58). Браунъ открыто признаетъ идеализмъ съ логической точки зрѣнія неопровержимымъ и только съ практической точки зрѣнія отвергаетъ его. Понятно, что такое признаніе было почти равносильно осужденію точки зрѣнія здраваго смысла и вызвало энергичный протестъ со стороны другихъ приверженцевъ этой теоріи. Д. Стьюартъ открещивался отъ взглядовъ своего ученика, а преемникъ послѣдняго по каѳедрѣ Макинтошъ смотритъ на философію Брауна, какъ на *открытое возстаніе* противъ авторитета Рида (*„open revolt* against the authority of Reid“), заключающееся въ томъ, что Браунъ раскритиковалъ опроверженіе идеализма и ограничилъ число и значеніе принциповъ здраваго смысла. По мѣрѣ этого „таянія реализма“ у представителей „здраваго смысла“ измѣняется и отношеніе къ философіи Канта: Ридъ ее совершенно игнорируетъ, Д. Стьюартъ отрицаетъ за ней всякое значеніе и не признаетъ за ней даже никакой

оригинальности, Браунъ же хотя и считаетъ ученіе Канта ложнымъ, но отдаетъ справедливость оригинальности его идей. Въ сочиненіяхъ Дугальта Стьюарта, появившихся до 1810-го года, нѣтъ, какъ и у Рида, даже упоминанія этого философа. Въ 1810-мъ году вышла, въ качествѣ обширнаго введенія въ „Encyclopedia Britannica", „Диссертація о прогрессѣ метафизической, этической и политической философіи". Отдѣльною книгою вышелъ въ 1815 году ея 1-й вып. и въ 1821 году—2-й. Свои замѣчанія о критической философіи Стьюартъ начинаетъ съ заявленія, что незнаніе нѣмецкаго языка помѣшало бы ему сказать что-либо о Кантѣ, если бы не тѣ „исключительныя претензіи, съ какими эта философія была перенесена на этотъ островъ". Критическая философія, по его мнѣнію, представляетъ удивительное явленіе въ литературной исторіи: вслѣдъ за кратковременнымъ успѣхомъ ее постигло полное забвеніе. Философія Канта, по словамъ Дугальта Стьюарта, эфемерна потому, что она представляетъ систему метафизики, отвергающей всякое значеніе для познанія опыта и ощущеній. Въ подтвержденіе своей мысли онъ ссылается на приводимыя Уиллихомъ слова Шульце о Кантѣ: „Вся «Критика чистаго разума» основана на принципѣ, что существуетъ свободный разумъ, не зависящій совершенно отъ опыта и ощущеній". Рѣзкое разграниченіе *sensitive faculty* и *understanding* составляетъ, по Стьюарту, характеристическую черту этой системы, но эта черта неоригинальна: она заимствована у Cudworth'a, идеями котораго Кантъ могъ воспользоваться, ибо сочиненія Кудворта были переведены на латинскій языкъ Mosheim'омъ. Равнымъ образомъ Стьюартъ одобряетъ Meiners'a, который въ своей исторіи этики утверждаетъ, что ученіе Канта о нравственномъ долгѣ заимствовано имъ у Платона. Чтобы показать, что ученіе Канта о субъективности нашего познанія и его различеніе *явленій* и *вещей въ себѣ* цѣликомъ заимствовано у Кудворта, онъ приводитъ изъ сочиненій послѣдняго слѣдующія цитаты: „Нѣкоторыя идеи въ нашемъ духѣ происходятъ не отъ внѣшнихъ чувственныхъ объектовъ, но возникаютъ изъ внутренней активности самого духа", „даже простыя тѣлесныя вещи, пассивно воспринимаемыя чувствами, познаются и узнаются лишь при активномъ участіи духа". Кудвортъ развилъ ученіе о врожденности идей раньше и лучше Канта, хотя онъ и второстепенный англійскій мыслитель. Равнымъ образомъ, Кудвортъ предвосхищаетъ кантово различеніе явленій и вещей въ себѣ, говоря, что наряду съ αἰσθήματα и φαντάσματα существуютъ и νοήματα. По поводу трансцендентальной эстетики Д. Стьюартъ замѣчаетъ, что это выше его пони-

манія („непонятное для меня ученіе, что время не имѣетъ объективной реальности") [1]). Наряду съ этимъ онъ высказываетъ догадку, что это ученіе выросло на почвѣ этическихъ стремленій обосновать свободу воли: „Кто бы могъ подумать, что мнѣнія Канта по этимъ вопросамъ, самымъ отвлеченнымъ и спорнымъ во всей области метафизики, тѣсно связаны съ великимъ практическимъ вопросомъ о свободѣ человѣческой воли". Эта мѣткая догадка представляетъ пріятный сюрпризъ среди сплошного ряда фактически невѣрныхъ сужденій о происхожденіи и сущности Кантовой философіи. Таблица категорій, по мнѣнію Д. Стьюарта, говоритъ сама за себя безъ всякихъ комментаріевъ. Это смѣсь глупостей—„farrago of nonsense". Ученіе Юма о причинности, отъ котораго отправляется Кантъ, вовсе ужъ не такъ оригинально, оно есть у Малебранша и множества другихъ писателей. Этика Канта состоитъ сплошь изъ однихъ credenda, и въ основѣ ея лежитъ „metaphysical conundrum"—что человѣкъ (какъ ноуменонъ, а не какъ феноменонъ) существуетъ внѣ пространства и времени. Постулаты *практическаго разума* тожественны съ принципами здраваго смысла; практическій разумъ—это *упрямый призывъ къ вѣрѣ при неудачѣ теоретическаго обоснованія этики*. „Секретъ Канта", по мнѣнію Стьюарта, очень дешеваго свойства; заключается онъ въ таинственной и туманной терминологіи и въ той настойчивости, съ какою Кантъ проповѣдывалъ свое ученіе. Но это не помѣшало кантовой философіи пасть до смерти ея основателя. Сами послѣдователи Канта не могутъ столковаться между собою о самыхъ существенныхъ пунктахъ его философіи: этимъ объясняется появленіе такъ называемыхъ полукантіанцевъ. „Я часто пытался читать Канта по-латыни (въ переводѣ Борна), но всегда долженъ былъ бросать попытку въ отчаяніи частію вслѣдствіе схоластическаго варваризма стиля, частію же вслѣдствіе полной моей неспособности отгадать мысль автора. Когда мнѣ удавалось на мгновенье уловить проблескъ мысли, я извлекалъ его не изъ самого Канта, но изъ моего прежняго знакомства съ Юмомъ, Беркли, Ридомъ, мнѣнія которыхъ Кантъ облекъ въ свою терминологію". „Кантъ представляетъ самый яркій образчикъ писа-

[1]) Подобнымъ же образомъ въ наше время представители такъ называемаго „радикальнаго реализма", не имѣя возможности примириться съ представленіемъ идеальности временной смѣны, заключаютъ отъ ея независящей отъ сознанія реальности къ независящей отъ сознанія реальности перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ и, слѣдовательно, къ независящей отъ сознанія реальности послѣдняго: „Percipio tempus, ergo est mundus". (Siegfried. „Der radicale Realismus").

теля, систематически примѣнявшаго правило, которое Квинтиліанъ приписываетъ древнему ритору,—*какими способами надо вызывать поклоненіе толпы*—правило, показывающее глубокое знаніе человѣческой природы: „Neque id novum vitium est, cum jam apud Titum Livium inveniam fuisse praeceptorem aliquem qui discipulos *obscurare* quae dicerent juberet, Graeco verbo utens σκότισον.—Unde illa scilicet egregia laudatio: *Tanto melior ne ego quidem intellexi*“. По этому поводу Стьюартъ напоминаетъ послѣдователямъ Канта выраженіе Фонтенеля: „En écrivant j'ai taché toujours de m'entendre“. Подобныя жалобы на непонятность слога, и притомъ *непонятность предумышленную,* можно встрѣтить очень часто у англійскихъ критиковъ нѣмецкихъ философскихъ сочиненій. Такъ, напримѣръ, въ наши дни Джэмсъ приписывалъ успѣхъ философіи Гегеля туманности его терминологіи и упрямству, съ которымъ онъ навязывалъ ее окружающимъ. Онъ называетъ Гегеля Наполеономъ философіи, который силою желѣзной воли заставилъ цѣлый міръ преклонить колѣни передъ логической безсмыслицей [1]). Можно предположить, что „невѣжественная и пренебрежительная критика“ кантовой философіи, какую мы находимъ у Стьюарта, обусловлена тѣмъ, что онъ не зналъ нѣмецкаго языка, и изучалъ Канта по „De Mundi sensibilis etc.“, по никуда негодному переводу Борна и по неудовлетворительнымъ французскимъ изложеніямъ Виллера, Буле и Дежерандо, но, какъ справедливо замѣчаетъ Магаффи [2]), не въ этомъ заключалась причина полнаго непониманія Канта. Она кроется въ бѣдности философскаго воображенія, въ неспособности становиться на чужія точки зрѣнія, связанной съ убѣжденіемъ въ безплодности метафизическихъ умозрѣній, на которое Лесли Стефенъ указываетъ, какъ на черту, препятствовавшую нерѣдко англичанамъ достигнуть желанной широты въ ихъ философскихъ взглядахъ. Этимъ объясняется чрезмѣрный націонализмъ, въ который они иногда впадаютъ въ философскихъ умозрѣніяхъ [3]). Будучи, какъ я сказалъ, первымъ авторитетомъ по философіи въ Англіи, Стьюартъ, безъ сомнѣнія, своею критикой сильно содѣйствовалъ ослабленію интереса къ критической философіи въ публикѣ. На это съ

---

[1]) См. статью: „On some hegelisms“, Mind. 1882.

[2]) См. вышеупомянутую статью.

[3]) „Если бы Кантъ, замѣчаетъ Лесли Стефенъ, никогда не жилъ или жилъ въ Пекинѣ, то англійскіе мыслители XVIII вѣка оставались бы въ неменьшемъ невѣдѣніи объ его положеніи въ исторіи философіи“. History of English Thought in the 18-th Century, I, 37.

горечью указываетъ ему Уиргманнъ въ своихъ статьяхъ въ „Encyclopedia Londinensis". По поводу критики кантовой философіи Стьюарта, появившейся въ 1810 г., онъ горячо полемизируетъ противъ нападокъ Стьюарта на Канта. Онъ указываетъ на то, что философія Стьюарта, не обслѣдовавшая происхожденія и природы *идеи причинности*, должна усматривать въ ней „natural prejudice". Чего ожидать, спрашиваетъ онъ, отъ такой философіи человѣческаго ума?—Конечно, не всеобщей очевидности! Приводя слова Стьюарта, что его трудъ по изученію критической философіи, „вызвалъ въ немъ въ концѣ-концовъ чувство сожалѣнія по поводу потраченнаго времени и вниманія, которыя были употреблены имъ на безплодную и неблагодарную задачу", Уиргманнъ выражаетъ удивленіе, что Стьюартъ не понимаетъ Канта, не смотря на свою обширную эрудицію и на искреннюю любовь къ истинѣ *(sincere love of truth)*. Уиргманнъ находитъ, что этотъ фактъ трудно было бы объяснить, если бы не было хорошо извѣстно психологическое явленіе, заключающееся въ слѣдующемъ: „Умъ, который работалъ въ извѣстномъ направленіи однообразно въ теченіе продолжительнаго періода времени, нелегко поддается измѣненіямъ въ своемъ складѣ. Человѣкъ, съ дѣтства усвоившій астрономическія представленія въ духѣ системы Птоломея или Тихо де Браге, не пожелалъ бы, чтобы въ зрѣломъ возрастѣ всѣ его ученыя познанія были ниспровергнуты, и на мѣсто ихъ была бы поставлена химера, какою должна была казаться система Коперника въ его предубѣжденныхъ глазахъ". Нельзя не признать въ этомъ мѣткомъ замѣчаніи безспорную талантливость Уиргманна: онъ не истолковывалъ антипатіи Стьюарта къ идеализму невѣжествомъ знаменитаго философа или его пристрастіемъ къ Канту, а подыскалъ чисто научное объясненіе тому факту, что усвоеніе критической философіи представляло такія трудности; эти трудности заключались въ необходимости преодолѣть продолжительнымъ перевоспитаніемъ себя „Friction"—треніе метафизическихъ привычекъ, какъ выражался Кантъ [1]). Дальнѣйшія отношенія между знаменитымъ профессоромъ и бѣднымъ серебряныхъ дѣлъ мастеромъ заключались въ слѣдующемъ. По мѣрѣ того, какъ Уиргманнъ печаталъ свои статьи и переводы въ „Encyclopedia Londinensis", онъ посылалъ ихъ Стьюарту, а послѣдній благодарилъ его и въ двухъ частныхъ письмахъ изложилъ

---

[1]) См. мою статью: „О психологическомъ изученіи метафизическихъ иллюзій": „Жизнь" янв. 1900 г.

причины, почему онъ не расположенъ усвоивать принципы критицизма [1]).

Задолго до появленія замѣчаній Стьюарта о кантовой философіи его ученикъ Браунъ помѣстилъ въ первомъ № „Edinburgh Review" (1804) рецензію на книгу Villers'a": „Философія Канта". Отмѣчая индифферентизмъ англичанъ къ метафизикѣ, Браунъ иронически прибавляетъ по адресу Виллера, что ему, утверждающему, будто хорошей книгѣ труднѣе перейти черезъ Рейнъ, чѣмъ всей австрійской арміи, принадлежитъ „the glory of illuminating his contrymen in *purisms* and *suprasensibles*". Система Канта, замѣчаетъ онъ далѣе, извѣстна „under the very absurd name of the *critical philosophy*"; онъ предлагаетъ замѣнить это названіе („дающее англійскимъ читателямъ такъ мало указаній на тѣ специфическіе процессы мысли, которымъ оно должно соотвѣтствовать") другимъ: „*self-reviewing philosophy*". Объ отношеніи Брауна къ идеализму и въ частности къ идеализму Канта я говорилъ въ другомъ мѣстѣ [2]); здѣсь замѣчу только, что онъ, считая

---

[1]) „Dear Sir, I can with great sincerity assure you, that I feel very gratefully the offer which you have made me of the use of your papers and that I entertain all the respect which is justly due to your disinterested zeal for the improvement of your favourite science: but at the age of three score it would be vain for me to begin the study of new systems and I must therefore content myself with giving to the world in their present very imperfect state the speculations of my better years. I shall return your manuscript by the first safe opportunity which I shall find from this neighborhood, and would indeed have done so several weeks ago, if not been anxious to send it by some friend who might deliver it into your own hands. I am with great regard, dear Sir, your obliged and most obedient servant D. Stewart". „Dear Sir, I cannot sufficiently admire the zeal and perseverance with which you have so long laboured to diffuse the knowledge of those logical and metaphysical principles, which you conceive to be of such importance to the world, and feel myself indebted to you for the flattering kindness, with which you personally have been pleased so repeatedly to call my attention, to your favourite author. I am glad to hear that you have some thoughts of undertaking an english translation of the „Critic of Pure Reason", for although at my period of life I see little probability of my changing my philosophical creed, I should certainly consider a faithful version of a work so highly extolled by men of talents and candour as a very valuable accession to the stock of our national literature. May I request that you will have the goodness to insert my name in the list of subscribers for your translation of the „Critic of Pure Reason". Your kind present of the „Metaphysics" reached me some weeks ago, but I have not as yet had a moments time to bestow upon it." (1-е письмо 27-го іюня 1813 г., 2-е—1-го іюня 1817 г.).

[2]) См. мою статью: „О трусости въ мышленіи". „Вопросы филос. и психологіи" 1900. Декабрь.

его неопровержимымъ съ логической точки зрѣнія, признаетъ практически несостоятельнымъ. Но насколько трудно было на самомъ дѣлѣ ему стать на точку зрѣнія критическаго идеализма, можно видѣть изъ того, что онъ предлагаетъ относительно терминовъ Канта „phaenomenon" и „noumenon" слѣдующую мѣру: употреблять ихъ въ обратномъ значеніи и называть „феноменомъ" то, что воздѣйствуетъ на внѣшнюю чувствительность, а „ноуменомъ" образующіяся затѣмъ сложныя сочетанія ощущеній въ воспріятіи, „to reverse the use of them, and call a phaenomenon whatever *effects the external sensibility* and noumena *the subsequent compounds of perception*". Отсюда ясно, что, признавая идеализмъ на словахъ неопровержимымъ, Браунъ на дѣлѣ склоненъ усматривать между внѣшнею неизвѣстною вещью, воздѣйствующею на нашу чувственность, и психическими результатами ея воздѣйствія, образующими комплексы ощущеній въ видѣ воспріятій, *причинную зависимость*, что составляетъ характеристическую черту догматическаго и въ частности реалистическаго способа мышленія. Между тѣмъ именно въ этомъ Браунъ упрекаетъ Канта. По его мнѣнію, „self-reviewer" сочетаетъ крайній скептицизмъ съ реставраціей догматизма, представляющей „комментарій къ ученію Лейбница о врожденныхъ предрасположеніяхъ ума"; „поэтому теорія Канта представляется намъ не чѣмъ инымъ, какъ сочетаніемъ обычнаго утвержденія всякаго скептика (относительно недоказуемости внѣшней реальности) съ практической вѣрой въ эту реальность, которой придерживается всякій скептикъ, но которую онъ ради выгодъ своей теоріи безмолвно хранитъ въ глубинѣ души". Оригинальность Канта заключается въ признаніи идеальности пространства и времени и въ то же время реальности внѣшняго міра, но это въ сущности нелѣпо. Анализируя генезисъ и составъ кантовой теоріи знанія, Браунъ разлагаетъ ее на слѣдующіе элементы:

Кантова теорія познанія.
1) Эгоизмъ [1]) Беркли и Юма.
2) Отрицаніе необходимости въ причинной связи и реальности внѣшняго міра Юма.
3) Нативизмъ Лейбница.
4) „Здравый смыслъ" Рида.

Но попытка Канта, несмотря на свою оригинальность, несостоя-

---

[1]) Въ *гносеологическомъ*, а не въ *этическомъ* смыслѣ слова: въ XVIII вѣкѣ слово „эгоизмъ" часто употреблялось вмѣсто слова „солипсизмъ".

тельна: въ ней *два* первые элемента ослабляютъ *два* послѣдніе и обратно.

Въ 1805 г. въ замѣткѣ о книгѣ Лихтенберга Браунъ повторяетъ свой неблагопріятный приговоръ надъ критической философіей, ссылаясь на фактъ, явнымъ образомъ свидѣтельствующій о ея разложеніи, на взаимное непониманіе другъ друга, какое замѣчается у послѣдователей этого направленія. Въ промежуткѣ отъ 1810 до 1830 годовъ въ Англіи, повидимому, ни одинъ изъ университетскихъ представителей философіи не написалъ о Кантѣ ни единой строчки. Этотъ періодъ можно назвать вообще періодомъ временнаго упадка философіи въ Англіи и во Франціи.

Въ 1816 году Гегель, открывая свой курсъ исторіи философіи въ Гейдельбергѣ, говорилъ: „У другихъ народовъ отъ философіи сохранилось одно лишь названіе; ея идея погибла, и она существуетъ только у нѣмцевъ". Въ этихъ словахъ нельзя видѣть особеннаго преувеличенія примѣнительно къ моменту, когда они были произнесены. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ году Бентаму было 60 лѣтъ, и онъ ничего не писалъ, Д. Стьюарту болѣе 75, Джону Миллю—18, Уэвелю—22 г., Гамильтону—18, Конту—18, Литтре—17, Вашро—7. Бэна, Спенсера, Тэна, Ренана, Ренувье и др. еще не было на свѣтѣ. Упадокъ философскихъ интересовъ за это время былъ такъ великъ въ Англіи, что по цѣлымъ годамъ о нѣмецкой философіи не дѣлалось никакихъ упоминаній не только въ книгахъ, но даже въ журнальныхъ замѣткахъ. Такъ, напримѣръ, я не рѣшаюсь этого категорически утверждать, но имѣю основаніе думать, что въ промежуткѣ между критическими замѣтками о Кантѣ Брауна (1805) и появленіемъ статьи о критицизмѣ Стьюарта (1810) въ англійской литературѣ трудно найти даже простое упоминаніе о Кантѣ и его эпигонахъ.

Подводя итоги сказанному объ отношеніи представителей университетской философіи къ критицизму, мы видимъ, что оно было крайне неблагопріятнымъ для распространенія этого ученія, благодаря: 1) неподготовленности англійскихъ ученыхъ къ ея усвоенію и ихъ узкому націонализму и 2) общему временному упадку философіи въ этой странѣ.

III.

Нельзя сказать, чтобы статьи и замѣтки философскаго содержанія, помѣщаемыя въ газетахъ и журналахъ, составлялись всегда лицами

съ надлежащей философской подготовкой. Наоборотъ, ни для кого не тайна, что наивныя или невѣжественныя сужденія по философскимъ вопросамъ можно встрѣтить въ журнальной литературѣ сплошь да рядомъ. Въ виду этого возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли намъ перебирать и воспроизводить газетныя рецензіи о Кантѣ, писанныя большею частію людьми некомпетентными въ проблемахъ метафизики. На это, конечно, слѣдуетъ отвѣчать утвердительно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, настоящая статья имѣетъ главною цѣлью выясненіе *историческихъ* условій для распространенія критицизма въ Англіи. А однимъ изъ важныхъ историческихъ факторовъ является общественное мнѣніе и печать, которая служитъ въ извѣстной мѣрѣ его выраженіемъ. Съ такой точки зрѣнія, *всякій* отзывъ о Кантѣ пріобрѣтаетъ интересъ, не столько въ качествѣ выраженія извѣстнаго философскаго мнѣнія, сколько въ видѣ показателя успѣха или неуспѣха извѣстныхъ идей въ обществѣ, симпатіи или антипатіи къ нимъ. Во-вторыхъ, и это особенно важно, большое разстояніе, отдѣляющее мнѣнія философски развитого человѣка отъ сужденій лицъ, не привыкшихъ къ философскимъ умозрѣніямъ, *очень уменьшится*, если мы будемъ разсматривать эти мнѣнія не съ точки зрѣнія ихъ философской состоятельности, а въ качествѣ *психологическаго матеріала* для изученія метафизическихъ иллюзій.

Я уже замѣтилъ, что первая четверть этого столѣтія характеризуется значительнымъ упадкомъ интереса къ нѣмецкой философіи да и вообще къ философскимъ умозрѣніямъ. Философія Канта и другихъ нѣмецкихъ мыслителей въ теченіе трехъ десятилѣтій почти совсѣмъ не интересовала англійское общество [1]).

Первая попавшаяся мнѣ журнальная замѣтка о Кантѣ въ „Monthly Review" (v. X) представляетъ рецензію на голландскую книгу: „Verhandelingen nitgegeeven door de Hollandsche Maatschappye" etc. Memoirs published by the philosophical society of Harlem, v. XXVIII, Haarlem, 1792. Общество это предложило сочиненіе о Кантѣ на конкурсъ. Были представлены три работы: Schwab'омъ изъ Штутгарта, Behn'омъ изъ Любека и Jakob'омъ изъ Галле. Послѣдняя удостоена серебряной медали. Вотъ что пишетъ англійскій рецензентъ по поводу интереса

---

[1]) Вѣроятно, именно этотъ фактъ побудилъ Стирлинга жаловаться на невыгоды обособленной жизни на островѣ для философіи и на отсутствіе у англичанъ преемственности въ усвоеніи чужихъ философскихъ системъ, имѣвшихъ огромное историческое значеніе („англичанамъ недостаетъ historic pabulum, hereditary pabulum").

къ философіи Канта, проявляемаго этимъ обществомъ: „Мы, къ сожалѣнію, должны отмѣтить, что въ настоящее время общество, повидимому, промѣняло восхитительное и плодотворное поле практической философіи и практически полезной науки на голую и отвратительную пустыню умозрительной метафизики". Въ новой философской системѣ особенно антипатична погоня за схоластическими тонкостями: люди „изобрѣтаютъ новый техническій языкъ и воображаютъ, что они нашли болѣе достовѣрный путь къ святилищу истины только потому, что выражаются отлично отъ другихъ". Теоретическій разумъ, по Канту, это нѣкоторая „прирожденная способность" (innate faculty); пространство и время—формы перцепціи; объекты, воспринимаемые нами въ пространствѣ, существуютъ только внутреннимъ, а не внѣшнимъ образомъ. Кантъ устанавливаетъ четыре категоріи: качества, количества, отношенія и *модификаціи* (sic). Въ общемъ рецензентъ находитъ у Канта „много темнаго и неяснаго, что погружаетъ нашъ умъ въ сомнѣніе и скептицизмъ вмѣсто того, чтобы поддерживать его въ пріобрѣтеніи истиннаго знанія... Большая часть этой системы далеко не оригинальна и, повидимому, обнаруживаетъ сходство съ остроумной софистикой д-ра Беркли". Эта рецензія заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что она напоминаетъ первую рецензію на Канта въ Германіи—Федера-Гарве. И Федеръ, и англійскій рецензентъ не видятъ въ критическомъ идеализмѣ ничего оригинальнаго, смѣшивая его съ догматическимъ идеализмомъ Беркли.

Въ томъ же журналѣ на слѣдующій годъ (1793) появилась рецензія на другую голландскую книгу (переводъ съ нѣмецкаго сочиненія J. L. Ewald'a): „Brjeven aan Emma". Это—письма нѣкотораго господина къ „Кантіанкѣ" (to a female Kantian) о кантовой философіи. Философія Канта, говоритъ рецензентъ, „привлекла вниманіе дамъ, изъ которыхъ многія становятся теперь ея ревностными послѣдовательницами", далѣе онъ замѣчаетъ: „она ежедневно пріобрѣтаетъ новыхъ адептовъ, и многія изъ тѣхъ лицъ, которыя прежде были солидарны съ нами во взглядахъ на эту систему, теперь становятся ея усердными защитниками". Не указываетъ ли это замѣчаніе на то, что и до появленія Нитша въ Лондонѣ въ Англіи были лица, интересовавшіяся Кантомъ? Какъ бы тамъ ни было, но рецензентъ, указавъ на этотъ фактъ возрастающаго интереса къ Канту, сообщаетъ, что новые адепты кантова ученія обратили его вниманіе и на тѣ *психологическія причины*, которыя дѣлаютъ для него столь труднымъ усвоеніе критицизма: по ихъ словамъ, „наши возраженія на эту систему обусловлены непра-

вильнымъ пониманіемъ ея цѣлей и размѣровъ и, быть можетъ, также чувствомъ принужденія, которое испытываетъ нашъ духъ, когда его заставляютъ отказаться отъ принциповъ, какими онъ проникся раньше, и усвоить новыя чувства, повидимому, угрожающія тому, что онъ такъ долго лелѣялъ; и когда ему навязываютъ новый философскій языкъ, къ которому нелегко привыкнуть". Такимъ образомъ, то „треніе", которому долженъ подвергнуться умъ изучающаго критическую философію, чтобы отрѣшиться отъ догматическихъ привычекъ, смутно сознавалось и противниками, и послѣдователями критической философіи (Уиргманнъ), но только въ наше время сознана важность спеціальнаго изученія этого психологическаго явленія [1]). Рецензентъ отмѣчаетъ далѣе, что эти *психологическіе факторы*, противодѣйствующіе усвоенію критицизма, быть можетъ, не сознаются нами: „если эти обстоятельства оказали нѣкоторое ненадлежащее вліяніе на насъ, то *они дѣйствовали такъ скрытно, что не были замѣчены нами самими*". Въ заключеніе авторъ ссылается на свою ученую репутацію въ качествѣ химика, чтобы завѣрить читателей въ своемъ безпристрастіи: „Мы думаемъ, что мы спокойно можемъ сослаться на наши прежніе труды и особенно на статьи по химіи, чтобы показать, что мы не предубѣждены ни за, ни противъ какихъ-либо мнѣній исключительно въ силу ихъ новизны".

Въ томъ же году въ этомъ журналѣ помѣщена краткая замѣтка о новомъ сочиненіи, удостоенномъ премія гарлемскимъ обществомъ: „Disputatio de principiis doctrinae morum Henrici Constantini Cras"; здѣсь рецензентъ неодобрительно отзывается о кантовой этикѣ, не развивая своихъ мнѣній.

Послѣ лекцій Нитша о Кантѣ въ Лондонѣ (1795) появилось въ „Monthly Magazine" письмо въ редакцію Томаса Беддоэса. Онъ обращаетъ вниманіе публики на систему Канта и выражаетъ желаніе, чтобы Кантъ былъ переведенъ, хотя и отмѣчаетъ крайнюю темноту его стиля. По поводу недоумѣній, которыя вызвала у нѣкоторыхъ кантова система, онъ даетъ разъясненія, заимствованныя у Рейнгольда. *Скептики*, говоритъ онъ, видятъ въ Кантѣ новаго *догматика, супранатуралисты— невѣрующаго, натуралисты — мистика, матеріалисты* считаютъ его *ученикомъ Беркли, спиритуалисты* жалуются на то, что онъ *ограничиваетъ познаніе территоріей опыта*. Но эти разнообразныя точки зрѣнія на самомъ дѣлѣ примиряются Кантомъ. Если раздѣлить филосо-

[1]) См. мою статью „О трусости въ мышленіи". („Вопр. филос. и псих." 1900 декабрь).

фовъ на 4 группы: *догматическіе атеисты*, *догматическіе скептики*, *супра-натуралисты* и *догматическіе теисты*, то окажется, что по Канту: I. Нельзя отрицать существованіе Бога [три противъ перваго]. II. Можно дать удовлетворительный отвѣтъ [три противъ второго]. III. Нельзя извлечь его изъ откровенія [три противъ третьяго]. IV. Утвердительный отвѣтъ недоказуемъ [три противъ 4-го]. Оказывается, что „положенія, имѣющія за себя *большинство голосовъ*, являются результатами кантова изслѣдованія нашихъ познавательныхъ способностей“, „the propositions that have the *plurality of voices* happen to be the results of Mr. Kant's examination of our intellectual faculties“. Я отмѣчаю сочувственное отношеніе Беддоэса къ этому курьезному мнѣнію о философіи Канта, такъ какъ оно показываетъ, какъ сильна у англичанъ наклонность рѣшать даже метафизическія проблемы *большинствомъ голосовъ*. Лесли Стефенъ справедливо замѣчаетъ, что для англичанъ и въ метафизикѣ „vox populi—vox Dei“; consensus universalis—одинъ изъ важнѣйшихъ критеріевъ истины.

Въ 1798 году появился рядъ короткихъ рецензій на французскіе переводы нѣкоторыхъ второстепенныхъ сочиненій Канта, между прочимъ, замѣтка о переводѣ Peier Imhoff'омъ статьи Канта: „Observations sur le sentiment du beau“. Здѣсь отмѣчается неуспѣхъ Нитша и полное невниманіе публики къ англійскому переводу статьи „Zum ewigen Frieden“ [1]). Рецензентъ относится къ Канту свысока и пробуетъ *пародировать* его терминологію: „Of the author we cannot but suspect that his empirical acquaintance with works of taste is not comprehensive, his receptivity for aesthetical gratification not delicate; his transcendental deduction of categories of criticism neither discretive, nor exhaustive and that the phaenomena of beauty with respect to him rank among the noumena“. Книга Нитша вызвала нѣсколько рецензій. Первая появилась въ „British Critic“ и, повидимому, написана духовнымъ лицомъ, можетъ быть, Глейгомъ, о которомъ я буду говорить ниже. Нитшъ—это гіерофантъ религіи, которую онъ желаетъ поставить на мѣсто исповѣдуемой нами. Воспроизведя 101 положеніе Нитша, авторъ заключаетъ: „Конечнымъ результатомъ всего этого метафизическаго аппарата является простое положеніе, столь же

---

[1]) Въ 1797 году вышелъ англійскій переводъ нѣсколькихъ статей Канта и Бека: „The principles of Critical Philosophy selected from the works of Emmanuel Kant and expounded by James Sigism. Beck. translated from German by an auditor of later“.

тривіальное по внутреннему смыслу, какъ и по формѣ, въ которой оно выражено. Такъ какъ разумъ, разсудокъ и чувственная воспріимчивость „ограничены сферой опыта“ („are confined to experience“), то отсюда слѣдуетъ, что все, что люди могутъ познать—суть объекты въ пространствѣ и времени и въ тѣхъ умственныхъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ это познаніе возможнымъ. „Если теоретическая философія Канта сводится къ трюизму, то практическая оскорбляетъ религіозное и нравственное чувства“. „Христіане вѣруютъ въ свободу воли, но профессоръ Кантъ хочетъ доказать ее, не вѣруя въ откровеніе... Категорическій императивъ! Что это такое? Плоское и неостроумное извращеніе основного нравственнаго принципа евангелія! Нужно-ли было для этого являться на свѣтъ профессору Канту“! На эту „тривіальность“ ученія о категорическомъ императивѣ, на отсутствіе оригинальности въ этомъ принципѣ указывали и первые критики Канта въ Германіи; по поводу нихъ Кантъ дѣлаетъ замѣчаніе въ „Критикѣ практическаго разума“ (пер. Соколова, стр. 8-я). Статья заключается выраженіемъ надежды, что здравый смыслъ британцевъ побудитъ ихъ отвергнуть „такія висящія на воздухѣ теоріи и опираться на твердые факты, гдѣ только они могутъ быть установлены въ качествѣ основы истинной вѣры и трезваго взгляда на вещи“. Эта статья была переведена на нѣмецкій языкъ и выпущена въ Лондонѣ отдѣльной брошюрой въ 1797 году.

Кромѣ этой статьи, появилась о Нитшѣ замѣтка въ XXI т. „Critical Review“, гдѣ рецензентъ истолковываетъ *иллюстраціи логическихъ противорѣчій*, приводимыя Нитшемъ (вродѣ *круглый квадратъ*), въ качествѣ *понятій, составляющихъ сущность критической философіи*: „мы должны сознаться, что его примѣры «квадратнаго круга» и „самопротиворѣчащаго доказательства“ не очень просвѣтили насъ, ибо, что бы ни говорилъ и ни дѣлалъ онъ или проф. Кантъ, для нашего ума такія понятія совершенно немыслимы, какъ заключающія въ себѣ самое непосредственное и вопіющее противорѣчіе“.

Рецензентъ той же книги въ „Monthly Review“ говоритъ: „Оригинальна или нѣтъ философія Канта, во всякомъ случаѣ съ ней надо ближе познакомиться“. Онъ однако склоненъ думать, что она сводится скорѣе къ установленію новой терминологіи, чѣмъ къ созданію новой системы. „Сейчасъ мы ограничимся только замѣчаніемъ, что система (Канта), какъ намъ кажется, можетъ, пожалуй, въ концѣ-концовъ быть скорѣе не чѣмъ инымъ, какъ *новымъ словаремъ метафизическихъ*

терминовъ, а не болѣе усовершенствованнымъ открытіемъ процессовъ человѣческаго ума въ его дѣятельности".

О Книгѣ Уиллиха появилась пренебрежительная замѣтка въ „Critical Review" (1798), гдѣ говорится, что основной принципъ Канта заключается въ положеніи: существуетъ свободный разумъ, независящій отъ опыта и ощущеній. „Это—ученіе явно противоположное тому, которое мы впитали въ себя съ дѣтства отъ Локка, оно гласитъ: источникомъ нашихъ идей являются ощущеніе и рефлексія... Для большинства изъ нашихъ читателей бóльшій интересъ представляютъ три опыта объ Аделунгѣ" (филологическое изслѣдованіе, изданное Уиллихомъ въ одной книгѣ съ изложеніемъ Кантовой философіи).

Въ „Monthly Review" (1799) та же книга вызвала еще болѣе рѣзкую критику. Кантъ пользуется въ Пруссіи славой: „Ученики Канта, подобно ученикамъ Плотина, повидимому, недоумѣваютъ, почитать-ли имъ своего учителя, какъ мудреца, или боготворить его, какъ божество: отъ почитанія ангелическихъ и серафическихъ докторовъ своихъ предковъ они перешли къ преклоненію передъ этимъ воплощеннымъ Логосомъ, и имъ недостаетъ только трубы іерихонской, чтобы протрубить имя его отъ солнца до солнца". Философія Канта, по мнѣнію рецензента, не заключаетъ въ себѣ ничего положительнаго: „Если мы станемъ разспрашивать ея послѣдователей объ общемъ духѣ его системы, то они отвѣтятъ намъ лишь указаніями на то, что она *не* есть. Она не атеизмъ... ни теизмъ... ни матеріализмъ, ни идеализмъ... ни индетерминизмъ... ни фатализмъ... ни догматизмъ... ни скептицизмъ... А въ сущности это—не что иное, какъ попытка развить скептическую философію Юма въ формѣ отвратительной схоластической діалектики". Философія Канта возбуждаетъ подозрѣнія уже тѣмъ, что ея творцу за 70 лѣтъ. „На рѣдкость исключительный періодъ для построенія новой системы!" Въ качествѣ образчика нелѣпой терминологіи Канта рецензентъ указываетъ на слова: architectonic, cosmology, deduction, dynamical, immanent, intuition, noumenon, phaenomenon, objective, phoronomy, teleology. „Мы извлекли слова самыя неупотребительныя или же употребляемыя Кантомъ въ самомъ необычномъ значеніи". Въ заключеніе авторъ говоритъ, что это стремленіе вводить слова или измѣнять значеніе старыхъ обусловлено *тщеславіемъ.* Оно является причиною появленія „толпы людей, мелющихъ вздоръ; есотерическій жаргонъ, діалектическая туманность скоро будутъ выдаваться за

точность ума, и такое же умопомраченіе наступитъ для современной интеллигенціи, какое распространили на древнихъ платоновцы изъ Александріи". Кантовскій *шифръ иллюминатства* представляетъ опасность для общества, какъ и извѣстный всѣмъ *якобинизмъ* его образа мыслей. Рецензентъ пародируетъ терминологію Канта [1]).

Я останавливаюсь на этой рецензіи, такъ какъ она наглядно показываетъ, *какою дикою представлялась современникамъ фразеологія Канта*, и какой глубокій переворотъ произвело его ученіе въ философской терминологіи. Всѣ слова, приводимыя рецензентомъ, какъ безполезныя неологизмы, вошли въ современную философскую терминологію съ тѣмъ значеніемъ, какое имъ придалъ Кантъ. Такъ, напримѣръ, слово *объективный*, на которое указываетъ рецензентъ, какъ на терминъ, странно примѣняемый Кантомъ, получило свое современное значеніе впервые, какъ указываетъ Эйкенъ, въ сочиненіяхъ Канта. Лессингъ пользовался терминами *субъективный* и *объективный* въ противоположномъ современному смыслѣ.

Еще ранѣе въ 1797 году въ „Monthly Magazine" появилось курьезное письмо: „On Mr Hume's account of the origin of the idea of cause". Авторъ старается разъяснить, что *привычка не можетъ породить идеи необходимой связи*, а въ заключеніе задается ироническимъ вопросомъ, къ чему все это изслѣдованіе, когда на практикѣ можно обойтись безъ него, на что также иронически отвѣчаетъ: „Само собой разумѣется. И что еще любопытнѣе, такъ это, что мы, по всей вѣроятности, будемъ диспутировать о „*конечной причинѣ*" и съ самымъ ученымъ видомъ аргументировать за и противъ ученія о необходимыхъ законахъ познанія, не задаваясь вопросомъ о томъ, можемъ ли мы дать себѣ отчетъ, какъ подобная идея пришла намъ въ голову.

---

[1]) „Heteroclytical phraseology is the first step to heteronomy of apperception... The teleology of Nature, which may differ from that of well meaning individuals has repeatedly caused philosophy to destroy herself by her own weapons;—and we should rely more on empirical than on transcendental deduction in a question of pragmatic causation. Confusion of languages, says the parable, broke up and rebarbarised the first civil society. Perhaps our hypothesis is influenced by architectonic prejudice; it certainly is not advanced as apodictic futurity. Can it the be worth while to learn to use

This party-coloured dress
Of patch'd and py-ball'd languages,
This english cut on Greek and Latin."

Все это несомнѣнно такъ, и тѣмъ не менѣе есть причина, *почему* я желаю, чтобы мы могли дать отвѣтъ на этотъ и на тысячу другихъ вопросовъ: въ такомъ случаѣ у насъ будетъ основаніе отвергнуть философію Канта безъ ближайшаго изслѣдованія и прекрасное оправданіе для того, чтобы относиться съ презрѣніемъ къ чужеземной философіи, а для этого намъ надо только создать самобытную, раціональную и критически обоснованную теорію".

Въ 1802 году въ „Monthly Magazine" появилась замѣтка о Кантѣ, въ которой указывается на то, что безусловный идеализмъ Канта ведетъ къ скептицизму, онъ вынуждаетъ насъ сказать, что Богъ не болѣе вѣченъ, чѣмъ желтъ, и даже отрицать in toto существованіе Бога на томъ основаніи, что Онъ не тожественъ съ нами. Чтобы избѣгнуть упрека въ эгоизмѣ и матеріализмѣ, Кантъ допускаетъ Его существованіе, ссылаясь на сердечное убѣжденіе (conviction of the heart), но это слишкомъ напоминаетъ небесную бутафорію (celestial machinery) нѣкоторыхъ нѣмецкихъ драмъ, съ другой стороны „сердечное убѣжденіе" напоминаетъ *pacta conventa* Польши: достаточно найтись одному дурному сердцу, отвергающему это убѣжденіе, и нравственность разрушена, и матеріализмъ царитъ во всей своей наготѣ". Критическая философія угрожаетъ *„серьезнымъ бѣдствіемъ человѣчеству"* (II, 265, 266). Въ другой статьѣ того же года отмѣчается возрастающее вліяніе Канта въ Германіи: „Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого явилась всеобщая анархія и смятеніе умовъ, ибо предшествующія теоріи рухнули, какъ зданія, построенныя безъ фундамента. Теперь появились какіе-то молодые люди—Фихте и Шеллингъ, учащіе самому абсурдному идеализму. Чтобы быть послѣдовательнымъ, идеалистъ долженъ по необходимости сдѣлаться гордымъ и наглымъ (arrogant), ибо какое уваженіе слѣдуетъ ему питать къ существамъ, которыя онъ считаетъ простыми продуктами своего ума?!" И дѣйствительно, продолжаетъ далѣе авторъ замѣтки, своею гордостью и заносчивостью нѣмецкіе идеалисты вызвали ненависть публики и стали ея посмѣшищемъ („Monthly Magazine" 1802, II, 606). Послѣ смерти Канта, какъ я уже замѣтилъ, въ журнальной литературѣ исчезаютъ даже упоминанія о немъ, и лишь въ 1815, 1824, 1827 и 1829 годахъ снова появляются статьи и замѣтки о его философіи, на этотъ разъ принадлежащія такимъ даровитымъ литераторамъ, какъ Кольриджъ, Де-Куинси и Карлейль.

Кольриджъ былъ, какъ извѣстно, причудливой, фантастической натурой. Съ дѣтства увлекаясь чтеніемъ, поэзіей и искусствомъ, съ 15 лѣтъ

метафизикой (ему, вѣроятно, былъ хорошо знакомъ вышедшій въ 1787 году переводъ сочиненія Плотина „О прекрасномъ" на англ. языкъ), онъ получаетъ отъ одного лица субсидію въ 150 ф. въ годъ съ тѣмъ, чтобы онъ занялся спеціально философіей и поэзіей. Будучи знакомъ съ сочиненіями Беркли, Гертли, Пристли и философскими мистиками, онъ исповѣдуетъ взгляды, представляющіе какую-то причудливую смѣсь мистицизма съ матеріализмомъ. 16-го сентября 1798 года онъ ѣдетъ въ Германію, гдѣ путешествуетъ, слушаетъ лекціи Блуменбаха по физіологіи и слегка изучаетъ Канта. Въ началѣ 1800 года онъ снова пробуетъ приняться за Канта. Въ 1815 году онъ говоритъ, что 15 лѣтъ изучаетъ Канта, но изъ его мнѣній, высказываемыхъ объ этомъ философѣ, нельзя предположить, какъ совершенно ясно показываетъ Стирлингъ [1]), чтобы это изученіе было сколько-нибудь серьезнымъ и оказало какое-либо вліяніе на знакомство англичанъ съ Кантомъ. Поэтому нельзя говорить, что „Кольриджъ перенесъ въ Англію смѣсь вліяній Канта и Шеллинга", потому что Канта онъ самъ совершенно не зналъ и не понималъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „Кажущіяся противорѣчія, которыя я вскорѣ обнаружилъ у него, сводились въ концѣ-концовъ къ недомолвкамъ и намекамъ на такія мысли, которыя Кантъ заблагоразсудилъ не высказывать прямо... Ему угрожало преслѣдованіе... Изгнаніе... (Фихте) изъ Іенскаго университета послужило экспериментальнымъ доказательствомъ тому, что почтенный старичекъ имѣлъ вѣскія основанія быть осторожнымъ". Стирлингу не стоитъ никакого труда показать, насколько ненаучно это замѣчаніе.

Нельзя сказать, чтобы и маркизъ Де-Куинси, блестящій, но поверхностный литераторъ, сколько-нибудь содѣйствовалъ ознакомленію англичанъ съ критицизмомъ. Въ этой философіи онъ видитъ исключительно отрицательное ученіе. „Одинъ человѣкъ, который могъ дать Канту надлежащую оцѣнку, звалъ его Alles-Zermalmender-Kant, — „міръ-потрясающій Кантъ". Кантъ могъ только разрушать. Его умъ былъ по природѣ разрушительный. Въ немъ не было никакихъ инстинктовъ къ творчеству и возстановленію... и это стремленіе ума къ разрушенію увлекало его, рисуя передъ нимъ перспективы абсолютнаго и окончательнаго уничтоженія. Прусскій король долженъ былъ направить противъ него свои государственные громы и пугнуть

[1]) См. статью: „De Quincey and Coleridge upon Kant" „Fortnightly Review", 1867, July, p. 377.

его въ его предпріятіяхъ, въ противномъ случаѣ Кантъ сталъ бы формально исповѣдывать атеизмъ съ профессорской каѳедры". Можно себѣ представить, какъ такая характеристика вліяла на популярность кантовой философіи въ Англіи. И Кольриджъ, и Де-Куинси однако искаженіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ кантовой философіи, *можетъ быть*, даже прямо содѣйствовали укорененію ложныхъ представленій объ ея сущности не только въ публикѣ, но и среди послѣдующихъ англійскихъ философовъ. Такъ, напримѣръ, Кольриджъ истолковываетъ *антиноміи*, какъ доказательство безсилія и глупости человѣческаго разума вообще, а не какъ діалектическое reductio ad absurdum разсужденій догматизирующаго разума, какое имѣлъ въ виду Кантъ. То же мы находимъ у Де-Куинси: „Did the reader ever study the Antinomies of Kant? If not, he shall, and I am the man that will introduce him to that study. There he will have the pleasure of seing a set of quadrilles or reels, in which old Mother Reason amuses herself by dancing to the right and left two variations of blank contradictions to old Mother Truth, both variations being irrefragable, each variation contradicting the other, each contradicting the equatorial reality and each alike (though past all denial) being a lie" [1]). И Гамильтонъ, и Спенсеръ, придерживающіеся какъ разъ такихъ же воззрѣній на антиноміи, какъ на доказательство *абсолютной глупости* человѣческаго разума, будучи оба знакомы съ Кантомъ изъ вторыхъ рукъ и, конечно, зная сочиненія Кольриджа и Де-Куинси, могли незамѣтно для себя повторять нелѣпость, пущенную въ оборотъ этими литераторами. Разумѣется, это предположеніе не можетъ быть строго доказано. Гораздо вѣроятнѣе, пожалуй, что эти мнѣнія Кольриджа и Де-Куинси *вовсе не вліяли на взгляды послѣдующихъ англійскихъ мыслителей*, которые совпали съ этими мнѣніями *потому*, что для лица, не усвоившаго себѣ сущности критическаго идеализма, и, слѣдовательно, стоящаго на догматической точкѣ зрѣнія, *антиноміи должны представляться неразрѣшимыми проблемами*. Вѣдь, въ томъ и заключалась цѣль Канта, когда онъ ихъ задумалъ, чтобы *непрямымъ методомъ* заставить догматика или примкнуть къ идеалистической точкѣ зрѣнія, или признать человѣческій разумъ абсолютно-глупымъ, то есть, признать банкротство догматизма. Кольриджъ и де-Куинси, такъ же, какъ Гамильтонъ и Спенсеръ, не будучи идеалистами, должны были предпочесть послѣднюю альтернативу, не подозрѣвая, разумѣется,

---

[1]) Works, v. VI, 243.

какія послѣдствія это должно имѣть для цѣлой ихъ системы. Не понимая Канта, Де-Куинси однако созналъ и осмѣялъ нелѣпость общераспространенныхъ въ Англіи жалобъ на то, что Кантъ пишетъ такимъ техническимъ языкомъ, не прибѣгая нигдѣ къ популярному изложенію. Жалобы Д. Стьюарта, говоритъ онъ, на техническія трудности, съ которыми связано изученіе Канта, лишены всякихъ основаній: ихъ можно ожидать отъ „literary petit-maître", но не отъ профессора нравственной философіи. Есть лица, настаивающія на необходимости популярнаго изложенія критицизма. „Но съ такими господами надо обращаться слѣдующимъ образомъ: „Дорогой сэръ, я исполню вашу просьбу, но прежде будьте любезны: 1) изложить это сочиненіе по химіи математическимъ языкомъ; 2) изложить это сочиненіе по математикѣ при помощи химической терминологіи; 3) перевести оба эти сочиненія на языкъ кулинарнаго искусства и, наконецъ, разрѣшить кэмбриджскую проблему: дано имя капитана и годъ отъ Р. Х.—опредѣлить широту и долготу нашего корабля".

Двѣ статьи Карлейля, въ которыхъ онъ говоритъ о Кантѣ, появились—первая въ 1827, вторая—въ 1829 году. Въ нихъ онъ разсѣеваетъ нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя вызывала въ англійскихъ читателяхъ критическая философія. Во-первыхъ, онъ не въ шутливой, какъ де-Куинси, а въ серьезной формѣ разъясняетъ одинаковую необходимость научной технической терминологіи для философа, какъ и для всякаго другого спеціалиста въ наукѣ. „Не такія же ли усилія нужны неподготовленному читателю для усвоенія „Principia" Ньютона или „Варіаціоннаго исчисленія" Д'Аламбера? Онъ ничего не подѣлаетъ съ этими книгами, меньше чѣмъ ничего, ибо онѣ покажутся ему плодомъ сумасшествія". Во-вторыхъ, у англичанъ составилось представленіе о Кантѣ, какъ о какомъ-то туманномъ мистикѣ. Но на самомъ дѣлѣ „критическіе философы—не мистики". „Говорятъ: Кантъ духовный братъ Якова Бёме, тогда нужно говорить: Ньютонъ—родной братъ Сведенборгу, небесная механика Лапласа — преддверіе къ видѣніямъ Новаго Іерусалима". Непониманіе англичанами Канта, по мнѣнію Карлейля, обусловлено упадкомъ серьезнаго философскаго мышленія, непохожаго на столь мало цѣнимую въ Германіи Camin-Philosophie—Parlour-fire Philosophy.

Итакъ, неуспѣху Канта въ глазахъ офиціальныхъ представителей философіи въ Англіи соотвѣтствовалъ такой же неуспѣхъ въ литературѣ: 1) *Оригинальность* новой системы не была оцѣнена; ее, какъ и въ Германіи, на первыхъ порахъ смѣшали съ догматическимъ идеа-

лизмомъ Беркли. 2) Всѣхъ оттолкнула трудная *терминологія* новаго ученія, нѣкоторые не увидѣли въ немъ ничего, кромѣ новой терминологіи, да притомъ неудачной. 3) Новая философская система осуждалась многими, какъ *опасная* для религіи и нравственности, то какъ атеизмъ, то какъ мистицизмъ. Такимъ образомъ, приговоръ общественнаго мнѣнія о Кантѣ въ Англіи можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: это ученіе *не оригинально* по *содержанію*, *неудачно* по *формѣ* и *опасно* съ *общественной* точки зрѣнія.

IV.

Духовныя лица, вообще говоря, совершенно игнорировали появленіе новой философіи, но нѣкоторыя изъ нихъ печатно высказали свое мнѣніе о ней и замѣчательно единодушное. Послѣ появленія въ свѣтъ книгъ Нитша и Уиллиха въ Лондонѣ было издано четырехтомное изслѣдованіе аббата Барруэля: „Mémoire pour servir à l'histoire du Jacobinisme" 1798, Londres. Здѣсь въ IV томѣ на стр. 578 авторъ проводитъ параллель между явнымъ якобинцемъ профессоромъ въ Ингольштадтѣ Вейсгауптомъ [1]) и Кантомъ. У обоихъ та же претензія на геніальность, „punie par le délire de leurs suppositions également gratuites et absurdes", то же лицемѣріе: это—„deux héros du jacobinisme tudesque". Послѣ презрительныхъ замѣчаній о пропагандистахъ этого новаго якобинизма—Нитшѣ и Уиллихѣ—Барруэль задаетъ Уилліху слѣдующій вопросъ: почему онъ приводитъ въ своемъ трудѣ лишь заглавіе сочиненія „О вѣчномъ мирѣ", и самъ отвѣчаетъ на него: потому что Уиллихъ боится слишкомъ раскрыть школу своего учителя и явно показать англичанамъ, къ чему ведетъ система „вѣчнаго мира". Ученики „Бога-Канта, вышедшаго изъ мрака и хаоса своихъ категорій", замалчиваютъ тотъ фактъ, что Кантъ отвергалъ свободу воли („дѣйствія людей подчинены законамъ") и безсмертіе души („tous les individus passent et périssent, l' espèce seule demeure, seule elle est immortelle"). Эти обвиненія въ нечестіи Канта и его учениковъ побудили Уиллиха написать оправдательное письмо въ „Gentleman Magazine" (1799) и въ „Monthly Magazine" (1800), гдѣ онъ разъясняетъ, что

---

[1]) Адамъ Вейсгауптъ основалъ въ 1776 г. орденъ *иллюминатовъ* (Perfectibilisten). Задачей ордена были: борьба съ невѣжествомъ и суевѣріемъ, замѣна христіанства деизмомъ, монархизма—республикой. Съ 1785 г. начались преслѣдованія ордена. Объ отношеніи Вейсгаупта къ философіи Канта см. статью Hunzicker'а о Вейсгауптѣ въ „Allgemeine Deutsche Biographie".

обвиненіе Канта въ нечестіи ложно, что видно, если сопоставить нѣмецкій оригиналъ съ безсвязными цитатами; что аббатъ скорѣе казуистъ, чѣмъ логикъ, и не подготовленъ къ тому, чтобы писать на философскія темы.

Въ 1801 году въ статьѣ „Critical philosophy" (3-е изд. Encyclopedia Britannica—дополнительные тома) Глейгъ подвергаетъ анализу основныя положенія критической философіи. Это духовное лицо (bishop of Brechin) было прекрасно философски образовано для своего времени, что можно видѣть изъ его другихъ обстоятельныхъ статей. О Кантѣ, впрочемъ, онъ имѣетъ свѣдѣнія лишь изъ вторыхъ рукъ, отъ „знаменитаго иностранца (Виллера?), который живетъ въ настоящее время въ изгнаніи, вдали отъ своей проклятой родины и мирно занимается науками и искусствами". Успѣхъ критической философіи кроется въ темнотѣ ея терминологіи. Въ качествѣ образчика этой темноты Глейгъ приводитъ фразу: „Если объекты, вызывающіе въ насъ впечатлѣнія, доставляютъ *матерію* идей" etc., и прибавляетъ въ выноскѣ: „жаргонъ этотъ удивителенъ, но читатель догадывается, что не мы тому виной". Не слѣдуетъ, говоритъ Глейгъ далѣе, предпочитать „тусклый фонарь Канта яркому факелу Бэкона". Противъ положеній „трансцендентальной эстетики" Глейгъ дѣлаетъ слѣдующія возраженія: I) Если бы пространство и время были необходимыми формами сознанія, то не было бы *непротяженныхъ ощущеній*: „Какой объемъ пространства связанъ со вкусомъ сахара или запахомъ розы?" II) Познавать законы, управляющіе нашими ощущеніями a priori, то есть *независимо* отъ послѣднихъ—это логическая невозможность: „Трансцендентальная эстетика Канта, которая, по словамъ д-ра Уиллиха, есть апріорное познаніе *законовъ* ощущеній (rules of sensation), повидимому, заключаетъ въ себѣ логическую несообразность, такъ какъ она исходитъ изъ предположенія, что человѣкъ можетъ познать законы ощущенія, не обращая ни малѣйшаго вниманія на органы чувствъ". III) По Канту выходитъ, что положеніе: поверхность пирамиды = произведенію $1/3$ высоты на основаніе — апріорно, между тѣмъ это положеніе просто ложно: не *поверхность*, а *объемъ* пирамиды равенъ произведенію трети высоты на основаніе. „При этомъ безразлично, кому принадлежитъ этотъ примѣръ, Канту ли самому или моему корреспонденту: самый фактъ ошибки блестяще доказываетъ мнимо апріорный характеръ геометрическихъ положеній". IV) Тѣ, кто сближаютъ *теологическій идеализмъ* Беркли съ *критическимъ идеализмомъ*, глубоко ошибаются: „Беркли всѣми силами старается доказать существованіе отличной отъ насъ

причины нашихъ ощущеній и, считая косную матерію причиною неадекватной дѣйствію въ данномъ случаѣ, онъ заключаетъ, что каждое ощущеніе, сознаваемое нами, является доказательствомъ непосредственной дѣятельности Бога". Совершенно иное мы видимъ у Канта. Кантъ „считаетъ существованіе Бога проблематическимъ"....„Многіе изъ кантовскихъ учениковъ на континентѣ открыто примыкаютъ къ атеизму или спинозизму". Въ статьѣ „Illuminati" Глейгъ указываетъ на образованіе въ Іенѣ тайныхъ обществъ. Въ письмѣ отъ 10-го мая 1799 года его знакомый сообщаетъ ему, что „Іенскій профессоръ напечаталъ книгу, въ которой доказываетъ, что Бога нѣтъ, и что мы абсурдно приписываемъ это имя законамъ природы". Очевидно, что здѣсь имѣется въ виду Фихте, который въ іюнѣ 1799 года долженъ былъ уйти изъ Іенскаго университета по обвиненію въ атеизмѣ. „Когда кто-то въ присутствіи его преемника — тоже кантіанца — разсказалъ, что во время рѣзни въ Парижѣ живописецъ Давидъ сидѣлъ съ карандашемъ въ рукѣ и наслаждался выраженіемъ страданія на лицахъ несчастныхъ жертвъ, стараясь уловить и изобразить ихъ агонію, то онъ воскликнулъ: „Какая сила характера! Какое величіе души"! „Что этотъ негодяй (wretch) былъ атеистомъ — это явствуетъ также изъ кантовскихъ принциповъ, ибо нельзя себѣ представить, что онъ усматриваетъ какую-либо связь между счастіемъ и добродѣтелью". „Мы не слыхали, говоритъ далѣе Глейгъ, чтобы самъ Кантъ былъ атеистомъ, но его ученіе естественно приводитъ къ атеизму". „Въ «Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre" онъ дѣлаетъ слѣдующее *странное* замѣчаніе: „Такъ какъ нелѣпо было бы клясться, что Богъ существуетъ, то еще остается открытымъ вопросомъ, нельзя ли сдѣлать клятву обязательной въ такой формѣ: *клянусь при предположеніи, что Богъ существуетъ*. Въ высокой степени вѣроятно, что всѣ искреннія клятвы, данныя по размышленіи, даны были именно въ этомъ смыслѣ". „Въ наши намѣренія, заключаетъ Глейгъ свою статью, не входитъ погружаться еще глубже въ это болото атеизма или подвергать формальному опроверженію омерзительныя доктрины, извлеченныя съ его дна" [1]).

---

[1]) Подобныя же обвиненія Канта въ безбожіи встрѣчаются и у французскихъ клерикальныхъ писателей даже въ настоящее время. Такъ, напримѣръ, Duquenoi въ „Annales de Philosophie Chrétienne" за 1895 г. въ статьѣ: „La loi morale peut-elle fournir une preuve spéciale de l'existence de Dieu" цитируетъ изъ Канта слѣдующее мѣсто: „Протагоръ изъ Абдеры начинаетъ одно изъ своихъ сочиненій словами: *существуютъ ли боги или ихъ вовсе нѣтъ? На это я ничего не могу сказать*. За

Повидимому, такая точка зрѣнія на Канта сохранялась у духовныхъ лицъ очень долго. Такъ, напримѣръ, въ 1830 году авторъ замѣтки о Кантѣ въ „Blackwood Magazine" говоритъ: „Нельзя не сказать, что Кантъ — врагъ христіанства. Я не вѣрю, что Кантъ въ частныхъ разговорахъ осмѣивалъ безсмертіе, но онъ былъ подлъ и мелоченъ (mean and little-minded) въ своей ненависти къ христіанству". Автора возмущаетъ критика библейской хронологіи, которую онъ нашелъ въ „Борьбѣ факультетовъ". „Нужно надѣяться, замѣчаетъ онъ далѣе, что никогда не придетъ время въ Европѣ, когда пользующіеся славой талантливые профессора будутъ имѣть право разсчитывать на терпимость, подтачивая самый корень тѣхъ ученій, на которыя опираются величайшія надежды бѣднаго, хрупкаго (frail) человѣчества". По поводу столкновеній Канта съ прусской цензурой онъ говоритъ: „Громы обрушились на стараго трансценденталиста съ тѣмъ большимъ эффектомъ, что онъ считалъ себя (risum teneatis!) весьма религіознымъ человѣкомъ! Сѣдые волосы и безвѣріе — что за чудовищный союзъ! какое омерзительное зрѣлище!".

Можно сказать, что критическая философія въ Англіи была у духовныхъ лицъ до 30-хъ годовъ въ полнѣйшемъ пренебреженіи, изрѣдка вызывая замѣчанія въ родѣ вышеприведенныхъ. На богословскую мысль она не оказала никакого вліянія. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго примѣра. 14-го августа 1815 года въ Абердинѣ нѣкто Burnett завѣщалъ 1.600 фунтовъ на 2 преміи въ 1.200 и 400 фунтовъ за 2 лучшихъ сочиненія на тему: „The evidence that there is a being allpowerful, wise and good, by whom everything exists". Первую премію получилъ W. L. Brown. Въ числѣ жюри были Р. Гамильтонъ [1]), члены King's College и Marishall College и абердинское духовенство. Между тѣмъ это сочиненіе написано такъ, какъ будто Кантъ и его критика аргументовъ въ пользу бытія Божія никогда не появлялись на свѣтъ.

это аѳиняне его изгнали изъ города и изъ его мѣста жительства, и сочиненія его были публично сожжены (Quint. III, 1). *Какъ люди*, аѳинскіе судьи поступили въ высшей степени несправедливо, но, какъ судьи, они дѣйствовали послѣдовательно и на юридическихъ основаніяхъ; ибо могли ли они присягать, если бы не было всенародно установлено законнымъ порядкомъ властями (со стороны сената), что боги существуютъ?"

[1]) *Рована Гамильтона* не слѣдуетъ смѣшивать съ *Уильямомъ Гамильтономъ*, какъ это дѣлаетъ Ю. Делевскій въ статьѣ „Діалектика и математика" („Русское Богатство", 1902, іюнь).

V.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о внѣшнихъ политическихъ условіяхъ, при которыхъ происходитъ распространеніе критицизма въ Англіи. Если вспомнить, что это распространеніе началось въ разгаръ французской революціи и въ эпоху войнъ Англіи, то легко видѣть, что эти событія вліяли крайне неблагопріятно не только на распространеніе критицизма, но и вообще на успѣхи свободной философской мысли въ этой странѣ. Съ 1794 г. началась страшная реакція противъ „*french principles*“, подъ которыми разумѣлось не только политическое, но и религіозное и философское свободомысліе. Англичане въ массѣ сочувствовали репрессивнымъ мѣрамъ Питта. „Общество, говоритъ Сорель, подвергло либеральныя мнѣнія нѣкотораго рода остракизму. Мало сказать, что всякій человѣкъ, осмѣливавшійся ихъ исповѣдывать, долженъ былъ отказаться отъ какихъ-либо самолюбивыхъ мечтаній въ области своей общественной и профессіональной дѣятельности. Всѣ косо смотрѣли на него; его всякій избѣгалъ; про него говорили другъ другу шопотомъ: „онъ не только неблагонамѣренный въ политическомъ отношеніи, но сверхъ того еще свободомыслящій и невѣрующій человѣкъ въ религіозномъ отношеніи“. „Въ массѣ англичанъ страхъ передъ этими революціонерами съ часу на часъ переходилъ въ панику“. „Наряду съ этимъ начались стѣсненія печати: одно преслѣдованіе въ прессѣ слѣдовало за другимъ“ [1]). „Вездѣ были разсѣяны правительственные шпіоны“. Былъ учрежденъ тайный надзоръ за профессорами университетовъ: „даже за лекціями Дугальта Стюарта по политической экономіи подозрительно слѣдили правительственные чиновники“. „Знакомый съ произведеніями этой эпохи, говоритъ Магаффи, знаетъ, что гораздо чаще избѣгались „*alarming* conclusions“, чѣмъ опровергались *ложные* выводы“. Эта паника передъ либерализмомъ и свободомысліемъ особенно свирѣпствовала въ Шотландіи.

Война съ Франціей повлекла за собой разобщеніе съ континентомъ. Обычай посылать молодыхъ людей дѣлать „grand tour“ по Европѣ для завершенія образованія временно прекратился. Правительство направляло ихъ для изученія философіи въ Эдинбургъ. Указавъ на существованіе тайныхъ обществъ въ Іенѣ, Глейгъ съ

---

[1]) Англійская печать становится совершенно свободной лишь съ начала 30-хъ годовъ.

сокрушеніемъ восклицаетъ: „И все же великобританскіе джентльмены посылаютъ своихъ сыновей воспитываться въ Германію!“. Наряду съ враждою противъ свободомыслія въ обществѣ распространилась вообще антипатія къ философіи. Доносы Барруэля на Уиллиха имѣли успѣхъ: въ „British Critic“ его книга привѣтствуется, и рецензентъ (вѣроятно, Глейгъ) предлагаетъ обозначать новую еретическую философію и ея представителей терминами „*philosophisms, philosophists*“ въ противоположность благочестивымъ „*philosophers*“ и благонамѣренной „*philosophy*“. Журналы изобилуютъ опасными кличками и доносами. Появляются письма въ редакцію съ жалобами на злоупотребленія терминомъ „якобинецъ“. Особенно отличался въ роли сыщика „Anti-jacobin“. Естественно, что при такихъ условіяхъ распространеніе ученія философа, *якобинизмъ* котораго для большинства былъ внѣ сомнѣній, дѣлалось почти совершенно невозможнымъ.

И. Лапшинъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. Изслѣдованіе *И. Л. Лося.* Спб. 1901.

Авторъ, специалистъ по исторіи польскаго языка, на первомъ мѣстѣ въ своемъ трудѣ ставитъ тѣ сложныя слова, которыя появились уже на почвѣ польскаго языка; эти новообразованія, по его мнѣнію, важны тѣмъ, что даютъ въ руку ученому „тонкую, но надежную нитку Аріадны, которая должна указать путь въ хаотическомъ лабиринтѣ глубокой старины“ (стр. 2). Такимъ образомъ авторъ оставляетъ въ сторонѣ сложныя личныя имена, въ области которыхъ „уже въ доисторическое время произошло такое смѣшеніе различныхъ типовъ, весь этотъ матеріалъ подвергся такому своеобразному перерожденію“, что онъ считаетъ за лучшее ихъ не касаться (стр. 3). Точно также авторъ на касается сложныхъ словъ „съ предполагаемымъ глагольнымъ элементомъ“ въ первой части, тѣсно связанныхъ съ личными именами.

Итакъ, предметъ диссертаціи И. Л. Лося—лишь сравнительно небольшая часть сложныхъ словъ польскаго языка, то, что онъ называетъ „срощеніями“ въ противуположность „сложеніямъ“, сложнымъ словамъ старшаго типа, въ первой части которыхъ находится основа. Конечно, онъ не можетъ обойти сложенія полнымъ молчаніемъ и посвящаетъ имъ части 4-й и 5-й главъ.

Мы признаемъ цѣннымъ то, что сдѣлано авторомъ относительно срощеній польскаго языка, хотя, какъ читатель увидитъ ниже, кое въ чемъ съ нимъ не можемъ согласиться. Было бы намъ желательно видѣть у И. Л. Лося побольше историческаго матеріала; въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы полезно найти побольше сравнительнаго ма-

теріала (особенно изъ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятниковъ, которые на нѣсколько столѣтій древнѣе самыхъ древнихъ польскихъ); авторъ, повидимому, имѣетъ на этотъ счетъ свои взгляды. Но за что мы считаемъ себя въ правѣ упрекнуть автора, это — недостаточно внимательное отношеніе къ сложнымъ словамъ старшаго типа.

Автору было необходимо, прежде всего, отдѣлить сращенія отъ сложеній и для этого изучить хорошенько сложенія. Но онъ отдѣлался отъ подобнаго изученія очень просто, признавъ сложныя слова съ *о, е* въ исходѣ первой своей части за сложенія, а почти всѣ прочія— за сращенія. Такимъ образомъ рядъ сложныхъ словъ типа *Богъданъ (съ *ъ* въ первой части) и типа Бог*у*славъ (съ *у* въ первой части) признаются имъ за составленныя изъ формъ именительнаго, дательнаго, вообще какого-нибудь падежа (стр. 24, 72, 73). Онъ самъ недоумѣваетъ, какъ объяснить обще-славянское *Богъданъ; „ни именительный, ни родительный падежъ (множеств. числа) здѣсь не имѣетъ смысла, говоритъ онъ, и поэтому надо допустить, что онъ заступаетъ мѣсто другого падежа: или дательнаго, или—что вѣроятнѣе—творительнаго падежа“ (стр. 73). Относительно польскаго bog*u*lichy мы у него читаемъ: „полагаемъ, что и это сращеніе восходитъ къ сочетанію bog*u* lichy, хотя—по крайней мѣрѣ въ литературномъ языкѣ—прилагательное lichy не сочетается съ дат. падежомъ“ (стр. 66). Но сравнительныя данныя указываютъ намъ, что основы на *ъ* въ сложеніяхъ на славянской почвѣ могутъ имѣть *ъ* и *у* въ исходѣ, а формы древняго церковно-славянскаго склоненія позволяютъ подозрѣвать, что слово *Богъ* нѣкогда принадлежало къ числу основъ на *ъ*. Въ виду этого какъ приведенныя слова, такъ и однородныя съ ними Bogdał, Bogwidze или Bogwiedze (= церк.-слав. *Богъвиждѧ или Богъвѣждѧ), Bog*u*rodzica, Bog*u*ryja, мы считаемъ сложеніями, а не сращеніями [1]). То обстоятельство, что Bog*u*rodzica — несомнѣнное новообразованіе, нисколько не мѣшаетъ нашему мнѣнію, такъ какъ однородныя слова, конечно, по образцу древнѣйшихъ сложеній, появлялись и въ историческую эпоху. Не входя въ подробности, мы ограничимся указаніемъ двухъ новыхъ сложныхъ словъ изъ одного мѣста древне-русской

---

[1]) Такъ же мы смотримъ на др.-русск. собственное имя Бог*у*матка, на ц.-сл. бог*у*отьць (въ канонѣ на пасху XII — XIII вѣка, *Извѣстія Акад. Наукъ*, VI, 38, 1858 г.), на ц.-сл. бог*у*угодьнъ (въ Паремейникѣ XV вѣка. Имп. Публ. Библ. Q. I. 179, л. 25).

Тріоди постной XII вѣка (Синод. Библ. № 319): купина огньобразьная 78, сѣньобразьно 83. То же, что о Богъданъ, Богуславъ, мы думаемъ о чешскихъ lidmil и lid*u*mil (стр. 72); впрочемъ, для насъ является вопросомъ гласный основы въ первомъ словѣ (*людъмилъ или *людьмилъ). Само собою разумѣется, мы видимъ срощенія въ церк.-слав. съмыслудавьць („наставнице и смыслудавце", зват.; Погодинская Тріодь XIV вѣка № 41, л. 1), винудавьць („учитель пьяньству и винудавець"; Рязанская Кормчая 1284 г., л. 156 об.), чловѣк*у*убиица (Архангельское Евангеліе 1092 г., л. 3 об.) и т. п. Сказанное объ *у* въ Бог*у*славъ и т. п., mutatis mutandis, относится къ обще-слав. *оч*и*вистъ, *оч*и*вѣстъ съ родственными словами (стр. 73); иначе говоря, *и* здѣсь принадлежитъ основѣ. Объясненіе первой части оч*и*- изъ формы именит. пад., предлагаемое авторомъ, на нашъ взглядъ, невозможно.

Авторъ, какъ мы уже упомянули, не желаетъ касаться сложеній „съ предполагаемымъ глагольнымъ элементомъ" въ первой части; но ему необходимо было съ ними познакомиться поближе, чтобъ знать, что они такое. Хотя и рѣдко, но ему приходится говорить и о словахъ съ *и* въ первой части (о нѣкоторыхъ см. ниже), и о словахъ въ родѣ стараго русск. *копоносъ* (стр. 71), современныхъ русск. *скалозубъ* (при *зубоскалъ*), *лизоблюдъ* (при *блюдолизъ*), *лизогубъ*, *ломоносъ*, *вертопрахъ* (польск. wartogłow), *трясогузка*, *лупоглазый*, *пучеглазый*, *лежебокъ* [1]), въ которыхъ первая часть на *о*, *е* играетъ ту же роль, какую въ русск. *болиголовъ*, *вертишейка*, *горихвостка*, *горицвѣтъ*, *скопидомъ*, *свербигузъ*, играетъ первая часть на *и*. Онъ помѣщаетъ ихъ въ одну группу съ обыкновенными сложеніями; а между тѣмъ подобныя слова рѣзко отличаются другъ отъ друга (мы убѣждены, что въ *копоносъ* и т. п. и въ *болиголовъ* и др. имѣемъ дѣло съ глагольными основами) [2]).

Остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ въ изслѣдованіи И. Л. Лося о срощеніяхъ.

На стр. 82—83 авторъ говоритъ о срощеніяхъ съ *и*, *ы* въ первой части, между прочимъ о Boż*y*woj, boż*y*dar, Żm*i*grod, dług*i*noga, Kun*i*noga, Kurz*y*noga, Dęb*i*łęka. „Повидимому, говоритъ онъ, здѣсь надо признать вліяніе сложныхъ словъ съ глагольнымъ элементомъ на *и* въ

---

[1]) Можетъ быть, правильнѣе было бы писать: пуч*и*-глазый, леж*и*-бокъ?

[2]) Если можно допускать въ составѣ сложныхъ словъ *именную основу*,—можно допускать также и *глагольную основу*. Когда въ языкѣ жили основы, какъ самостоятельныя цѣлыя, эти основы были не только именныя, но и глагольныя.

первой части". На стр. 113 мы читаемъ: „существуетъ рядъ словъ, которыя можно считать и срощеніями, и сложеніями; сюда относится прозвище Kun*i*noga, современное прозвище аиста dług*i*noga и названіе мѣстности Kurz*y*noga". На стр. 116 авторъ опять говоритъ объ этихъ трехъ словахъ: „можно предположить, что всѣ эти слова на *a* новѣйшаго происхожденія и что они образованы на подобіе довольно распространеннаго типа сложныхъ словъ съ глагольнымъ элементомъ въ первой части". На нашъ взглядъ, здѣсь слова разнаго образованія. Прозвище аиста dług*i*noga первоначально должно было звучать długi nogi (множ. ч.); сравни приведенныя И. Л. Лосемъ старо-русскія прозвища: *Желѣзное Копыто, Лубяная Сабля, Широкіе Штаны.* Названіе города Żm*i*gród или Zm*i*gród есть не что иное какъ искаженное народною этимологіею *Звѣни-гр—*. Относительно Boż*y*woj, boż*y*dar можно говорить почти рѣшительно, что первая часть этихъ словъ—глагольная основа. Что же касается до названія мѣстности Kurz*y*noga, съ страннымъ на первый взглядъ *и,* то не слѣдуетъ ли его связывать съ русскими *курносый, кургузый* (изъ *куръ—), и съ русскимъ же *курить* бѣды, *бѣдокурить?* Во всякомъ случаѣ названіе мѣстности Kurzynoga съ значеніемъ *Куриная Нога* намъ кажется необычнымъ; мы бы предпочли понимать это названіе въ смыслѣ *Ноголомка;* сравни названіе одной изъ московскихъ церквей Никола *на Курьихъ Ножкахъ,* Никола *Курьи Ножки;* вѣроятно, названіе мѣстности нѣкогда звучало *Кури-ножка.* Окончаніе *а* мы имѣемъ въ польскомъ chwal*i*dupa самохвалъ, въ русскихъ личныхъ именахъ *Паливода, Вернигора, Убій кобыла* (словарь Тупикова), *Падинога* (тамъ же), *Подсѣкикорова, Трясисолома* (*Соколовъ,* Русскія имена и прозвища въ XVII вѣкѣ, Казань, 1891 г., стр. 13, 15), въ русскихъ же прозвищахъ *сорви-голова́,* конь *заломиголова* („Великорусскія нар. пѣсни", VII, 248), *замкникалита* (академич. словарь). По поводу Kun*i*noga, Dęb*i*tęka мы можемъ лишь поставить вопросъ историкамъ польскаго языка: не встрѣчаются ли въ старыхъ памятникахъ польскихъ формы имен. пад. ед. ч. женскаго рода отъ прилагательныхъ типа *лисій* съ окончаніемъ *и,* т. е. *лисии, по образцу *сходи, мълнии* и т. п.? Сравни соотвѣтствующія чешскія формы.

На стр. 20—22 И. Л. Лось говоритъ о такихъ срощеніяхъ, которыя „повидимому произошли изъ синтаксическихъ выраженій". По его мнѣнію, прилагательныя obustronny, dwustronny, trzechstronny, czterechstronny и т. п. получились изъ выраженій: z obu stronu, z dwu stronu, z trzech stron, z czterech stron. Ниже, на стр. 114, онъ упо-

минаетъ—рядомъ съ bożylist, babiząb, czapinos—объ „ирраціональныхъ формахъ" въ русскихъ прозвищахъ XVII вѣка: Пяти*братовъ*, Пят*и*горчинъ (?), Сем*и*хвостъ. Мы въ общемъ, конечно, согласны съ авторомъ относительно происхожденія сложныхъ obustronny и т. п. изъ синтаксическихъ выраженій, но въ одной частности расходимся. По нашему мнѣнію, подобныя слова возникли на почвѣ сочетаній существительнаго опредѣляемаго съ предшествующимъ ему существительнымъ же опредѣленіемъ въ формѣ родительнаго падежа; т. е. obustronny получилось изъ соединенія формы родительнаго падежа obu stronu съ послѣдующимъ существительнымъ. Авторъ говоритъ: „для праславянской эпохи необходимо предположить возможность существованія сочетаній съ родительнымъ падежомъ опредѣленія на первомъ мѣстѣ" (стр. 87, примѣч.). Но такія сочетанія, несомнѣнно, были обычны въ старомъ польскомъ языкѣ; они вполнѣ возможны даже въ современномъ польскомъ языкѣ (у поэтовъ; Мицкевичъ: Już w gruzach leżą maurów posady, Wilija gardzi doliny kwiatami); изъ нихъ легко объясняются многочисленныя сложныя слова съ формою родит. пад. числительнаго въ первой части и въ славянскихъ, и въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ: русск. пят*и*саженный, десят*и*верстный, сорок*а*пудовой, дв*у*спальный, тре*х*лѣтній, пят*и*книжіе, Пят*и*горскъ (и Пят*и*братовъ и т. д.), и латинск. du*um*viratus, tri*um*viratus tri*um*viralis, даже tri*um*vir и т. п.

Авторъ между прочимъ останавливается на формахъ прошедшаго сложнаго byłem и т. д. и на нарѣчіи dziś; но нельзя сказать, чтобы онъ далъ этимъ сложнымъ словамъ сколько-нибудь новое освѣщеніе. Онъ повторяетъ (стр. 25) старое объясненіе, что byłem изъ był jesm. Мы сомнѣваемся въ его цѣнности: był jesm должно было дать byłes, такъ какъ конечное m послѣ согласнаго легко могло исчезнуть, а слѣдующему за гласнымъ s необходимо было сохраниться. Не лучше ли предположить форму był jes*e*m, съ энклитическою второю частью, въ которой конечный слогъ произносился отчетливѣе, чѣмъ первый (сравни русскія сокращенія: *бачка* изъ *батюшка*, *гытъ* изъ *говоритъ*, *кесь* изъ *кажись*, старое *молытъ*, *молылъ* изъ *молвитъ*, *молвилъ*)? Правда, памятники даютъ лишь формы въ родѣ byłesm; но это, на нашъ взглядъ, не мѣшаетъ нашему объясненію: форма 1-го лица могла звучать и jesm, и jes*e*m (сравни чешск. sem, сербск. jeсам, сам, ср.-болг. есъмъ), и въ эпоху памятниковъ сохранялось только jesm. То, что сказано о dziś, также не ново (стр. 42—43). „Первоначальная польская форма звучала *дьньсь*", читаемъ мы у автора. Но изъ нея

непремѣнно получилось бы то же, что въ другихъ языкахъ, т. е. нѣчто очень близкое къ русск. *днесь*, чешск. dnes. По нашему убѣжденію, dzi—есть не что иное, какъ древнѣйшая, не дошедшая ни въ одномъ славянскомъ текстѣ форма имен. пад. ед. (сравни *камы* при основѣ *камен-*, причастія *иды, гида* при основѣ съ носовымъ).

Немногія слова, удѣленныя авторомъ не существующему сложному слову *кождоихъ* (стр. 20) и русскому личному имени *Чегодай* (стр. 70),—плодъ недоразумѣній: первое чадо читать: *кождо* (имен. пад.) *ихъ* (род.); второе—несомнѣнное заимствованіе изъ татарскаго языка, какъ и варіантъ къ нему: *Чаадай*.

Страницы 106—107 И. Л. Лось посвящаетъ видоизмѣненію основъ на *о, е* въ первой части сложныхъ словъ. Иногда онъ безусловно правъ, предполагая сокращеніе первой части на цѣлый слогъ, и напримѣръ, соврем. польск. Kamostek можетъ восходить къ древнѣйшему Kamionomostek. Но въ большинствѣ случаевъ съ нимъ трудно соглашаться. Какъ видѣть „своеобразное укороченіе" основы въ Wielo-pole, когда церковно-славянскій языкъ даетъ намъ такія сложенія, какъ *вель-лѣпъ, вель-рѣчіе*, старо-чешскій языкъ имѣетъ vel-ryb? Ясно, польск. wielo- должно быть объясняемо одинаково съ русск. *веле-* въ *веле-лѣпный, веле-рѣчивый* и т. п. Можно ли говорить объ „укороченіи" основы въ *досто-лѣпъ* (будто бы вмѣсто *достойно-лѣпъ;* сравни церк.-слав. **дость*), *сердо-больный* (при *сердце*), *врѣто-градъ* (будто бы вмѣсто *врѣтепо-градъ!*, сравн. церк.-слав. *врѣтъ*), krotochwila (при krótki; сравни русск. формы сравнительной степени *короче* и *коротѣе*), когда съ подобными сложными словами мы встрѣчаемся—и нерѣдко—во всѣхъ славянскихъ языкахъ? Что „непонятнаго" въ словѣ *шапо-валъ* (стр. 71)? Отчего не предположить существованіе, рядомъ съ *шапка* болѣе простого по образованію **шапа?* Въ другихъ словахъ съ „видоизмѣненною" основою необходимо видѣть видоизмѣненіе, но не то, о которомъ говоритъ авторъ. Польское мѣстное названіе Mysławczyce восходитъ не къ *Mysło-sławczyce, какъ мы у него читаемъ, а къ *Мыслъ-сл—; сравни польск. Rosławice, русск. *Рославль* изъ Ростъ-сл—(при Ростиславъ), южнорусск. *Брацлавъ* изъ **Брячь-славль* (при Брячи-славъ) и т. п. [1]). Польское мѣстное названіе Jawidz не произошло изъ Jawo-widz, какъ полагаетъ авторъ, а представляетъ собою прилагательное

[1]) Глагольныя основы на *ѣ* и на *и* въ древности были рядомъ. Съ первыми сравни греческія основы на ῐ въ (τερπι-κέραυνος и т. п.).

отъ личнаго собственнаго имени *Явидъ*, сохраненнаго древне-русскимъ языкомъ, несомнѣнно сложнаго, но неяснаго по составу (рядомъ имена: *Явило*, вѣроятно, уменьшительное, и *Яволодъ*). Можно допустить, что первая его часть — глагольный корень-основа *яд-*; сравни церк.-слав. *не-вѣ-глась*, др.-русск. *не-вѣ-голосъ*, старо-чешск. vě-hlasný, съ *вѣ* — повидимому изъ *вѣд-*; ст.-руск. *чюквасъ* (фамилія *Чюквасовъ* — въ *Актахъ Юридич.* 444, XVI в.), соврем. русск. *чу-мазый*, съ *чу-* повидимому изъ *чюд-*; относительно измѣненія звуковой группы *дв* въ *в* сравни формы двойств. числа *явѣ*, *давѣ*, *вѣвѣ* изъ **ядвѣ* и т. д. Если польск. kałuża есть сложное слово, какъ думаетъ авторъ (въ чемъ позволительно сомнѣваться), оно, вмѣстѣ съ русскими *калуга*, *калужа* и т. п., восходитъ не къ **кало-лужа*, а къ **калъ-лужа*. Въ польск. na budniu мы затрудняемся видѣть сокращеніе изъ na budno-dniu; это слово, какъ и русск. *будни*, повидимому, восходитъ къ **будь-дьнь*, **будъ-дьнь* (съ значеніемъ: рабочій день, въ противуположность празднику?). Польск. sześcian кубъ нѣтъ никакого основанія считать сложнымъ словомъ; сравни церк.-слав. *шестаръ* ведро, заимствованіе или изъ греческаго (ξεστάριον), или—скорѣе—изъ латинскаго (sextarius). То же мы думаемъ о польск. rybitw, церк.-слав. *рыбитвъ* рыбакъ, о польск. ostrog, русск. *острогъ*, о польск. modrzew лиственница.

Теперь нѣсколько словъ о теоретическихъ воззрѣніямъ автора на сложенія.

„Какимъ образомъ появились въ языкѣ тѣ первыя сложныя слова, которыя со временемъ вызвали появленіе столь многихъ другихъ построенныхъ по аналогіи съ ними", спрашиваетъ авторъ (стр. 87). Отвѣтъ на этотъ вопросъ, данный Дельбрюкомъ и выражающій мнѣніе большинства ученыхъ, его не удовлетворяетъ. Онъ не можетъ согласиться съ Дельбрюкомъ, что старшія сложныя слова появились въ обще-индо-европейскомъ языкѣ еще тогда, когда въ немъ не было флексій и когда основа соединялась съ основою; по его мнѣнію, „возникновеніе сложныхъ словъ врядъ ли можетъ быть отнесено даже къ самой поздней эпохѣ общей жизни индо-европейцевъ" (стр. 87). „Нѣтъ ни одного сложнаго слова, возникновеніе котораго можно бы съ полной увѣренностью отнести къ индоевропейской эпохѣ". „Можно и даже надо сомнѣваться, существовали ли въ индо-европейскую эпоху такія сложныя слова, которыя съ теченіемъ времени могли бы послужить образцомъ для типа сложеній съ основами въ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языкахъ" (стр. 88). „Естественно предположить, что сложныя слова возникли уже послѣ

распаденія индо-европейскаго языка на отдѣльныя главныя вѣтви". Тогда еще „основы простыхъ словъ представлялись въ болѣе отчетливомъ, болѣе ясномъ видѣ, чѣмъ теперь" (стр. 89). „Происхожденіе первыхъ сложныхъ словъ надо отнести къ тому отдаленному времени, въ которое существовало еще тонкое этимологическое чутье, позволявшее возстановлять правильную основу путемъ отвлеченія ея отъ флексивныхъ формъ" (стр. 118).

Къ сожалѣнію, все сказанное авторомъ мало убѣдительно. Отсутствіе отдѣльныхъ сложныхъ словъ изъ эпохи индо-европейскаго единства не имѣетъ значенія; важна возможность возведенія *типа* сложныхъ словъ къ этому единству. Что до ясности основъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ, то она говоритъ скорѣе противъ автора, чѣмъ за него. Вѣдь на почвѣ отдѣльныхъ языковъ основы на ā уже вполнѣ опредѣлились и ă, нѣкогда чередовавшееся въ нихъ съ ā, сохранилось только въ формѣ звательнаго пад., а между тѣмъ ни одинъ языкъ не даетъ намъ сложныхъ словъ съ первою именною частью на ā. Сверхъ того, автору приходится ссылаться на „тонкое этимологическое чутье", дѣйствовавшее одинаково, въ одно и то же время, у нѣсколькихъ первобытныхъ народовъ, а это—нѣчто такое, въ чемъ слѣдуетъ сомнѣваться.

А. Соболевскій.

Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вѣковъ. *П. В. Владимірова.* Кіевъ, 1900. [1]).

Я не имѣю въ виду дѣлать полнаго разбора книги проф. Владимірова, такъ какъ это завлекло бы очень далеко. Я намѣренъ остановиться лишь на нѣкоторыхъ главнѣйшихъ пунктахъ, которые кажутся мнѣ наименѣе удовлетворительны. И здѣсь я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, методологическую сторону, представляя тотъ или другой вопросъ такъ, какъ онъ долженъ, по моему мнѣнію, представляться въ книгѣ, подобной разсматриваемой. Конечно, мнѣ приходится при этомъ дѣлать и фактическія поправки, если въ таковыхъ является нужда, но эти недочеты я считаю важными не сами по себѣ, а по скольку они стоятъ въ связи съ требованіями, которыя мы должны предъявлять къ общему курсу. Вполнѣ можно согласиться съ авто-

---

[1]) *Окончаніе.* См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

ромъ, что много въ области славяно-русской литературы остается еще неяснымъ; но эта неясность не испугаетъ читателя, если послѣдній будетъ веденъ въ каждомъ вопросѣ по строгому методологическому пути, на которомъ онъ самъ можетъ видѣть, въ чемъ заключается трудность изслѣдованія, на что должно обращать вниманіе и какъ подойти къ рѣшенію того или другого вопроса. Если же читатель не будетъ въ состояніи разобраться, что изъ указаннаго ему является важнымъ и что неважнымъ, почему одно имѣетъ значеніе, а другое нѣтъ, какъ смотритъ наука на тотъ или другой памятникъ и т. п., то, понятно, онъ останется неудовлетвореннымъ и свое недовольство неудовлетворенностью перенесетъ съ книги на ея автора. Если же въ книгѣ и для непривычнаго взгляда будетъ замѣтна ея неотдѣланность, колебаніе автора, неравномѣрность частей, то она имѣетъ мало шансовъ на признаніе за ней серьезно-научнаго значенія. Я не хочу сказать, что послѣднія слова относятся къ разбираемой книгѣ, но по отношенію къ отдѣльнымъ вопросамъ нельзя не желать ихъ переработокъ и въ соотвѣтствіи съ новѣйшими научными данными и въ болѣе широкой постановкѣ.

Къ числу переводныхъ древне-славянскихъ памятниковъ принадлежатъ хроники—Іоанна Малалы, Георгія Мниха и др. Изложеніе проф. Владимірова ихъ судьбы поражаетъ странностью. Получается такое впечатлѣніе, что къ старымъ запискамъ, по мѣрѣ появленія новыхъ изслѣдованій, совершенно механически присоединялись новыя положенія, которыя или становятся въ полное противорѣчіе съ старыми замѣтками или, соединяясь съ ними, производятъ полную спутанность. Хронику Іоанна Малалы авторъ ставитъ воедино съ извѣстнымъ сборникомъ архива минис. иностр. дѣлъ, вслѣдствіе чего читатель не можетъ получить яснаго представленія ни о хроникѣ Малалы, ни объ Архивскомъ хронографѣ. На стр. 31-й въ примѣчаніи авторъ говоритъ, что и въ славянскомъ переводѣ хроники Малалы „прежде всего важно начало ея, утраченное въ греческой рукописи“. Такъ можно было говорить 8—9 лѣтъ тому назадъ, когда начало греческой хроники было, дѣйствительно, совершенно неизвѣстно. Но когда Виртъ нашелъ въ Парижской рукописи первую главу хроники и опубликовалъ ее (вторично она опубликована мною), тогда слѣдовало бы измѣнить это примѣчаніе, тѣмъ болѣе, что на стр. 33 авторъ приводитъ предисловіе хроники, сопоставляя его съ греческимъ. Откуда взялъ авторъ греческій текстъ, если начало хроники не сохранилось? Точно также совершенно превратное понятіе получитъ читатель изъ продол-

женія того же примѣчанія: „Замѣчаются еще слѣдующія отличія между греческимъ текстомъ и славянскимъ переводомъ. Въ послѣднемъ вставлены въ полномъ видѣ два апокрифа: Слово Аѳанасія Александрійскаго о Мельхиседекѣ и завѣтъ 12-ти патріарховъ. Кромѣ того, славянскій переводчикъ или русскій редакторъ хроники дѣлалъ вставки изъ Іосифа Флавія". Но—иное дѣло хроника Малалы, иное—Архивскій сборникъ. Авторъ смѣшалъ все это въ одну кучу и, соединивъ несоединимое, устроилъ такъ, что одна страница не вяжется съ другой. Изъ указаннаго сейчасъ примѣчанія каждый долженъ будетъ вывести заключеніе, что Слово о Мельхиседекѣ и Завѣтъ 12-ти патріарховъ существовали даже въ греческомъ подлинникѣ и были переведены вмѣстѣ съ хроникой, или, по крайней мѣрѣ, соединены были самимъ переводчикомъ: иначе—въ чемъ же будетъ заключаться отличіе славянскаго перевода отъ греческаго текста? Но на стр. 32-й читаемъ: „Въ русскомъ спискѣ Малалы, т.-е. Архивномъ, сочиненіе Малалы является съ дополненіями, вставками и измѣненіями русскаго редактора. Здѣсь прибавлены: выписки изъ св. писанія, изъ Палеи (напримѣръ, апокрифическіе завѣты 12 патріарховъ — добавлю: и Слово о Мельхиседекѣ), изъ хронографа Георгія Амартола и находится все сказаніе объ Александрѣ". Далѣе авторъ говоритъ, что это сдѣлалъ русскій компиляторъ, вѣроятно, изъ Западной Руси. Но если такъ, то мы не можемъ говорить объ указанной особенности перевода сравнительно съ оригиналомъ. Мы должны признать, что хроника Малалы была переведена въ X-мъ вѣкѣ такъ, какъ ей слѣдовало быть переведенной, т.-е. безъ всякихъ осложненій, а впослѣдствіи, на Руси, изъ нея вмѣстѣ съ другими памятниками составленъ былъ особый сборникъ. И ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы соединять оба памятника: одинъ является просто на просто переведеннымъ, другой—самостоятельнымъ произведеніемъ славянскаго редактора, и автору предстояло бы сказать только, какого—южнославянскаго или русскаго. И вообще, всю страницу 32-ю слѣдовало бы помѣстить вмѣстѣ съ 52, гдѣ авторъ говоритъ „о возникновеніи въ славянской и русской литературахъ компиляцій и энциклопедій". Въ свое время, въ изслѣдованіи объ Александріи, я настаивалъ, что „нельзя класть въ основаніе разсматриваемаго (т.-е. Архивскаго) хронографа хронику Малалы, а на все остальное смотрѣть какъ на вставки: вставки предполагаютъ случайность, а таковой не было при составленіи хронографа. Хроника Малалы далеко не легла въ основаніе хронографа и, если судить по объему, то скорѣе нужно положить

въ основаніе библейскія книги“ (стр. 353—4). Еще менѣе можно говорить о дополненіи хроники Малалы Словомъ о Мельхиседекѣ и Завѣтами 12-ти патріарховъ. Я тамъ же указалъ, что эти два памятника представляютъ собой, такъ сказать, вторичное наслоеніе, и что въ соотвѣтствующемъ Виленскомъ сборникѣ этихъ выписокъ изъ Исторической Палеи нѣтъ, и что сдѣланы онѣ уже въ XV-мъ вѣкѣ, когда былъ переписанъ Архивскій списокъ (стр. 343—4). Къ сожалѣнію, авторъ этими указаніями не воспользовался. Странно, далѣе, послѣ сказаннаго на стр. 31—3 читать на стр. 51—2 такое замѣчаніе: „Нельзя не замѣтить о возникновеніи въ славянской и русской литературахъ компиляцій и энциклопедій, въ родѣ извѣстнаго Архивнаго сборника, въ спискѣ XV-го вѣка съ оригинала XIII-го вѣка, возводимаго въ настоящее время къ X-му вѣку. Содержаніе этого сборника представляетъ соединеніе книгъ Ветхаго Завѣта съ хрониками Малалы, съ Александріей, съ апокрифами“ и т. п. Раньше этотъ сборникъ былъ дѣломъ русскаго редактора, теперь—возводится къ X-му вѣку. Послѣднее замѣчаніе, несомнѣнно, основывается на выводахъ Шахматова въ статьѣ, напечатанной въ Византійскомъ Временникѣ, т. VII (1899). Но у Шахматова сборникъ этотъ ставится въ связь съ такъ называемымъ Еллинскимъ Лѣтописцемъ въ его различныхъ видахъ и самъ по себѣ представляетъ лишь одну разновидность послѣдняго, возникшаго, по его мнѣнію, въ X-мъ вѣкѣ. Но если авторъ принимаетъ утвержденіе Шахматова, то сборникъ является не характернымъ, и совершенно тогда непонятно, почему авторъ ни словомъ не обмолвился объ Еллинскомъ и Римскомъ Лѣтописцѣ. Выводы Шахматова, если бы они были приняты, даютъ намъ хорошую картину самостоятельныхъ обработокъ составленной въ древности (X-го вѣка) компиляціи, и поэтому, если авторъ принимаетъ выводы Шахматова, то ему слѣдовало бы точнѣе указать, что въ X-мъ вѣкѣ была составлена въ Болгаріи обширная энциклопедія, которая затѣмъ подверглась неоднократнымъ переработкамъ, въ результатѣ коихъ мы имѣемъ и Еллинскій Лѣтописецъ и Архивскій сборникъ—памятники въ теперешнемъ ихъ видѣ уже русскіе. Не переработавъ всего этого, авторъ у знакомыхъ съ этимъ вопросомъ вызываетъ недоумѣніе, а приступающихъ къ занятіямъ русской письменностью только приведетъ въ отчаяніе при видѣ невозможности совмѣстить разнорѣчивыя указанія.

Съ своей стороны, я долженъ сказать, что я не могу признать указанныхъ выводовъ Шахматова. Въ ближайшемъ будущемъ въ одномъ

изданіи будетъ напечатана моя статья по поводу изслѣдованія г. Шахматова о древне-болгарской энциклопедіи X-го вѣка, гдѣ желающіе и найдутъ подробное объясненіе. Въ настоящемъ случаѣ я замѣчу лишь, что мы не имѣемъ никакихъ основаній говорить о болгарской энциклопедіи X-го вѣка въ томъ видѣ, какъ ее хочетъ представить намъ г. Шахматовъ. Самъ по себѣ Еллинскій Лѣтописецъ могъ получить начало въ Болгаріи въ X-мъ вѣкѣ, но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ энциклопедіей, имѣя очень опредѣленный характеръ и очень опредѣленный кругъ источниковъ. Еще менѣе мы можемъ принимать упоминаемый Архивскій сборникъ за одинъ изъ видовъ этой энциклопедіи.

Замѣчу, что извѣстное указаніе на переводчика (книги завѣта Божія Ветхаго и т. д.) можетъ и не относиться непремѣнно къ переводчику самой хроники; во всякомъ случаѣ, мѣсто это недостаточно еще разъяснено, чтобы можно было видѣть здѣсь категорическое указаніе на переводчика хроники Малалы, какъ это дѣлаетъ авторъ.

Неизвѣстно, на какомъ основаніи авторъ видитъ вліяніе хроники Малалы на разсказъ лѣтописи о столпотвореніи (стр. 33). Такого вліянія не было. Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ мною въ Замѣчаніяхъ о составѣ Толковой Палеѣ, вып. I, и Заболотскимъ въ статьѣ „Къ вопросу объ иноземныхъ источникахъ Начальной лѣтописи“ (Р. Филол. Вѣст. 1901 г., № 1-й и 2-й).

Крайне недостаточны и случайны свѣдѣнія, сообщаемыя проф. Владиміровымъ о хроникѣ Георгія Мниха, называемаго Амартоломъ. Уже Сперанскій отмѣтилъ, что авторъ смѣшалъ два перевода, которые имѣли различную судьбу: для характеристики перевода, которымъ пользовался Несторъ, приводятся выписки изъ другого, позднѣйшаго перевода. Изъ этихъ выписокъ, какъ и изъ многихъ другихъ, мы собственно ничего не вынесемъ, а между тѣмъ значеніе хроники Георгія Мниха для юго-славянской и русской литературъ настолько важно, что никакъ не слѣдовало бы ограничиваться однимъ лишь упоминаніемъ. Правда, часть ея исторіи падаетъ на долю болгарской и сербской литературъ, но при изученіи древнерусской, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, нельзя отдѣлять послѣднюю отъ первыхъ. Многое еще остается намъ неизвѣстнымъ по вопросу объ этой хроникѣ, но въ общемъ руководствѣ и слѣдуетъ точно указывать, что извѣстно и что еще нѣтъ. Для образца я могъ бы предложить слѣдующее изложеніе исторіи хроники, вполнѣ достаточное для общаго руководства. Въ славянскомъ мірѣ хроника Георгія Мниха, называемаго Амартоломъ,

была самою распространенною. Помимо множества дошедшихъ до насъ полныхъ ея списковъ, въ рукописяхъ постоянно встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ объемѣ выписки изъ нея. Она легла въ основаніе нѣсколькихъ компиляцій, такъ напримѣръ, въ основаніе Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца и нѣкоторыхъ другихъ. Наконецъ, она и переведена была на славянскій языкъ два раза. Она имѣетъ, поэтому, большое значеніе для развитія славянъ вообще и русскихъ въ частности. У насъ на Руси въ древнее время, до XIV вѣка, она была гораздо болѣе распространена, чѣмъ у славянъ, и русскіе люди съ глубокой древности почерпали свои историческія свѣдѣнія почти исключительно изъ нея. На ея отличительныхъ качествахъ воспитывался вкусъ русскаго читателя къ исторіи и получалъ то направленіе, которое проходило черезъ всю хронику. Вмѣстѣ съ хроникой Малалы она до XIV вѣка была единственнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній, и тотъ религіозный характеръ взглядовъ нашихъ лѣтописцевъ, который высказывается особенно ярко въ разсказахъ о разныхъ явленіяхъ природы или въ характеристикахъ добрыхъ и нечестивыхъ царей, этотъ характеръ, несомнѣнно, выработался подъ вліяніемъ чтенія хроники Іоанна Малалы и въ особенности—излюбленной хроники Георгія Мниха. Хроника Георгія Мниха была переведена на славянскіе языки два раза. Одинъ переводъ принадлежитъ старому времени, другой—болѣе новому, XIII—XIV вѣковъ. Старый, первый переводъ былъ сдѣланъ не съ древнѣйшей греческой редакціи, а съ болѣе новой редакціи, соотвѣтствующей изданной Муральтомъ. Дошедшіе до насъ списки этого перевода принадлежатъ всѣ русской редакціи, что нужно понимать только въ томъ смыслѣ, что списки этого перевода сдѣланы всѣ русскими писцами. Пока мы не имѣемъ ни одного ни чисто болгарскаго, ни чисто сербскаго списка. Старѣйшій списокъ принадлежитъ XIII вѣку (списокъ Моск. дух. акад.). Гдѣ былъ сдѣланъ переводъ? Этотъ вопросъ не получилъ еще достаточной разработки, прежде всего по той причинѣ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ изданія славянскаго текста хроники. Если переводъ былъ сдѣланъ въ Болгаріи, то въ очень раннее время, вѣроятно, въ ту же блестящую эпоху Симеона, т. е. въ X вѣкѣ, когда былъ сдѣланъ и переводъ хроники Малалы. Арх. Леонидъ усмотрѣлъ истершуюся подпись на упомянутомъ спискѣ XIII вѣка „Григорій“ и построилъ теорію, что переводчикомъ былъ все тотъ же Григорій пресвитеръ, который перевелъ будто и хронику Малалы и многое другое. Но у насъ пока нѣтъ достаточныхъ оснований для такого утвержденія. Языкъ

той и другой хроники еще не изслѣдованъ, а для рѣшенія такихъ вопросовъ единственное средство—разработать языкъ. Если хроника явилась и въ Болгаріи, то вмѣстѣ съ другими книгами она рано перешла къ намъ на Русь, а на мѣстѣ родины стала исчезать изъ употребленія. Въ этомъ случаѣ хроника Георгія Мниха испытала ту же судьбу, что и многіе памятники староболгарской литературы. Съ пробужденіемъ литературнаго движенія въ такъ называемое Тырновское время въ XIII—XIV вѣкахъ въ Болгаріи снова явилась потребность въ исторіи, но такъ какъ къ этому времени тамъ не оказалось ни хроники Малалы, ни хроники Георгія Мниха, то былъ сдѣланъ вторичный переводъ послѣдней. Что касается Сербіи, то намъ ничего неизвѣстно, былъ ли тамъ извѣстенъ первый переводъ хроники Георгія. На Руси же онъ былъ извѣстенъ уже Нестору. Въ отличіе отъ перваго перевода хроники Георгія Мниха, называющагося въ рукописяхъ обыкновенно „временникомъ", второй переводъ называется въ рукописяхъ „лѣтовникомъ". Въ научной литературѣ этотъ второй переводъ извѣстенъ подъ именемъ „сербскаго перевода", или „сербской редакціи Георгія Мниха". Такое названіе присвоивается переводу потому, что всѣ списки его, извѣстные до сихъ поръ, суть списки сербскіе. Списковъ этого перевода дошло до насъ довольно большое количество, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ XIV вѣку; такъ извѣстны: 1) сп. Синод. библ. 1386 г., 2) Пражской библ. 1389 г., 3) Аѳонскаго монастыря св. Павла 1387 г.; кромѣ этого, извѣстны еще четыре-пять списковъ XIV—XV вѣковъ. На основаніи большого количества списковъ должно заключать, что переводъ этотъ пользовался большимъ распространеніемъ, но—не въ Болгаріи, а въ Сербіи, и притомъ въ эпоху, совпадающую съ эпохой паденія Сербіи. Оригиналъ перевода принадлежалъ къ первоначальной краткой редакціи. Существуетъ мнѣніе, что переводъ и происхожденія сербскаго. Но это невѣрно. Хотя всѣ списки хроники въ этомъ переводѣ сербскіе и въ иныхъ дѣлаются указанія на сербскій языкъ, но внимательное разсмотрѣніе указываетъ на болгарскій оригиналъ. Сербскій писецъ, вставляя сербскія глоссы и передѣлывая болгарскій оригиналъ на сербскій языкъ, противъ своей воли оставлялъ нѣкоторые болгаризмы. Напримѣръ, въ Пражскомъ и Синодальномъ спискахъ одинаково читается: „именоваше ѥю капетоль римскы еже ѥ грьскы кефали тис полеωс, сербскы же гла градоу"—въ спискѣ же Аѳонскаго монастыря св. Павла вмѣсто „сербскы" стоитъ „словѣньскы", т. е. „по болгарски". Но, съ другой стороны, въ томъ же Пражскомъ спискѣ осталось не-

измѣненнымъ названіе „словѣньскы“ въ другомъ мѣстѣ: „марекъ имя пиргꙋ Вроумалпоумъ еже к҃е римскы, словѣнскы же ѿ тоуждіихъ питатисе“. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ въ спискахъ такія формы, какъ род. п.—сущ. отъ основъ женск. р. на а: „ѿ наложницоу своєю“, гдѣ ꙋ ю=ѫ и ѭ=ѧ и ꙗ. На основаніи такихъ случаевъ, наблюдаемыхъ притомъ въ нѣсколькихъ спискахъ, нужно признать, что и переводъ былъ сдѣланъ въ Болгаріи. Прямыхъ указаній, когда былъ сдѣланъ переводъ, мы не имѣемъ, но на основаніи отсутствія признаковъ древности надо признать, что переводъ сдѣланъ не рано, приблизительно въ XIII—XIV вѣкахъ. Но исторія этого перевода Георгіевой хроники была не долговѣчна. Съ одной стороны, литературное возбужденіе, вызвавшее переводъ, само по себѣ было недолговременно, съ другой—повидимому, болѣе по вкусу пришлась хроника Манассіи, также переведенная на болгарскій языкъ въ XIV вѣкѣ. Быть можетъ, одной изъ причинъ, почему хроника Манассіи переписывалась чаще, чѣмъ хроника Георгія Мниха, было то обстоятельство, что переводчикъ хроники Манассіи снабжалъ свой переводъ замѣтками по болгарской исторіи. Какъ бы то ни было, хроника Георгія Мниха въ новомъ переводѣ перешла въ Сербію, гдѣ и получила большое распространеніе. Что касается Россіи, то новый переводъ, повидимому, и здѣсь не былъ распространенъ, хотя и могъ быть извѣстенъ. Вѣроятно, причиной этого было то, что къ этому времени пользовался значительнымъ распространеніемъ такъ называемый Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ, могущій вполнѣ замѣнить хронику Георгія, да къ тому же на Руси былъ извѣстенъ и старый переводъ хроники. Въ сербской же литературѣ новый переводъ сыгралъ большую роль. Помимо того, что онъ распространялся въ отдѣльныхъ спискахъ, онъ легъ въ основаніе сербскаго собственно такъ называемаго хронографа. Первая редакція сербскаго хронографа своимъ главнымъ источникомъ имѣетъ этотъ переводъ хроники Георгія Мниха, и этимъ же переводомъ вновь воспользовалась для дальнѣйшаго распространенія и вторая редакція того же сербскаго хронографа.

Такого рода свѣдѣнія я считаю необходимыми для общаго руководства по исторіи древнерусской литературы [1]).

---

[1]) Сдѣлаю частное замѣчаніе по поводу словъ автора, что „уже византійскіе хронографисты, Малала, Манассія, Георгій Мнихъ вносили въ свои историческіе труды романы объ Александрѣ, о Троянскомъ взятіи и проч.“ (стр. 88). Повидимому, здѣсь какое-то недоразумѣніе. Романъ объ Александрѣ вошелъ въ хронику Малалы, но уже въ

Авторъ упоминаетъ еще объ одной хроникѣ, переведенной на славянскій языкъ — Константина Манассіи, о времени славянскаго перевода котораго, говоритъ онъ, существуетъ въ наукѣ два мнѣнія: одни относятъ его къ раннему времени, къ XII вѣку въ Болгаріи, другіе—къ XIV вѣку (стр. 36). Вѣроятно, на томъ основаніи, что переводъ хроники Зонары считается явившимся въ XIV вѣкѣ, авторъ и не говоритъ ничего о немъ. Но, пожалуй, было бы удобнѣе говорить о переводныхъ хроникахъ въ одномъ мѣстѣ, хотя бы онѣ явились и разновременно. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы упомянуть о „Лѣтописцѣ вскорѣ" или „вкратцѣ". Онъ извѣстенъ уже въ русскомъ спискѣ XIII вѣка, а, кромѣ того, уже давно Кругъ и Кеппенъ указали на пользованіе однимъ изъ разсказовъ первоначальной лѣтописи Никифоровскимъ лѣтописцемъ, а въ настоящее время это подтверждено Шахматовымъ и положено послѣднимъ въ основаніе дѣленія повѣсти временныхъ лѣтъ на двѣ редакціи. Въ первой редакціи хронологія составлена, между прочимъ, по хроникѣ Георгія Мниха, а второй редакторъ (1118 г.) исправилъ хронологію первой редакціи на основаніи Никифорова „Лѣтописца вскорѣ". На основаніи Никифорова лѣтописца является исходной точкой лѣтосчисленія ошибочно 852 годъ, въ которомъ началось царствованіе Михаила, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Михаилъ началъ царствовать въ 842 г. Лѣтописецъ дошелъ до 852 года самъ при помощи различныхъ выкладокъ, причемъ нѣкоторая ошибочность въ цифрахъ существовала уже въ томъ греческомъ спискѣ „Лѣтописца вскорѣ", который послужилъ оригиналомъ для перевода. Такихъ, хотя бы краткихъ, свѣдѣній мы не находимъ у автора ни въ главѣ о переводныхъ хроникахъ, ни въ главѣ о русскихъ лѣтописяхъ.

Немалое недоумѣніе возбуждаютъ страницы, посвященные Толковой Палеѣ. Вслѣдъ за проф. Сперанскимъ я говорилъ уже о двойственности взглядовъ автора на этотъ памятникъ. Толковая Палея помѣщается авторомъ среди переводныхъ греческихъ произведеній—Палея Историческая, топографія Козьмы Индикоплова, Физіологъ, Пчела (стр. 42). На стр. же 43 авторъ говоритъ: „Греческаго оригинала Толковой Палеи до сихъ поръ не найдено; поэтому думаютъ, что этотъ сборникъ... явился въ древней Руси" (стр. 43).

славянскомъ переводѣ, въ хроникѣ же Георгія Мниха встрѣчаемъ ничтожные отрывки сказаній объ Александрѣ баснословнаго характера, которые не могутъ разсматриваться какъ романъ. Сказанное авторомъ можетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ Манассіи.

Но одного обстоятельства, что греческаго оригинала еще не найдено, совершенно недостаточно, чтобы признать русское происхожденіе Толковой Палеи: для этого должны быть причины внутреннія, каковыя въ дѣйствительности и оказываются. Но и помимо послѣдняго обстоятельства слѣдовало бы рекомендовать воздерживаться отъ такого рода заключеній: не найдено, значитъ, и не было. Къ сожалѣнію, такими заключеніями нерѣдко пользуются. Въ своей статьѣ о Даніилѣ Заточникѣ я отмѣтилъ такой же, къ сожалѣнію, способъ разсужденій проф. Будде по поводу Пчелы. Я считаю правильную постановку даннаго вопроса настолько важной, что опять обращаю вниманіе на него—повторю то, что сказалъ по поводу разсужденій г. Будде: „Если мы будемъ руководствоваться такимъ закономъ, а именно, что если при извѣстныхъ наличныхъ данныхъ славянскому памятнику нельзя пока указать полнаго соотвѣтствія среди подобныхъ же греческихъ, то памятникъ долженъ считаться заимствованнымъ (по терминологіи г. Будде), т.-е. до извѣстной степени оригинальнымъ — если будемъ этимъ руководиться, то мы наводнимъ древнерусскую литературу немалымъ числомъ такихъ оригинальныхъ или заимствованныхъ памятниковъ. Неужели неизвѣстно, что славянорусская литература сохранила немалое количество переводныхъ произведеній, которыхъ оригиналы совсѣмъ, повидимому, исчезли, или еще не найдены, или которые представляютъ намъ особую, иногда древнѣйшую редакцію“? Эти возраженія я долженъ сдѣлать и проф. Владимірову и послѣднему тѣмъ болѣе, что его книга можетъ послужить руководствомъ для начинающихъ и на первыхъ же порахъ можетъ вселять очень опасныя въ методологическомъ отношеніи мысли. Да авторъ и самъ не удерживается на этомъ одномъ положеніи, такъ какъ тутъ же въ примѣчаніи ссылается на Михайлова, доказавшаго, что „авторъ Толковой Палеи пользовался готовымъ спискомъ библейскихъ книгъ въ старомъ славянскомъ переводѣ или вѣрнѣе въ древнерусской редакціи, что указываетъ на конецъ XIII—начало XIV вѣковъ“. Вотъ это-то обстоятельсто и является существеннымъ. Поэтому, опять являются непонятными слова автора: „Славянскій или русскій редакторъ составилъ этотъ сборникъ; но гдѣ и когда — остается открытымъ вопросомъ“ (ibid.). На стр. же 18 авторъ говоритъ, что „на основаніи признаковъ языка можно считать русскими переводами“... Толковую Палею. Какъ тутъ разобраться неопытному читателю?

Изъ частныхъ неточностей отмѣчу: 1) Въ первой редакціи Толко-

вой Палеи Откровеніе Авраама помѣщено, но только лишь въ краткомъ видѣ, въ редакціи же типа Синодальнаго списка Откровеніе помѣщено въ полномъ видѣ, при чемъ редакторъ не замѣнилъ краткаго разсказа полнымъ, но, удержавъ то, что было въ первой редакціи, дополнилъ недостающее. 2) Синодальный списокъ Толковой Палеи будетъ не второй редакціей, а уже, по крайней мѣрѣ, третьей, которая и будетъ характеризоваться внесеніемъ новыхъ апокрифовъ, сокращеніемъ обличеній жидовина и исключеніемъ Завѣтовъ 12 патріарховъ. Между Палеей типа Коломенскаго списка и Синодальнаго стоятъ другія Палеи, представляющія вторую редакцію и характеризующіяся, между прочимъ, тѣмъ, что краткая редакція Завѣтовъ 12 патріарховъ замѣнена полной редакціей. 3) Такъ какъ Толковая Палея происхожденія поздняго, не раньше XIII вѣка, то не можетъ быть рѣчи о заимствованіи изъ нея Илларіономъ, Никифоромъ, да пожалуй и Кирилломъ II, а можно говорить только объ однихъ и тѣхъ же источникахъ.

Отъ Толковой Палеи издавна привыкли отличать Палею Историческую. Названіе послѣдняго памятника Палеей извлечено изъ встрѣчающагося иногда въ рукописяхъ названія „Очи палейныя". Изъ того обстоятельства, что въ „Исторической Палеѣ" заключается въ извлеченіи библейскій текстъ съ нѣкоторыми апокрифами, обыкновенно и разсматриваютъ обѣ Палеи вмѣстѣ, хотя кромѣ случайнаго, неполнаго сходства по матеріалу между обоими памятниками нѣтъ ничего общаго ни по происхожденію, ни по направленію, ни по исторіи. Толковая Палея есть памятникъ оригинальный, русскій; Историческая— съ начала до конца переведенный. Толковая Палея имѣетъ очень ясную опредѣленную цѣль, и все, что ее наполняетъ, подчиняется этой цѣли, одной опредѣленной идеѣ; Историческая Палея для русскаго читателя не имѣла никакой опредѣленной идеи, и въ изложеніи древнерусской литературы она должна отдѣляться и отъ Толковой Палеи и отъ апокрифическаго отдѣла. Она обращаетъ на себя вниманіе только въ славяно-русской литературѣ, въ греческой же она не имѣетъ никакого значенія. Происхожденіе ея неясно. Но нужно имѣть въ виду, что среди греческихъ рукописей встрѣчаются однородныя съ нашей Исторической Палеей. Эти памятники содержатъ въ себѣ краткое изложеніе библейской исторіи, частію съ апокрифами, частію безъ нихъ. Ихъ появленіе нужно объяснять тѣмъ обстоятельствомъ, что для обиходнаго чтенія, особенно простолюдина, библія въ полномъ своемъ составѣ была и недоступна по объему и неудобочитаема по своему обширному неисторическому элементу. Чтобы дать простолюдину воз-

можность пользоваться для чтенія библіей, были составляемы сокращенія въ родѣ Исторической Палеи. Вторженіе въ нихъ апокрифовъ нисколько неудивительно при такомъ же на нихъ взглядѣ, такъ какъ они и составлялись, повидимому, людьми, стоявшими на одномъ уровнѣ съ простолюдинами. То, что происходило у византійцевъ, происходило и у славянъ: и у послѣднихъ существовало также желаніе читать библію, но почему-то руководители не находили возможнымъ сдѣлать сокращеніе уже славянской библіи — можетъ быть, потому просто, что не имѣли подъ руками, но предпочли сдѣлать особый переводъ съ греческаго оригинала. Что какая-то нужда въ этомъ существовала, указываетъ то, что переводъ былъ сдѣланъ даже два раза, какъ это доказалъ Сперанскій (Споменикъ, XVI). Послѣднее обстоятельство какъ-то упускается изъ виду, а, между тѣмъ, оно имѣетъ несомнѣнную цѣнность, и научная разработка того и другого перевода въ полномъ объемѣ заслуживала бы вниманія. Проф. Владиміровъ не упоминаетъ о второмъ переводѣ, указанномъ Сперанскимъ, какъ не упоминаетъ о немъ проф. Смирновъ въ своей рецензіи на сочиненіе, удостоенное золотой медали (см. Варшавскія Универс. Извѣстія 1901 г.). Не упоминаетъ также проф. Владиміровъ о передѣлкѣ Исторической Палеи, изданной тамъ же, гдѣ и оригиналъ. Я уже говорилъ выше объ этомъ недостаткѣ, обращающемъ древнерусскую литературу въ византійскую.

Отдѣлъ объ апокрифической литературѣ могъ бы съ большой пользой быть расширенъ. Это расширеніе должно бы коснуться общей исторіи апокрифовъ. Пересказъ содержанія того или другого апокрифа могъ бы безъ большого ущерба быть оставленъ, но выясненіе отношенія читателей къ апокрифамъ, ихъ вліяніе на поэтическое творчество, на иконографію, на объясненіе народныхъ преданій могло бы быть представлено въ большей полнотѣ. Послѣ изслѣдованій Порфирьева, а особенно послѣ очень цѣнныхъ указаній Тихонравова въ I томѣ его сочиненій, а также изъ матеріала, собраннаго проф. Сперанскимъ въ его изслѣдованіи объ апокрифическихъ евангеліяхъ, въ настоящее время мы обладаемъ достаточнымъ матеріаломъ для того, чтобы имѣть представленіе о важности собственно апокрифической литературы, выражающейся прежде всего—и важнѣе всего—въ исторіи такъ называемаго „индекса". Проф. Тихонравовъ очень хорошо понималъ значеніе этого индекса, а посвятилъ ему нѣсколько страницъ, которыми каждый авторъ исторіи древне-русской литературы обязательно долженъ воспользоваться. Правда, и здѣсь мы выйдемъ за предѣлы XI—XIII вѣковъ, но авторъ

самъ долженъ былъ это сдѣлать противъ своей воли. Въ разсматриваемой книгѣ самое понятіе „апокрифъ" не выяснено, отношеніе его къ „отреченной книгѣ" не указано и оставлено безъ вниманія различіе въ отношеніи къ апокрифамъ византійца и славянина, такъ что знакомаго сколько-нибудь съ апокрифической литературой этотъ отдѣлъ книги также не удовлетворитъ, а незнакомому не дастъ яснаго представленія объ этомъ важномъ отдѣлѣ.

Когда мы говоримъ о русской апокрифической литературѣ, то должны различать апокрифъ отъ такъ называемой отреченной или ложной книги. Часто оба термина смѣшиваются, что подаетъ поводъ къ невѣрному представленію о томъ, что такое апокрифъ. Прежде всего, не всякій апокрифъ будетъ ложной или отреченной книгой, точно также не всякая отреченная книга будетъ апокрифомъ. Для опредѣленія, что такое отреченная книга, важны индексы истинныхъ и ложныхъ книгъ. Всякая книга, внесенная въ индексъ ложныхъ книгъ, и будетъ книгой отреченной, т. е. запрещаемой, но въ этотъ индексъ попали многіе памятники, которые не были апокрифами въ собственномъ смыслѣ; такъ, напримѣръ, въ индексахъ запрещаются разныя гадательныя и суевѣрныя книги. Съ другой стороны, въ индексахъ не находимъ такихъ памятниковъ, которые являются собственно апокрифами. Такъ, напримѣръ, существуютъ въ греческой и славянской письменности сказанія о смерти пророка Даніила и трехъ отроковъ, сказанія вполнѣ апокрифическія, однако, они въ индексъ не вошли, и читаются въ такихъ памятникахъ, какъ Прологъ и т. п. Такое сказаніе не считалось, слѣдовательно, запрещаемымъ, а потому, будучи апокрифомъ, оно не является отреченной книгой. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что не во всякое время одна и та же книга считалась ложной, запрещенной. Напримѣръ, въ старыхъ индексахъ славянскихъ и во всѣхъ греческихъ мы не находимъ Откровенія Меѳодія Патарскаго, и оно, несомнѣнно, считалось книгой истинной. Но въ концѣ XV вѣка произошла его переработка, и въ него вошли нѣкоторые апокрифическіе элементы, и Откровеніе Меѳодія стало уже попадаться въ индексахъ, т. е. становится книгой отреченной. Въ то же время мы видимъ, что составители индексовъ иногда сомнѣвались, относить ли ту или другую книгу къ ложнымъ или къ истиннымъ. Такой случай мы наблюдаемъ съ Откровеніемъ Меѳодія и съ другими однородными съ нимъ памятниками, какъ Видѣніе Андрея Юродиваго или Житіе Василія Новаго. Однимъ словомъ, въ опредѣленіи того, что въ древней

Руси считалось ложнымъ, запрещаемымъ, мы должны руководиться индексомъ, имѣвшимъ свою длинную исторію.

Затѣмъ является существенно важнымъ опредѣлить, что же является собственно апокрифомъ и какъ понятіе апокрифа переходило въ понятіе запрещеннаго, ложнаго. Въ „Исторіи русской литературы“ необходимо хотя бы въ краткихъ чертахъ указать развитіе понятія „апокрифа“ въ византійской жизни и литературѣ, чтобы затѣмъ яснѣе представить отношеніе славяно-русскаго читателя какъ къ самимъ апокрифамъ, такъ и къ запрещеніямъ оныхъ. Въ сопоставленіи двухъ разновременныхъ исторій апокрифической литературы можно видѣть много занимательнаго и поучительнаго. Проф. Владиміровъ оставилъ эту часть совершенно въ сторонѣ, а между тѣмъ это было сдѣлать такъ легко при помощи уже существующихъ изслѣдованій и сводовъ, какъ, напримѣръ, у Пыпина, Сперанскаго и др. Понятіе апокрифа также имѣетъ свою исторію. Въ первые вѣка христіанства именемъ ἀπόκρυφος означалось вообще „тайное“, „скрытое“; это было нѣчто трудное для пониманія: поэтому такія писанія могли и не быть противны христіанскому ученію. Такъ какъ по своему содержанію они были скорѣе легендарно-повѣствовательнаго характера—разсказы о ветхозавѣтныхъ лицахъ, перешедшіе отъ временъ іудейскихъ, и разсказы о Христѣ и апостолахъ—то подъ ἀπόκρυφος въ обычномъ обиходѣ разумѣлись разсказы о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ, которыхъ не находилось въ священныхъ книгахъ. Этими разсказами обильно пользовались отцы церкви первыхъ вѣковъ христіанства, и часто только изъ цитатъ и выдержекъ, разсѣянныхъ у различныхъ отцовъ церкви, мы узнаемъ о нѣкогда существовавшемъ и теперь исчезнувшемъ апокрифѣ; такъ напримѣръ, ученая критика насчитываетъ болѣе двадцати апокрифическихъ евангелій. Апокрифы въ то отдаленное время составляли своего рода народный эпосъ. Они удовлетворяли любопытству, возбужденному великими событіями, каковы, напримѣръ, событія евангельскія. Конечно, апокрифы существовали и въ письменности и въ народныхъ преданіяхъ. Отцы церкви, принадлежавшіе къ своему поколѣнію, не могли относиться вполнѣ отрицательно къ апокрифамъ, ибо и сами частію воспитывались на нихъ. Въ своихъ спорахъ они наряду съ книгами священнаго писанія приводили апокрифы, правильно усматривая въ нихъ остатки старыхъ преданій. Но въ то же время они хорошо понимали, что фантазія можетъ выйти за предѣлы, что въ рукахъ полуобразованныхъ апокрифы могутъ

принять чисто сказочный характеръ. Поэтому они совѣтовали обходиться съ апокрифами осторожно, совѣтовали читать ихъ только такимъ лицамъ, которыя могутъ отличить истину отъ лжи. Когда явилась необходимость составить канонъ священныхъ книгъ, что находилось въ связи съ распространеніемъ еретическихъ ученій, то и былъ прежде всего составленъ индексъ именно каноническихъ только книгъ. И дѣйствительно, первые индексы состоятъ обыкновенно въ перечисленіи только каноническихъ книгъ. Въ различныхъ церковныхъ постановленіяхъ, извѣстныхъ подъ именами то помѣстныхъ соборовъ, то постановленій апостольскихъ, мы встрѣчаемъ общія постановленія относительно истинныхъ и ложныхъ книгъ, при чемъ каноническія книги перечисляются, а неканоническія, запрещенныя—нѣтъ. Все, что не вошло въ канонъ, стало вреднымъ, хотя и не сразу: первоначально не вошедшія въ канонъ книги раздѣлялись на такія, которыя можно допускать, и на такія, которыхъ нельзя. Съ теченіемъ времени тѣ и другія образовали одинъ отдѣлъ ἄτοπα, „вредныя", въ противоположность κανονικά. Первыя стали продолжать называться и ἀπόκρυφα, но уже въ значеніи ἄτοπα; онѣ назывались также ψευδοεπίγραφα, т. е. ложнонаписанныя. Слѣдовательно, апокрифомъ будетъ всякая книга, разсказывающая о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, которая не вошла въ канонъ священныхъ книгъ; въ извѣстный періодъ она становится запрещенной. Постепенно къ общимъ запрещеніямъ стали присоединяться и названія самихъ запрещенныхъ книгъ. Такъ стали появляться индексы ложныхъ книгъ, при чемъ въ нихъ вошли далеко не всѣ апокрифы въ собственномъ смыслѣ. Надо думать, что въ послѣднемъ случаѣ многое объясняется случайностью. До насъ дошло нѣсколько такихъ индексовъ съ именами ихъ авторовъ, при чемъ можно замѣтить, напримѣръ, такой фактъ, что индексъ св. Афанасія перечисляетъ только книги каноническія и такія, которыя, хотя въ канонъ не вошли, но почитаются все-таки священными, какъ Премудрость Соломона, Премудрость Сирахова и др., а позднѣйшій передѣлыватель этого индекса вноситъ въ него перечень апокрифическихъ книгъ. (См. у Тихонравова, т. I).

Слѣдовало бы, далѣе, автору указать, какіе индексы существовали въ византійской литературѣ, для чего онъ могъ бы воспользоваться разысканіями Тихонравова въ I томѣ сочиненій. Мы имѣемъ: 1) индексъ Афанасія и 2) индексъ Григорія Богослова—оба индекса лишь истинныхъ книгъ; 3) передѣлку индекса Афанасія, называвшуюся Синопсисомъ—уже съ перечисленіемъ апокрифовъ (Енохъ, патріархи,

молитва Іосифа, завѣтъ Моисея, завѣтъ Авраама, Елдадъ и Модадъ, книга Иліи, Софоніи пророка, Захаріи отца Іоанна, Варухъ, Аввакумъ, Езекіиль и Даніилъ, Обходы Петра, Іоанна, Θомы, евангеліе Θомы, ученіе апостоловъ, ученіе Климента); 4) передѣлку индекса Григорія Богослова (тѣ же апокрифы и новые—Псалмы Соломона, видѣніе Исаіи, апокалипсисъ Ездры, исторія Іакова, апокалипсисъ Петра, посланіе Варнавы, апокалипсисъ Павла, ученіе Игнатія, ученіе Поликарпа, евангеліе Варнавы, евангеліе Матвѣя); 5) индексъ Никифора, патріарха Константинопольскаго (тѣ же апокрифы); 6) индексъ въ Тактиконѣ Никона Черногорца (тѣ же апокрифы и новые—Адамъ, Ламехъ, Асенефъ, вознесеніе Моисеево); Никонъ дѣлаетъ при этомъ нѣкоторыя поясненія: такъ, напримѣръ, про повѣсть Іакова говоритъ, что это есть книга нѣкоего еврея Іакова, а не апостола и т. п.; 7) въ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ вопросы и отвѣты Анастасія Синаита, встрѣчается индексъ истинныхъ и ложныхъ книгъ, отчего этотъ перечень и приписывается иногда Анастасію.

Славяно-русскіе индексы являются переводами греческихъ оригиналовъ, и потому понятно, что они первоначально имѣютъ тотъ же характеръ, что и греческіе. Какъ и послѣдніе, наши индексы являются въ двухъ видахъ: одни представляютъ только общія запрещенія читать ложныя книги, присоединяя сюда иногда перечень книгъ каноническихъ, другіе—даютъ перечисленіе и самыхъ книгъ ложныхъ. Запрещеніе той или другой книги въ славяно-русскихъ индексахъ не указываетъ непремѣнно на наличность ея въ обращеніи: индексы переводились съ греческихъ оригиналовъ безъ свѣрки съ наличнымъ составомъ самихъ книгъ. Въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г. мы находимъ: 1) статью безъ перечисленія; 2) переводъ передѣлки статьи Григорія Богослова; 3) статью Анастасія Синаита—послѣднія двѣ съ перечисленіемъ ложныхъ книгъ, какъ и въ оригиналѣ; 4) кромѣ того, извѣстенъ въ переводѣ и индексъ Никона Черногорца съ тѣми особенностями, которыя встрѣчаются въ оригиналѣ. Такъ какъ указанные всѣ индексы переводились безъ свѣрки съ наличнымъ составомъ самихъ запрещенныхъ книгъ, то, поэтому, такіе индексы не могутъ дать ничего для характеристики той или другой эпохи и не находятся ни въ какой связи съ историческими фактами. Они свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что славянская и русская жизнь тотчасъ же попала подъ строгій надзоръ церкви. Тогда какъ въ Византіи взглядъ на апокрифы вырабатывался постепенно, подъ вліяніемъ особыхъ событій, славянорусская литература, принимая апокрифы, въ то же время

принимала и ихъ запрещенія. Поэтому, мы не можемъ искать въ славянорусской литературѣ взгляда на апокрифы, какъ на книги, доступныя только для немногихъ: апокрифы, указываемые въ индексахъ, сразу являлись книгами запрещенными, ложными.

Но если въ первоначальномъ образованіи индекса ложныхъ книгъ въ славянорусской письменности и нельзя установить какого-либо развитія, то послѣдующая исторія индекса отражаетъ на себѣ различныя вліянія отдѣльныхъ эпохъ южнославянской и русской исторіи. Исторія индекса можетъ одинъ разъ остановиться на 2-й половинѣ XI вѣка, времени составленія болгарскаго индекса, и отсюда перейти уже къ XIV, началу развитія русскихъ индексовъ. Эта исторія въ достаточной мѣрѣ разъяснена Тихонравовымъ, и упущеніе ея составляетъ существенный пробѣлъ. Болгарскій индексъ, сохранившійся въ Номоканонѣ XIV вѣка, перечисливъ апокрифы, встрѣчающіеся въ указанныхъ раньше, присоединяетъ нѣсколько новыхъ, при чемъ замѣчается одна особенность сравнительно съ прежними индексами, а именно при нѣкоторыхъ дѣлается указаніе на еретиковъ, какъ на авторовъ апокрифовъ, и указывается Іеремія, попъ болгарскій, который въ нѣкоторыхъ спискахъ соединяется съ попомъ Богумиломъ Косьмы Пресвитера. Новѣйшія изслѣдованія заставляютъ отнестись къ вопросу объ авторствѣ богомиловъ скорѣе отрицательно, но во всякомъ случаѣ мы должны принимать вліяніе богомильской ереси, и если не въ томъ, что еретики составляли сами апокрифы, то по крайней мѣрѣ въ томъ, что они обильно пользовались апокрифами для своихъ цѣлей. Итакъ, послѣ изслѣдованія Тихонравова, мы должны установить тотъ фактъ, что новый индексъ находится въ связи съ богомильской ересью. Онъ вызванъ этой ересью и цѣлью его составленія было, очевидно, желаніе противодѣйствовать ея успѣхамъ. Этимъ и объясняется та полемика, которая проходитъ черезъ весь индексъ. Здѣсь же указывается, какіе особенно апокрифы пользовались распространенностью у еретиковъ. Здѣсь въ первый разъ встрѣчается упоминаніе о лживыхъ молитвахъ, которыя сохраняются у поповъ въ молитвенникахъ. Эти запрещенія прекрасно характеризуютъ умственное состояніе болгарскаго народа въ то отдаленное время. Ложныя молитвы, по указанію индекса, читаются попами изъ молитвенниковъ. Не нужно непремѣнно думать, что тутъ разумѣются молитвы именно богомильскаго характера. Ложныя молитвы на разные случаи издавна существовали въ болгарскихъ и другихъ молитвенникахъ, и даже въ настоящее время можно встрѣ-

тить, какъ полуобразованный болгарскій священникъ въ особенныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, засухи и т. п., читаетъ особыя молитвы, доселѣ сохраняющіяся въ рукописныхъ тетрадкахъ. Но составители индекса приписали и эти молитвы еретикамъ, очевидно, подъ сильнымъ возбужденіемъ противъ нихъ.

Въ XIV вѣкѣ этимъ болгарскимъ индексомъ воспользовался митрополитъ Кипріанъ и дополнилъ его перечисленіемъ гадательныхъ и суевѣрныхъ книгъ. Индексъ находился въ молитвенникѣ Кипріана. Молитвенникъ не дошелъ до насъ, но статья о ложныхъ книгахъ переписывалась сначала безъ измѣненій, и мы ее знаемъ по выпискѣ, сдѣланной митрополитомъ Зосимой, при чемъ самъ Зосима говоритъ, что онъ выписалъ ее именно изъ молитвенника Кипріана.

Дальнѣйшая исторія индекса связывается уже съ XV вѣкомъ. Въ это время составляется чисто русская редакція, въ основаніи которой, конечно, лежатъ старые индексы. Но новые индексы XV вѣка отличаются отъ старыхъ тѣмъ, что перечисленіе истинныхъ книгъ значительно увеличено. На это обстоятельство обращалъ вниманіе Тихонравовъ, и, дополняя и частію видоизмѣняя его указанія, можно сказать объ индексахъ XV вѣка слѣдующее. Мы видимъ, что въ индексъ XV вѣка входитъ кромѣ каноническихъ книгъ еще множество книгъ, обращавшихся въ тогдашнее время. Въ индексъ XV вѣка вошла почти вся древняя русская письменность. Я уже указалъ, что въ исторіи русской жизни и литературы XV вѣкъ отличается отъ послѣдующаго XVI вѣка. Послѣдній, съ одной стороны, подводитъ, такъ сказать, итоги византійскому вліянію, съ другой — старается противодѣйствовать новому движенію, уже сознававшемуся, хотя и смутно. Результатомъ этого явились въ XVI вѣкѣ новыя творенія, основная цѣль которыхъ — поддержать колеблющуюся старину. Такихъ побужденій еще не было въ XV вѣкѣ. Этотъ вѣкъ былъ, такъ сказать, расцвѣтомъ византійскаго вліянія на Руси, и этотъ расцвѣтъ стоитъ въ связи съ образованіемъ Московскаго царства и съ паденіемъ Византіи. XV вѣкъ былъ въ то же время вѣкомъ приведенія въ извѣстность наличнаго состава памятниковъ, съ одной стороны, созданія новыхъ твореній—съ другой, и концомъ переводовъ съ греческаго языка, которые, участившись особенно въ XIV вѣкѣ, продолжались и въ XV. Индексъ XV вѣка является отраженіемъ этого состоянія русской письменности. Онъ заключаетъ въ себѣ перечень книгъ и религіознаго, и историческаго, и назидательнаго характера. Кромѣ такихъ книгъ, какъ книги Григорія Богослова, Іоанна Дама-

скина, Іоанна Екзарха и многихъ другихъ отцовъ церкви, въ новомъ индексѣ встрѣчаемъ книги, какъ лѣтописецъ, глубина, бисеръ, маргаритъ, златая матица, пчела, Косьма Индикопловъ, Діоптра, странникъ, Даніилъ, судебникъ, патерики. Къ истиннымъ книгамъ, перечисленнымъ въ индексѣ XV вѣка, XVI вѣкъ не прибавилъ ничего и только выразилъ сомнѣніе относительно нѣкоторыхъ. Правда, нѣкоторыя книги, пропущенныя въ индексѣ XV вѣка, вносились въ болѣе поздніе индексы, но это были книги старыя, издавна употреблявшіяся на Руси, и внесеніе ихъ въ индексъ не имѣло уже никакой цѣли и являлось чисто случайнымъ дополненіемъ, а иногда даже пропускались и тѣ книги, которыя были въ прежнемъ индексѣ. Съ другой стороны, по отношенію къ отдѣлу запрещенныхъ книгъ нужно имѣть въ виду слѣдующія строки, написанныя Тихонравовымъ: „Если вліяніе византійской образованности на Русь слабѣло, а западно-европейское было еще довольно слабо, то понятно, почему всплывала наверхъ литература гадательная, и суевѣріе съ новой силой охватывало большинство. Это было временемъ процвѣтанія всевозможныхъ волховниковъ и чаровниковъ. Статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ во второй половинѣ XVI вѣка суживаетъ объемъ книгъ истинныхъ, исключая изъ нихъ тѣ, которыя прежде пользовались непререкаемымъ авторитетомъ, и въ то же время расширяетъ главу о гадательныхъ книгахъ въ соотвѣтствіе ихъ особенному распространенію въ читающемъ людѣ съ этого времени“ (Сочин. I, 148).

Такого рода свѣдѣнія необходимо должны даваться при изложеніи судьбы апокрифовъ. Они и составятъ ту „научную обстановку“, о которой говоритъ авторъ, и замѣнятъ собой то отсутствіе хронологіи, о которой говоритъ акад. Пыпинъ. Апокрифы существуютъ и теперь въ обиходѣ простого народа, и потому пересказъ ихъ содержанія не даетъ ничего для характеристики какого-либо періода древней литературы: несравненно болѣе важно отношеніе читателя къ апокрифамъ въ томъ или другомъ періодѣ. Многое остается, правда, еще невыясненнымъ; полная исторія индекса у насъ еще не написана, но изъ общаго руководства читатель долженъ вынести ясное представленіе, что̀ по данному вопросу сдѣлано и что̀ еще остается сдѣлать. Апокрифическій отдѣлъ тѣмъ болѣе ожидался бы въ книгѣ проф. Владимірова разработаннымъ, что авторъ незадолго выпустилъ въ свѣтъ краткое обозрѣніе научнаго изслѣдованія апокрифовъ (1900), гдѣ авторъ о трудѣ Тихонравова объ отреченныхъ книгахъ выражается такъ: „Авторъ этого неконченнаго изслѣдованія далъ картину распростра-

нenія славяно-русскихъ апокрифовъ по индексу ложныхъ книгъ, по Палеѣ Толковой" (стр. 45), и—однако ничѣмъ не воспользовался изъ этой „картины" въ своей исторіи древне-русской литературы.

Изъ частностей замѣчу слѣдующее:

1) „Голубиныя книги" Авраамія Смоленскаго не должны считаться апокрифическими книгами (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895, апрѣль, 235).

2) Было бы желательно точнѣе указать, какіе слѣды апокрифовъ находитъ авторъ въ Поученіи Мономаха (стр. 55).

3) Противъ словъ автора, что въ лѣтописныхъ апокрифахъ отразились сказанія Толковой Палеи (стр. 59), должно повторить сказанное выше.

4) Я уже указалъ на ошибочное утвержденіе автора, будто въ Толковой Палеѣ нѣтъ Откровенія Авраама (стр. 62).

5) Совершенно непонятно утвержденіе автора, что Лѣствица Іакова „содержитъ поясненіе сна Іакова о Лѣствицѣ съ толкованіемъ преобразовательнаго характера (ошибка—„движенія") и мало чѣмъ подходитъ къ апокрифамъ" (стр. 63). Въ Коломенской Палеѣ весь разсказъ о Лѣствицѣ распадается на двѣ части, и вторая, дѣйствительно, содержитъ толкованіе, хотя и здѣсь повторяется по частямъ самый апокрифъ. Первая же часть подробно передаетъ о самой лѣствицѣ и является чистѣйшимъ апокрифомъ. Лѣствица неоднократно подвергалась толкованіямъ въ прообразовательномъ смыслѣ и въ византійской литературѣ, а въ Замѣчаніяхъ о составѣ Толковой Палеи мною приведенъ былъ одинъ греческій текстъ такого именно характера, при чемъ сказаніе о Лѣствицѣ взято изъ библіи. Что же касается до Палейной Лѣствицы, то, казалось бы, достаточно бѣглаго взгляда на нее, чтобы признать ее апокрифомъ. Еще болѣе она явится апокрифомъ, если мы къ Коломенской Палеѣ привлечемъ Палею Синодальную. „Лѣствица" въ отдѣльномъ видѣ не сохранилась и въ своемъ первоначальномъ видѣ можетъ быть возстановлена лишь при сопоставленіи двухъ Палей—Коломенской и Синодальной, авторы которыхъ имѣли подъ руками полные тексты Палеи, и авторъ Синодальной дополнялъ изъ своего списка то, что онъ нашелъ въ Коломенской Палеѣ. Вотъ какъ опредѣляетъ отношеніе обѣихъ редакцій мой ученикъ г. Гинковъ (протоколъ засѣданія византійско-славянскаго отдѣла историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ 9-го февраля 1902): „2 редакціи (Коломенская и Синодальная) устанавливаются по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) сличеніе

списковъ со стороны содержанія, 2) со стороны формы изложенія. Первая редакція, Коломенская, въ противоположность второй—Синодальной характеризуется, во-первыхъ, болѣе краткой передачей апокрифа, во-вторыхъ, добавленіемъ къ тексту апокрифа пророчествъ о воплощеніи Христа, въ-третьихъ, изложеніемъ разсказа то отъ 1-го, то отъ 3-го лица. Такое дѣленіе апокрифа на 2 редакціи при отсутствіи у насъ какого-либо другого изложенія апокрифа, помимо палейнаго, возбуждаетъ вопросъ, какая же изъ 2-хъ редакцій можетъ считаться болѣе близкой къ тексту древняго апокрифа, существовавшаго отдѣльно отъ Палеи и послужившаго составителю Палеи источникомъ. Внимательное чтеніе сказанія по 1-й редакціи обнаруживаетъ тѣ составныя части, которыя вошли въ составъ палейнаго изложенія Лѣствицы, очевидно, не изъ древняго апокрифа, а общими составителями Палеи. Къ такимъ вставкамъ могутъ быть отнесены: $307/_{5-25}$ и $311/_{9}-314/_{6}$. Что касается 2-й редакціи, то она даетъ стройное изложеніе апокрифа, не прерываемое никакими вставками, такъ что текстъ „Лѣствицы" Синодальной редакціи, содержащей болѣе пространное изложеніе апокрифа, можетъ считаться болѣе близкимъ къ тексту древняго апокрифа. Но несмотря на это, 2-я редакція, т. е. Синодальная, по времени, безъ сомнѣнія, можетъ быть признана болѣе поздней, чѣмъ 1-я, Коломенская. На это прежде всего указываетъ вторая часть нашего отрывка—толкованія составителя Палеи; если Синодальную редакцію считать болѣе ранней, то придется прійти къ выводу, что редакторъ Палеи вносилъ толкованія на тотъ текстъ, какого у него вовсе не было. Кромѣ того, въ пользу болѣе поздняго происхожденія 2-й редакціи говоритъ и перестановка текстовъ ($310/_{16-20}$) и строгое соблюденіе изложенія отъ 1-го лица".

Изложеніе переводной повѣствовательной литературы каждому автору руководства должно представлять, несомнѣнно, немало затрудненій. Помимо того, что нѣкоторыя повѣсти еще не разработаны, недостаточно опредѣлено еще, что нужно помѣщать въ исторіи литературы и что нѣтъ. Проф. Владиміровъ разсматриваетъ слѣдующія повѣсти: 1) Александрію, 2) Троянскую исторію, 3) исторію о Девгеніи Акритѣ, 4) объ Акирѣ Премудромъ, 5) Стефанитъ и Ихнилатъ, 6) Варлаамъ и Іосафъ. Къ нимъ присоединяетъ сказанія повѣствовательнаго характера — Житіе Нифонта, Житіе Андрея Юродиваго и Житіе Василія Новаго. Нужно сказать, что при сравненіи разсматриваемаго отдѣла у нашего автора и у акад. Пыпина предпочтеніе нужно, несомнѣнно, отдать послѣднему, такъ какъ акад. Пыпинъ

гораздо обстоятельнѣе воспользовался трудами изслѣдователей, нежели проф. Владиміровъ. Симпатіи послѣдняго лежатъ вообще на сторонѣ церковно-поучительной литературы, почему онъ съ подробностью, иногда даже излишнею, останавливается на передачѣ содержанія и судьбы иного поученія, часто не заключающаго въ себѣ ничего характернаго. Я уже указывалъ, что изъ передачи содержанія, напримѣръ, повѣсти объ Александрѣ мы не получаемъ ничего для исторіи русской литературы. Совершенно вѣрно поступаетъ акад. Пыпинъ, когда, пользуясь изслѣдованіями акад. Веселовскаго и моимъ, указываетъ, какіе переводы существовали, когда явились, чѣмъ они другъ отъ друга отличались, чѣмъ и когда привлекали вниманіе читателей и т. д. Ничего подобнаго нѣтъ въ книгѣ проф. Владимірова. Правда, неупоминаніе о Сербской Александріи, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что авторъ писалъ исторію литературы XI—XIII вѣковъ, а Сербская Александрія явилась съ несомнѣнностью лишь въ XIV—для XIII нѣтъ указаній—и, можетъ быть, о ней будетъ рѣчь еще впереди, но я уже указалъ на неудобство такого точнаго раздѣленія памятниковъ по вѣкамъ и на невозможность провести это раздѣленіе послѣдовательно, въ чемъ, впрочемъ, сознается и самъ авторъ. Не останавливаясь, поэтому, на изложеніи исторіи Александріи, отмѣчу нѣкоторыя частности. Авторъ говоритъ, что „извѣстная помѣтка Архивскаго Сборника 1261 г. временемъ переписки его указываетъ на происхожденіе русскаго древнѣйшаго перевода Александріи въ XII—XIII вѣкахъ“ (стр. 88)—заключеніе, нисколько не вытекающее изъ посылокъ. Авторъ пользуется, между прочимъ, моимъ изслѣдованіемъ, но изъ него же онъ долженъ былъ узнать, что къ XII—XIII вѣкамъ можетъ относиться лишь соединеніе Александріи съ Малалой, и то предположительно. Я сказалъ тогда, что, конечно, нельзя точно опредѣлить время, но въ половинѣ XIII вѣка Александрія уже существовала именно въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ее въ Виленскомъ и Архивскомъ сборникахъ, и притомъ слитой съ хроникой Малалы, но еще раньше воспринявшей въ себя Іерусалимскій эпизодъ. Но если въ концѣ XII вѣка или въ началѣ XIII вѣка существовала такая Александрія, то еще раньше существовала Александрія безъ всякихъ вставокъ, представляющая собою простой переводъ Псевдокаллисфена. Такимъ образомъ, Александрію можно возвести къ довольно раннему времени, если не къ первой половинѣ XII вѣка, то во всякомъ случаѣ къ концу его (Александрія, стр. 134—135). Но это, конечно, не препятствуетъ относить ея происхожденіе и къ болѣе раннему времени. Проф. Владиміровъ, съ

своей стороны, считаетъ Александрію русскимъ переводомъ на томъ, между прочимъ, основаніи, что „множество ошибокъ и путаницъ въ переводѣ указываютъ на неопытнаго въ греческомъ языкѣ или въ греческой палеографіи русскаго человѣка, удаленнаго отъ непосредственнаго общенія съ греческимъ міромъ, какое всегда было у южныхъ славянъ" (стр. 88—89). Я долженъ сказать, что такихъ палеографическихъ ошибокъ не такъ много, чтобы на нихъ можно было строить заключеніе о происхожденіи переводчика; во-вторыхъ, у насъ нѣтъ достаточнаго матеріала, который давалъ бы право говорить о полной безукоризненности югославянскихъ переводовъ сравнительно съ русскими.

Послѣ различныхъ указаній со стороны автора о русскомъ происхожденіи повѣсти, совершенно непонятно дѣлается его прибавленіе, что „можетъ быть, Александрія была переведена еще у южныхъ славянъ въ XI вѣкѣ, но подверглась передѣлкѣ подъ рукой русскаго переписчика".

Полстраницы авторъ удѣляетъ сказаніямъ о Троянской войнѣ, но и тутъ мы видимъ что-то спутанное и неясное. Авторъ говоритъ о Троянской исторіи въ хроникахъ Малалы и Манассіи, но ничего не говоритъ о такъ называемой Троянской Притчѣ, помѣщенной въ той же Манассіевой хроникѣ и встрѣчающейся отдѣльно, а, между тѣмъ, она-то и заслуживала бы особаго вниманія, какъ такая, которая заподозривается, какъ повѣсть славянскаго происхожденія, и которая имѣла отношеніе къ русскому хронографу. Неизвѣстно, что хотѣлъ сказать авторъ слѣдующими словами: „Въ виду спорности вопроса о времени славянскаго перевода Манассіевой хроники и принадлежности Троянской исторіи къ хроникѣ Малалы, мы скажемъ вкратцѣ объ этомъ романѣ, не разысканномъ въ византійской литературѣ, но извѣстномъ по латинскому переводу. Конечно, древній славянскій переводъ даетъ только краткое содержаніе Троянской исторіи" (стр. 93). Затѣмъ, авторъ зачѣмъ-то приводитъ начало сказанія изъ Манассіевой хроники и—только. Но, во-первыхъ, если существуетъ вопросъ о времени славянскаго перевода Манассіевой хроники, то никакого вопроса о принадлежности Троянской исторіи къ хроникѣ Малалы не существуетъ; существуетъ лишь большая литература по вопросу объ источникахъ, которыми пользовался Малала. Независимо отъ сего, къ славянскому переводу, т.-е. къ исторіи разсказа Малалы въ славяно-русской литературѣ вопросъ объ источникахъ не имѣетъ никакого отношенія. Во-вторыхъ, древній славянскій переводъ даетъ намъ то, что было въ

греческомъ оригиналѣ, и не его вина, если онъ представляетъ собой „только краткое содержаніе Троянской исторіи".—Однимъ словомъ, желающій имѣть понятіе о Троянской войнѣ въ славяно-русской литературѣ долженъ обратиться къ труду г. Пыпина и не заглядывать на стр. 93 разсматриваемой книги.—Акад. Пыпинъ поступаетъ совершенно правильно, когда вслѣдъ за указанными повѣстями разсматриваетъ и Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ, хотя его происхожденіе въ славянскомъ мірѣ мы можемъ лишь предположительно возводить къ XIII вѣку.—Говоря о повѣсти объ Акирѣ, проф. Владиміровъ не воспользовался замѣчаніями, высказанными Григорьевымъ въ Археолог. Извѣстіяхъ Московск. Археолог. Общества.

Что касается повѣсти о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, то здѣсь я могу воспользоваться, съ согласія автора, выводами, сдѣланными моимъ ученикомъ А. В. Рыстенкомъ, отъ котораго ожидаемъ въ недалекомъ будущемъ болѣе подробнаго опубликованія своихъ наблюденій. Проф. Владиміровъ не сказалъ ничего о греческихъ текстахъ, прекрасно изданныхъ Puntoni (Publicazioni della societa asiatica italiana, volume II, Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης, Firenze, 1889); славянскіе же тексты оставались неизслѣдованными. Кромѣ древнѣйшаго текста по спискамъ XIII — XV вѣковъ, изданнаго Обществомъ Любителей Древней Письменности LXIV и LXXVIII, указаннаго авторомъ, слѣдовало бы упомянуть и объ изданіи Булгаковымъ русскаго списка. Издатель древнѣйшихъ списковъ, Викторовъ, высказывался въ пользу того, что Севастьяновскій текстъ передѣланъ изъ текста Григоровича, но по наблюденію г. Рыстенка, оказывается, наоборотъ, древнѣйшимъ текстомъ слѣдуетъ считать текстъ Севастьяновскій. По его же наблюденіямъ можно возстановить ближайшій оригиналъ славянскаго перевода: онъ былъ близокъ къ рукописямъ—Лаврентіанской XI 14 и Лаврентіанской LVII 30. Переводъ впервые былъ сдѣланъ въ Болгаріи въ XII—XIII вѣкахъ.

VII глава посвящена Слову или Моленію Даніила Заточника. Она занимаетъ 8 страницъ (355—363) и, сравнивая съ нѣсколькими строками, удѣленными этому памятнику г. Пыпинымъ (стр. 102—103), мы, конечно, ожидаемъ изложенія всего того, что извѣстно и сдѣлано по этому вопросу. Предварительно замѣчу, что въ такого рода трудахъ, какъ исторіи различныхъ литературъ общаго характера, было бы желательно слѣдовать примѣру нѣмецкихъ ученыхъ, которые при изложеніи отдѣльнаго вопроса или цѣлаго отдѣла даютъ читателю озможность самому оріентироваться, благодаря тѣмъ указаніямъ

библіографическаго свойства, которыми авторы сопровождають отдѣльныя главы своихъ трудовъ. Ничего подобнаго мы не видимъ у проф. Владимірова. Разсматриваемая глава начинается указаніемъ, что „сборники XV — XVII вѣка сохранили намъ нѣсколько редакцій этого Слова, которое относятъ къ XII вѣку и къ XIII вѣку, можетъ быть, къ XVI и XVII"... Но кто, на какихъ основаніяхъ, и гдѣ можно найти данныя для этого, въ книгѣ Владимірова нѣтъ ничего. Правда, авторъ дѣлаетъ далѣе нѣкоторое поясненіе, но, такъ какъ оно ничѣмъ не доказывается, то оставляетъ читателя въ недоумѣніи. Быть можетъ, въ цѣль автора и не входило давать изложеніе исторіи вопроса, но я становлюсь въ данномъ случаѣ на идеальную точку зрѣнія и указываю лишь, въ чемъ является въ настоящее время особенная нужда.

Вопросъ о князѣ, которому адресовано посланіе, рѣшался различными изслѣдователями различно. Одни признавали за такого Юрія Долгорукаго (Карамзинъ, Калайдовичъ, Шевыревъ), другіе—Ярослава, сына Владиміра Мстиславича и правнука Владиміра Мономаха (Срезневскій, Ор. Миллеръ), третьи—Андрея Владиміровича Добраго, владѣвшаго Переяславлемъ въ 1135 — 1141 гг. (Безсоновъ). Всѣ относили Моленіе къ XII вѣку. Но въ 1895 году г. Лященко высказалъ предположеніе, что Моленіе написано въ XIII вѣкѣ и адресовано къ Ярославу Всеволодовичу; къ этому взгляду примкнулъ и послѣдній изслѣдователь г. Гуссовъ. Мнѣніе г. Лященка, повидимому, принято г. Пыпинымъ. Порфирьевъ своего мнѣнія не высказалъ, сославшись лишь на то, что подъ Ярославомъ Владиміровичемъ въ заглавіи одного списка „предполагаютъ" внука Владиміра Мономаха. Проф. Владиміровъ принимаетъ старое мнѣніе Безсонова объ Андреѣ Владиміровичѣ, какъ адресатѣ, но мнѣніе другихъ изслѣдователей объ Ярославѣ, правнукѣ Мономаха, хочетъ примирить со своимъ тѣмъ, что признаетъ, что къ послѣднему князю могла относиться особая редакція, независимая отъ редакціи XIII вѣка, адресованной къ Ярославу Всеволодовичу. Такимъ образомъ, мы имѣемъ уже три редакціи—двѣ XII вѣка и одну XIII. Мнѣніе о князѣ Андреѣ выводится изъ словъ, сказанныхъ послѣднимъ о Курскомъ княженіи, неправильно въ Моленіи приписанныхъ Ростиславу, а мнѣніе о первомъ—изъ показанія заглавія и изъ названія въ текстѣ Ярослава сыномъ Владиміра. Прежде всего замѣчу здѣсь, что мы видимъ подтвержденіе того, что сказано мною раньше по вопросу о редакціяхъ. Проф. Владиміровъ, не выяснивъ, что должно разумѣть подъ именемъ редакціи, самъ

впадаетъ и другихъ вводитъ въ ошибку, примѣняя этотъ терминъ къ Моленію. Все различіе опредѣляемыхъ имъ двухъ редакцій XII вѣка состоитъ въ различномъ заглавіи: 1) Слово о Даниле Заточнике и 2) Слово Даніила Заточеника, еже списа къ своему князю Ярославу Володимеровичю: но это ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ для признанія двухъ особыхъ редакцій памятника и, будучи примѣнено къ другимъ, которые иногда носятъ различное заглавіе и даже приписываются различнымъ лицамъ, можетъ повести также къ недоразумѣнію и къ неправильному представленію судебъ древнерусской литературы. Да и самъ авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи говоритъ лишь о двухъ редакціяхъ — одной XII вѣка и одной XIII. Зачѣмъ же называть вещи именемъ, имъ не принадлежащимъ?

Въ числѣ источниковъ Моленія авторъ признаетъ указанную Щуратомъ поэму греческаго хрониста XII вѣка Михаила Глики и отчасти его современника Ѳеодора Птохо-Продрома. Но слѣдовало бы осторожнѣе говорить объ этихъ источникахъ, такъ какъ кромѣ ничтожнаго совпаденія между тѣми памятниками и нашимъ, какъ показалъ г. Лященко, нѣтъ ничего общаго.

Также утвердительно говоритъ авторъ о Пчелѣ, какъ источникѣ Моленія. По его словамъ, должно признать „вліяніе Пчелы на Моленіе Даніила уже по древнѣйшимъ редакціямъ XII — XIII вѣка“ (стр. 360). Мнѣніе это очень старое, идущее со времени Горскаго и Невоструева и Безсонова. Но въ настоящее время слѣдуетъ осторожнѣе относиться къ этому взаимодѣйствію обоихъ памятниковъ. Вопросъ объ этомъ взаимодѣйствіи требуетъ полнаго пересмотра. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что сходство Пчелы съ Моленіемъ болѣе всего обнаруживается, съ одной стороны, въ позднѣйшей редакціи Пчелы, а съ другой — въ той редакціи Моленія, которая г. Гуссовымъ признана позднѣйшею, каковою считаю ее и я. При такомъ взглядѣ, положеніе дѣла должно будетъ видоизмѣниться. Кромѣ того, нельзя такъ категорически говорить о появленіи Пчелы въ русскомъ переводѣ въ XII вѣкѣ на основаніи ссылки въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго подъ 1186 г. Выписанное изреченіе могло быть взято не непосредственно изъ Пчелы; точно также ничтожныя совпаденія первоначальной редакціи Моленія (по Гуссову) и древней Пчелы (изданной Семеновымъ) могутъ объясняться заимствованіемъ не изъ Пчелы, но изъ однородныхъ произведеній, рано переведенныхъ на славянскіе языки. При тѣхъ данныхъ, которыми мы въ настоящее время обладаемъ, быть можетъ, болѣе правдо-

подобнымъ будетъ слѣдующее представленіе хода дѣла: 1) въ періодъ составленія Моленія (XIII вѣка) Пчелы еще не было, но былъ рядъ другихъ однородныхъ памятниковъ, которые, впрочемъ, не должны быть смѣшиваемы съ Пчелою; 2) отсутствіе ближайшаго сходства Пчелы съ Моленіемъ объясняется какъ этимъ обстоятельствомъ, такъ и тѣмъ, что первоначальной редакціей Моленія должна считаться редакція списковъ Ундольскаго-Чудовского; 3) послѣдующія редакціи Пчелы подвергались дополненіямъ, и сходство ихъ съ Моленіемъ особенно обнаруживается въ позднѣйшей редакціи послѣдняго; 4) это сходство должно объясняться или тѣмъ, что позднѣйшая редакція Пчелы заимствовала изъ позднѣйшей редакціи Моленія, или тѣмъ, что обѣ редакціи заимствовали независимо другъ отъ друга изъ одного источника.

Въ первой части своей рецензіи я указалъ, что авторъ, считая Моленіе возникшимъ въ XII вѣкѣ, дѣлаетъ однако выписки изъ изслѣдованія г. Гуссова, который держится противоположнаго мнѣнія. Теперь же укажу на то, что авторъ излагаетъ содержаніе Моленія по краткой редакціи, которая признается обыкновенно за древнѣйшую, XII вѣка; относительно же другой редакціи, которую онъ вслѣдъ за другими признаетъ второй, XIII вѣка, онъ замѣчаетъ лишь, что послѣдняя „представляетъ, при общемъ сходствѣ съ первой редакціей, въ теченіи мыслей значительныя дополненія, нѣкоторыя изъ которыхъ, по всей вѣроятности, относятся къ древнему оригиналу, прототипу Посланія, сокращенному въ дошедшей до насъ первой редакціи Слова XII вѣка“ (стр. 358). Изъ этого видимъ, что авторъ примыкаетъ къ прежнимъ изслѣдователямъ. Но на стр. 362 авторъ выписываетъ такую характеристику Моленія изъ указаннаго изслѣдованія Гуссова: „Моленіе есть продуманное въ частяхъ и въ цѣломъ произведеніе; оно написано по опредѣленному плану и проникнуто одной идеей“. Такая характеристика вѣрна лишь въ приложеніи именно къ редакціи, которую г. Гуссовъ считаетъ древнѣйшей, первоначальной, но которую проф. Владиміровъ вмѣстѣ съ другими считаетъ, наоборотъ, позднѣйшей. Относительно же редакціи, древнѣйшей по мнѣнію Владимірова, г. Гуссовъ выражается такимъ образомъ: „Читая Слово по этой редакціи, рѣшительно не вѣрится, чтобы оно въ этомъ видѣ была составлено лицомъ, дѣйствительно заточеннымъ или находившимся въ подобномъ положеніи; оно не содержитъ ничего такого, благодаря чему можно было бы за общими разсужденіями о томъ и о семъ, tritum pertritum, прослѣдить личность автора,

т. е. не соблюдено первое требованіе отъ произведеній такого рода. Если предположить, что авторъ этого Слова писалъ его дѣйствительно къ какому-нибудь князю въ надеждѣ имъ вымолить себѣ прощеніе или смягченіе своей участи, то правъ проф. Голубинскій, который говоритъ, разумѣя редакцію I: и въ домонгольскій періодъ были у насъ писатели, что называется, съ вывороченной головой или печальные геніи-шуты" (Гусс., 5). Совершенно непонятно, такимъ образомъ, какъ проф. Владиміровъ, не принимая взгляда г. Гуссова на взаимоотношеніе редакцій, можетъ выписывать противорѣчащую его взгляду слѣдующую характеристику автора Моленія: „въ авторѣ его надобно видѣть человѣка, знакомаго не только съ книжной мудростью, но и знающаго тайники человѣческаго сердца, умѣющаго, прикрываясь шуткой или ловкимъ изворотомъ мысли, показать себя со стороны наиболѣе выгодной; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно, что авторъ чувствуетъ свое умственное превосходство, знаетъ, что образъ дѣйствій его всегда есть и былъ согласенъ съ требованіями разума и практическаго смысла". Въ общемъ руководствѣ не должно быть мѣста такого рода недоразумѣніямъ.

Разъ проф. Владиміровъ находитъ нужнымъ упомянуть о гг. Лященкѣ и Гуссовѣ, слѣдовало бы сказать, что существеннаго заключается въ ихъ работахъ. Я уже сказалъ, что во взглядахъ на редакціи Моленія я держусь мнѣнія Гуссова и въ другомъ изданіи помѣщаю статью, посвященную вопросу о томъ, дѣйствительно ли Даніилъ Заточникъ былъ заточенъ. Не пересказывая всего содержанія этой имѣющей въ скоромъ времени выйти статьи (Лѣтопись истор.-фил. общ. при Новоросс. унив., т. X), я укажу на главнѣйшія свои положенія. Я признаю, прежде всего, что въ извѣстномъ мѣстѣ, представляющемъ игру словъ, списокъ Ундольскаго даетъ первоначальное чтеніе—„Кому ти е^{с} переславль, а мнѣ гореславь—зане ча^{с} не прорасте въ немъ",—а чтеніе, которое находимъ въ сп. Чудовскомъ (т. е. позднѣйшей редакціи), явилось вслѣдствіе осложненія новой игрой словъ, которая попала среди двухъ предложеній, вслѣдствіе чего придаточное предложеніе стало относиться не къ Переяславлю, а къ Лачу. Въ первоначальномъ же текстѣ упоминался только Переславль-Гореславь, и прямого указанія на ссылку автора, а тѣмъ болѣе на ссылку именно на озеро Лачь—не было. Приведенное выше выраженіе списка Ундольскаго должно толковаться только въ томъ смыслѣ, что для нашего автора въ городѣ Переяславлѣ нѣтъ удачи, нѣтъ счастья и—только. Но для этого не нужно быть непремѣнно изгнанникомъ. На то же указываетъ жалоба автора,

что всѣ его обижаютъ, „зане не оградиᵐ (есмь) страхоᵐ грозы твоея иже оградоᵐ твердымъ": его обижаютъ потому, что знаютъ, что князь за него не заступится, не выкажетъ за это своей грозы. Но это никакъ не будетъ означать, что авторъ находится въ ссылкѣ, а тѣмъ болѣе, что князь на него сердится; это означаетъ только то, что князь его не знаетъ, что онъ не находится въ числѣ приближенныхъ къ князю. Не останавливаясь здѣсь на подробномъ анализѣ жалобъ Даніила, я укажу только результаты. Нашъ авторъ, повидимому, сынъ зажиточныхъ родителей, которые когда-то давали ему средства на существованіе. Но онъ чѣмъ-то провинился передъ ними, и они его прогнали, и онъ очутился въ бѣдности. Къ физическому труду, повидимому, онъ не привыкъ: онъ не хочетъ идти на боярскій дворъ подъ благороднымъ предлогомъ избѣжать холопьяго имени, а на самомъ дѣлѣ потому, что физическій трудъ ему не по силамъ, что и вырвалось у него въ словахъ: „подъ работным ꙗремом пострадахъ, все тое искусих яко зло есˢ". Но, несмотря на свою юность, онъ признавалъ себя стоящимъ въ умственномъ отношеніи выше многихъ другихъ, что было вполнѣ справедливо, и потому обращается прямо къ князю съ просьбой взять его подъ свое покровительство. И здѣсь, въ его просьбѣ мы видимъ два элемента, которые между собой переплетаются: прежде всего, онъ проситъ князя помочь ему выйти изъ бѣдности и—по двумъ причинамъ: князь самъ по себѣ добръ и милостивъ, какимъ и должно быть князю, а онъ—мудръ и ученъ. Въ то же время онъ указываетъ князю одинъ способъ избавить его отъ бѣдности, именно—взять его на службу къ своему двору. Онъ не хочетъ исполнять при дворѣ низкія должности, считая себя способнымъ къ высшимъ. Тогда остаются двѣ сферы дѣятельности, въ которыхъ онъ могъ бы проявить свои способности: княжескій совѣтъ и военная служба. Чувствуя себя неспособнымъ къ военной службѣ, онъ старается убѣдить князя, что это обстоятельство не такъ важно, чтобы придавать ему большое значеніе. Обыкновенно всѣ рѣчи его относительно военной службы разсматривались, какъ объясненіе какого-то прежняго промаха, при чемъ изслѣдователи или оставляли безъ поясненія его вину, или понимали такъ, что авторъ оказалъ трусость на войнѣ, за что и былъ сосланъ княземъ въ заточеніе, откуда и оправдывается. Но такое пониманіе является насильственнымъ, выходящимъ изъ напередъ принятаго положенія о заточеніи автора за какую-то вину. Теперь же, когда должно оставить старый взглядъ на краткую редакцію, какъ на такую, которая сохранила намъ черту

древности („на немъ сѣдѧ“), и когда на основаніи анализа содержанія должно признать, что на ссылку нѣтъ никакихъ намековъ, тогда и всѣ рѣчи автора о трусости на войнѣ должны пониматься иначе. Авторъ нисколько не оправдывается въ высказанной имъ якобы трусости: онъ еще и не служилъ. Но хорошо зная, что князь можетъ предложить ему военную службу, онъ напередъ отъ нея отказывается, оправдываясь въ своей къ ней неспособности. Когда онъ говоритъ: „аще ти есмь на рати не хоробръ, но на словех ти есмь крѣпокъ“, то это означаетъ только то, что онъ не годится для военной службы: и это вполнѣ понятно, когда изъ самого способа составленія Моленія видимъ, что авторъ—человѣкъ исключительно книжный. Въ другомъ мѣстѣ онъ подробно останавливается на необходимости для князя имѣть состоящій изъ умныхъ людей военный совѣтъ, и это служило особеннымъ доказательствомъ того, что онъ усиленно старается оправдать свой проступокъ, т. е. трусость. Но если бы эта трусость, дѣйствительно, имѣла мѣсто, то оправданіе должно было быть другое. Теперь, упрашивая князя взять его къ себѣ на службу и не считая себя способнымъ принимать въ военной службѣ непосредственное участіе, онъ старается доказать князю, что на войнѣ, какъ и вообще, нужны мудрые совѣтники, безъ которыхъ и большое войско не поможетъ. Въ его положеніи все это является понятнымъ. Но совершенно непонятна его рѣчь, если посмотримъ на нее, какъ на объясненіе высказанной имъ трусости. Онъ не проситъ прощенія, какъ бы слѣдовало ожидать, а настойчиво твердитъ князю, что войско безъ умныхъ совѣтниковъ не дастъ ему побѣды. Если война, въ которой нашъ авторъ якобы высказалъ трусость, окончилась для князя побѣдою, то всѣ разглагольствованія автора излишни и неумѣстны. Если же война или битва окончилась для князя неудачей, то трусость оказана была не однимъ только авторомъ, а всѣмъ войскомъ, а слѣдовательно, не за что было его и ссылать. Да и едва-ли возможно ожидать, чтобы провинившійся на войнѣ настолько, что подвергся въ наказаніе ссылкѣ, рѣшился оправдываться тѣмъ, что онъ занималъ не отвѣтственную должность, а рядовую, былъ не совѣтникомъ, а однимъ изъ сражающихся.

Вообще, вся глава о Моленіи Даніила должна быть переработана. Правда, переработка ея въ отношеніи источниковъ затрудняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что недостаточно изслѣдованъ главный памятникъ, съ которымъ его соединяютъ—Пчела. Но, можетъ быть, въ ближайшемъ будущемъ, съ окончаніемъ изслѣдованія Сперанскаго, уже выпустившаго первый выпускъ о сборникахъ изреченій, и удастся

точнѣе опредѣлить какъ исторію самой Пчелы, такъ и произведеній, съ ней соприкасающихся, въ частности—Моленія Даніила. До тѣхъ поръ исторія словъ, составленныхъ „въ юговосточномъ стилѣ народныхъ притчъ, народныхъ пѣсенъ" (Влад., 363), якобы возникшихъ подъ вліяніемъ Слова Даніила Заточника, остается проблематичной. По крайней мѣрѣ, нѣтъ пока убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу этого вліянія. Да и едва ли можно думать, чтобы Слово, какъ произведеніе свѣтскаго характера, не имѣющее ничего общаго съ словами-поученіями, могло оказывать вліяніе на слова, попавшія затѣмъ въ Златоусты и Измарагды: послѣднія могли составляться и независимо отъ Слова. А главное,—является теперь вопросъ—не замѣчается ли это сходство (вліяніе, по словамъ автора) съ той редакціей Моленія, которая г. Гуссовымъ опредѣлена, какъ позднѣйшая; тогда это сходство будетъ объясняться иначе. Если же ученая критика найдетъ возможнымъ принять мое объясненіе возникновенія Слова, то тогда должно измѣниться и все представленіе о реальной обстановкѣ: картина должна представляться тогда совершенно иная. Быть можетъ, тогда мы и не назовемъ Слово „шутливо-дидактическимъ произведеніемъ", какъ назвалъ его г. Пыпинъ (I, 80).

Трудный, но въ то же время интересный вопросъ представляютъ собой сочиненія Өеодосія Печерскаго, трудный по многимъ причинамъ. Прежде всего критику и ученому предстоитъ рѣшить, что можетъ принадлежать Өеодосію и что нѣтъ. Литература о сочиненіяхъ Өеодосія довольно обширна, хотя до самаго послѣдняго времени и не появлялось особаго изслѣдованія, посвященнаго сочиненіямъ Өеодосія. Затѣмъ, когда мы и опредѣлимъ съ большею или меньшею убѣдительностью принадлежность тѣхъ или другихъ сочиненій Өеодосію, не менѣе важный вопросъ, что изъ нихъ должно входить въ исторію литературы и что нѣтъ, и если что входитъ, то съ какой стороны должно разсматриваться. Послѣдній вопросъ есть вопросъ принципіальный. Что же касается перваго, то изъ книги проф. Владимірова мы ничего не узнаемъ, кромѣ лишь простого упоминанія, что „нѣкоторые ученые приписываютъ Өеодосію еще два выдающихся древне-русскихъ поученія: о казняхъ Божіяхъ ко всему народу и Слово Христолюбца" (стр. 146). Очевидно, авторъ не признаетъ принадлежности слова о казняхъ Өеодосію Печерскому. На стр. 171 онъ упоминаетъ о лѣтописномъ словѣ о казняхъ Божіихъ, но, „признавая это слово—говоритъ онъ—переводнымъ изъ Іоанна Златоустаго, мы должны отказаться отъ толкованія его въ приложеніи къ русскому язычеству".

Но автору слѣдовало бы точнѣе опредѣлить свое отношеніе къ слову о казняхъ, извѣстному по торжественнику XV вѣка. Въ курсѣ исторіи литературы, которая, по словамъ самого автора, представляетъ много неяснаго, должно не обходить спорныхъ вопросовъ, хотя бы и не рѣшая ихъ; иначе—такой курсъ никого не можетъ удовлетворить и ничему не научитъ. Читая въ книгѣ проф. Владимірова страницы, посвященныя Ѳеодосію, читатель остается совершенно неудовлетвореннымъ, когда встрѣчается съ такими напр. словами: „Чтобы дополнить представленіе о литературной дѣятельности Ѳеодосія, необходимо упомянуть о его посланіяхъ къ великимъ князьямъ — Изяславу о латинской вѣрѣ, къ Святославу о братолюбіи, о нѣсколькихъ молитвахъ и, быть можетъ, еще о нѣсколькихъ поученіяхъ, скрытыхъ отъ насъ подъ псевдонимами въ древне-русскихъ сборникахъ“ (стр. 144). Какой же толкъ изъ этого голаго упоминанія? Но, кромѣ того, странная непослѣдовательность: вѣдь относительно указаннаго посланія къ князю Изяславу также существуетъ разногласіе по вопросу о принадлежности его Ѳеодосію Печерскому; почему же авторъ не упоминаетъ объ этомъ и на чемъ основываетъ онъ свое мнѣніе о принадлежности его Ѳеодосію? Если авторъ считаетъ это посланіе произведеніемъ Ѳеодосія, то совершенно напрасно онъ ограничивается простымъ упоминаніемъ, дѣлая въ то же время нѣсколько выписокъ изъ поученій Ѳеодосія о монастырской жизни, выписокъ, нисколько нехарактерныхъ ни для Ѳеодосія, ни для какого угодно проповѣдника. Посланіе о латинской вѣрѣ имѣло жизненный интересъ и находится въ тѣсной связи съ другими подобными сочиненіями, и, если бы мы окончательно признали его принадлежность Ѳеодосію, оно имѣло бы гораздо болѣе значенія для обрисовки характера Ѳеодосія, какъ и самой эпохи, нежели его слова, обращенныя къ инокамъ и призывающія „къ терпѣнію, смиренію, къ хожденію въ церковь и молитвѣ, къ постоянному труду и бодрствованію“, вообще—къ подвигамъ, рекомендуемымъ монахамъ во всѣ времена и на всемъ пространствѣ. Затѣмъ, тому же Ѳеодосію нѣкоторыми учеными въ одинаковой мѣрѣ, какъ и посланіе о латинской вѣрѣ, приписывается посланіе къ тому же Изяславу о закланіи животныхъ въ воскресенье и о постѣ въ среду и пятницу—также характерное для своего времени. Авторъ опять не упоминаетъ о разногласіи ученыхъ и объ ихъ аргументахъ, хотя находитъ нужнымъ упомянуть о тѣхъ сочиненіяхъ Ѳеодосія, о которыхъ мы ничего не знаемъ: мало ли что скрывается подъ различными псевдонимами въ древне-русскихъ сборникахъ!

Въ концѣ первой главы авторъ даетъ нѣсколько свѣдѣній о древне-русскихъ спискахъ, о переписчикахъ, о знаніи древне-русскими людьми иностранныхъ языковъ—свѣдѣнія, несомнѣнно, полезныя и, наконецъ, говоритъ о древне-русскомъ языкѣ, его литературной обработкѣ и его разнообразіи въ памятникахъ русской письменности. Но прежде чѣмъ говорить о разнообразіи русскаго языка въ памятникахъ, слѣдовало бы точно опредѣлить тѣ признаки, которыми рукопись русскаго извода отличается отъ рукописей изводовъ болгарскаго и сербскаго. Правда, это указаніе съ равнымъ правомъ можетъ быть отнесено въ курсъ палеографіи, но небезполезно сообщать ихъ и въ трудахъ, подобныхъ разсматриваемому. Теперь, когда мы имѣемъ такой прекрасный трудъ, какъ Славяно-русская палеографія проф. Соболевскаго, особенно, ея второй выпускъ, намъ остается только сдѣлать указаніе на нее, гдѣ мы найдемъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о грамотности, о школахъ, объ изводахъ рукописей, о переводахъ и т. п. Объ изводахъ рукописей найдемъ также цѣнныя указанія въ книгѣ проф. Карскаго—Очеркъ славянской кириловской палеографіи.

Изъ болѣе мелкихъ замѣчаній сдѣлаю слѣдующія.

1) На стр. 13—14 авторъ, говоря о Псалтири, дѣлаетъ выписку изъ изслѣдованія Сперанскаго о гаданіи Мономаха по Псалтири. Я уже высказался рѣшительно противъ этого ложнаго представленія о гаданіи Мономаха. (Къ вопросу о гадательныхъ псалтиряхъ—Лѣтопись истор. филолог. Общ. при Новоросс. универс., IX, 1901). Издатели Лаврентьевской Лѣтописи совершенно произвольно поставили двоеточіе послѣ слова „написалъ“, а отсюда пожалуй и можно вывести, что Мономахъ имѣлъ въ виду сказать, что онъ написалъ именно эту фразу: „аще вы послѣдняя не люба, а передняя приимайте“. Но слово „написалъ“ относится къ тому же, къ чему и „складохъ по ряду“ и „собрахъ“, т. е. къ „словцамъ симъ любымъ“, а подъ послѣдними разумѣется не фраза „аще вы послѣдняя“ и т. д., но вся та часть Поученія, которая состоитъ изъ однѣхъ выписокъ изъ священнаго писанія и которая оканчивается словами: „да иже хвалить тебѣ Господи“... Окончивъ эту часть, т. е. „словца си любая“, которыя авторъ Поученія „собралъ“ изъ разныхъ мѣстъ писанія и расположилъ въ порядкѣ („складохъ по ряду“), авторъ дѣлаетъ заключеніе: „си словца прочитаюче, дѣти моя, божественная, похвалите Бога, давшаго намъ милость свою“. Это и есть та „передняя“ часть, которую *должны* принять, такъ какъ она не за-

ключаетъ ничего авторскаго, но содержитъ голыя выписки. Послѣ этого начинается самостоятельная часть Поученія, состоящая изъ совѣтовъ и примѣровъ изъ собственной жизни, та часть, которая имѣетъ и свое названіе: „и се отъ худаго моего безумья наказанье". Эта часть и есть „послѣдняя", которая, можетъ быть, „не люба". Поэтому, авторъ Поученія еще разъ и повторяетъ: „аще не всего пріимите, то половину". Мнѣнія о гаданіи Мономаха по Псалтири основываются на лѣтописномъ извѣстіи объ аналогичномъ какъ будто бы эпизодѣ съ княземъ Владиміромъ Волынскимъ (Ипат. Лѣтоп. 1276 г.). Но сравненіе показываетъ совершенно обратное. Владиміръ Волынскій „разгибаетъ" псалтирь, дѣйствительно, потому, что не зналъ, какъ поступить. Владиміръ же Мономахъ поступаетъ съ самаго начала очень рѣшительно: онъ рѣшительно отказываетъ братьямъ идти противъ Ростиславичей, и уже послѣ того какъ отпустилъ пословъ, берется за псалтирь. Берется онъ за псалтирь въ печали, но ни откуда не видно, чтобы эта печаль происходила отъ нерѣшительности. Отчего происходила печаль Мономаха—мы не знаемъ; можемъ лишь догадываться, что отъ мысли, что братья слишкомъ легко смотрятъ на крестное цѣлованіе. Въ этой печали онъ пожелалъ найти утѣшеніе и прежде всего — въ священномъ писаніи. И вотъ онъ безъ всякой мысли о гаданіи беретъ священную книгу—псалтирь и раскрываетъ ее наудачу по той причинѣ, что вся псалтирь хороша для печалующагося человѣка. Случайно Мономаху открылось такое мѣсто, которое вполнѣ подходило къ его душевному состоянію, и онъ и записалъ и событіе и псаломъ, потому что то и другое его сильно поразило. Нѣтъ основаній видѣть въ поступкѣ Мономаха гаданіе, какъ мы понимаемъ послѣднее вообще и какъ его слѣдуетъ понимать въ поступкѣ Владиміра Волынскаго. Еще менѣе основаній признавать псалтирь, бывшую въ рукахъ Мономаха, гадательной.

2) Страница 18—20. Въ своемъ отчетѣ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1896 г. № 6-й) я указалъ, что въ Аѳонскомъ Хиландарскомъ монастырѣ находятся два списка „Бесѣдъ Іоанна Златоуста на книгу Бытія", №№ 414 и 337, оба XVII вѣка (Шестодневникъ), представляющихъ тотъ же текстъ, что и списокъ Синод. библ. № 61, вывезенный съ Аѳона (Опис. рук. Синод. II—I, стр. 50). Но въ Зографскомъ монастырѣ рукопись № 71, XV вѣка, содержитъ первыхъ 16 бесѣдъ Златоуста на книгу Бытія другого перевода. Въ извѣстномъ Архивскомъ сборникѣ также мы имѣемъ выдержки изъ того же Шестоднева Златоуста. Пока, впрочемъ, остается неизвѣстнымъ,

какъ относится послѣдній текстъ къ Зографскому. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что уже въ XIII вѣкѣ у насъ существовалъ переводъ Шестоднева Златоуста, хотя и неизвѣстно какой, въ полномъ или въ сокращенномъ видѣ.

Было бы несправедливо, если бы я не отмѣтилъ хорошихъ сторонъ въ разбираемой книгѣ. Я указывалъ на тѣ недостатки, которые въ большинствѣ случаевъ объясняются отличительными качествами древнерусской литературы, связанной съ византійской, южнославянской, и поэтому представляющей затрудненіе разрѣшить вопросъ, что свое и что чужое, что изъ чужого оставалось чужимъ и что претворялось въ свое. Но, если мы устранимъ вытекающіе отсюда недостатки, то въ книгѣ проф. Владимірова найдемъ много того, на что не обращали вниманія его предшественники и пропускъ чего не можетъ быть одобренъ.

Такъ, вторая глава посвящена отдѣлу поученій, при чемъ послѣ общихъ замѣчаній о характерѣ поучительной литературы—византійской и южно-славянской—передается содержаніе дошедшихъ до насъ древне-русскихъ поученій, начиная съ поученія Луки Жидяты, а иногда даются указанія и на спорные пункты по тому или другому вопросу. Этотъ отдѣлъ значительно превосходитъ таковой же въ Исторіи литературы Пыпина, хотя и нельзя того же сказать по отношенію къ Исторіи литературы Порфирьева: разумѣется, впрочемъ, что проф. Владиміровъ въ своемъ изложеніи пользуется послѣдними работами въ этой области. Кромѣ того, Порфирьевъ ограничивается перечисленіемъ извѣстныхъ именъ проповѣдниковъ, а проф. Владиміровъ посвѣщаетъ нѣсколько страницъ безыменнымъ поученіямъ, что очень важно для того, чтобы читатель въ своемъ представленіи не ограничивалъ объема древне-русской литературы извѣстными именами.—III глава (179—212 стр.) излагаетъ сказанія о Печерскомъ монастырѣ и другія древне-русскія сказанія. Здѣсь идетъ рѣчь о трудахъ Нестора, Іакова Мниха и кратко излагается древнѣйшая исторія Печерскаго Патерика, при чемъ пересказываются нѣкоторые эпизоды изъ жизнеописаній. Недостаточно только выяснена роль переводныхъ жизнеописаній въ дѣлѣ составленія русскихъ, хотя въ оправданіе указано, что ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса замѣчается лишь въ послѣднее время.

IV глава—о путешествіяхъ—излагаетъ только два путешествія, Даніила и Антонія, при чемъ авторъ въ концѣ дѣлаетъ примѣчаніе, что „послѣднее изслѣдованіе о паломникахъ въ общемъ очеркѣ даетъ

А. Н. Пыпинъ, что и составляетъ лучшую главу всей книги“ (стр. 233). Общій очеркъ въ книгѣ Пыпина составленъ, дѣйствительно, обстоятельно, но авторъ могъ бы указать на ту тенденціозность, которая проглядываетъ въ изложеніи содержанія путешествій. Изъ послѣдняго, особенно въ отдѣлѣ апокрифическихъ свѣдѣній, читатель вынесетъ различныя впечатлѣнія изъ той и другой книги и—надо сказать—изъ разсматриваемой—болѣе вѣрное.—V глава посвящена лѣтописямъ. Здѣсь излагаются характерныя особенности различныхъ русскихъ лѣтописей, въ краткихъ чертахъ прослѣживается русское лѣтописаніе и въ концѣ излагается исторія вопроса. Что касается послѣдняго, то это, безъ сомнѣнія, очень важная часть, но только ее должно ставить шире. Исторія вопроса и должна быть—именно исторіей, а не случайнымъ соединеніемъ отдѣльныхъ мнѣній различныхъ ученыхъ, и притомъ такой сложный вопросъ, какъ о лѣтописи, слѣдовало бы раздѣлить на части, а не смѣшивать напр. изслѣдованіе Сухомлинова съ лекціями Костомарова. Нужно по каждому отдѣльному вопросу выбрать изъ изслѣдованій, главнымъ образомъ, то, что имѣло значеніе для дальнѣйшаго развитія, или по крайней мѣрѣ, отдѣлить этотъ элементъ отъ личныхъ мнѣній того или другого ученаго, которыя такъ и остались личными мнѣніями.—Наибольшею обстоятельностью отличается VI глава, посвященная Слову о Полку Игоревѣ.

Несмотря на свойственную автору сухость изслѣдованія вообще, разсмотрѣнная книга, мѣстами написанная въ приподнятомъ тонѣ, съ явнымъ пристрастіемъ къ Кіеву и къ южной Руси, не можетъ быть оставлена безъ вниманія. Авторъ вложилъ въ нее большой запасъ своихъ наблюденій и знаній по части рукописнаго матеріала и обратилъ особенное вниманіе на такія части, которыя оставались иногда въ сторонѣ. Жаль только, что многія страницы остались не отдѣланными, а нѣкоторыя и не переработанными, какъ того требовало бы появленіе новыхъ изслѣдованій. Точно также и матеріалъ самый распредѣлялся не равномѣрно, но какъ бы случайно. При томъ, при составленіи общей Исторіи древней русской литературы, предназначенной не для употребленія въ среднихъ школахъ, слѣдовало бы держаться системы дѣленія на двѣ части—одной, излагающей научные выводы, и другой—въ видѣ ли отдѣльной части или примѣчаній,—излагающей самый научный процессъ по каждому вопросу и ставящей задачи для будущихъ изслѣдователей. Чисто догматическое изложеніе, проведенное съ начала до конца, неминуемо окажется несостоя-

тельнымъ, въ виду неразработки цѣлаго ряда вопросовъ. Было бы желательно присоединить полную библіографію, которая, впрочемъ, въ настоящее время уже печатается проф. Архангельскимъ въ приложеніи къ программѣ по русской литературѣ.

В. Истринъ.

Новыя работы по финскому фольклору.

(По поводу первыхъ книжекъ Finnisch-ugrische Forschungen K. Krohn'а и E. Setälä).

14-го марта 1901 года минуло ровно полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ *М. А. Кастре́нъ* былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ финскаго языка въ гельсингфорскомъ университетѣ, и предметъ этотъ офиціально получилъ всѣ права академическаго гражданства въ ряду другихъ предметовъ университетскаго курса [1]). Но, къ сожалѣнію, Кастре́ну не долго пришлось непосредственно руководить тѣмъ дѣломъ, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь. Надорванныя напряженной литературной работой и безпрерывными полными всевозможныхъ лишеній путешествіями по сѣверу Европы и по Сибири силы молодого ученаго не выдержали: Кастре́нъ скончался въ 1852 г., не достигнувъ и 40 лѣтъ (род. 1813 г.). Но въ этотъ короткій, относительно, срокъ имъ было сдѣлано необычайно много. Въ цѣломъ рядѣ работъ, посвященныхъ финской и урало-алтайской филологіи, миѳологіи и этнологіи, собраны матерьялы, поставлены вопросы, отъ которыхъ приходилось отправляться изслѣдователямъ слѣдующаго за Кастре́номъ поколѣнія, разработаны методы научнаго анализа,—словомъ намѣчена широкая программа, которую предстояло осуществить и которая по-

---

[1]) До этой поры университетскій уставъ зналъ только лектуру для финскаго языка на филологическомъ факультетѣ (съ 1829 года, года переселенія университета изъ Або въ Гельсингфорсъ. Въ 1865 г. была учреждена экстраординатура для каѳедры финскаго языка на юридическомъ факультетѣ, въ 1881 г., впрочемъ, преобразованная въ обыкновенную лектуру) и доцентуру для финской литературы, существовавшую еще въ абосскую эпоху въ концѣ XVIII в., или же доцентуру для финскаго и старосѣвернаго языковъ (послѣднее мѣсто съ 1840 г. занималъ Кастре́нъ). Въ 1852 г. каѳедра Кастре́на была преобразована въ каѳедру финскаго языка и литературы и въ такомъ видѣ просуществовала до 1892 г., когда ее раздѣлили на двѣ: на каѳедру финно-угорской филологіи и каѳедру финскаго языка и литературы. Съ 1898 г. существуетъ также спеціальная экстраординатура для финской и сравнительной этнографіи.

немногу осуществляется. Съ тѣхъ поръ, т. е. за послѣдніе полвѣка, „финнологія" сдѣлала большой шагъ впередъ, настолько большой, что найтись въ обширной научной литературѣ ея не только изслѣдователю въ смежныхъ областяхъ, но даже, подчасъ, и спеціалисту,—задача далеко не легкая.

Тѣмъ болѣе желательной является попытка сконцентрировать научную работу и библіографическій матеріалъ въ одномъ болѣе крупномъ періодическомъ изданіи, выходящемъ на одномъ или, хотя бы, нѣскольких изъ наиболѣе доступныхъ европейскихъ языковъ; тѣмъ болѣе понятно пріуроченіе такого изданія къ знаменательному дню 14-го марта 1851 г.

Первый серьезный починъ въ этомъ смыслѣ принадлежитъ профессорамъ гельсингфорсскаго университета Э. Н. Сетеле (Setälä) и К. Крону (Kaarle Krohn), въ срединѣ 1901 года выпустившимъ двѣ первыя книжки своихъ Finnisch-ugrische Forschungen, первыя страницы которыхъ посвящены памяти Кастре́на (*Setälä*, Dem Andenken Matthias Alexander Castrén's). Идея журнала, raison d'être котораго слишкомъ ясенъ, чтобы повторять его формулировку издателями въ началѣ большой вводной статьи (Plan der Zeitschrift, стр. 6—7), возникла, оказывается, уже въ 1892 г. подъ вліяніемъ программы Indogermanische Forschungen Brugmann'a и Streitberg'a. Встрѣчныя соображенія, высказанныя въ 1899 г. на конгрессѣ оріенталистовъ въ Римѣ, недочеты спеціальныхъ Keleti szemle—Revue orientale (съ 1900 г.), Journal de la Société Finno-ougrienne (до 1901 г., девятнадцать томовъ) и Nyelvtudományi Közlemények (30 тт., до 1901 г.)—побудили, наконецъ, приступить къ дѣлу и осуществить проектъ.

Новый журналъ будетъ состоять изъ сборника оригинальныхъ статей по вопросамъ финно-угорскаго языковѣдѣнія и этнографіи и критико-библіографическаго указателя (Anzeiger). Статьи могутъ быть помѣщены на одномъ изъ слѣдующихъ языковъ: нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ и латинскомъ. Журналъ ставитъ на очередь разработку цѣлаго ряда категорій спеціальныхъ вопросовъ, которыя мы приведемъ въ порядкѣ, въ какомъ они поставлены издателями:

1) Исторія финно-угорскихъ языковъ, общая и частная.

2) Фонетика и транскрипція.

3) Взаимоотношенія отдѣльныхъ языковъ финно-угорской семьи.

4) Взаимоотношенія языковъ финно-угорскихъ къ урало-алтайскимъ, при чемъ ихъ прародство считается положеніемъ недоказаннымъ.

5) Взаимоотношенія языковъ финно-угорскихъ къ индо-европейскимъ (арійскія, балтійскія, германскія и славянскія отношенія).

6) Общіе вопросы лингвистики и фонетики, при освѣщеніи ихъ данными финно-угорскихъ языковъ.

7) Праисторія и пракультура финно-угровъ съ точки зрѣнія лингвистической палеонтологіи.

8) Религія и миѳологія по даннымъ языка и фольклора.

9) Народная поэзія, особенно Калевала.

10) Сравнительное изученіе нравовъ и обычаевъ народовъ финно-угорскаго племени.

11) Общая методика этнографіи примѣнительно къ финно-угорскимъ даннымъ; методъ Ю. Крона.

12) Матеріальная культура финно-угорскаго племени.

13) Финно-угорская археологія, исторія передвиженій племенъ и ихъ древнѣйшей культуры въ связи съ культурой другихъ народностей.

14) Антропологія.

15) Исторія науки.

16) Планы и программы новыхъ изслѣдованій [1]).

Появившаяся книжка Указателя Журнала, помимо обширной библіографіи за 1900 г. (raisonnée), сгруппированной одновременно по содержанію и по народностямъ, и весьма обстоятельныхъ рецензій—отчетовъ о работѣ *Jánkó* о мадьярскомъ рыболовствѣ, о диссертаціи *Franssila*, посвященной анализу пѣсенъ о „большомъ дубѣ“ (Jso tammi), лежащихъ въ основѣ II-ой руны Калевалы, и о рецензіи проф. Setälä по поводу работъ *И. Смирнова* о восточныхъ финнахъ, помимо всего этого, содержитъ также обстоятельный очеркъ внѣшней исторіи финно-угорскихъ штудій въ различныхъ научныхъ центрахъ Европы. Большая же часть статей первой книжки FuF. посвящена вопросамъ языка, которые привлекутъ къ себѣ, конечно, вниманіе и славистовъ, и финнологовъ. Единственное исключеніе—статья К. Крона: „Гдѣ и когда сложились финскія пѣсни-заговоры?“ (Wo und wann entstanden die finnischen Zauberlieder?). Къ сожалѣнію, въ первой книжкѣ журнала помѣщены только *три* первыя главы работы. Общая оцѣнка построенія возможна будетъ, такимъ образомъ, лишь тогда, когда статья появится цѣликомъ; первыя главы позволяютъ только догадываться о немъ. По признанію самого автора (стр. 52) затѣянная имъ работа представляетъ

[1]) Книжки журнала на первыхъ порахъ будутъ выходить безъ опредѣленныхъ сроковъ.

собой болѣе обстоятельное изложеніе и мотивировку основныхъ положеній, намѣченныхъ еще въ 1894 г. при изданіи труда *Ю. Крона,*— О языческомъ богослуженіи у финскаго племени (стр. 137—140). Исходя, вмѣстѣ съ *J. Abercromby* (The Pre-and Protohistoric Finns, 1898, II, 44), изъ того положенія, что заговоръ отнюдь еще не есть необходимое выраженіе шаманизма, проф. Кронъ пытается показать, что широкое развитіе заговора у финновъ вовсе не находитъ себѣ объясненія въ извѣстной характеристикѣ ихъ, сдѣланной старо-сѣверными сагами: это противорѣчило бы даннымъ опыта: лапландцы, остяки и вогулы не знаютъ заговора и, въ то же время, особенно первые, пользуются репутаціей превосходныхъ шамановъ. Тѣмъ менѣе возможнымъ представляется датировать происхожденіе заговора эпохой финно-угорской. Такимъ образомъ, приходится искать начала заговора по сю сторону шаманизма. Затѣмъ авторъ статьи пытается показать, что нѣтъ никакого основанія предполагать существованіе заговора даже и въ прафинскую эпоху, не говоря уже о древнѣйшихъ; при этомъ онъ оперируетъ двумя основоположеніями, которыя опредѣляютъ методъ его изслѣдованія. 1. Если будетъ доказано, что всѣ или большинство существующихъ заговоровъ вотяковъ, черемисъ, мордвы, чувашей, воти, ливовъ, эстовъ и друг. есть результатъ заимствованія, постороннихъ вліяній, то это подвинетъ эпоху финскаго заговора далеко впередъ. 2. Христіанизація отдѣльныхъ элементовъ заговора не есть еще подстановка новыхъ представленій вмѣсто старыхъ, языческихъ. Финскія Ilmatar=Luftmaid, Synnytär=Geburtsmaid и Luonnotar=Naturmaid — представляютъ собой просто новыя поэтическія обозначенія св. Дѣвы Маріи. Вотяцкія заговорныя формулы, или, по крайней мѣрѣ, *большинство* ихъ сильно напоминаютъ русскіе заговоры. Между прочимъ, своеобразной чертой ихъ является частое упоминаніе моря, тѣмъ болѣе странное, что вотяки никакого дѣла съ моремъ не имѣютъ. Очевидно, передъ нами слѣды русскаго вліянія. Да и самое обозначеніе моря въ языкѣ вотяковъ—mora—славянское (рядомъ съ иранскимъ zariź), также, какъ и обозначеніе, напримѣръ, якоря (karablais l'agirez и lakorez; см. заклинанія, изданныя *J. Wichmann*'омъ въ JSFOu XI 169—193). Христіанскія черты заговоровъ, вродѣ упоминанія церкви, креста, пророка Иліи,—могутъ быть и мѣстными, ибо среди вотяковъ много христіанъ. Что касается точекъ соприкосновенія въ формѣ заговоровъ вотяцкихъ, черемисскихъ (*A. Genetz* въ JSFOu, VII, 142—7), мордовскихъ (*H. Paasonen,* ibd. XII), то они слишкомъ общи, чтобы можно было дѣлать какія-либо заключенія въ томъ или иномъ смыслѣ.

Анализъ мордовскихъ заговоровъ приводитъ Крона къ совершенно аналогичнымъ выводамъ. Съ бо́льшимъ вниманіемъ финскій изслѣдователь останавливается на мордовской пѣснѣ *о хмѣлѣ*, которую давно уже сопоставляли съ извѣстной пѣсней Калевалы о происхожденіи пива. Мордовская пѣсня начинается разсказомъ о рожденіи и произрастаніи хмѣля. Когда хмѣль поспѣлъ, вѣтеръ унесъ его въ поле, гдѣ въ эту пору богатый эрзя какъ разъ варилъ пиво (JSFOu, IX, 76). Далѣе поется (цитируемъ, чтобы не дѣлать перевода съ перевода въ нѣмецкомъ переводѣ):

„Wohlan, getreide, machen wir friede,
Wohlan, getreide, schliessen wir ein bündniss"!
—„Ich bin das getreide, bin sehr kräftig,
Bin sehr kräftig, hänge mich an das herz".
—„Ich bin der hopfen, bin sehr gallig,
Bin sehr gallig, hänge mich an den kopf.
Die nicht-sreitenden bringen wir zum streiten,
Die nicht-hadernden bringen wir zum hadern,
Die nicht-singenden bringen wir zum singen,
Die nicht-tanzenden bringen wir zum tanzen".

Аналогичныя параллели встрѣчаются въ литовской и русской народной поэзіи (*F. Nesselmann*, Litauische Volkslieder, №№ 234, 321; *K. Ullman*, Lettische Volkslieder №№ 228, 229; *А. Соболевскій*, Великорусск. народн. п. I, № 501—3), правда съ нѣкоторыми отмѣнами въ формѣ и подробностяхъ. Въ результатѣ сличенія остается только общая схема, настолько общая, что она не даетъ намъ никакихъ точекъ опоры для заключеній, хотя бы и вѣроятныхъ, какими удовлетворяется Кронъ (стр. 65—66). Для вопроса о возможности датировать финскія заговоры-пѣсни финско-мордовской эпохой важно анализировать именно *заговоры;* между тѣмъ цитированная только что пѣсня ни у мордвы, ни у финновъ или эстовъ не *играетъ* этой роли. И не *играла*?—спросимъ мы,—конечно, не въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ее теперь, когда въ ней возбуждаетъ интересъ самый образъ, картина, лежащая въ основѣ ея; сходная пѣсня въ Ингерманландіи и русской Кареліи поется въ связи съ пѣсней о пивовареніи. Опираясь на существующій порядокъ вещей и предполагая русскій (или русско-литовскій) образецъ за мордовской пѣсней, Кронъ дѣлаетъ заключеніе о невозможности показать существованіе общихъ заговорныхъ пѣсенъ, восходящихъ къ финско-мордовской порѣ. Далѣе авторомъ намѣчается только точка зрѣнія относительно

происхожденія эстонскихъ пѣсенъ заговоровъ (стр. 68 сл.): бо́льшая и лучшая часть ихъ заимствованы отъ финновъ Suomi. Теоретически возможное, въ случаяхъ совпаденія, посредничество литовцевъ—мало вѣроятно въ виду обилія въ нихъ христіанскаго матеріала.

Такимъ образомъ, отстранены всѣ возможныя гипотезы при анализѣ вопроса о происхожденіи заговорныхъ рунъ финновъ. Ихъ придется отнести на счетъ болѣе поздняго времени, подобно заговорамъ вотяковъ, черемисъ, мордвы и многихъ другихъ. Но все это касается *живого* заговорнаго матеріала, сложившагося, разумѣется, въ исторической перспективѣ позднѣйшихъ вліяній, скрещиваній аналогичныхъ данныхъ заговорной продукціи, отчасти естественнымъ путемъ пришедшаго въ различныхъ мѣстахъ къ однообразнымъ и сходнымъ, если не тожественнымъ формамъ. Что же шло на встрѣчу всѣмъ этимъ позднѣйшимъ усвоеніямъ, какіе запросы, какія точки зрѣнія руководили самымъ процессомъ заимствованія? Это возвращаетъ насъ назадъ ко временамъ, если не шаманства, то такого исторически всѣми пережитаго міропониманія, которое дѣлало человѣка волшебникомъ „дѣйства“ и, наконецъ, „слова“, ибо заклинаніе, лишь постепенно развиваясь, стало *заговоромъ*. Но какому историческому моменту въ жизни финскаго племени отвѣчало это міросозерцаніе?

Какъ мы видѣли выше, пунктъ 11-й программы журнала финно-угорской филологіи отводитъ особенно важное мѣсто въ ряду интересующихъ его научныхъ проблемъ вопросу о Калевалѣ въ связи съ изслѣдованіями о ней Ю. Крона. Редакція имѣетъ въ виду разработку народно-эпическаго матерьяла съ помощью историко-географическаго или сравнительно-географическаго метода, въ Финляндіи неразрывно связаннаго съ именемъ автора „Исторіи финской литературы“ (по-фински въ 1887 г., по-шведски въ 1891 г.). Конецъ 80-хъ годовъ истекшаго только что столѣтія представляетъ собой весьма важную эпоху въ исторіи изученія Калевалы. Литературно-эстетическая оцѣнка и характеристика памятника, увлеченіе его цѣльностью, взглядъ на него, какъ на примѣръ органическаго сложенія эпоса, — смѣнились попыткой критическаго анализа композиціи, опредѣленія ея состава, выясненія взаимо-отношеній Лённрута и народныхъ пѣвцовъ; были поставлены на очередь вопросы объ отношеніи первыхъ сборниковъ рунъ Лённрута и такъ называемой „старой“ Калевалы (1829—1835) къ „новой“ Калевалѣ (1849), печатныхъ сборниковъ къ рукописному и живому пѣсенному матерьялу, вопросъ о географическомъ распространеніи пѣсенныхъ варьянтовъ

и мотивовъ, о ихъ составѣ и хронологіи. На поприщѣ этой сложной историко-критической работы первое мѣсто безспорно принадлежитъ Ю. Крону. Богатство и качество результатовъ, достигнутыхъ имъ путемъ сравнительно-географическаго изученія рунъ въ вопросѣ о времени и мѣстѣ сложенія элементовъ Калевалы опредѣлили и обезпечили роль его точки зрѣнія въ дальнѣйшемъ изученіи Калевалы, а затѣмъ и финско-народной поэзіи вообще. Точка зрѣнія, обобщившись, обратилась въ методъ, гипотеза стала принципомъ. Дальнѣйшей естественной стадіей ея развитія явилась ея научная популярность, обусловившая и формулировку пункта 11-го программы журнала. Въ этомъ смыслѣ написанъ уже цѣлый рядъ изслѣдованій, среди которыхъ особаго вниманія заслуживаютъ работы К. Крона, обобщившаго критическій пріемъ отца на область сказки (Mann und Fuchs, Hforss 1891) и пѣсни (Die geographische Verbreitung estnischer Lieder durch eine Karte erläutert, въ *Fennia*, Bull. de la société de géographie de Finlande, 5. Hfors 1892). Въ той же колеѣ идутъ авторы двухъ гельсингфорскихъ диссертацій *K. A. Franssila* (Iso tammi, 1900) и *O. Kallas*'a (Die Wiederholungslieder der estnischen Volkspoesie, I, Akad. Abh. 1901). Проф. К. Кронъ посвятилъ первой обстоятельную рецензію въ библіографическомъ указателѣ журнала (вторая и послѣдняя статья историко-литературнаго характера среди помѣщенныхъ въ двухъ книжкахъ). Предметомъ работы г. *Franssila* является пѣсня о „большомъ дубѣ", какъ извѣстно, представляющая собой часть II-й руны Калевалы. Въ основѣ лежитъ простая эстонская пѣсенка, распѣваемая дѣвушками, существующая въ большомъ количествѣ варьянтовъ. Дѣвушка разсказываетъ въ ней о томъ, какъ она пыталась посадить дубокъ на счастье отцу, матери, брату или сестрѣ (вар.—на дворѣ или подъ окномъ своихъ родныхъ), все было напрасно; наконецъ, она рѣшила посадить дерево на свое счастье (вар.—на счастье своему суженому),—выросъ могучій дубъ до самаго неба и протянулъ свои вѣтви за облака (вар.: дубъ выростаетъ: 1) изъ щепы, оставшейся послѣ того, какъ подмели комнату, или же изъ желудя, найденнаго при тѣхъ же самыхъ условіяхъ и т. п.; 2) изъ слитыхъ на полъ опивокъ пива). Дѣвушка проситъ брата срубить дерево (вар.: брата вызываютъ съ этой цѣлью изъ города, гдѣ онъ въ это время какъ разъ покупалъ золотыя и серебряныя украшенія). Изъ срубленнаго дуба дѣлаютъ различныя вещи, между прочимъ, сундукъ для приданаго дѣвушки (вар.: изъ этого дуба братъ строитъ себѣ, между прочимъ, баню на удивленіе всѣмъ). Вереницей тянутся

подчасъ полупонятые варьянты эстонской пѣсни и ихъ различныя комбинаціи черезъ Ингерманландію на сѣверъ, въ Карелію и Саволаксъ, гдѣ они пріобрѣтаютъ своеобразную окраску заговора. Въ восточной Кареліи, къ востоку и сѣверу отъ города Сердоболя, въ пѣснѣ разсказывается о томъ, какъ четверо дѣвушекъ сгребали сѣно. „Старикъ"—лапландецъ (вар.: изъ Олонца) поджогъ его; изъ золы дѣлаютъ мыло, которымъ моютъ голову „сыну солнца" (странный образъ—результатъ перетолкованія формы род. п. ед. ч., какъ инструктива: вм. стали мыть голову *днемъ*,—стали мыть голову *дню*). Изъ остатка золы выростаетъ огромный дубъ, который мѣшаетъ солнцу и лунѣ свѣтить, а облакамъ ходить по небу. Всѣ поиски за человѣкомъ, который бы былъ въ состояніи срубить злополучное дерево, оказываются тщетными, пока, наконецъ, не выходитъ изъ моря молодой витязь, закованный въ броню, который и срубаетъ дубъ. Далѣе рѣчь идетъ не о различныхъ предметахъ, сдѣланныхъ изъ дерева, вродѣ сундука для приданаго, а о щепкахъ, изъ которыхъ, въ концѣ концовъ, злой волшебникъ дѣлаетъ себѣ вредоносныя стрѣлы. Эта послѣдняя форма пѣсни распространена и въ сѣверной, и въ русской Кареліи, гдѣ она играетъ роль заговора противъ укола. Этимъ болѣе распространеннымъ варьянтомъ и воспользовался Лённрутъ для свой Калевалы, переработавъ его, поскольку того требовалъ общій планъ. На этомъ примѣрѣ повторилась, такимъ образомъ, исторія миѳа о созданіи міра (руна I-я), анализированнаго недавно профессоромъ К. Крономъ (въ *Fennia*, l. c., стр. 3 и сл.), исторія Сампо, Айно и друг.—Параллельно съ наиболѣе популярнымъ сѣвернымъ варьянтомъ цитированной пѣсни существуетъ, впрочемъ, и другой, который скорѣе напоминаетъ свой эстонскій оригиналъ. И здѣсь, какъ выше, говорится о четырехъ дѣвушкахъ, но не о греблѣ сѣна; дѣвушки находятъ особый листъ или щепу дуба и садятъ ее. Дубъ разрастается до невѣроятныхъ размѣровъ и мѣшаетъ двигаться облакамъ; но далѣе пѣсня переходитъ въ другую: рѣчь идетъ объ одномъ облакѣ, которому удалось пройти; облако это состоитъ изъ крупныхъ капель, въ каждой каплѣ озера, въ каждомъ озерѣ лодка, въ каждой лодкѣ холостые парни и т. д. Мы видимъ здѣсь цѣлый рядъ чертъ: особый листъ, любовный (Liebesblatt), парни въ лодкахъ—которыя сообщаютъ пѣснѣ специфическій характеръ, отвѣчающій характеру эстонскаго прототипа, только скрытое желаніе дѣвушки выражено въ еще болѣе опредѣленномъ реальномъ образѣ. Жаль, что г. *Franssila* не расширилъ поля сравненія, не поискалъ параллелей

за предѣлами литовскихъ и латышскихъ пѣсенъ. Мы не имѣемъ возможности просмотрѣть славянскіе сборники, но основная комбинація такъ проста, что аналогіи найдутся, вѣроятно, и помимо цитированныхъ экземпляровъ. Интересную параллель встрѣчаемъ мы на почвѣ эстонской же народной поэзіи. Дѣвушка видитъ въ лѣсу дубъ, который жалуется ей на свою судьбу, говоря, что всѣ прочія деревья вырубаютъ, а ему одному приходится терпѣть холодъ, бороться съ вѣтромъ и мокнуть подъ дождемъ. Дѣвушка утѣшаетъ его и напоминаетъ о томъ, что у нея дома пятеро братьевъ, которые навѣрно срубятъ его; далѣе она описываетъ, что будетъ сдѣлано изъ дуба. Въ обоихъ случаяхъ въ основѣ спараллелизованы явленія природы и человѣческой жизни: дубъ остался одинокимъ,—одинока и дѣвушка, не нашедшая своего суженаго; однако, есть еще надежда: дубъ срубятъ и пойдетъ онъ на всякія подѣлки,—кто-нибудь и дѣвушку возьметъ за себя. Въ сопоставленіи первой пѣсни меньше грусти и больше увѣренности, ибо меньше было и разочарованія, меньше пережито обманутыхъ надеждъ. Посадила я дубокъ, растетъ дубокъ (подробности: я сама его посадила на свое счастье, на счастье суженому; дубъ выросъ до неба,—все это могло нарости позже, постепенно обратиться въ необходимое стереотипное введеніе въ пѣсню, которое, при такихъ условіяхъ, могло быть замѣнено и новыми комбинаціями образовъ) — подрастаетъ и дѣвушка; дубъ срубятъ, а мнѣ изъ него выйдетъ сундукъ для приданаго (другіе предметы—результатъ забвенія смысла основной параллели)... т.-е. я выйду замужъ, досказываетъ, конечно, поющая. Интересно, что въ обоихъ случаяхъ въ пѣснѣ фигурируютъ братъ, братья,—играющіе, какъ извѣстно, значительную роль въ свадебной обрядности. Несмотря на то, что районы наибольшаго распространенія пѣсенъ того и другого типа совпадаютъ (Pärnumaa, Viljandimaa и, отчасти, Tartumaa), несмотря на то, что районы эти подходятъ къ самой границѣ латышскаго племени, говорить о происхожденіи одной формы изъ другой, о переходѣ обѣихъ или даже одной пѣсенной схемы отъ латышей къ эстамъ и наоборотъ—едва-ли представляется возможнымъ. Мотивы настолько просты, элементарны, настолько несложна и естественна основная параллель, что однородность и, въ извѣстной мѣрѣ, даже тожественность комбинаціи—явленіе далеко не неожиданное.—Въ заключеніе нѣсколько замѣчаній о методически аналогичномъ только что характеризованной работѣ г. Franssila изслѣдованіи *г. Калласа,* хотя это выводитъ насъ уже, въ извѣстной мѣрѣ, за предѣлы Finnisch-ugrische Forschungen.

Предметомъ диссертаціи г. Калласа являются эстонскія пѣсни, которыя авторъ называетъ Wiederholungslieder. Въ сущности, взятый самъ по себѣ терминъ этотъ говоритъ мало, а тѣмъ менѣе послѣ той чисто внѣшней классификаціи „повтореній", которую даетъ авторъ въ самомъ началѣ своей книги (I, 1), и защиты терминологіи (I, 2). На самомъ дѣлѣ, въ работѣ анализуются пѣсни, основнымъ мотивомъ которыхъ является пропажа коня, воловъ, стада, гусей и т. п. или же драгоцѣнныхъ украшеній, кольца; пропажѣ противупоставляется утѣшеніе героя—героини пѣсни родителями или, рѣже, нахожденіе пропавшаго, иногда, въ связи съ нѣкоторыми подробностями самаго процесса исканія. „Повтореніе" заключается въ пересказѣ потерпѣвшимъ (потерпѣвшею) печальнаго эпизода родителямъ въ тѣхъ же словахъ, въ какихъ оно разсказано въ пѣснѣ. Какъ видно хотя уже изъ этого поверхностнаго и потому не совсѣмъ точнаго опредѣленія содержанія пѣсни, „повтореніе" здѣсь, собственно, не при чемъ: оно только *внѣшній* признакъ ихъ (и то далеко не всѣхъ); между тѣмъ, какъ центръ тяжести лежитъ на сопоставленіи отмѣченныхъ выше основныхъ мотивовъ. Однако, авторъ придаетъ именно „повторенію" весьма важное значеніе и, напримѣръ, на стр. 158, приступая къ анализу пѣсни о пропавшемъ стадѣ (I, 3), несомнѣнно относящейся къ группѣ en question и подходящей подъ данное нами ей опредѣленіе, серьезно ставитъ вопросъ, относится ли данная пѣсня къ категоріи его Wiederholungslieder, такъ какъ одинъ изъ варіантовъ ея (B) не содержитъ „повторенія". Если финскій терминъ Ainolieder — пѣсни объ Айно—неполонъ, то проще всего было бы охарактеризовать анализуемый матеріалъ, какъ „пѣсни о пропажѣ коня или драгоцѣнныхъ украшеній и ихъ параллели".

Цѣль работы г. Калласа—двоякая: выяснить исторію *сложенія* и *распространенія* данныхъ пѣсенъ. Благодаря тому, что книга написана по-нѣмецки, она, въ извѣстной мѣрѣ, доступна каждому, интересующемуся вопросами народно-поэтическаго творчества и его исторіей. Въ извѣстной мѣрѣ,—такъ какъ тексты, за весьма рѣдкими исключеніями, оставлены безъ перевода. Цѣликомъ переведена почему-то только *реконструкція* прототипа, что, въ сущности, совершенно излишне, хотя и даетъ возможность ознакомиться съ основными мотивами данной пѣсни; было бы болѣе раціональнымъ предложить переводъ ея основныхъ *живыхъ* типовъ.—Приступая къ анализу пѣсенъ, авторъ (I, 4) заявляетъ самъ, что работа его есть приложеніе историко-географическаго метода Ю. Крона къ частному случаю Wiederho-

lungslieder (огромный перечень изданныхъ и неизданныхъ матеріаловъ, см. I, 5), и намѣчаетъ тѣ основныя точки зрѣнія, отъ которыхъ онъ будетъ отправляться въ своихъ дальнѣйшихъ построеніяхъ.

Пѣсня можетъ возникнуть только однажды (стр. 39). Это положеніе справедливо, если имѣть въ виду данную *форму* пѣсни, такъ какъ параллельныя, а иногда даже и почти тожественныя *схемы* могутъ развиться самостоятельно при условіи хотя бы, напримѣръ, связи ихъ и аналогичнымъ и самостоятельно сложившимся дѣйствомъ—игрой, имѣющимъ бытовой или обрядовой смыслъ. Поэтому заимствованіе чужой пѣсенной формы отнюдь еще не исключаетъ существованія схемы мѣстнаго происхожденія. Критерій „дѣйства—игры" приходится всегда имѣть въ виду, когда рѣчь идетъ о сличеніи параллельныхъ пѣсенныхъ мотивовъ, представляющихъ слишкомъ общія черты сходства и, слѣдовательно, весьма шаткую почву для заключеній о заимствованіи. Правда, основное положеніе автора оправдывается на цѣломъ рядѣ данныхъ, приводимыхъ во 2-й части книги, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ постепеннымъ распространеніемъ одной и той же схемы, не подлежащимъ сомнѣнію. Но возьмемъ другой фактъ, выдѣленный авторомъ въ силу его слишкомъ внѣшняго principium divisionis: увѣренность въ отвѣтѣ автора окажется нѣсколько рискованной, хотя мы не рѣшились бы въ той же мѣрѣ утверждать обратнаго (p. 363). Въ приложеніи (Anhang III, 7) авторъ цитируетъ, между прочимъ, весьма интересную эстонскую игру. Играющіе разбиваются на три группы: одни становятся въ кругъ, другіе входятъ внутрь его, третьи остаются внѣ. Затѣмъ начинается діалогъ между двумя послѣдними группами. (Приношу за содѣйствіе въ переводѣ текстовъ искреннюю благодарность лектору А. Игельстрёму и проф. I. Миккола):

„Сынъ мой, ты, что сторожишь коней (hoburine = Pferdewächter), не видѣлъ ли ты моего коня, бродящаго въ туманный день, разгуливающаго въ дождливый день?" „Какой масти твой конь?" „Утромъ масть его, что молодой посѣвъ; на зарѣ—что золото; въ сумеркахъ—что закатъ солнца (viettü?); днемъ — что разсвѣтъ; въ полдень — что (мясо) семги". „Конь твой прошелъ дорогой дѣвушекъ (проходъ между двумя изгородями), новой улицей; много бѣды натворилъ онъ, когда уходилъ, много бѣды натворилъ онъ и въ другой разъ, когда приходилъ: онъ испортилъ свой хомутъ, испортилъ гужи, повредилъ желѣзныя ворота, опрокинулъ полъ-тонны меду, погрызъ (цѣлый) ларь орѣховъ. Зѣвая (конь твой) сломалъ оглобли, мотнувъ головой,—разорвалъ узду. Загремѣлъ жемчужный конь, загремѣло на дорогѣ,

(обставленной) плоскими каменьями, затрещала вязовая дуга". Ржи, ржи, конь (мой) мышиной масти, зови, меринъ, купцовъ, ржи, зови своего хозяина, зови (громко) того, что̀ скачетъ на твоей спинѣ, ржи подъ хозяиномъ, кричи подъ купцами!

Аналогичную игру мы встрѣчаемъ въ Финляндіи (стр. 358 сл.):

— Съ уздой на плечахъ, я ищу лошадку, уздечка жеребенка (у меня) за спиной. Если ты конь моего отца,—ржи, чтобы я могъ тебя услышать, ступай домой къ овсу, къ овсу, что̀ шуршитъ; ступай домой къ сѣну, къ хрустящему сѣну. Сломай хворостяную изгородь, сломай изгородь, крѣпкую, какъ желѣзо; сломай хворостяную изгородь, опрокинь изгородь жердяную! Hette, lette, бросай прочь, taari, laari, начинаю снова!—Въ Эстляндіи, на Эзелѣ, Монѣ и въ Перновскомъ уѣздѣ (Pärnumaa) цитированный выше текстъ игры развился въ балладу, введеніе въ которую совершенно тожественно съ началомъ пѣсни объ „украденномъ поцѣлуѣ" (II, 7). Дѣвушка (или дѣвушки) собираютъ въ лѣсу вѣтви для вѣнковъ. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ дѣвушка названа по имени Anu, Viru neitsike, Sula Salmi n. Salvi или Salme (послѣднія имена, очевидно, подъ вліяніемъ крайне интересныхъ и ждущихъ еще разъясненія пѣсенъ о Salme, выросшей изъ курицы, за которую послѣдовательно сватаются солнце, мѣсяцъ и звѣзды. См. *Fennia* l. c. № 2. Мы вернемся къ этимъ пѣснямъ отдѣльно). Слѣдуетъ описаніе встрѣчи съ парнемъ, отыскивающимъ своего коня (вар.: парень названъ Ot't' ormus, osmus или ohmus poisikene). Діалогъ скалькированъ съ текста игры. Въ другихъ варіантахъ дѣвушка разсказываетъ о томъ страшномъ разгромѣ, который конь произвелъ въ домѣ ея отца (съѣденъ весь хлѣбъ, выпито нѣсколько бочекъ пива и т. п.). Парень предлагаетъ возмѣстить убытки и дѣлаетъ дѣвушкѣ предложеніе. Иногда, оказывается, конь запертъ въ конюшнѣ и можетъ быть возвращенъ лишь подъ условіемъ выкупа или же дѣвушка прямо заявляетъ парню, предугадывая его намѣренія: „ты не коня ищешь, ты, злой человѣкъ, вздумалъ свататься за меня. Но у насъ такой обычай: объ этомъ говорятъ только въ присутствіи отца и матери". Въ цѣломъ рядѣ варіантовъ перемѣщены роли: отыскиваетъ коня не парень, а дѣвушка.—Параллельно игрѣ, которая въ Финляндіи могла развиться (какъ думаетъ и г. Калласъ, стр. 359), помимо эстонскаго Kasjahobune, тамъ знакома и эстонская пѣсня (стр. 359). Съ другой стороны, съ этой послѣдней слѣдуетъ сопоставить литовско-латышскія пѣсни (цитаты на стр. 361 и слѣд.), дающія цѣлый рядъ

параллельныхъ мотивовъ. Приведемъ примѣръ изъ сборника *Nesselmann*'a (Littauische Volkslieder. Berlin 1853, p. 147, № 181):

1. „Was suchst du, lieber Knabe,
An diesem trüben Morgen?"
„Ich suche meinen Braunen
Und meinen schönen Sattel".
2. „Sag'ehrlich, lieber Knabe,
Wie war dein Ross beschaffen?"
„Mein Rösslein, das war schwarzbraun,
Mein Sattel war versilbert".
3. „So suche nicht, o Knabe,
Dein liebes, braunes Rösslein!
Dein braunes Rösslein stehet
In meines Vaters Stalle".
4. „Sag'ehrlich liebes Mädchen,
Wem hat's bereitet Schaden?"
„Es hat den Zaun zerbrochen,
Die Reuten hat's zertreten".
5. „Sag'ehrlich, liebes Mädchen,
Sag'ehrlich, ehrlich, junge:
Was ist der Zaum denn wert wohl,
Was kosten deine Rauten?"
6. „Fünf Thaler oder sechs gar
Und mich, das junge Mädchen".
„So leg'ich zu noch fünfe
Und führe hein dich, junge".

Но при заключеніяхъ о заимствованіи необходимо имѣть въ виду существованіе у эстовъ игры, элементарность параллельныхъ образовъ, сложившихся при аналогичныхъ спросахъ и условіяхъ быта; наконецъ, широкое распространеніе основной комбинаціи мотивовъ. Если славянскія параллели, которыя цитируетъ авторъ (стр. 182 сл.) по поводу пѣсни о „пропавшемъ стадѣ" (II, 3; см. ниже), не повторяютъ *формы* послѣдней, то ихъ мѣсто рядомъ съ Kasjahobune и другими варіантами той же пѣсенной *схемы*. Рѣчь идетъ о пастбищѣ, затѣмъ о пропажѣ воловъ (стр. 182—184), коня (стр. 182), телятъ (стр. 184), о ихъ отысканіи. Заключительный мотивъ пѣсни крайне интересенъ: встрѣча съ молодыми людьми, бесѣда съ ними о случившемся: „пришла осень—за міжъ пішла", говорится въ одной малорусской пѣснѣ; или же появленіе на сценѣ суженаго, который не только отправляется на поиски за волами, но и женится на дѣвушкѣ. Иногда финалъ представляетъ собой нехитрую любовную сценку, какъ, напримѣръ, вендская пѣсня изъ сборника *Haupt*'a и *Schmaler*'a (Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz, Grimma 1841, I, p. 78, № 48),—въ заключеніе которой дѣвушка „trug sich ein Söhnlein im Schürzlein nach Haus", или же картину широкаго разгула въ казацкомъ стилѣ (стр. 183).

Всѣми этими крайне важными данными авторъ не воспользовался, такъ какъ выясненіе *роли* пѣсни въ данной средѣ, опредѣленіе *условія* ея исполненія и *сравненіе* пѣсенныхъ параллелей въ возможно болѣе широкой перспективѣ почти не интересуетъ его. Анализъ *географическаго распространенія* (западъ—востокъ—и далѣе сѣверъ) пѣсенъ зани-

маетъ первое мѣсто; за нимъ стушевываются вопросы, касающіеся ихъ *сложенія*, ихъ внутренней исторіи. Въ эстонской игрѣ, которую мы уже неоднократно цитировали выше, иллюстрирующей моментъ сватовства, или шире, моментъ матримоніальной аспираціи, значеніе схемы понятно. Въ балладу вкрадывается уже новый мотивъ непосредственное предложеніе, досказывающій первоначальный образъ. То же въ литовско-латышскихъ пѣсняхъ, то же въ нѣкоторыхъ славянскихъ паралелляхъ. Эта новая комбинація могла являться базой новыхъ настроеній, какъ, напримѣръ, въ лужицкой или малорусской пѣснѣ, гдѣ финалъ разыгрывается въ шинкѣ (стр. 183). Центръ интереса переносился именно на этотъ пришлый элементъ пѣсни, болѣе поздній, развивавшійся тѣмъ болѣе свободно, чѣмъ дальше, пѣсня отходила отъ игры, поддерживавшей старую схему, и чѣмъ дальше слѣдовательно, она начинала интересовать сама по себѣ, безъ всякаго отношенія къ создавшимъ ее бытовымъ запросамъ. Идея сватовства уступала мѣсто любовному похожденію. Мотивъ „исканія" являлся уже не параллелью, а просто отправной точкой пѣсни: онъ игралъ роль фона, пейзажа; пасторальныя черты сообщали пѣснѣ особый отпечатокъ, который могъ нравиться и, стало быть, развиваться въ свою очередь. Таковы, можетъ быть, были прототипы пастурелей Cercalmon'а [1]). При этихъ условіяхъ становится понятнымъ самый романскій терминъ, pastorele, правильнѣе

[1]) 1120—1135. Провансальская біографія его (XIII вѣка) говоритъ: trobet vers e pastoretas a la usanza antiga, на старый, т. е. на старомодный ладъ—съ точки зрѣнія литературныхъ требованій XIII вѣка. Авторъ біографіи весьма критически относится и къ Marcabrun'у (1130—1150) (trobaire fo dels premiers qu'om se recort de caitivetz vers e de caitivetz sirventes fez... et en aquel temps non apellava hom canson, mas tot quant hom cantava eron vers), къ современнику его Peire Valeira (fez vers tals com hom fazia adoncs, de panbra valor...). Отзывъ о Jaufres Rudels (1130—1147) менѣе суровъ лишь въ виду музыкальныхъ достоинствъ его пьесъ (fetz... mains bons vers ab bons sons, ab paubres motz). Lo premiers bons trobaire que fo outra mon — Peire d'Alvernha (1150 — 1200). Говоря о Cercalmon'ѣ имѣлъ ли ввиду біографъ, тщательно отмѣчающій отсутствіе кансонъ въ древне-прованск. лирикѣ, только *форму* его pastoretas или вообще всю *композицію* пьесъ? Заключенія немыслимы. Если отправляться отъ дошедшихъ до насъ пьесъ его ученика Marcabrun'а (*Bartsch*, Gr. № 293—*G. Bertoni* въ Studj di filol. rom. VIII, 420), то пастурели С. придется поставить рядомъ съ ними и по формѣ и по содержанію. Въ то время, когда эта замѣтка была уже набрана появилось новое изслѣдованіе о пастурели. *A. Pillet*, Studien zur Pastourelle въ Festschrift zum X Deutschen Neuphilologentag, Breslau, 1902 и отдѣльно. Авторъ держится воззрѣній аналогичныхъ высказаннымъ G. Paris'омъ по поводу разбора книги Jeanroy (отдѣльно des Origines de la poésie lyrique en France au m.-âge. Paris, 1889).

pastore $\frac{la}{ta}$ = bergère и нѣтъ никакой необходимости видѣть въ нихъ вмѣстѣ съ *G. Paris*'омъ простой contrasto пастуха и пастушки въ стилѣ II 47 барчевскаго сборника (Rom. und Pastour.) (Journ. des Sav., 1891, стр. 729 сл.). Допуская наше построеніе, мы получимъ исторію пастурели того вида, который *Jeanroy* (Les origines) считалъ типическимъ, пастурелью по преимуществу, или который во всякомъ случаѣ является одной изъ наиболѣе характерныхъ разновидностей, если вмѣстѣ съ *G. Paris*'омъ дать термину пастурель болѣе широкое значеніе (о. с., стр. 740 сл.). (Ср. *Е. Аничковъ*, Очеркъ литературной исторіи Арраса въ XIII вѣкѣ въ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія*, 1900, часть 327, № 2, отд. 2, стр. 267 сл.). Вмѣшательство рыцаря и сословный контрастъ, характеризующій пастурель этого рода и діалогъ,—есть результатъ сознательнаго стремленія къ экзотическому, потребности играть противоположностями. Вспомнимъ, что послѣ Marcabrun'a (1130—1150) пастурель обновилась только въ концѣ XII вѣка, въ эпоху Giraut de Bornelh'я и Gui d'Uisel'я; въ началѣ XIII вѣка надъ ней работаютъ Gavaudan Старый и Cadenetz, но классическіе трубадуры XII вѣка ея не знаютъ [1]). Самой сложной и трудной задачей является возстановленіе оригинала пѣсни, приблизительное, конечно: рѣчь можетъ идти только о гипотетическомъ построеніи *хода мыслей*, соединенія мотивовъ. Но г. Калласъ не довольствуется этимъ (стр. 42): онъ ставитъ себѣ болѣе широкую задачу возстановленія частныхъ мотивовъ. Мѣркой древности, при этомъ, для него является *логика* (стр. 43). Мы прибавили бы къ этому критерію критерій *историческій*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть въ случаѣ существованія цѣлаго ряда логическихъ варьянтовъ? Мы ставимъ общій вопросъ, ибо самъ авторъ формулируетъ въ этомъ смыслѣ свои методическія основоположенія. Остановимся нѣсколько на первой главѣ второй части книги (II. 1), на пѣсняхъ объ украденомъ конѣ. Авторъ даетъ намъ слѣдующій текстъ прототипа (стр. 81—82):

Ich ging in den Wald spazieren
Am Sonntagmorgen,
Am Werktagabend.
Was fand ich im Walde vor?
Ich fand den Wald voll Met,
Das Gebüch war voll Branntwein,

Er brachte weg mein gutes Pferd,
Meinen Hut, zehn Mark wert,
Meinen Sattel hundert Mark wert.
Ich ging weinend nach Hause.
Die Mutter kam entgegen an der Pforte,
Der Vater kam entgegen auf der Dorfgasse.

---

[1]) *Schultz-Gora*, ZsfrPh, VIII (1884), 106 сл.

Das Wacholdergesträuch war voll Kofent,
Die Baumwurzeln voll roten Bieres.
Ich nahm ein Stof, ich nahm zwei,
Ich ging das dritte nehmen:
Ich schlief ein auf dem Traumberge,
Zwischen Traumhügeln.
Es kam ein Dieb aus dem Gebüsch,
Ein anderer hinter ihm her aus dem Eichenwalde.

„Weshalb weinst du, junger Sohn?

„Weshalb ich weine, Mütterchen,
Weshalb ich weine, Väterchen:
ст. 24 — 40 = 1 — 17.
„Weine nicht, junger Sohn!
Wir haben zu Hause drei Wallache:
Der eine ist in Zwirn gewickelt,
Der zweite in Seide gebunden,

Der dritte in Gold gewirkt,
In Silbergarn genäht.
Der in Zwirn gewickelte,
Das ist dein Arbeitspferd;
Der in Seide gebundene,
Das ist dein Fahrpferd;
Der in Gold gewirkte,
In Silbergarn genähte,
Das ist dein Freierpferd.

Рядомъ съ этимъ варьянтомъ, отмѣченнымъ авторомъ знакомъ A, существуютъ еще два другихъ. Важнѣйшія отмѣны въ мотивахъ касаются основной ситуаціи: въ B—пострадавшій—парень, служащій либо конюхомъ, либо управляющимъ въ усадьбѣ, или же, наконецъ, ему просто поручено отвезти на лошади (?) (можетъ быть сопровождать верхомъ?) господъ. Пока онъ сидитъ въ корчмѣ, у него крадутъ лошадь. Въ C — парню приходится пахать барское поле, послѣ того какъ онъ проработалъ цѣлую ночь напролетъ; усталость овладѣваетъ имъ, онъ ложится отдохнуть; тѣмъ временемъ у него уводятъ лошадь. При сличеніи текстовъ оказывается, что логически наиболѣе стройнымъ является вар. A, распространенный болѣе другихъ. Накладывая послѣдовательно одну пѣсенную схему на другую, мы замѣчаемъ, что черезъ контуры B и C сквозятъ какіе-то другіе, въ *нѣкоторыхъ* подробностяхъ приближающіеся къ типу A. Отсюда авторъ дѣлаетъ заключеніе, что форма A и есть общій источникъ данныхъ пѣсенныхъ схемъ. Но далеко не всѣ отдѣльныя черты схемы A покрываются сомнительными подробностями B и C. Такъ, въ C рѣчь идетъ, напримѣръ, о пропажѣ, между прочимъ, хомута и сѣдла, о плети съ украшеніями; въ B говорится часто о пропажѣ одной лошади и т. п. (стр. 85 — 89); аналогичные дубликаты въ финальной сценѣ утѣшенія (89 — 93). Анализируемыя три схемы A, B и C настолько близки между собой, что должны восходить къ одному

источнику; но двойственность контуровъ В и С можетъ предполагать: 1) что мы имѣемъ предъ собой слѣды развитія В и С изъ прототипа болѣе близкаго, но не тожественнаго А—A^x, или же 2) позднѣйшее вліяніе формы А, какъ популярной схемы; наконецъ то и другое вмѣстѣ. Первая комбинація представляется весьма возможной, ибо, если В и С переработаны въ реалистическомъ смыслѣ, то со сказочной сценой объясненія въ лѣсу миришься не скоро. Съ другой стороны—районъ наибольшаго распространенія А—востокъ и югъ (Fellin, Wierland, Дерптъ, Werro, Сетукесія), а не западъ. Между тѣмъ у Setud (и на югѣ вообще, стр. 96—97) очень популярно вступленіе въ А: „я пошелъ въ лѣсъ гулять.....“ Передъ нами, можетъ быть, отвердѣвшій зачинъ, приложенный къ болѣе старой схемѣ. Въ этомъ смыслѣ интересны также выраженія для прогулки въ лѣсу, имѣющія въ виду прогулку *пѣшкомъ* (стр. 97); въ заключеніе же въ А рѣчь идетъ о конѣ.

Минуя сложный вопросъ о родинѣ пѣсни вообще, которая для г. Калласа тожественна съ райономъ, гдѣ сохраняются лучшіе варьянты (стр. 44 сл.), вернемся снова къ началу, въ мотиву „повторенія“, чтобы закончить нашу замѣтку. Къ категоріи Wiederholungslieder нужно несомнѣнно отнести вышеприведенную игру и балладу, цитируемыя авторомъ въ Приложеніи. Нѣтъ только „повторенія“. Съ пѣсней объ „украденомъ конѣ“ (II, 1) мы уже познакомились. II, 2 (разорванные волы) относится къ той же группѣ. Въ ней поется о томъ, какъ парень, пахавшій все утро въ полѣ, во время обѣда распрегъ своихъ воловъ и пустилъ ихъ на волю отдохнуть. Но тутъ-то и случилась бѣда:

Es kam der Wolf aus dem Moore,
Der Breittazige vom Waldrand,
Er tötete das schwarze Rind,
Zerriss das bunte Rind,
Frass auf die Rinder beide.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о возвращеніи парня домой и шаблонное утѣшеніе. Въ II, 4, пѣснѣ о пропавшихъ гусяхъ, рѣчь идетъ не о парнѣ, а о дѣвушкѣ. На ея долю выпало нетрудное дѣло: пасти гусей и куръ. Вдругъ, откуда ни возьмись, ястребъ (параллельнаго стиха, по вѣрному замѣчанію автора, не хватаетъ, стр. 190). Разогналъ птицу. Дѣвушка идетъ къ матери съ жалобой (повтореніе). Мать старается утѣшить ее: „я пошлю слугъ разыскать пропавшую птицу“, говоритъ она. „Можно ли довѣряться слугамъ?!“ возражаетъ дочь и

сама отправляется на поиски. Встрѣчные крестьяне совѣтуютъ ей пройти въ помѣщичій дворъ.

Ich ging dorthin aufs Gut.
Was gab man mir zum sitzen?
Einen Stuhl gab man zum sitzen
Aus meiner eignen Gans Gebeinen.
. . . .
Was gab man mir zu trinken?
Meiner eignen Gans Blut.

Конецъ пѣсни останавливаетъ на себѣ вниманіе. Куры вовсе исчезли со сцены, хотя они и указаны во вступленіи. Съ точки зрѣнія логики куры и гуси, естественно, могли и не оказаться вмѣстѣ (стр. 233). Но въ пѣснѣ зачастую логика своя: лакуна передъ нами или нормальный фактъ? Интересно, что въ цѣломъ рядѣ варьянтовъ пѣсни II, 3, совершенно аналогичной нашей, гдѣ идетъ рѣчь о пропажѣ коня, коровы и жеребенка, въ заключеніи фигурируетъ только первый (стр. 167 сл., 157, 158 сл.). Г. Калласъ объясняетъ финальный эпизодъ, какъ аномалію въ схемѣ II, 3, развившуюся подъ вліяніемъ другихъ пѣсенъ (стр. 163, 167 сл.). Прототипъ II, 3, по его мнѣнію, *вѣроятно*, (стр. 166) оканчивался возраженіемъ дочери на совѣтъ матери отправить на поиски слугъ. Но въ виду аналогіи II, 4 возможно и нахожденіе потеряннаго, а, слѣдовательно, возможенъ *одинъ конъ* и въ этой схемѣ. Послѣдняя черта стоитъ въ связи съ вопросомъ о реальномъ значеніи параллелизма. Въ II, 2 говорится о волахъ:

Es kam der Wolf aus dem Moore,
Der Breittazige vom Waldrand,
Er tötete das schwarze Rind,
Zerriss....

Рѣчь идетъ объ одномъ животномъ, между тѣмъ какъ эпитетъ Breittazig едва-ли можетъ относиться къ волку. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ варьянтахъ вмѣсто эпитета стоитъ прямо karu=медвѣдь и разсказъ продолжается (за однимъ исключеніемъ D, 9) въ единственномъ числѣ (стр. 129 сл.). Передъ нами простое развитіе риторической фигуры, такъ характерно проведенной въ первыхъ стихахъ II, 1:

Ich ging in den Wald spazieren
Am Sonntagmorgen,
Am Werktagabend....

II, 3 и II, 4 мы связываемъ въ одну небольшую группу, сближая ее

съ группой, составленной II, 1 и II, 2. Самымъ труднымъ представляется вопросъ о генезисѣ этихъ двухъ категорій схемъ и ихъ историческомъ отношеніи къ игрѣ и балладѣ (Приложенія № 79).—Послѣднія построены на антитезѣ мотивовъ пропажи и исканія пропавшаго, антитезѣ, которую лишь кое-гдѣ можно фиксировать въ цитированныхъ эстонскихъ пѣсняхъ, хотя въ иномъ уже освѣщеніи. Мотивъ утѣшенія, обѣщанія возмѣстить утраченное одержалъ верхъ. Та же схема въ пѣсняхъ о пропавшемъ уборѣ (II, 5) и пропавшемъ кольцѣ (II, 6). Но рядомъ съ ними славяно-литовскія параллели, которыя цитируетъ авторъ (стр. 280 сл., 295 сл.) съ той же антитезой пропажи и возвращенія потеряннаго; они полны бытового значенія: вѣнокъ и кольцо указываютъ на судьбу дѣвушки (*Потебня*, Объясненіе малорусскихъ.... пѣсенъ, II, 543 сл.; *Лаутенбахъ*, Очерки изъ исторіи лит.-латышск. нар. творч., 60 сл., 184 сл.). Въ соотвѣтствующихъ финскихъ пѣсняхъ дѣло не въ *реальномъ значеніи противоположенія* мотивовъ, какъ думаетъ г. Калласъ (стр. 296), а въ *антитезѣ шаблоннаго „утѣшенія“* и *„обѣщанія“*. Если стать на эту точку зрѣнія, то сравнительное изученіе финско-эстонскихъ пѣсенъ не *изолируетъ* ихъ, а, наоборотъ, *освѣщаетъ ихъ внутреннюю исторію*, минуя часто вопросы заимствованія.

В. Шишмаревъ.

D-r Fr. Pastrnek. Dějiny Slovanských apoštolů Cyrilla a Methoda. Praha 1902.

Въ виду имѣющагося въ распоряженіи науки состава источниковъ для исторіи славянскихъ апостоловъ, равно какъ и степени ихъ изученія, въ виду громадной литературы по кирилло-меѳодіевскому вопросу—всякая новая попытка дать цѣлостный трудъ въ этой области представляется дѣломъ крайне рискованнымъ. Нужно быть или человѣкомъ всесторонняго и глубокаго историческаго знанія, большого ума и литературнаго дарованія, чтобы свести воедино результаты почти столѣтнихъ изученій и создать monumentum, достойный первоучителей; или обладать большимъ критическимъ дарованіемъ, чтобы путемъ новаго пересмотра источниковъ найти нѣкоторыя новыя точки зрѣнія, разрѣшить нѣкоторые темные вопросы.

Пражскій профессоръ-славистъ въ своей книгѣ, въ 300 страницъ, даетъ во-первыхъ (стр. 4—36), обзоръ и краткую (stručně) оцѣнку источниковъ „кирилло-меѳодіевской исторіи“; во-вторыхъ

(стр. 37—150)—очеркъ жизни и дѣятельности солунскихъ братьевъ; въ третьихъ (стр. 151—286), печатаетъ тексты главнѣйшихъ—славянскихъ и латинскихъ—источниковъ. Кстати будетъ здѣсь замѣтить, что присоединеніе къ двумъ первымъ частямъ еще третьей, увеличившей размѣры книги ровно вдвое, вводитъ въ научную литературу пріемы, противъ которыхъ нужно рѣшительно протестовать: что станетъ съ научной литературой, если каждый историческій изслѣдователь будетъ перепечатывать при своемъ изслѣдованіи источники, которыми онъ пользовался и которые до него были уже напечатаны нѣсколько разъ? А, вѣдь, именно это и дѣлаетъ проф. Пастернекъ... Такъ какъ перепечатки проф. Пастернека вызываютъ возраженія и съ другой точки зрѣнія, то мы пока оставимъ рѣчь о нихъ и обратимся къ его ученому изслѣдованію.

Въ предисловіи (стр. X) авторъ опредѣляетъ задачу своей книги:—„дать въ краткомъ видѣ надежное, соотвѣтствующее нынѣшнему состоянію славянской филологіи поученіе о всѣхъ главнѣйшихъ вещахъ, которыя относятся къ предмету“, притомъ... независимое отъ опредѣленной церковной традиціи. Но уже рядомъ съ этимъ обѣщаніемъ авторъ допускаетъ удивительную по своей несправедливости мысль, будто „кругъ научныхъ вопросовъ, которые входятъ въ кирилло-меѳодіевскую исторію — имѣетъ характеръ болѣе филологическій, чѣмъ историческій“. Всякій, знающій кругъ этихъ вопросовъ и соотвѣтствующіе имъ источники и литературу, во всякомъ случаѣ скорѣе склонится къ обратной характеристикѣ даннаго круга вопросовъ; взглядъ проф. Пастернека тѣмъ болѣе удивителенъ, что въ своемъ трудѣ онъ совершенно забываетъ выставленную имъ же самимъ точку зрѣнія, почти совершенно обходя вопросы характера филологическаго.

Именно это странное въ авторѣ филологѣ невниманіе къ вопросамъ филологическаго характера бросается въ глаза при чтеніи книги проф. Пастернека.

Два наиболѣе трудные и запутанные филологическіе вопроса—о языкѣ славянскихъ кирилло-меѳодіевскихъ книгъ и о письмѣ (кириллица и глаголица)—изложены у проф. Пастернека съ непозволительной краткостью (stručně!) и, кромѣ того, въ такомъ видѣ, что нельзя признать у автора и надежности, соотвѣтствія современному состоянію славянской филологіи: первому вопросу посвящено *примѣчаніе* 49 на стр. 63—64; второму—*примѣчаніе* 64 на стр. 71, гдѣ, напримѣръ, въ видѣ аксіомъ сообщается, что а) письмо кирилло-меѳодіевское—глаголица, б) эта послѣдняя была представлена въ письменности какъ

моравско-паннонской, такъ и старо-болгарской (македонской) и в) кириллица появилась только при царѣ Симеонѣ. Спрашивается: все это такъ надежно (spolehlivě), какъ представляется автору, и такъ соотвѣтствуетъ „состоянію славянской филологіи", что можно излагать все это въ видѣ аксіомъ?

Крайняя краткость и несоотвѣтствіе „современному состоянію славянской филологіи" проявляются и въ изложеніи вопроса, связаннаго съ двумя вышеуказанными,—вопроса о литературной дѣятельности св. первоучителей (и ихъ учениковъ). Ему посвящены, на стр. 71, 121—3 примѣчанія (одинъ изъ „важнѣйшихъ" вопросовъ—и снова въ примѣчаніяхъ), 66 (объ евангеліи-апракосъ), 118 (о библейскихъ переводахъ вообще) и 119 (о номоканонѣ). Особенно мало остановился проф. Пастернекъ на вопросѣ о томъ, „mame-li starobylé překlady všech jednotlivých knih písma svatého" (стр. 122).

По отношенію къ этому вопросу задача автора,— соотвѣтствіе его изложенія современному состоянію науки,—во всякомъ случаѣ оказывается не болѣе, какъ фразой; сравнительно недавно вопросъ этотъ вступилъ въ новую фазу своего развитія; началось изслѣдованіе перевода отдѣльныхъ книгъ св. писанія, которое должно подготовить твердую почву для будущаго его рѣшенія. Изъ этихъ работъ автору извѣстно лишь изслѣдованіе Облака объ Апокалипсисѣ и ак. Соболевскаго о книгѣ Есѳири. Онъ ничего не говоритъ не только о сравнительно маловажномъ изслѣдованіи г. Лебедева о книгѣ Іисуса Навина, но и о работахъ г. Евсѣева, которому рѣшительно принадлежитъ заслуга внесенія въ вопросъ новой точки зрѣнія. Въ своемъ изслѣдованіи о переводѣ книги пророка Исаіи (С.-Пб. 1897) г. Евсѣевъ показалъ, что паремійный переводъ пророка Исаіи основанъ на лукьяновской редакціи греческаго текста, тогда какъ переводъ толковыхъ пророчествъ отражаетъ иную редакцію,—исихіевскую. Съ этой точки зрѣнія предстоитъ изслѣдованіе и остальныхъ книгъ св. писанія. Проф. Пастернеку остался неизвѣстнымъ и рядъ статей г. Евсѣева въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ" (Bulletin de l' Académie Impériale de Sciences de St.-Pétersbourg) 1898 и 1899 гг. по вопросу о славянскомъ переводѣ библіи, среди которыхъ одна посвящена тексту Есѳири. Безспорно, эти оставшіяся автору неизвѣстными работы г. Евсѣева характеризуютъ современное состояніе нашей науки, а не тѣ неопредѣленныя, рѣшительно ничего не говорящія, формулы Горскаго и Невоструева, которыми довольствуется обычно проф. Пастернекъ,—въ родѣ слѣдующей: „opět z jiné, ač dosti staré

školy překladatelské pocházeji libri regum“. Формула эта характеризуетъ состояніе науки 50 лѣтъ тому назадъ; въ настоящее же время сказать: „z jiné ač dosti staré školy prekladatelské“—все равно, что ничего не сказать. Ученый, пишущій въ 1902 г., долженъ былъ бы сказать: книги Царствъ не обслѣдованы. Но и это было бы не совсѣмъ вѣрно: въ работѣ „Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія“ Русск. Фил. В. 1900 г. акад. Соболевскій относитъ къ эпохѣ меѳодіевской переводъ Царствъ, сохранившійся въ средне-болгарской рукописи конц. XIV вѣка Имп. П. Библ. Данныя, не благопріятствующія этому выводу и вмѣстѣ выясняющія вопросы о дошедшихъ до насъ редакціяхъ перевода Царствъ, объ отношеніи этихъ редакцій къ греческому тексту, о качествѣ перевода въ той и другой редакціи, о лексикальной сторонѣ перевода,—можно найти въ Сборникѣ Отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ т. LXIX, прил. № 3; отдѣльные оттиски появились въ 1901 году. Если въ указанныхъ случаяхъ стремленіе автора къ соотвѣтствію современному состоянію науки оказывается слабымъ, то въ другихъ—это стремленіе, наоборотъ, завело его слишкомъ далеко, напримѣръ,—при перепечаткѣ паннонскихъ легендъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самой „оригинальной“ стороной работы г. Пастернека. До сихъ поръ тексты легендъ печатались такъ, какъ они дошли до насъ въ рукописяхъ. Такъ печаталъ Миклошичъ, такъ печаталъ геніальный Шафарикъ, такъ печатали русскіе слависты Бодянскій и Первольфъ, Шахматовъ и Лавровъ (кстати, авторъ, повидимому, не знаетъ объ отдѣльномъ изданіи Лаврова „Житія Меѳодія“, М., 1999, которое кое-чѣмъ отличается отъ изданія Шахматова и Лаврова въ Успенскомъ Сборникѣ; см. стр. 10 книги Пастернека). И никто не додумался до пріема, къ которому пришелъ, наконецъ, проф. Пастернекъ... Правда, Миклошичъ и Шафарикъ устраняли изъ своихъ изданій не имѣющіе никакого значенія надстрочные звуки, ставили соотвѣтствующіе смыслу знаки препинанія, разрѣшали аббревіатуры, но... но, по выраженію г. Пастернека, „legendu o Methodovi vydali oba podle znění starorusského, legendu o Konstantinovi podle znění staroserbského“ (152 стр.). Проф. Пастернекъ находитъ однако нужнымъ, „aby oba životopisy uvedeny byly na společného jmenovatele, totiž na jednaký staroslověnský jazyk, v kterém původně sepsány byly“, т.-е. языкъ такъ называемаго „канона“ старославянскихъ памятниковъ“. „Такъ-то оба житія, продолжаетъ профессоръ, могутъ служить примѣрами и образцами того стараго «словянскаго» языка, который, по научнымъ изысканіямъ, является

намъ въ концѣ IX или въ началѣ X столѣтія", ovšem v oné úpravě, která jest vybudována na základě písma cyrillského (152 стр.—для полноты картины слѣдовало бы уже издать по-глаголически, чего еще не сдѣлали ученые-глаголяши). Такая фабрикація новыхъ „образцовъ старославянскаго языка" оказывается вещью совершенно простой: „tato *úprava* (курсивъ г. Пастернека) jest celkem dosti prostá", говоритъ авторъ (въ чемъ она состоитъ, см. стр. 152—153).

Авторъ нигдѣ не попытался указать основаній для своей прокрустовской работы надъ житіями; только въ главѣ объ источникахъ для исторіи дѣятельности первоучителей (стр. 15) голословно (po mém mínění!) высказалъ утвержденіе о томъ, что житіе Кирилла написано (asi) еще при жизни Меѳодія и при его участіи, а житіе Меѳодія—непосредственно послѣ его смерти. Но, вѣдь, если бы это и было такъ, то это еще не даетъ основаній для „úpravy".Курьезно то, что вступительныя слова легенды Константина „мѣсяца февруалія въ 14 день память и житіе блаженнаго учителя нашего Константина философа, перваго наставника словѣнску языку" тоже даны въ „старославянской" úpravě. Эти слова написаны тоже „при жизни и участіи Меѳодія"? До смерти послѣдняго (885 г.) уже былъ канонизованъ св. Кириллъ и установленъ день церковнаго праздника ему?... Такъ добываются историческіе факты изъ глубокой старины...

Что Паннонскія легенды писаны въ Моравіи, какъ это утверждаетъ г. Пастернекъ,—очень вѣроятно, но до сихъ поръ не доказано. Авторъ, какъ филологъ, могъ бы анализомъ языка (со стороны грамматической и лексической) попытаться обосновать это положеніе, и это было бы одной изъ заслугъ его книги. Вмѣсто того онъ занимается реконструкціей первооригинала легендъ, совершенно ненужной и ничего не доказывающей или доказывающей не то, что нужно: эта реконструкція доказываетъ, что авторъ имѣетъ ложное представленіе объ языкѣ вообще. Если бы авторъ имѣлъ правильное представленіе объ языкѣ, его жизни, онъ никогда не могъ бы думать, что по нашимъ научнымъ построеніямъ можно воскресить живой языкъ какой бы то ни было эпохи, дать конкретный образецъ его. Живой языкъ во всякую эпоху допускаетъ колебанія, діалектическія черты. Этихъ особенностей, составляющихъ индивидуальность языка, отгадать путемъ ученой абстракціи мы не можемъ. Пусть паннонскія житія были написаны по старо-„словенски"; но почему авторъ знаетъ, что въ языкѣ первооригинала легендъ стояли только аористы несигматическіе? отчего языкъ не могъ знать *и* другой формы? почему не могли

рядомъ стоять *и благодѣть* и *благодать? Благодѣть* вовсе не есть первоначальная форма слова *благодать*, какъ думаетъ авторъ,—это различныя образованія. Не забудемъ, что языкъ первыхъ моравскихъ работъ былъ, несомнѣнно, амальгамой двухъ элементовъ: болгарскаго и моравскаго, по крайней мѣрѣ, въ лексическомъ отношеніи. Естественно, что рядомъ употреблялись различныя выраженія для одного и того же понятія. Уже Облакъ признавалъ въ языкѣ первыхъ переводовъ лексическіе дублеты. Почему рядомъ съ оконч. ѥго,—оукьму, не могли быть—*аго, оумоу*? Вѣдь, въ Кіевскихъ листкахъ находимъ исключительно послѣднія формы; во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ обѣ формы стоятъ рядомъ—*аго-оумоу*, вѣроятно, представляютъ формы, независимыя отъ ѥго, оукмоу, получившіяся изъ одной праформы, но при разныхъ условіяхъ (положеніе ударенія). Отчего въ современномъ чешскомъ языкѣ могутъ существовать рядомъ: má и moja? Нѣкоторые пріемы автора только уничтожаютъ возможность правильно представить себѣ языкъ старо-славянскаго первооригинала легендъ: въ извѣстныхъ намъ старо-славянскихъ (подлинныхъ) памятникахъ находимъ замѣну ꙗ знакомъ ѣ; такая замѣна даетъ филологу болѣе правильное представленіе о звукѣ старо-славянскомъ *ѣ*, чѣмъ строгое различіе ꙗ и ѣ, которое вводитъ авторъ въ свою реконструкцію: замѣна эта указываетъ, что ѣ былъ звукомъ открытымъ, *'ä*, близкимъ къ ꙗ, тогда какъ пріемъ г. Пастернека заставляетъ предполагать въ ѣ—'е или... ничего не предполагать.

Пиша повсюду сочетанія—ьꙗ, а не—иꙗ, авторъ слишкомъ просто рѣшаетъ вопросъ, который самъ по себѣ вовсе не такъ легокъ. Если *ь*, т. е. рефлексъ инд.-евр. ĭ, является теоретически первоначальнымъ въ этихъ сочетаніяхъ, то это еще не значитъ, что сочетаніе—ьꙗ было какъ разъ въ IX в., въ языкѣ Кирилла и Меѳодія; *ь* въ положеніи передъ *j* претерпѣвалъ естественное фонетическое измѣненіе, можетъ быть, удлиннялся въ *i*; что значитъ колебаніе между двумя пріемами—ьꙗ и иꙗ въ старыхъ памятникахъ, начиная съ Кіевскихъ листковъ, вовсе не такъ легко рѣшить. Отражало ли это графическое колебаніе діалектическія различія, или подъ нимъ скрывался особый звукъ, результатъ измѣненія *ь* подъ вліяніемъ слѣдующаго *j*, не совпадавшій съ полнымъ *i*, сказать трудно.

Совершенно въ духѣ воззрѣній автора на языкъ является его мысль (стр. 142, прим. 126), что „звуковыя перемѣны, которыя мы находимъ къ Кіевскихъ и Пражскихъ отрывкахъ,—можетъ быть, уступки, которыя были *сдѣланы съ той цѣлью, чтобы расположить широкіе*

круги чешско-славянскаго населенія къ славянскому языку",—мнѣніе, взятое у Ягича,—конечно у послѣдняго случайное и не характерное (..."ob nicht durch diese Concession gewissermassen die weiteren Kreise für das Slavische Interesse gewonnen werden sollen",—„Zur Entstehungsgeschichte", I, 59).

Отъ Пастернека - филолога перейдемъ къ Пастернеку - историку и посмотримъ, какъ онъ ставитъ и разрѣшаетъ въ своей книгѣ кирилло-меѳодіевскіе вопросы историческаго характера. Говоря вообще, проф. Пастернекъ дѣлаетъ это дѣло на основѣ источниковъ и литературы предмета, которые ему достаточно знакомы, но, видимо, мало *изучены* имъ. Онъ совершенно правильно передаетъ то, что вычиталъ безспорнаго изъ источниковъ и изъ тѣхъ книгъ и статей, которыя написаны на основѣ источниковъ. Но если данныя источниковъ неясны, противорѣчивы, то авторъ нашъ никогда почти не пытается самостоятельно выйти изъ затрудненія и старательно разыскиваетъ все, что сдѣлали въ подобныхъ случаяхъ предшественники. Такъ какъ обыкновенно этихъ предшественниковъ было много и рѣшали они затрудненія различно, то изложеніе нашего автора, вмѣсто изложенія фактовъ, превращается часто въ библіографическій обзоръ мнѣній объ этихъ фактахъ; мы узнаемъ въ немъ нашего стараго знакомаго, усерднаго библіографа изъ „Listy filologické" и „Archiv f. sl. Philologie", автора „Bibliographische Übersicht über die Slavische Philologie", 1892.

Почти исключительно въ такомъ тонѣ изложенъ весь отдѣлъ объ источникахъ для жизнеописанія Кирилла и Меѳодія; страницы (4—15), посвященныя паннонскимъ житіямъ (и другимъ славянскимъ источникамъ), кромѣ перечисленія рукописей (6—7, 10, 11—12) и перечня ихъ изданій (стр. 4—5), даютъ лишь бѣглыя указанія на то, что писано о житіяхъ (стр. 13—15), но не изложеніе, хотя бы самое сжатое, существующихъ въ наукѣ воззрѣній; напримѣръ, то, что авторъ говоритъ о теоріи Воронова и противоположномъ взглядѣ проф. Лаврова,—не кратко, но поверхностно.

Обыкновенно г. Пастернекъ ищетъ „авторитета" и присоединяется къ его мнѣнію. Естественно, что такимъ авторитетомъ является для него прежде всего проф. Ягичъ, работу котораго „Zur Entstehungsgeschichte" проф. Пастернекъ справедливо называетъ особенно важною („zvláště důležitý přispevěk" стр. 2). Работа проф. Пастернека отмѣчена любовнымъ вчитываніемъ въ „přispevěk" маэстро славистики: ссылки на него (и другія работы Ягича) пестрятъ на страницахъ

книги проф. Пастернека (см. и въ Указателѣ—„Jagić“, стр. 291); фразеологія г. Пастернека отзываетъ языкомъ знаменитаго вѣнскаго слависта, что становится особенно понятнымъ, если мы вспомнимъ, что проф. Пастернекъ два раза печатно излагалъ работу г. Ягича—короче въ Č. Č. H., 1901, стр. 30—40 и подробнѣе—въ Arch. f. sl. Philologie, XXIII, 1901, стр. 242—258.

Позволимъ себѣ немного утомить читателя выпиской en regard текстовъ книгъ Пастернека и Ягича, чтобы доказать справедливость высказанныхъ выше наблюденій.

Особенно интересны въ книгѣ проф. Пастернека страницы 147—149, посвященныя дѣятельности св. Климента въ Болгаріи и Македоніи: въ существенномъ,—это не что иное, какъ вольный переводъ, съ выпусками, соотвѣтствующихъ страницъ „Zur Entstehungsgeschichte“ начиная съ стр. 59. Ср. мѣста: Пастернекъ, 147, отъ „Bylo již vzpomenuto“ до „byli uvítáni“ и Ягичъ, 59, отъ „Es war schon“... до „empfangen wurden“; Пастер. отъ „Ktěm počítati jest“... до „příchodu do Macedonie“ и Ягичъ отъ „oder dass die griechische“ до „zu entfernen trachtete“; Пастернекъ: „Vzorem jeho zůstal“.., и Ягичъ, 62 „Als Ziel und Ideal“; Пастернекъ, 148 „Neboť zároveň s. Klimentem“... и Ягичъ, 65—66 „Denn gleichzeitig“...

Правда—все или почти все, взятое г. Пастернекомъ изъ книги Ягича, хорошо. Но не такъ хорошо то, что г. Пастернекъ ссылается на проф. Ягича и тамъ, гдѣ это вовсе не нужно: признавая высокую историческую цѣну за паннонскими житіями, онъ замѣчаетъ, что къ нимъ „též V. Jagić přihlíží“ (стр. 13); видя въ посольствѣ Ростислава въ Константинополь связь съ планами о независимости отъ франковъ, онъ прибавляетъ: „S těmito názory shoduje se též V. Jagić“ (стр. 69, пр. 59); довѣряя извѣстію легенды о подтвержденіи папой Адріаномъ сл. книгъ, онъ присоединяетъ, что ему „důvěřuje také Jagić“ (стр. 89, пр. 83) и т. п.

Еще менѣе хорошо то, что, повторяя мнѣнія Ягича, онъ ихъ извращаетъ, превращая ихъ изъ гипотетическихъ въ аподиктическія, иногда даже измѣняя по существу. Напримѣръ, Ягичъ, по словамъ самого же Пастернека (стр. 95, пр. 91), лишь „предполагаетъ“, на основѣ существующихъ Кіевскихъ отрывковъ, о переводѣ въ Панноніи и латинск. богослужебныхъ книгъ на славянск. языкъ; Пастернекъ говоритъ уже о „zřetelný důkaz“. Другой примѣръ: Ягичъ относитъ къ X—XIII вѣкамъ источникъ службы люблянскаго глаголическаго бревіара съ отрывкомъ паннонскаго житія Кирилла, о которомъ

(источникѣ) Берчичъ думалъ, что его можно отнести къ IX—X вѣкамъ. Пастернекъ находитъ (стр. 9), что „výkladem Jagičovým *potvrzují se v podstatě* nazory Berčićovy, *a dokazuje* se zároveň, že předloha (*zajisté hlaholska*) slovanske legendy o Konstantinovi, zkteré čerpány jsou charvátskohlaholské služby XIII—XIV st., je z nejstarších dob (*Skutečně* snad *z IX—X stol.*). *Этого Ягичъ не подтверждалъ и не доказалъ.*

Совершенно уже нехорошо, когда г. Пастернекъ, имѣя о какомъ либо вопросѣ свое собственное мнѣніе, принимаетъ и совершенно другое мнѣніе проф. Ягича. На стр. 119 г. Пастернекъ находитъ „небезосновательнымъ“ мнѣніе (Ягича!), что Меѳодій, при поѣздкѣ изъ Моравіи въ Константинополь, встрѣтился съ болг. княземъ Борисомъ; въ примѣч. 115 онъ признается однако, что это мнѣніе „na žádné spolehlivé zpravé není založeno“... Мы уже указывали на согласіе автора съ проф. Ягичемъ относительно причинъ недолговѣчности славянскаго богослуженія въ Чехіи; характерно однако,—что проф. Пастернекъ, упоминая (стр. 1) объ исчезновеніи славянскаго богослуженія среди славянъ западныхъ, прибавляетъ: „Kdož by se odvážil tvrditi, že jest to nezměnitelné“? Какъ же не отважиться, отвѣтимъ мы на вызовъ проф. Пастернека, если принять его и Ягича взглядъ на причины исчезновенія славянской службы въ Чехіи еще 1000 лѣтъ назадъ? Вѣдь, не стала же она теперь болѣе понятной для чеховъ.

Къ сожалѣнію, г. Пастернекъ не всегда имѣетъ передъ собой „авторитетъ“: въ такихъ случаяхъ онъ или просто повторяетъ чужія мнѣнія, иногда присоединяясь одновременно къ нѣсколькимъ даже противорѣчивымъ, или же, въ иныхъ случаяхъ, является самостоятельнымъ и оригинальнымъ.

Самымъ любопытнымъ примѣромъ перваго случая служитъ отношеніе автора къ папскимъ документамъ, касающимся церковнославянскаго богослуженія. Въ предисловіи (стр. IX) г. Пастернекъ рѣшительно заявляетъ: „я не сомнѣваюсь, что одобреніе, которое высказывали папы Адріанъ II въ 869 г. и Іоаннъ VIII въ 880 г., одинаково подлинно, какъ и воспрещеніе, которое высказалъ п. Іоаннъ VIII въ 879 г. и позднѣе п. Стефанъ V въ 885 году“. Авторъ, правда, остается вѣренъ убѣжденію въ подлинности грамотъ разрѣшающихъ—869 и 880 годовъ, притомъ однако съ оригинальнымъ признаніемъ касательно первой: „доводы (въ пользу ея подлинности) признаетъ лишь тотъ, кто принципіально допускаетъ папское одобреніе славянской литургіи“ (ergo, аппелляція къ вѣрѣ). Что до грамотъ воспрещающихъ, то проф. Пастернекъ на однѣхъ страницахъ вѣритъ въ ихъ

подлинность, на другихъ—нѣтъ. О грамотѣ 879 г., согласно словамъ своимъ въ предисловіи, авторъ на стр. 112 говоритъ: „podezření takové není snadno dokazati“; на стр. 117 читаемъ слова того же автора: „по моему мнѣнію, грамотой поддѣльной, на которую намекаетъ Іоаннъ VIII въ грамотѣ Меѳодію 881 года, можетъ быть та грамота 879 года“!... О грамотѣ 885 г., согласно со словами въ предисловіи, г. Пастернекъ на стр. 20 высказывается въ смыслѣ подлинности ея („nelze otřásti zákazy papežskými z r. 873 a 885“); на стр. 130—131 онъ уже находитъ, что предположеніе о поддѣлкѣ грамоты противниками Меѳодія напрашивается само собой („též V. Jagić vjslovuje se v ten smysl, že list (885 г.) přece snad jest padělkem“, стр. 18—19).

Обратимся къ тѣмъ чертамъ книги, въ которыхъ авторъ является самостоятельнымъ и оригинальнымъ.

Сюда относятся, во-первыхъ, мѣста, гдѣ авторъ нашъ безъ всякой критики повторяетъ то, что говоритъ источникъ. По мнѣнію проф. Пастернека, „нельзя забывать, что паннонскія житія—легенды двухъ святыхъ мужей и что поэтому не были писаны по правиламъ исторіографіи, а по законамъ греческо-византійской агіографіи“. Эта совершенно справедливая мысль, однако, вполнѣ забыта нашимъ авторомъ: онъ, точно „греко-византійскій агіографъ“, со святой вѣрой повѣствуетъ преподробнѣйшимъ образомъ о чудесахъ изъ молодости Кирилла (сонъ о невѣстѣ—„Софіи“, исторія съ „крагуйщемъ“; почему-то только умолчалъ объ исторіи съ кормилицей, кстати, вѣроятно, славянкой изъ окрестностей Солуня); съ полной вѣрой пересказываетъ всѣ детали путешествій къ арабамъ и хазарамъ—со всѣмъ, что тутъ есть чудеснаго, наставительнаго и „занимательнаго“; выписываетъ цѣликомъ всѣ тексты Писанія, которые приводились первоучителями въ диспутѣ съ „латынниками“ въ Венеціи (чувствуя какъ будто, что это—лишнее, прибавляетъ „není bez důležitosti—какой же?—povšimnouti“ все это, стр. 80); передаетъ безъ всякихъ замѣчаній именно чудесную исторію объ изобрѣтеніи славянской азбуки, не чувствуя, что *невѣроятнымъ* представляется разсказъ легендиста объ этомъ чудѣ, произведенномъ по желанію Михаила III... Вѣдь, не можетъ же авторъ въ оправданіе своего научнаго поведенія ссылаться на то, что, въ виду отсутствія другихъ источниковъ, нѣтъ исходнаго пункта для критики; вѣдь, едва-ли ему неизвѣстно существованіе, кромѣ „критики внѣшней“, еще и „критики внутренней“, исходящей изъ содержанія историческаго матеріала. Авторъ убѣжденъ въ *случайности* изобрѣтенія апостолами славянской азбуки и перевода евангелія и въ томъ, что, не явись морав-

ское посольство—Кириллъ и Меѳодій вовсе не существовали бы для славянства. Онъ задаетъ вопросъ (прим. на стр. 64): „Překlad pak sam (евангелія) nač by byli podnikali, kdyby nebylo bývalo určitého přání moravského“? Солунскіе братья, миссіонеры по призванію, знатоки славянскаго языка, ужели ужъ не могли помыслить о многочисленныхъ славянахъ Византійской имперіи, съ которыми они имѣли случай сталкиваться, какъ о людяхъ, для которыхъ нужно евангеліе на родномъ языкѣ? (см. объ этомъ соображенія В. И. Ламанскаго, „И. Отд. рус. яз.“, 1901, 4, стр. 315).

Въ данномъ случаѣ мы сталкиваемся съ кругомъ воззрѣній автора на личности первоучителей, на роль въ ихъ дѣлѣ Византіи и Рима, на отношенія ихъ къ той и другому, о которомъ рѣчь будетъ немного позднѣе, такъ какъ указанное убѣжденіе проистекаетъ у него уже изъ иного источника, чѣмъ излишнее некритическое довѣріе къ житіямъ. Некритичность автора, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что онъ малоопытенъ въ историческихъ работахъ. Это его неофитство замѣтно, напримѣръ, въ его манерѣ издательства историческихъ матеріаловъ. Объ изданіи имъ паннонскихъ житій было сказано въ другой связи. Что до изданія латинскихъ текстовъ, то г. Пастернекъ не выполнилъ одного необходимаго дѣла—справки съ рукописями-оригиналами или апографами. Сдѣлать это было очень легко: вѣдь, въ Прагѣ же проф. Фридрихъ готовитъ къ изданію чешскій Дипломатарій, матеріаломъ для котораго могъ бы воспользоваться и г. Пастернекъ. Благодаря любезности проф. Фридриха, мы могли воспользоваться этимъ матеріаломъ для рѣшенія вопроса о томъ, можно ли довѣрять изданію проф. Пастернека. На одномъ только примѣрѣ мы и то можемъ видѣть, что довѣрять нельзя: примѣръ этотъ—Epistola арх. Теотмара 900 года (Пастернекъ, 274—278).

Кромѣ многочисленныхъ мелкихъ неправильностей, въ изданіи проф. Пастернека, на стр. 275, на строкѣ 3, послѣ слова „egisse“, недостаетъ слѣдующихъ словъ: „vos eosdem prefatos episcopos ad se direxisse et in eodem Pataviensi episcopatu talia egisse“... „Epistola Theotmari“ взята нами для провѣрки совершенно случайно....

Недостаточному знанію въ исторіи даже славянства слѣдуетъ приписать такія грубыя ошибки г. Пастернека, какъ, напримѣръ, зачисленіе Ѳомы Сплетскаго въ число поборниковъ славянскаго дѣла („zastanec věci slovanske“, стр. 144—145): это утвержденіе такъ же вѣрно, какъ утвержденіе о томъ, что... проф. Бахманъ—„zastanec věci českých“.

Та же неопытность въ историческомъ изслѣдованіи и исторіографіи,

неподготовленность къ тому видны на протяженіи всей второй части („jadro celé knihy") книги проф. Пастернека—въ своеобразномъ взаимоотношеніи основного текста и примѣчаній. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что, при печатаніи примѣчаній шрифтомъ основного текста, эти примѣчанія оказались бы больше текста. Съ внѣшней точки зрѣнія и съ точки зрѣнія удобствъ для читателя книга проф. Пастернека то же самое, что для жильца домъ, въ которомъ жилое помѣщеніе не больше кладовой. Произошло это оттого, что хозяинъ дома строилъ его для такого хозяйства, въ которомъ много всякаго рода ненужныхъ вещей, требующихъ большого мѣста для размѣщенія. При исторической работѣ изслѣдователь накопляетъ множество мелкихъ замѣтокъ, выписокъ изъ литературы предмета—для памяти, сопоставленій, выводовъ; когда работа окончена, и ея результаты ложатся на бумагу для печати,—то масса этихъ слѣдовъ предварительной работы отпадаетъ, какъ излишній балластъ; въ лучшемъ случаѣ—они остаются въ портфелѣ автора какъ воспоминаніе о путяхъ, которыми онъ пришелъ къ своимъ результатамъ. И чѣмъ больше результатовъ, чѣмъ они яснѣе и опредѣленнѣе, тѣмъ меньше въ книгѣ видна черновая предварительная работа; наоборотъ, чѣмъ результатовъ меньше, чѣмъ менѣе они ясны, тѣмъ болѣе походитъ книга на печатное изданіе черновыхъ тетрадей, тѣмъ болѣе въ ней такъ называемыхъ подстрочныхъ примѣчаній (конечно, это не относится къ такъ называемымъ „спеціальнымъ" работамъ). Въ книгѣ проф. Пастернека, какъ мы уже выше указали, половина занята примѣчаніями; для характеристики укажемъ нѣкоторыя: 10-е—около 2 страницъ выписокъ изъ „Исторіи виз. литературы" Крумбахера—о патр. Фотіи; 11-е—объ artes liberales въ ср. вѣка со ссылкой на „Děje vys. škol pražskych" Винтра; 12-е—о Григоріи Назіанзинѣ и 13-е—о Діонисіи Ареопагитѣ (оба вмѣстѣ около страницы); 17-е—объ иконоборчествѣ вообще (между прочимъ: главные защитники иконопочитанія... монахи-*иконописцы*...); 28-е—исторія Хазаръ (въ томъ числѣ и исторія праздника Воздвиженія) и т. п. Приписывая предисловіе къ своей готовой уже книгѣ, авторъ, видимо, и самъ ужъ почувствовалъ, что дѣло неладно, и замѣтилъ: „Četne vysvětlivky, *ktere se do souvislého vypravování... dobrě nehodily*, odkázány byly do poznamek, *druhdy dosti obšírnych*" (стр. X).

Намъ остается для разсмотрѣнія еще одинъ рядъ случаевъ, гдѣ проф. Пастернекъ могъ обнаружить свою способность къ „самостоятельной" научной работѣ. Мы разумѣемъ его взгляды и сужденія, изъ области, такъ сказать, философіи кирилло-меѳодіевской исторіи,

т.-е. взгляды на дѣло солунскихъ братьевъ, его смыслъ, на личности самихъ первоучителей, на отношеніе къ ихъ дѣлу Византіи и Рима. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нельзя было ограничиться пересказомъ источниковъ. Г. Пастернекъ, безъ всякихъ ссылокъ на другихъ, высказываетъ нижеслѣдующія соображенія:

„Руководящая мысль дѣятельности обоихъ апостоловъ", такъ называемая „кирилло-меѳодіевская идея", этотъ „завѣтъ ихъ потомству", сводится къ тремъ пунктамъ: 1) освобожденію отъ церковной баварско-нѣмецкой зависимости, 2) литургическому славянскому языку и 3) церковному единенію съ Римомъ, или точнѣе, признанію папы главой церкви (апостолы „uznavali... římského papeže za společnou hlavu církevní", стр. XI).

Что касается введенія славянскаго литургическаго языка (а „v jazykové stránce celého podniku idea nejrázněji se projevila", X!), то „братья въ Цареградѣ о томъ еще не думали" (стр. 64, прим.), ибо „этотъ самый важный шагъ (мысли) былъ сдѣланъ (trvam!), *teprve na Moravě*" (ibid.). Въ Византіи они не могли и прійти къ этой мысли, ибо греческая церковь была ей враждебна (стр. 84, со ссылкой на Мниха Храбра). „И въ этомъ случаѣ братья, знавшіе отношенія лучше, чѣмъ кто-либо, не могли предаваться ложнымъ надеждамъ" (ibid.). „Въ Римѣ ситуація была болѣе надежной" (ibid.); „несомнѣнно, братья и оба славянскіе князя имѣли это въ виду" (85). „Если апостолы наши шли въ Римъ и здѣсь домогались посвященія своихъ учениковъ и подтвержденія новой литургической рѣчи, какъ и особеннаго іерархическаго устройства, то не можетъ быть сомнѣнія, что перестали надѣяться на помощь изъ Цареграда. И въ *этомъ случаѣ они поступали, конечно, правильно*" (86). Даже болѣе: „Идя въ Римъ, апостолы хорошо сознавали, что этимъ поступкомъ они, можетъ быть, навсегда прекращаютъ сообщеніе съ Византіей, если только вообще помышляли о немъ" (85). По мнѣнію проф. Пастернека „духъ и тенденція обѣихъ славянскихъ легендъ...., можно сказать, настолько папистскій и римскій, что по праву мы можемъ видѣть въ томъ традицію обоихъ апостоловъ и ихъ непосредственныхъ учениковъ" (94). Руководясь мыслью о томъ, что кирилло-меѳодіевская идея зародилась у подножія престола св. Петра, г. Пастернекъ, какъ мы уже видѣли, старается обѣлить римскую церковь тамъ, гдѣ поведеніе ея по отношенію къ дѣлу первоучителей было совсѣмъ не материнское: мы разумѣемъ запрещеніе славянской литургіи въ грамотахъ 879 и 885 годовъ, которыя г. Пастернеку *хочется* считать подложными. На

тѣхъ страницахъ книги, гдѣ Пастернекъ вынужденъ признать эти грамоты подлинными, гдѣ ему приходится убѣждаться въ томъ, что какъ папы осуждали дѣла Меѳодія, такъ самъ Меѳодій не считался съ этимъ осужденіемъ (стр. 112 и 130—131), что, слѣдовательно, не было единаго духа у первоучителей и римскихъ папъ,—тамъ г. Пастернекъ въ большомъ замѣшательствѣ. Чтобы спасти кирилло-меѳодіевскій духъ папства, г. Пастернекъ прибѣгаетъ къ самому сомнительному средству: какъ стремленіе доказать, что кирилло-меѳодіевская идея зародилась не въ Цареградѣ, заставило автора бросить тѣнь на талантливость первоучителей, утверждать отсутствіе у нихъ основныхъ руководящихъ идей передъ отъѣздомъ изъ Цареграда; такъ стремленіе освободить папъ отъ упрековъ въ неискренности и двуличіи ихъ отношеній къ Меѳодію не остановило автора отъ бросанія подозрѣній на счетъ характера Меѳодія: характеризуя Кирилла, онъ говоритъ: „*Кириллъ отличался такой скромностью, чистотой и святостью своей жизни, что позднѣйшія тяжести, которыя было суждено вынести Меѳодію, можетъ быть, не пришлось бы испытать Кириллу*“ (92 стр.); „Константинъ“, вѣдь, „не имѣетъ враговъ, а возбуждаетъ всеобщее почтеніе; его имя становится сразу святымъ и переходитъ въ исторію безъ упрековъ и порицанія, въ то время какъ Меѳодій... сразу дѣлается поводомъ споровъ, продолжающихся до днесь“ (126 стр.).

Недовольство г. Пастернека нѣкоторыми чертами дѣятельности Меѳодія приводитъ его къ сужденіямъ, совершенно унижающимъ Меѳодія: онъ утверждаетъ, что „Меѳодій устоялъ въ начатомъ дѣлѣ *больше всего* изъ любви къ своему брату, какъ вѣрный исполнитель его завѣта“ (стр. 92).

Что сказать о всѣхъ этихъ воззрѣніяхъ проф. Пастернека? Они прежде всего противорѣчатъ исторической правдѣ.

Что касается духа Востока и Запада въ вопросѣ о національныхъ языкахъ въ церкви, то, прежде всего, въ виду любви г. Пастернека къ „авторитетамъ“ позволимъ себѣ сослаться на мнѣніе одного изъ лучшихъ знатоковъ Византіи, проф. К. Иречка: „Der Orient besass seit Altersher gottesdienstliche Bücher in allen hervorragenden Nationalsprachen... Man betrachtete dies im ganzen Osten, als selbsbverständliches. Im Occident dominirte dagegen in der Kirche von Anfang an die lateinische Sprache allein; daneben keine altirische, angelsächsische, althochdeutsche oder altnordische Liturgie“ („Die Romanen“, 49). Указанная черта въ культурѣ Византіи объясняется, съ одной стороны, тѣмъ

духомъ эллинизма, который еще со временъ Александра Великаго высказывался въ интересѣ къ жизни тѣхъ, кого античные греки называли οἱ βάρβαροι, въ уваженіи къ ихъ жизни, въ стремленіи взять отъ нихъ, что можно; евангельское ученіе давало потомъ этому явленію религіозную подкладку. Эта идеальная черта счастливымъ образомъ дополнялась какъ для людей эллинизма, такъ и для грековъ Византіи практической нуждой: немногочисленность грековъ не позволяла имъ думать о насильственномъ господствѣ, напротивъ, заставляла опасаться за свое собственное существованіе. Отсюда въ Византіи возникаетъ политика обращенія враждебныхъ варваровъ въ православіе, помощь имъ въ образованіи національныхъ государствъ и церквей, подъ условіемъ признанія извѣстныхъ обязательствъ по отношенію къ византійскому василевсу и патріарху. Такъ бывало, по крайней мѣрѣ, въ лучшія времена и у лучшихъ, талантливѣйшихъ людей Византіи. Во второй половинѣ IX вѣка политика эта проводилась императоромъ Василіемъ Македоняниномъ (и при Михаилѣ III онъ вершилъ всѣ дѣла) и патр. Фотіемъ; ихъ единомышленниками и помощниками были и солунскіе братья (вмѣстѣ съ „инѣми поспѣшьники“, Жит. Кир., гл. XIX, съ „инѣми, иже бѣахѫ того же доуха“, Ж. М., гл. V). Объ этой политикѣ даетъ указаніе самъ имп. Михаилъ: *„дѣдъ мои и отьць и ини мънози, искавъше того“* (т.-е. славянской азбуки, проповѣди христіанской среди славянъ, Ж. К., гл. XIV); ср. „Das Werk der Missionäre ist vom byzantinischen Hofe von Anfang an begünstigt worden“, „Die Romanen“, 49. Гордый своей культурой грекъ — византіецъ („а отъ насъ сѫтъ вьсꙗ хѫдожьствꙗ ишьла“, Ж. К., гл. VI), Кириллъ остался таковымъ до смерти, называя себя на смертномъ уже одрѣ: „цѣсарю слоуга“ (Ж. К., гл. XVIII). Таковъ былъ и Мееодій: потому позвалъ его, не задолго до смерти, въ Константинополь имп. Василій и одобрилъ всю его дѣятельность, вмѣстѣ съ патр. Фотіемъ (Ж. М., гл. XIII), даже удержалъ изъ его учениковъ священника и діакона, вмѣстѣ съ книгами (послѣднее, вѣроятно, въ связи съ проповѣдью христіанства и распространеніемъ политическаго вліянія Византіи, ср. „Die Romanen“, 47—49); потому „прѣложи“ онъ св. Писаніе отъ *гръчьска ѩзыка* въ словѣньскъ (Ж. М., гл. XV); потому кончилъ онъ свою жизнь молитвой за „цѣсарꙗ“...

Характеризуя славянскихъ апостоловъ какъ византійцевъ, притомъ лучшихъ византійцевъ IX вѣка, мы, конечно, далеки отъ мысли видѣть въ нихъ представителей враждебнаго Риму теченія и дѣлать

ихъ имена символами и лозунгами современной борьбы православія и католицизма.

Но, поступая такъ, мы должны также выразить полное сожалѣніе о попыткахъ произвести такую работу съ дѣломъ первоучителей въ обратномъ направленіи. Оторвать солунскихъ братьевъ отъ Византіи это значитъ не понимать психологіи и исторіи, игнорировать показанія источниковъ. Дѣлать изъ нихъ духовныхъ сыновъ Рима, поборниковъ идеи главенства папы—это значитъ вымышлять то, о чемъ нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній въ источникахъ. Всѣ отношенія св. братьевъ къ Риму коренятся въ слѣдующихъ простыхъ условіяхъ: въ большей пространственной близости территоріи ихъ дѣятельности къ Риму, чѣмъ къ Цареграду; въ церковно-правовой принадлежности этой территоріи къ римскому патріархату; въ возможности найти защиту отъ франкскаго духовенства только у главы послѣдняго—римскаго папы; наконецъ, въ возможности сочетать эти отношенія съ своими византійскими убѣжденіями.

Интересно то, что во время официальнаго разрыва Византіи съ Римомъ мы ничего не слышимъ объ отношеніяхъ братьевъ къ Риму; только послѣ низложенія Фотія они появляются въ Римѣ. Мы не имѣемъ *положительнаго* свѣдѣнія о томъ, что братья изъ Моравіи отправились уже съ намѣреніемъ быть въ Римѣ; можетъ быть, они ѣхали только въ Венецію или черезъ Венецію въ Цареградъ; *приглашеніе* папы Николая (въ связи съ низложеніемъ Фотія) привело братьевъ въ Римъ, гдѣ они надѣялись получить то, что имъ было нужно, за такой дорогой подарокъ, какъ мощи Климента. Политика: „do, ut des", несомнѣнно, была въ отношеніяхъ и первоучителей къ Риму; они отлично понимали (Меѳодій), что папы для соблюденія своихъ интересовъ готовы дать, что желали первоучители; они брали, что давали имъ папы, ибо это не сопровождалось для первоучителей сдѣлками съ совѣстью, совершалось для святого дѣла и было неизбѣжно. Однако, послѣднее обстоятельство, невозможность получить желаемое (славянскую службу и церковную автономію, противъ нападокъ изъ сосѣдней Германіи, при политической слабости Моравіи и умственной и нравственной—ея главъ) ни откуда, какъ только изъ Рима, въ связи съ яркими свидѣтельствами о ненадежности этой получки изъ Рима, несомнѣнно, было истиннымъ крестомъ всей жизни Меѳодія; и не былъ же онъ столько наивенъ, чтобы не чувствовать на смертномъ одрѣ всю ненадежность своего дѣла, зависящаго только отъ того, выгодно или не выгодно будетъ оно римскому престолу!...

Больше, чѣмъ сомнительно, чтобы не потускнѣлъ (если бы даже былъ) въ душѣ Меѳодія третій пунктъ его „идеи“, какъ понимаетъ послѣднюю г. Пастернекъ...

Воззрѣнія послѣдняго противорѣчатъ не только исторической правдѣ, но и гуманности: они вносятъ только раздоръ и раздѣленіе въ современную славянскую жизнь. Если „кирилло-меѳодіевская идея“ такова, какъ ее представляетъ г. Пастернекъ, то всѣ православные славяне только въ одномъ пунктѣ признаютъ эту идею, ибо освобожденіе отъ нѣмецкаго подчиненія не можетъ имѣть къ нимъ приложенія, а признаніе главенства папы ими отвергается; католическіе же западные славяне, въ жизни которыхъ нашли примѣненіе именно эти два пункта, не осуществляютъ третьяго, то есть славянскаго богослуженія.

Слѣдовательно, православное и католическое славянство различно понимаютъ дѣло Меѳодія и Кирилла; и совсѣмъ непослѣдователенъ г. Пастернекъ, когда говоритъ, что св. братья до сихъ поръ соединяютъ всѣ славянскіе народы (стр. 1).

Г. Пастернекъ былъ бы послѣдовательнѣе, если бы сказалъ, что данное имъ пониманіе личностей первоучителей и ихъ дѣла не можетъ служить къ единенію славянства. Этому помѣшало то, что онъ славянинъ. Но что помѣшало ему сказать правду объ исторіи Кирилла и Меѳодія, ту правду, которую мы попытались кратко указать, которая уполномочивала бы г. Пастернека говорить о первоучителяхъ, какъ о представителяхъ былого культурнаго единства славянъ и путеводныхъ звѣздахъ для возстановленія этого единства, къ которой, наконецъ, близокъ и самъ г. Пастернекъ, когда говоритъ въ своей книгѣ о томъ, что дѣло первоучителей погибло на западѣ, у славянъ католическихъ, и расцвѣло на востокѣ и югѣ, у славянъ православныхъ (стр. 1 и 150)?...

Заканчивая разборъ книги проф. Пастернека, мы можемъ только сожалѣть, что она служитъ подтвержденіемъ одной отмѣченной профессоромъ Ягичемъ печальной черты въ современной славистикѣ—той „nichtabzuläugnenden Disciplinlosigkeit“, которая „bezüglich vieler wichtiger Fragen des altkirchenslavischen Alterthums in der Slavistik noch immer herrscht“. („Archiv f. sl. Philol., XXIV B., 1902, 263 s.).

И. Я.—С. К.

Книжныя новости.

Н. Божеряновъ. Невскій проспектъ 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка—XVIII и XIX.—Юбилейное изданіе *А. И. Вильборга.*

Вышедшіе пока два выпуска этого изданія заслуживаютъ полнаго вниманія. Текстъ не представляетъ, строго говоря, полной исторіи, даже полнаго очерка жизни Петербурга; онъ является, главнымъ образомъ, собраніемъ извѣстій или даже анекдотовъ изъ жизни столицы, преимущественно двора и знати; но все же и въ немъ найдется не мало деталей любопытныхъ, цѣнныхъ для бытовой исторіи и обыкновенно ускользающихъ отъ вниманія изслѣдователей; и всякій серьезный и добросовѣстный изслѣдователь будетъ искренно признателенъ г. Божерянову за многія указанія, какія находятся въ его книгѣ и добыть которыя можно было только при затратѣ большого труда. Замѣтимъ еще, что слабѣе является текстъ въ тѣхъ частяхъ, которыя относятся ко времени возникновенія и къ первымъ годамъ Петербурга, а чѣмъ дальше тѣмъ изложеніе интереснѣе и лучше; если такъ пойдетъ и далѣе—книга будетъ производить впечатлѣніе вполнѣ благопріятное. Что касается художественной стороны изданія, то она прямо замѣчательна. Мы рѣшительно не можемъ назвать другого русскаго изданія, которое бы при такой сравнительно не большой цѣнѣ (15 р. за 5 выпусковъ, около 400 стр. in 4°) давало такъ много и такъ безупречно исполненныхъ художественныхъ приложеній. Въ вышедшихъ пока двухъ выпускахъ даны три превосходныя геліогравюры Петръ I, съ портрета Купецкаго, Екатерина II, съ портрета Эриксана, и императоръ Николай II. Затѣмъ все изданіе можно сказать усыпано иллюстраціями; число ихъ въ первыхъ двухъ выпускахъ—до 320; мы встрѣчаемъ тутъ портреты едва-ли не всѣхъ дѣятелей XVIII вѣка, имѣвшихъ какое-нибудь отношеніе къ Петербургу; иногда одна рѣдкость или художественное достоинство оригинала служили поводомъ къ его воспроизведенію—и это очень хорошо со стороны издателя; воспроизведено, далѣе, и нѣсколько разъ въ краскахъ, множество видовъ Петербурга и отдѣльныхъ его зданій, затѣмъ отдѣльные замѣчательные предметы, связанные съ исторіею Петра I или Екатерины, уличные сцены и типы, монеты и медали; наконецъ, приложены снимки съ рѣдкихъ или замѣчательныхъ изданій того времени и факсимиле разныхъ манифестовъ, печатныхъ сенатскихъ указовъ и объявленій; эти факсимиле—числомъ до 10—отпечатаны даже на бумагѣ, весьма близкой по виду къ старинной, и издатель отлично сдѣлалъ, что помѣстилъ внизу указанія, изъ какой коллекціи заимствованъ оригиналъ для снимка—иначе мы не удивились бы, если бы у какого-нибудь торговца древностями какой-нибудь иной изъ этихъ листовъ сталъ фигурировать въ качествѣ подлиннаго. Давно уже чувствовалась необходимость въ доступномъ изданіи, въ которомъ бы находились портреты русскихъ дѣятелей и другія иллюстраціи. Этой потребности настоящее изданіе удовлетворяетъ превосходно. Быть можетъ, необходимостью для такого изданія,—для покрытія очень значительныхъ расходовъ по нему—являются тѣ, несовсѣмъ симпатичныя намъ приложенія, которыми изданіе сопровождается—это масса объявленій при каждомъ

выпускѣ; менѣе несимпатична, хотя тоже смахиваетъ на рекламу, „Панорама Невскаго проспекта"—снимки со всѣхъ домовъ этой улицы, подрядъ одинъ за другимъ. Но, во всякомъ случаѣ, оба эти приложенія печатаются какъ нѣчто совершенно постороннее, они едва пришброшурованы къ тексту и вполнѣ могутъ быть отдѣлены отъ книги.

Сочиненія Василія Васильевича Селиванова. Т. I и II. Владиміръ на Клязмѣ, 1901 г. Стр. 369+345+XVI+10. Изданы подъ ред. *А. В. Селиванова.*

В. В. Селивановъ (род. въ 1813 г., ум. 1875 г.) началъ службу въ драгунскомъ казанскомъ полку унтеръ-офицеромъ, семнадцати лѣтъ отъ роду; съ 1844 по 1857 г. проживалъ въ своемъ имѣніи Любавѣ Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи и здѣсь среди многочисленныхъ хозяйственныхъ занятій по имѣнію успѣлъ написать бóльшую часть своихъ литературныхъ произведеній. Съ открытіемъ земствъ принялъ горячее участіе въ зарайскомъ уѣздномъ земствѣ и рязанскомъ губернскомъ и пріобрѣлъ извѣстность покровителя и защитника крестьянъ.

Въ первый томъ его произведеній вошли: 1) „Преданія и воспоминанія", ярко и правдиво рисующія помѣщичій бытъ конца XVIII и первой половины XIX вѣковъ (впервые были напечатаны въ „Исторической Библіотекѣ"); 2) „Т. Н. Грановскій", съ которымъ В. В. Селивановъ учился вмѣстѣ въ пансіонѣ для благородныхъ дѣтей доктора Кистера (первоначально напечатана въ „*Русской Старинѣ*", за 1878 г., т. XX); 3) „Изъ давнихъ воспоминаній" (впервые въ „*Русскомъ Архивѣ*", за 1869 г.), и 4) „Записки офицера въ Вознесенскомъ походѣ 1837 года", имѣющія автобіографическое значеніе (изъ „*Рязанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*", за 1892 г.).

Лучшую и бóльшую часть *втораго* тома составляетъ—„Годъ русскаго земледѣльца" (изъ „*Русской Бесѣды*", издав. *Кошелевымъ*), горячо привѣтствованный въ свое время критикою и даже вошедшій въ отрывкахъ въ учебные сборники и хрестоматіи. Далѣе тамъ находимъ—„День помѣщика" (изъ „*Русской Бесѣды*", за 1858 г.), „Мірской сходъ" (первоначально въ „*Журналѣ Земледѣльцевъ*", за 1858 г., № 17), „Дворянскіе выборы" (печатается здѣсь впервые) и „Новый Бѣсъ" (также впервые появляется въ печати). Всѣ эти очерки написаны весьма живо и съ большимъ знаніемъ дѣла. За ними слѣдуютъ „Разныя мелкія сочиненія", въ которыя вошли: 1) три письменныхъ заявленія В. В. Селиванова въ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, непопавшія въ печатный „Журналъ" собранія,—а) „Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній", со всѣми вызванными имъ преніями, б) „Объ ограниченіи правъ мировыхъ посредниковъ" и в) „О предоставленіи крестьянамъ права избирать гласныхъ въ земскія собранія исключительно только изъ своей среды"; 2) статья—„О значеніи лѣсовъ въ Россіи и ихъ истребленіи" (изъ „*Морского Сборника*", 1857 г., т. XXX); 3) „Деревенскіе сады" (изъ „*Журнала Сельскаго Хозяйства*", 1856 г.); 4) „Императоръ Николай I и К. И. Бистромъ"; 5) „Монахъ Паисій" и 6) „Юродивый Данила Ивановъ".

Въ приложеніи къ этому тому помѣщены: „Родословная рода Селивановыхъ" и указатель личныхъ именъ къ первому тому.

Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Книга IV. Съ приложеніемъ 1-го автографа и 11-ти портретовъ. Губ. гор. Владиміръ. 1902. Стр. II+86+106+28+38+99+39.

Первый отдѣлъ четвертой только что вышедшей въ свѣтъ книги „Трудовъ“ вышеназванной комиссіи открывается статьею свящ. М. А. Сперанскаго—„Древнія гробницы Георгіевской церкви въ губ. гор. Владимірѣ“, въ которой авторъ говоритъ о гробницахъ матери и брата св. Александра Невскаго—великой княгини Өеодосіи, въ иночествѣ Евфросиніи, и князя Өеодора. Въ рѣшеніи вопроса, гдѣ, въ дѣйствительности, были погребены княгиня Өеодосія и князь Өеодоръ, наши историки раздѣлились на два лагеря. Одни признавали мѣстомъ погребенія ихъ Новгородскій Юрьевскій монастырь, а другіе Георгіевскую церковь во Владимірѣ. Въ 1900 году членами Владимірской ученой архивной комиссіи было предпринято „обслѣдованіе“ гробницъ Георгіевской церкви, и это „обслѣдованіе“ обнаружило то, что одна гробница оказалась наполненной лишь однимъ мусоромъ и пескомъ, а въ другой нашлись кости скелетовъ женскаго и младенца, но положеніе ихъ было иное, чѣмъ описывается въ лѣтописи. На основаніи этого, а также тщательной провѣрки и сопоставленія всѣхъ лѣтописныхъ и другихъ свидѣтельствъ, свящ. М. А. Сперанскій пришелъ къ окончательному и совершенно правильному убѣжденію, что княгиня Өеодосія и князь Өеодоръ, дѣйствительно, погребены въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ и что происхожденіе надписей на гробницахъ будто бы погребенныхъ въ нихъ князя и княгини слѣдуетъ приписать исключительно желанію владимірцевъ опредѣлить такъ или иначе, чьи гробницы въ Георгіевской церкви.

Во второй статьѣ этого же отдѣла—„Надгробная надпись на могилѣ А. Ягужинской“—авторъ ея, А. И. С—въ, даетъ довольно подробный очеркъ, обоснованный по преимуществу архивными данными Переславскаго Өедоровскаго женскаго монастыря, о бракоразводномъ дѣлѣ извѣстнаго Петровскаго дѣятеля, П. И. Ягужинскаго, съ супругою Анною Өедоровною, урожденною Хвостовой, и объ ея житьѣ въ названной обители.

Далѣе небезынтересными являются и статьи: Н. Чебышева—„А. И. Герценъ во Владимірѣ“ (1838—1840) и А. В. Смирнова—„Изъ общественной жизни города Владиміра“. Въ послѣдней разсказывается о томъ переполохѣ и смущеніи граждапъ гор. Владиміра, которые они пережили въ 1827 г., по поводу подброшенныхъ въ Гражданской палатѣ двухъ конвертовъ съ стихотворными „буйными пасквилями“, воспѣвающими свободу. Усердіе не по разуму чиновныхъ разслѣдователей автора ихъ было прекращено лишь Высочайшею властью.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ: „Матеріалы“—находимъ, во-первыхъ, продолженіе составляемой А. В. Селивановымъ „Описи дѣлъ архива владимірскаго губернскаго правленія. Дѣла канцеляріи Владимірскаго губернатора“ (за 1797—1799 гг.), гдѣ подробно описываются сущность и ходъ дѣлъ, изъ которыхъ наиболѣе интересными, по нашему мнѣнію, являются дѣла: „Объ учиненіи единообразнаго положенія, какимъ образомъ вообще претерпѣвающихъ злоключенія отъ поджоговъ и другихъ общественныхъ несчастій въ обезпеченіе каждаго въ своемъ имуществѣ возможно было бы получить пособіе“ (приво-

дится цѣлый рядъ рапортовъ городскихъ магистратовъ и ратушъ), и „О неповиновеніи крестьянъ села Мугрѣева съ деревнями Гороховской округи, Владимірской губерніи своему помѣщику подполковнику Ивану Аѳанасьевичу Гончарову", родному дѣду жены А. С. Пушкина.

Во-вторыхъ—„Разборъ и описаніе дѣлъ Переславскаго духовнаго правленія" (составилъ М. В. Загорскій), которыя по своему содержанію весьма разнообразны и касаются исторіи епархіи, Переславскаго духовнаго училища, построенія церквей, часовенъ и крестовъ, раскольническихъ сектъ, духовенства и проч. Затѣмъ—„Свѣдѣнія объ архивѣ бывшаго Муромскаго духовнаго правленія", сообщенныя Н. П. Травчетовымъ; замѣтку М. С. Померанцева—„Объ учрежденіи во Владимірскомъ намѣстничествѣ ярмарокъ и базарныхъ дней"; „Опись учиненную вдовы подполковницы Парасковьи Семеновой дочери Хоненевой движимому имѣнію состоящему вселце Полхове, 1780 годъ, генваря 14-го дня" (сообщилъ и снабдилъ объяснительными примѣчаніями И. Г. Левкоевъ; по этой описи можно составить нѣкоторое представленіе о характерѣ жизни средней руки помѣщика конца XVIII вѣка и объ его домашнемъ бытѣ); „Письмо Аркадія, архіепископа Олонецкаго и Петрозаводскаго, къ причту погоста Дмитріевскаго, въ Покровскомъ уѣздѣ" (имѣетъ болѣе автобіографическое значеніе), и „Отдѣленіе архива старыхъ дѣлъ Владимірской духовной консисторіи" (сост. свящ. П. В. Ильинскій).

Въ концѣ разсматриваемой нами книги помѣщены „Приложенія", заключающія въ себѣ „Отчетъ" о дѣятельности коммиссіи за 1991 г., „Историческое обозрѣніе города Мурома", составленное А. А. Титовымъ († 1848 г.) и исправленное и дополненное г. Добрынкинымъ, и „Портретную галлерею уроженцевъ и дѣятелей Владимірской губерніи", въ которую вошли очень краткія біографическія данныя о іеромонахѣ Іоасафѣ, М. И. Алякринскомъ, Н. М. Меморскомъ, И. А. Голышевѣ, М. И. Херасковѣ, К. А. Веселовскомъ, А. И. Сервицкомъ, Н. С. Страмиловѣ, Я. В. Смирновѣ и И. В. Романовскомъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

„Начатки естествознанія". Составилъ *Н. Оловянишниковъ.* Изданіе *К. И. Тихомирова.* Москва. Ц. 1 р. 25 к. въ папкѣ. IV+343 стр.

Въ разсматриваемой книгѣ отдѣлъ II (стр. 93—142) посвященъ ученію „О землѣ"; здѣсь разсматриваются: „измѣненія земной поверхности, строеніе земной коры, минералы, металлы". Отдѣлъ этотъ составленъ очень порядочно и въ рукахъ дѣльнаго преподавателя можетъ быть очень полезенъ. Неточности, которыя встрѣчаются въ изложеніи, могутъ быть легко исправлены, а ошибокъ сколько нибудь существенныхъ мы не нашли.

На стр. 96 дано произвольное и странное объясненіе причины рѣдкаго теперь образованія новыхъ вулкановъ.

На стр. 109 авторъ напрасно называетъ горную породу гранитъ „сложнымъ минераломъ", такой терминъ совершенно неупотребителенъ, неудобенъ и совершенно непонятно, почему авторъ его придумалъ, тѣмъ болѣе, что дальше (стр. 113) онъ говоритъ, что „гранитъ есть сложная *кристаллическая* горная порода", слѣдовательно; въ концѣ концовъ, безъ этого термина „горная порода" онъ не можетъ обойтись. Путаница въ терминологіи, очевидно сознательная, приводитъ къ такому выраженію: „къ известнякамъ относится нѣсколько минераловъ; всѣ они представляютъ осадочныя породы"—выраженіе это очень неудобное, потому что, если напримѣръ, поваренная соль, представляющая минералъ *галитъ,* часто встрѣчается какъ горная порода, то известнякъ, какъ минералъ, не существуетъ, потому что, напримѣръ, углекислый кальцій, какъ минералъ, встрѣчается въ видѣ кальцита и арагонита, и эти минералы нельзя ото-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

жествлять съ известняками—такая путаница понятій крайне неудобна вообще и, тѣмъ болѣе, нежелательна въ элементарномъ руководствѣ.

Стр. 114. Слюда не всегда обладаетъ блескомъ перламутровымъ, нормальный блескъ ея стеклянный. Въ шкалѣ твердости минераловъ полезно было бы сравнить твердость, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ съ предметами, взятыми изъ обыденной жизни, напримѣръ: талькъ легко царапается ногтемъ, известковый шпатъ царапается стекломъ и т. п.

Стр. 116. Выраженіе „кремень есть кварцъ аморфный" совершенно неправильно.

Стр. 122. Блескъ поваренной соли не характеризуется какъ жирный блескъ.

Стр. 124. Твердость графита не 1—2, но менѣе твердости талька.

Стр. 136. Въ доменную печь нельзя насыпать руду, „разбитую на мелкіе кусочки".

Стр. 137. Для полученія желѣза изъ чугуна (очевидно, по способу Бессемера) воздухъ пропускаютъ не „надъ жидкою массою" чугуна, а чрезъ жидкую массу его.

Стр. 139. Цинкъ добывается у насъ главнымъ образомъ въ Польшѣ.

Стр. 140. Ртутная руда правильно разработывается у насъ въ Екатеринославской губерніи, на Уралѣ и въ Сибири киноварь встрѣчается случайно.

Стр. 141. Много золота добывается въ Ю. Африкѣ и въ Клондайкѣ (Сѣв. Америка).

Стр. 142. Въ платиновыхъ тигляхъ нельзя плавить „золото, серебро, олово и проч. металлы".

Въ другихъ отдѣлахъ нами замѣчены слѣдующія неточности: на стр. 89 сказано, что „углеродъ въ 12 разъ тяжеле водорода, взятаго въ одинаковомъ съ нимъ количествѣ по объему", а на стр. 31: „когда мы сжигаемъ вещество, содержащее углеродъ, то послѣдній получается въ видѣ сажи и угля", затѣмъ, на стр. 125: „алмазъ есть совершенно чистый углеродъ" и т. д.—слѣдовательно, сажа и алмазъ въ 12 разъ тяжеле водорода, взятаго въ одинаковомъ съ ними объемѣ?

Ботаническая часть учебника занимаетъ 74 страницы изъ 343. Большая часть посвящена описанію отдѣльныхъ растеній, начиная съ цвѣтковыхъ и кончая споровыми. Въ концѣ находится очень краткое описаніе внутренняго строенія растеній, ихъ питанія и размноженія. Къ достоинствамъ книги относится довольно значительное количество

рисунковъ. Изложеніе въ общемъ удовлетворительное, хотя могло бы быть болѣе рельефнымъ. Встрѣчаются неточности и промахи.

На 143 стр. „Палочки тычинокъ", вмѣсто нити тычинокъ.

На 168 стр. „Соцвѣтіе ржи—колосъ". Слѣдовало бы сказать—сложный колосъ.

На 170 стр. „Тычинковые стебли конопли выдергивая, машутъ ими по воздуху, чтобы пыль разнеслась по полю и попала на рыльца пестичныхъ цвѣтовъ". Откуда такія свѣдѣнія у крестьянъ и автора?

На 174 стр. „Зерновка съ мясистымъ околоплодникомъ". Невѣрный терминъ.

На 175 стр. „Цвѣты винограда собраны кистью". Кисть у красной смородины, но не у винограда.

На 182 стр. „Изъ споръ мха развивается сначала заростокъ". Невѣрно. Не заростокъ, а протонема, предростокъ.

На 185 стр. Внутри клѣтки спорогиръ „есть жидкость съ зелеными шариками". Фантазія. Въ клѣткѣ находится одна зеленая лента, какъ и видно на рядомъ лежащемъ рисункѣ.

На 188 стр. Рисунки 155-й и 156-й не достаточно подробно описаны въ текстѣ. На 155-мъ нарисованы и въ объясненіи къ рисунку названы базидіи, о которыхъ въ текстѣ не упомянуто.

На 193 стр. „Кедровый орѣшекъ". Нужно сказать—кедровое сѣмя.

На 201 стр. „Подъ корою дерева находится толстый слой сока (заболонь)". Очень грубая ошибка. Заболонью называется молодая древесина.

На 202 стр. „Корни растеній имѣютъ такое же строеніе, какъ и стебли". Совершенно невѣрно. Корень рѣзко отличается по строенію отъ стебля.

На 203 стр. „Углекислый газъ также всасывается корнями вмѣстѣ съ водой". Невѣрно.

На 209 стр. „Пыльникъ раскрывается двумя трещинами". Различные пыльники раскрываются самымъ разнообразнымъ образомъ.

На 209 стр. Объясненіе къ рис. 176. „Опыленіе у дурмана". Нарисованъ же цвѣтокъ ничего общаго съ дурманомъ (Datura Stramonium) не имѣющій. У дурмана 5 тычинокъ, а нарисовано 13, и кромѣ того неизвѣстное число тычинокъ спереди для наглядности удалено.

Что касается до *зоологической* части, то считаемъ нужнымъ указать въ видѣ примѣра слѣдующіе ея недостатки. Нельзя опредѣлять гадюку, какъ отличающуюся отъ всѣхъ пресмыкающихся отсутствіемъ ногъ (стр. 259), ибо еще чаще гадюки ученикъ на экскурсіи встрѣ-

титъ, напримѣръ, безногую ящерицу (Anguis). Нельзя говорить, что полипъ начинаетъ свое существованіе въ видѣ „бѣлаго червячка“ (стр. 299), ибо надо пріучать ученика съ извѣстнымъ словомъ соединять и опредѣленное понятіе, а подъ понятіе „червяка“ полипъ или его зародышъ также мало подходитъ, какъ и личинка насѣкомаго. На той же страницѣ при описаніи полипа не точно примѣнены термины „ротъ“ и „желудокъ“ (особенно послѣдній терминъ), а равно не точно утвержденіе, что у полиповъ скелетъ всегда имѣетъ форму твердой оси. Большинство строящихъ острова కораллов не имѣютъ осеваго скелета.

На стр. 301 находимъ невѣрное описаніе состава тѣла губокъ изъ „множества маленькихъ животныхъ“.

Если откроемъ описаніе инфузоріи (стр. 303), то найдемъ опять таки рядъ неточностей въ описаніи ея строенія и отчасти размноженія. Вообще же большая часть неточностей приходится на описаніе низшихъ животныхъ, хотя и при описаніи позвоночныхъ встрѣчаются мѣстами архаическія данныя въ родѣ соединенія слона и свиньи подъ именемъ толстокожихъ (стр. 234) и др. Въ общемъ изложеніе довольно ясное, но нуждается въ детальныхъ поправкахъ. Впрочемъ, можетъ быть преподаватель міровѣдѣнія поступилъ бы основательнѣе, если бы сосредоточилъ вниманіе ученика лишь на немногихъ формахъ, но изучивъ ихъ при этомъ съ большей полнотой, особенно съ біологической точки зрѣнія. Что касается до анатомо-физіологическаго очерка человѣка, то, если отбросить нѣкоторыя неточности (напримѣръ, неудобное опредѣленіе клѣтки стр. 307; неточное описаніе органовъ вкуса стр. 340 и др.), то можно сказать, что очеркъ составленъ довольно недурно, хотя, не зная, для какого возраста онъ предназначается, нельзя судить, насколько онъ доступенъ для пониманія. Вообще учебникъ для младшихъ классовъ, для которыхъ его предназначаетъ авторъ въ предисловіи, пожалуй будетъ труденъ и мѣстами непонятенъ, а для реальныхъ училищъ, наоборотъ, уровень его могъ бы быть поднятъ. Безъ серьезной переработки учебникъ врядъ ли можетъ разсчитывать на успѣхъ.

Алгебра. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ испытаніяхъ въ институтахъ: инженеровъ путей сообщенія, горномъ, технологическомъ и друг. Составилъ *Владиславъ Вроблевскій*. Стр. 192. Цѣна 90 к.

Книжка сія содержитъ: 1) 300 задачъ по алгебрѣ, 2) програму повѣрочнаго вступительнаго экзамена въ институтъ инженеровъ путей

сообщенія Императора Александра I и 3) перечисленіе пособій по алгебрѣ для приготовленіяи къ указанному экзамену, въ числѣ коихъ „особенно рекомендуется сборникъ задачъ Ѳ. Бычкова“ и къ нему *рѣшенія*, составленныя *В. Вроблевскимъ*, т.-е. авторомъ разсматриваемаго сборника. Названная книжка не можетъ служить цѣлямъ преподаванія алгебры въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Она не можетъ служить класснымъ задачникомъ, ибо представляетъ наборъ задачъ, въ большинствѣ случаевъ сложныхъ, безъ всякой системы. Для доказательства стоитъ привести какія-нибудь три послѣдовательныя задачи; напримѣръ:

Зад. 110. Предполагая, что k данное цѣлое положительное число, найти предѣлъ выраженія

$$\frac{1^k + 2^k + \ldots + (n-1)^k}{n^{k+1}},$$

когда n будетъ безпредѣльно выростать.

Зад. 111. Замѣнить слѣдующія выраженія суммою двухъ квадратныхъ корней (указываются нѣсколько выраженій).

Зад. 112. Рѣшить систему уравненій.

$$x^2 - yz = a,\ y^2 - xz = b,\ z^2 - xy = c.$$

Помѣщеніе названной книги въ ученическія библіотеки было бы частію безполезно, частію вредно: оно было бы безполезно—ибо сборникъ содержитъ подробныя рѣшенія задачъ, подчасъ неудовлетворительныя, и, слѣдовательно, содержа таковыя, не можетъ служить къ развитію математической самодѣятельности; оно было бы вредно, ибо тѣ изъ учениковъ, которые имѣютъ намѣреніе поступить въ высшія техническія школы, повѣривъ заголовку книги, въ коей сказано, что книга представляетъ сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ, стали бы заучивать рѣшенія и, слѣдовательно, вредно тратили бы время.

Нѣкоторыя изъ рѣшеній не могутъ быть признаны удовлетворительными. Напримѣръ, задача 223 (стр. 143): *„даны два положительныя числа $a > b$; вывести изъ неравенства* $\sqrt{\frac{z+a}{a^2+z^2}} > \sqrt{\frac{z+b}{b^2+z^2}}$ *предѣлы, между которыми заключается величина z“* рѣшается такимъ образомъ: предложенное неравенство возвышается въ квадратъ,

дѣлится на 2z и представляется въ видѣ $z^2 > ab$; отсюда авторъ заключаетъ, что $z > \pm\sqrt{ab}$.

Задача 231 (стр. 147): *опредѣлить для малаго z приближенную величину выраженія*

$$\frac{\sqrt{1+z}+\sqrt[3]{(1-z)^2}}{1+z+\sqrt{1+z^2}}$$

рѣшается при помощи бинома Ньютона, безъ всякихъ замѣчаній о томъ, для какихъ значеній *z* формула Ньютона можетъ быть приложена къ данной задачѣ; въ заключеніе рѣшенія авторъ говоритъ: „раздѣляя числителя на знаменателя, находимъ въ частномъ $1-\frac{5}{6}z \pm$ члены, содержащіе *z* въ высшихъ степеняхъ и, слѣдовательно, имѣющіе весьма малую величину, — потому ими можно пренебречь безъ особеннаго ущерба въ точности".

Помѣщеніе разсматриваемой книги въ библіотеки было бы особенно вредно еще на томъ основаніи, что въ книгѣ рекомендуется „подстрочникъ" къ употребительному задачнику Бычкова.

Разсказы объ огнѣ. Профессора *Ю. Вагнера*. М. 1901. Стр. 53. Ц. 15 к.

Авторъ задался цѣлью въ популярной формѣ сообщить разнообразныя свѣдѣнія объ огнѣ. Оставляя пока детали въ сторонѣ, скажу прежде всего, что содержаніе этой книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ заглавію, такъ какъ авторъ ввелъ въ нее нѣкоторые вопросы, не имѣющіе почти никакого отношенія къ огню. Еще, можно, пожалуй, понять, почему авторъ посвящаетъ особыя главы вопросамъ: о водородѣ (гл. V), объ углекисломъ газѣ (VI), о воздушномъ шарѣ (VII). Менѣе понятно присутствіе главъ: какъ устроить самому электрическую машину (X), объ огняхъ Св. Эльма и о громоотводѣ (XI), о сѣверномъ сіяніи и объ электричествѣ въ электрической машинѣ (XII). Окончательно непонятно, чѣмъ руководился авторъ, вставляя главы: о преломленіи и о собираніи лучей свѣта (XIV), о свѣтлыхъ кольцахъ на облакахъ и о радугѣ (XV) и, въ особенности: отчего происходитъ радуга и чему она научила людей (XVI).

Не видно ни связи, ни руководящей мысли, ни цѣли. Съ такимъ же правомъ, какъ о радугѣ, авторъ могъ бы говорить о телеграфѣ (по поводу электрическаго тока), о музыкальныхъ инструментахъ (по поводу грома) и т. д.

Перехожу къ деталямъ. Написать популярную книгу великое искусство. Она должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

I. Научный матеріалъ долженъ быть фактически вѣренъ; отступленія допустимы только относительно второстепенныхъ деталей разсматриваемыхъ вопросовъ; такъ, напримѣръ, популярная книга можетъ формулировать законъ Маріотта, и не указывать на тѣ отступленія отъ этого закона, которыя обнаруживаются многими газами. Можно говорить о барометрѣ, описать его устройство, изложить его способъ примѣненія, не указывая, хотя-бы на поправку, относящуюся къ температурѣ ртути.

II. Сначала и до конца книга должна выдержать какой-нибудь одинъ опредѣленный способъ изложенія, принаровленный къ опредѣленному типу читателя. Популярная книга можетъ быть назначена для дѣтей младшаго возраста, для простонародія, для учащихся старшихъ классовъ и, наконецъ, для взрослыхъ образованныхъ людей и, пожалуй, даже для ученыхъ, конечно, не по ихъ спеціальности.

III. Изложеніе должно быть ясное и толковое, не вызывающее сомнѣній, или ложныхъ представленій относительно разбираемыхъ вопросовъ.

Разсматриваемая книга Ю. Вагнера не удовлетворяетъ *ни одному изъ указанныхъ трехъ условій*, такъ что нельзя не признать ее составленной совершенно неудачно.

I. Въ книгѣ встрѣчаются мѣста, которыя нельзя назвать фактически вѣрными. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

На стр. 13-ой читаемъ: „Также и во многихъ другихъ кислотахъ есть водородъ". Въ дѣйствительности водородъ находится во всѣхъ кислотахъ и присутствіе его составляетъ одинъ изъ характерныхъ признаковъ этого рода химическихъ соединеній.

На той-же стр. читаемъ: „Пузырьки газа—это водородъ, который выходитъ изъ соляной кислоты, а вмѣсто водорода въ кислотѣ распускается цинкъ. Какъ раньше въ соляной кислотѣ былъ водородъ, такъ теперь съ ней соединяется цинкъ; стало-быть, теперь вмѣсто чистаго цинка и соляной кислоты происходятъ два другихъ вещества, одно—водородъ, а другое—соединеніе цинка съ соляной кислотой, или солянокислый цинкъ". Здѣсь многое невѣрно. Когда водородъ выдѣлился изъ соляной кислоты, то цинкъ уже не можетъ въ ней распускаться. Далѣе,—цинкъ не соединяется съ кислотой, какъ говоритъ авторъ, но замѣняетъ въ ней водородъ; солянокислый цинкъ не есть соединеніе цинка съ соляной кислотой, какъ увѣряетъ авторъ.

Отступленіе отъ истины здѣсь ничѣмъ не оправдывается, такъ какъ не представляло бы никакого затрудненія точнѣе описать истинный ходъ дѣла.

На стр. 30-ой авторъ описываетъ сѣверныя сіянія, называя ихъ тихими грозами безъ молніи и безъ грома. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что и гроза и сѣверное сіяніе суть явленія электрическаго характера; но далеко не доказано, чтобы они проистекали изъ одного источника и чтобы одно изъ нихъ представляло какъ-бы видоизмѣніе или частный случай другого.

На стр. 48 читаемъ: „Если вы побѣжите, то вамъ сдѣлается жарко; ваше движеніе перейдетъ въ теплоту, которая согрѣетъ васъ". Это уже грубая ошибка, такъ какъ въ дѣйствительности работа движенія производится на счетъ теплоты тѣла, выдѣляющейся при быстрыхъ движеніяхъ настолько обильно, что происходитъ, кромѣ указанной затраты теплоты на работу, еще и нагрѣваніе самого тѣла.

II. Переходимъ *ко второму* изъ указанныхъ выше условій. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что книга предназначена для дѣтей младшаго возраста, или для простонародія. Это видно и по содержанію, и по языку, и по общему способу изложенія.

Между тѣмъ способъ изложенія не выдержанъ. Мѣстами авторъ переходитъ къ тонкостямъ, истинное значеніе которыхъ совершенно недоступно пониманію юныхъ или мало подготовленныхъ читателей. Весьма характерный примѣръ совершенно ненужной попытки ознакомить читателей съ новыми научными взглядами мы встрѣчаемъ на страницахъ 27-ой и 28-ой. Здѣсь мы читаемъ: „Каждый разъ, *какъ вы трете* стекло о кожу, или сургучъ о шерсть, или другіе подходящіе предметы одинъ о другой, *то вы получите* оба электричества. Въ одномъ предметѣ появляется „положительное", въ другомъ „отрицательное". Не подумайте, однако, что и въ самомъ дѣлѣ есть два различныхъ электричества. Для поясненія можно сравнить ихъ съ холодомъ и тепломъ. Вѣдь холодъ есть тоже тепло, только въ меньшей мѣрѣ. Если вы положите рядомъ двѣ вещи: холодную и теплую, то теплая будетъ нагрѣвать холодную, а холодная охлаждать теплую. Можно сказать, что тепло и холодъ будутъ стремиться смѣшаться другъ съ другомъ. Такъ же точно, если лежатъ рядомъ двѣ вещи, изъ которыхъ въ одной—положительное электричество, а въ другой—отрицательное, то оба электричества будутъ стремиться смѣшаться".

Что можетъ читатель понять изъ всего этого? Во-первыхъ, несомнѣнно, что въ элементарномъ изложеніи слѣдуетъ догматически го-

ворить о двухъ электричествахъ, а не распространяться о попыткахъ унитарнаго объясненія электрическихъ явленій, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время не существуетъ ни одной унитарной, въ старомъ смыслѣ слова, теоріи электрическихъ явленій. По теоріи Максвелля вообще нѣтъ никакого электричества, а существуютъ только деформаціи въ эфирѣ; а сама новѣйшая наука, которая привела къ понятію объ электронѣ, почти всецѣло возвратилась къ допущенію двухъ различныхъ электричествъ. Выписанное мѣсто, очевидно, только собьетъ читателя съ толку. Ему сперва говорятъ о двухъ электричествахъ, а затѣмъ говорятъ, что въ самомъ тѣлѣ нѣтъ двухъ различныхъ электричествъ, но что двѣ электризаціи аналогичны теплотѣ и холоду. Но эта аналогія исчерпывается тѣмъ, что два различныхъ электричества стремятся смѣшаться между собой, подобно тому, какъ это, яко-бы дѣлаютъ тепло и холодъ. Сбитый съ толку читатель, очевидно, отсюда никакихъ ясныхъ выводовъ не сдѣлаетъ и указанное мѣсто не облегчитъ ему пониманія дальнѣйшаго текста, въ которомъ авторъ опять преспокойно говоритъ о положительномъ и отрицательномъ электричествахъ.

На стр. 32-ой и 33-ей читаемъ: „Гдѣ есть пламя, тамъ есть свѣтъ, но тамъ же есть и электричество. Электричество очень часто переходитъ въ свѣтъ, а свѣтъ можетъ вызвать электричество". И эта фраза, такъ сказать, выступаетъ изъ общаго уровня изложенія, ничего ровно не даетъ и по существу даже врядъ ли вѣрна.

На той же стр. 33-ей читаемъ: „Не такъ давно ученые думали, что свѣтъ есть особенная жидкость, не имѣющая вѣса и т. д". И это указаніе излишне и, кромѣ того, во всѣхъ отношеніяхъ невѣрно. Во-первыхъ, теорія истеченія весьма давно оставлена и, во-вторыхъ, приверженцы этой теоріи никогда не считали свѣтъ за особаго рода жидкость.

Весьма характерно и слѣдующее мѣсто на той же страницѣ: „Теперь существуетъ другое, болѣе вѣроятное, объясненіе свѣта. Думаютъ, именно, что свѣтъ не есть какая-нибудь жидкость, а просто дрожаніе мельчайшихъ частичекъ очень легкаго вещества, которое собою наполняетъ все. Вещество это ученые назвали „свѣтовымъ эфиромъ", но никто не знаетъ, изъ чего оно состоитъ. Можетъ быть, особаго свѣтового эфира и совсѣмъ нѣтъ". Что читатель вынесетъ изъ этихъ строкъ? Сущности теоріи колебанія онъ не пойметъ, а послѣднія слова, конечно, совершенно собьютъ его съ толку.

На стр. 35-ой читаемъ: „Газъ можно назвать совершенно по-

движною жидкостью, а твердое тѣло—совершенно неподвижною“. Къ чему такое безцѣльное и не научное расширеніе понятія о жидкости?

Въ погонѣ за простотой изложенія авторъ во многихъ мѣстахъ впадаетъ въ противоположную крайность; говоря о спектрѣ, онъ называетъ его радугой. Такъ, на стр. 41-ой читаемъ: „представьте себѣ, что особенность радуги зависитъ отъ тѣхъ веществъ, которыя находятся въ пламени“. Вѣдь радугой называется вполнѣ опредѣленное оптическое явленіе въ атмосферѣ, а поэтому приведенныя слова въ дѣйствительности должны вызвать полное недоумѣніе у неподготовленнаго читателя.

III. Какъ на *третье условіе,* мы указывали на ясность изложенія, которое не вызывало бы сомнѣній или ложныхъ представленій. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше мѣстъ уже показываютъ, что книга неудовлетворяетъ и этому условію. Нетрудно привести еще длинный рядъ мѣстъ, подтверждающихъ сказанное.

На стр. 7-ой читаемъ, что кислородъ *смѣшанъ* съ воздухомъ, и тоже самое повторяется на стр. 9-ой.

На стр. 9-ой читаемъ: „Удивительнымъ вамъ можетъ показаться здѣсь то, какъ это изъ чернаго, непрозрачнаго и твердаго угля и изъ кислороднаго газа произошелъ безцвѣтный и прозрачный углекислый газъ. Но вспомните, что и твердая соль, распускаясь въ водѣ, становится невидимою и такою же жидкою, какъ вода. Вспомните также, что жидкую воду можно заморозить и получить изъ нея твердый ледъ; можно ее заставить высохнуть, и тогда она улетитъ въ воздухъ и станетъ газомъ. Значитъ, одно и то же вещество можетъ быть и твердымъ, и жидкимъ, и газомъ. Поэтому твердыя вещества могутъ смѣшиваться съ жидкими, и съ газами, и наоборотъ“. Очевидно, что это мѣсто не отличается ясностью и не въ состояніи дать читателю правильныхъ представленій по затронутому вопросу. Приведенную аналогію между образованіемъ углекислаго газа изъ кислорода и углерода съ одной стороны и переходомъ воды въ паръ, или ледъ съ другой, очевидно, нельзя не признать во всѣхъ отношеніяхъ неудачной.

На стр. 24-ой читаемъ: „Когда фонарь горитъ, то между концами углей скачетъ электрическая искра, а вмѣстѣ съ нею перескакиваютъ съ одного угля на другой мельчайшія частички угля. Какъ концы самихъ углей, такъ особенно скачущія частички угля—раскалены добѣла“. Представленіе объ искрѣ, скачущей въ опредѣленномъ на-

правленіи вмѣстѣ съ частичками угля не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

На той же страницѣ читаемъ: „Свѣтъ электрической искры зависитъ также отъ ея величины и силы". Что значитъ сила искры?

На стр. 32-ой сказано: „Въ бутылкѣ и въ кожаной подушкѣ появляется электричество: въ бутылкѣ всегда—положительное, а въ подушкѣ—отрицательное". Интересно, какъ представитъ себѣ читатель электричество, находящееся *въ* бутылкѣ, а не на ея внѣшней поверхности.

На стр. 33-ей—34-ой сказано: „На эту стѣнку (внутренняя стѣнка глаза) падаетъ свѣтъ, проходящій черезъ зрачекъ. На ней, какъ въ фотографіи, отражается предметъ, на который мы смотримъ. Дрожащія частички свѣтового эфира ударяютъ въ эту стѣнку глаза. Удары ихъ раздражаютъ нашъ глазъ и т. д." Тутъ опять все неудачно: сравненіе съ фотографіей, слово „отражается", дрожащія частички, ударяющія въ сѣтчатую оболочку, и т. д.

На стр. 34-ой авторъ указываетъ, что увеличительнымъ стекломъ можно получить на экранѣ маленькое изображеніе пламени свѣчи, и при этомъ не указываетъ, что изображеніе получается обратное.

Кажется, самое неудачное мѣсто въ книгѣ мы находимъ на стр. 35-ой и 36-ой, гдѣ авторъ силится описать и объяснить преломленіе свѣтовыхъ лучей. Тутъ почти все невѣрно въ научномъ отношеніи и неудачно въ дидактическомъ. Здѣсь авторъ утверждаетъ, что болѣе или менѣе подвижныя жидкости въ то же время могутъ быть названы болѣе или менѣе плотными; что частичкамъ свѣтового эфира дрожать труднѣе (!) въ болѣе плотной жидкости, чѣмъ въ менѣе плотной. Здѣсь находимъ ничего не разъясняющее указаніе на уклоненіе камня, косо брошеннаго изъ воздуха въ воду, отъ прямолинейнаго пути и т. д. Между прочимъ совершенно непонятно, почему автору до такой степени понадобилось разсматривать только однѣ жидкости, что онъ газы и твердыя тѣла, какъ было упомянуто выше, называетъ совершенно подвижными, или совершенно неподвижными жидкостями.

На стр. 40-ой читаемъ: „Сверху будетъ яркій красный цвѣтъ"; между тѣмъ, какъ изъ соотвѣтствующаго рисунка явствуетъ, что красный цвѣтъ будетъ не на верху, но внизу.

На стр. 48-ой сказано: „И не только вещества, но также не исчезаетъ и свѣтъ, и теплота, и электричество и *все другое*" (!). Не говоря уже объ удивительныхъ словахъ „и все другое", приходится

сказать, что основная мысль автора совершенно невѣрна: свѣтъ, и теплота, и электричество несомнѣнно исчезаютъ; остается неизмѣннымъ лишь количество соотвѣтствующей имъ энергіи.

Мы далеко не исчерпали всего того, что говоритъ не въ пользу этой попытки написать популярную книгу, но думаемъ, что и сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что книга не обладаетъ ни однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыя можно требовать отъ истинно популярнаго изложенія.

1) Руководство ко всеобщей исторіи. Составилъ *Д. Иловайскій*. Древній міръ. Изданіе 25. Цѣна 75 коп. Москва. 1901. 288. стр. 2 карты. 2) *То же*. Часть третья. Новая исторія. Изданіе 27. Цѣна 65 коп. Москва. 1901. 240 стр. 1 карта.

Какъ наиболѣе существенныя измѣненія въ настоящихъ изданіяхъ противъ прежнихъ можно отмѣтить вставки въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ: о Ванскомъ царствѣ (стр. 26), Микенской культурѣ (46) и исторіи греческихъ колоній и Боспорскаго царства на югѣ Россіи (86). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ исправлены орѳографіи собственныхъ именъ, хронологическія даты, опущены устарѣлыя мнѣнія, сдѣланы поправки редакціоннаго характера. Иногда авторъ обнаруживаетъ стремленіе вносить исправленія и по собственной инціативѣ; такъ вмѣсто „Правленіе“ Августа, онъ пишетъ въ новомъ изданіи „принципатъ“ и относится критически къ извѣстію о построеніи Пантеона Агрипой. Тѣмъ не менѣе многіе изъ указанныхъ ранѣе недостатковъ оставлены. Такъ, по прежнему „хамиты“ и „арійцы“ выставляются составными элементами (вмѣстѣ съ семитами) ассиро-вавилонской націи, по прежнему говорится о вѣрѣ въ переселеніе душъ у древнихъ египтянъ, по прежнему неудовлетворительно излагается внутренняя исторія Аѳинъ и т. д. Полемизировать съ авторомъ относительно этихъ пунктовъ, послѣ сказаннаго въ рецензіи по поводу 24-го изданія его древней исторіи, я считаю излишнимъ, но не могу не воспользоваться случаемъ высказаться по поводу нѣкоторыхъ его замѣчаній въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ 1901, май, стр. 243—251.

Г. Иловайскій защищаетъ свое утвержденіе объ обелискахъ (теперь нѣсколько расширенное) ссылкой на Масперо и спрашиваетъ меня, откуда я взялъ, что эти памятники ставились въ честь божествъ свѣта? Вмѣсто отвѣта можно было бы попросить автора привести хотя одинъ примѣръ обелиска, поставленнаго въ „память знаменитыхъ людей“, кромѣ, конечно, воздвигнутаго Адріаномъ въ па-

мать Антиноя, не идущаго въ разсчетъ. Обелиски большею частью ставились царями въ день своихъ юбилеевъ въ Иліополѣ, или другомъ центрѣ культа, какъ даръ солнечному божеству. Другіе обелиски воздвигались у входа въ храмъ солнечнаго божества (напримѣръ, въ Луксорѣ) или луннаго (Тота). Знаменитые иліопольскіе обелиски, воздвигнутые Гашепсутъ въ день 30-лѣтняго юбилея, теперь находящіеся въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ имѣютъ на себѣ между прочимъ надпись: „Она (царица) соорудила это, какъ монументъ свему отцу Амону, владыкѣ Карнака, сдѣлавъ два обелиска изъ гранита, южнаго камня съ верхней частью изъ электра... Сдѣлала я это любящимъ сердцемъ для отца моего Амона".—Что касается Телль-эль-Амарны, то г. Иловайскій, очевидно, совершенно не представляетъ себѣ о чемъ идетъ рѣчь въ моей рецензіи, когда увѣряетъ, что „памятники эти должны имѣть мѣсто въ исторіи искусствъ, и при томъ довольно пространной исторіи". Авторъ, очевидно и здѣсь почерпнувшій свои свѣдѣнія изъ „Исторіи египетскаго искусства" Масперо, повидимому не знаетъ, что въ Телль-Амарнѣ найдены не только интересные барельефы, но и дипломатическая переписка фараоновъ Аменхотна III и IV съ азіатскими царями и вассалами. Эта находка по справедливости считается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ пріобрѣтеній исторической науки, и Винклеръ, которому принадлежитъ editio princeps и переводъ названныхъ памятниковъ, имѣетъ полное основаніе такъ оцѣнить ихъ значеніе: „они впервые пролили намъ свѣтъ на взаимныя всеобщія сношенія и дипломатическія отношенія восточныхъ государствъ, а потому легли въ основу всего нашего представленія о древнемъ Востокѣ. Затѣмъ они не менѣе важны для пониманія его состоянія, политическихъ условій и вообще формъ управленія и правленія. При чтеніи любой главы исторіи востока два—три изъ этихъ писемъ являются наилучшимъ комментаріемъ для сравненія" (Die Keilinschr. und das Alte Testament, 3 Aufl., p. 192). Предоставляемъ г. Иловайскому, помимо авторитета Винклера, убѣдиться самому въ важности игнорируемаго имъ матеріала, хотя бы изъ двухъ статей г. Соловейчика въ „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1896 г., если ему онъ недоступенъ въ оригиналѣ. Необходимость останавливаться на такихъ, въ достаточной степени элементарныхъ пунктахъ, является лучшей характеристикой научной цѣнности возраженія г. Иловайскаго.

Если „Древній міръ" г. Иловайскаго въ 25 изданіи представляетъ нѣкоторый прогрессъ по сравненію съ предыдущимъ, то этого почти нельзя сказать о 27 изданіи его „Новой Исторіи". Улучшенія и

исправленія здѣсь касаются исключительно частностей и совершенно не затронули самой структуры и характера учебника. Впрочемъ авторъ въ предисловіи къ первой части своего „руководства" даетъ право надѣяться, что новыя учебныя программы для средней школы окажутъ на его изданія вліяніе въ смыслѣ ихъ болѣе серьезной переработки, и что „небольшія перемѣны и поправки" введены имъ лишь „пока", „въ ожиданіи" этихъ программъ.

Профессоръ *К. Э. Боккъ.* Гигіена въ общедоступномъ изложеніи, вновь переработанная профессоромъ *К. Циммерманомъ.* Переводъ д—ра *В. К Андреева.* Спб. Изданіе В. Губинскаго. 1901. 225 стр.

Разсматриваемое сочиненіе обнимаетъ въ извѣстной мѣрѣ анатомію, физіологію, гигіену, патологію, токсикологію и пр. Что при такомъ обиліи предметовъ въ сравнительно узкой рамкѣ (всего 225 страницъ) къ этому сочиненію приложима извѣстная поговорка: qui trop embrasse mal étreint—само собою понятно.

Къ сожалѣнію, излишнее стремленіе къ популяризаціи приводитъ автора и къ неправильнымъ разъясненіямъ. Такъ, уже на первой страницѣ авторъ, проводя параллель между строеніемъ тѣла и строеніемъ дома, замѣчаетъ, что „ознакомиться съ отдѣльными частями строительнаго матеріала (дома) каждый можетъ путемъ собственнаго наблюденія", между тѣмъ какъ „изслѣдованіе составныхъ частей нашего тѣла доступно только химику". Авторъ очевидно сравниваетъ тутъ двѣ совершенно различныя операціи: дѣло въ томъ, что съ одной стороны и съ „отдѣльными частями" нашего тѣла каждый можетъ „ознакомиться путемъ собственнаго наблюденія", а съ другой стороны изслѣдованіе, въ смыслѣ химическомъ, составныхъ частей строительнаго матеріала какого-либо дома также „доступно только химику". Тутъ же авторъ въ нѣсколькихъ словахъ даетъ совершенно невѣрное представленіе о химическомъ изслѣдованіи, утверждая, что для этого разлагаютъ „различныя части нашего тѣла на все меньшія и меньшія частицы". Такимъ образомъ у читателя должно образоваться представленіе, что химическое изслѣдованіе тѣла состоитъ въ его большемъ и большемъ раздробленіи!

Авторъ нерѣдко даетъ и противорѣчивыя показанія. Такъ, напримѣръ, на стр. 7 онъ утверждаетъ, что „пищевыя вещества, богатыя жиромъ, относятся по преимуществу къ животному царству", а на стр. 9, указывая на необходимость для человѣка смѣшанной пищи изъ „животныхъ и растительныхъ веществъ", онъ объясняетъ это

между прочимъ тѣмъ, что „первыя (т.-е. животныя вещества) содержатъ слишкомъ мало жировъ“.

Помимо этого, авторъ часто даетъ совершенно устарѣвшія, а иногда и прямо чудовищныя разъясненія. Такъ, авторъ всегда остается на почвѣ давно устарѣвшаго ученія Либиха и другихъ объ образованіи въ организмѣ жировъ изъ углеводовъ, которыхъ онъ, согласно этому ученію, называетъ жирообразователями (стр. 8, 10, 11, 17 и пр.). Такъ, авторъ описываетъ сѣрое вещество мозга какъ состоящее подъ микроскопомъ „по преимуществу изъ круглыхъ или звѣздчатыхъ пузырьковъ“, между тѣмъ какъ бѣлая нервная ткань, по его мнѣнію, „содержитъ только трубочки съ костнымъ мозгомъ (!) или безъ онаго“ (стр. 22). Такъ, авторъ полагаетъ, что система головнаго и спиннаго мозга служитъ лишь для „сознательныхъ и произвольныхъ явленій“, между тѣмъ какъ для „безсознательной и непроизвольной дѣятельности“ служитъ симпатическая нервная система (стр. 27). Такъ, авторъ полагаетъ, что фибринъ, выдѣляющійся при свертываніи крови, содержится готовымъ, въ растворенномъ состояніи, въ крови, двигающейся по кровеноснымъ сосудамъ (стр. 54). Такъ, авторъ полагаетъ, что „если прозрачное тѣло поглощаетъ какой-нибудь цвѣтовой лучъ, оно имѣетъ цвѣтъ этого луча“ (стр. 68), между тѣмъ какъ въ дѣйствительности прозрачныя цвѣтныя тѣла имѣютъ цвѣтъ лучей, которые онѣ напротивъ того пропускаютъ. Такъ, авторъ полагаетъ, что „чѣмъ болѣе искусственный свѣтъ, тѣмъ лучше онъ переносится глазомъ“. Къ сожалѣнію, такихъ образчиковъ можно было бы привести еще довольно много.

Справедливость требуетъ прибавить, что переводчикъ разсматриваемаго сочиненія, д-ръ В. К. Андреевъ, немало содѣйствовалъ пріумноженію недостатковъ этого сочиненія въ русскомъ изданіи. Такъ, русскій переводчикъ полагаетъ, что соединительная ткань при вареніи превращается въ *глину* (стр. 21)! И это не опечатка, потому что эту же способность превращенія въ глину переводчикъ приписываетъ и мягкой составной части костей (тамъ же), а „химическое основаніе“ хрящевой ткани онъ также признаетъ „однимъ изъ видовъ глины“ (тамъ же). Такъ, переводчикъ полагаетъ, что наши цвѣтовыя ощущенія зависятъ отъ „длины и высоты“ свѣтовыхъ волнъ (стр. 67), между тѣмъ какъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ ясно выражено, что эти ощущенія зависятъ отъ длины волнъ и скорости колебаній. Такъ, переводчикъ пишетъ, что „очень часто во время гимнастики или вообще при интенсивныхъ движеніяхъ происходитъ угнетенно-душевное

состояніе" (стр. 71), между тѣмъ какъ авторъ въ этомъ мѣстѣ поясняетъ, что гимнастика напротивъ того содѣйствуетъ исчезновенію угнетеннаго состоянія духа,—да объ этомъ же говорится и на слѣдующей страницѣ (стр. 72) русскаго изданія. Такихъ образчиковъ можно было бы привести довольно много.

Необходимо еще прибавить, что разсматриваемое изданіе испещрено и корректурными ошибками, разгадка которыхъ не по плечу тому кругу читателей, для котораго оно назначено. Такъ, на стр. 3 и 7 напечатано *пары,* вм. *жиры,* на стр. 6—*воды,* вм. *водорода,* на стр. 20—*разложеніе,* вм. *размноженіе,* и пр.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О ПРОЕКТѢ УПРОЩЕНІЯ РУССКОЙ ОРѲОГРАФІИ [1]).

Отвѣтъ А. С. Бѣлкину.

Въ январской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщена статья моего уважаемаго коллеги, приватъ-доцента Московскаго университета по каѳедрѣ философіи А. С. Бѣлкина, подъ заглавіемъ „Вопросъ объ упрощеніи русской орѳографіи въ Московскомъ Педагогическомъ обществѣ“, каковой статьи мнѣ нельзя оставить безъ отвѣта, ибо она, *по своей кажущейся обстоятельности и солидности*, очень могла бы повредить благому дѣлу облегченія грамоты, которое должно сдѣлать послѣднюю болѣе доступною простому народу, а въ средней школѣ дать возможность выгадать время для изученія дѣйствительныхъ свойствъ русскаго языка.

Критикъ нашъ выставляетъ два положенія, которыя, если бы были доказаны, совершенно бы убивали нашъ проектъ: первое гласитъ, что русская грамота вовсе не такъ трудна, а второе—что составители проекта не стоятъ на высотѣ своей задачи.

Реформа, по словамъ критика, „тѣсно связана“... съ „Итогами опыта изслѣдованія грамотности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“ (стр. 32), а этотъ опытъ не былъ поставленъ достаточно широко и не былъ произведенъ съ достаточною точностью.

[1]) Редакція охотно даетъ мѣсто возраженію проф. Брандта и г. Сакулина въ интересахъ всесторонняго обсужденія вопроса, хотя во многомъ и не раздѣляетъ высказанныхъ авторами взглядовъ.

Такую тѣсную связь, однако, устанавливаетъ лишь А. С. Бѣлкинъ, у насъ же эти два дѣла, правда, дополняли другъ друга и велись одновременно, но вовсе не параллельно—что̀ отмѣтилъ даже самъ оппонентъ и въ чемъ насъ, между прочимъ, упрекаетъ (стр. 34).

Опытъ подтвердилъ общее положеніе (которое для Отдѣленія русскаго языка Московскаго Педагогическаго общества и безъ того было ясно, но все-таки иными отрицается), что наша грамота далеко не легка — подтвердилъ его фактомъ, что, несмотря на всѣ усилія при начальномъ и среднемъ обученіи, въ 4-мъ и даже въ 7-мъ классѣ гимназій не удается довести учениковъ до полной грамотности. Подтвердилъ опытъ и нѣкоторыя частности нашего проекта: что желательно устраненіе буквы *ѣ*, двоякаго написанья родительно-винительнаго падежа „её" и различенія по родамъ у прилагательныхъ окончаній -е и -я, а у мѣстоименія 3 лица и у числительнаго „одинъ" -и и -ѣ. Опредѣлить же на основаніи опыта степень трудности нашихъ правописныхъ правилъ было бы совсѣмъ неудобно: вполнѣ возможно, что иногда ученики прекрасно усвоили именно трудное правило, т. к. на него были продѣланы многочисленныя упражненія, а погрѣшатъ противъ легкаго, въ которомъ ихъ не упражняли.

Требовать широкой постановки опыта значитъ требовать пробной диктовки, написанной, если не всѣми грамотными россіянами, то всѣми дѣтьми школьнаго возраста, и откладывать такимъ неисполнимымъ требованьемъ реформу до греческихъ календъ. Въ добавокъ говоря о пробныхъ диктовкахъ, А. С. Бѣлкинъ забылъ одно важное обстоятельство, могшее служить новымъ упрекомъ Педагогическому обществу, или же, напротивъ того, — оправданіемъ: желающій ясно доказать трудность ороографіи долженъ обратиться не къ среднимъ училищамъ, куда дѣти поступаютъ уже довольно грамотными, а къ начальнымъ. Опять - таки этого совсѣмъ не нужно [1]), потому что имѣется многолѣтній опытъ элементарныхъ преподавателей, убѣдившій ихъ въ трудности даннаго дѣла и, между прочимъ, выразившійся въ работѣ надъ упрощеньемъ ороографіи, одновременно съ отдѣленіемъ русскаго языка нашего общества, и отдѣленія его по начальному образованію. *Трудность*

---

[1]) Говорю „не нужно": и произведенный опытъ по моему былъ излишенъ и я въ свое время говорилъ противъ него, предвидя возраженія во вкусѣ нашего рецензента. Впрочемъ, не произведи мы опыта, противники могли бы намъ сказать, что мы напрасно, для большей ясности, не провѣрили дѣла еще разъ...

правописанія недавно офиціально *признана* также *Московскимъ Обществомъ Грамотности,* которое, отклоняя приглашеніе Педагогическаго общества принять участіе въ ходатайствѣ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ образованіи для пересмотра орѳографіи особой комиссіи при участіи академиковъ и считая нужнымъ выждать мнѣнія Академіи Наукъ, высказало „убѣжденіе, что въ начальной школѣ было бы нецѣлесообразно тратить драгоцѣнное время учащихся на усвоеніе какой бы то ни было системы правописанія“: готовность упомянутаго общества насаждать (конечно, скрѣпя сердце) вмѣсто грамотности—безграмотство, несомнѣнно проистекла изъ убѣжденія, что усвоенье орѳографическихъ правилъ требуетъ немало времени, т. е. что они трудны.

Что касается компетентности членовъ орѳографической комиссіи Педагогическаго общества, то вооруженные университетскимъ образованіемъ по словесной части и педагогическою опытностью гимназическіе преподаватели могутъ, кажется, считаться довольно надежными судьями по части орѳографіи, а отрицать научную компетентность по вопросамъ русскаго языка пишущаго эти строки и заслуженнаго профессора и академика Филиппа Ѳедоровича Фортунатова—тоже нѣсколько смѣло. Во всякомъ случаѣ въ Москвѣ нѣтъ болѣе компетентныхъ людей по этой части, да и въ другихъ городахъ и за границей найдутся весьма немногіе [1]). Впрочемъ нашъ критикъ, видимо не желая выступать съ подобнымъ обвиненіемъ противъ меня и Ф. Ѳ. Фортунатова, умалчиваетъ о нашемъ участіи въ орѳографической комиссіи—родъ вѣжливости, который можетъ ввести въ заблужденіе его читателей.

Некомпетентность комиссіи А. С. Бѣлкинъ выводитъ изъ того, что она незнакома съ экспериментальной фонетикой, которою будтобы необходимо было воспользоваться для провѣрки относящихся къ дѣлу звуковыхъ явленій (стран. 47). Я дѣйствительно долженъ признаться, что мало вникалъ въ новѣйшія экспериментально-физіологическія изслѣдованія человѣческой рѣчи, но рѣшительно могу утверждать, что они не имѣютъ столь важнаго значенія для орѳографіи, какое имъ готовъ придать (тоже ими незанимавшійся) оппо-

[1]) Лишь по недостаточному знакомству съ дѣломъ и съ лицами кое-гдѣ указывали, будто наиболѣе крупные московскіе авторитеты по данному вопросу въ работахъ комиссіи не участвовали: филологическія заслуги профессоровъ, которыхъ при этомъ называли, лежатъ въ другихъ, хотя и смежныхъ, областяхъ.

нентъ. 1) Хотя добыванью и разбору звуковыхъ записей, надо полагать, въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ будущее въ фонетикѣ; но имъ не принадлежитъ настоящее, т. к. этотъ пріемъ пока недостаточно разработанъ. 2) Экспериментальная физіологія звуковъ вполнѣ примѣнима лишь при стремленіи къ чисто-звуковому письму, и никакъ не выскажется за і въ словѣ „міръ", ни за букву *ѣ*, или за мягкій знакъ въ инфинитивахъ вродѣ „стараться". 3) Наблюденія, поскольку они мнѣ извѣстны, вовсе не противорѣчатъ показаніямъ слуха, а только подтверждаютъ и дополняютъ ихъ. Что опыты дадутъ и уже дали любопытныя указанія по фонетикѣ, этого никто не станетъ отрицать, но производство такихъ опытовъ для орѳографической комиссіи было дѣломъ постороннимъ. Вѣдь тѣхъ тонкостей, которыя наблюдаетъ экспериментальная фонетика, въ письмо вносить никакъ не придется: о замѣнѣ буквенной передачи словъ извилистыми линіями записывательныхъ аппаратовъ не можетъ быть и рѣчи, да и соотвѣтственное дополненіе алфавита усложнило бы послѣдній до невозможности—это была бы фонетическая транскрипція, прекрасная для научныхъ цѣлей, но для житейскаго обихода совсѣмъ не пригодная [1]).

Итакъ, А. С. Бѣлкинъ напрасно утверждаетъ, на основаньи непривлеченія къ дѣлу экспериментовъ, что комиссія допустила важный пробѣлъ въ своихъ работахъ; тѣмъ болѣе напрасно онъ это обобщаетъ въ утвержденіе, что „комиссія вела свою работу односторонне и поспѣшно" (стр. 45). Комиссія работала 2 года и имѣла 14 засѣданій, къ коимъ притомъ участники приготовляли также рядъ докладовъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Критикъ, кромѣ того, долженъ былъ принять во вниманіе, что вопросъ объ орѳографіи для него можетъ быть и всплылъ неожиданно, а что члены комиссіи встрѣчались съ нимъ ежедневно во всю свою предшествующую дѣятельность. Въ частности, я лично разсматривалъ данный вопросъ съ разныхъ сторонъ, привлекая къ сравненію значительное количество языковъ, въ теченіе 30 лѣтъ. Еще нашъ оппонентъ забываетъ, что вопросъ далеко не новъ, и что вмѣсто того, чтобы говорить о поспѣшныхъ рѣшеніяхъ комиссіи (труды которой представляютъ только послѣднее звено въ

---

[1]) Непригодность подобной орѳографіи отмѣчена въ моей лекціи „О лженаучности нашего правописанія" (Оттискъ изъ Филолог. Зап., 1901 года, вып. I—II, стр. 8) и въ „Докладѣ Педагогическаго общества ...объ упрощеніи русской орѳографіи", стр. 40, пунктъ 1.

длинномъ рядѣ трудовъ), справедливѣе было бы говорить о коллективномъ трудѣ нѣсколькихъ поколѣній.

Основательнѣе навязыванья намъ, вмѣсто пересмотра орѳографіи, экспериментальныхъ наблюденій надъ тонкостями русскаго выговора, призывъ нашего критика къ усовершенствованію методовъ преподаванія орѳографіи [1]). Кто придумалъ бы новый методъ, при которомъ трудная орѳографія усваивалась бы легко, тотъ, по истинѣ, былъ бы великимъ благодѣтелемъ юношества. Но русское отдѣленіе Педагогическаго общества не чувствовало въ себѣ такой изобрѣтательности и, хотя это, по мнѣнію критика, „немного странно", „не предприняло вмѣстѣ съ пересмотромъ орѳографіи разбора принятыхъ въ школѣ методовъ ея преподаванія", а, въ ожиданіи открытій какого-нибудь педагогическаго генія, предпочло заняться доступнымъ обыкновенному уму пересмотромъ правописанія, съ цѣлью устраненія изъ него правилъ устарѣлыхъ, либо произвольныхъ, и потому трудныхъ. Положимъ, А. С. Бѣлкинъ, признавъ (на стр. 34), „что всѣ начертанія, хорошо выражающія звуки языка, легки для усвоенія", несмотря на то, утверждаетъ тамъ же, что „мы не имѣемъ права сдѣлать изъ этого вывода, что всѣ начертанія, противныя свойствамъ языка, трудны, а тѣмъ болѣе безполезны". Я рѣшительно настаиваю на этомъ правѣ и отрицаніе его, по крайней мѣрѣ, относительно трудности, нахожу прямо нелогичнымъ. Начертаніе, не ладящее со свойствами привычнаго намъ языка, приходится усвоять, какъ нѣчто совершенно новое, постороннее, и это составляетъ несомнѣнную трудность. Рѣчь тутъ можетъ быть только о степени затрудненія.

Не Богъ знаетъ, какъ трудно, напримѣръ, писать иногда *е* вмѣсто *о*; но все-же я удивляюсь поклоннику экспериментальной фонетики, который не сочувствуетъ правилу нашего Педагогическаго общества, что „послѣ шипящихъ и *ц* ударяемое *о* постоянно изображается и на письмѣ: жорнов, шол, течот, прельщон" (Докладъ, стр. 41, а, 4). Нынѣшнія сочетанія ж-е, ш-е, ч-е и щ-е (особенно первыя два, гдѣ въ произношеніи нѣтъ никакой мягкости, каковая передъ буквою *е* подразумѣвается) принадлежатъ къ самымъ возмутительнымъ злоупотребленіямъ буквами кирилловской азбуки: мы съ ними миримся только по привычкѣ, какъ англичане съ какимъ-нибудь написаніемъ „книхт" (k-n-i-g-h-t) вмѣсто „найт", и ими затрудняется не одно

---

[1]) Тутъ г. Бѣлкинъ могъ бы упомянуть о моемъ (неудовлетворяющемъ, правда, и меня самого) методѣ обученія буквѣ *ѣ*. Дополненіе къ моей лекціи, стран. 56.

письмо, но и чтеніе. Срв. Лекцію, стр. 19. Писать въ указанныхъ слогахъ *е*, правда, имѣется историческое основаніе: такъ когда-то произносили, а потому и писали. Но, если ужъ писать изъ уваженія къ предкамъ такъ, какъ они говорили, а не такъ, какъ мы говоримъ, то нашего „исковерканнаго" *о* вовсе не слѣдовало бы пускать въ орѳографію: узаконивъ букву *о* въ словахъ „чужой, большой, хорошо, плечо, трущоба" и т. д., допустивъ ее, напримѣръ, въ слова „жоны" и „самъ-шостъ", мы можемъ и должны разрѣшить ее вездѣ, гдѣ *о* явственно слышится—что признавалъ и Гротъ, въ „Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ", Филологическія разысканія, т. II, стр. 303, „Докладъ", стр. 29. Къ нашему простому правилу для начальнаго обученія, при занятіяхъ высшей грамматикой, въ старшихъ классахъ гимназіи, дѣлалась бы столь же простая оговорка (Лекція, стр. 39), что ни въ одномъ славянскомъ словѣ первоначально не было сочетаній *жо, шо, чо, що* и что русское *о* тутъ вышло изъ *е* (которое само иногда замѣнило *ѣ*). Различать—что для практики рекомендуетъ, въ теоріи болѣе радикальный, Гротъ—относительно этихъ группъ слоги открытые, гдѣ позволительно писать *о*, напримѣръ, шо-потъ, об-жо-ра, тру-що-ба, и замкнутые, гдѣ это недопустимо, напримѣръ шелкъ, жест-кій, щет-ка,—чистѣйшій произволъ. Замкнутость здѣсь ровно ни причемъ, и развѣ въ шутку можно сказать, что замкнутый слогъ не такъ доступенъ новымъ вѣяніямъ; да и Гротъ, выставившій, чтобы внести въ дѣло хоть нѣкоторый порядокъ, такое правило, разъ узаконилъ *о* въ словахъ „обжора" и „трущобы", а также допустилъ въ слово „жоны", открылъ ему этимъ путь и въ замкнутые слоги родительныхъ падежей „обжоръ, трущобъ, жонъ", допускаемыя же имъ звуковыя написанія „чортъ, самъ-шостъ и ду-шон-ка" уже сами представляютъ *о* въ замкнутыхъ слогахъ [1]). Такимъ образомъ, употребленіе послѣ шипящихъ буквы *е* вмѣсто *о*, фонетически нелѣпое и для исторіи языка ненужное, отстаивать не приходиться.

Не очень также трудно усвоить общее правило, что въ окончаніи родительнаго падежа прилагательныхъ и мѣстоименій звукъ *в* передается буквою *г*; но все-таки было бы гораздо легче не учиться никакому правилу, а писать здѣсь то, что слышится, т.-е. *в*. А какъ можно желать сохраненія правила объ окончаніи „го", при сознаніи,

---

[1]) Вдобавокъ еще дѣленіе словъ на слоги въ значительной мѣрѣ искусственно и произвольно.

что оно „и не согласно съ выговоромъ, и не оправдывается филологическими данными русскаго языка“ (стр. 34—35)—я отказываюсь понимать. За такое единственное въ своемъ родѣ правило—ни одно изъ нашихъ этимологическихъ написаній согласныхъ, вродѣ „*с*бить, по*д*кова, лес*т*но, во*з*ъ, ску*ч*но“, не становится въ столь вопіющее противорѣчіе съ произношеніемъ—можно стоять только изъ уваженія къ языку старинному или же областному. Ссылка на нихъ дѣйствительно представляетъ нѣкоторый доводъ [1]), хотя и слабый, такъ какъ, угождая одному говору, мы неминуемо обижаемъ другой [2]); а, руководясь древнерусскою рѣчью, вездѣ слѣдовало бы писать -ого (значитъ, и добр-ого), руководясь же церковнославянскимъ языкомъ—вездѣ -аго (з*ла*го, какъ теперь пишутъ уже немногіе), или, углубляясь далѣе въ древность,—ааго либо -аего.

Рѣшительно считаю нужнымъ опротестовать также утвержденіе А. С. Бѣлкина (стр. 35), будто начертаніе слова „миръ“ въ смыслѣ покоя и согласія черезъ обыкновенное *и*, а въ смыслѣ вселенной — черезъ *і*, хотя и „нелѣпо“, но „удобно“, потому что даетъ возможность легко отличить одно слово отъ другого“. *Нѣтъ, нелѣпое не можетъ быть удобнымъ*, развѣ вслѣдствіе извращенія нашего живого чутья и привитія намъ схоластическихъ взглядовъ. И дѣйствительно, правило о словѣ „міръ“, хотя и не занимаетъ много мѣста въ грамматикѣ, вовсе не легко, ибо приходится просто затвердить, въ какомъ значеніи принято писать і. Притомъ это правило влечетъ за собой совершенно праздный вопросъ, который изъ этихъ двухъ мировъ заключается во второй части собственныхъ именъ Владиміръ, Казиміръ, Житоміръ и т. п. (Первоначально тутъ вовсе не было *и*, а былъ *ѣ*).—Даже насчетъ удобства, представляемаго тѣмъ, что на письмѣ сразу видно, въ какомъ значеніи употребленъ какой-нибудь омонимъ, очень можно поспорить: я въ своей лекціи, на стр. 15—17, на кои А. С. Бѣлкинъ не обратилъ вниманія, провожу противу-

---

[1]) Я самъ, если бы могъ распорядиться на этотъ счетъ, предпочелъ бы ввести въ русскую литературную рѣчь не вторичное, можно сказать, жаргонное, -во, а болѣе архаическое -го; но вѣдь литературное произношеніе рѣшительно остановилось на первомъ: Пушкинъ порнѳмовалъ, напримѣръ, въ Полтавѣ „Петрова“ и „земного“, и никто не риѳмуетъ „земного—много“.

[2]) Странно притомъ, что самые ярые централисты, заговоривъ о правописаніи, преисполняются нѣжности къ мѣстнымъ особенностямъ!—Кто же искренно увлеченъ какимъ-нибудь говоромъ, тотъ пусть въ иныхъ случаяхъ прямо вноситъ его въ литературу.

положный взглядъ, что, если ороографія можетъ побудить насъ употребить выраженіе, имѣющее опредѣленный смыслъ на бумагѣ, но теряющее его при произнесеніи вслухъ, то оказываетъ намъ „медвѣжью услугу“; когда же смыслъ ясенъ по связи, то (какъ указано тамъ же, стр. 14, и въ „Докладѣ“, стр. 12) двоякое написаніе излишне. Удобство такого различенія просто дѣло привычки: нашъ критикъ самъ находитъ (стр. 38), что нельзя возражать противъ устраненія „ижицы“, хотя буквенное отличеніе „священнаго мѵра“ отъ „вестфальскаго мира“ [1]) несомнѣнно столь же полезно (или же излишне), какъ отличеніе послѣдняго отъ „грѣшнаго міра“ [2]).

И за ѳ, отъ коей критикъ тоже отрекается (тамъ же,—очевидно, потому, что этотъ столпъ русской грамотности уже значительно порасшатанъ употребленіемъ), онъ могъ бы заступиться, въ виду нежелательности сближать священную гору „Ѳаворъ“ со свѣтскимъ „фаворомъ“ и съ легкомысленными „фаворитками“, а особенно въ виду „необходимости“ различать фамиліи „Ѳаворскій“, отъ горы Ѳавора, и „Фаворскій“, отъ фавора-благосклонности.

За ижицу нашъ оппонентъ могъ бы постоять еще и въ виду того, что правило ея употребленія (всего въ 3 словахъ) очень кратко и просто: правило объ і, усложняемое исключеніемъ „міръ-вселенная“ съ одной стороны, а „пятиаршинный“, „приазовскій“ и т. п.—съ другой, нѣсколько сложнѣе.

---

[1]) Срв. Лекцію, стран. 30, прим.

[2]) Въ видѣ новаго подтвержденія проводимой въ моей лекціи мысли, что достоинства современной ороографіи вообще заключаются лишь въ ея привычности, отмѣчу здѣсь, что і (становлюсь на точку зрѣнія А. С. Бѣлкина) могло бы намъ пригодиться для отличенія „ліста бумаги“ отъ „листа дерева“, и „писанія кистью“ отъ „писанія перомъ“—особенно цѣнно было бы послѣднее различеніе, такъ какъ фразы „что теперь пишетъ графъ Толстой?“ и „что теперь пішетъ Верещагинъ?“ заключали бы въ себѣ указаніе, что Толстой—сочинитель, а Верещагинъ—живописецъ. Обращу вниманіе гг. различителей также на слова „постъ“ (воздержаніе) и „постъ“ (караулъ), въ первомъ изъ которыхъ они весьма кстати могли бы употреблять церковную букву ѡ. Предложу имъ еще пожалѣть о большомъ юсѣ, при помощи котораго можно бы такъ ясно различать „лѫкъ“ для стрѣльбы и „лукъ“ съѣдобный, прилагательное „скѫпая“ и дѣепричастіе „скупая“, равно, какъ корни словъ „искѫсать“ и „искусить“, „хѫдожникъ“ и „худой“. Ужъ прямо рекомендовать слѣдуетъ (по пріемамъ теперешняго письма) отличать повелительное наклоненіе „ѣжь“, черезъ *ж*, ибо оно равно церковно-славянскому ꙗждь, отъ настоящаго времени „ѣшь“, вмѣсто ꙗси (сравнить польское jesz, чешское jíš). Встрѣчая здѣсь впервые такія различія, всякій, конечно, почувствуетъ ихъ странность, и вѣроятно согласиться, что та же *странность* есть и *въ ходячей утилизаціи буквы і*, но по привычкѣ не чувствуется.

Очень просто и правило, послѣ *ж* и *ш* никогда не употреблять *ы*, а всегда *и* (или *і*), но еще проще ставить всегда *ы*, какъ предлагаетъ наше Общество, ибо тогда будутъ писать по слуху, не усвояя никакого, хотя бы и легкаго, правила [1]).

Также не особенно трудно отличать женскій родъ „онѣ, однѣ" отъ мужескаго и средняго „они, одни", равно какъ мужескій родъ прилагательныхъ „злые, синіе" отъ женскаго и средняго „злыя, синія". Но все-таки эти условныя правила, по коимъ средній родъ совпадаетъ то съ мужескимъ, то съ женскимъ, не такъ легки даже въ теоріи [2]), а на дѣлѣ я самъ не разъ противъ нихъ грѣшу, послѣ чего трачу время на исправленіе своей рукописи или печатнаго набора. (Больше: я замѣтилъ у себя двѣ уцѣлѣвшія ошибки этого рода въ печатныхъ изданіяхъ). Ну, достойно ли мыслящаго человѣка затрачивать, а особенно заставлять другихъ затрачивать хотя бы и малое время на совершенно безполезныя мелочи? [3]). Вѣдь современный русскій языкъ, какъ отмѣчено мною въ русскомъ переводѣ Миклошичевой „Сравнительной морфологіи", стр. 429, прим. 2, во множественномъ числѣ вовсе утратилъ родовыя различія. Слѣдъ ихъ въ живой литературной рѣчи сохранился лишь въ томъ, что родительный падежъ на -ов чуждъ женскому роду, а въ среднемъ—рѣдокъ [4]).

Въ пользу двоякаго написанія мѣстоименія „они" и окончанія множественнаго числа прилагательныхъ оппонентъ нашъ доказательствъ не приводитъ, но я самъ знаю примѣры, на которые онъ могъ бы сослаться, которые, однако, опять-таки толкую въ обратную сторону. Есть переводные съ французскаго разсказы, подъ заглавіемъ „Они и онѣ", а гдѣ-то я читалъ, что къ одному цѣлителю стекались „боль-

---

[1]) Даже исключеніе, чтобы послѣ двойного *жж* (которое мягко) писать (какъ и слышится) *и*, напримѣръ, „вожжи", само собой разумѣется.

[2]) Одинъ изъ участниковъ нашей работы, Мих. Сем. Семеновъ, весьма кстати указывалъ на то затрудненіе, что относительно рода словъ, лишенныхъ единственнаго числа, который опредѣляется по родительному падежу, имѣются исключенія: очки, -овъ—средняго рода, будни, -ей—мужескаго.

[3]) Срв., впрочемъ, мою собственную оговорку (Лекція, стр. 49), что отступленія отъ орѳографіи, пока они не будутъ узаконены учебнымъ начальствомъ, могутъ считаться нарушеніемъ приличій.

[4]) Срв. также мои „Дополнительныя замѣтки къ Разбору Этимологическаго словаря Миклошича", стр. 50=Р. Ф. В., томъ XXI, стр. 214, и замѣтку Алексѣя Ивановича Соболевскаго относительно первоначальной принадлежности къ мужескому роду словъ „хоромы, чары, оковы, святки, бубны и куры". *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1901 г., № 10, стр. 403—404.

ные и, особенно, больныя"; полагаю, что по свойствамъ русскаго языка слѣдовало бы не увлекаться буквенными различіями, а написать, напримѣръ, „Кавалеры и дамы", „больные, особенно женщины". Еще съ точки зрѣнія нашего оппонента можетъ-быть очень хорошо, а по моему дурно, что буквами *я* и *е* различаются „змѣи дѣйствительныя" и „змѣи сказочные".

Далѣе, не особенно хитро правило писать родительный падежъ „ея" черезъ *я*, а ту же форму, въ роли винительнаго—черезъ *е*, но все-таки надо заучить, которой изъ этихъ формъ присвоено *е*, которой—*я* (вмѣсто церковно-славянскаго ѧ и стариннаго русскаго ѣ) [1]. Да и выдержать его вовсе не легко, даже вполнѣ грамотнымъ людямъ: недавно въ одномъ объявленіи отъ Московскаго университета проскользнула буква *е* въ выраженіи „безъ нее" [2].

Не очень трудно также выдержать буквы *ы* и *і* въ мужескомъ родѣ прилагательныхъ, вродѣ „добрый, великій", въ противуположность косвеннымъ падежамъ женскаго рода „доброй, великой"; но человѣку съ настоящимъ, непринужденнымъ литературнымъ выговоромъ тоже приходится брать на зубокъ правило, что *ы* да *і* принято писать въ мужескомъ родѣ, а не наоборотъ, въ женскомъ. Впрочемъ наша комиссія, уклоняясь отъ крупной ломки, рѣшила удержать окончаніе -ый у такихъ прилагательныхъ, какъ „добрый" (вмѣстѣ съ тѣмъ также *и* въ мягкомъ окончаніи: „синий"), довольно хорошо передающее выговоръ и можетъ быть даже исторически правильное [3], и устранить только вопіющее нарушеніе чистаго произношенья въ написаніяхъ -кій, -гій, -хій, замѣнивъ послѣднія болѣе точными и притомъ болѣе архаичными -кый, -гый, -хый: „великый, пегый, ветхый". Вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагалось ставить *ы* также въ глаголахъ „покрикывать, вздрагывать, отпихывать" и т. п., при чемъ извѣстное правило, что „послѣ гортанныхъ *ы* не пишется", было бы вычеркнуто изъ грамматики, такъ какъ *нигдѣ не приходилось бы писать* и, *когда его не слышится*. Окончанія же -ой (доброй) и, соотвѣтственно тому,

---

[1]) Впрочемъ „*ея*" [притомъ именно съ такимъ произношеніемъ] допустимо, какъ славянизмъ, въ высокомъ стилѣ, особенно въ стихахъ для риѳмы. И, въ самомъ дѣлѣ, только для родительнаго падежа, такъ какъ винительный посславянски совершенно иной—ю (ѭ).

[2]) Если я самъ, въ своихъ „Басняхъ", нѣсколько разъ напечаталъ въ род. падежѣ букву ё, то сдѣлалъ это нарочно, опасаясь чтенія „*ея*", въ ущербъ риѳмѣ.

[3]) Если принять ученье Шахматова, что сочетаніе -ый только подъ удареніемъ давало -ой, напримѣръ, „злой", а будучи безударнымъ—сохранялось.

-ей (синей) принадлежатъ мнѣ лично (Лекція, стр. 40) и отдѣленіямъ русскаго языка и начальнаго преподаванія, а *вовсе не комиссіи:* рецензенту, разбирающему „не что другое, но работу комиссіи" и находящему, что „этотъ пунктъ вмѣстѣ съ другими хорошо характеризируетъ эту работу" (стр. 37, прим.), не мѣшало бы обратить вниманіе на то̀, что докладъ комиссіи не прямо былъ внесенъ въ общее собраніе, а прошелъ черезъ нѣсколько измѣнившія его отдѣленія. Оставаясь, однако, самъ сторонникомъ повсемѣстнаго употребленья (при полуэтимологической орѳографіи) окончаній -ой и -ей, считаю нелишнимъ остановиться на высказанныхъ въ нашемъ общемъ собраніи, а теперь повторенныхъ А. С. Бѣлкинымъ, доводахъ въ пользу -ый и -ій нашего уважаемаго коллеги Льва Мих. Лопатина. Л. М. Лопатинъ опасается двусмысленности, возникающей въ цитуемомъ нашимъ критикомъ выраженіи „полководецъ арміи, знаменитой побѣдами", а также въ выраженіяхъ „обыватель Москвы, исполненной унынія" и „любитель природы, путешествующей по этимъ горамъ". Тутъ 1) приведены случаи рѣдкіе, нарочно придуманные, а не взятые изъ живой рѣчи или изъ писателей [1]), 2) самыя выраженія довольно книжны и искусственны: вм. „обыватель Москвы" лучше было бы сказать „московской обыватель", а ужъ „полководецъ арміи", т.-е. „полководецъ полковъ", никуда не годится. 3) По смыслу (въ первомъ случаѣ и по смежности словъ и по неумѣстности самаго слова „арміи", безъ послѣдующаго опредѣленія къ нему) вполнѣ ясно, что знаменитость относится къ арміи, уныніе къ обывателю, и тѣмъ болѣе, что путешествуетъ не природа, а ея любитель; во второмъ примѣрѣ въ добавокъ уныніе, хотя бы и отнесенное риторически къ городу, все равно логически относится къ обывателю. 4) Если мы хотимъ писать такъ, чтобъ не было ни сучка ни задоринки, то должны перестроить подобныя выраженія: *орѳографія* же, докладывающая намъ, будто въ нихъ все обстоитъ благополучно, *насъ обманываетъ.* И профессоръ математики или физики, изобилующихъ, по замѣчанію Л. М. Лопатина (стр. 44), выраженіями вродѣ „числитель дроби", „фокусъ параболы", „центръ тяжести", едва ли будетъ очень обязанъ орѳографіи, если подъ ея вліяніемъ напишетъ фразу, которая, будучи произнесена въ аудиторіи, окажется двусмысленною, а, чего добраго, даже смѣшною [2]).

---

[1]) Настоящіе примѣры двусмысленностей, возражателями незамѣченные (впрочемъ по другимъ вопросамъ), указаны въ моей Лекціи (стр. 15 — 17), при чемъ я считалъ нужнымъ истолковать ихъ въ противуположномъ смыслѣ. Срв. выше, стр. 7.

[2]) Къ тому же „числитель дроби"—родной братъ „полководцу арміи". И вообще

Напрасно также опасаться (стр. 43), что „пропускъ буквы *ъ* въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ на *ся* поведетъ къ тому, что мы не будемъ въ состояніи отличить 3-го лица настоящаго времени отъ неопредѣленнаго наклоненія". Опять-таки *или рѣчь наша построена хорошо,* и грамматическая роль ея составныхъ частей ясна сама собой, напримѣръ, „Маша постится, а Толя не хочетъ постится"; *или же мы выразились дурно,* озаглавивъ, напримѣръ, разсказъ однимъ словомъ „Постится!", *и должны измѣнить свое выраженіе.* Отмѣчу еще, чтобы привести дѣйствительный примѣръ, употребленное нашимъ критикомъ, какъ разъ въ данномъ мѣстѣ, выраженіе, что намъ нельзя будетъ „отличить.... удивиться отъ удивится, поститься отъ постится" [1]). Смыслъ, впрочемъ, здѣсь съ грѣхомъ пополамъ выручается цѣлокупностью предложенія, особенно же первымъ примѣромъ „молíться" и „мóлится", съ различіемъ въ удареніи. Конечно, съ другой стороны, не мѣшало бы опустить этотъ ясный примѣръ, гдѣ при новой ореографіи можно будетъ писать удареніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стоило бы вспомнить, что онъ далеко не единственный въ своемъ родѣ [2]).

Но, если даже согласиться съ утвержденіемъ моихъ коллегъ-философовъ, что въ единичныхъ случаяхъ разсмотрѣнныя здѣсь схоластическія тонкости полезны, то стоитъ ли изъ-за рѣдкихъ выгодъ нагромождать постоянныя неудобства?

Нелишнимъ считаю привести здѣсь еще устное замѣчаніе Л. М.

подобныя выраженія появились *вслѣдствіе пренебреженія,* при передачѣ иностранныхъ терминовъ, *свойствами родного языка:* какъ мы не говоримъ „вода Мытищъ", а „мытищенская вода", не говоримъ „земляника лѣса", а „лѣсная земляника", такъ не слѣдовало бы говорить „фокусъ параболы", „центръ тяжести", а „парабольный фокусъ", „тяжестный центръ".

[1]) Покаюсь кстати въ собственныхъ винахъ того же рода, въ статьѣ „Мнѣніе г. Тулова о русскомъ правописаніи", изъ коихъ приведу одну: „написанія сеть, тень, сею и т. п. спервоначалу будут казаться странными" (Р. Ф. В., т. V, стр. 367)— надо было сказать „написанія через е".

[2]) Приведу еще наглядный примѣръ на буквенное различеніе. Можно считать желательнымъ заимствовать въ русскій языкъ польское возвышенное слово wieszcz поэтъ-пророкъ (передача латинскаго vates), а такому заимствованію можетъ посодѣйствовать начертаніе „вѣщъ", съ *ѣ* и съ ъ, при коемъ оно будетъ примыкать къ словамъ „вѣщій, вѣщать" и отличаться отъ слова „вещь" предметъ. Однако именно буквенное отличіе можетъ вызвать неловкое выраженіе (въ самомъ дѣлѣ, допущенное однимъ прекраснымъ ораторомъ, сейчасъ же спохватившимся), что „Мицкевич был вещ".

Лопатина (въ общемъ засѣданіи Педагогическаго общества), что орѳографическія различенія отчасти возмѣщаютъ столь важную въ рѣчи интонацію. Замѣчаніе это неприложимо къ приводимымъ примѣрамъ, и даже хоть нѣсколько аналогичный примѣръ на него (не входящій въ кругъ нашей орѳографической реформы) я подобралъ не безъ нѣкотораго труда. А, именно, противъ рекомендуемаго мною лично правила всегда писать слитно отрицаніе „не“ можно бы сослаться на важность различенія фразъ „ихъ было немного больше“, гдѣ логическое удареніе падаетъ на слово „больше“ и „ихъ было не много больше“, гдѣ оно приходитсь на слово „много“; но вѣдь эти логическія ударенія такъ и могли бы быть обозначены, не косвенно, а прямо, посредствомъ ударенiй, или же посредствомъ курсива, либо разрядки—знаковъ усиленія. Для другихъ интонацій имѣются знаки восклицательный и вопросительный и ихъ сочетанье, имѣются кавычки (знакъ вводный, можно сказать, оживительный), имѣются скобки (знакъ ускорительный), имѣется многоточіе (знакъ перерывный). Вообще едва ли найдется какая-нибудь существенная интонація, которой нельзя бы выразить на письмѣ, а если найдется, то въ столь рѣдкихъ случаяхъ, что изъ-за косвеннаго ея выраженія опять-таки было бы странно удерживать правило, создающее затрудненія на каждомъ шагу.

Мимоходомъ (такъ какъ это не относится ни къ нашему проекту, ни къ возраженьямъ А. С. Бѣлкина, а только къ моимъ личнымъ взглядамъ) укажу еще случай „легкаго“ правила, которое при ближайшемъ разсмотрѣніи тоже оказывается не совсѣмъ-то простымъ. Разумѣю обычай, по преданію, изображать русскій звукъ *ф* буквою *в*, изъ чего вытекаетъ указаніе, что „*ф* не русская буква“, и что въ исходѣ реченій, а также передъ глухими согласными, когда слышится *ф*, надо ставить *в*: „готовъ, вкладывать, впиться, въ саду, втереться, входить, въ цѣпи, въ чай, въ щетинѣ“. Однако есть исключенія, и не только простыя, какъ „лифъ, род. лифа“, но и „кафтанъ, кофта, тафта, юфть, нефть“, подлежащія чисто механическому запоминанію. Да и употребленіе буквы *в*, которую въ указанныхъ примѣрахъ не особенно трудно писать на основаніи родственныхъ формъ и выраженій, какъ „готовы, вложить, вопьется, въ лѣсу, вотрусь, войти, въ оковы, въ молоко, въ боровѣ“, зато совершенно безцѣльно, ибо *живая связь*, сознаваемая и неграмотными, вовсе *не нуждается въ поддержкѣ орѳографіи*. Срв. Лекцію, стр. 9 и 21. Когда же (что, правда, бываетъ лишь изрѣдка) соблюдается устарѣлая, позабытая

этимологія, напримѣръ, производство слова „счастіе“ отъ „часть“ [1]), то мы вдвойнѣ прегрѣшаемъ противъ дѣйствительныхъ свойствъ языка.

Наконецъ, одно общее замѣчаніе насчетъ разсмотрѣнныхъ „легкихъ“ правилъ. Грамматическое, хотя бы и самое легкое, правило годится лишь для тѣхъ, кто занимается грамматикой, а народная масса этой наукѣ вовсе не обучается; да и тотъ, кто ей учится, сначала механически, путемъ списыванія и писанія подъ диктовку, обучается орѳографіи, и только заднимъ числомъ появляется грамматика съ нѣкоторымъ осмысленіемъ этого дѣла. Надо также принять во вниманіе, что, какъ бы ни легки были правила, но, если ихъ значительное число, то они *въ общей сложности* представляютъ большую *трудность* [2]).

Теперь обращусь къ тѣмъ двумъ пунктамъ проекта, въ коихъ „комиссія отступаетъ отъ своего принципа приблизить правописаніе къ произношенію, гонясь за мнимымъ упрощеніемъ“, т.-е., ко введенію буквы ъ вм. ь въ такія слова, какъ „обьём, сьесть“ и буквы *з* вм. *с* въ слова вродѣ „возток, изход“. Критикъ, какъ и въ одномъ изъ вышеприведенныхъ случаевъ, не замѣтилъ, что *это* вовсе *не орѳографія комиссіи.* Комиссія, напротивъ того, не пожелала отказываться (несмотря на мое предложеніе, принятое затѣмъ въ отдѣленіяхъ, для большей простоты) отъ имѣющагося въ нашемъ письмѣ различенія довольно твердаго звука *б* въ какомъ-нибудь словѣ „объемъ“ и рѣшительно мягкаго *л* въ въ какомъ-нибудь „полью“; но, сохраняя это различіе, сочла нужнымъ ввести ъ во всѣ слова, представляющія передъ звукомъ j согласные полумягкіе, а именно губные, да шипящіе *ш* и *ж*, и писать, напримѣръ, съ ъ слова „бъю, пъёт, соловъи, семъя, шъю, ружъё“.

Я, впрочемъ, лично продолжаю держаться мнѣнія, высказаннаго въ замѣткѣ объ устраненіи „ъ“ (Р. Ф. В., т. XIV) и повтореннаго въ

---

[1]) „Щастье“ въ живой рѣчи представляетъ неразложимый корень „щаст“ и есть просто синонимъ нѣмецкаго Glück и французскаго bonheur, несмотря на то̀, что первоначально обозначало участіе въ долѣ, тогда какъ нѣмецкое слово обозначало случай, удачу, а французское, чувствуемое теперь, какъ „добрый часъ“ — „доброе знаменіе“ [bonum augurium]. Приводя тотъ же примѣръ въ Лекціи, стр. 10, я—конечно, некстати—въ виду нѣкоторой сложности послѣдней этимологіи, допустилъ неточный переводъ русскаго „счастье“ французскимъ fortune.

[2]) Говоря (что̀ тоже дѣлается) о легкости орѳографіи по личнымъ воспоминаніямъ, мы не должны забывать, что иное, можетъ быть, легко далось намъ, принадлежащимъ къ высшей интеллигенціи, а среднему человѣку и совсѣмъ недоступно.

Лекціи (стр. 36), а потому прибавлю здѣсь указаніе, что оттѣнки какого-нибудь слога zja въ словахъ „изъять“ и „князья“ такіе же, какъ въ словахъ „лизни“ и „стезя“, т.-е., такіе, какихъ на письмѣ выражать не принято. Что въ разбираемыхъ случаяхъ имѣются довольно тонкіе оттѣнки, можно вывести уже изъ того обстоятельства, что начертанія словъ „изъянъ, обезъяна и подьячій“ принадлежатъ къ „спорнымъ“, хотя вопросъ о присутствіи тутъ предлоговъ „из“ и „без“, а также „подъ“ съ ъ на концѣ повидимому, просто могъ бы быть рѣшенъ по слуху.

А ужъ *упрощеніе* при написаніи „обьём, сьесть“ черезъ ь вовсе не мнимое, ибо получается возможность совсѣмъ не учиться писать букву ъ и просто выбросить ее изъ типографскихъ кассъ.

Относительно предлоговъ „воз, из, низ, раз“ комиссія хотѣла остаться при нынѣшнемъ, гротовскомъ правилѣ, распространивъ его, согласно старѣйшему употребленію, на „без“ и „чрез (через)“, а также на букву *с*, значитъ, она думала писать *с* вм. *з* въ словахъ „бестолковый, чересполосица, рассада“: отступать отъ давнишняго, согласнаго и съ нынѣшнимъ выговоромъ, обычая и *употреблять* букву *з* въ словахъ „возток и изход“ *мы и сами не рѣшались*. Рѣшились же на этотъ проектъ (принадлежащій покойному московскому педагогу Владим. Петр. Шереметевскому, и принятый общимъ собраніемъ) наши отдѣленія [1]). И я не скажу, что это ужъ очень дурно. Со своей точки зрѣнія, я, понятное дѣло, привѣтствую всякую уступку выговору и отвергаю всякое усиленіе этимологіи; но, разъ другія приставки пишутся этимологически (срв. начертанія словъ „вкладъ, обходъ, подпись, сборъ, отбить“), то мѣна конечной согласной въ „воз, из, низ, раз“ представляетъ исключеніе изъ общаго правила, и, несмотря на свою фонетичность,—весьма сомнительное облегченіе.

Вопросъ о смѣнѣ буквъ *з* и *с* принадлежитъ къ самымъ мудренымъ [2]), и я самъ воспользовался имъ въ своей Лекціи (стр. 12), какъ однимъ изъ доказательствъ *суетности этимологическаго принципа*. Въ томъ же смыслѣ онъ повліялъ и на нашего критика (о чемъ ниже), хотя А. С. Бѣлкинъ, какъ сторонникъ нынѣшнихъ орѳографическихъ пріемовъ, конечно, не допускающій, изъ-за „подоьёмъ“,

---

[1]) Къ этому склонялся и Гротъ. (Филол. разыск., т. II, стр. 260, внизу).

[2]) Можно бы еще предложить, чтобы смѣна допускалась лишь у приставокъ *воз, низ, раз*, а предлогъ *из* былъ бы уравненъ съ *без, через* и съ другими настоящими предлогами.

буквы *т* въ „подпили“, долженъ бы протестовать, въ угоду „разопьемъ“ и противъ буквы *с* въ „распить“. Что *с* вм. *з* нѣсколькими столѣтіями старше, нами вѣдь не сознаётся (не входитъ, значитъ, въ область живой этимологіи), да и не имѣлось въ виду А. С. Бѣлкинымъ. Даже смущающее меня самого *з* въ „возток“ (составъ этого слова едва ли чувствуется) нисколько не хуже, чѣмъ *в* какого-нибудь „втулка“, корень котораго чуждъ обыкновенной рѣчи, или *с* въ какомъ-нибудь „сбруя“.

Напрасно обвинивъ комиссію въ ослабтленьи фонетическаго элемента въ только что указанныхъ случаяхъ, критикъ, не потрудившійся навести *справки насчетъ первоначальнаго проекта*, не высказалъ обвиненья противъ отвергнутаго отдѣленіями предложенія устранить букву *а* изъ предлога „раз“ (кромѣ двухъ-трехъ книжныхъ словъ: „разум, распря, распят, развит“, гдѣ *а* ударяемое) и всегда писать „роз“, т.-е., надѣлять буквою *о* не только слова „роспись, розвальни“, но и „росписать, розвалиться“. Обвиненіе это однако тоже было бы несправедливымъ, потому что оппонентъ нашъ несовсѣмъ вѣрно выражается (стр. 45) *насчетъ „принципа“ комиссіи* „приблизить правописаніе къ произношенію“, забывъ о провозглашаемомъ ею принципѣ „сохраненія этимологическаго начала, поскольку оно проявляется въ современномъ литературномъ языкѣ“ (Докладъ, стр. 13). А при такомъ принципѣ употребленіе буквы *о* въ глаголѣ „роспить“, съ прошедшимъ „роспил“, столь же обязательно, какъ въ существительномъ „вода“, при винительномъ падежѣ „воду“ [1]). Комиссія не погрѣшила бы также противъ своего принципа, если бы сама предложила всегда писать букву *з* въ этомъ предлогѣ и въ подобныхъ ему [2]).

Рецензенту еще осталось неизвѣстнымъ, что комиссія желала ввести въ азбуку *новую букву* ѓ, чтобы не писать, съ грубымъ нарушеніемъ фонетики и безъ пользы для этимологіи, въ словахъ „Бог-Бога, Господь и благо“ ту же букву *г*, которая употребляется въ словахъ „слог-слога, гостить и брага“ [3]). Проектъ этотъ отдѣленія

---

[1]) И академикъ Ѳ. Евг. Коршъ пишетъ черезъ *о* слово „розмѣр“, въ статьѣ „О русскомъ правописаніи“, Изв. Отд. Рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. VII, стр. 87.

[2]) Наши перемѣны, дѣйствительно, почти всѣ сближаютъ письмо съ выговоромъ; но, при массѣ незатронутыхъ нами этимологическихъ начертаній (ст*о*па, гр*я*зь, в гр*я*зи, ка*д*ка, извё*ст*ка и т. д., и т. д.), преобладаніе все-таки остается за этимологіей.

[3]) Нечего тутъ смущаться тѣмъ, что „Господь“ будетъ писаться съ придыханіемъ, а однокоренное „господин“—безъ него: первое слово не настоящее русское, а цер-

отвергли, какъ „усложненіе“ письма и въ виду того, что насчетъ ґ выговоръ нерѣдко колеблется, напримѣръ, „боґат“ или „богат“. А какъ бы посмотрѣлъ на нашъ замыселъ А. С. Бѣлкинъ? Одобрилъ бы онъ его, съ точки зрѣнія звуковой физіологіи, или осудилъ съ точки зрѣнія школьной грамматики? Быть можетъ, онъ привелъ бы его, какъ новое доказательство нашего „пренебреженія практическими потребностями“, хотя мнѣ при обученіи ребенка грамотѣ приходилось слышать чтеніе „бок“ вм. „Бох“!

Въ виду провозглашаемаго комиссіей этимологическаго принципа, впрочемъ, могло бы возникнуть у рецензента недоумѣніе (дѣйствительно высказанное другими лицами), какимъ образомъ я могъ быть участникомъ комиссіи, когда столь твердо стою за фонетику и „только мирюсь съ присутствіемъ нѣкотораго этимологическаго элемента въ орѳографіи, а отнюдь ему не сочувствую“ (Лекція, стр. 41). Недоумѣніе это разрѣшается тѣмъ, что, несмотря на противуположность принциповъ, возможно было полное соглашеніе на дѣлѣ: *этимологія съ уступками фонетикѣ* и моя *фонетика съ уступками этимологіи сошлись* на полупути.

Замѣчаніе критика, что многія ошибки, сдѣланныя въ пробныхъ диктантахъ, „не устраняются проектомъ упрощенія орѳографіи“ (стр. 43), не представляетъ возраженія противъ того, что выработано комиссіей, а указываетъ на *желательность болѣе рѣшительной реформы*.

Впрочемъ, иныя изъ ошибокъ, насчетъ которыхъ А. С. Бѣлкинъ „недоумѣваетъ, какъ относится къ нимъ комиссія“, очевидно, подходятъ подъ понятіе „*допустимаго разнообразія* въ несущественныхъ и спорныхъ случаяхъ“ (Докладъ, стр. 16). Такъ написаніе „мяккія“ съ двумя *к*, конечно, не подлежитъ строгой карѣ, ибо за него говорятъ слова „мякоть“ и „мякишъ“, а также староцерковное мѧкъкъ. Написавшій „крылушко“ черезъ *у* погрѣшилъ лишь противъ условной монополіи окончанія -ышко, употребивъ другое (даже болѣе обычное въ рѣчи) окончаніе. „Соломяный“ черезъ *я* вм. „соломенный“ съ *е* и двумя *н* вполнѣ допустимо — срв. „полотняный“; также и „соломянный“ съ двумя *н* и съ *я*, срв. „оловянный“ (только простое окончаніе -еный, фонетически наилучшее, едвали умѣстно этимологически): требовать, чтобы дѣти рѣшали этимологическіе вопросы,

ковное. Знакъ для проточнаго *г* (латинское h) желалъ бы ввести и Ѳ. Евг. Коршъ, Изв. Отд. Рус. яз. и слов., т. VII, стр. 87.

загадочные и для ученыхъ—просто смѣшно. „Оконьчивъ“, черезъ *ъ*, согласно и съ выговоромъ, и съ происхожденіемъ. „Робота“, съ *о* въ корнѣ, естественно считать болѣе правильнымъ русскимъ написаніемъ, чѣмъ обычное „работа“ [1]).

Настаивать на буквѣ *ж* въ словѣ „дворняжка“, въ угоду (неизвѣстному мнѣ ни изъ разговора, ни изъ чтенія, а только изъ словарей) „дворняга“—едва ли умѣстно. Даже, на первый взглядъ возмутительное, „громыздкій“ съ *ы* послѣ *м*, — очевидно, произнесенное съ удареніемъ на слогѣ „гро“,—находитъ себѣ извиненіе въ весьма обычномъ написаніи черезъ *ы* слова „пóломя“.

Кое-чего, впрочемъ, въ нашемъ проектѣ дѣйствительно не хватаетъ. Но не хватаетъ потому, что мы боялись выступать со слишкомъ многочисленными перемѣнами, и ограничились тѣмъ, что намъ казалось всего существеннѣе; комиссія же прошла всѣ пункты гротовскаго „Русскаго правописанія“, съ постоянными справками въ его „Спорныхъ вопросахъ“ и въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ Алексѣя Ивановича Соболевскаго, равно какъ въ другихъ пособіяхъ. Въ видѣ приложенія къ проекту и пошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія цѣлый рядъ дополнительныхъ записокъ, представляющихъ мнѣніе всей комиссіи или нѣкоторыхъ ея членовъ, отчасти мое личное. Тамъ есть, между прочимъ, замѣтка, въ которой, для облегченія и письма, и чтенія, предлагается писать, напримѣръ, „скушно“ черезъ *ш*, оставляя, понятно, *ч* въ какомъ-нибудь „звучно“; есть тамъ замѣтка о допустимости буквы *е* въ родительныхъ падежахъ „колдуней, угодей, желаней“ и т. п., поскольку въ другихъ падежахъ такихъ словъ пишется *ъ*, а не *і*; также объ окончаніи -ут у и́жевыхъ глаголовъ (глаголовъ „2-го“ спряженія): „слышутъ, ходют, просют“ [2]).

Итакъ, проектъ, въ самомъ дѣлѣ, не устраняетъ окончательно возможности правописныхъ ошибокъ: для этого надо бы письмо вполнѣ согласовать съ литературнымъ произношеніемъ [3]).

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ и малорусское и сѣверно-великорусское произношеніе.

[2]) Послѣднее (такъ же, какъ -ушко вм. -ышко) есть — что имѣла въ виду и комиссія—не столько вопросъ правописанія, сколько *праворѣчія*: разъ мы допускаемъ въ живой рѣчи, полезное, при совпаденіи безударныхъ окончаній -ит и -ят, -ат въ одномъ неявственномъ -ет, заимствованіе у глаголовъ е́стевыхъ (1-го спряженія), то должны признать его и на письмѣ. Это рекомендуетъ и академикъ Коршъ. Изв., т. VII, стр. 64.

[3]) Вопроса о мѣстныхъ особенностяхъ рѣчи, какъ указано въ лекціи, положеніе

Выставляемую далѣе оппонентомъ возможность возникновенія при новой орѳографіи новаго рода ошибокъ (стр. 42) слѣдуетъ, пожалуй, признать. Но это чуть ли не исключительно будетъ зависѣть отъ теперешнихъ нашихъ привычекъ, которыя будутъ сбивать учениковъ въ переходный періодъ, а не будутъ имѣть значенія послѣ установленія новаго письма. Тогда никому и въ голову не придетъ написать въ словѣ „жизнь“ букву *и*, какъ теперь никто (не говорю о малороссахъ и объ иностранцахъ) не напишетъ „рить“ вм. „рыть“; никто тогда также не употребитъ по нынѣшнему букву *е* въ словахъ „жосткый, шолк, чорный, щотка“ и т. п., гдѣ явственно слышится *о* [1]). Относительно же выраженія „на линии“ *нельзя будетъ и ошибиться*, такъ какъ по Докладу, стр. 41, б, 5, буква *е* тутъ только допускается, рядомъ съ *и*. На счетъ инфинитивовъ типа „гнаться“, куда будто бы можетъ попасть *ъ* „по аналогіи съ глаголами на -чься (влечься, толочься), въ которыхъ коммиссія забыла устранить *ъ*“, *у рецензента недосмотръ*: наши отдѣленія (еще разъ отдѣленія, а не комиссія) допустили здѣсь только нѣкоторую редакціонную неисправность, не приведши примѣра вродѣ „толочся“ безъ *ъ*, ибо такое начертанье прямо вытекаетъ изъ пункта а, 1: „ь пишется только въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ опущенія его получается искаженіе слова“. Положимъ, при сохраненіи за правописью въ значительной мѣрѣ производственнаго характера, инфинитивъ „гнаться“ можно будетъ написать съ *ъ* просто подъ вліяніемъ безмѣстоименнаго „гнать“—однако такое написаніе разумный учитель, конечно, отмѣтитъ лишь, какъ необычное, но не станетъ за него карать [2]). Вѣрно также, что въ род. падежѣ „Лер-

---

10 и стр. 7—8, нечего и затрогивать.—Кстати еще словцо въ пользу звукового письма. Или литературное произношеніе хорошо—тогда нечего стыдиться соотвѣтственныхъ начертаній, напримѣръ т-я-*ш*-к-*а*; или же оно дурно—тогда звуковое письмо ясно изобразитъ его недостатки и можетъ повести къ ихъ устраненію: можно будетъ усвоить себѣ оканье (чему я въ теоріи очень сочувствую), а пожалуй и поучиться у малороссовъ дѣйствительно произносить группы вродѣ *жк*.

[1]) Можно, впрочемъ, опасаться обратнаго явленія, т.-е., что по образцу фонетическаго написанія „жорнов“ начнутъ писать черезъ *о* и „жорнова́“, по образцу „шолк“—„шолка́“ и т. п. Однако, такое правописаніе, въ виду окальскаго произношенія и рукописныхъ данныхъ, могло бы даже быть рекомендовано и, значитъ, тоже не должно быть особенно преслѣдуемо.

[2]) Самъ я полагаю, что вмѣсто неимѣющаго живой этимологіи *ся* слѣдовало бы писать *са: гналса*, (такъ пишетъ и Ѳ. Евг. Коршъ, Изв., т. VII, стр. 93), а послѣ *т*, пожалуй,—*ца: гнатца*; при чемъ, въ угоду обычаямъ русскаго письма (хотя по моему и неразумнымъ) инфинитивный *ъ* могъ бы быть сохраненъ, безъ вопіющаго противо-

монтова", по аналогіи прилагательныхъ, можно будетъ написать -о-в-о, но это возможно и теперь—просто потому, что безударные звуки *о* и *а* совпадаютъ; а въ добавокъ теперь, по указанной критикомъ аналогіи, иной напишетъ еще -о-г-о или же -а-г-о. На употребленіе въ словѣ „востокъ" и т. п. буквы *с* или же *з* не мѣшало бы и помимо реформы смотрѣть безпристрастнѣе. (Относительно критиковыхъ словъ „*з*, какъ хочетъ комиссія" см. выше, стр. 33). Также окончаніями -ый да -ій, вм. предположенныхъ отдѣленіями -ой до -ей, было бы странно ужъ очень возмущаться: въ иныхъ случаяхъ позволительно ихъ даже рекомендовать, какъ провинціализмы или славянизмы (при томъ съ явственнымъ произношеніемъ звуковъ *ы* да *и* [1]), хоть бы для лопатинскихъ различеній; къ тому же -ый и -ий, рядомъ съ обыкновеннымъ написаніемъ черезъ -ой и -ей, выступали бы даже нагляднѣе. И на счетъ такихъ словъ, какъ „лекцыя", гдѣ дѣйствительно можно будетъ опять-таки ошибиться, только въ обратную сторону, критику не мѣшало бы признать, что согласовка письма съ болѣе обычнымъ произношеніемъ и провозглашенье общаго правила, что послѣ *ц* всегда пишутся *ы*, значительно облегчатъ дѣло. При томъ также въ этомъ случаѣ отмѣняемое начертаніе не заслуживаетъ особеннаго преслѣдованія, и я лично стою даже за его равноправность (Лекція, стр. 38).

Значительно благосклоннѣе, чѣмъ къ другимъ нашимъ предложеніямъ, не считая прямо имъ одобряемаго устраненія ѵ и ѳ, критикъ отнесся къ походу противъ поглощающаго столько времени и труда *ѣ-тя*. Онъ признаетъ, на стр. 39 и 40, что употребленіе этой буквы трудно, а на 41 говоритъ, что „мы, конечно, должны согласиться съ тѣмъ, что говоритъ комиссія о буквѣ *ѣ*; мы должны признать также и то, что орѳографія должна быть исправлена въ этомъ пунктѣ, что не зачѣмъ заставлять учениковъ терять время на усвоеніе того, что ненаучно, что является только результатомъ традиціи, не оправды-

---

рѣчія выговору, которое представляетъ нынѣшнее правописаніе. Сравнимъ Лекцію, стр. 47, прим., и вспомнимъ также общепринятыя начертанія „двѣнадцать, тринадцать" и т. д. до „тридцати", гдѣ пишется *д-ц* вм. этимологическаго *д-с* или *д-ъ-с*, при ясной связи съ числительнымъ „десять".

[1]) Такое произношеніе (по моему личному чутью, вычурное) слышится таки довольно часто, и пожалуй можно бы даже поставить вопросъ о его равноправности съ обычнымъ глухимъ: вспомнимъ книжныя, но вошедшія въ общее употребленіе фонемы, вродѣ „надежда" вм. „надёжа", „младшій" вм. „молодшій".

ваемой ни этимологіей, ни фонетикой" [1]). Однако, затѣмъ онъ обвиняетъ комиссію, будто она не подумала о возможности, вмѣсто того, чтобы изгонять букву *ѣ*, упорядочить ея употребленіе. Возможность эту мы про себя имѣли въ виду; но, допустивъ ее теоретически, не сочли нужнымъ заговаривать объ ней въ своемъ проектѣ.

Да, *ѣ, могъ бы быть сохраненъ,* притомъ двоякимъ способомъ: или какъ знакъ этимологическій, или (что, для критика вѣроятно совершенная новость, однако, имѣлось въ виду комиссіей)—какъ знакъ фонетическій.

Вопросъ о сохраненіи *ѣ,* съ возстановкой правильнаго употребленія его, даже недавно еще былъ поднимаемъ Сергѣемъ Никаноровичемъ Прядкинымъ, о чемъ критикъ не поинтересовался прочитать въ дополненіи къ моей Лекціи (стр. 55); да уже и Гротъ (Филолог. разыск., т. II, стр. 312) говорилъ, что „желательно бы возстановить въ этомъ отношеніи правильное письмо".

Впрочемъ, Гротъ находилъ, что „трудно, да едва-ли и нужно измѣнять начертанія словъ, которыя всѣми пишутся одинаково". Рецензенту же, полагаю, стоило бы только повнимательнѣе прочитать мою Лекцію, въ коей (на стр. 22—23) приводится, не совсѣмъ еще полный, перечень словъ, гдѣ пишется *е* вм. *ѣ* и *ѣ* вм. *е*, или „Докладъ" (стр. 18—19), чтобы признать немыслимой такую реформу. Самъ А. С. Бѣлкинъ, конечно, первый почувствуетъ, что ему было бы легче ужъ вовсе отказаться отъ ѣ-тя, чѣмъ удержать его въ своей фамиліи, а исключить изъ имени и изъ отчества. Притомъ правильное употребленіе ѣ-тя (что тоже отмѣчено у меня на 55 стр.) „было бы улучшеніемъ орѳографіи съ этимологической точки зрѣнія, но не было бы упрощеніемъ". Совсѣмъ напротивъ: исключивши *ѣ* изъ немногихъ словъ, пришлось бы возстановить его въ значительно большемъ числѣ случаевъ, и списокъ словъ съ кореннымъ ѣ-темъ, гдѣ мы по замѣчанію самого критика (стр. 40) „и встрѣчаемся съ главной трудностью въ употребленіи *ѣ*"—значительно бы удлиннился. При намѣчаемой здѣсь реформѣ не разъ бы также возникалъ вопросъ, что правильно — вопросъ, тоже предусмотрѣнный въ моей Лекціи (стр. 55 и 24 — 25) [2]). Тамъ А. С. Бѣлкинъ нашелъ бы

---

[1]) Приводя выписку изъ нашихъ разсужденій о ѣ-тѣ, А. С. Бѣлкинъ допустилъ весьма естественный у разсуждающаго по чужой спеціальности недосмотръ, превративъ нашъ примѣръ на ё изъ ь, „лёнъ" (староцерковное льнъ) въ „лёдъ" (староцерк. ледъ).

[2]) Къ лекціи моей рецензентъ, видно, отнесся съ пренебреженіемъ: какъ неспе-

указаніе, что трудно рѣшить, слѣдуетъ ли возстановить древній *ѣ*, т. д. первоначальное продленье коренного гласнаго *е*, въ многократныхъ глаголахъ вродѣ „лѣтать, плѣтать, тѣкать" (обыкновенно слитыхъ съ предлогами и обращенныхъ въ просто-несовершенные): на ихъ счетъ возникаетъ сомнѣніе, не ввела ли дѣйствительно русская рѣчь въ эти глаголы *е* взамѣнъ ѣ-тя изъ глаголовъ „летѣть, плести, течь". Но, если бы на этотъ вопросъ намъ и отвѣтили утвердительно, оказавшись повсемѣстными, сѣверно-великорусскія фонемы „лётáть, заплётáть, утёкáть", то все-же оставалось бы нерѣшеннымъ, тàкъ-ли было въ южно-великорусскомъ говорѣ. И опять-таки, не должно ли писать здѣсь *ѣ* уже изъ-за малорусскихъ „лíтáти, заплíтáти, утíкáти"? Не достаточно ли для этого даже присутствія *ѣ* въ староцерковномъ и въ праславянскомъ? Отмѣчу еще староцерковныя написанія въскрьснѫти—съ ь, а въскрѣсити—съ ѣ, и спрошу, надо ли будетъ внести послѣдній въ нашу „правильную" орѳографію? Какъ, затѣмъ, быть съ приведенными въ Лекціи „болѣе, менѣе, гдѣ, вездѣ и здѣсь"? Оставить ли имъ ихъ сомнительный *ѣ* или нѣтъ? Что мы сдѣлаемъ, далѣе, съ церковнославянскою огласовкой черезъ одно *е* вмѣсто русской, полногласной? Возстановимъ ли мы древнія написанія брѣгъ, врѣдъ, прѣдлогъ, прѣдатель и т. п. (черезъ ѣ), или же признáемъ законною давнишнюю (но, можетъ быть, допущенную лишь по безграмотности, подъ вліяніемъ полногласныхъ фонемъ „берег, веред, перед-, пере-") замѣну *ѣ-тя* черезъ *е*?—Но едва ли не главное неудобство такой мѣры, это—ея общеобязательность: какимъ-нибудь „упрощеніемъ" письма грамотные люди со спокойною совѣстью могутъ и не пользоваться, но отказываться отъ „правильной" орѳографіи, упорствовать при „ошибочной"—было бы неловко, и всѣмъ пришлось бы вновь изучать науку о буквѣ *ѣ*, въ ея архаическо-новомодной перекройкѣ. Итакъ, о возможности выступить съ планомъ „правильнаго" употребленія *ѣ-тя* комиссія вовсе не забыла, но признала это дѣло совершенно *безнадежнымъ*.

Другой, обратный по замыслу, пріемъ спасенія *ѣ-тя* опять-таки имѣетъ столь мало шансовъ на успѣхъ, что о немъ тоже не стоило заговаривать. Поэтому и въ комиссіи его коснулись лишь мелькомъ, и я предпочелъ не упоминать о немъ даже въ своей лекціи, не только

ціалистъ, онъ изъ-за легкой формы не догадался, что передъ нимъ плодъ многолѣтнихъ занятій и разносторонняго разсмотрѣнія предмета—матеріалы для лекціи копились съ 80-хъ годовъ.

при устномъ произнесеніи, но и въ печатной обработкѣ. Пріемъ этотъ слѣдующій. Такъ какъ русская литературная рѣчь представляетъ живой слѣдъ *ѣ-тя* передъ твердыми согласными и въ исходѣ, въ звукѣ *широкаго е*, равнаго нѣмецкому *е* въ Aehre и французскому è, напримѣръ, scène: „дѣло, лѣсъ, желѣзо, мѣра, на дворѣ“ и т. п., то буква *ѣ* могла бы быть сохранена въ этихъ случаяхъ; но ее надо изгнать изъ тѣхъ словъ, гдѣ звукъ *ѣ*, передъ слѣдующею мягкостью, совершенно совпалъ съ древними Е и Ь, въ видѣ *е* узкаго (равнаго нѣмецкому *е* въ Ehre и французскому é, напримѣръ été)—мы, значитъ, стали бы писать черезъ *е* слова „дельный, полесье, железистый, мерить“. Больше, разныя формы одного и того же слова пришлось бы писать различно: „уметь и умей“ съ *е*, а „умѣл“—съ *ѣ*, „вѣрно“—съ *ѣ*, а „верен“—съ *е*. Эта часть новаго правила, правда, могла бы найти сторонниковъ [1]); однако, они навѣрное испугаются дальнѣйшихъ выводовъ изъ него. Разъ *ѣ* поступаетъ на службу фонетики, то онъ долженъ писаться вездѣ, гдѣ слышится звукъ *широкаго е*, и вотъ мы приходимъ къ употребленію *ѣ-тя* въ словахъ „отѣц, лѣв, судѣбный, полѣзный, брѣнный, падѣж, жѣнскый, шѣствовать, тщѣтно, котлѣтка, офицѣр, студѣнт, профѣсор, университѣт и т. п.“, т. е. въ словахъ пришлыхъ, книжныхъ или же представляющихъ позднѣйшее отвердѣніе согласнаго. Серьезнаго значенія это неудобство, конечно, не имѣетъ, ибо проистекаетъ изъ отвергаемыхъ при фонетической реформѣ этимологическихъ предразсудковъ, главнымъ образомъ изъ школьныхъ правилъ, что „*ѣ* не бываетъ бѣглымъ“, и что „въ иностранныхъ словахъ *ѣ* не пишется“ (за вторымъ правиломъ слѣдуютъ исключенія: Сергѣй, Алексѣй, Матвѣй, индѣецъ, апрѣль, Вѣна); но рѣдко кто сможетъ въ этомъ случаѣ отрѣшиться отъ своей привычки. Да и для теоретика тутъ возникаютъ затрудненія. Дѣло въ томъ, что двоякое *е* явственно различается лишь подъ удареніемъ, но не

---

[1]) Считаю это возможнымъ потому, что сами французы, вообще склонные писать поближе не къ своему произношенію, а къ произношенію римлянъ, относительно оттѣнковъ звука *е* оказались фонетиками, и смѣло выражаютъ, напримѣръ, на письмѣ различіе въ корнѣ между инфинитивомъ pécher грѣшить и настоящимъ il pèche.—Отмѣчу кстати еще французскій примѣръ на непослѣдовательность этимологическаго письма, доказывающій полную возможность всегда писать фонетически. Находя необходимымъ употреблять h въ словѣ heure, изъ-за латинскаго hora, t въ формѣ il vient—изъ-за латинскаго venit, и g въ словѣ le doigt—изъ-за латинскаго digitus, французы преспокойно допускаютъ на мѣстѣ латинскаго habet употребленье одной буквы *a*, не смущаясь даже слитнымъ произношеніемъ a-t-il!

въ безударныхъ слогахъ. Правда, въ большинствѣ слоговъ звукъ *е* бываетъ столь неявственъ, что совпадаетъ съ *и*, въ одномъ глухомъ звукѣ (напримѣръ: „негоду́й, вѣроя́тно, предпочита́ть, игра́ешь, пла́ваемъ, бла́говѣстъ"), и вопросъ, не писать ли тутъ знака широкаго *е* (т.-е. *ѣ*) сразу рѣшается отрицательно; но онъ имѣетъ значеніе для отличающихся отъ другихъ безударныхъ слоговъ относительною ясностью слога непосредственно предшествующаго ударяемому, напримѣръ, „перо́, колесо́, слѣды́, офицера́, отвоева́ть", и слога конечнаго открытаго, напримѣръ „боя́ре, ри́мляне, на зака́тѣ, ходи́те, хо́дите". Насчетъ этихъ слоговъ возможенъ споръ, и выговоръ, кажется, нѣсколько колеблется, хотя я лично находилъ бы, что вездѣ слѣдуетъ писать *е*, допустивши въ мѣстномъ падежѣ также и *ѣ* [1]).—Обращеніе *ѣ-тя* на пользу звукового письма, кромѣ указанныхъ только что не особенно важныхъ затрудненій, встрѣтится еще съ затрудненіемъ громаднымъ, думаю даже неодолимымъ—съ тупостью человѣческаго слуха: масса россіянъ отлично различаетъ *буквы е, э* и *ѣ*, но и не подозрѣваетъ, а при случаѣ станетъ и отрицать, что въ русской рѣчи есть (какъ впервые было указано Гротомъ) *звуки е широкое и е узкое* [2]). Притомъ различеніе на письмѣ этихъ оттѣнковъ, хотя и было бы, какъ всякое сближеніе письма съ выговоромъ, полезно при обученіи чтенью по звуковому методу, не очень нужно, потому что вѣдь появленье того или другого звука тѣсно связано съ положеніемъ въ исходѣ или передъ твердостью, или же—передъ мягкостью. Не слѣдуетъ забывать также того, что здѣсь для достиженья не особенно большой выгоды потребовалась бы крупнѣйшая ломка [3]). Значитъ, и такой проектъ (который я самъ, конечно, очень желалъ бы провести) непріемлемъ.

Подчеркну кстати въ этомъ мѣстѣ (хотя А. С. Бѣлкинъ и не возражаетъ съ этой точки зрѣнія), что буква *ѣ въ начальной гра-*

---

[1]) Въ послѣднемъ, съ другой стороны, допустимо также *и*. Срв. лекцію, стр. 55.

[2]) „Тутъ-то" (м. б., скажетъ мнѣ оппонентъ) „и нужны аппараты". Однако люди, не замѣчающіе тонкостей собственнаго произношенія и не вѣрящіе другимъ, болѣе наблюдательнымъ, не повѣрятъ и нашимъ приборамъ и даже не заглянутъ въ наши записи.

[3]) Мысль присвоить ѣ-тю значенье широкаго *е* приходила мнѣ въ 80-хъ годахъ и осуществлялась, но самое непродолжительное время, въ рукописяхъ моихъ стихотвореній. Недавно я узналъ, что къ той же мысли склоняется академикъ Ѳ. Евг. Коршъ, и собирается объ этомъ писать. (См. теперь его статью „О русскомъ правописаніи", Изв., т. VII, стр. 49—57).

мотъ лишена всякой цѣны, ибо *не даетъ* ученику *никакихъ свѣдѣній изъ исторіи языка,* а является лишь какимъ-то, употребляемымъ по труднымъ правиламъ, дублетомъ къ буквѣ *е*.

Противъ устраненія *ѣ-тя* иногда возражаютъ еще (чего нашъ критикъ тоже не дѣлаетъ) съ точки зрѣнія славянскаго единенія, видя въ этомъ знакѣ какой-то примирительный элементъ между разными славянскими языками. Однако, ни у одного славянскаго народа не сохранилось столь ясныхъ слѣдовъ звука *ѣ*, чтобы употребленіе соотвѣтственной буквы (хотя бы даже правильное) могло бы кому-нибудь облегчить изученіе русскаго языка. А самая буква *ѣ* употребляется теперь только болгарами, которые путаютъ ее съ *е* и съ *я* (такъ, они пишутъ черезъ *ѣ* слово „рядъ", староцерковное рѧдъ, произносимое то по народному — „рет", то по русской фонетикѣ — „рят"), и, если мы выбросимъ *ѣ*, они, конечно, немедленно за нами послѣдуютъ. Сербы же, какъ извѣстно, уже освободились отъ *ѣ-тя*, и въ настоящее время пишутъ вмѣсто него *е*: съ ними, значитъ, предполагаемая реформа насъ сблизитъ [1]).

Полагаю, послѣ такихъ разъясненій критикъ нашъ согласится, что *русскій ѣ — это горбатый, котораго исправитъ могила.*

Является у рецензента, правда, еще и косвенное оправданіе буквы *ѣ*, въ 1-мъ примѣчаніи на 39 страницѣ, гдѣ говорится, что „есть еще болѣе обильный источникъ ошибокъ, кромѣ буквы *ѣ*, это смѣшеніе *е* и *и*". Этимъ замѣчаніемъ А. С. Бѣлкинъ, видно, и, самъ не особенно дорожитъ, ибо вѣдь готовъ пожертвовать *ѣ-темъ*, если только будетъ доказана невозможность урегулировать его употребленіе. Указанное затрудненіе однако привлекалось къ дѣлу для оправданія *ѣ-тя* другими, что вызвало мое замѣчаніе въ дополненіи къ Лекціи, стр. 55. Бѣлкинъ же, вѣроятно, принялъ во вниманіе, что затрудненіе насчетъ *е* и *и* можно устранить лишь при установленіи вполнѣ звукового письма. Впрочемъ, наиболѣе трудные случаи, вродѣ „снегирь, пескарь", а, пожалуй, и фигурирующаго въ одной изъ пробныхъ диктовокъ „настежь" (связь котораго съ „застёжка", „застёгивать" довольно отдаленная), подойдутъ подъ понятіе „случаевъ несущественныхъ и спорныхъ".

---

[1]) Приходилось мнѣ встрѣчать указаніе, будто сербы жалѣютъ объ устраненіи *ѣ-тя*. Но жалѣютъ развѣ отдѣльные книжники, да и тѣ только по недоразумѣнію скорбятъ о пестротѣ *орѳографіи* (на мѣстѣ древняго *ѣ-тя* пишется не всегда *е*, а также, по областному выговору, *и*, *je*, *ије*), когда надо бы—м. б. даже и не нужно—скорбѣть о неустановленности литературнаго выговора.

Весьма *странно, что* нашъ *критикъ*, разъ допускаетъ нѣкоторую реформу, *не жертвуетъ* прямо и *рѣшительно*, прежде всего, *конечнымъ ъ:* отмѣтивъ исключенье ѵ и ѳ, какъ „безспорные пункты", онъ присоединяетъ къ нимъ „устраненіе ъ въ концѣ словъ" лишь съ оговоркою „пожалуй" (стр. 47). Къ доводамъ противъ ъ, изложеннымъ въ моей Лекціи, на стр. 34—35 и въ Докладѣ, стр. 20—21, теперь прибавлю еще слѣдующія слова г. Колтановскаго [1]): „о томъ, *сколько горя еръ причиняетъ* дѣтямъ и огорченія ихъ наставникамъ— всякій народный учитель прекрасно знаетъ по собственному опыту. Достаточно вспомнить слѣдующую орѳографію дѣтей: коръка, търъбка, пългъ..., чтобы понять всю нелогичность отстаиванія во что бы то ни стало этого ненужнаго знака". Недавно мнѣ и самому попалась расписка одного крестьянина въ наймѣ у него дачи, гдѣ слово „съдалъ" написано съ двумя ъ. Притомъ можно ли съ чистою совѣстью сказать ученику, что обозначеніе твердости дѣйствительно твердыхъ звуковъ въ словахъ „търъбка" и „пългъ", хотя излишнее, есть ошибка? Тѣмъ менѣе можно позорить ѐровыя написанія „коръка" и „съдалъ"— этимологически правильныя. А ужъ совсѣмъ надо быть тупымъ схоластомъ, чтобы съ рѣшительнымъ негодованіемъ вычеркивать ъ изъ существительныхъ вродѣ „сѣтъка", „ёлъка", гдѣ только присутствіемъ въ суффиксѣ древняго *звука* ъ объясняется твердость звуковъ *т* и *л*, при мягкости ихъ въ первичныхъ именахъ „сѣть" и „ель". Также глагольная форма „сътекло", въ своемъ этимологически правильномъ написаніи, отличающемъ ее отъ существительнаго „стекло" (староцерк. стькло), заслуживаетъ осужденья лишь съ точки зрѣнія чистой фонетики, а г. г. различители должны бы даже привѣтствовать ее съ восторгомъ.

Вспомнимъ здѣсь еще про допущенную въ „Докладѣ" поучительную погрѣшность, въ коей, главнымъ образомъ, виновны его редакторы, я и Павелъ Никитичъ Сакулинъ, а, именно про „лишній ь въ словѣ товарищ" (стр. 21). Вмѣсто того, чтобы снабжать это слово (на стр. 41 у насъ другой примѣръ — мощ) глубокомысленнымъ, основаннымъ на элементарной грамматикѣ „sic" (Разборъ, стр. 36), лучше бы было отмѣтить, что такой недосмотръ, допущенный подъ вліяніемъ старинной, правильной орѳографіи, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ или о томъ, что научное изученіе русскаго языка вредно,

[1]) Реформа русской азбуки, Винница, 1900, стр. 18.

и подлежитъ запрету, или—что теперешнее употребленіе буквы ѣ неразумно.

Очень мудренымъ съ одной стороны, а съ другой — совершенно празднымъ, мнѣ представляется вопросъ нашего критика (стр. 35): „*если бы* эти 1739 учащихся *писали согласно проекту* комиссіи, то сколько бы ошибокъ они сдѣлали въ тѣхъ же трехъ диктантахъ?“ На этотъ вопросъ, безо всякаго подсчета, просто по общему соображенію, высказанному у меня въ Лекціи, стр. 18, можно отвѣтить, что ученики сдѣлали бы значительно больше ошибокъ, ибо къ ходячей орѳографіи они все-таки, хоть съ грѣхомъ пополамъ, привыкли, а потому постоянно стали бы на нее сбиваться. Но такая *постановка* опыта *была бы* совершенно *неправильна*. Единственно вѣрною постановкой было бы (конечно, непозволительное) обученіе значительнаго количества дѣтей вмѣсто обычной правописи—упрощенной, и сравненье затѣмъ быстроты и полноты усвоенія обѣихъ орѳографій. Но къ чему и нуженъ такой опытъ, когда само собой ясно, что *всякое упрощеніе правилъ* непремѣнно *облегчитъ ихъ*, и тѣмъ самымъ ускоритъ ихъ усвоеніе?

Заговоривъ (по поводу „они—онѣ“ и т. д., стр. 44) о томъ, „какое вліяніе на пониманіе читаемаго можетъ оказать одинаковость начертанія словъ“, рецензентъ приводитъ мои слова „вѣдь мы пишемъ вмѣсто того, чтобы говорить, значитъ и естественно писать такъ, какъ говорятъ“, но не приводитъ моихъ же словъ (на одной изъ позднѣйшихъ страницъ, на 41), что „при писаніи чего бы то не было вниманіе наше должно быть обращено на смыслъ и на ясное его выраженіе“. Притомъ онъ первую цитату напрасно противуполагаетъ гротовскому замѣчанію, что „мы пишемъ для того, чтобы другой (а такимъ мы становимся и сами черезъ минуту послѣ начертанія звука) вполнѣ понималъ и легко узнавалъ каждое написанное слово“ (Филолог. разыск., т. II, стр. 419). Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія, а говорится о разныхъ сторонахъ дѣла. Совершенно справедливо, что, если хоть бы одно слово въ читаемомъ будетъ для насъ непонятнымъ, это болѣе-менѣе (порою и совершенно) исказитъ смыслъ; но столь же справедливо, что *языкъ живетъ* и развивается, не считая рѣдкихъ аномалій, *въ видѣ разговорной рѣчи*—когда-то вовсе не было грамоты, да и теперь больше говорятъ, чѣмъ пишутъ,—и что *письмо не есть языкъ, а лишь его* (иногда мало похожій) *портретъ* [1]). А

[1]) Употребленное здѣсь выраженіе у меня предвосхищено Вольтеромъ, сказав-

что собственно слѣдовало бы писать, какъ говорятъ,—это признавалъ также Гротъ [1]), только что на практикѣ былъ уступчивѣе меня, и почти ничего не пытался отвоевать у обычая. Вѣдь онъ же говоритъ, въ „Русскомъ правописаніи", стр. 1: „На письмѣ каждый звукъ языка долженъ быть изображаемъ особою, и притомъ только одною буквою; каждая буква должна означать только одинъ звукъ". Къ этому мнѣнію, если бы онъ былъ послѣдовательнымъ, пришелъ бы и нашъ критикъ, въ качествѣ поклонника экспериментальной фонетики. Да онъ и проговаривается въ такомъ смыслѣ по поводу фонетически неточныхъ написаній „обьём и сьесть", съ мягкимъ знакомъ и фонетически невѣрнымъ — „восток, изход", съ буквою *з*, указывая, что это—написанія „вводящія затрудненія въ обученіе дѣтей чтенію, не говоря уже о затрудненіяхъ, которыя должны будутъ испытывать иностранцы и многочисленные инородцы Россіи, изучая русскій языкъ преимущественно изъ книгъ" (стр. 54). Признавши, такимъ образомъ, вредною букву *з* вмѣсто *с* въ словѣ „изход", критику слѣдовало бы признать, что тутъ вредна и буква *д* вмѣсто *т*; равно, какъ, напр., въ словѣ „обширный" — *б* вмѣсто *п*, въ словѣ „ложка" — *ж* вмѣсто *ш*. Итакъ, А. С. Бѣлкинъ *лишь по недоразумѣнію не примкнулъ къ моему фонетическому идеалу*, а, за трудностью введенія его въ жизнь, долженъ бы былъ сочувствовать хотя бы и робкимъ шагамъ въ этомъ направленіи.

Утвержденіе, будто орѳографія изучается, главнымъ образомъ, зрительнымъ путемъ (стр. 48), вслѣдствіе чего существованье книгъ нынѣшней печати чуть-ли не будетъ неодолимымъ препятствіемъ къ усвоенію новыхъ начертаній, слѣдовало бы не высказать голословно, а чѣмъ-нибудь доказать. Я, напротивъ того, считаю себя въ правѣ утверждать, что при чтеніи такъ мало всматриваются въ отдѣльныя буквы, что послѣднія запоминаются весьма смутно [2]): если бы написанія легко запоминались, то дѣти школьнаго возраста, читающія немало, а также простолюдины-начетчики, сами собой дѣлались бы

шимъ (Dictionnaire philosophique, Orthographe): „L'écriture est la peinture de la voix; plus elle est ressemblante, meilleure elle est".

[1]) И А. С. Бѣлкинъ, и другіе апологеты нашей орѳографіи, вообще не должны бы противуставлять меня Гроту: я, напротивъ того, сознаю себя въ значительной мѣрѣ его *ученикомъ и продолжателемъ его дѣла*.

[2]) Это обстоятельство, по моему, еще умаляетъ цѣну вышеприведенныхъ буквенныхъ различеній.

отмѣнными грамотеями; между тѣмъ, мы знаемъ, что прививать грамотность приходится посредствомъ продолжительнаго списыванія и писанья подъ диктовку.

Критикъ нашъ касается также способа введенія измѣненной орѳографіи. Онъ при этомъ (стр. 47) осуждаетъ обращенье Педагогическаго общества съ ходатайствомъ въ такомъ смыслѣ къ учебному начальству, какъ „путь обязательнаго слѣдованія новымъ начертаніямъ въ обученіи орѳографіи“, какъ путь „принудительныхъ мѣръ“ (стр. 48), и рекомендуетъ „путь добровольнаго принятія этихъ начертаній преподавателями русскаго языка“ (стр. 47). Однако въ нашемъ обществѣ о способѣ введенія реформы только поговорили, чтобы дать себѣ нѣкоторый отчетъ и въ этой сторонѣ дѣла, а постановили ходатайствовать лишь объ учрежденіи имѣющей воспользоваться нашими матеріалами орѳографической комиссіи при министерствѣ; также и мысль о двухъ очередяхъ для введенія перемѣнъ (стр. 48) была лишь мелькомъ высказана нѣкоторыми участниками общаго собранія. Но, такъ какъ вопросъ, поднятый здѣсь А. С. Бѣлкинымъ, не лишенъ значенія, выскажусь и на его счетъ. Въ Лекціи (стр. 49) я говорю, что относительно новаго правописанія „дѣло едва-ли можетъ обойтись безъ распоряженія свыше, которое, впрочемъ, желательно лишь въ видѣ дозволенія, а не предписанія, чтобы не возбудить раздраженія и рѣзкаго отпора“ [1]). Тогда я, однако, не имѣлъ въ виду какого-либо непосредственнаго результата моихъ разсужденій; теперь же, когда, хотя и косвенно, начались хлопоты о введеніи новаго правописанія, я считаю нужнымъ оговорить, что свобода остаться при старинѣ, конечно, должна быть предоставлена лишь тѣмъ, кто уже выучился орѳографіи, а при начальномъ обученіи новая правопись, въ другихъ областяхъ пока только „допущенная“, сразу должна стать обязательной. Если нынѣшняя орѳографія будетъ осуждена, то совершенно неестественно было бы предоставить учителямъ по своему произволу мучить ею учениковъ: *такая свобода*, данная учителю, *была бы тиранствомъ надъ учени-*

---

[1]) Несмотря на это, я все-же не согласенъ съ утвержденіемъ, что даже „тѣ небольшія измѣненія орѳографіи, которыя были введены Яковомъ Карловичемъ Гротомъ, неохотно принимались *„потому“, что* они *были обязательны*“ (стр. 48), а объясняю это тѣмъ, что они (при всей своей, почти безъ исключеній, разумности) *не представляли* замѣтнаго *облегченія*.

ками. Кромѣ того, если бы даже предоставить учителямъ выборъ между обѣими орѳографіями, все-таки нельзя обойтись безъ разрѣшенія новой орѳографіи начальствомъ—иначе всякій учитель будетъ оффиціально и даже нравственно (срв. Лекцію, стр. 49) обязанъ избрать старую. Нѣтъ, въ покровительствѣ нуждается не ходячая, привычная грамота, а новая, и „насиліе“ (стр. 48) совершается не тѣми, кто желаетъ облегчить орѳографическое иго, а тѣми, кто налагаетъ его на безотвѣтныхъ дѣтей. Притомъ, если обыкновенно это дѣлаютъ во имя (воображаемой) научности или же священной (отчасти тоже воображаемой) древности нашего письма, то имѣютъ нѣкоторое нравственное оправданіе; дѣлать же это, какъ А. С. Бѣлкинъ, не вѣря въ научность письма и не преклоняясь передъ его древностью,—окончательно странно.

Болѣе многочисленныя измѣненія, которыя понадобятся послѣ пересмотра *всего кодекса* нашего письма (стр. 48, внизу, срв. также выше, стр. 36), конечно, только затруднятъ замѣну одной орѳографіи другою и продлятъ переходную пору, которую желательно сократить,—и никакъ уже не нашему оппоненту, испугавшемуся даже нашихъ немногисленныхъ измѣненій, желать увеличенья ихъ числа. Комиссія, именно, изъ опасенія передъ консерваторами не выступила съ очень обширною ломкой, а ограничилась немногими изъ намѣченныхъ ею пунктовъ.

Постепенное пріученіе общества къ новымъ начертаніямъ (стр. 49) равносильно большой продолжительности переходной поры, и опять-таки не ладитъ съ усиленными опасеніями передъ совмѣстнымъ существованіемъ двухъ орѳографій. Напротивъ, при покровительствѣ упрощенной грамотѣ—которую съ чистой совѣстью можно „навязать“ ученикамъ, какъ въ свое время безо всякаго „плебисцита“ навязали свободу крѣпостнымъ — колебательный періодъ сократится.—Впрочемъ покровительство, пожалуй, могло бы ограничиться, вмѣсто обязательности для начальной школы,—рекомендаціей. И въ такомъ случаѣ, конечно, ни одинъ разумный педагогъ не станетъ учить дѣтей старому письму, а лѣтъ черезъ 50 никто уже не будетъ писать по нынѣшнему. Наставники, дѣйствительно, должны будутъ усвоить (вовсе не столь многочисленныя и никакъ ужъ не трудныя) новыя правила; имъ предстоитъ задача нѣкоторое время однихъ обучать новой грамотѣ, а другихъ — старой, нелегкая роль мировыхъ посредниковъ между двумя орѳографіями,—но надо полагать, что добросовѣстный

педагогъ, радѣющій о своихъ воспитанникахъ, не потяготится такимъ трудомъ.

Утверждаю еще, что, и не обязывая никого принимать наши правила, ихъ все-таки можно рекомендовать, по крайней мѣрѣ, отчасти, даже вполнѣ грамотнымъ. Такъ, думаю (срв. выше, стр. 27) позволеніе не различать родовъ во множественномъ числѣ пригодится всякому; инымъ пригодится также равноправность окончаній -ии да -ие въ дательномъ и мѣстномъ падежѣ. А ужъ безусловное для всѣхъ облегченіе представляетъ опущенье конечнаго ъ: если кому-нибудь на первыхъ порахъ—допустимъ, долго, скажемъ хоть въ теченіе цѣлаго мѣсяца—и потребуется больше умственнаго и мышечнаго напряженія, чтобы удержаться отъ употребленія ъ, чѣмъ для его постановки, такъ что окажется не сбереженіе, а потеря времени, то эта потеря вскорѣ съ лихвой окупится — полагаю, что даже очень старымъ людямъ былъ бы еще полный разсчетъ отказаться отъ конечнаго ъ [1]).

Что „всѣ учебники, всѣ учебныя пособія должны быть перепечатаны“ (стр. 48)—невѣрно: читать сразу не разучатся, и даже будутъ учиться вновь чтенію (но не письму) буквъ *ѣ, і, ѳ, ѵ* и *ъ,* а именно, при обученіи церковной грамотѣ. Срв. Лекцію, стр. 18—19.

Итакъ, нашъ *оппонентъ* отнюдь *не опровергъ* общеизвѣстнаго *факта, что правописаніе трудно*, и что, значитъ, упрощеніе его желательно [2]). *Не доказалъ* онъ также *неподготовленности комиссіи*, а мысль оправдать этимологическія написанія фонетическими опытами уже прямо недопустима. Не вѣски частныя его возраженія. Несомнѣнный выводъ изъ его статьи только тотъ, что *авторъ мало знакомъ съ вопросомъ* объ орѳографіи, а въ частности—съ трудами комиссіи [3]). Онъ, повидимому, не прочелъ даже моихъ „Положеній о правописаніи“ (Лекція, стр. 57—58), и не попытался ихъ опровергнуть; между тѣмъ, я рѣшительно утверждаю, что кто этого не сдѣлалъ, тотъ не разобралъ нашего вопроса съ достаточною полнотой.

Возражать противъ звуковой (рѣшительной или умѣренной) реформы можно лишь съ точки зрѣнія исторіи языка или діалектологіи,

---

[1]) Вспомнимъ по этому случаю, что всякая лишняя буква даетъ поводъ къ лишнимъ опискамъ и опечаткамъ, и увеличиваетъ трудъ авторовъ, наборщиковъ, корректоровъ...

[2]) Отъ нѣкоторой реформы онъ и самъ не прочь (стр. 35).

[3]) Немало впрочемъ онъ потрудился надъ провѣркой подсчета ошибокъ въ нашихъ пробныхъ диктантахъ, чего, по моему, вовсе не стоило дѣлать. (См. стр. 2).

при чемъ и *эти возраженія* (какъ подробно доказывается въ моей Лекціи, стр. 20—26, срв. также здѣсь, стр. 25) не выдерживаютъ критики и, въ сущности, *основаны* вовсе не на ученыхъ соображеніяхъ, а *на простой привычкѣ*, заставляющей насъ оцѣнивать различно совершенно однородные случаи. Новые примѣры см. здѣсь же, 25—26. Въ понятіе современнаго грамотнаго россіянина о „видимомъ мірѣ" дѣйствительно входитъ и написаніе черезъ *і*, въ понятіе о „тѣни" — написаніе черезъ *ѣ*; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы указанныя буквы были сколько-нибудь существенной частью данныхъ понятій, и что *нашу привычку* къ нимъ надо *навязывать и будущимъ поколѣніямъ*.

Нечего также опасаться (возражаю тутъ не А. С. Бѣлкину, а другимъ), что при введеніи новой правописи ослабѣетъ русское литературное единство. Напротивъ того, по минованьи переходнаго періода (въ который рознь временно усилится), установится *большее единство*, такъ какъ упрощенная грамота глубже захватитъ народную массу, да и среди образованныхъ людей устранитъ цѣлый рядъ спорныхъ случаевъ, вродѣ начертанія словъ „копѣйка", „злаго", „циферблатъ", „Владиміръ".

Напирать на уваженіе къ преданію (это опять-таки не относится прямо къ А. С. Бѣлкину) тоже нечего: мы уже теперь пишемъ совсѣмъ не такъ, какъ св. Кириллъ, и иныя изъ нашихъ правилъ даже довольно новы; а, главное,—старинное *кирилловское правописаніе было вполнѣ звуковое*, безо всякихъ уступокъ этимологіи. Такое письмо я и продолжаю (что̀ оговорено уже выше) считать идеальнымъ: только при немъ изображеніе нашей рѣчи, хотя и несовершенное, какъ всякое дѣло человѣческое, значительно приблизится къ совершенству. Если же сохранять два противуположныхъ принципа, то возможенъ лишь болѣе-менѣе удачный *компромиссъ*.

Дѣлаемыя намъ, реформаторамъ, школьно-схоластическія возражеженія образованныхъ, отчасти даже ученыхъ людей, повидимому, подтверждаютъ высказанное у меня въ Лекціи (стр. 29) опасеніе, что русское общество пока не созрѣло для реформы. Но, съ другой стороны, эти возраженія меня еще болѣе убѣждаютъ въ ея желательности: они доказываютъ, что нынѣшняя грамота (что̀, впрочемъ, мнѣ довелось отмѣтить уже давно: Р. Ф. В., т. V, стр. 372) не только заставляетъ людей тратить много времени на пустяки, но нерѣдко совершенно *извращаетъ* ихъ *понятія о родной рѣчи*.

Однако, нѣтъ ли и со стороны реформаторовъ нѣкотораго предубѣжденія, въ какомъ обвиняетъ насъ А. С. Бѣлкинъ, говоря, на стр. 41, будто „комиссія увлеклась своимъ нерасположеніемъ къ буквѣ *ѣ*"? Нѣтъ, преподаватели русской грамматики, школьной ли, или научной, могли бы быть предубѣждены только въ пользу привычныхъ и старинныхъ буквъ и начертаній, а никакъ не противъ нихъ.

Чѣмъ же объясняется та страстность во этомъ дѣлѣ, которую я, по крайней мѣрѣ, за собою лично, вполнѣ признаю? Она объясняется желаніемъ сдѣлать добро подрастающимъ поколѣніямъ и *снять со своей науки и съ себя самого отвѣтственность* за ходячія неразумности. Пожалуй, тутъ у меня сказывается и досада на школьную грамматику, которая, представляя изъ себя преимущественно ученіе о буквѣ *ѣ* и т. п. ухищреніяхъ, естественно внушаетъ людямъ такое отвращеніе къ себѣ, что они потомъ и научную грамматику, ученіе о дѣйствительныхъ свойствахъ живой человѣческой рѣчи, объявляютъ сухою и мертвою.

Впрочемъ, хотя мы, пожалуй, еще не созрѣли, но моя лекція имѣла гораздо большій успѣхъ, чѣмъ я самъ ожидалъ: вѣдь она дала толчекъ къ выработкѣ проекта Педагогическаго общества, прошедшаго въ отдѣленіяхъ его и въ общемъ собраніи, притомъ по многимъ пунктамъ единогласно [1])—тогда какъ въ 60-хъ годахъ петербургскіе педагоги не могли столковаться на этотъ счетъ [2]).

Въ виду уже достигнутаго результата и въ виду раздающихся съ разныхъ сторонъ голосовъ въ пользу упрощенія письма, къ коимъ присоединяется даже голосъ нашего суроваго критика (стр. 35), я увѣренъ, что, если и не теперь, и не въ томъ именно видѣ, какъ мы предполагали, *упрощеніе правописанія состоится.*

Въ успѣхѣ дѣла я увѣренъ еще и потому, что упрощеніе азбуки и правописи вовсе не является какимъ-то рѣзкимъ переворотомъ, а согласно съ общимъ ходомъ развитія русскаго письменнаго языка и его орѳографіи. Какъ извѣстно, на Русь были принесены староцерковныя книги, съ македоно-болгарскимъ (по другимъ—паннонскимъ) языкомъ и соотвѣтственнымъ правописаніемъ; мало-по-малу (правда, не

---

[1]) Такъ, въ Педагогическомъ обществѣ никто (ни даже спохватившійся теперь рецензентъ) не отстаивалъ буквы *ѣ!*

[2]) Очевидно тутъ сказалось развитіе науки, а въ связи съ ней университетскаго и школьнаго преподаванія за послѣднія десятилѣтія.

безъ случаевъ возвращенія къ старинѣ) какъ языкъ, такъ и ороографія русѣли, и постепенно выработался, отчасти воспринимая разныя областныя черты, современный литературный языкъ и его правописаніе. Къ этому теченію въ общемъ примыкаетъ и наша реформа, стремящаяся *сдѣлать греко-славяно-россійское правописаніе—русскимъ.*

Романъ Брандтъ.

ОТВѢТЪ КРИТИКУ ДОКЛАДА ОБЪ УПРОЩЕНІИ РУССКОЙ ОРѲОГРАФІИ.

Въ январской книжкѣ „*Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*“ помѣщена статья А. С. Бѣлкина подъ заглавіемъ „Вопросъ объ упрощеніи русской орѳографіи въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ“. Не говоря уже о важности затронутаго въ ней вопроса, она представляетъ немалый интересъ потому, что принадлежитъ лицу, принимавшему непосредственное участіе въ обсужденіи доклада педагогическаго общества и являвшемуся самымъ энергичнымъ трибуномъ оппозиціонной позиціи. Оставшись въ меньшинствѣ, г. Бѣлкинъ пожелалъ путемъ печати продолжить защиту своихъ взглядовъ, и этому можно только порадоваться: теперь всякій свѣдущій человѣкъ можетъ судить, насколько сильна та аргументація, съ помощью которой пытались доказать несостоятельность проектируемаго упрощенія орѳографіи. Тотъ, кто присутствовалъ на засѣданіяхъ педагогическаго общества при обсужденіи доклада, не найдетъ для себя ничего новаго въ статьѣ г. Бѣлкина.

Имѣя въ рукахъ печатный докладъ въ томъ видѣ, какъ онъ принятъ педагогическимъ обществомъ, г. Бѣлкинъ разбираетъ не эту окончательную редакцію, о которой теперь только и можетъ идти рѣчь, а первоначальный проектъ комиссіи. „Я приведу здѣсь, говоритъ онъ на стр. 35, „списокъ предлагаемыхъ упрощеній въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ представленъ въ педагогическое общество комиссіей“. „Я включаю и этотъ пунктъ, отвергнутый педагогическимъ обществомъ, въ свое разсмотрѣніе проекта упрощенія орѳографіи“, пишетъ онъ въ примѣчаніи на 37 стр., „потому что разбираю не что другое, но работу комиссіи, а этотъ пунктъ вмѣстѣ съ другими

хорошо характеризуетъ эту работу". Почему, спрашивается такое вниманіе къ комиссіи?

Какъ бы то ни было, но г. Бѣлкинъ, совершенно игнорируя все педагогическое общество, которое въ сущности и является теперь авторомъ доклада, произноситъ свой судъ надъ дѣйствіями комиссіи и объявляетъ суровый обвинительный вердиктъ, что „комиссія по упрощенію орѳографіи не стояла на высотѣ своей задачи" (47 стр.). Нашъ судья до такой степени увѣренъ въ правотѣ своего мнѣнія, что онъ даже не далъ себѣ труда прочитать печатный докладъ, а руководствуется лишь тѣми данными, которыя были у него въ рукахъ, когда онъ высказывалъ свои возраженія на засѣданіяхъ педагогическаго общества. Такое отношеніе къ своей задачѣ, осложненной безъ всякой нужды посторонней цѣлью „бросить свѣтъ" на работу комиссіи, конечно, обѣщаетъ мало хорошаго, въ чемъ, къ сожалѣнію, мы сейчасъ же и убѣдимся.

Признавая себя некомпетентнымъ въ предметѣ, о которомъ взялся судить (стр. 41), г. Бѣлкинъ, естественно, колеблется въ рѣшеніи перваго же вопроса, есть ли серьезная необходимость въ упрощеніи орѳографіи, или нѣтъ? Съ одной стороны, онъ находитъ „вполнѣ понятнымъ", что педагогическое общество коснулось вопроса объ упрощеніи орѳографіи (32 стр.), самъ даже допускаетъ исключеніе ѵ, ѳ и ъ (38, 47 стр.) и въ заключеніе статьи предлагаетъ свой способъ практическаго осуществленія реформы посредствомъ „плебисцита". Съ другой же стороны, онъ упрекаетъ отдѣленіе преподавателей русскаго языка, которому принадлежитъ инціатива реформы, въ томъ, что оно „не предприняло вмѣстѣ съ пересмотромъ орѳографіи разбора принятыхъ въ школѣ методовъ ея преподаванія, которые, *можетъ быть*, и являются главной причиной плохого ея усвоенія учащимися" (33 стр.). Отдѣленіе преподавателей русскаго языка, скажемъ мы на это, всегда занималось и, несомнѣнно, будетъ заниматься разборомъ методовъ преподаванія орѳографіи; оно уже съ разныхъ сторонъ подходило къ выясненію интересующаго насъ вопроса, и поэтому-то съ увѣренностью утверждаетъ, что усвоеніе правописанія затруднительно для учащихся, прежде всего, вслѣдствіе его недостатковъ. Если бы г. Бѣлкинъ съ большимъ вниманіемъ и довѣріемъ отнесся къ соображеніямъ, высказаннымъ въ первой главѣ доклада („Необходимость упрощенія русскаго правописанія") [1], онъ

---

[1]) Это мѣсто печатнаго доклада, какъ и другія, на которыя мы ссылаемся далѣе,

перестаіъ бы сомнѣваться въ важности начатаго педагогическимъ обществомъ дѣла и не высказывалъ бы недоумѣній о томъ, въ какомъ отношеніи къ работѣ комиссіи находится изслѣдованіе грамотности, произведенное отдѣленіемъ преподавателей русскаго языка. На основаніи хронологическихъ сопоставленій (стр. 34) авторъ рѣшаетъ, что комиссія не руководствовалась результатами изслѣдованія и ставитъ это ей въ непростительную вину. Но, во-первыхъ, указанная въ статьѣ хронологія не отличается абсолютной точностью, потому что комиссія, въ составъ которой входилъ и И. П. Казанскій, дѣлавшій сводку полученнаго при изслѣдованіи матеріала, знала объ этихъ результатахъ ранѣе 8 марта 1901 г., когда онъ читалъ свой докладъ въ отдѣленіи. А, во-вторыхъ, самое изслѣдованіе имѣло главною своею цѣль выяснить, каковы дѣйствительные *результаты* усиленной работы средней школы подъ усвоеніемъ правописанія (см. 5 стр. доклада). Опытъ, какъ сказано на стр. 6, краснорѣчиво подтвердилъ „*общеизвѣстный* фактъ, что средняя школа не можетъ достигнуть полной грамотности не только въ IV кл., какъ того требуютъ учебные планы, но и въ VIII классѣ". Разумѣется, рядомъ съ этимъ отчетливо выдѣлились и наиболѣе трудные случаи правописанія, но комиссія, да и каждый учитель русскаго языка знали ихъ заранѣе, безъ изслѣдованія. Не говоря уже о томъ, что самый опытъ былъ произведенъ не въ столь значительныхъ размѣрахъ, какъ это было бы желательно, въ такомъ вопросѣ едва ли даже и возможно достигнуть строгой статистической точности. Самъ А. С. Бѣлкинъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что нельзя опредѣлить числа словъ, въ которыхъ можетъ быть написано ѣ вм. и (прим. на 34 стр.); что нѣкоторые диктанты могли попасть въ классы, гдѣ грамотность случайно стоитъ низко (стр. 40); что иногда ошибки обусловливаются невниманіемъ или усталостью писавшихъ (42 стр.) и т. п. Словомъ, отдѣленіе и комиссія не склонны преувеличивать значеніе произведеннаго эксперимента. Кромѣ того, комиссія ни на минуту не забывала, что, помимо средней школы, есть еще и низшая, начальныя училища разныхъ типовъ. Въ виду этого, составители доклада сочли нужнымъ, между прочимъ, опереться на цѣнный трудъ М. П. Щепкина о народномъ образованіи въ Москвѣ. Не довольствуясь указаніемъ на трудность русскаго правописанія, докладъ подчеркиваетъ

буквально повторяютъ текстъ доклада комиссіи и, слѣдовательно, также должно „характеризовать работу" комиссіи.

далѣе ненаучность и даже ложность многихъ орѳографическихъ правилъ, и въ этомъ фактѣ видитъ еще новый сильный мотивъ въ пользу крайней желательности раціональнаго пересмотра нашей орѳографіи. Что вопросъ этотъ, дѣйствительно, назрѣлъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, еще одно отрадное обстоятельство: за его разрѣшеніе взялся, совершенно независимо отъ нашего доклада, академикъ Ѳ. Е. Коршъ, и, что́ особенно интересно, во многихъ существенныхъ пунктахъ онъ сошелся со взглядами комиссіи (Извѣстія второго отдѣленія Акад. Наукъ, т. VII, кн. I, 1902).

Впрочемъ, въ концѣ концовъ, и самъ А. С. Бѣлкинъ готовъ примириться съ задуманнымъ упрощеніемъ правописанія, но при двухъ условіяхъ: если оно принесетъ учащимся дѣйствительное облегченіе и если оно научно обосновано. Противъ такой постановки вопроса возражать не приходится и докладъ, внѣ всякаго сомнѣнія, слѣдовало бы рѣшительно отвергнуть, если бы онъ не удовлетворялъ ни одному изъ этихъ требованій. Мы надѣемся доказать, что онъ выдерживаетъ критику и въ томъ и въ другомъ отношеніи.

„Какія облегченія въ усвоеніи орѳографіи даетъ проектъ упрощенія правописанія учащимся"? спрашиваетъ нашъ критикъ (35 стр.) Изслѣдованіе грамотности показало, что 1739 учащихся сдѣлали въ трехъ диктантахъ 9,444 ошибки. „Поэтому не будетъ, *какъ кажется*, неправильнымъ поставить этотъ вопросъ такъ: если бы эти 1739 учащихся писали согласно проекту комиссіи, то сколько ошибокъ они сдѣлали бы въ тѣхъ же трехъ диктантахъ"? (35) Изъ дальнѣйшаго выясняется, что тотъ же вопросъ—и болѣе ясно—можно формулировать такъ: если бы, при оцѣнкѣ диктантовъ, не считать за ошибки тѣхъ случаевъ, въ которыхъ не видитъ ошибокъ проектъ комиссіи, то насколько уменьшилось бы количество сдѣланныхъ ошибокъ? И вотъ г. Бѣлкинъ добросовѣстно высчитываетъ, сколько ошибокъ приходится на тотъ или другой пунктъ и резюмируетъ свои изысканія словами (42): „Итакъ, мы видимъ, что десять пунктовъ проекта упрощенія орѳографіи устраняютъ только 1150 ошибокъ изъ 9444 и только одну настоящую трудность", т. е. букву ѣ. Въ буквѣ ѣ, по подсчету г. Бѣлкина, сдѣлано 1017 ошибокъ да въ переносахъ—73, итого съ упомянутыми 1150 получается 2242, т. е. проектируемая орѳографія даже теперь устранила бы болѣе $1/5$ всѣхъ ошибокъ. Это уже немалое облегченіе. Но не въ этомъ въ сущности дѣло. Странно, что самъ А. С. Бѣлкинъ не замѣчаетъ огромной логической ошибки въ своемъ методѣ: онъ совершенно забываетъ, что передъ

нимъ работы учениковъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обучались принятой нынѣ орѳографіи; онъ непонятнымъ образомъ упускаетъ изъ виду весь тотъ сложный трудъ, который былъ потраченъ учащимися, чтобы достигнуть требуемаго уровня грамотности. Пусть нѣкоторые ученики успѣшно преодолѣваютъ всѣ препятствія, но это еще ровно ничего не доказываетъ. Если же большинство учащихся послѣ 7—10 лѣтъ усиленной работы все-таки не въ состояніи писать безошибочно, то какихъ еще нужно доказательствъ трудности нашего правописанія! Нѣтъ, подобные вопросы не рѣшаются однимъ вычисленіемъ процентовъ. Нужно зайти на урокъ русскаго языка въ какой-нибудь младшій классъ и безъ всякаго предубѣжденія прислушаться къ занятіямъ; нужно самому наблюдать мучительныя усилія дѣтскаго ума постигнуть тонкости орѳографіи; нужно самому видѣть дѣтскія слезы, орошающія сухія страницы грамматикъ, книгъ для упражненій,—и тогда все станетъ ясно: передъ живыми впечатлѣніями поблекнетъ всякая софистика и холодная реторика. Члены педагогическаго общества, особенно учителя русскаго языка, не разъ переживали такія впечатлѣнія, и отдѣленіе, выступая съ своимъ докладомъ, справедливо надѣялось, что работа учащихся существенно облегчится, если будутъ устранены лишнія буквы ѵ, ѳ, і, ъ и ѣ, если вмѣсто противорѣчивыхъ и произвольныхъ правилъ будутъ даны новыя, построенныя на разумныхъ этимологическихъ основаніяхъ и нерѣдко находящія себѣ поддержку въ живомъ русскомъ произношеніи. Г. Бѣлкинъ думаетъ, что, требуя удаленія ятя, комиссія пропустила „посылку, утверждающую, что упорядочить употребленіе ѣ, подвести его подъ какое-нибудь правило, невозможно“ (41). Допустимъ, что это возможно. Но развѣ вновь придуманное, даже идеальное правило можетъ окончательно устранить существующее затрудненіе? Несомнѣнно, такое правило попрежнему останется условнымъ, такъ какъ буква ѣ не имѣетъ себѣ соотвѣтствія въ звукахъ современнаго языка, а всякое условное правило, даже самое легкое, неизбѣжно порождаетъ ошибки. Вспомнимъ написанія: міръ и миръ, ее и ея, одни и однѣ и т. п. Г. Бѣлкинъ можетъ сколько угодно объяснять подобныя ошибки тѣмъ, что ученикъ „не подумалъ“, что онъ былъ невнимателенъ, положился на слухъ (42 стр.),—фактъ остается фактомъ и говоритъ самъ за себя.

Итакъ, мы видимъ, что, какъ, повидимому, ни остроуменъ методъ А. С. Бѣлкина, онъ не въ состояніи убѣдить, будто проектируемое упрощеніе не принесетъ дѣйствительнаго облегченія. Какъ бы чув-

ствуя это, строгій критикъ начинаетъ усиленно искать другихъ, по его мнѣнію, слабыхъ мѣстъ въ проектѣ, но, къ его несчастью, у него получается или натяжка или недоразумѣніе. Сначала онъ попытался было доказать, что „новыя правила орфографіи могутъ явиться источникомъ новыхъ ошибокъ" (стр. 42). Но, такъ какъ этимъ самымъ авторъ поставилъ себя въ тяжелую необходимость высказывать однѣ произвольныя догадки, то естественно, онъ спѣшитъ выйти изъ непріятнаго положенія и хватается въ сущности за прежнюю мысль. „Но пусть этихъ ошибокъ учащіеся не будутъ дѣлать", пишетъ онъ (на 43 стр.), „все же остается огромное число 7202 ошибки, не устраняемыя проектомъ упрощенія орѳографіи, и мы недоумѣваемъ, какъ относится къ нимъ комиссія. Если это ошибки противъ такихъ правилъ орѳографіи, которыя комиссія считаетъ вполнѣ научными, то русская орѳографія не такъ плоха, какъ ее изображаетъ комиссія, но только трудна, и тѣ упрощенія въ ней, которыя предлагаются, дадутъ учащимся мало облегченія въ усвоеніи правописанія. Если эти правила не научны, то почему комиссія не обратила на нихъ вниманія и не ввела соотвѣтствующихъ упрощеній. Если же она думаетъ предложить и другія измѣненія въ русской орѳографіи и только на первую очередь поставила упрощенія, перечисленныя въ ея проектѣ, то является вопросъ: почему она не говоритъ объ этомъ, почему она не представила полнаго обзора русскаго правописанія и не указала, что, какъ и въ какой послѣдовательности должно быть въ немъ измѣнено? Комиссія оставляетъ насъ безъ отвѣта на эти вопросы и, вслѣдствіе этого, ея работа кажется веденной безъ опредѣленнаго плана, незаконченной и сулящей очень мало облегченія учащимся".

По поводу всѣхъ этихъ заключеній опять приходится, къ сожалѣнію, констатировать, что г. Бѣлкинъ недостаточно знакомъ съ докладомъ или невнимательно читалъ его. Мы укажемъ ему хотя бы на слѣдующія строки доклада (стр. 16): „Сознавая, что радикальное измѣненіе правописанія по разнымъ причинамъ было бы неудобно, мы ограничились важнѣйшими и, по нашему мнѣнію, неотложными случаями". Если бы г. Бѣлкинъ, дѣйствительно, хотѣлъ обсудить вопросъ sine ira et studio, ему бы слѣдовало доказать, что теперь необходимо и практически осуществимо самое радикальное измѣненіе правописанія, или что пункты, выдвинутые докладомъ, не принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ и неотложныхъ. А вмѣсто этого, онъ предпочитаетъ игнорировать текстъ доклада. Такъ же поступаетъ

онъ и далѣе, обвиняя комиссію въ томъ, что она „просмотрѣла вліяніе орѳографіи на пониманіе читаемаго", и поэтому ввела „одинаковыя начертанія для разныхъ словъ" (стр. 43). Пусть г. Бѣлкинъ потрудится перелистовать стр. 11, 12 и 13 доклада, и онъ найдетъ здѣсь какъ общія соображенія о процессѣ чтенія по даннымъ экспериментальной психологіи (со ссылкой на книгу Эрдмана и Доджа „Psychologische Untersuchungen über das Lesen auf experimenteller Grundlage"), такъ въ частности и разсужденія о словахъ и формахъ, звучащихъ въ рѣчи одинаково. На стр. 44 своей статьи г. Бѣлкинъ, правда, приводитъ одинъ изъ нашихъ доводовъ, но ссылается не на докладъ, а на пренія въ засѣданіи. Все это нѣсколько неожиданно, но нисколько не смущаетъ самого г. Бѣлкина, который считаетъ себя въ полномъ правѣ сдѣлать категорическій выводъ (стр. 44): „Итакъ, разсматривая проектъ упрощенія орѳографіи съ практической точки зрѣнія, мы видимъ, что облегченіе усвоенія орѳографіи и пользованія ею, за исключеніемъ двухъ трехъ пунктовъ, очень сомнительно".

Переходя далѣе къ оцѣнкѣ доклада съ научной стороны, А. С. Бѣлкинъ находитъ, что если не считать двухъ случаевъ (употребленіе ь въ словораздѣлительномъ значеніи, приставокъ воз, из и т. п.), комиссія сумѣла оправдать свои нововведенія „обширной научной аргументаціей" (стр. 45). Повидимому, чего же еще желать? Но, оказывается, комиссія все-таки не удовлетворяетъ требовательнаго критика. „Комиссія", говоритъ онъ (стр. 45), „вела свою работу односторонне и поспѣшно... Авторы проекта совсѣмъ незнакомы съ новымъ экспертиментальнымъ направленіемъ въ фонетикѣ". Вслѣдъ за этимъ г. Бѣлкинъ старается посредствомъ цитатъ изъ Руссело и Бреаля дать комиссіи урокъ по экспериментальной фонетикѣ. Но на чемъ же критикъ основываетъ свою догадку, что никто изъ членовъ комиссіи и не подозрѣвалъ даже существованія эспериментальнаго изслѣдованія звуковъ рѣчи? На томъ, что комиссія не только сама не произвела такого изслѣдованія по отношенію къ спорнымъ звукамъ русскаго языка (стр. 47), но и не сказала ничего въ оправданіе своего проступка (стр. 45). Снова мы принуждены повторить, что г. Бѣлкинъ недостаточно внимательно отнесся къ критикуемому имъ докладу. Прежде, чѣмъ опредѣлить принципы предлагаемаго упрощенія русской орѳографіи, докладъ (стр. 10—11) устанавливаетъ общій взглядъ на письмо въ его отношеніи къ живой рѣчи, опираясь, между прочимъ, на такого авторитетнаго ученаго, какъ Герм. Пауль, авторъ

извѣстнаго труда „Principien der Sprachgeschichte". Докладъ держится того мнѣнія, что правописаніе, служащее практическимъ потребностямъ жизни, нельзя отожествлять съ научно-фонетической транскрипціей. Правописаніе, помимо, конечно, этимологическихъ основаній, можетъ и должно отличать звуковую сторону рѣчи лишь постольку, поскольку она воспринимается простымъ человѣческимъ ухомъ. Письмо, употребляя сравненіе Пауля, относится къ рѣчи, какъ грубый эскизъ къ картинѣ, тщательнѣйшимъ образомъ нарисованной красками. Экспериментальная же фонетика не довольствуется показаніями слуха,—она прибѣгаетъ къ точнымъ аппаратамъ, такъ какъ стремится, по словамъ Руссело, „замѣнить личное впечатлѣніе объективной реальностью, увеличить способность зрѣнія и слуха въ своихъ изысканіяхъ выйти за узкіе предѣлы нашихъ ощущеній". Вся эта работа, представляющая огромную научную важность, не имѣетъ никакого непосредственнаго отношенія къ правописанію. Такъ на это смотрѣла комиссія. Того же мнѣнія, какъ, вѣроятно, безъ труда припомнитъ г. Бѣлкинъ, держались и защитники доклада во время преній на засѣданіяхъ педагогическаго общества. Если г. Бѣлкину такой взглядъ на правописаніе кажется ошибочнымъ, то онъ долженъ бы постараться опровергнуть его и доказать, что обычному письму нужно придать точность научно-фонетической транскрипціи, что пишущему, кто бы онъ ни былъ, нельзя браться за перо, не имѣя при себѣ аппарата для опредѣленія качества звуковъ и т. п. Но онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ, а, навязывая комиссіи совершенно постороннюю работу, заключаетъ свой разборъ словами: „Комиссія по упрощенію орѳографіи не стояла на высотѣ своей задачи" (стр. 47).

Мы надѣемся, что для всякаго непредубѣжденнаго читателя ясно, до какой степени увлекся А. С. Бѣлкинъ своимъ желаніемъ „бросить свѣтъ" на работу комиссіи, какъ онъ мало знакомъ съ разбираемымъ докладомъ, и какъ легко впадаетъ въ промахи при обсужденіи вопроса, далекаго отъ его спеціальныхъ занятій.

На этомъ бы можно и покончить, такъ какъ мы отвѣтили на всѣ возраженія, сдѣланныя А. С. Бѣлкинымъ противъ доклада комиссіи. Но нашъ оппонентъ счелъ нужнымъ въ заключеніе коснуться еще одного спорнаго пункта, именно вопроса о томъ, „какимъ путемъ слѣдуетъ вводить въ *школѣ* тѣ или другія примѣненія въ правописаніи" (47)?

„Существуютъ, говоритъ онъ, два пути: одинъ—путь доброволь-

наго принятія новыхъ начертаній преподавателями русскаго языка", а другой—„путь обязательнаго слѣдованія имъ въ обученіи орѳографіи". Педагогическое общество избрало второй путь, т. е., по словамъ г. Бѣлкина, „путь принужденія, насилія", который и долженъ привести къ ряду печальныхъ послѣдствій. „Вѣдь не только учащихся, начинающихъ обучаться орѳографіи, придется учить по новому", читаемъ у него на стр. 48, „но и сами *учителя, учебное начальство* должны будутъ переучиваться; всѣ учебники, всѣ учебныя пособія должны быть перепечатаны... Кромѣ того, защитники обязательности новаго правописанія забыли, что они создадутъ дѣтямъ страшное затрудненіе. Орѳографія изучается, главнымъ образомъ, зрительнымъ путемъ, и вотъ дѣти будутъ учиться въ школѣ по одной орѳографіи, а внѣ школы будутъ встрѣчать въ книгахъ, газетахъ, журналахъ и другихъ печатныхъ произведеніяхъ другую орѳографію. Какой сумбуръ произойдетъ въ ихъ головахъ"? Во избѣжаніе всего этого г. Бѣлкинъ и предлагаетъ дѣйствовать путемъ убѣжденія и свободнаго согласія и, если ужъ ходатайствовать о чемъ-нибудь, такъ о томъ, чтобы учителямъ было предоставлено право держаться любой системы правописанія. Къ удовольствію А. С. Бѣлкина, мы можемъ сообщить, что за „свободную агитацію" (die freie Agitation) въ этомъ дѣлѣ стоитъ и академикъ И. В. Ягичъ (Archiv für slavische Philologie. Bd XXIV, S. 319). Но намъ кажется, что путь, избранный педагогическимъ обществомъ, можетъ быть оправданъ довольно вѣскими мотивами.

Педагогическое общество вовсе не желаетъ бюрократическо-канцелярскаго рѣшенія вопроса; оно открыто стремится къ возможно широкой гласности, само добивается всесторонняго обсужденія доклада разными лицами и учрежденіями. Ходатайствуя передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ образованіи спеціальной комиссіи изъ представителей ученаго и педагогическаго міра, оно въ то же время обратилось въ разныя просвѣтительныя, ученыя и педагогическія общества съ просьбой разсмотрѣть докладъ и въ той или иной формѣ присоединиться къ ходатайству; конечно, педагогическое общество дорожитъ своимъ проектомъ и по возможности будетъ отстаивать свои предложенія, но оно видитъ въ своемъ докладѣ прежде всего матеріалъ, который могъ бы послужить исходнымъ пунктомъ работы министерской комиссіи. Когда же, въ результатѣ такого широкаго и свободнаго обмѣна мнѣній, будутъ, наконецъ, установлены желательныя упрощенія въ русскомъ правописаніи, тогда они непремѣнно должны сдѣлаться обязательными для школъ. Разумѣется, нельзя не цѣнить, что

А. С. Бѣлкинъ, не будучи преподавателемъ русскаго языка, такъ заботится объ облегченіи труда учителей и отстаиваетъ ихъ право на свободу преподаванія, но въ данномъ случаѣ преподаватели русскаго языка, состоящіе членами педагогическаго общества, рѣшились сами наложить на себя руку. Вполнѣ сознавая, что имъ придется до нѣкоторой степени переучиваться, они однако готовы примириться съ этимъ неудобствомъ изъ убѣжденія, что учителя существуютъ для учениковъ, а не наоборотъ, что интересы дѣтей въ глазахъ педагога должны быть выше всего. Съ другой стороны, какъ ни заманчива свобода преподаванія, но она неумѣстна въ дѣлѣ обученія правописанію. Орѳографія, скажемъ мы словами доклада (12 стр.), въ основныхъ ея чертахъ должна быть болѣе или менѣе прочно установленной системой. На это есть серьезныя основанія психологическаго и педагогическаго характера, которыя и изложены на 12—13 стр. доклада (ср. также 16 стр.).

Само собою разумѣется, что, въ случаѣ осуществленія реформы, школьная орѳографія извѣстное время будетъ разниться отъ правописанія общей печати. Это, безъ сомнѣнія, будетъ затруднять обученіе правописанію, но все-же это зло еще не столь большой руки; во всякомъ случаѣ „сумбуръ" будетъ тутъ не столь значителенъ, какъ при условіи абсолютной свободы для каждаго преподавателя имѣть свою систему правописанія, что проектируетъ и Бѣлкинъ. Нужно помнить, что временныя затрудненія положительно неизбѣжны при всякомъ нововведеніи и останавливаться передъ ними нечего. Примѣръ Германіи и Франціи позволяетъ надѣяться, что не только школа мало-по-малу создастъ контингентъ пишущихъ по новой орѳографіи, но что послѣдняя, если она дѣйствительно обладаетъ цѣнными преимуществами, рано или поздно завоюетъ себѣ сочувствіе и тѣхъ, которые уже свыклись съ существующей орѳографіей. Поэтому теперь всего болѣе нужно желать, чтобы вопросъ, поднятый педагогическимъ обществомъ, подвергся компетентному и безпристрастному обсужденію. Лишь при этомъ условіи онъ получитъ надлежащее разрѣшеніе, и школа будетъ освобождена отъ тѣхъ оковъ орѳографической традиціи, которыя тормозятъ ея воспитательно-образовательное вліяніе на учащихся.

П. Сакулинъ.

ЗАМѢТКИ О ПОСТАНОВКѢ ПРЕПОДАВАНІЯ ВЪ ВЫСШЕЙ ШКОЛѢ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Надо отдать честь устроителямъ педагогическаго отдѣла Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ на всемірной Парижской выставкѣ 1900 г. Съ ихъ стороны было сдѣлано все, чтобы облегчить знакомство публики съ современнымъ состояніемъ сѣверо-американской школы. Съ этою цѣлію составленъ рядъ монографій, обнимающихъ всѣ стороны школьной жизни [1]). Ученическія работы выста-

---

[1]) Правда, не всѣ онѣ одинаковаго научнаго достоинства, но въ каждой изъ нихъ содержится немало цѣннаго матеріала. Department of Education for the United States Commission to the Paris Exposition of 1900. Director Howard I. Rogers, Albany, N. Y. Monograhs on Education in the United States edited by Nicholas Murray Butler, professor of philosophy and education in Columbia University, New-York.

1) Educational organisation and administration. Andrew Gloan Draper, president of the University of Illinois, Champaign, Illinois.

2) Elementary education. William F. Harris, United States Commissioner of Education, Washigton, D. C.

3) Kindergarten education. Susan E. Blow, Cazenovia, New-York.

4) Secondary education. Elmer Ellsworth Brown, professor of education in the University of California, Berkeley, California.

5) The american college. Andrew Fleging West, professor of latin in Princeton University, Princeton New Iersey.

6) The american university. Edward Delavaan Perry, Iay professor of Greek in Colombia University, New York.

7) Education of women. M. Carey Thomas, president of Bryn Mawr College, Bryn Mawr, Pennsylvania.

8) Training of teachers B. A. Hinsdale, professor of the Science and Art of Teaching in the University of Michigan, Ann Arbor, Michigan.

влены съ рѣдкою полнотою и снабжены не только необходимыми объяснительными записками о методахъ и цѣляхъ преподаванія, но и указаніями на то, въ какомъ возрастѣ и періодѣ обученія находятся исполнявшіе ихъ ученики. Подборъ этихъ работъ таковъ, что онѣ дѣйствительно представляютъ систематическую картину постепеннаго умственнаго развитія обучающагося въ школѣ юношества и тѣхъ пріемовъ, коими оно достигается. Главнѣйшіе учебники, по которымъ ведется преподаваніе, всѣ налицо; цѣлый рядъ фотографій, плановъ и рисунковъ, сдѣланныхъ по одной, заранѣе выработанной системѣ, вводитъ во внутреннюю жизнь школы, а фонографъ и кинематографъ дополняютъ получаемое впечатлѣніе. Передъ обозрѣвателемъ развертывается, такимъ образомъ, картина Сѣверо-Американской школьной организаціи во всемъ ея объемѣ, и картина при томъ въ высшей степени поучительная.

Средняя школа Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ представляетъ широкое поле для наблюденій по всѣмъ вопросамъ средняго образованія: она разнится отъ европейско-континентальной и по той цѣли, которую она преслѣдуетъ, и по организаціи, допускающей безконечное разнообразіе типовъ, и по программамъ, которыя

9) School architecture and hygiene Gilbert B. Morrison, principal of the manual training high school, Kansas city, Missouri.

10) Professional education. James Russell Parsons, director of the college and high school departments, University of the state of New York, Albany, New York.

11) Scientific, technical and engineering education. T. C. Mendenhall, president of the Technological institute, Worcester, Massachusetts.

12) Agricultural education. Charles W. Dabney, president of the university of Tennessee, Knoxville, Tennessee.

13) Commercial education. Edmund J. James, professor of public administation in the University of Chicago, Chicago, Illinois.

14) Art and industrial education. Isaac Edwards Clarke, bureau of education, Washington, D. C.

15) Education of defecfives. Edward Ellis Allen, pricipal of the Pennsylvania institution for the instruction of the Blind, Overbrook, Pennsylvania.

16) Summer schools and University extension. Herbert B. Adams, professor of american and institutional history in the Iohns Hopkins university, Baltimore, Maryland.

17) Scientific societies and associations. James Mckeen Cattell, professor of Psychology in Kolumbia university, New York.

18) Education of the negro. Booker T. Washington, principal of the Tyuskegee Institute, Tuskegee, Alabama.

19) Education of the indian. William N. Hailmann, superitendent of schools, Dayton, Ohio.

составляются не по одному, разъ для всѣхъ однородныхъ заведеній выработанному образцу, а примѣнительно къ постепенно мѣняющимся требованіямъ всей совокупности мѣстныхъ условій, и по методамъ преподаванія съ его колебаніемъ и исканіемъ новыхъ путей. То, что въ Европѣ остается въ области однихъ академическихъ разсужденій, въ Америкѣ уже проведено въ жизнь, изъ теоріи перешло на практику, часто давъ результаты совершенно неожиданные съ отвлеченной точки зрѣнія. Во многомъ средняя школа Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ настоящее время переживаетъ процессы, противоположные тѣмъ, которые происходятъ въ школѣ континентальной. Такъ, на континентѣ движеніе противъ классицизма охватываетъ все новые и новые слои общества, и число обучающихся въ классической школѣ уменьшается, если не въ общей своей суммѣ, то въ процентномъ отношеніи къ числу обучающихся въ школѣ безъ древнихъ языковъ, въ Америкѣ же наоборотъ, число обучающихся древнимъ языкамъ, въ особенности латинскому, постоянно растетъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнетъ убѣжденіе, что изученіе классическихъ языковъ, одного изъ нихъ или обоихъ, составляетъ необходимое условіе для подготовки обучающихся къ жизни, независимо отъ тѣхъ областей дѣятельности, которыя имъ пришлось бы избрать, ибо всѣ онѣ одинаково требуютъ, рядомъ съ общимъ развитіемъ, способности и умѣнья обладать родною литературною рѣчью, а послѣднее всего лучше достигается, разъ оно имѣетъ опору въ одновременномъ изученіи древнихъ языковъ [2]).

Если на континентѣ усиливается стремленіе облегчить курсы низ-

---

[1]) Вопреки всѣмъ нападкамъ на классическую систему, она видимо растетъ въ общественномъ мнѣніи. Во многихъ изъ лучшихъ школъ какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, на классическое отдѣленіе смотрятъ, какъ на главное, по отношенію къ которому другія отдѣленія являются лишь дополнительными. Но въ классическое отдѣленіе обыкновенно добавляютъ изученіе естественныхъ наукъ при однолѣтнемъ или двухлѣтнемъ курсѣ. (Second. Educ. by Brown. 37).

Всего въ высшихъ школахъ и академіяхъ въ $1897/_8$ учебномъ году латинскому языку обучалось 49,44% общаго числа учениковъ, а греческому 4,50%, въ $1893/_4$ году ихъ было 43,59% и 4,99/%, и въ $1889/_{90}$ году $33{,}_{62}$% и 4,32% (Second. Educ. Table V).

[2]) Конференція по обученію англійскому языку полагала: „успѣхъ обученія англійскому языку не можетъ быть обезпеченъ въ высшей школѣ, если оно не будетъ опираться на изученіе другого языка. Латинскій и нѣмецкій языки въ силу того высокаго развитія, которое достигается въ нихъ системою измѣняемости окончаній, способствуетъ ему по преимуществу“. X, 21.

шихъ классовъ и перенести центръ тяжести преподаванія на старшіе классы, то въ Америкѣ, наоборотъ, начинается движеніе въ пользу введенія въ курсъ низшихъ классовъ, хотя бы въ пропедевтическомъ видѣ, тѣхъ предметовъ, которые начинались до сихъ поръ только съ высшихъ классовъ, и, такимъ образомъ, возстановляется нарушенное въ другую сторону равновѣсіе [1]).

На континентѣ канонъ установившихся школьныхъ типовъ постоянно расширяется путемъ созданія новыхъ школьныхъ организацій, а старымъ стремятся придать больше гибкости, обращаясь къ бифуркаціи и трифуркаціи. Въ Америкѣ, испытавшей уже на практикѣ всѣ послѣдствія отъ чрезмѣрной дифференціаціи школьныхъ системъ начинается обратное теченіе. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ объединительныя работы, предпринятыя комиссіей десяти, и ихъ докладъ по этому поводу [2]).

Въ то время, какъ на континентѣ наблюдается стремленіе придать больше разнообразія школьнымъ программамъ, посредствомъ введенія

---

[1]) X, 16, 19 pass.

[2]) Работы этой комиссіи, обыкновенно называемой комиссіей десяти, имѣютъ первостепенное значеніе для современной американской школы. Собраніе этой комиссіи явилось слѣдствіемъ убѣжденія среди членовъ National educational association въ необходимости внести больше объединенія въ программы средней школы. Работала эта коммиссія въ 1892 году. Предсѣдательствовалъ въ ней ректоръ Harvard'скаго университета, членами были лица, коимъ поручено завѣдываніе школою, и представители какъ средняго, такъ и высшаго образованія. Не ограничиваясь разработкою вопроса объ отношеніяхъ high School къ колледжамъ, коммиссія занялась разсмотрѣніемъ средняго образованія въ его цѣломъ съ воспитательной точки зрѣнія. Девяти подкомиссіямъ, состоящимъ изъ десяти членовъ каждая, было поручено составленіе докладовъ по отдѣльнымъ предметамъ, какъ-то: латинскій, греческій, англійскій, другіе новые языки, математика, физика (съ астрономіей и химіей), естественная исторія (біологія, включая сюда ботанику, зоологію и физіологію), исторія (съ законовѣдѣніемъ и политической экономіей) и географія (физическая географія, геологія и метеорологія).

Комиссія десяти, по разсмотрѣніи тщательно составленныхъ докладовъ и по изученіи значительнаго числа курсовъ, въ средней школѣ проходимыхъ, выработала одинъ сводный докладъ, который и былъ обнародованъ въ 1893 г. правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ вмѣстѣ съ докладами отдѣльныхъ подкомиссій. Появленіе Report of the committee of ten on secondary School Studies вызвало оживленныя пренія, которыя и до сихъ поръ не пришли къ концу. Окончательные курсы, ими выработанные, не вездѣ были приняты, равно какъ и требованія, предъявляемыя къ поступающимъ въ колледжи, не вездѣ были измѣнены согласно предположеніямъ доклада, но его вліяніе тѣмъ не менѣе было въ общемъ въ высшей степени благотворно и имѣло широкое распространеніе (Second. educ. by Brown, 29—32).

въ нихъ новыхъ предметовъ, независимо отъ того, оправдывается ли это ихъ умственно-воспитательнымъ значеніемъ, лучшія школы Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отреклись уже отъ этихъ попытокъ, на практикѣ извѣдавъ ихъ безплодность [1]).

Но нигдѣ, быть можетъ, не разнится такъ школа континентальная и американская, какъ во взглядахъ на женское образованіе. Хотя на континентѣ взгляды эти всего менѣе можно считать установившимися, но какъ бы ни были велики тѣ колебанія, которымъ они подвергаются, имъ представляется совершенно чуждой мысль объ обученіи въ средней школѣ совмѣстно мальчиковъ и дѣвочекъ. Скорѣе они склоняются къ тому, чтобы строить женское образованіе на особыхъ, ему исключительно усвояемыхъ, основаніяхъ, въ соотвѣтствіи съ особенностями женской умственной организаціи. Возникнувъ изъ непризнанія полной умственной равноправности женщинъ и мужчинъ, при коренномъ различеніи предстоящихъ имъ въ жизни задачъ, взглядъ этотъ оправданіе себѣ въ настоящее время стремится найти въ данныхъ біологическихъ: Il y a progrès quand il y a entre les deux sexes plus de dissemblance; celle ci doit donc être favorisée par tous les moyens possibles. Tout ce qui peut avoir pour effet de diminuer leurs caractères distinctifs et de les assimiler entre eux est en opposition avec les données de la science biologique (Sicard. L'évolution sexuelle dans l'espèce humaine. Paris. 1892). Въ Америкѣ, наоборотъ, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, разница между постановкою образованія въ среднихъ мужскихъ и женскихъ заведеніяхъ сознательно сводится до минимума и исчезаетъ даже въ большинствѣ случаевъ совершенно, такъ что оба типа сливаются въ одинъ и двѣ школы въ одну общую. Подъ одною кровлею у однихъ и тѣхъ же преподавателей и преподавательницъ учатся совмѣстно мальчики и дѣвочки по одной и той же программѣ.

---

[1]) Въ сорока школахъ, къ которымъ обратился съ запросомъ комитетъ 10-ти за точными свѣдѣніями о программахъ, оказалось, что преподается сорокъ различныхъ предметовъ, изъ коихъ 13 входятъ въ курсъ большинства ихъ. Затѣмъ многіе изъ этихъ предметовъ преподаются при такомъ числѣ уроковъ, при которомъ преподаваніе ихъ не можетъ принести пользы; и, наконецъ, число уроковъ по однимъ и тѣмъ же предметамъ разнится значительно. Въ этомъ случаѣ нѣтъ единства даже въ числѣ уроковъ по алгебрѣ. Послѣдствіемъ этого и явилось предостереженіе комиссіи десяти противъ многопредметности и противъ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ при такомъ числѣ уроковъ, при которомъ оно, несомнѣнно, обречено на безуспѣшность. X. Second. educ. 37.

Чѣмъ больше разница между континентальною школьною системою и системою, принятою въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, тѣмъ поучительнѣе изученіе послѣдней. Надлежащимъ образомъ поставленное, оно можетъ замѣнить для школы европейской производство собственныхъ дорого-стоящихъ во всѣхъ отношеніяхъ и далеко небезопасныхъ опытовъ. Но изученіе это нелегко. Во-первыхъ, оно затрудняется безконечнымъ разнообразіемъ тѣхъ типовъ школъ, которые выработаны различными Штатами и ихъ округами; для ясности пониманія необходимо вывести такой ихъ средній типъ, къ которому съ той и съ другой стороны приближались бы всѣ остальные; докладъ десяти, какъ наиболѣе авторитетный источникъ, долженъ прійти въ этомъ случаѣ на помощь; а, во-вторыхъ, и самое главное, для того, чтобы строй Сѣверо-Американской школы сталъ яснымъ, необходимо предварительно отрѣшиться отъ большинства тѣхъ понятій, которыя невольно возникаютъ на почвѣ изученія школы континентальной, ея организаціи и отношенія къ государству, и перенестись въ міръ совершенно иныхъ, чуждыхъ намъ представленій.

Надъ школою въ Европѣ мы видимъ всесильное государство съ принудительною властью. Школа плоть отъ плоти его и кость отъ кости его. Государство шло впереди жизни, вызвавъ ее къ существованію. Оно лелѣяло ея хилое дѣтство, оно окружало попеченіемъ ея слабую юность и въ зрѣломъ возрастѣ осталось ея вѣрнымъ и неизмѣннымъ покровителемъ и союзникомъ. Оно даетъ ей средства къ существованію, оно наполняетъ стѣны ея учащимися, привлекая ихъ обѣщаніями служебныхъ правъ и преимуществъ, а иногда прибѣгая къ принудительной силѣ. Но за то оно сохранило надъ нею всю полноту своей власти; оно регламентировало ея строй, оно кристализировало ея типы; типы эти были выработаны согласно его, государства, потребностямъ, и согласно съ его, государства, указаніями. Не готовое содержаніе искало формы, а создавалась форма для будущаго содержанія. На первый планъ было выдвинуто знаніе, и, сообразно съ тѣмъ, были составлены программы. Вырабатывались они не людьми практики, а людьми науки, а потому были построены такъ, чтобы сдѣлать изъ средней школы подготовительную къ высшей. Курсъ средней школы въ маломъ видѣ явился подобіемъ курса высшей. Извѣстному количеству знаній былъ усвоенъ извѣстный объемъ правъ. Учителя явились, такимъ образомъ, не только учителями, но и государственными чиновниками, сообщающими не только знанія, но и распредѣляющими права. Отсюда необходимость надъ ними контроля

и сведенія программы къ одному общему знаменателю и строгой централизаціи.

Понятіе о государствѣ въ европейскомъ смыслѣ этого слова къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ неприложимо. Права и обязанности его дробятся между союзомъ штатовъ, каждымъ штатомъ и отдѣльными политическими единицами, изъ которыхъ слагается послѣдній. Центральнаго учрежденія, которое вѣдало бы полновластно всѣ школы Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, нѣтъ, ибо таковымъ нельзя назвать U. S. bureau of education, располагающаго лишь голосомъ увѣщательнымъ и правомъ собиранія статистическихъ данныхъ. Да его и возникнуть не могло, ибо не государство вызвало школы къ жизни, а онѣ явились сами, какъ естественное слѣдствіе умственнаго роста общества и народа. Не для жизни создавались искусственные каналы, по которымъ направлялось ея теченіе, а она сама искала себѣ русла. Школьная организація не предшествовала потребностямъ общества, а слѣдовала за ними, и ими опредѣлился ея характеръ; изъ всѣхъ американскихъ учрежденій школа явилась наиболѣе самобытнымъ, наиболѣе національнымъ; возникши изъ общества, она подчинялась только обществу. Реальная власть надъ нею сосредоточилась въ рукахъ выборной на митингахъ коллегіи по штатамъ, городамъ и округамъ. Частной иниціативѣ былъ предоставленъ полный просторъ. Развиваясь не на основаніи апріорныхъ построеній, а путемъ естественнаго накопленія опыта при удовлетвореніи назрѣвающихъ потребностей, она выработала свои оригинальныя формы. Разъ она вызвана самою жизнію, она служитъ ея потребностямъ. Она готовитъ людей для жизни, а не для государства. Этимъ прежде всего опредѣляется ея характеръ, строй и программы. Жизнь можетъ оторвать воспитанниковъ отъ школы во всякую минуту [1]); для того, чтобы удлинить время, проводимое ими въ школѣ, остается одно средство: принимать дѣтей возможно раньше, начиная съ 5—6 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самая школа должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы, сколько бы времени ни провелъ воспитанникъ въ ея стѣнахъ, время это для него было проведено производительно.

Въ этихъ видахъ низшая и средняя школа въ Америкѣ имѣетъ большее число составныхъ частей, чѣмъ на континентѣ (дѣтскій садъ, начальная школа, грамматическая школа, высшая школа, или ака-

[1]) Въ высшее учебное заведеніе college въ 1897/8 году готовилось поступить только 10,71% общаго числа учениковъ.

демія, и два первыхъ курса коллегій [1]) (kindergarten, primary shool, grammar school, high school, college). Каждая изъ этихъ частей стремится образовать изъ себя въ умственно-воспитательномъ отношеніи законченное цѣлое, а потому должна придать своимъ программамъ совершенно своеобразный характеръ. О преподаваніи предметовъ такъ, чтобы они служили прообразомъ научныхъ курсовъ, не можетъ быть и рѣчи. Количество знаній, подлежащихъ усвоенію, подвергается значительному сокращенію по сравненію со школою континентальною, ибо знаніе въ школѣ является не цѣлью, а лишь средствомъ къ развитію въ воспитанникахъ умственной самодѣятельности и умѣнья пользоваться своимъ умственнымъ аппаратомъ. Приготовительный характеръ средней школы къ высшей отступаетъ на второй планъ, ибо развитіе школьной системы совершалось не сверху внизъ, какъ на континентѣ, а снизу вверхъ; надъ низшими школьными организаціями, по мѣрѣ умственнаго роста народа, наростали высшія, а не создавались сначала среднія, а потомъ низшія для подготовки матеріала къ заполненію высшихъ.

Разъ школа не является органомъ правительственнымъ, она не имѣетъ права выдавать дипломы, съ коими были бы связаны какія бы то ни было преимущества. Даже признаніе этихъ дипломовъ дѣйствительными для поступленія въ высшее учебное заведеніе и то всецѣло зависитъ отъ добровольнаго соглашенія средней школы съ высшей. Значеніе диплома, такимъ образомъ, сводится до минимума; важнымъ является не самый дипломъ, а то внутреннее содержаніе, внѣшнимъ выраженіемъ котораго онъ служитъ.

Находись въ такихъ условіяхъ какая угодно школа, въ силу вещей она не могла бы не выработать для себя разнообразныхъ формъ въ томъ даже случаѣ, если бы составъ того народа, которому она принадлежитъ, былъ совершенно однороденъ и внутри его хранились установившіяся школьныя традиціи. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ послѣдняго быть не могло. Основное англо-голландское населеніе постоянно пополнялось и освѣжалось

---

[1]) Два первыхъ класса въ college-ахъ и университетахъ посвящаются гуманистическому образованію и служатъ завершеніемъ курса high-school; только на двухъ высшихъ курсахъ преподаваніе носитъ собственно академическій характеръ. Это ненормально, но измѣнить существующій порядокъ затруднительно потому, что изъ 476 т. н. колледжей только собственно девять могутъ называться университетами въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Университетскій курсъ длится 4 года, для болѣе способныхъ 3 года.

притокомъ съ континента новыхъ переселенцевъ, принадлежащихъ ко всевозможнымъ національностямъ. Это были люди, порвавшіе съ своимъ прошлымъ, и сознательно искавшіе новыхъ формъ жизни. Они разнствовали между собою не только по національности, но и по вѣроисповѣданію. Они были поставлены въ различныя экономическія и климатическія условія. Все это, вмѣстѣ взятое, при полномъ невмѣшательствѣ со стороны государства, вызвало такое разнообразіе школьныхъ типовъ, что съ перваго взгляда трудно даже увидѣть въ нихъ какую бы то ни было систему. Между тѣмъ, она, несомнѣнно, есть, и основныя черты ея съ каждымъ годомъ выступаютъ яснѣе; по мѣрѣ того, какъ различные элементы, изъ которыхъ слагается американская національность, взаимно уподобляются; по мѣрѣ того, какъ она духовно объединяется, ослабляется и дѣйствіе причинъ, вызвавшихъ разнообразіе школьныхъ типовъ, и создается потребность въ ихъ большемъ объединеніи.

Предлагаемыя замѣтки объ американскихъ high school (V—VIII кл. нашихъ гимназій) отнюдь не имѣютъ притязанія на полноту. Ихъ главная цѣль выяснить особенности постановки тамъ преподаванія, насколько это возможно было сдѣлать на основаніи знакомства съ Педагогическимъ Отдѣломъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ на Парижской выставкѣ и той литературой предмета, которая была въ моемъ распоряженіи [1]). Цѣлый рядъ вопросовъ, имѣю-

---

[1]) Report of the Committee of Ten on Secondary School Studies with the reports of the conferences arranged by the Committee, publ. for the Nat. Educ. Assoc. by the Amer. Book. C. New York 1894. XII—249 in 8°. Сокращеніе при цитатахъ (X).

Report of the Committee of Fifteen on Elementary Education with the reports of the sub-committees: on the training of teachers; on the correlation of studies in elementary education; on the organisation of city school systems. 1 bid. 1895. 235 in 8°.

State of New York. Department of Public Instruction. Course of study and teacher's Manual for use in primary and grammar grades prep. under the supervision of Ch. R. Skinner with an appendix containing „School libraries and reading". 1898. 40+36 in 8°.

Denver, Colorado. U. S. A.

I. Outline of studies for Elementary Schools 1899—1900. 54 in 8°.

II. Denver high schools 1899, 27+31 in 8°.

III. Annual report of the board of education of School district number one 1899. 162 in 8°.

City of Malden Public School Souvenir 1649 — 1899. Malden. Massachusetts 1899. 228 in 8°.

щихъ существенное значеніе для пониманія экономическаго и административнаго положенія школы, оставленъ мною сознательно въ сторонѣ, ибо въ этой области самостоятельное наблюденіе было для меня недоступно, публикація же Elmer Ellsworth Brown on Secondary education исчерпываетъ вопросъ съ достаточной полнотою.

До поступленія въ high school, соотвѣтствующую четыремъ старшимъ классамъ нашей гимназіи, ребенокъ обучается въ теченіе восьми лѣтъ въ элементарной школѣ (elementary school), которая въ свою очередь можетъ состоять изъ начальной и грамматической (primary and grammar school). Одна изъ записокъ, выставленная какъ credo американской педагогіи, такъ формулируетъ тѣ принципы, которые положены тамъ въ основу преподаванія.

„Источникомъ знаній долженъ быть опытъ. Путемъ самодѣятельности ребенокъ долженъ научиться пользоваться своими умственными и физическими способностями для пріобрѣтенія знанія, накопить запасъ его, необходимый для пониманія тѣхъ внѣшнихъ его выраженій, съ которыми онъ будетъ имѣть дѣло при послѣдовательномъ прохожденіи курса. Начало обученія должно прежде всего опираться на прирожденную въ каждомъ ребенкѣ любознательность, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть полезнымъ для его физическаго развитія. Послѣднее сосредоточивается на упражненіяхъ тѣхъ частей тѣла, развитіе которыхъ совершается въ связи съ развитіемъ мозга. Пріобрѣтая здоровье съ помощью игръ, ребенокъ пріобрѣтаетъ попутно знанія благодаря своей развивающейся любознательности. Обѣ цѣли достигаются всего лучше, если обученіе идетъ внѣ класса, на открытомъ воздухѣ, лицемъ къ лицу съ природою или тѣми предметами, которые могутъ служить объектомъ знанія. Преподаваніе стремится къ тому, чтобы принимать различныя формы, считаясь съ разнообразіемъ индивидуальныхъ особенностей учениковъ.

F. Buisson. Rapport sur l'instruction primaire à l'exposition universelle de Philadelphie. Paris. 1878. XII+668 in 8°.

Seeley, The American public School System.

The statistical year-book of Canada for 1898. Ottawa 1899.

Goodwin's Greek Grammar. Boston 1899. 451 in 12°.

White's First greek Book.

Allen and Greenough's Latin Grammar. Boston 1899. 488 in 12°.

Seymour. School Iliad Books I—VI and Vocabulary. Boston 1898, 132 + 176 + X + 105 in 8°.

Myers General history. Boston 1899. 757 in 12°.

Sheldon's American history. Boston 1898. 433 in 12°.

Сначала дитя пріучается къ умѣнію искать знанія въ окружающей его средѣ, давать себѣ отчетъ въ происходящихъ вокругъ него явленіяхъ, удовлетворяя, такимъ образомъ, чувству естественнаго своего любопытства; а затѣмъ уже, когда у него накопится достаточный запасъ знаній и умѣнія ихъ пріобрѣтать, приступаютъ къ обученію ребенка способамъ выраженій этихъ знаній съ помощью устной рѣчи, а отъ нея самъ собою совершается переходъ къ письму; между словомъ, его письменнымъ изображеніемъ и самимъ предметомъ устанавливается, въ силу этого связь.

Экзаменовъ до тринадцати лѣтъ не полагается. Право перевода изъ класса въ классъ предоставлено всецѣло усмотрѣнію преподавателей, которымъ уровень умственнаго развитія ребенка долженъ быть извѣстенъ лучше, чѣмъ это можетъ быть обнаружено на экзаменахъ. Одновременно съ частичной отмѣною экзаменаціонной системы началось движеніе противъ балловъ; послѣдствіемъ чего было введеніе мѣсячныхъ вѣдомостей, содержащихъ только указаніе о числѣ пропущенныхъ учениками уроковъ.

Насколько успѣшно примѣняются эти принципы къ жизни, это другой вопросъ. Для того, чтобы они были дѣйствительно плодотворны, необходимъ благопріятный подборъ преподавательскихъ силъ, необходимо, чтобы силы эти были полны неослабѣвающей энергіею, изобрѣтательностью, живою и дѣятельною любовію къ дѣтямъ. Какихъ результатовъ можно достигнуть съ этими принципами въ благопріятныхъ условіяхъ, можно судить по любопытному изданію City of Malden Public School Souvenir, гдѣ собраны ученическія работы всѣхъ классовъ, признанныя за наилучшія по всѣмъ предметамъ школьнаго преподаванія. Работы воспроизведены съ безусловною точностью не только относительно содержанія, но тамъ, гдѣ нужно, и относительно формы. Работы по математикѣ, географіи, естественнымъ наукамъ и рисованію, напримѣръ, изданы съ помощью цинкографіи и фототипіи. Если судить на основаніи этихъ работъ объ умственномъ уровнѣ учениковъ Сѣверо-Американской школы и школы континентальной, то за послѣдними несомнѣнно останется значительное преимущество въ смыслѣ объема знаній; въ свою очередь, американскіе ученики, хотя и знаютъ меньше, чѣмъ ученики континентальные, лучше усвоили, какъ мнѣ кажется, то, что знаютъ; они сознательнѣе и самостоятельнѣе умѣютъ пользоваться тѣми свѣдѣніями, которыя пріобрѣли; свѣдѣнія эти видимо прочно засѣли въ ихъ головахъ, а не имѣютъ характера чего-то наноснаго, случайнаго,

какъ это, къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ съ учениками на континентѣ.

Изъ низшей школы въ возрастѣ около 14 — 15 лѣтъ ученики переходятъ въ high school, къ характеристикѣ которой ближайшимъ образомъ я и обращаюсь. Въ виду чрезвычайнаго разнообразія типовъ этого учебнаго заведенія, которое часто и внутри себя самого распадается на нѣсколько отдѣленій съ различными курсами, построенными по разнымъ программамъ, я долженъ говорить особо о постановкѣ каждаго изъ тѣхъ главнѣйшихъ предметовъ, которые служатъ матеріаломъ для этихъ программъ [1]).

И. Погодинъ.

---

[1]) Число учениковъ, обучавшихся этимъ предметамъ въ общественныхъ и частныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

	1889—1890 году.		1893—1894 году.		1897—1898 году.	
	Число ученик.	% отнош.	Число ученик.	% отнош.	Число ученик.	% отнош.
Всего учениковъ состояло	297.894	—	407.919	—	554.814	—
Изъ нихъ обучалось:						
Латинскому	100.144	33,62	177.898	43,59	274.293	49,44
Греческому	12.869	4,32	20.353	4,99	24.994	4,50
Французскому	28.032	9,41	42.072	10,31	58.165	10,45
Нѣмецкому	34.208	11,48	52.152	12,78	78.994	14,24
Алгебрѣ	127.397	42,77	215.023	52,71	306.755	55,29
Геометріи	59.789	20,07	103.054	25,25	147.515	26,59
Тригонометріи	—	—	15.500	3,80	15.719	2,83
Физикѣ	63.789	21,36	97.974	24,02	113.650	20,48
Химіи	28.665	9,62	42.060	10,31	47.448	8,55

Fr. IX.

Девятый отрывокъ, факсимиле котораго издано въ собраніи Ваттенбаха и Цангемейстера, возстановляется лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и то съ большимъ трудомъ.

Въ ст. 1 видна пятнадцатая или шестнадцатая буква EN. Въ ст. 2 двѣнадцатая или тринадцатая—M. Въ ст. 3 подъ M предыдущаго стиха сохранилось окончаніе UU[S]. Что послѣдняя буква была S, заключаю изъ того, что M въ лакунѣ не помѣщается. За этимъ окончаніемъ слѣдовало AD. Въ ст. 4 на 12-мъ мѣстѣ было N или M, затѣмъ пропускъ въ двѣ буквы, за которымъ слѣдуетъ U и черезъ три буквы отъ него Q; за Q слѣдуетъ лакуна въ пять буквъ, шестой стоитъ буква N.

Ст. 5 читается слѣдующимъ образомъ: ERFN.URET.IRA.UAI.... QUO.NOA..M↘.... Въ началѣ стоялъ, очевидно, глаголъ съ окончаніемъ er(e)n(t)ur, затѣмъ въ началѣ стиха, равно какъ и въ ст. 6, 7, 8, 10, исчезло нѣсколько буквъ, вѣроятно, отъ 6 до 7, но едвали болѣе, такъ какъ метръ требуетъ въ началѣ или одного долгаго или долгаго и краткаго (—ĕrentur или —⏑ ĕrentur). Послѣднее предпочтительнѣе. Было-ли ira существительнымъ или слѣдуетъ читать iratum, если не ira tua..., рѣшить не берусь. Въ концѣ, очевидно, было QUOD NON... MU.... Слогъ MU, быть можетъ, (ti)mu(erunt) или (ti)mu(isti).

Ст. 6. Остатки этого стиха, повидимому, слѣдующіе: TOUS· E. [U?]IS· F..E.....ELLV.I↘EDI..A....... Слово TOUS не можетъ, кажется, быть ничѣмъ другимъ, кромѣ слова EOUS. Въ слѣдующемъ словѣ передъ IS, судя по формѣ сциссуры, стояло U. Припоминая стихъ Овидія Amor. II, 11, 55 сл. caelo nitidissimus alto Lucifer admisso tempora portet equo, я думаю, что и здѣсь было что-нибудь въ родѣ слѣдующаго [FERTUR] EOUS· E[QU]IS· Что было далѣе, сказать трудно. Конецъ стиха, повидимому, списанъ невѣрно, такъ какъ ни при какомъ дополненіи нельзя получить цезуры въ другомъ мѣстѣ, кромѣ послѣ IS· , между тѣмъ разстояніе слога IS· отъ начала стиха заставляетъ предполагать здѣсь цезуру penthemimeres. Въ такомъ случаѣ размѣръ получится слѣдующій: —⏑⏑̄—⏑⏑IS· || ⏑⏑ELLU. I↘EDI..A.... Послѣ ELLU (=bellum? tellus?), повидимому, въ факсимиле читается laede(re?): слѣдовательно, другой скандовки стиха тоже быть не можетъ, а въ такомъ случаѣ на двѣ краткихъ гласныхъ послѣ цезуры penthemimeres, судя по величинѣ лакуны,

придется до семи согласныхъ, что нѣсколько невѣроятно. Читать что-нибудь другое, а не laede —, laedi —, я затрудняюсь, такъ какъ слѣды буквъ довольно ясны. Остается заключить о порчѣ стиха при разборѣ папируса переписчикомъ (Андре?), которому мы обязаны копіей, переснятой у Ваттенбаха и Цангемейстера.

Основываясь на томъ, что D легко могло возникнуть изъ R и что F, стоящее послѣ слога IS· , могло также быть началомъ буквы R, я бы предложилъ читать шестой стихъ слѣдующимъ образомъ [FERTUR]· EOUS· E[QU]IS· R[OS]E[IS· U]EL· LU[C]I[F]ER· Послѣднее слово начиналось съ E,I или H. Кромѣ того, вторую половину стиха ELLU и т. д. пришлось бы передвинуть къ началу на двѣ буквы.

Ст. 7 пострадалъ настолько, что извлечь изъ него какой-либо смыслъ затрудняюсь. Во всякомъ случаѣ рѣчь шла о Нилѣ, какъ показываетъ послѣднее слово. Буквы, которыя могутъ быть различены въ факсимиле, слѣдующія: AL..A.[E]T[U].ERQ.....TIO.U....... NO..NILUS· Отъ буквъ E и U, поставленныхъ въ скобки, слѣды настолько неясны, что, можетъ быть, наше чтеніе и ошибочно. ERQ напрашивается на дополненіе [PU]ERQ[UE] или [T]ERQ[VE QUATER QUE], но и то, и другое дополненіе кажется сомнительнымъ по метрическимъ соображеніямъ.

Ст. 8. Въ началѣ можно разобрать лишь слѣдующее: [OC]...[I]. [I]....VA[I]. Все остальное исчезло, кромѣ буквъ FUT въ шестой стопѣ, гдѣ, очевидно, стояло FUT[UR..].

Ст. 9 и 10 представляютъ собою такіе же жалкіе остатки, не поддающіеся реставраціи, какъ и предыдущій. Прочесть въ ст. 9 можно лишь слѣдующее: ....A......NA....NI..[I.O]..OR....[N]........[I]. Лучше читается стихъ десятый, гдѣ можно различить: QU[I]..N[O]... FMANUS..VIR... Въ концѣ стиха стоялъ, вѣроятно, gen. pl. [VI]RO-[RUM]. Въ 11 стихѣ можно прочесть два слова: bella и Nilus. Все, что можно разобрать въ этомъ отрывкѣ, представляется такимъ образомъ въ слѣдующемъ видѣ:

. . . . .EN. . . . .
. . . . M . . . .
. . . . UUS· AD . . . . A . . . .
. . . . N . . U . . . Q[U] . . . . N
. . . . erentur et ira . ua(?) . . . quod non (ti)mu(erunt?)
Fertur Eous equis roseis vel Lucifer I . . A . .
. . . . . . AL . . A . ETU.ERQ[U] . . . . TIO.U . . . . . . NO..NILUS.

. . . . . . OC . . . I . I . . . . VAI . . . . futur . .
. . . . A . . . . NA . . . . NI . . I.Ↄ . . OR . . . . N......I.
. . . . QUI . . NO . . . EMANUS . . UIR..........virorum (?)
. . . . bella . . . . . . Ↄ . . . . . . VO.LO.A...........NI(LU?.)

Кромѣ неизданныхъ отрывковъ Неаполитанскаго музея, существуютъ еще три стиха [1]), если не цѣлыхъ пять, принадлежащихъ, какъ кажется, той же поэмѣ Рабирія [2]). Изъ нихъ болѣе или менѣе опредѣленно указать мѣсто можно только для одного. Сенека de benefic. VI, 3, 1 говоритъ: egregie mihi videtur M. Antonius apud Rabirium poetam, cum fortunam suam transeuntem alio uideat et sibi nihil relictum praeter ius mortis, id quoque, si cito occupaverit, exclamare:

„Hoc habeo, quodcumque dedit“ [3]).

O quantum habere potuit, si voluisset!

Такъ какъ смерть Антонія предшествовала самоубійству Клеопатры, то ясно, что этотъ стихъ долженъ былъ стоять ранѣе разсказа о ея смерти. Тейффель [4]) думаетъ, что въ отрывкахъ V и VI разсказывается именно объ этомъ событіи. Эллисъ [5]) предполагаетъ въ V отрывкѣ описаніе того мавзолея—ἠρίον—, который, по преданію, она выстроила незадолго до своей смерти „and into which she caused serpents to be conveyed“. Выше я уже сказалъ, что Fr. VI есть прямое продолженіе отрывка V-го, но слово hunc (Fr. VI. v. 6) показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о смерти мужчины, а не Клеопатры. Поэтому мнѣ кажется болѣе раціональнымъ приводить эти два отрывка въ связь со словами Плутарха (Anton. 71): Κλεοπάτρα δὲ φαρμάκων θανασίμων συνῆγε παντοδαπὰς

---

[1]) Mauricii Hauptii opuscula, vol. I, Lipsiae, 1875, p. 158. (= Rheinisch. Museum, III, стр. 307 слл.).

[2]) Fragmenta poetarum Romanorum, coll. et emend. Aem. Baehrens, Lipsiae, 1886, p. 356.

[3]) Беренсъ прекрасно исправилъ эту цитату, предложивъ dedit, вмѣсто рукописнаго dedi, съ подразумѣваемымъ подлежащимъ fortuna, несомнѣнно читавшимся въ предыдущемъ или предыдущихъ стихахъ. Что fortuna стояло выше, ясно, такъ какъ въ противномъ случаѣ Сенека выписалъ бы и это слово для избѣжанія двусмысленности, тѣмъ болѣе, что если бы слово fortuna стояло въ этомъ именно цитированномъ имъ стихѣ, то оно стояло бы непремѣнно рядомъ съ dedit и весь стихъ читался бы: hoc habeo, quodcumque dedit fortuna ◡—⏓. Если бы стихъ имѣлъ такой видъ, то, конечно, Сенека не сталъ бы укорачивать его безъ всякой надобности и совершенно ясное по смыслу предложеніе превращать въ малопонятное.

[4]) Gesch. d. Röm. Literatur, Leipz. 1882, S. 537, 9.

[5]) The Journal of Phil. l.l. p. 84.

δυνάμεις, ὧν ἑκάστης τὸ ἀνώδυνον ἐλέγχουσα προύβαλλε τοῖς ἐπὶ θανάτῳ φρουρουμένοις. Ἐπεὶ δὲ ἑώρα τὰς μὲν ὠκυμόρους τὴν ὀξύτητα τοῦ θανάτου δι' ὀδύνης ἐπιφερούσας, τὰς δὲ πραοτέρας τάχος οὐκ ἐχούσας, τῶν θηρίων ἀπεπειρᾶτο, θεωμένης αὐτῆς ἕτερον ἑτέρῳ προσφερόντων. Ἐποίει δὲ τοῦτο καθ' ἡμέραν. καὶ σχεδὸν ἐν πᾶσι μόνον εὕρισκε τὸ δῆγμα τῆς ἀσπίδος ἄνευ σπασμοῦ καὶ στεναγμοῦ κάρον ὑπνώδη (cf. mollem labitur in somnum) καὶ καταφορὰν ἐφελκόμενον, ἱδρῶτι μαλακῷ τοῦ προσώπου καὶ τῶν αἰσθητηρίων ἀμαυρώσει παραλυομένων ῥᾳδίως, καὶ δυσχεραινόντων πρὸς τὰς ἐξεγέρσεις καὶ ἀνακλίσεις ὥσπερ οἱ βαθέως καθεύδοντες. Такимъ образомъ стихъ Сенеки слѣдуетъ вставить не передъ V отрывкомъ, а гдѣ-нибудь далѣе.

Кромѣ того въ IV отрывкѣ объ Антоніи говорится, какъ о лицѣ, находящемся еще въ живыхъ. Такъ какъ въ отрывкѣ V Клеопатра уже рѣшилась умереть въ случаѣ крайности, то отсюда дѣлается вѣроятнымъ, что предшествовавшій отрывокъ IV представляетъ собою монологъ, въ которомъ она приходитъ къ этому рѣшенію, а отсюда мы должны заключить, что между IV и V отрывкомъ пропускъ не долженъ быть значительнымъ. Наконецъ, въ V и VI отрывкахъ ни въ коемъ случаѣ не могла описываться смерть Клеопатры, такъ какъ въ Fr. VII она еще здравствуетъ и лишь не знаетъ, какой способъ смерти избрать.

Слова Atropos inridens inter diuersa uagantem Consilia interitus служатъ полнымъ подтвержденіемъ нашего толкованія смысла Fr. V и VI. Отрывокъ III, какъ кажется мнѣ, представляетъ собою монологъ Антонія и служитъ какъ бы въ pendant къ монологу Клеопатры. Здѣсь пропускъ съ обѣихъ сторонъ, кажется, значительнѣе, чѣмъ между IV и V отрывкомъ. Въ отрывкѣ VII и VIII разсказывается о приготовленіяхъ Августа къ штурму Александріи (Plut. Anton. 74). На этомъ заканчивается пѣснь.

Какъ извѣстно, городъ не былъ взятъ Августомъ, такъ какъ смерть Антонія предупредила штурмъ. Слѣдовательно, въ началѣ слѣдующей пѣсни долженъ былъ помѣщаться прощальный монологъ, своего рода to be or not to be Антонія, къ которому и принадлежитъ стихъ, цитованный Сенекой. Далѣе, вѣроятно, шло описаніе смерти Антонія, вступленіе войскъ Августа въ Александрію, свиданіе его съ Клеопатрой и смерть послѣдней. На этомъ поэма Рабирія, по всей вѣроятности, и кончалась, такъ какъ со смертью Антонія и Клеопатры прекращалась естественно и война. Слѣдовательно, въ Геркуланскихъ отрывкахъ мы имѣемъ предпослѣднюю пѣснь эпоса.

Возвращаясь къ отрывку первому, гдѣ мы дополнили Tertius ille dies aderat, мы должны предположить, что въ этомъ фрагментѣ идетъ рѣчь о первыхъ стычкахъ подъ стѣнами Александріи. Слѣдовательно, на предшествовавшую часть поэмы падаетъ разсказъ объ Актійской битвѣ, бѣгствѣ Клеопатры и Антонія, взятіи Пелузія, укрѣпленіи Фароса, первыхъ битвахъ у гипподрома [1]. Все это, конечно, нельзя было разсказать въ одной пѣсни, особенно при небольшомъ ея размѣрѣ, если судить о величинѣ прочихъ по величинѣ той пѣсни, которой отрывки мы разбираемъ. Такимъ образомъ, становится вѣроятнымъ, что эпосъ Рабирія содержалъ не менѣе 4 пѣсней. Обращаясь къ Геркуланскимъ отрывкамъ и исходя изъ того расчета, что если всѣ 24 листка папируса содержали, какъ мы выше показали, по 11 стиховъ каждый, кромѣ послѣдняго и, можетъ быть, перваго, если на немъ находилось какое-либо заглавіе, то общее число стиховъ пѣсни было $21.11+8+x=250+x$. Этотъ x былъ, конечно, равенъ приблизительно 8—10. Слѣдовательно, величина всей пѣсни колебалась между 258 и 260 стихами. Допуская, какъ мы сдѣлали это выше, что между I и II отрывкомъ исчезъ одинъ листокъ α, мы получаемъ $A+\alpha+B=33$ (или менѣе) стиха. Если между C и D пропало не болѣе двухъ листковъ, то сумма стиховъ этихъ отрывковъ будетъ равна $C+\beta+\gamma+D=44$. Между F и G во всякомъ случаѣ пропускъ не менѣе одного листка; слѣдовательно, $F+\delta+G=33$. Прибавляя еще отрывокъ VIII, получимъ 41. Въ такомъ случаѣ между Fr. II и III, а также между Fr. IV и V въ общей сложности пропало 143 стиха. Такъ какъ второй пропускъ между Fr. IV и V меньше, то предполагая здѣсь выпавшими 3—4 листка, мы получимъ, что между Fr. II и III исчезло отъ 110 до 99 стиховъ, въ числѣ которыхъ находится и отрывокъ IX. Конечно, это — расчетъ приблизительный, однако принимая, что эпосъ Рабирія состоялъ изъ четырехъ пѣсенъ, размѣры которыхъ конечно приблизительно были одинаковы, мы приходимъ къ выводу, что общее количество стиховъ во всей поэмѣ въ среднемъ немного превышало 1000, а это именно количество стиховъ умѣщалось въ одномъ цѣломъ свиткѣ и являлось такимъ образомъ обычнымъ мѣриломъ римской книги, какъ показалъ это въ своемъ изслѣдованіи Биртъ [2]).

Кромѣ вышеприведенныхъ девяти отрывковъ, поэмѣ Рабирія при-

[1]) Plut. l.l., Oros. VI, 19, 15 sq.

[2]) Das antike Bücherwesen.

надлежать, можетъ быть, и два или три отрывка изъ тѣхъ, которые I[S] Basire sc(ulpsit). Гравюры эти приложены сэромъ Г. Деви къ его статьѣ о Геркуланскихъ папирусахъ [1]), а затѣмъ повторены Эдвардсомъ [2]). Правда, Цангемейстеръ считаетъ ихъ отличными отъ отрывковъ Рабирія [3]), и на первый взглядъ письмо ихъ, дѣйствительно, какъ будто отличается отъ письма, переданнаго копіями Чампитти и Хэтера, приближаясь мѣстами къ курсивному письму граффитовъ и церъ. Но, припоминая съ одной стороны слова Ваттенбаха о невозможности точно скопировать Геркуланскіе отрывки [4]), съ другой—такую же, хотя не такъ ясно выраженную склонность къ курсиву фрагмента IX, быть можетъ, лишь тщательнѣе списаннаго, чѣмъ копіи Деви, выдающагося химика, но едва ли хорошаго палеографа, можно, пожалуй, отнести къ той же капсѣ два отрывка таблицы XIII. Третій отрывокъ таблицы XVII нѣсколько отличается по письму, но не настолько, чтобы его нельзя было поставить рядомъ съ фрагментами табл. XIII [5]).

Дешифрируя, насколько это является возможнымъ, текстъ указанныхъ копій Деви, мы получаемъ слѣдующее:

Fr. I.

. . . . um pa
. . . . et cito m
conversam....e nobilita . . . .
erci ducta c..c.. (fes)tinantes . . . .
buum m..d na....tenu tendit. . . . .
t o dixi...-em.... emsenat m . . . . .
pa(?)cem.... ab..........to. . . . . . .

---

[1]) См. выше Philosophical Transactions etc. 1821.

[2]) E. Edwards, Memoirs of libraries, I, стр. 72.

[3]) Exempla codd. lat. p. I: Aliarum opinor papyrorum Latinarum Herculanensium exhibentur in Philosophical Transactions etc.

[4]) Anleitung zur lateinischen Palaeographie, Leipzig, 1878, стр. 2: Der Zustand dieser Fragmente lässt aber nur eine Nachzeichnung zu, und bei der Undeutlichkeit der Schriftzüge auf dem verkohlten Papyrus ist zuverlässige Genauigkeit nicht zu erreichen.

[5]) Остальные отрывки Деви располагаются, повидимому, слѣдующимъ образомъ. Табл. XVI даетъ копію Геркуланскаго папируса № 1475. (Cf. Watt.-Zang. Tab. I); табл. XVII, 2 и XVIII, 1 у Zang.-Watt. подобныхъ себѣ не находятъ; табл. XVII, 1, можетъ быть, относится къ числу отрывковъ № 457 (cf. Watt.-Zang. tab. II, 2).

ax..a eas [или rens?].a .... tam [или ram?]
. . . . a . . . .

Fr. II.

ma . . . .
xgna . . . . a dicta r
cere hu . . . . mum-
acsuf . . . . men. te
ctsngi . . . . rip..ud
imof . . . . q.....a
. . um . . . .

Fr. III.

. . . . . . il . . . . un
ca.. n.n. upto unōina
. . . . iun..r . . . . .
c. iu . . . . . . nili
pit . . . . . . sma
d . . . .

Извлечь изъ этихъ отрывковъ какой-либо удобопонятный смыслъ представляется затруднительнымъ. Въ ст. 6 Fr. I senat легко можетъ быть прочтено и sensit; въ ст. 5 отр. II ctsngi можетъ означать и etingi. Въ отр. III ст. 2, судя по слѣдамъ списсуры, читалось non rupto, а въ ст. 3 [con]iun[ge]r[e]; въ слѣдующемъ ст. 4, первое слово, повидимому, c[a]pu[t]. Слова caput Nili напоминаютъ стихъ Стація Silv. III, 5, 21: Septemgemini caput haud penetrabile Nili и позволяютъ поставить этотъ отрывокъ въ связь съ Fr. IX, если только, какъ мы сказали, эти папирусы Деви, дѣйствительно, принадлежатъ той же капсѣ, изъ которой извлечены отрывки Рабирія.

А. Бекштремъ.

ТРАГЕДІИ ИППОЛИТА И ФЕДРЫ [1].

Въ 428 году до Р. Хр. на аѳинскую сцену былъ поставленъ второй „Ипполитъ“ Еврипида. Это была одна изъ тѣхъ увѣнчанныхъ, но чисто аттическихъ пьесъ, эстетическое вліяніе которыхъ не перешло за грань античнаго міра. Драмой значенія всеміpно-историческаго пришлось стать первому, не дошедшему до насъ „Ипполиту“, черезъ вдохновленнаго имъ Сенеку.

Цѣлью моего послѣсловія будетъ опытъ эстетическаго разбора уцѣлѣвшей трагедіи. Какія бы то ни было сопоставленія этой удивительной пьесы съ одноименными ей произведеніями другихъ народовъ не входятъ въ мою задачу, но не потому, чтобы я считалъ этотъ вопросъ исчерпаннымъ, даже послѣ работы Калькмана, а лишь потому, что мнѣ хотѣлось бы для настоящаго случая по возможности изолировать „Вѣнчающаго Ипполита“ и заняться исключительно, насколько сумѣю, усиленіемъ и углубленіемъ его поэтическихъ красотъ.

Но и здѣсь даже мнѣ приходится ограничить мою задачу заголовкомъ настоящей статьи. Поэтическихъ красотъ стиля, лиризма, экономіи пьесы, удивительной стройности въ распредѣленіи партій по отдѣльнымъ сценамъ мнѣ, къ сожалѣнію, не придется трогать вовсе. Дѣло въ томъ, что я намѣренъ говорить не о томъ, что подлежитъ изслѣдованію и подсчету, а о томъ, что я пережилъ, вдумываясь въ рѣчи героевъ и стараясь уловить за ними идейную и этическую сущность.

Прологъ принадлежитъ Кипридѣ. Это божественная угроза сыну

---

[1]) Послѣсловіе къ переводу „Ипполита“ Еврипида; см. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

Амазонки, за то, что онъ высокомѣрно относится къ силѣ богини любви. Федра, по словамъ Киприды, тоже погибнетъ, только не по своей винѣ, а потому, что черезъ нее долженъ быть наказанъ Ипполитъ. Богиня намѣчаетъ и третьго участника будущей трагедіи—Ѳесея. Посидонъ обѣщалъ ему исполненіе трехъ желаній, и слово отца погубитъ сына.

Хотя Афродита и говоритъ объ Ипполитѣ, какъ о своемъ личномъ „врагѣ", который ей „заплатитъ" (ст. 49—50) [1], но при возстановленіи эстетической силы пролога слѣдуетъ помнить, что боги Еврипида давно покинули Олимпъ. „Я не завидую", говоритъ богиня „Ипполита", „зачѣмъ мнѣ это?" (ст. 20) Киприда потеряла уже наивный обликъ защитницы Парида, чтобы возвыситься до утонченнаго символа власти и стать непререкаемой силой, „великою для смертныхъ и славною на небѣ" (ст. 1 сл.); въ богинѣ Еврипида есть и новое самосознаніе, которое носитъ печать вѣка. „Вѣдь и въ божественномъ родѣ", говоритъ Афродита, „людской почетъ сладокъ" (ст. 7 сл.).

Кара, идущая отъ такой символической, рефлектированной богини, должна была менѣе оскорбительно влiять на нравственное чувство зрителя, и Еврипидъ, возбуждая въ толпѣ нѣжную эмоцію состраданія, не безъ тонкаго художественнаго разсчета съ первыхъ же шаговъ трагедіи холодно-величавымъ обликомъ своей богини какъ бы ограждалъ чуткія сердца отъ тяжкаго дыханія неправды.

Прологъ „Ипполита", а въ связи съ этимъ, и самая концепція напоминаютъ „Вакханокъ": и тамъ, и здѣсь карается богоборецъ, и угроза слышится еще въ прологѣ. Но эстетически и пьесы, и прологи далеко не совпадаютъ. Діонисъ гораздо красочнѣе Киприды: этотъ божественный обманщикъ долженъ не только покарать своихъ враговъ, но и одурачить ихъ, и для этого самъ, появляясь на сценѣ „Вакханокъ", подъ маской лидійскаго чародѣя, богъ сначала дастъ себя связывать, а потомъ станетъ прихорашивать ѳиванскаго царя, оправляя на немъ женскій пеплосъ. Кипридѣ-же вовсе не зачѣмъ являться дѣйствующимъ лицомъ драмы,—это только тѣнь, прекрасный символъ той жестокой власти, которой безраздѣльно отданы женскія сердца, и богинѣ не надо выдумывать сложной игры со своими жертвами, потому что ея ядъ дѣйствуетъ на разстояніи, и сама жизнь ей помогаетъ.

Когда съ альтана исчезаетъ Киприда, на сценѣ показывается Иппо-

---

[1]) Текстъ—Вейля, какъ вездѣ въ этомъ разборѣ, если не будетъ особой оговорки.

литъ со свитой. Но мы узнаемъ объ его приближеніи еще ранѣе изъ словъ богини, и потому свѣтлый обликъ Ипполита возбуждаетъ въ зрителяхъ съ первыхъ шаговъ его на сценѣ особое чувство. „Онъ не знаетъ“, говоритъ богиня, „что ворота Аида стоятъ настежъ, и что это его послѣднее солнце“. И вотъ съ перваго шага точно облако одѣваетъ Ипполита. Угроза богини не производила бы на насъ такого тонкаго художественнаго впечатлѣнія, если бы къ намъ выходилъ человѣкъ торжествующій, гордый и шумливо-веселый. Но мы видимъ только спокойнаго, чистаго и яснаго юношу, обвѣяннаго ароматомъ цвѣтущаго луга и свѣжимъ дыханіемъ жизни.

Еврипиду были чужды, однако, непосредственные люди,—и съ первыхъ-же словъ Ипполита вы видите, что передъ вами не жизнерадостный атлетъ, не страстный охотникъ и не мальчикъ, безсознательно влекомый голосомъ Артемиды. Сквозь обличье наивной непосредственности вы различаете адепта, если не создателя новой вѣры. Лугъ, на которомъ онъ рветъ цвѣты, не только заповѣдный лугъ храма, это—священный лугъ мистовъ; даже изъ нимфъ ни одна не смѣетъ литься своей серебристой волной между его травъ; одна Стыдливость поитъ его цвѣты, и только тѣ, у кого цѣломудріе лежитъ въ самой природѣ, кого еще не коснулись страсти, кому не надо прикрывать внѣшнимъ приличіемъ потемненной страстью души, можетъ рвать на этомъ лугу его священные цвѣты.

Артемида, которой Ипполитъ приноситъ вѣнокъ, вовсе не та подруга, съ которой царевичъ *будто* неразлученъ въ лѣсу: это его идеалъ, это красота, о которой сынъ Ѳесея смѣетъ только мечтать; онъ знаетъ лишь *голосъ* Артемиды и теперь, обращаясь къ ея статуѣ, онъ только смутно рисуетъ себѣ вѣнокъ на золотисто-бѣлыхъ косахъ богини (v. 82). Въ видѣ высшей награды за незаслуженныя страданія, Ипполитъ въ исходѣ трагедіи, тоже не видя своей богини, кромѣ голоса, почувствуетъ еще ея небесный *ароматъ*. Къ первому монологу Ипполита непосредственно примыкаетъ его сцена со старикомъ: этотъ рабъ, не лишенный чувства собственнаго достоинства—„Царь… для меня лишь боги—господа“—составляетъ параллель къ Кадму „Вакханокъ“, но, мнѣ кажется, что въ „Ипполитѣ“ контрастъ интереснѣе.

Рабъ пробуетъ уговорить царевича поклониться Кипридѣ. Но человѣку, у котораго религіозное чувство покоится на традиціонномъ страхѣ передъ загадочными владыками міра, не суждено ни понять, ни убѣдить того, который самъ, въ силу нравственныхъ побужденій создаетъ себѣ религію. Для старика Киприду *надо* чтить, потому что

се *особенно* чтутъ *всѣ* люди; для Ипполита-же ее *нельзя* чтить, если *сознательно* чтишь Артемиду. Традиція и сознаніе въ области религіи непримиримые враги, а суевѣріе настолько же трусливо, насколько высокомѣрно сектантство.

Разставаясь со старикомъ, котораго онъ оставляетъ около статуи Киприды, Ипполитъ не безъ ироніи желаетъ ему съ Кипридой „много радостей“ (чисто Еврипидовская иронія!). Но старикъ не можетъ желать, да и не хочетъ, конечно, кары царевича, за это новое богохульство. Наоборотъ, онъ молитъ Киприду простить юношѣ его заносчивость,—не даромъ-же боги мудрѣе смертныхъ (ст. 120: σοφωτέρους γὰρ χρὴ βροτῶν εἶναι θεούς); замѣчу, что его χρή при этомъ принадлежитъ не столько поэту-скептику, сколько поэту-идеалисту и искателю новой вѣры. Между Еврипидомъ и Продикомъ цѣлая бездна.—Сдержанность молящагося старика сгущаетъ для насъ облако надъ свѣтлымъ лицомъ Ипполита.

На словахъ раба заканчивается прологъ. Сцена остается свободной, а на орхестру съ пѣніемъ спускается хоръ.

Какъ Афродита подготовляла насъ къ появленію Ипполита, такъ вступительная пѣсня трезенскихъ женщинъ рисуетъ намъ образъ снѣдаемой невѣдомымъ недугомъ царицы передъ тѣмъ, какъ ей самой появиться на сценѣ. Вѣщая, спокойная и властная рѣчь богини превосходно оттѣняетъ наивную смѣсь слуховъ, догадокъ, порывовъ тревожной любви и смутныхъ суевѣрныхъ предчувствій, которая отлилась у подругъ Федры въ причудливую лирическую форму.

Но вотъ на сценѣ появляется озабоченная кормилица, и вслѣдъ за нею несутъ Федру. Томная, обезсиленная и обезволенная, царица нигдѣ не найдетъ себѣ мѣста. На небѣ долженъ горѣть полдень. На это указываетъ и отдыхъ товарищей Ипполита и то обстоятельство, что женщины успѣли вернуться съ утренней стирки бѣлья.

Кормилица Федры не та банальная наперсница, отъ которой не были свободны ни Шекспиръ, ни Гете, но это и не бытовая, типическая фигура няньки-сводницы, которая низводила-бы „Ипполита“ до уровня комедіи.

Старуха является передъ нами *символомъ* цѣлаго міра мелкихъ существованій гинекея: этимъ и объясняется ея особенная сила, ея удивительное обаяніе и та бѣсовская сѣть соблазна, въ которую такъ легко попадаетъ Федра.

Въ самомъ дѣлѣ, философски разсуждающая и тонко чувствующая женщина, передъ которой безсонными ночами вставали проблемы

Сократа, и мелкодушная, хитрая рабыня—развѣ естественно, чтобы первая стала не только жертвой, но игрушкой въ рукахъ второй? Нѣтъ, конечно, если мы не захотимъ закрыть глазъ на истинное значенiе художественной фикцiи и будемъ искать въ ней только отраженiя дѣйствительности; но посмотрите на сцену съ точки зрѣнiя символической, и она оживетъ для васъ въ новой красотѣ и правдѣ. Я долженъ оговориться. Конечно, если бы сцена Федры съ рабыней вовсе не давала намъ иллюзiи жизни, реальности, она бы перестала быть не только театральной, но и вообще художественной, но дѣло въ томъ, что реальная оболочка этой сцены въ высшей степени тонка и прозрачна, и малѣйшiй шаржъ въ сторону быта былъ бы оскорбителенъ для ея строгой красоты. Я съ ужасомъ представляю себѣ „комическую старуху" въ костюмѣ кормилицы Федры. Въ фигурѣ угодливой рабыни должно быть не болѣе реальности, чѣмъ лѣса въ грубой зеленой кулисѣ. Если я правильно понимаю Еврипида, смыслъ его знаменитой сцены лежитъ въ проблемѣ женской души. Какъ въ „Алькестѣ" своеобразное раздвоенiе душевныхъ состоянiй послужило подкладкой изящныхъ сценъ между Адметомъ и Феретомъ, и Адметомъ и Геракломъ, такъ въ „Ипполитѣ" Федра и кормилица изображаютъ сознательную и безсознательную сторону женской души, ея божественную и ея растительную форму.

Съ своеобразнымъ изяществомъ Еврипидъ придалъ обѣимъ философскiй колоритъ и тонкiя очертанiя. Душевная борьба Гамлета вышла, конечно, именно изъ такихъ сценъ „двоенiя", чтобы въ наши дни перейти снова въ форму драматическихъ галлюцинацiй на страницахъ психологическаго романа.

Кормилица, которая по своимъ дѣйствiямъ является лишь хитрой и трусливой рабыней, говоритъ умно и даже тонко, гдѣ надо, разоблачая, гдѣ надо, маскируя: она читала поэтовъ, не чужда метафизики и искусно владѣетъ иронiей. Какой горькой насмѣшкой звучатъ, напримѣръ, ея слова: „Я искала лѣкарства отъ твоего недуга, но нашла не то, чего хотѣла: между тѣмъ, удайся мнѣ дѣло, и я-бы была теперь умною изъ умныхъ" (ст. 698—700). Въ чувствѣ кормилицы къ Федрѣ мы различаемъ черты двухъ совершенно различныхъ категорiй. Съ одной стороны, въ ней есть личный, реальный характеръ, съ другой чисто символическiй: съ одной стороны, это самая близкая къ Федрѣ женщина, которая любитъ въ царицѣ свое молоко, свои безсонныя ночи и свою молодость; съ другой—это злѣйшiй врагъ Федры, ея антиподъ, ея отрицанiе, одна часть души, которая на смерть бо-

рется съ другою. Если вы прослѣдите сцену шагъ за шагомъ, то убѣдитесь, что кормилица не только ищетъ угодить госпожѣ, но и взять надъ ней верхъ, что она старается усыпить ея бдительность, и иногда ласкаетъ въ ней не столько больного ребенка, сколько жертву; когда старуха окончательно оставляетъ сцену, въ ней говоритъ торжествующее сознаніе женскаго безсилія, наказаннаго за высокомѣріе и дерзость.

Если рядомъ съ Мефистофелемъ, лишеннымъ индивидуальности, Гёте нарисовалъ Фауста, уже въ личныхъ контурахъ, то насъ не должно удивлять, что и Еврипидъ рядомъ съ кормилицей, символомъ общимъ, вывелъ на сцену Федру—характеръ и индивидуальность. Только личныя черты, конечно, не исчерпываютъ Федру. Въ Федрѣ не разъ слышится отзвукъ личной жизни самого поэта, его исканій и болѣзненнаго душевнаго разлада. Когда, напримѣръ, царица (ст. 375. 380) говоритъ, что она уже давно проводитъ безсонныя ночи надъ вопросомъ о причинѣ порчи человѣческой жизни и когда потомъ, точно полемизируя съ Сократомъ, она утверждаетъ, что знать доброе (τὰ χρηστά) еще не значитъ его творить, то изъ подъ розовой маски женщины на насъ глядитъ задумчивый образъ Еврипида, столь чуждаго сердцемъ всему, въ чемъ нѣтъ трепета идеальной мысли, но намъ назойливо вспоминается и тотъ трагичнѣйшій изъ поэтовъ міра, который съ болью сознавалъ все безсиліе философскаго ума надъ несчастьями и язвами жизни.

Федра является на сцену, уже переживъ первое похмѣлье страсти. Киприда уже измучила ее мечтой и желаньемъ, истомила борьбой и тайной.

Какъ волны горячаго пара, изъ губъ ея вырываются страстныя желанія, и она съ безнадежностью слѣдитъ воспаленными глазами, какъ таютъ въ воздухѣ причудливыя облака мечты, чтобы осѣсть на сердцѣ холодной росой невозможности. Кажется, съ перваго взгляда, что этотъ міръ любовныхъ желаній цѣликомъ принадлежитъ Федрѣ. Царицѣ грезится, что она Артемида и что она или мчится около Ипполита, то увлекаясь бѣшеной погоней за ланью, то вся обрызганная взметами соленой волны, или отдыхаетъ съ нимъ подъ тополями (Федра не называетъ Ипполита, но мечта ея витаетъ только тамъ, гдѣ она бы могла быть вмѣстѣ съ нимъ); та жаркая страсть, которая горитъ въ Федрѣ послѣднимъ бѣшеннымъ пыломъ, поэтически преобразуется въ настоящую жажду и родитъ назойливый образъ холодной струи потока. Но вдумайтесь въ содержаніе бреда Федры,

вы и здѣсь различите за ней поэта, который одухотворяетъ страдающій образъ своей героини болью собственныхъ, часто безнадежныхъ, попытокъ воплотить мечту и говорить голосомъ чужого сердца.

II.

Афродита любитъ чистыя жертвы. Это старое вѣрованіе сдѣлало изъ Федры и Ипполита героевъ настоящей трагедіи. Оставимъ пока въ сторонѣ Ипполита. Что такое его мачеха? Федра не только не чувственная и не истерическая женщина, въ которой стихійная сила Киприды могла бы проявиться всего типичнѣе: наоборотъ, это натура разсудочная и болѣзненно-стыдливая. Страданія Федры принимаютъ всѣ формы, проходятъ всѣ фазисы стыда отъ первой, еще гордой и незамѣтной для глаза борьбы со вспыхнувшимъ желаніемъ, до судорожныхъ движеній руки, которая вяжетъ петлю. Но на сценѣ всего сильнѣе чувство стыда проявляется въ Федрѣ, когда, послѣ яркой полосы бреда, къ ней мучительно возвращается сознаніе (ст. 239 слл.). Царица проситъ кормилицу покрытъ ей голову. Вспомните, что этотъ характерный признакъ стыдливости Еврипидъ съ такою смѣлостью придалъ немного позже и своему Гераклу. Любовь для Федры только *рана* (ἔρως ἔτρωσεν, ст. 392). Молчаніемъ и тайной она хотѣла бы скрыть этотъ *недугъ* (ст. 394). Помимо острыхъ мгновеній бреда, она ни на минуту не плѣняется романтической окраской любви и безмѣрно далека отъ того, чтобы эта δαίμονος ἄτη казалась ей чѣмъ нибудь, кромѣ *несчастія* и *безумія*. Федрѣ еще ни разу не снился хамелеонъ кокетства, и ея молчаливой страсти не суждено было разрѣдиться ни словомъ участья, ни той успокоительной и сладостной игрою чувства, которая для ея гордой стыдливости была бы только мерзостью грѣха, ни нѣжащей лаской мечты и молчаливаго разговора, ни даже прихотливой идеализаціей и обожаніемъ любимаго существа. Рѣдкія минуты любовнаго и то загадочнаго бреда, а потомъ во все остальное время ничего, кромѣ перешейка, который становится съ каждой минутой все ўже и ўже между двумя безднами: розовой, но огненной бездной страшнаго и даже не сладкаго порока и черной бездной смерти. Федра даже не любитъ Ипполита тѣмъ сложнымъ чувствомъ, гдѣ инстинктъ, какъ у насъ, подвергся этической переработкѣ. Ипполитъ для нея человѣкъ, котораго она страстно желаетъ, но въ то же время это естественный врагъ ея дѣтей и сынъ ея соперницы, и даже въ разгарѣ страсти Федра не можетъ подумать о томъ, что станется съ ея

дѣтьми, если Ипполитъ, въ случаѣ ея смерти, заступитъ для нихъ мѣсто Өесея. Какъ ея грѣхъ и какъ невольный союзникъ Киприды, Ипполитъ для нея ужасенъ, она его ненавидитъ, и чувство, которое должно разрѣшиться злобной клеветой, назрѣваетъ, можетъ быть, долѣе, чѣмъ самая любовь. Но Киприда выбрала Федру не только, какъ заманчивую задачу для своей сложной борьбы съ человѣческой стыдливостью; въ женѣ Өесея есть еще одна черта, которая останавливаетъ вниманіе матери Эрота, и именно какъ артистки: это порочная предестинація Федры.

Когда кормилица почти довела Федру до ея перваго страшнаго признанія, у царицы вырываются болѣзненныя восклицанія о порочной и трагической—эти понятія теперь сливаются для нея — любви, обнимавшей сначала ея мать, Пасифаю, а потомъ Аріадну, ея сестру, и она выстанываетъ съ болью:

„Я третья, и злосчастно гибну...“ (ст. 341).

Но вотъ тайна вымотана. Федрѣ незачѣмъ болѣе закрываться; зато стыдливость, которая страдала такъ сильно подъ вліяніемъ сознаннаго бреда, получаетъ новую и неожиданную защиту—въ гордости оскорбляемой женщины: сначала кормилица, потомъ хоръ поднимаютъ вопль на ея полупризнанія:

„Ты погибла,—ты открыла солнцу свою бѣду“ (ст. 368).

Вся мораль гинекея въ этой строкѣ, въ нее умѣстилась вся этика женщинъ, живущихъ растительной формой души: для этой морали тайна, ночь и сдѣлка прикрываютъ такое нравственное безразличіе, такую простоту паденія, столько веселой и подрумяненной жестокости и безстыдства, что намъ становится страшно за человѣка, который принадлежитъ гинекею хотя бы малозначительной частью своей души. А вѣдь бѣдная Федра тоже выросла въ гинекеѣ, и я, кажется, вижу, какъ она блѣдно улыбается, когда ей удалось не назвать самой, а лишь выслушать имя Ипполита. Это имя сорвалось съ губъ у кормилицы, и внезапно опамятовавшаяся старуха расплачивается ужасомъ за свое невольное преступленіе противъ кодекса гинкея. И пока женщины обмѣниваются криками ужаса, Федра мало-по-малу приходитъ въ себя, чтобы затѣмъ съ мрачнымъ спокойствіемъ начать свой превосходной монологъ. Да, сдыдъ не у всѣхъ людей одинаковъ: есть даже два стыда, совершенно различныхъ, только, къ несчастью,

для людей эти два стыда заходятъ одинъ въ другой, и потому въ небрежной рѣчи носятъ одинаковое имя.

Первый стыдъ—это стыдъ гинекея, тотъ самый наружный, подленькій стыдъ, которому только что заплатили дань всѣ эти темныя души своимъ ужасомъ передъ разоблаченнымъ чувствомъ, второй — это стыдъ, который боится порока, т.-е гнѣва всевидящихъ боговъ.

„Я знаю", говоритъ Федра „чѣмъ различаются два стыда, и съ той минуты, какъ я это узнала, мнѣ уже никакимъ ядомъ не вытравить раздѣляющей ихъ грани и не вернуться къ прежнему безразличію" (ст. 388—390). Затѣмъ Федра говоритъ о трехъ фазисахъ борьбы своей съ любовнымъ недугомъ. Первый, увы! уже показалъ свое безсиліе: это была тайна, молчаніе, но не то лицемѣрно-трусливое молчаніе гинекея, за которымъ таятся и сплетни, и козни, и порокъ, а молчаніе, какъ терпѣливо и гордо переносимая боль, о которой окружающіе могутъ даже не догадываться. Второй фазисъ былъ попыткой образумиться, призвавъ на помощь свою скромность, свое женское достоинство (τὸ σωφρονεῖν, ст. 399), но эта попытка оказалась не болѣе практичною. Тогда остается третье и единственное средство — nam mors sola sanabit. И вотъ сквозь зловѣще сдержанный тонъ разсужденія у Федры прорывается злоба, сначала холодная, потомъ страстная.

„Нѣтъ", говоритъ она, „не дай богъ, ни чтобы осталось въ забвеніи то, что я сдѣлаю хорошее, ни чтобы мои постыдныя дѣйствія имѣли много свидѣтелей. Я давно сознавала безславіе и дѣла, и недуга, и я не хуже знаю, что, какъ женщина, при такихъ условіяхъ могу возбуждать въ людяхъ только ненависть". И вотъ слѣдомъ раздаются проклятья противъ „тайнъ гинекея". Федра не щадитъ и своего круга, какъ раньше не щадила памяти матери и сестры: нѣтъ, ей непристойно прятаться за толпу хитрыхъ рабынь, и конечно, та, которая рѣшилась первая обмануть мужа",—говоритъ Федра,—„была изъ знатнаго дома".

Въ концѣ монолога страсть опять обуздана мыслью: Федра выясняетъ подругамъ моральныя основанія „добраго стыда". Вотъ ея слова:

„Меня убиваетъ, подруги, страхъ, чтобы не сказали про меня, что я опозорила мужа и дѣтей, которыхъ я рождала. О, нѣтъ! Пусть, свободные и цвѣтущіе смѣлой рѣчью, они обитаютъ городъ славныхъ Аѳинъ, не краснѣя изъ-за матери. Какъ бы ни былъ дерзокъ мужъ,

но сознанье отцовскаго или материнскаго позора дѣлаетъ изъ него раба".

Несчастная Федра не знаетъ, что смертью ей еще не удастся покончить своихъ подневольныхъ счетовъ съ Кипридой. Она не знаетъ, что должна не только умереть, но и участвовать въ убійствѣ. Узелъ, между тѣмъ, затягивается. Кормилица изъ словъ Федры поняла только двѣ вещи — Федра любитъ, и Федра хочетъ умереть, потому что она любитъ. И вотъ противъ царицы воздвигается „*злая лесть на сладостной облавѣ*", какъ я позволилъ себѣ иллюминовать непередаваемыя слова трагика οἱ καλοὶ λίαν λόγοι (ст. 487), основанныя и у меня, какъ у Еврипида, на «соблазнѣ звука *л*".

Все, что могъ бы сказать въ защиту адюльтера поэтъ, риторъ и практическій философъ древности, — все впитала въ себя лесть старой рабыни: тутъ и высокіе примѣры боговъ, и воззваніе къ мудрой скромности людей; тутъ постоянныя ссылки и на природу, и на пеструю жизнь, и на исторію, и на поэзію, и даже на архитектуру; тутъ, наконецъ, и въ видѣ ultima ratio—женскій умъ, и невинное снадобье—плодъ досуговъ гинекея, и цвѣтъ его генія. Но что же такое это лѣкарство отъ недуга? Какъ надо понимать *чары* и *нашептыванья*, о которыхъ здѣсь еще впервые говоритъ кормилица (ст. 478 сл.)?

Знаетъ ли Федра, для чего они рекомендуются? Трудно рѣшить это, и въ утвердительномъ, и въ отрицательномъ смыслѣ.

Мнѣ кажется, что кормилица нарочно придаетъ своимъ средствамъ колоритъ таинственности, чтобы Федра могла обмануться относительно ихъ истиннаго значенія: что жъ? вѣдь не всякое зелье привораживаетъ,—есть и отворотныя.

Еврипидъ не думаетъ, однако, дѣлать изъ кормилицы дипломата: у старухи едва ли есть обдуманный планъ—въ ней говоритъ лишь желаніе, чтобы Федра была, какъ всѣ, инстинктъ женской силы, какъ ее всегда понимали въ гинекеѣ, геній бабьей интриги; если ея испугали слова Федры о самоубійствѣ, такъ не потому, что это грозитъ ей позоромъ, хлопотами, и даже не потому, чтобы она такъ уже любила Федру: нѣтъ, желаніе наложить на себя руки пугаетъ старуху, какъ доказательство неумѣнья женщины вывернуться изъ тисковъ; этотъ планъ оскорбителенъ для ея полового самолюбія. Въ концѣ концовъ, ей надо одурманить Федру и, главное, сбить съ нея то разсудочное высокомѣріе, ту ὕβριν (ст. 474), которая, по ея словамъ, оскорбляетъ боговъ, а въ дѣйствительности, кажется ей оскорбительной для гинекея. Федра мало-по-малу сдается, и съ внѣшней

стороны кажется, будто она вступаетъ со старухой въ заговоръ, чтобы приворожить Ипполита. Старуха берется только вылѣчить ее отъ недуга (ст. 512). И кто знаетъ, что мерещится въ это время Федрѣ: прежнее ли ясное спокойствіе или уголокъ той запретной радости, безъ которой все остальное для Федры только смерть. Кормилица ведетъ свою линію, хотя и ощупью, но мастерски: она быстро перебѣгаетъ съ предмета на предметъ и заставляетъ Федру продѣлывать непривычную для ея разсудочной головы работу. Какъ извѣстно, Наукъ, а за нимъ и Вейль атетирують три стиха изъ послѣднихъ словъ кормилицы (ст. 513—515). Стихи эти между тѣмъ не заключаютъ въ себѣ ничего не-Еврипидовскаго и, какъ мнѣ кажется, даже связаны съ дальнѣйшими дѣйствіями старухи. Посмотримъ на ходъ или, можетъ быть, лучше, бѣгъ ея мысли, когда она одурманиваетъ Федру. Начинаетъ она съ извиненій, съ признанія слабости своего женскаго ума, своей поспѣшности; потомъ, не пугая сразу Федру, она переходитъ къ абстрактнымъ доводамъ, а ужъ оттуда къ житейскимъ иллюстраціямъ — о, это только намеки, но до чего они бьютъ прямо въ цѣль: здѣсь сначала на сцену являются мужья, которые очень часто закрываютъ глаза на измѣну женъ, потомъ отцы, которые даже поощряютъ любовныя дѣла сыновей (ст. 642 слл.), — такъ и чувствуется, что рѣчь идетъ про Θесея; охлажденный жизнью, онъ ѣдетъ на поиски новыхъ приключеній, а Федру оставилъ въ Трезенѣ и съ ней поселилъ Ипполита. Послѣ этого фактика, который не можетъ оскорбить, потому что онъ приведенъ въ общихъ выраженіяхъ, и не можетъ не разбередить раны, потому что онъ острѣе ланцета, кормилица дѣлаетъ рѣзкій наскокъ на броню Федры—ея высокомѣріе, и непосредственно послѣ этого—первый легкій намекъ на невинныя средства. Но Федра еще держится. Ее, безъ особаго эмфаза, поддерживаютъ и трезенскія женщины—не могутъ же аѳинскіе граждане улыбаться пороку? Тогда кормилица становится смѣлѣе и циничнѣе. Къ чему въ самомъ дѣлѣ всѣ эти *высокія слова*? Средства называются уже яснѣе—φίλτρα (любовныя снадобья—ст. 509), и послѣ рекламы ихъ чудотворнаго дѣйствія въ ея рѣчи, какъ послѣдняя приманка, слышится не то просьба, не то намѣреніе достать у Ипполита какой нибудь обрывокъ одежды, или локонъ, чтобы сдѣлать изъ двоихъ „одну любовь" (ст. 515). Характерно, что при этомъ кормилица будто сдѣлала даже уступку Федрѣ; ну хорошо, не будемъ говорить объ измѣнѣ, но почему же не попробовать средства *вылѣчить недугъ*,—и понимай этотъ недугъ, какъ знаешь.

Наконецъ Федра попадается на ея удочку; она начинаетъ распрашивать старуху. Тогда дѣло рѣшается въ одну минуту, и, не давъ Федрѣ даже времени сообразить происшедшаго, кормилица убѣгаетъ. Поспѣшность ея ухода, конечно, объясняется боязнью, что Федра поборетъ минутную слабость, но есть, можетъ быть, и другая причина этой поспѣшности: надо пользоваться тѣмъ, что Ипполитъ дома, и что товарищи его отдыхаютъ, да и моментъ, въ сущности, удобный: Федра не успѣла одуматься, и Ипполитъ одинъ: кто знаетъ, завтра можетъ пріѣхать Өесей, наконецъ, можетъ быть, ей удастся унести лоскутъ одежды, или какъ нибудь иначе открыть кампанію.

Во второмъ „Ипполитѣ" Еврипидъ освободилъ себя отъ трудной сцены признанія и вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ себя эффекта, который, начиная съ Сенеки-трагика, плѣняетъ поэтовъ едва ли не болѣе трагедіи самого Ипполита, но, взамѣнъ этого, онъ далъ намъ тонкохудожественную и сложную по эффектамъ сцену между Ипполитомъ, кормилицей и молчаливой Федрой. Сцена начинается неяснымъ шумомъ, который слышится еще въ концѣ красиваго музыкальнаго антракта. Шумъ усиливается; въ его промежуткахъ, урывками, можетъ быть, именно въ тѣ минуты, когда на гнѣвные возгласы Ипполита робко оправдывается старая рабыня, между хоромъ и Федрой идетъ несвязный разговоръ. Ужасъ женщинъ растетъ съ каждой минутой, но все внезапно застываетъ, лишь только на сцену выходитъ Ипполитъ, а за нимъ, цѣпляясь за его плащъ и ловя руки, влечется несвязно-лепечущая и на-смерть перепуганная старуха. Присутствіе Федры при разговорѣ ея кормилицы съ Ипполитомъ и позже при его страстной тирадѣ противъ женщинъ—это одинъ изъ тѣхъ тонкихъ эффектовъ, которые особенно любилъ Еврипидъ—эта молча-переживаемая драма похожа на ту неясную мелодію, которая иногда грезится намъ и заставляетъ насъ плакать подъ банальный аккомпаниментъ шарманки. Великій символистъ античной драмы умѣлъ внушать съ силой, которая не ослабѣла втеченіе $2^1/_2$ тысячелѣтій.

Вспомните у него молчаливую игру Ифигеніи-жрицы въ сценѣ признанія (788—802), или сцену его Өесея съ Геракломъ, когда убійца, опомнившійся въ ужасѣ, плащомъ завѣсилъ себѣ лицо.

За четверть часа своего молчанія Федра, которая передъ тѣмъ всего на одну минуту изъ несчастной стала грѣшной, обращается въ злобную преступницу, по крайней мѣрѣ, для милліоновъ, для толпы.

Изъ конца разговора между Ипполитомъ и кормилицей, Федра поняла, что кормилица грубо открыла Ипполиту ту тайну, которую она

сама не смѣла сказать себѣ даже во снѣ. И вотъ гнѣвъ Ипполита чередуется только съ его глубокимъ презрѣніемъ, а Федра во все время, какъ обмѣна фразъ, такъ и монолога, чувствуетъ, что Ипполитъ, только не желая наносить отцу новаго оскорбленія, дѣлаетъ видъ, будто ее не замѣчаетъ, но что на самомъ дѣлѣ всѣ его злобныя и горькія тирады не только вдохновлены ею, Федрою, но прямо противъ нея направлены, а мѣстами будто разсчитаны даже на то, что она ихъ слышитъ.

Злая дерзость нападокъ Ипполита соединяетъ въ себѣ весь лиризмъ непосредственнаго обличенія съ торжествующей свободой заглазной критики. Если въ рѣчи Федры намъ чувствовалось тоже мѣстами прикрытое обличеніе гинекея передъ его представительницами, и даже не безъ намековъ на его генія—кормилицу, то по лирической силѣ между двумя монологами не можетъ быть, конечно, никакого сравненія. Рѣчь Федры подготовлялась цѣлымъ рядомъ безсонныхъ ночей и мучительныхъ дней: она дышитъ холоднымъ отчаяніемъ, тоской, въ которой остался только отзвукъ страсти. Но совершенно не таковъ монологъ Ипполита.

Онъ начинается прямо съ задорнаго, чисто юношескаго парадокса (я забываю на эту минуту о признаніяхъ самого Еврипида): „отчего только людямъ не дано покупать себѣ за золото изъ храмовъ дѣтей, и для столь важной задачи создана богами такая лживая и вредная разновидность человѣка, какъ женщина". А далѣе все, что говоритъ царевичъ, какъ бы ни согласовались слова его съ сущностью его воззрѣній и самой природой сына осиленной амазонки,—все вызвано моментомъ, все почти съ силой выкинуто со дна взбудораженной души и мечется въ безпорякѣ, срываясь съ побѣлѣвшихъ отъ гнѣва губъ.

Если еще въ первой части рѣчи (до 650) есть хоть обличье философичности, и злоба караетъ умницъ вообще (σοφὴν.. μισῶ—ст. 640—ненавижу этихъ умницъ!), которымъ Ипполитъ—онъ, Орфикъ, мудрецъ, предпочитаетъ „безполезную тупицу" (ст. 638 сл.), то во второй Ипполитъ доходитъ до брани (ὦ κακὸν κάρα—ст. 651), до открытаго упрека старухи въ сводничествѣ (ст. 652) и кончаетъ рѣчь провозглашеніемъ правъ мисогина на безудержную рѣчь. „Я никогда не смогу дойти", говоритъ онъ, „до пресыщенія въ ненависти женщинъ, и я не хочу класть предѣла моему злорѣчію" (ст. 664 сл.).

Я оставлю пока въ сторонѣ трагедію самого Ипполита. Вдумайтесь, что̀ должно было особенно больно подѣйствовать на Федру въ этомъ страстномъ обличеніи женщинъ, поскольку всѣ онѣ похожи

на нее, Федру. Во всякомъ случаѣ не угрозы, потому что Федра не рабыня, чтобы пугаться чьего-либо гнѣва или расплаты за свои поступки, не смѣлость сужденій Ипполита, и не его иронія, потому что въ страстной и аггресивной формѣ онъ повторилъ лишь мысли, которыя могъ бы услышать изъ ея устъ какіе нибудь полчаса тому назадъ. Я думаю, что всего больнѣе звучало въ ней отъ рѣчи Ипполита сознаніе, что *она*, Федра, уже не смѣетъ сказать того, что говорила, осуждая себя на славную смерть. Вотъ, что было ей больно, а ужаснулъ ее тотъ черный камень клеветы, который уже попробовала швырнуть рука Ипполита въ ея мавзолей. Какъ Макбетъ, когда на него двинулся и Бирнамскій лѣсъ, Федра пережила за четверть часа Ипполитовыхъ сарказмовъ свой пятый актъ; только она пережила его не съ мечомъ въ рукѣ, какъ Кавдорскій танъ, а молча, со скрещенными на груди руками и съ цѣлой бурей въ сердцѣ, для выхода которой оставались только одни горящіе глаза.

Но за то рукѣ Ипполита не удастся швырнуть въ ея трупъ черного камня клеветы: нѣтъ, она вооружитъ свою окоченѣлую грудь заколдованнымъ неотразимымъ оружіемъ; противъ гордости аскета она выставитъ злобу самца, и Ѳесей, который осилилъ Амазонку, конечно, сумѣетъ заткнуть ротъ и ея отродью. Ипполитъ смѣшалъ Федру съ ея рабыней, Федра стравитъ его съ отцомъ. Когда Ипполитъ покидаетъ сцену, Федра начинаетъ говорить, сначала даже въ лирической формѣ, тревожными дохміями. Характерны при этомъ ея выраженія:

τέχνας νῦν τίνας (ἔτ') ἔχομεν ἢ λόγους,
σφαλεῖσαι κάθαμμα λύειν...

Они дышатъ ареной борьбы, палестрой: въ мозгу Федры, готовой бороться, невольно возникаетъ образъ опрокинутаго борца, котораго желѣзнымъ кольцомъ сжимаетъ объятіе противника. Несмотря на обрядовый характеръ ея жалобы, гдѣ блѣдной чередой смѣняются боги и смертные, земля и солнце, видно, что теперь царица уже не сдастся такъ легко. Накипѣвшая злоба прежде всего, конечно, обрушивается на кормилицу; старуха не остается въ долгу, и ея язвительный намекъ на то, что вина ея заключается лишь въ безуспѣшности ея попытки, подливаетъ новую каплю яда въ чашу Федры. Но вотъ старуха, плача, уходитъ, и тогда, связавъ подругъ клятвой молчанія, Федра произноситъ на сценѣ свои послѣднія слова (ст. 724 слл.). Когда хоръ прервалъ ее было словомъ... „Молчи", Федра въ свою очередь не даетъ женщинамъ продолжать. „Если хочешь давать мнѣ

совѣты", говоритъ она, „пусть эти совѣты будутъ честны": то есть, не смѣй говорить мнѣ теперь о благоразуміи, о жизни и всеисцѣляющемъ времени; ты должна, напротивъ, поддержать во мнѣ рѣшимость умереть. Царица заключаетъ слова свои угрозой, которая составляетъ изящный контрастъ къ божественной угрозѣ пролога.

„Удалившись изъ жизни", говоритъ Федра, „я еще до заката насыщу Киприду, которая давно уже меня изводитъ. Пусть паду я жертвой неуслажденной любви. Но въ моей смерти я явлюсь зломъ для другого человѣка, пусть онъ позабудетъ надмеваться моей бѣдой, и, раздѣливъ со мною недугъ, научится быть истинно-скромнымъ". Странныя, тяжелыя, не столько злыя, сколько таинственныя слова! Что въ нихъ слышится? Одна ли угроза и злоба, или гдѣ то тамъ глубже задавлено и рвется наружу голубое пламя Эрота? „Раздѣлить недугъ"—не выразили ль эти слова все еще живущее въ Федрѣ желаніе „раздѣлить ложе" Ипполита? Развѣ Эротъ не можетъ ужалить и Эриннію? Если вы внимательно прочитали трагедію и вдумались въ быстро прошедшій передъ нами, но богатый содержаніемъ трагическій день Федры, скажите мнѣ теперь, могла ли Федра не написать своей клеветы, мало того, не должна ли была она ее написать?

Я оставлю даже въ сторонѣ и парресію дѣтей, и репутацію Ѳесея, словомъ всю этику эпохи; но дальнѣйшій ходъ трагедіи, не оправдалъ ли онъ Федру? Нѣтъ ли самой строгой гармоніи, самой точной параллели между судомъ Ипполита надъ Федрой и судомъ Ѳесея надъ Ипполитомъ, и не получилъ ли Ипполитъ лишь „мѣру за мѣру"? Началъ ли онъ, этотъ строгій судья, съ того, съ чего долженъ былъ начать, то есть прогналъ ли онъ кормилицу, сказавъ ей, что она лжетъ? Нѣтъ. Попробовалъ-ли онъ разслѣдовать самое дѣло? Нѣтъ. Не смѣшалъ ли онъ въ одну кучу всѣхъ женщинъ съ такимъ же основаніемъ, какъ позже его отецъ связалъ въ одинъ узелъ и орфизмъ и философію, и постъ, и развратъ? Не сковалъ ли онъ Федрѣ уста, такъ же точно, какъ позже и ему сковала ихъ клятва? Онъ, и только онъ, Ипполитъ, поставилъ борьбу на ту почву, на которой ему же погибнуть.

Неразборчиво, страстно и высокомѣрно онъ цѣлой половинѣ человѣчества отказалъ въ воздухѣ, солнцѣ и даже разумѣ. Чего же смѣлъ онъ ожидать отъ этой половины? Онъ самъ противопоставилъ *всѣхъ* мужчинъ *всѣмъ* женщинамъ, что-же мудренаго, что его сбилъ тотъ самый грубый кулакъ союзника-мужчины, который онъ объявилъ законнѣе и выше разума въ женской головѣ. И кто-же наказалъ Ип-

полита? Его наказалъ отъявленный мисогинъ—Еврипидъ. О, иронія непониманія, которая двѣ съ половиной тысячи лѣтъ любуется собою!

Нравственная отвѣтственность дѣйствующихъ лицъ трагедіи есть въ сущности только художественная фикція. Она не болѣе, какъ отблескъ нравственныхъ требованій читателей. Какъ живопись говоритъ красками, такъ трагедія говоритъ обидами и страданіями, и если вы художественно пережили трагедію Федры, то не можете не согласиться со мною, что казнь Ипполита въ сущности есть лишь возмездіе за ту *клевету*, которою онъ преждевременно оскорбилъ Федру и съ ней цѣлую половину человѣческаго рода.

Итакъ, можетъ ли наше нравственное чувство осудить месть Федры, если оно требуетъ ея послѣдствій?

III.

Трагедія Ипполита смѣняетъ на сценѣ трагедію его жертвы, я говорю его жертвы, потому что мертвая Федра должна была вынести отъ людей, благодаря Ипполиту, едва ли не болѣе нареканій, чѣмъ живая, зачѣмъ она оклеветала юношу.

Ея ярко злая ложь, какъ matre pulchra filia pulchrior, заставляла зрителей забыть о той клеветѣ, которая ее вскормила. Ипполитъ не былъ виновенъ въ смерти Федры, но онъ былъ виновенъ въ ея позорѣ, который перешелъ въ нашу эру, конечно, еще болѣе яркимъ, чѣмъ онъ казался эллинамъ.

Предсмертная угроза Федры служитъ какъ-бы прологомъ къ трагедіи Ипполита. Со смертью царицы начинается та часть пьесы Еврипида, которая требуетъ менѣе внимательнаго изученія, потому что, если исключить изъ нея двѣ легко постигаемыхъ условности—обѣщаніе Посидона и Артемиды въ исходѣ, то получится драма, весьма близкая къ современнымъ. Ѳесеи могли существовать во всѣ вѣка, слабо видоизмѣняясь, а сарказмы, которыя оскорбленный отецъ расточаетъ своему оригиналу-сыну, порою отливаются для насъ въ давно-знакомую форму огульнаго осужденія „молодыхъ людей“ то въ качествѣ „фармазоновъ и карбонаріевъ“, то въ видѣ „нигилистовъ“, или еще страшнѣе и современнѣе.

Ипполитъ, конечно, болѣе, чѣмъ Ѳесей, человѣкъ своего времени, но и то не въ своей трагедіи, а въ самой индивидуальности.

Если у Еврипида были, какъ у многихъ поэтовъ, персонажи—ключи, какъ Иванъ Карамазовъ Достоевскаго, то Ипполитъ былъ, вѣроятно, однимъ изъ такихъ ключей.

Ипполитъ—это искатель новой вѣры, безстрашный идеалистъ, мечтатель, котораго полъ оскорбляетъ, какъ одна изъ самыхъ цѣпкихъ реальностей. Но я безмѣрно далекъ отъ взгляда Шлегеля на Ипполита, какъ на идеалъ, осуществленный позже андрогинами скульптуры.

Еврипидъ жилъ въ тотъ вѣкъ, когда поэзія уже потеряла вѣру въ непосредственность и въ законченные контуры, если она ее когда-нибудь имѣла, и мнѣ Ипполитъ Еврипида кажется болѣе всего тоской и болью самого поэта по невозможности оставаться въ жизни чистымъ созерцателемъ, по безсилію всему уйти цѣликомъ въ міръ легендъ и творчества, или стать только мозгомъ и правой рукой, какъ мечталъ когда то Жюль де Гонкуръ.

Мы не знаемъ, былъ ли Еврипидъ, подобно своему Ипполиту, человѣкъ узкаго кружка друзей, но намъ извѣстно, что, какъ сынъ Ѳесея, Ипполитъ не имѣлъ политическаго честолюбія (ст. 1017 сл.) и что, подобно ему, Еврипидъ никогда не старался попасть на трибуну (ст. 986—989). Есть что-то мистически-прекрасное въ сопоставленіи Федры, которая, молча скрестивъ руки, выносила грозу Ипполита, и той мертвой Федры, которая въ сценѣ съ Ѳесеемъ молча же отвѣчаетъ ему угрозой. Ни одно искусство, кромѣ поэзіи, и то если она сопровождается искусствомъ критики, не даетъ возможности наслаждаться *контрастами положеній, раздѣленныхъ временемъ*. Пытка Ипполита ярче и открытѣе мукъ его мачехи, какъ и самая вина его была не тайнымъ желаніемъ и замысломъ Федры, а открытой гордыней и фанатичной дерзостью сектанта. Послѣдняя сцена, гдѣ Артемида является изъ театральной машины, чтобы развязать трагическій узелъ, производитъ на современнаго читателя особо-чарующее впечатлѣніе, благодаря ласковому голосу богини надъ умирающимъ, трогательному примиренію Ипполита съ отцомъ и, наконецъ, его удивительной смерти, которая невольно кажется читателю какъ бы предвосхищеніемъ „нескверной кончины“ христіанскихъ мучениковъ, но я все же думаю, что въ концепціи поэта центромъ исхода былъ не столько Ипполитъ, сколько Ѳесей; это была его очередь расплатиться съ богами за свою полубожественность, эту излюбленную природу страдальцевъ трагедіи.

Еще одна чисто-Еврипидовская черта въ исходѣ „Ипполита“: этотъ поэтъ любитъ, разрѣшая драму, т. е. убивая, исцѣляя и примиряя людей оставлять въ ней до конца одно разбитое сердце, на жертву тоскѣ, которая уже не можетъ пройти: таковъ у него Кадмъ „Вак-

ханокъ", таковъ старый Амфитріонъ, таковъ и Θесей. Буря утихла, трупы убраны, но безвѣтренное море все еще тихо качаетъ около берега черный остовъ разбитой барки.

Виламовицъ превосходно разсказалъ намъ о впечатлѣніи, которое ему довелось произвести на одно охлажденное жизнью и Версальской сценой женское сердце концомъ „Ипполита" и, особенно, его чисто-христіанскими нотами, но давно лелѣемый античной Мельпоменой, я бы все же не рѣшился ограничить концепціи Еврипида этимъ сантиментальнымъ предчувствіемъ христіанства.

Черезъ два трупа безгрѣховныхъ преступниковъ сцены, сознательной Федры и безсознательнаго яснолицаго Ипполита, мнѣ видится блѣдный и задумчивый обликъ поэта съ его глубокимъ взоромъ. Ипполитъ былъ близокъ ему по самой натурѣ, но и Федра также отражала его душу. И мачеха, и пасынокъ—оба они были любимыми дѣтьми фантазіи Еврипида и лучшими людьми своего времени; оба не могли не быть виновны, потому что умы ихъ были ограничены ихъ человѣческой природой! Федра была женщина, которая хотѣла стать выше своего пола и, благодаря тому, что она не могла перестать быть женщиной, она и теперь еще носитъ на своемъ имени тысячелѣтнее пятно. Ипполитъ ненавидѣлъ женщинъ, потому что онѣ казались ему самымъ яркимъ доказательствомъ жизни и реальности, то есть тѣмъ, что мѣшаетъ человѣку мыслить и быть чистымъ. Обоихъ, и Ипполита, и Федру, сгубило стремленіе освободиться отъ узъ пола, отъ ига растительной формы души.

Чѣмъ болѣе вдумываюсь я въ это обстоятельство, тѣмъ болѣе кажется мнѣ, что философъ сцены, который создалъ, то есть, пережилъ и Федру, и Ипполита, и въ самомъ дѣлѣ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ эллиновъ, которые „уготовали путь Господеви", только ему грезилось не сантиментальное христіанство житій, а мечта и философскій идеализмъ Евангелія.

Въ XXIII главѣ Благовѣстія Матѳея читаемъ бесѣду Христа съ саддукеями... И саддукеи говорятъ Христу:

25. „Было у насъ семь братьевъ, первый, женившись, умеръ и не имѣя дѣтей, оставилъ жену свою брату своему.

26. Подобно и второй, и третій, даже до седьмого.

27. Послѣ же всѣхъ умерла и жена.

28. Итакъ, въ воскресеніи котораго изъ семи будетъ она женою? Ибо всѣ имѣли ее.

29. Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: заблуждаетесь, не зная Писанія, ни силы Божіей.

30. Ибо въ воскресеніи не женятся, ни выходятъ замужъ, но пребываютъ, какъ ангелы Божіи на небесахъ."

Ужъ не это ли высокое представленіе о небесной жизни, какъ нѣкое предчувствіе, въ туманѣ встаетъ передъ нами изъ трагической гекатомбы „Ипполита"?

И. Анненскій.

РИМСКІЯ ГОРОДСКІЯ ТРИБЫ.

Функціи римскихъ трибъ находятся въ такой тѣсной связи со всѣмъ строемъ государственныхъ учрежденій, приписываемыхъ Сервію Туллію, что проведеніе въ жизнь порядковъ этого царя немыслимо безъ предварительной организаціи трибъ. Когда составлялась конституція Сервія, то трибы должны были уже существовать, или же онѣ были устроены одновременно съ новой конституціей однимъ и тѣмъ же организаторомъ. Это столь очевидно по существу дѣла, что по этому поводу не возникало никакихъ сомнѣній. Напротивъ, еще въ древности ставился вопросъ *о количествѣ* учрежденныхъ Сервіемъ трибъ, а въ новѣйшія времена къ этому присоединился еще вопросъ *о первоначальномъ значеніи четырехъ городскихъ трибъ* и ихъ отличіи отъ сельскихъ.

По свидѣтельству Діонисія Аликарнасскаго [1]), вопросомъ о количествѣ Сервіевыхъ трибъ интересовался еще первый римскій анналистъ, *Фабій Пикторъ:* Διεῖλε δὲ καὶ τὴν χώραν ἅπασαν, ὡς μὲν Φάβιός φησιν, εἰς μοίρας ἕξ τε καὶ εἴκοσιν, ἃς καὶ αὐτὰς καλεῖ φυλάς, καὶ τὰς ἀστικὰς προστιθεὶς αὐταῖς, τριάκοντα φυλὰς ἀμφοτέρων ἐπὶ Τυλλίου τὰς πάσας γενέσθαι λέγει. Итакъ, по мнѣнію Фабія Пиктора, Сервій учредилъ 30 трибъ, изъ нихъ 26 сельскихъ и 4 городскихъ. Количеству сельскихъ трибъ, въ качествѣ дѣленія населенія, соотвѣтствовало и дѣленіе всей римской земли на такое же количество частей, также называемыхъ трибами. При этомъ важно, что Фабій строго разграничивалъ сельскія трибы отъ городскихъ, какъ два особые разряда (ἀμφότεραι). Такъ какъ Сервій, по Фабію, раздѣлилъ *всю* римскую

[1]) Dion, 4, 15.

землю (τὴν χώραν ἅπασαν) на 26 сельскихъ трибъ, то, стало быть, городскія трибы касались только города, не имѣя никакого отношенія къ остальной области.

Въ пользу общагó количества 30 трибъ Діонисій тутъ же ссылается и на анналиста *Веннонія* [2]): ὡς δὲ Οὐεννώνιος ἱστόρηκεν, εἰς μίαν τε καὶ τριάκοντα, ὥστε σὺν ταῖς κατὰ τὴν πόλιν οὔσαις ἐκπεπληρῶσθαι τὰς ἔτι καὶ εἰς ἡμᾶς ὑπαρχούσας τριάκοντα καὶ πέντε φυλάς. Изъ словъ Діонисія не видно, сдѣланъ ли общій подсчетъ 35 трибъ имъ самимъ, или же онъ принадлежалъ еще Веннонію. Если послѣдній говорилъ только о 31 трибѣ, то въ основаніи такого утвержденія могла лежать какая-либо ошибка или догадка, исходившая отъ количества 21 трибы, существовавшаго въ начальныя времена республики.

Но, впрочемъ, самъ Діонисій не довѣрялъ ни Фабію, ни Веннонію, такъ какъ вслѣдъ за этимъ онъ цитуетъ *Катона,* называя его болѣе достовѣрнымъ писателемъ; а Катонъ, въ свою очередь, вовсе не опредѣлялъ количества Сервіевыхъ трибъ: Κάτων μέντοι τούτων ἀξιοπιστότερος ὢν οὐχ ὁρίζει τῶν μοιρῶν τὸν ἀριθμόν. Повидимому, точной традиціи о количествѣ сельскихъ трибъ, учрежденныхъ Сервіемъ, совсѣмъ не было, вслѣдствіе чего отдѣльные анналисты опредѣляли его каждый по своему.

Согласно съ Катономъ, также и Ливій не опредѣляетъ основного количества сельскихъ трибъ, представлявшихъ собою дѣленіе римской области, параллельное съ дѣленіемъ города на 4 части. Но, въ то же время, Ливій сообщаетъ совершенно недвусмысленное указаніе на то, что *установленное Сервіемъ дѣленіе города на четыре части не имѣло первоначально никакого отношенія къ распредѣленію и количеству центурій.* Это значитъ, что классы составлялись исключительно на основаніи сельскихъ трибъ; городскія трибы оставались внѣ классовъ. Вотъ слова *Ливія* [3]).

Nec mirari oportet hunc ordinem, qui nunc est post expletas quinque et triginta tribus duplicato earum numero centuriis iuniorum seniorumque, ad institutam ab Servio Tullio summam (подр. centuriarum) non convenire. *Quadrifariam enim urbe divisa* regionibusque [et] collibus, qui habi-

---

[2]) Цицеронъ цѣнилъ анналы Веннонія, повидимому, очень высоко, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ (Att. 12, 3, 1) жалуется на то, что у него нѣтъ подъ рукой этого сочиненія, а въ другомъ мѣстѣ (leg. 1, 2, 6) ставитъ имя Веннонія рядомъ съ Катономъ и Пизономъ.

[3]) Liv. 1, 43, 12.

tabantur, *partes eas tribus appellavit,* ut ego arbitror, a tributo;—nam eius quoque aequaliter ex censu conferendi ab eodem inita ratio est; *neque eae tribus ad centuriarum distributionem numerumque quidquam continuere.* Затѣмъ слѣдуютъ замѣчанія о количествѣ гражданъ во время перваго ценза [4]) и о расширеніи городской территоріи.

Новые историки основывали свои сужденія о римскихъ трибахъ частью на словахъ Фабія Пиктора (у Діонисія), частью на свидѣтельствѣ Ливія.

Нибуръ [5]), слѣдуя Фабію, находитъ также и у *Варрона* [6]) подтвержденіе тому, что Сервій Туллій учредилъ 26 сельскихъ трибъ, а вмѣстѣ съ городскими всего 30. Если же въ началѣ республики всѣхъ трибъ оказывается на одну треть меньше предполагаемой суммы, то Нибуръ объясняетъ это обычнымъ въ то время правомъ войны, по которому Порсена, побѣдивъ римлянъ, отнялъ у нихъ третью часть ихъ земель, такъ что вмѣсто 30 трибъ у нихъ осталось только 20. Независимо отъ этого, Нибуръ полагалъ, что учрежденныя Сервіемъ трибы предназначались имъ для однихъ только плебеевъ [7]); плебейскій характеръ трибъ измѣнился уже только благодаря законодательству децемвировъ [8]). Въ качествѣ организаціи плебеевъ, трибы являлись, по мысли Нибура, учрежденіемъ, параллельнымъ съ организаціей 30 патриціанскихъ курій. Помимо всего остального [9]), въ теоріи Нибура совершенно стушевывается подчеркиваемое древними авторами различіе между сельскими и городскими трибами.

Подобно Нибуру, также и *Моммзенъ* [10]) принималъ сообщеніе Фабія, но пріурочивалъ его свѣдѣнія ко временамъ до-сервіанскаго septimontium, область котораго будто бы и дѣлилась на 30 частей. Но въ то время, какъ Фабій считалъ 26 сельскихъ и 4 городскихъ части, Моммзенъ передѣлалъ эти цифры по своему, утверждая, что

---

[4]) Съ ссылкой на Фабія Пиктора (1, 44, 2).

[5]) Röm. Gesch. I⁴, 433 сл.

[6]) Varro ap. Non. Marc. p. 43 s. v. viritim: extra urbem in regiones XXVI agros viritim liberis attribuit (безъ указанія подлежащаго). Если дѣло касается Сервія, то Варронъ просто воспроизводилъ мнѣніе Фабія.

[7]) Нибуръ стр. 439: dass die Tribus ursprünglich nur die Plebejer fassten, erst viel später auch die Patrizier und Clienten in sie eingereiht wurden.

[8]) Нибуръ II, 355 сл.

[9]) По вопросу о количествѣ сельскихъ трибъ Сервія, см. нашу статью: „Основная территорія римской общины“: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, іюль 1902 г.

[10]) Die römischen Tribus (1844).

городскихъ участковъ было 7 (= septimontium), сельскихъ же 24 (= аргейскій праздникъ) [11]. Но такъ какъ при этой комбинаціи получается цифра 31, то Моммзенъ оказался вынужденнымъ прибѣгнуть къ предположенію, что одна изъ 30 частей считалась за двѣ, разъ въ числѣ городскихъ, а другой — въ числѣ сельскихъ (pagus Sucusanus) [12]. Когда же римская область увеличилась, то изъ *новыхъ* земель, присоединенныхъ къ септимонтію, устроено было 16 сельскихъ трибъ, и одновременно съ этимъ *старые* 24 *сельскихъ* участка преобразованы въ 4 *городскія* трибы, такъ что, слѣдовательно, и эти послѣднія, вопреки своему наименованію, состояли изъ сельскаго населенія также точно, какъ и новыя 16 трибъ; а собственная turba forensis раздѣлена была на 9 цеховъ [13]. Городскія трибы превращены въ трибы безземельныхъ гражданъ только цензоромъ Фабіемъ [14].

Совершенно иначе, но столь же произвольно излагается этотъ вопросъ въ „Римской исторіи". *Моммзенъ* исходитъ здѣсь отъ безспорнаго положенія, что главною цѣлью реформы Сервія было упорядоченіе военной повинности съ привлеченіемъ къ ней не только патриціевъ, но и вообще всѣхъ гражданъ, обладавшихъ поземельной собственностью (adsidui) [15]. Для этой-то цѣли городъ и раздѣленъ былъ на 4 трибы, но такъ, что онѣ будто бы предназначались для однихъ лишь землевладѣльцевъ, распредѣленныхъ всѣмъ своимъ составомъ между этими 4 городскими трибами; при этомъ, однако, Моммзенъ отказывается указать, какъ онъ представляетъ себѣ это дѣло [16]. Кромѣ того, онъ совершенно обходитъ молчаніемъ вопросъ о томъ, почему въ такомъ случаѣ понадобилось устраивать новое дѣленіе римскаго народа по 4 городскимъ кварталамъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться для данной цѣли старымъ дѣленіемъ на три трибы,

---

[11]) Въ дѣйствительности было 27 остановокъ аргейской процессіи (Varro l. l. 5, 45). См. R. E. s. v. Argei (Виссова) стр. 689 сл.

[12]) Стр. 16: das ganze Gebiet des Septimontium zerfiel in 30 Distrikte, in 24 ländliche und 7 städtische... der vorstädtische zweimal gezählt.

[13]) Стр. 151: dass die servianischen 4 Tribus für die *Bauern* eingerichtet waren, während er die besitzlose Menge in 9 Zünfte theilte... diese 4 Tribus aus den 24 ländlichen Distrikten des Septimontiums.

[14]) Тамъ же стр. 154.

[15]) Röm. Gesch. I[8], 89: Grundbesitzer, mochten sie Bürger (= патриціи) oder Insassen (= плебеи и кліенты) sein. Однако, Моммзенъ напрасно заявляетъ, что денежная повинность (tributum) присоединилась къ этому только дополнительнымъ образомъ; послѣдняя для первой составляетъ condicio sine qua non.

[16]) Тамъ же стр. 90.

тѣмъ болѣе, что послѣднія, по мнѣнію Моммзена, касались столько же города, сколько и остальной области [17]).

Этотъ взглядъ, столь отличный отъ прежняго, проводитъ *Моммзенъ* также и въ „Государственномъ правѣ“ [18]); однако, нельзя сказать, чтобы здѣсь изложеніе этого немаловажнаго вопроса, при всей опредѣленности отдѣльныхъ сужденій, отличалось достаточною ясностью. Съ одной стороны Моммзенъ продолжаетъ настаивать на томъ, что Сервій учредилъ всего только 4 городскія трибы [20]) и что только уже потомъ это дѣленіе распространено также и на остальную область, вслѣдствіе чего и образовались собственно сельскія трибы. Но онъ не рѣшается указать, какъ устроилось отношеніе этихъ новыхъ трибъ къ основнымъ четыремъ [21]). Также и время такого увеличенія количества трибъ онъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ [22]), но допускаетъ, что это могло случиться въ 495 году, когда, по словамъ Ливія (2, 21, 7), Romae tribus una et viginti sunt factae [23]), хотя и считаетъ болѣе правдоподобнымъ, что это произошло только уже въ 473 году [24]), полагая, вопреки извѣстію Ливія, что учрежденіе крустуминской трибы является однимъ изъ *послѣдствій* плебейской secessio [25]). Съ другой же стороны, Моммзенъ усиленно напираетъ на то, что личная триба предполагаетъ поземельную [26]), т. е. что принадлежность гражданина къ той или иной трибѣ опредѣлялась первоначально по мѣсту нахожденія принадлежавшей ему земли. Изъ этого онъ выводитъ заключеніе, что, разъ Сервій Туллій устроилъ только 4 *городскія* трибы, то къ нимъ должны были быть приписаны какъ-нибудь и всѣ *сельскія* земли гражданъ. Однако это-то основное положеніе о первоначальномъ значеніи четырехъ городскихъ трибъ является совершенно безпочвеннымъ, построеннымъ на основаніи субъективнаго толкованія вышеприведенныхъ словъ Ливія.

---

[17]) Тамъ же 164: die sich freilich auf Stadt und Gebiet erstreckt. *Новое* дѣленіе на *поземельныя* трибы понадобилось, повидимому, потому, что *старыя* три трибы представляли собою только дѣленіе *населенія*, но не земли.

[18]) Röm. St.-R. III, 162 сл.

[20]) Стр. 162.

[21]) Стр. 186.

[22]) Стр. 166: Ueber die Ausdehnung der Tribus von der Stadt auf das Gebiet und ihre allmählige Vermehrung и т. д.

[23]) Стр. 171.

[24]) Стр. 152 и 167.

[25]) Стр. 153.

[26]) Стр. 161, прим. 2 и 182 сл.

Впрочемъ, въ частностяхъ своего изложенія Моммзенъ даже и не совсѣмъ оригиналенъ, воспроизводя въ сущности только мнѣніе *Ланге* [27]), основанное, въ свою очередь, на взглядѣ Моммзена, принятомъ имъ въ „Римской исторіи“ по вопросу о первоначальномъ значеніи 4 городскихъ трибъ. По мнѣнію Ланге (кстати сказать, изложенному и болѣе наглядно, чѣмъ у Моммзена), Сервій раздѣлилъ на 4 части всю область римской общины. Основныя четыре трибы Сервія въ 494 году преобразованы, по мнѣнію Ланге, въ 21 трибу, вслѣдствіе secessio plebis, ради голосованія въ разрѣшенныхъ тогда плебсу собраніяхъ (concilia plebis). Если же учрежденныя вновь сельскія трибы названы были по фамиліямъ патриціанскимъ, то Ланге, согласно съ Моммзеномъ [28]), объясняетъ это тѣмъ, что такъ были издавна поименованы тѣ pagi, которые потомъ преобразованы въ трибы.

Какъ изъ этого видно, у Моммзена (въ „Римской исторіи“ и въ „Гос. правѣ“), а равно у Ланге исходнымъ пунктомъ для постановки вопроса о первоначальномъ значеніи городскихъ трибъ служитъ вышеприведенное мѣсто Ливія (1, 43, 12). Однако, римскій историкъ говоритъ здѣсь ясно и опредѣленно только о городѣ, а вовсе не обо всей римской области. Правда, Ланге усматриваетъ указаніе на загородную, сельскую, территорію въ словахъ: „regionibusque [et] collibus, qui habitabantur“, добавленныхъ къ обороту: „quadrifariam urbe divisa [29]). Однако, эта прибавка касается того же города, а не области; это видно не только изъ принадлежности терминовъ regiones и colles къ городской топографической номенклатурѣ, но и изъ слова habitabantur, если сопоставить его съ оборотомъ, употребленнымъ у Ливія (1, 44, 5) при объясненіи понятія pomerium. Принимая послѣднее въ смыслѣ circamoerium, Ливій толкуетъ это, какъ „spatium, quod neque habitari neque arari fas est“, при чемъ слово „habitari“ указываетъ на внутреннюю, городскую, сторону померія, въ то время какъ „arari“ означаетъ внѣшнюю, сельскую, сторону за стѣнами города.

---

[27]) Röm. Alt. I² (1863) стр. 437.

[28]) Моммзенъ, Die römischen Tribus, стр. 6.

[29]) Въ рукописяхъ союза [et] не имѣется. Поэтому вмѣсто: „regionibusque et collibus“ печатаютъ также: „regionibus collibusque“, „regionibus et collibus“. Рукописное чтеніе: *regionibus que collibus qui* производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто одна изъ обѣихъ этихъ паръ словъ попала въ текстъ только въ видѣ глоссы, тѣмъ что къ обороту „*regionibus que* (=*quae*)“ приписано было объяснительное „collibus qui“ (или наоборотъ). Творительный regionibus, въ зависимости отъ divisa, представлялъ бы конструкцію, аналогичную съ конструкціей: duplicato numero centuriis.

Вполнѣ понятна и причина прибавки „regionibusque et collibus, qui habitabantur", такъ какъ дѣленіе города на IV regiones [30]) обнимало собою далеко не всю городскую территорію, включенную въ предѣлы стѣны Сервія [31]), а только центральныя части ея, т. е. тѣ, которыя въ то время, по опредѣленію Ливія, были заняты жилищами городскихъ обитателей (qui habitabantur). Кстати замѣтимъ, что одинъ уже фактъ существованія особой территоріи четырехъ городскихъ regiones *внутри* предѣловъ городской стѣны, находится въ неразрѣшимомъ контрастѣ съ мнѣніемъ, по которому будто бы дѣленіе на 4 городскія трибы нѣкогда представлало собою организацію, охватывавшую не только весь городъ, но и всю остальную землю римской общины.

Также и прочій контекстъ Ливія, самъ по себѣ вполнѣ ясный, не благопріятствуетъ мнѣнію Моммзена и Ланге. Перечисливъ подробно количество установленныхъ Сервіемъ центурій, Ливій заявляетъ, что въ его время количество ихъ было уже иное [32]); это новое распредѣленіе центурій установилось съ тѣхъ поръ, какъ общее число трибъ доведено было до 35, при чемъ каждая изъ нихъ распадалась на двѣ части, на центурію iuniorum и центурію seniorum. Сказавъ: qui *nunc* est post *expletas* quinque et triginta tribus, Ливій тѣмъ самымъ, въ силу противоположности, заявляетъ, что *прежде* такого *полнаго* количества трибъ не было. Въ частности предпринятое Сервіемъ дѣленіе города на 4 части, по словамъ Ливія, тогда не имѣло никакого отношенія къ количеству и распредѣленію центурій, введенному тѣмъ же Сервіемъ. Иначе говоря, Ливій находилъ, что городскія 4 части, входившія въ позднѣйшее полное количество 35 трибъ на равныхъ съ остальными трибами основаніяхъ, первоначально не имѣли никакого значенія для составленія центурій, производившагося цензорами во время ценза. Слѣдовательно, въ основной конституціи Сервія Туллія положеніе городскихъ трибъ, по свѣдѣніямъ Ливія, отличалось отъ положенія прочихъ, сельскихъ, хотя издавна также и первымъ было присвоено названіе трибъ [33]). Отмѣчая особо это своеобразное положеніе городскихъ трибъ въ древнѣйшія времена дѣйствія конституціи Сервія, Ливій имѣлъ передъ собою по этому

[30]) Varro l. l. 5, 41: regio Suburana, Esquilina, Collina, Palatina.

[31]) Въ составъ дѣленія на IV regiones не входили: Капитолій, Авентинъ и окраина Эсквилина. См. Очеркъ римскихъ госуд. древностей, стр. 531 сл.

[32]) См. Очеркъ, стр. 344 сл.

[33]) У Варрона regio чередуется безразлично съ выраженіемъ tribus.

вопросу, конечно, точную и опредѣленную традицію анналистической
литературы, сохранившуюся въ связи съ событіями цензуръ Аппія
Клавдія и Фабія Максима [34]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣленіе одного
только города на 4 трибы, передѣланное Моммзеномъ въ дѣленіи
всей области, составляло точную и неизмѣнную традицію [35]).

Напротивъ, о количествѣ установленныхъ Сервіемъ сельскихъ
трибъ такой опредѣленной традиціи не существовало [36]), по той при-
чинѣ, что впослѣдствіи никогда не возникало такого принципіальнаго
вопроса о ихъ политическомъ положеніи, какой въ концѣ IV-го столѣтія
возбужденъ былъ относительно 4 городскихъ трибъ. Поэтому и анна-
листы, поскольку касались этого дѣла, высказывались различно, а
Ливій, по примѣру большинства анналистовъ, въ томъ числѣ и Ка-
тона, оставилъ его совершенно въ сторонѣ, ограничившись только
тѣми свѣдѣніями, которыя касались городскихъ трибъ. Въ статьѣ:
„Основная территорія римской общины“ [37]) мы пришли къ выводу (какъ
намъ кажется, вполнѣ правдоподобному), что въ періодъ введенія
конституціи Сервія римская земля раздѣлена была на 15 сельскихъ
трибъ, которыя только и являлись тогда таковыми въ полномъ смыслѣ
этого термина. Городскія трибы сравнены въ правахъ съ сельскими
цензоромъ Фабіемъ.

Предположеніе, что Сервій учредилъ всего только четыре трибы,
распространявшіяся какъ на городъ, такъ и на остальную территорію,
во всякомъ случаѣ не подкрѣпляется свидѣтельствомъ Ливія, пред-
ставленнымъ по поводу конституціи Сервія (въ I-ой книгѣ). Столь же
неумѣстно ссылаться на Ливія также и для предположенія, что дѣленіе
на 20 трибъ (по счету Моммзена) произошло только уже въ респуб-

---

[34]) На эту связь, помимо существа дѣла, указываетъ и прямое заявленія Діо-
нисія (4, 22), что будто бы еще Сервій приписалъ либертиновъ εἰς φυλὰς τὰς κατὰ
τὴν πόλιν τέτταρας ὑπαρχούσας. Событія конца 4-го столѣтія, закончившіяся реформой
4 городскихъ трибъ, касались именно политическаго положенія либертиновъ и про-
чихъ humiles (Liv. 9, 46, 10).

[35]) Напр. Fest. p. 368 (Thewr. стр. 560): urbanas tribus appellabant, in quas
urbs erat dispertita a Servio Tullio rege; Dion. 4, 14: ὁ Τύλλιος ἐπειδὴ τοὺς ἑπτὰ λό-
φους ἑνὶ τείχει περιέλαβεν, εἰς τέτταρας μοίρας διελὼν τὴν πόλιν, τετράφυλον ἐποίησε τὴν πό-
λιν εἶναι, τρίφυλον οὖσαν τέως. — Допущенное здѣсь Діонисіемъ сцѣпленіе Сервіевыхъ
4 трибъ *города* съ старыми 3 трибами *патриціевъ* поддерживаетъ и Моммзенъ (R.
G. I[8], 43 и 51), несмотря на то, что всѣ данныя объ этихъ трехъ трибахъ свидѣ-
тельствуютъ, что это было только дѣленіе *населенія*, но не территоріи.

[36]) Такъ еще *Швеглеръ* (I, 737).

[37]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, іюль 1902.

ликанское время. Когда Ливій [38]) говоритъ, что въ 495 году Romae tribus una et viginti factae, то, по крайней мѣрѣ, самъ онъ не могъ понимать своихъ словъ въ томъ смыслѣ, что именно тогда учреждены были заново и сразу всѣ 21 триба. Вѣдь, немного выше [39]) онъ же сообщаетъ объ устройствѣ новой Клавдіевой трибы за Аніеномъ, что и доказываетъ, что подобныя, не городскія трибы онъ представлялъ себѣ существовавшими и раньше этого времени [40]). Если же Моммзенъ, не довѣряя въ этомъ вопросѣ Ливію, замѣняетъ его заявленіе своими личными гипотезами, то намъ приходится сдѣлать выборъ между мнѣніемъ Моммзена и свидѣтельствомъ Ливія. А такъ какъ предположеніе перваго о томъ, что Сервій учредилъ всего только 4 городскія трибы, основывается на плохой интерпретаціи словъ Ливія въ I-ой книгѣ (плохой и въ реальномъ, и въ грамматическомъ отношеніяхъ), то и перетолкованіе словъ Ливія во II-ой книгѣ, предлагаемое Моммзеномъ, является такимъ же дѣломъ субъективнаго произвола, нисколько не дающаго лучшихъ результатовъ, чѣмъ слѣдованіе традиціи, которая въ частности по отношенію къ Клавдіевой трибѣ должна была соотвѣтствовать фамильнымъ преданіямъ рода Клавдіевъ.

Мнѣніе Моммзена объ основномъ значеніи 4 городскихъ трибъ лишено всякого фактическаго и даже грамматическаго основанія. Напротивъ, несомнѣнно, что дѣленіе города на четыре части существовало съ древнѣйшихъ временъ, восходя въ своихъ очертаніяхъ еще къ періоду, предшествовавшему сооруженію стѣны Сервія. Несомнѣнно также и то, что городскія трибы въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій республики въ правовомъ отношеніи отличались отъ прочихъ, сельскихъ, трибъ. Отрицательное опредѣленіе этого отличія дано въ сообщеніи Ливія о томъ, что уставленное Сервіемъ дѣленіе *города* на 4 части, именуемыя трибами, нисколько не касалось его же дѣленія римскаго *народа* на центуріи и классы. Положительный же отвѣтъ на вопросъ, каково было первоначальное положеніе городскихъ трибъ, получается изъ разбора свѣдѣній о событіяхъ конца IV-го столѣтія, касающихся цензоровъ 312 года, Аппія Клавдія и Г. Плавція, и цензоровъ 304 года, Кв. Фабія и П. Деція.

Объ этихъ событіяхъ повѣствуютъ Діодоръ, Плутархъ и Ливій,

---

[38]) Liv. 2, 21, 7.

[39]) Liv. 2, 16, 4 сл.

[40]) Въ виду этого выраженіе „tribus una et viginti factae“ можно понимать только въ смыслѣ: „трибъ стало 21“ (доведены до этого количества), но никакъ не въ значеніи: „учреждено (заново) 21 триба“.

при чемъ первые два дополняютъ послѣдняго и, наоборотъ, послѣдній—первыхъ двухъ.

Аппій Клавдій, ставъ во враждебныя отношенія къ сенату, пытался провести нѣкоторыя нововведенія въ пользу низшихъ слоевъ народа [41]). Первая мѣра, состоявшая въ принятіи въ число сенаторовъ сыновей либертиновъ [42]), не осуществилась, такъ какъ консулы не приняли новаго списка сенаторовъ [43]), составленнаго вопреки mos maiorum [44]), и въ такомъ положеніи это дѣло оставалось вплоть до диктатуры Цезаря. Болѣе успѣшнымъ оказалось второе мѣропріятіе Аппія, заключавшееся въ томъ, что онъ предоставилъ голосъ въ комиціяхъ не только либертинамъ [45]), но и вообще всѣмъ humiles [46]), изъ которыхъ составлялась forensis factio [47]). Доставленіе же права голоса въ комиціяхъ проведено было путемъ зачисленія во всѣ существовавшія тогда трибы, что и было осуществлено посредствомъ общаго цензорскаго эдикта о томъ, что всякій гражданинъ можетъ явиться къ цензу въ какой ему угодно трибѣ [48]). Это разрѣшеніе могло имѣть практическое значеніе, конечно, только для той части населенія, которая до тѣхъ поръ не числилась ни въ какой трибѣ и, слѣдовательно, не могла знать, когда именно явиться къ цензу. Такимъ образомъ, дѣло могло касаться только эраріевъ, цензъ которыхъ, для внесенія обязательнаго aes (въ отличіе отъ случайнаго tributum), опредѣлялся прежде самовольно самими цензорами; къ числу же этихъ эраріевъ, какъ видно изъ этихъ событій, принадлежали тогда, между прочимъ, и либертины.

Нововведеніе Аппія на первыхъ порахъ не обнаруживало ника-

---

41) Diod. 20, 36: Ἄππιος Κλαύδιος πολλὰ τῶν πατρῴων νομίμων ἐκίνησε, τῷ δήμῳ γὰρ τὸ κεχαρισμένον ποιῶν οὐδένα λόγον ἐποιεῖτο τῆς συγκλήτου.

42) Liv. 9, 46, 10: qui senatum primus libertinorum filiis inquinaverat; cp. 9, 29, 7; Diod. l. c. § 3: πολλοὺς καὶ τῶν ἀπελευθέρων υἱοὺς ἀνέμιξεν.

43) Liv. 9, 30, 2; 46, 11.

44) Diod. 20, 36, 3: ὡς ἦν ἦθος.

45) Плутархъ (Popl. 7), сообщивъ, что Вициній, въ видѣ исключенія, получилъ право φέρειν ψῆφον, ἣ βούλοιτο φρατρίᾳ προσνεμηθέντα, прибавляетъ слѣдующее замѣчаніе: τοῖς δ' ἄλλοις ἀπελευθέροις ὀψὲ καὶ μετὰ πολὺν χρόνον ἐξουσίαν ψήφου δημαγωγῶν ἔδωκεν Ἄππιος.

46) Liv. 9, 46, 11: humilibus per omnes tribus divisis forum (=трибутскія комиціи) et campum (=центуріатскія комиціи) corrupit; § 14: humillimorum in manu comitia.

47) Liv. 9, 46, 10 и 13 сл.

48) Diod. 20, 36, 3: ἔδωκε δὲ τοῖς πολίταις καὶ τὴν ἐξουσίαν ὅποι προαιροῖντο τιμήσασθαι.

кого замѣтнаго вліянія на результатъ голосованія въ комиціяхъ. Неудовольствіе стараго integer populus [49]), т. е. прежнихъ трибуловъ, рѣшавшихъ дѣла въ комиціяхъ, вспыхнуло только въ 304-омъ году, когда голосами презрѣнной forensis turba избранъ былъ въ курульные эдилы сынъ либертина, писецъ Гн. Фабій [50]). Во избѣжаніе подобныхъ явленій цензоры этого года, Кв. Фабій и П. Децій, придумали новую мѣру: они издали эдиктъ, по которому эти трибулы, исключаемые изъ сельскихъ трибъ, были сгруппированы въ четырехъ городскихъ трибахъ [51]). Это рѣшеніе вопроса о новыхъ трибулахъ оказалось столь симпатичнымъ для обѣихъ сторонъ, что, по словамъ Ливія, иниціаторъ этого дѣла получилъ даже прозваніе Maximus за такое удовлетворительное рѣшеніе спорнаго вопроса [52]).

Найденный Фабіемъ компромиссъ [53]), удовлетворившій обѣ стороны (integer populus и forensis turba), показываетъ, что мѣропріятіемъ Фабія сгруппированные въ 4 городскихъ трибахъ libertini, humiles и вообще вся forensis fractio не были просто возвращены къ тому состоянію, въ какомъ они находились до цензуры Аппія. Если они остались довольны, то изъ этого слѣдуетъ, что за ними были закрѣплены, въ другой формѣ, тѣ же самыя права, которыя были имъ предоставлены Аппіемъ Клавдіемъ и которыми, слѣдовательно, до его времени они не пользовались. Съ другой стороны, и остальныя, именно сельскія, трибы остались довольны, такъ какъ, очистившись отъ нежелательныхъ элементовъ, онѣ въ то же время сохраняютъ по прежнему рѣшающій перевѣсъ голосовъ въ комиціяхъ: сельскихъ трибъ тогда было 27, противъ 4 городскихъ. Все это вполнѣ очевидно. Также и Моммзенъ полагаетъ, что тѣ слои римскихъ гражданъ, которыхъ касались мѣропріятія Аппія и Фабія, входили прежде въ составъ эраріевъ [54]). Но если онъ тутъ же [55]) прибавляетъ, что Фабій одновременно съ этимъ удалилъ изъ 4 городскихъ трибъ по воз-

---

49) Liv. 9, 46, 13.

50) Liv 9, 46, 1 сл.

51) Liv. 9, 46. 14: ne humillimorum in manu comitia essent, omnem forensem turbam *excretam* in quattuor tribus coniecit *urbanasque eas appellavit*.

52) Liv. 9, 46, 15: adeoque eam rem acceptam gratis animis ferunt, ut Maximi cognomen hac ordinum temperatione pareret. Впрочемъ, правильность такого толкованія прозвища подлежитъ сомнѣнію.

53) Ливій l. c.: concordiae causa, ordinum temperatione.

54) Моммзенъ St.-R. II³, 403; III, 184 сл.

55) St.-R. II³, 403 § 3 съ прим. 3; Tribus, стр. 154.

можности всѣхъ собственниковъ земли (=трибуловъ сельскихъ трибъ), то это—совершенно произвольное предположеніе, вытекающее лишь изъ его собственной предвзятой теоріи объ основномъ значеніи городскихъ трибъ.

Для утвержденія, что городскія трибы нѣкогда состояли изъ такихъ же поземельныхъ владѣльцевъ, какъ и сельскія трибы, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя отрицать, что городскія трибы существовали и раньше цензуры Аппія Клавдія, и притомъ не только въ качествѣ городскихъ территоріальныхъ участковъ, но, напротивъ, до нѣкоторой степени въ томъ же видѣ, какъ и сельскія трибы. Въ анналистической традиціи съ самого же начала республики городскія трибы включаются въ общій счетъ трибъ вмѣстѣ съ сельскими. На этомъ жъ подсчетѣ построена и традиція о судѣ надъ Коріоланомъ [56]): въ числѣ судей оказываются всѣ трибы, какъ сельскія такъ и городскія. Но дѣло касается здѣсь собственно плебейскаго собранія. Со времени признанія автономіи плебеевъ, скрѣпленной по типу международныхъ договоровъ, дѣло Коріолана представляло собою первый случай суда плебса надъ патриціемъ. Впечатлѣніе, произведенное такимъ новымъ и невозможнымъ въ прежнія времена событіемъ, послужило основаніемъ для превращенія осужденнаго Коріолана въ героя народныхъ сказаній [57]), въ которыхъ нѣтъ никакого другого историческаго зерна, кромѣ факта осужденія Коріолана плебсомъ и его добровольнаго удаленія въ изгнаніе. Сухая и сжатая передача этого дѣла, лежащая въ основаніи разсказа Ливія, показываетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ старою анналистическою записью. Этотъ источникъ не сообщалъ даже, чѣмъ именно провинился Коріоланъ противъ правъ плебса или его трибуновъ, а вина должна была быть немаловажная, разъ патриціи оказались вынужденными выдать его плебеямъ [58]). Въ судѣ надъ Коріоланомъ участвовало, какъ сообщаетъ Діонисій, 21 триба, изъ которыхъ 9 подали свой голосъ въ пользу обвиняемаго. Число оправ-

---

[56]) Основная краткая реляція въ стилѣ анналовъ явственно проглядываетъ еще въ изложеніи Ливія (2, 34—35). Напротивъ, Діонисій (7, 26—65) даетъ уже риторическую переработку этого разсказа. Помимо народнаго эпоса и литературной поэзіи, на разукрашеніе древней римской исторіи не малое вліяніе оказывали и упражненія въ школахъ риторовъ на историческія темы.

[57]) *В. И. Модестовъ*, Поэзія въ римской исторіи (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1897).

[58]) Видно только, что обвиненіе Коріолана находилось въ какой-то связи съ продовольственнымъ дѣломъ.

дательныхъ голосовъ, могущее быть признано вполнѣ достовѣрной частью старой анналистической записи, свидѣтельствуетъ, что въ собраніи плебса учавствовали не однѣ лишь сельскія трибы, которыхъ тогда было 17 (или даже только 16, если не считать новой крустуминской трибы). Зато относительно общаго числа всѣхъ трибъ въ анналистической традиціи о дѣлѣ Коріолана образовалась какая то путаница [59]), вызванная колебаніемъ между числами 20 и 21. Рѣшенія этой загадки можно искать прежде всего въ двухъ направленіяхъ: или въ тотъ годъ, къ которому пріурочено это дѣло, крустуминская триба не была еще сформирована окончательно [60]), или же, наоборотъ, пріуроченіе къ данному году невѣрно, такъ что судъ надъ Коріоланомъ происходилъ въ дѣйствительности нѣсколькими годами раньше, когда крустуминской трибы еще не было. Однако возможна еще третья комбинація: когда происходилъ судъ надъ Коріоланомъ, голосованіе въ собраніяхъ плебса совершалось еще по куріямъ, въ которыхъ, конечно, могла случиться ἰσοψηφία. Ошибка Діонисія основывалась бы въ такомъ случаѣ на смѣшеніи курій съ трибами, которыхъ въ тотъ годъ и было 21. Послѣдняя возможность наиболѣе правдоподобна.

Какъ бы то ни было, присутствіе городскихъ трибъ въ собраніи плебса, само по себѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ распредѣленія сословій въ тогдашней римской области. Патриціи представляли собою классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, предоставлявшихъ участки своихъ земель зависѣвшимъ отъ нихъ кліентамъ, такъ что настоящее мѣсто тѣхъ и другихъ было именно въ сельскихъ трибахъ. Рядомъ съ ними, правда, и плебеи были по преимуществу земледѣльцы. Однако, владѣя землей на началахъ подворной собственности и не имѣя права на общинную землю, они легко могли превращаться въ безземельныхъ бобылей, тянувшихся въ городъ для прісканія заработковъ путемъ городскихъ промысловъ, въ то время какъ кліенты, а тѣмъ болѣе патриціи, не доходили до такого состоянія [61]). Такимъ образомъ,

[59]) Dion 7, 64: μιᾶς καὶ εἴκοσι τότε φυλῶν οὐσῶν αἷς ἡ ψῆφος ἀνεδόθη, τὰς ἀπολυούσας φυλὰς ἔσχεν ὁ Μάρκιος ἐννέα, ὥστε εἰ δύο προσῆλθον αὐτῷ φυλαί, διὰ τὴν ἰσοψηφίαν ἀπελύετ' ἄν, ὥσπερ ὁ νόμος ἠξίου. Объ ариѳметической ошибкѣ, заключающейся въ послѣднихъ словахъ, см. Швеглера II, 352 прим. 2; Моммзена St.-R. III, 167 прим. 3. Опущеніе Ливіемъ численнаго распредѣленія голосовъ можетъ быть объяснено желаніемъ обойти эту ариѳметическую путаницу.

[60]) Моммзенъ Die röm. Tribus стр. 9.

[61]) Ср. Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей стр. 37.

сельскія трибы состояли частью изъ патриціевъ и ихъ кліентовъ, частью же изъ плебеевъ. Напротивъ, безземельные плебеи, занимавшіеся городскими профессіями, не могли, конечно, числиться въ сельскихъ трибахъ, а потому, будучи допускаемы въ собранія плебса наравнѣ съ прочими плебеями, они и подавали голосъ отдѣльно отъ землевладѣльцевъ въ составѣ четырехъ городскихъ трибъ, по мѣсту жительства. А такъ какъ патриціямъ и ихъ кліентамъ незачѣмъ было числиться въ городскихъ безземельныхъ трибахъ, то эти послѣднія фактически оказывались чисто плебейскими.

Съ другой стороны, пока патриціи были достаточно сильны, не въ ихъ интересахъ было привлекать плебейскія городскія трибы къ участію въ комиціяхъ populus'а. Допущеніе къ участію въ комиціяхъ также и городской turba forensis, до тѣхъ поръ имѣвшей доступъ только въ concilia plebis, и составляло назрѣвшій въ концѣ 4-го столѣтія вопросъ,—рѣшенный Аппіемъ однимъ способомъ, а Фабіемъ другимъ способомъ, удовлетворительнымъ для обѣихъ сторонъ.

Въ то время уже прежнихъ кліентовъ не было; они слились съ сословіемъ плебеевъ [62]). Зато наросло новое сословіе либертиновъ, находившееся по отношенію къ политическимъ правамъ на одинаковомъ положеніи съ плебеями безземельныхъ городскихъ трибъ. Если же въ разсказѣ о событіяхъ конца 4-го столѣтія на первый планъ выдвигаются по преимуществу либертины, то это зависитъ съ одной стороны отъ надѣлавшаго такъ много шума принятія ихъ Аппіемъ въ число сенаторовъ, а съ другой—отъ случая съ писцомъ Флавіемъ, избраннымъ на должность курульнаго эдила, несмотря на то, что онъ былъ сынъ либертина. Однако, это избраніе было дѣло рукъ не однихъ только либертиновъ, но вообще всей forensis factio, оказавшейся солидарною съ либертинами и образовавшейся въ центуріатскихъ комиціяхъ вслѣдствіе того, что Аппій Клавдій распредѣлилъ городскихъ humiles [63]) по всѣмъ трибамъ. Основныхъ трибуловъ этихъ трибъ Ливій называетъ тутъ же integer populus [64]), вполнѣ согласно съ заявленіемъ, что Аппій humilibus per omnes tribus divisis forum (трибутскія комиціи) et campum (центуріатскія комиціи) [65]) corrupit,

---

[62]) Очеркъ, стр. 32.

[63]) Liv. 9, 46, 11: postcaquam nec in curia adeptus erat, quas petierat *opes urbanas, humiles* per omnes tribus divisit.

[64]) Liv. § 13: ex eo tempore in duas partes discessit civitas: aliud integer *populus, aliud forensis factio tenebat.*

[65]) См. Очеркъ римскихъ госуд. древностей, стр. 361.

примѣромъ чего и служило избраніе либертина Флавія на должность курульнаго эдила.

Изъ мѣропріятія Аппія Клавдія видно прежде всего только, что городскіе humiles, представлявшіе собою forensis turba и opes urbanae, до цензуры Аппія въ комиціяхъ populus-а не подавали голоса во *всѣхъ* трибахъ. Но голосовали ли они по крайней мѣрѣ, въ *нѣкоторыхъ* трибахъ, а именно, въ своихъ же четырехъ городскихъ? По отношенію къ центуріатскимъ комиціямъ на этотъ вопросъ имѣется у Ливія [66]) прямой и точный отвѣтъ: eae tribus ad centuriarum distributionem numerumque *nihil continuere*, „*городскія трибы* (по первоначальной формѣ Сервіевой конституціи) *не имѣли никакого отношенія къ центуріатскимъ комиціямъ*“. То, что засвидѣтельствовано Ливіемъ по отношенію къ центуріатскимъ комиціямъ, въ одинаковой степени касается и трибутскихъ комицій въ силу тѣхъ условій, на которыхъ основываются порядки ценза. Впрочемъ, это подтверждаетъ и Ливій своимъ сопоставленіемъ campus съ forum. Изъ этого слѣдуетъ, что *populus центуріатскихъ и трибутскихъ комицій состоялъ первоначально только изъ сельскихъ трибъ* и что Аппій Клавдій, желая предоставить право участія въ этимъ комиціяхъ также и гражданамъ городскихъ трибъ, разрѣшилъ имъ приписаться во время ценза къ какой либо *сельской* трибѣ.

Если, такимъ образомъ, граждане городскихъ трибъ черезъ Аппія пріобрѣли право участія въ комиціяхъ путемъ распредѣленія ихъ по всѣмъ *сельскимъ* трибамъ [67]), то становится понятнымъ и найденный цензоромъ Фабіемъ компромиссъ, удовлетворившій какъ собственно сельскихъ трибуловъ (integer populus), такъ и гражданъ городскихъ трибъ (forensis factio). Мѣропріятіемъ Аппія предоставлялось право участія въ комиціяхъ городскимъ трибуламъ каждому лично, въ качествѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, путемъ припискѣ къ одной изъ сельскихъ трибъ, такъ что въ комиціяхъ по прежнему подавали голоса однѣ только сельскія трибы, но въ смѣшанномъ составѣ; городскія трибы, какъ таковые, по прежнему не имѣли никакого отношенія къ комиціямъ. Цензоръ Фабій, рѣшившись очистить сельскія трибы отъ новыхъ элементовъ, но въ то же время не желая лишить городскихъ трибуловъ пріобрѣтеннаго ими черезъ Аппія права уча-

---

[66]) Liv. 1, 43, 13.

[67]) Въ источникѣ Ливія (9, 46, 11) выраженіе: per *omnes* tribus означало: во всѣ *существовавшія въ то время* трибы, входившія зъ составъ комиціальнаго populus.

стія въ комиціяхъ, приписалъ этихъ послѣднихъ трибуловъ вновь къ городскимъ трибамъ, но съ тѣмъ, что эти 4 городскія трибы, какъ таковыя, пріобрѣтали теперь право участвовать въ комиціяхъ наравнѣ съ сельскими трибами. Въ трибутскихъ комиціяхъ это выразилось въ томъ, что общее количество трибъ увеличилась на 4: вмѣсто 27 сельскихъ трибъ голосовала теперь 31 триба. Для центуріатскихъ же комицій нововведеніе Фабія сводилось къ тому, что городскіе трибулы попадали въ классы и центуріи не посредствомъ приписки къ сельскимъ трибамъ, какъ это было установлено Аппіемъ, а въ предѣлахъ собственныхъ своихъ трибъ. *Городскія трибы*, такимъ образомъ, *черезъ Фабія пріобрѣли всѣ права, которыми до тѣхъ поръ пользовались однѣ только сельскія трибы и которыя предоставлены были уже Аппіемъ всѣмъ представителямъ городскихъ трибъ, каждому отдѣльно, путемъ приписки къ сельскимъ трибамъ.*

До временъ Аппія, городскія трибы имѣли, сдѣдовательно, меньшія права, чѣмъ сельскія. Въ видѣ переживанія старины низшее достоинство городскихъ трибъ сохранилось навсегда, но только въ общественномъ мнѣніи, безъ всякаго различія политическихъ правъ въ принципіальномъ смыслѣ. Перечисленіе изъ сельской трибы въ городскую служило однимъ изъ способовъ цензорскаго порицанія [68]). Также и это являлось пережиткомъ того времени, когда городскія трибы находились еще на положеніи эраріевъ и когда цензорское tribu movere, равнявшееся зачисленію въ разрядъ эраріевъ [69]), означало исключеніе изъ *сельскихъ* трибъ.

Впрочемъ, реформа Фабія, насколько она заключалась въ принятіи городскихъ четырехъ трибъ въ составъ populus'а центуріатскихъ и трибутскихъ комицій, на тѣхъ же правахъ, какъ сельскія трибы, не была вполнѣ оригинальна, такъ какъ она являлась только перенесеніемъ на комиціи populus'а того порядка, который уже раньше принятъ былъ въ трибутскихъ собраніяхъ плебса, въ которыхъ, какъ видно изъ суда надъ Коріоланомъ, издавна голосовали плебеи всѣхъ трибъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ. Это положеніе, согласное

---

[68]) Plin. n. h. 18, 3, 13: rusticae tribus laudatissimae, urbanae vero, in quas transferri ignominiae esset; Dion. 19, 18: αἱ τῶν ἀτίμων φυλαί.

[69]) Оба эти выраженія обыкновенно соединяются вмѣстѣ: tribu movere et aerarium facere (Моммзенъ St.-R. II³, 402 прим. 2). Послѣ цензуры Аппія въ разрядѣ эраріевъ оставались только граждане нѣкоторыхъ иногородныхъ общинъ, съ церитянами во главѣ (отсюда tabulae Caeritum), пока и они не получили правъ полноправныхъ римскихъ гражданъ.

и съ фактомъ включенія четырехъ городскихъ трибъ въ общій подсчетъ всѣхъ трибъ съ древнѣйшихъ временъ республики, проливаетъ свѣтъ также и на чрезвычайно странное обстоятельство, заключающееся въ томъ, что городскія трибы, несмотря на свое низшее достоинство, въ комиціяхъ подавали голосъ раньше почетныхъ сельскихъ трибъ, такъ что даже первая изъ нихъ, tribus Romilia, названіе которой находилось въ связи съ именемъ самого основателя города, въ комиціальномъ спискѣ трибъ числилась только уже на пятомъ мѣстѣ, позади городскихъ. Вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе этой загадки получимъ только въ томъ случаѣ, если принятый позднѣе во всѣхъ народныхъ собраніяхъ порядокъ трибъ признаемъ выработавшимся сперва въ concilia plebis. Отъ трибутскихъ собраній плебса подъ предсѣдательствомъ трибуновъ порядокъ трибъ съ теченіемъ времени привился и къ трибутскимъ комиціямъ подъ предсѣдательствомъ прочихъ магистратовъ, а это могло произойти, конечно, уже только послѣ того, какъ городскія трибы были допущены къ голосованію въ комиціяхъ populus-а, т. е. только послѣ цензуры Фабія Максима.

На позднее происхожденіе списка трибъ указываетъ, впрочемъ, также и данный этимъ спискомъ порядокъ сельскихъ трибъ. Во главѣ ихъ числилась tribus Romilia, очевидно въ честь основателя Рима, Ромула. А, между тѣмъ, самый образъ городскаго основателя могъ создаться только уже подъ вліяніемъ греческой культуры, въ подражаніе греческимъ городскимъ ктистамъ; да и данное содержаніе легенды о Ромулѣ свидѣтельствуетъ о сравнительно позднемъ и притомъ постепенномъ развитии ея изъ разныхъ наслоеній [70]), такъ что триба Ромула могла оказаться во главѣ сельскихъ трибъ не ранѣе 4-го столѣтія до Р. Хр. Особенно же ясное свидѣтельство о позднемъ происхожденіи даннаго комиціальнаго списка трибъ заключается въ томъ, что послѣднее, 35-ое, мѣсто принадлежало трибѣ Arniensis [71]), несмотря на то, что послѣднею, въ хронологическомъ порядкѣ, оказывается tribus Quirina, учрежденная въ 241-омъ году. Стало быть, окончательная форма комиціальнаго списка трибъ составилась во всякомъ случаѣ уже послѣ первой пунической войны. Любопытно, что въ этотъ же періодъ времени, послѣ 231 года, Спурій Карвилій внесъ

[70]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1902: „Легенда о близнецахъ Ромулѣ и Ремѣ.

[71]) Cic. l. a. 2, 29, 79: a Suburana usque ad Arniensem nomina vestra proponat.

въ римскую азбуку букву G, диффенцированную изъ знака C [72]). И вотъ, аббревіатура трибы Galeria пишется исключительно только при помощи этой новой буквы въ формѣ GAL, а не посредствомъ знака C, какъ это было принято въ старинныхъ аббревіатурахъ C и CN. Формальное упорядоченіе трибъ, какъ въ комиціяхъ, такъ и въ дѣлѣ гражданской титулатуры, произошло, повидимому, не раньше періода второй пунической войны. Такому позднему установленію комиціальнаго списка трибъ соотвѣтстуетъ и произвольное перемѣшеніе старыхъ гентильныхъ трибъ съ позднѣйшими топографическими, если только вѣрно наблюденіе Моммзена [73]) относительно трибъ: Pomptina Papiria Pupinia Popliliа въ словарѣ Феста.

Если порядокъ трибъ, по которому во главѣ списка оказывались менѣе цѣнныя городскія трибы, выработался первоначально въ трибутскихъ собраніяхъ плебса, то этимъ уясняется и первое мѣсто, занимаемое среди городскихъ же трибъ въ частности трибой Sucusana (Suburana). Политическій центръ тяжести для плебейскаго населенія лежалъ въ городѣ, какъ видно уже изъ того, что компетенція плебейскихъ трибуновъ ограничена была периферіей 1000 шаговъ разстоянія отъ городскихъ стѣнъ. А такъ какъ главная масса городскихъ humiles занята была ремеслами и мелкой городской торговлей (forensis turba), то Субура, въ качествѣ стариннаго средоточія городскихъ промысловъ, для плебейской организаціи естественно должна была имѣть большее значеніе, чѣмъ аристократическій Палацій и сравнительно мало населенные и притомъ окраинные Эсквилинъ и Квириналъ [74]).

Наконецъ, предположеніе, что городскія трибы въ старину не участвовали въ трибутскихъ комиціяхъ populus'a, позволяетъ поставить на *реальную* почву вопросъ о процедурѣ жреческихъ комицій, въ которыхъ принимали участіе всегда только 17 трибъ. Это количество можетъ быть истолковано въ смыслѣ переживанія того порядка, который установился еще тогда, когда трибутскія комиціи populus'a состояли всего только изъ 17 сельскихъ трибъ [75]).

---

[72]) Plut. Qu. R. 54 и 59. См. *Корссена* Aussprache 1^2, 10; Ф. О. XIII, 2, 108.

[73]) St.-R. III, 174, прим. 7.

[74]) Порядокъ городскихъ трибъ засвидѣтельствованъ Варрономъ (5,56) и Фестомъ (p. 368) въ слѣдующемъ видѣ: Suburana Palatina Esquilina Collina. Послѣдняя триба считалась самою низшею и по достоинству (Cic. Mil. 9, 25)

[75]) Ф. О. VII, 2, стр. 243 сл. и XIII, 2, 106 прим. 25.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, въ связи съ результатами нашей статьи объ основной территоріи римской общины, получаемъ такіе заключительные выводы. Римская область въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она появляется въ начальныя времена республики, сложилась во всемъ своемъ составѣ (за исключеніемъ ager Gabinus и, быть можетъ, колоніи Остіи) еще до временъ тарквиніевскаго владычества. Въ періодъ Тарквиніевъ, одновременно съ введеніемъ реформы Сервія Туллія, эта область раздѣлена была на 15 сельскихъ трибъ, за исключеніемъ собственно городской территоріи, раздѣленной на 4 участка, послужившіе основаніемъ для возникновенія четырехъ tribus urbanae. Въ началѣ республики прибавились еще двѣ сельскихъ трибы, при чемъ это количество 17 сельскихъ трибъ просуществовало въ неизмѣнномъ видѣ вплоть до 387 года. Такъ какъ центуріатская конституція Сервія основана была на принципѣ землевладѣнія, то въ классы и центуріи могли быть зачисляемы только трибулы сельскихъ, землевладѣльскихъ, трибъ безъ различія сословій. Когда конституція Сервія, преслѣдовавшая сперва только цѣли военной организаціи, получила политическое значеніе путемъ примѣненія этихъ же порядковъ и къ голосованію въ центуріатскихъ комиціяхъ, то populus этихъ комицій (=exercitus) могъ, слѣдовательно, состоять изъ однихъ лишь представителей сельскихъ трибъ, рядомъ съ центуріями которыхъ оказывалось всего только четыре центуріи мастеровъ и музыкантовъ, въ качествѣ представителей городскихъ профессій. Эти четыре техническія центуріи не принадлежали къ классамъ (а, слѣдовательно, и къ сельскимъ трибамъ), какъ видно изъ того, что мѣсто ихъ голосованія не было установлено съ самаго же начала, завися, повидимому, всякій разъ отъ усмотрѣнія предсѣдательствующаго магистрата [76]). Когда же рядомъ съ центуріатскими комиціями введены были еще и трибутскія комиціи того же populus'а [77]), то въ силу тожества этого понятія въ обоихъ разрядахъ комицій также и участники трибутскихъ комицій могли состоять изъ однихъ лишь представителей сельскихъ трибъ, какъ и populus центуріатскихъ комицій.

---

[76]) Разнорѣчивыя свидѣтельства авторовъ по этому вопросу (Очеркъ, стр. 45) зависятъ отъ разнорѣчивыхъ показаній ихъ источниковъ, основанныхъ на разныхъ случаяхъ разныхъ временъ. Да и самое право *голосованія* въ центуріатскихъ комиціяхъ центуріи городскихъ профессій могли получить только уже послѣ допущенія городскихъ трибъ къ голосованію въ трибутскихъ комиціяхъ.

[77]) Очеркъ римскихъ гос. древностей, стр. 350.

Въ свою очередь, плебеи имѣли, конечно, право избрать для голосованія въ своихъ автономныхъ concilia plebis какую имъ было угодно форму. Если можно довѣрять традиціи, они голосовали сперва по куріямъ, но еще въ начальныя времена республики (въ 471 г.) перешли къ способу голосованія по трибамъ. Притомъ, въ силу своей автономіи, они имѣли возможность руководствоваться исключительно только своими соображеніями и интересами. Въ виду этого, для нихъ и оказалось возможнымъ поставить во главѣ организаціи плебейскихъ собраній четыре городскія трибы, состоявшія цѣликомъ изъ плебеевъ, къ которымъ примыкали части сельскихъ трибъ, насколько въ ихъ составъ входили и плебеи—землевладѣльцы [78]). Имъ даже и не нужно было организовать городскія трибы заново, спеціально для этой цѣли, такъ какъ невозможно думать, что Сервій Туллій, вводя подробную и сложную организацію для земледѣльческихъ трибъ, оставилъ безъ всякой организаціи промышленное и торговое населеніе обширной столицы Тарквиніевъ. Рядомъ съ сельскими трибами, несшими всю тяжесть расходовъ по вооруженію и содержанію военныхъ центурій, пропорціонально своему поземельному имуществу, безземельные представители городскихъ профессій не могли быть освобождены отъ всякаго податнаго обложенія. Но, въ то время какъ матеріальная повинность сельскихъ трибуловъ легко поддавалась учету по количеству югеровъ земли согласно даннымъ, добытымъ во время ценза, имущественное положеніе городскихъ ремесленниковъ и торговцевъ нуждалось въ иномъ опредѣленіи. Такъ какъ форма поземельнаго трибута для нихъ была невозможна [79]), то оставалось только установить личную подать (aes) для снаряженія и содержанія четырехъ центурій мастеровъ и музыкантовъ. А разъ это дѣло находилось въ тѣсной связи съ остальной организаціей Сервія Туллія, то естественно предположить, что, наравнѣ съ сельскими трибулами, къ цензу призывались также и городскіе эраріи для опредѣленія ихъ личной подати соотвѣтственно ихъ имущественному положенію. Слѣдовательно, подобно спискамъ сельскихъ трибуловъ, съ самаго же начала должны были существовать и цензорскіе списки городскихъ

---

[78]) Патриціи исключались изъ плебейскихъ собраній. Къ кліентамъ плебеи были снисходительнѣе и, наконецъ, совсѣмъ приняли ихъ въ свою среду.

[79]) Этимологическое привлеченіе слова tributum для объясненія названія tribus въ замѣткѣ Ливія (1, 43, 13) о городскихъ трибахъ самъ авторъ отмѣчаетъ, какъ личную свою догадку (ut ego arbitror).

эраріевъ. Для упорядоченія этого дѣла, Сервій и могъ, параллельно съ раздѣленіемъ земледѣльческой области на 15 трибъ, воспользоваться дѣленіемъ города на 4 участка, восходящимъ въ своихъ основаніяхъ еще къ предшествовавшимъ временамъ, какъ видно изъ того, что собственная территорія четырехъ regiones, обнесенная чертою священнаго померія, была значительно меньше территоріи, окруженной стѣнами Сервія. Въ противоположность къ религіозному значенію померія, дѣленіе Сервія имѣло исключительно практическое значеніе. Поэтому его дѣленіе должно было охватывать всю городскую территорію. Воспользовавшись старымъ дѣленіемъ города внутри померія, Сервій долженъ былъ пріобщить къ этимъ четыремъ участкамъ также и смежныя окраины, вошедшія въ черту городскихъ укрѣпленій. По отношенію къ Эсквилину это засвидѣтельствовано Ливіемъ [80]), а относительно плебейскаго Авентина можно предположить, что для цѣлей ценза эта гора пріобщена была къ сосѣдней regio Palatina, вслѣдствіе чего потомъ палатинская триба и числилась на второмъ мѣстѣ, вслѣдъ за чисто плебейской Субурой. Такимъ образомъ можно понять, почему Сервій считался съ одной стороны инціаторомъ дѣленія города на 4 части, а съ другой — основателемъ 4 городскихъ трибъ. Послѣднее дѣло можетъ принадлежать ему всецѣло, первое же лишь отчасти, насколько оно касалось ценза.

Въ связи съ цензомъ городскія трибы могли, такимъ образомъ, существовать еще со временъ Сервія. Но это не были трибы въ полномъ смыслѣ, а только четыре группы городскихъ эраріевъ въ цензорскихъ спискахъ. Соотвѣтственно этому, онѣ даже и не назывались трибами [81]), по крайней мѣрѣ, въ офиціальной терминологіи, какъ нужно полагать на основаніи терминовъ tributum (заимообразные взносы землевладѣльческихъ трибъ) и tribu movere (=aerarium facere). Значеніе трибъ, аналогичное значенію сельскихъ трибъ въ процедурѣ голосованія комицій, городскія трибы пріобрѣли впервые въ трибутскихъ concilia plebis, что, по анналистической хронологіи, произошло въ 471 году по предложенію трибуна Волерона Публилія [82]), проведенному, конечно, въ concilium plebis. Когда же по этому образцу

---

[80]) Liv. 1, 44, 3: inde deinceps *auget* Esquilias.

[81]) Заявленіе Ливія (1, 43, 13): partes eas tribus appellavit являются анахронизмомъ, противорѣчащимъ указанію самого Ливія (9, 46, 14), что терминъ „tribus urbanae" установился только со временъ цензуры Фабія.

[82]) Liv. 2, 56, 2: ut plebei magistratus tributis comitiis fierent. Во время суда надъ Коріоланомъ плебеи голосовали въ такомъ случаѣ еще по куріямъ.

нѣсколько времени спустя, съ 454 года, голосованіе по трибамъ начало входить въ употребленіе и въ комиціяхъ populus'а (сперва только для штрафныхъ процессовъ подъ предсѣдательствомъ эдиловъ, а вскорѣ послѣ этого и для квесторскихъ выборовъ), то въ *этихъ* комиціяхъ могли участвовать только тѣ, которые входили въ составъ центуріатскаго populus (=exercitus), т. е. одни только представители классовъ, или, иначе говоря, одни только трибулы земледѣльческихъ трибъ. Такимъ образомъ, въ трибутскихъ собраніяхъ плебса было четырмя голосами больше, чѣмъ въ трибутскихъ комиціяхъ populus'а (на первыхъ порахъ 21 : 17, въ вѣкъ цензоровъ Аппія и Фабія 31 : 27). Число голосовъ въ обоихъ разрядахъ собраній было сравнено только въ 304 году цензоромъ Фабіемъ Максимомъ, послѣ того какъ еще цензоръ Аппій Клавдій въ 312 году предоставилъ всѣ права сельскихъ трибуловъ также и городскимъ эраріямъ путемъ причисленія ихъ къ сельскимъ трибамъ по ихъ собственному выбору. Цензоръ Фабій, возвративъ бывшихъ эраріевъ обратно въ городскія трибы, сохранилъ за ними всѣ пріобрѣтенныя, благодаря Аппію, права, вслѣдствіе чего городскія трибы получили мѣсто въ комиціяхъ populus'а, наравнѣ съ сельскими трибами. Съ тѣхъ поръ названіе tribus присвоено было офиціально также и городскимъ трибамъ [83]), послѣ того какъ уже и раньше онѣ могли такъ называться abusive, подобнымъ образомъ какъ и concilia plebis нерѣдко величаются именемъ comitia tributa.

И. Нетушилъ.

---

[83]) Liv. 9, 46, 14: omnem forensem turbam in quattuor *tribus* coniecit *urbanasque* eas appellavit.

Содержаніе

ТРИСТА-СОРОКЪ-ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(іюль и августъ 1902 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Положенія о стипендіяхъ и преміяхъ при заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Стран.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ Общемъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 14-го февраля 1902 г. возобновленъ конкурсъ на премію имени почетнаго опекуна гофмейстера *Г. П. Алексѣева*, учрежденную 2-го марта 1875 г.

Премія въ 300 р. (со всѣми наросшими со времени ея учрежденія процентами) [1]) присуждается и выдается тому, кто представитъ обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія „Червонной и Угорской Руси“ (Галицкой, Угорской и Буковинской) въ отношеніяхъ политическомъ, религіозномъ, экономическомъ (за послѣднее время) и пр., при чемъ, конечно, больше вниманія должно быть обращено на тѣ стороны и періоды въ историческихъ судьбахъ заграничной Руси, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились съ одной стороны упадокъ національной ея жизни, а съ другой и подъемъ народнаго русскаго духа. Предлагаемому очерку слѣдуетъ предпослать указатель источниковъ и пособій. Къ сочиненію должна быть приложена карта заграничной Руси.

Сочиненія на вышеизложенную тему должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества на русскомъ языкѣ, не позже 14-го февраля 1904 г., съ обозначеніемъ полнаго имени автора или (по его желанію) съ обозначеніемъ его девиза, помѣщеннаго какъ въ особомъ, приложенномъ къ рукописи пакетѣ (вмѣстѣ съ именемъ), такъ и на самой рукописи.

По присужденіи Совѣтомъ Общества, въ торжественномъ Общемъ Собраніи членовъ Общества 14-го февраля 1905 года, преміи за „лучшее сочиненіе“, премія будетъ выдана автору или его законнымъ наслѣдникамъ, но не издателямъ и не книгопродавцамъ, отнюдь не позже мѣсяца спустя по присужденіи ея.

Премированное сочиненіе печатается (въ количествѣ 1.200 экз.) на счетъ Славянскаго Общества, которое изъ всего количества печатаемыхъ экземпляровъ получаетъ въ свое распоряженіе 600 экз., а другіе 600 уступаетъ автору [2]), сохраняющему право на всѣ послѣдующія изданія своего труда.

---

[1]) Въ настоящее время капиталъ по этой преміи возросъ до 747 р. 70 к.

[2]) По соглашенію съ Совѣтомъ Общества авторъ можетъ печатать свое сочиненіе и въ большемъ количествѣ экземпляровъ, но уже на свой счетъ свыше 1.200 экз.

